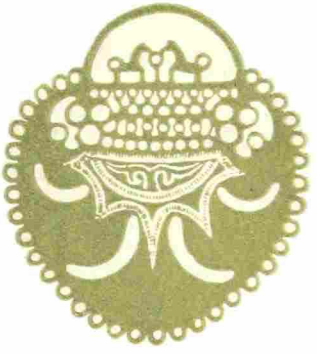
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



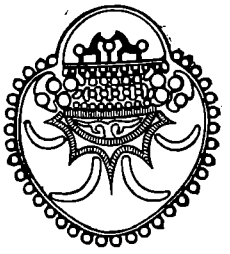
1

1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,

С. Н. Бабиков, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, М. К. Каргер,

Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков,

А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:

Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-15789 Подписано к печати 29/XII 1965 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10¹/₂
Печ. л. 29,4 Уч.-изд. л. 31,1 Тираж 2225 экз. Заказ 3109

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Статьи

Д. Я. ТЕЛЕГИН

МОГИЛЬНИКИ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО*

Более четверти века назад (1930 г.) на Украине был обнаружен и исследован известный Мариупольский могильник, первый крупный по размерам и богатейший по количеству погребального инвентаря неолитический некрополь в пределах Восточной Европы [1]. За истекшие десятилетия количество памятников этого рода на территории Украины значительно возросло. В настоящее время в пределах УССР уже известно около 20 больших и малых могильников, насчитывающих в целом более 700 скелетов [2]. Следует отметить, что такого количества исследованных погребений не знает ни одна культура неолита и энеолита Европы.

Большинство неолитических могильников Украины сосредоточено в районе Днепровского Надпорожья, но за последнее время они обнаружены на Днепре как выше от порогов (Дереивка), так и ниже от них (Лысая гора). Известен один могильник этого типа также на Осколе (Александрия). Таким образом, район распространения могильников охватывает нижнюю часть Поднепровья и Левобережье Украины, т. е. территорию обитания южных племен днепро-донецкой культуры (рис. 1).

Накопившийся материал (количество его продолжает возрастать) позволяет поставить ряд вопросов. После раскопок могильников Никольского, Лысогорского, Дереивского стало возможным говорить о несомненной культурной связи всех неолитических некрополей Поднепровья с Мариупольским могильником, а также о принадлежности всех этих памятников племенам днепро-донецкой культуры, характеризующейся гребенчато-накольчатой керамикой. (До недавнего времени Мариупольский могильник, где не обнаружено керамики, в неолите Украины стоял как-то обособленно.)

Материалы этих могильников дают довольно надежные данные для постановки вопроса об относительной и абсолютной хронологии днепро-донецкого неолита, антропологическом составе носителей этой культуры и, наконец, позволяют высказать ряд соображений относительно места днепро-донецкой культуры среди синхронных культурных явлений Восточной Европы и сопредельных территорий. Излишним было бы подчеркивать значение названных вопросов в изучении неолита Украины, где

---

* Доклад, прочитанный на XI археологической конференции в Киеве 26 апреля 1962 г.

[1] М. Макаренко. Маріупольский могильник. Київ, 1933.

[2] Д. Я. Телегін, М. Ю. Брайчевський. Огляд досліджень стародавніх могильників на Україні за останні роки (1945—1955). Матеріали з антропології України, 1, Київ, 1960.

проблемы периодизации памятников и выделения этнических общностей по существу лишь только ставятся.

В настоящей статье мы позволим себе остановиться на двух основных вопросах в изучении могильников днепро-донецкого типа: на их относительной хронологии и на том месте, которое они занимают среди памятников этого типа Восточной Европы, а также и некоторых территорий Евразии.

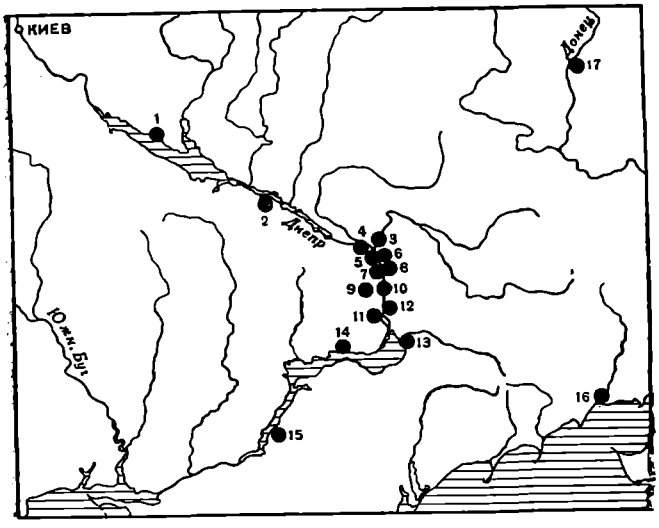


Рис. 1. Могильники днепро-донецкой культуры

1 — Бузьки; *2* — Деревка; *3* — Чапли; *4* — Секля-Каменоломня; *5* — о. Виноградный; *6* — Васильевка 2,5; *7* — Никольское; *8* — Марьевка; *9* — Вовниги 2; *10* — Вовниги 1; *11* — Собачки; *12* — Вильнянка; *13* — Лысая гора; *14* — Капуловка; *15* — Каиры; *16* — Мариуполь; *17* — Александрия

Наиболее важные данные для хронологического расчленения некрополей днепро-донецкой культуры получены при раскопках Вильнянского могильника, где зафиксирована стратиграфия трех разновременных групп погребений. Вильнянский могильник расположен на левом берегу Днепра (оз. Ленина), выше г. Запорожье, вблизи устья балки Вильной. Могильник обнаружен А. В. Бодянским и исследован нами в 1956 г. Всего здесь раскопано 50 погребений вытянутых на спине с плотно прижатыми к туловищу руками.

Могильник, значительная часть которого разрушена размывом, существовал, очевидно, довольно продолжительное время. Не исключена возможность, что площадь могильника, как место погребения покойников, функционировала с некоторым перерывом. По стратиграфическим наблюдениям (рис. 2), особенностям некоторых черт погребального ритуала все погребения могильника делятся на три хронологические группы.

I. Групповые погребения в удлиненных округлых ямах — «гнездах» (28 скелетов). В каждой такой яме залегало по 2—7 скелетов, обычно без следов повреждения при повторных захоронениях. Большинство скелетов посыпано порошком красной охры. Засыпка ямы состоит из гумусированной почвы серого цвета. При многих скелетах найдены украшения в виде подвесок из зубов оленя, зубы рыб, а также мелкие кремневые находки (трапеции, скребочки, пластинки).

II. Коллективные погребения в квадратных ямах (14 скелетов). Многие скелеты, как правило, сильно повреждены при повторных захоронениях. Засыпка ямы вследствие разрушения сильно окрашенных скелетов имеет красный цвет. При некоторых скелетах найдены те же типы украшений, что и при погребениях I группы. Обнаружено также несколько кремневых изделий, в том числе одна трапеция со струганой спинкой.

III. Одиночные погребения в небольших челновидных ямах. Скелеты слегка окрашенные (8 скелетов). Погребения без инвентаря.

Как это видно из плана могильника и его схематического разреза, одиночные захоронения (III группа) перекрывали квадратные ямы со скелетами второй группы, которые, в свою очередь, лежали над погребениями в ямах-«гнездах» (I группа).

Наблюдения за стратиграфией разновременных погребений Вильнянского могильника дополняются данными исследования Никольского некрополя. Никольский могильник расположен на правом берегу Днепра

(оз. Ленина), против бывшего Ненасытецкого порога. Здесь исследованы три разновременные погребальные ямы (Г, В, Б) с вытянутыми на спине погребениями (83 скелета) [3]. В яме Г, которая имела удлиненно-округ-

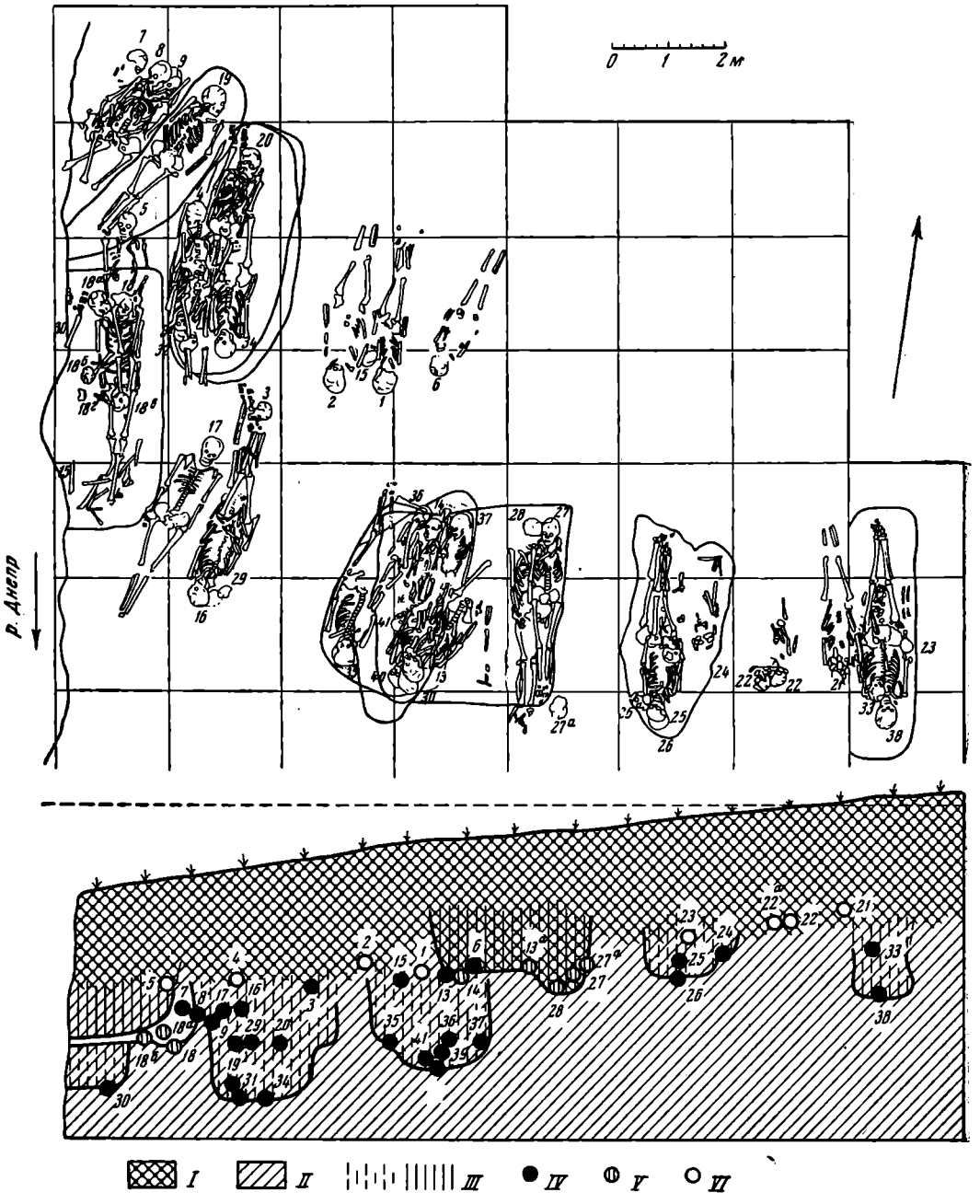


Рис. 2. План погребений и схематический разрез Вильнянского могильника (без погребений 10, 10а, 11, 12)

I — чернозем; *II* — лёсс; *III* — заполнения ям; *IV* — погребения первой группы; *V* — погребения второй группы; *VI* — погребения третьей группы

лые очертания, обнаружено 10 слабо окрашенных погребений, почти лишенных инвентаря. Яма В, прямоугольная в плане и засыпанная красной охрой, включала шесть погребений, из которых лишь два лежали в анатомическом порядке. Инвентаря мало (бусы гешировые, подвески из зу-

[3] Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье. КСИА, 11, 1961.

бов оленя). Яма Б является основной в могильнике. Она имела прямоугольную форму. Ее размеры 2,2 × 1,6 *м*. Со стороны реки к яме вел пологий выход. Яма, которая служила коллективной усыпальницей, очевидно, имела какое-то перекрытие, о чем свидетельствует толстый горелый слой над ней. В яме, сплошь засыпанной порошком красной охры, расчищено 19 погребений, из числа которых лишь четыре лежали в анатомическом порядке. Все остальные сильно повреждены при повторных захоронениях. В засыпке ямы и у входа в нее собрано довольно значительное количество орудий труда и украшений, в том числе две поделки из меди.

Самой древней в могильнике является яма Г, которая частично прорезалась ямой В, а последняя, в свою очередь, перекрывалась краем пожарищного пятна ямы Б.

По типу ям и характеру захоронений ямы Б и В Никольского могильника могут быть синхронизированы со второй группой Вильнянского могильника, а яма Г, очевидно, соответствует погребениям первой группы того же некрополя.

Данные, полученные при исследовании Вильнянского и Никольского могильников, позволяют провести хронологическое расчленение всех некрополей днепро-донецкой культуры на три основных этапа (рис. 3).

К первому этапу относятся групповые погребения в небольших удлиненно-округлых ямах-«гнездах», засыпанных обычной гумусированной почвой (Вильный — I группа, Марьевка [4], Васильевка II [5], Собачки — нижние погребения [6], Вовниги II [7] и др.).

Для могильников второго этапа свойственно наличие больших коллективных усыпальниц в виде ям прямоугольной формы, засыпанных землей, смешанной с охрой. К концу этапа некоторые из усыпальниц, очевидно, приобретают перекрытие, а покойники сопровождаются инвентарем (Мариуполь, Никольское, Вовниги I [8], Лысая гора [9], Вильнянский — II группа, Дереивка [10]).

Погребения третьего этапа одиночные, залегающие на площади могильника в индивидуальных ладьевидных ямах (Вильнянский — III группа, Чаплинский [11] и др.).

Приведенное хронологическое расчленение могильников днепро-донецкой культуры, основанное на стратиграфических наблюдениях, в известной степени подтверждает периодизацию этих памятников, проведенную по типологическим признакам В. Н. Даниленко и А. Д. Столяром [12].

Абсолютный возраст могильников днепро-донецкой культуры устанавливается прежде всего посредством синхронизации их с памятниками Триполья. Благодаря находке в комплексе Никольского могильника трипольского сосудика типа Борисовки [13] в настоящее время наилучшим образом датируются коллективные усыпальницы второго этапа, которые, по-видимому, синхронны Триполью А. По новым датировкам трипольской

---

[4] О. В. Бодянський. Розкопки Мар'ївського та Федорівського могильників у Надпоріжжі. АП, VI, Київ, 1956.

[5] Раскопки А. Д. Столяра 1953 г. Материалы не опубликованы.

[6] Раскопки А. В. Добровольского, 1928. Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 35.

[7] М. Я. Рудинский. Вовнигские поздненеолитические могильники. КСИА, 4, 1955.

[8] М. Я. Рудинський. Перший Вовнизький пізньонеолітичний могильник. АП, VI.

[9] А. В. Бодянский. Лысогорский неолитический могильник. КСИА, 11.

[10] Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 года. КСИА, 12, 1962.

[11] А. В. Добровольский. Могильник в с. Чаплі. «Археологія», IX, 1954.

[12] А. Д. Столяр. Мариупольский могильник как исторический источник. СА, XXIII, 1955, стр. 33.

[13] Д. Я. Телегин. Никольский могильник..., рис. 3, *4*

Время	Этапы мог-в	Надпорожье	Другие территории Украины	Тип погребений	Инвентарь
Энеолит	III	Чапли (I) Вильный (III) Собачки (верхн. погр.)	Александрия (I) Дериевка (один. погр.)	Одиночные могилы	
Неолит	II	Никольский (яма В, Б) Вовниги 1 Васильевка 5 Вильный (II)	Лысая Гора Мариуполь Дериевка (груп. погр.)	Коллективные усыпальницы	
	I	Никольский (яма Г) Вовниги 2 Вильный (1) Васильевка 2 Собачки (нижн. погр.) Марьевка Скеля-Каменоломня		Групповые захоронения в овальных ямах-„гнездах"	
Мезолит		Васильевка 3 (верх. погр.)			

Рис. 3. Этапы в развитии могильников днепро-донецкой культуры

культуры [14] — это примерно первая половина — середина IV тысячелетия до н. э. Раскопки последних лет на Капуловском могильнике, где при одиночных скелетах обнаружены сосуды среднестоговской культуры [15], позволяют датировать III группу рассмотренных могильников временем Триполья В/1, т. е. относить их ко второй половине IV — началу III тысячелетия до н. э.

Несколько сложнее обстоит вопрос с определением возраста погребений первого этапа днепро-донецкой культуры, которые, будучи древнее коллективных усыпальниц второго этапа, хронологически, по всей видимости, уходят полностью к началу IV тысячелетия до н. э.

Таким образом, период существования могильников днепро-донецкой культуры охватывает в целом время от V до начала III тысячелетия до н. э.

Основные черты погребального ритуала могильников днепро-донецкой культуры состоят в следующем: а) коллективный характер могил, б) погребение покойников в вытянутом положении, в) наличие охры, г) малое количество погребального инвентаря и полное отсутствие среди приношений сосудов.

Особенность обряда коллективных могил заключается в том, что в одной и той же яме осуществлялись многократные разновременные захоронения покойников. В результате этого возникли коллективные усыпальницы, насчитывающие иногда десятки скелетов, которые залегают в одной яме в несколько рядов и ярусов. На таких могильниках, расположенных обычно за пределами поселений, соблюдается принцип расположения погребальных ям в один или несколько рядов.

Положение покойников всегда вытянутое на спине, ноги прямые, обычно плотно сведены вместе, руки лежат вдоль туловища, плотно прижаты к нему.

Почти всегда покойники днепро-донецкой культуры посыпаны порошком охры. В коллективных усыпальницах вся засыпка ям имеет нередко красный цвет. При скелетах первого этапа находки, намеренно положенные покойникам, не встречаются. Здесь отмечены лишь украшения из зубов рыб и оленя, а также мелкие кремневые поделки. К концу этого этапа (Мариуполь, Никольское, Лысогорский могильник), возможно, уже возникает обычай класть покойникам некоторый инвентарь — орудия труда, но ни в одном случае не отмечено наличие сосудов. Горшки Никольского, Лысогорского, Дареивского могильников принесены к месту погребений не как погребальный инвентарь, а были использованы здесь с какой-то ритуальной целью. Все они разбиты в древности.

Обряд коллективных погребений, засвидетельствованный у племен днепро-донецкой культуры, почти совершенно неизвестен в других синхронных культурах близлежащих территорий. Обряд вытянутых на спине захоронений встречается лишь в культурах неолита и раннего металла более северных территорий Евразии. Для неолитических могильников лесной полосы Восточной Европы (Языково [16], Караваиха [17], Гавриловка [18]) и Карелии (Олений остров [19]) типичны индивидуальные вытянутые на спине захоронения. Лишь на стоянке Володари были обнаружены две групповые могилы с двумя и тремя скелетами одновременных захоронений [20]. Некоторое число парных (16) и тройных (3) зафиксировано в Оле-

---

[14] T. Passek. Relations entre l'Europe occidentale et l'Europe orientale a l'epoque neolithique. VI congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques, 1962, стр. 15, 16.

[15] Исследования О. Г. Шапошниковой в 1962 г.

[16] О. Н. Бадер. Археологические работы в Языково. АЖ, 1936.

[17] А. Я. Брюсов. Отчет о раскопках 1938—1939 гг. Тр. ГИМ, XII, 1941.

[18] И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником. КСИИМК, XVII, 1947.

[19] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956.

[20] И. К. Цветкова. Стоянка Володари. КСИИМК, XX, 1948.

неостровском могильнике. Среди общего числа вытянутых погребений (177) этого могильника обнаружено лишь пять скорченных скелетов.

Неолитические могильники Прибалтики[21] (Тамула, Крейчи) содержат также вытянутые на спине одиночные погребения. Здесь изредка встречаются скорченные скелеты. Могилы разбросаны без определенного плана. Индивидуальные вытянутые на спине погребения известны в культуре Эртебелле[22]. Из более поздних могильников северной части Средней Европы с вытянутыми одиночными скелетами следует упомянуть некрополи у Осторфа[23], Вестербьерса[24], Тангермюнде[25] и др.

Неолитические погребения в Заволжье неизвестны, в Зауралье и Южной Сибири — изучены слабо. В исследованных здесь могильниках — Томском, Кузнецком, а также в пещерах Южного Урала погребения обычно одиночные, вытянутые на спине[26]. В Кузнецком могильнике — две парные могилы.

В Прибайкалье в настоящее время известно более 200 могильников, преимущественно небольших (Исаковский, Серовский, Китойский, Глазковский и др.). Как правило, это одиночные могилы, реже парные и лишь в одном случае (Пономарева) отмечено тройное захоронение. Скелеты лежат в вытянутом положении на спине. В китойское время появляются отдельные скорченные захоронения[27].

Для культур эпохи неолита и раннего металла более южных и юго-западных территорий Европы и Азии также характерны одиночные могилы, но скелеты здесь залегают, как правило, в скорченном на боку положении.

Обобщив материалы более двух десятков могильников дунайской культуры, Д. Кальке пришел к выводу, что типичными для этой культуры являются одиночные скорченные на боку погребения (Зондергайзен, Фломборн и др.)[28]. Лишь в могильниках северо-западной Германии, в частности в Эльзасе, известны небольшие групповые захоронения (Энцгейм, четыре скелета в вытянутом положении). М. Стекла также отмечает, что в Чехии и Словакии вытянутые погребения культуры ранней линейно-ленточной керамики неизвестны[29]. Лишь во второй фазе развития дунайской культуры (накольчатая керамика) в северной части Центральной Европы появляются погребения в вытянутом положении (Гинкельштейн).

К югу от Карпат, на Нижнем и Среднем Дунае, на Балканах в рассматриваемое время также господствует обряд скорченных одиночных погребений. Так хоронили своих покойников люди культуры Криш-Старчево (Сараорси) и Винча (Ботош). Лендель (Зенковаргони), Боян, Караново, Гумельница (Русе, Кубрат). Среди погребальных памятников Балкан особняком стоит лишь могильник культуры Гаманджия, где отмечены

---

[21] L. Jaanits. Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland. SMYA, 58, Helsinki, 1957; F. Zagorskis. Kreiču neolita Kapulauks. Сб. «Arheologija un etnografija», III, Riga, 1961.

[22] RE, 3, Berlin, 1925, стр. 120.

[23] E. Schuldt. Neue Ausgrabungen auf dem neolithischen Flachgräberfeld von Ostorf, Kr. Schwerin, Ausgrabungen und Funde, 7, 4, Berlin, 1962.

[24] M. Stenberger. Östlicher Einfluss in der schwedischen Wohnplatzkultur der jungeren Steinzeit. «Swiatowit», XXIII, Warszawa, 1960.

[25] K. Schwarz. Bericht über die Bodendenkmalpflege in Sachsen — Anhalt für das Jahr 1947. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, 33, 1949, Halle/Saale.

[26] М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, 24, 1952; Н. А. Чернышев. Кузнецкий неолитический могильник. МИА, 39, 1952. С. Н. Бибиков. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала, СА, XIII, 1950.

[27] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950.

[28] D. Kahlke. Die Bestattungssitten des Donauländischen Kulturkreises der jüngeren Steinzeit, I, Berlin, 1954.

[29] M. Stekla. Pohřby lidy s volutovou a vypichanow keramikou. Archeologické rozhledy. VIII, Praha, 1956, S. 5.

вытянутые погребения, залегавшие, видимо, в коллективных ямах [30]. Погребения культуры крашеной керамики Кукутени-Триполье изучены слабо. По имеющимся данным (Троян-Занешти, Незвиско, Веремье, Выхватинцы), здесь преобладал обряд одиночных, скорченных на боку, реже на спине погребений [31].

В Анатолии для времени неолита и халколита (IV—III тысячелетия до н. э.) известно более 10 могильников (Мерсин, Алишар, Алатлибель, Бабакой и др.). Погребения одиночные, лишь в шести-семи случаях отмечены парные, скорченные, на правом или левом боку, редко — на спине. Среди всей массы скорченников в Анатолии Т. Озгюч выделяет всего 2% вытянутых захоронений (Текекой, Кум-Тепе) [32].

У племен и народностей стран Переднего Востока (Месопотамия, Сирия, Палестина) в эпоху неолита и медного века покойников обычно хоронили в одиночных могилах в сосудах (Рас-Шамра, Библ) или без них в грунтовых ямах (Тель-Халаф, Самарра, Тепе-Гавра и др.), как правило, в скорченном положении на боку. Лишь в обеидский период (Эриду, Арпачия) отмечаются вытянутые одиночные захоронения.

В неолите Египта известны только индивидуальные скорченные на боку погребения (Бадари, Меримде).

В Закавказье неолитические могильники неизвестны. Погребения Куро-Аракского энеолита (Мингечаур, Триалети, Кикеты) одиночные, скорченные на боку. Лишь в отдельных случаях (Степанакерт) отмечаются, по-видимому, коллективные захоронения. Скорченные погребения в групповых могилах известны по Эшерским дольменам Абхазии. На Северном Кавказе в энеолитическую эпоху наряду с преобладающими скорченными погребениями (Нальчик, Майкоп) известные единичные вытянутые захоронения (Луговое). Все могильники Северного Кавказа состоят из одиночных захоронений.

Неолитические могильники в Средней Азии не обнаружены. Земледельческие племена энеолитического времени (IV—III тысячелетия до н. э.) хоронили покойников на поселениях в отдельных ямах. Скелеты скорченные, на боку (Намазга-Тепе, Кара-Тепе и др.). Аналогичные явления наблюдаются и в Иране (Сиалк, Гиссар).

Таким образом, по обряду вытянутости захоронений днепро-донецкие могильники полностью входят в северный пояс неолитических культур, охватывающих Прибалтику, Восточную Европу, Урал, Южную Сибирь и Прибайкалье. Они, следовательно, по этому признаку коренным образом отличаются от могильников V—III тысячелетий до н. э. со скорченными скелетами более южных и юго-западных областей Европы и Азии.

Выше отмечалось, что могильникам днепро-донецкой культуры свойственна сильная окрашенность скелетов охрой и малое количество инвентаря при них, в частности полное отсутствие здесь сосудов.

Применение охры и снабжение покойников погребальным инвентарем, в частности сосудами,— черта ритуала, довольно широко известная в культурах неолита — эпохи меди Старого Света. Они, однако, проявляются далеко не повсеместно.

Для культур северной зоны наличие красной краски в могильниках засвидетельствовано у племен ямочно-гребенчатой керамики лесной по-

---

[30] D. Berciv. Une civilisation neolitique résemment decouverte en Roumanie: la civilisation de Hamangia. Десятый Международный конгресс историков в Риме. Бухарест, 1955.

[31] Т. Г. Мовша. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения. Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и РНР. Кишинев, 1960; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961.

[32] T. Özgüç. Die Bestattungsbrauchhe im vorgeschichtichen Anatolien. Ankara, 1948.

лосы (Володари, Караваиха), в Прибалтике (Крейчи), на Оленьем острове, в могильниках Прибайкалья (Китойский и др.). Но чем южнее, тем количество погребальных памятников с охрой значительно сокращается. Красная краска еще применялась при погребениях людей дунайской культуры. Известна она на Северном Кавказе (Нальчик). Но уже племена лендельской культуры покойников, по-видимому, не окрашивали совсем. Не применялась охра также и при погребениях раннего и среднего триполья. Нет упоминаний об охре в Ботоше. На Балканах встречаются лишь единичные окрашенные скелеты в могильниках времени Боян-Гумельница (Русе). В Анатолии красная краска при погребениях неолита и энеолита отмечена всего два раза (Мерсин, Тильке-Тепе).

В странах Двуречья и Закавказья, Средней Азии и в Египте красная охра при погребениях обычно не встречается. Известна она лишь в одном могильнике Ирана (Сиалк).

Совершенно противоположное явление наблюдается при рассмотрении вопроса о погребальном инвентаре. В могильниках неолита и раннего металла более северных районов, в Прибалтике, лесной зоне Восточной Европы, на Урале и Южной Сибири сосуды при погребениях неизвестны. Нет их и в более ранних могилах Прибайкалья. Без сосудов были погребения Нальчикского и Луговского могильников. Но в культурах более южных территорий обычай ставить покойникам сосуды возник с начала неолита. Сосуды сопровождают погребения дунайцев, они есть в культурах энеолита Балкан, Правобережья Украины, а также в могилах Двуречья, Закавказья и Средней Азии. То же отмечается и для культур Египта.

Следовательно, для могильников более северных районов свойственно применение при похоронах красной охры и отсутствие среди погребального инвентаря сосудов, а погребальным ритуалом южного населения, наоборот, предусматривается снабжение покойников сосудами, но применение здесь охры не является обязательным. Некоторое исключение из этого правила объясняется, очевидно, фактом смешанности культурных явлений, о чем мы скажем ниже.

Антропологический состав населения днепро-донецкой культуры довольно однообразный. По определению Г. Ф. Дебеца, М. М. Герасимова и др., это были высокорослые широколицые люди позднекроманьонского типа. Они в известной мере отличались от носителей культур ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского бассейна и Прибалтики, а также от населения Прибайкалья, где отмечаются следы влияния монголоидных элементов. С другой стороны, люди днепро-донецкой культуры отличаются также и от племен южного культурного пояса (Триполье, дунайская культура, культуры Балкан, Средиземноморья и Средней Азии), которые принадлежали к различным вариантам средиземноморского расового типа.

Пытаясь определить культурно-историческое место могильников днепро-донецкого типа на этно-культурной карте Восточной Европы и соседних территорий, мы должны исходить из факта наличия здесь в неолитическое время двух больших культурно-этнографических поясов — северного и южного (рис. 4).

Для могильников северного пояса, охватывающего север Центральной Европы, почти всю Восточную Европу, Урал, Южную Сибирь и Прибайкалье, характерны следующие черты погребального ритуала: а) вытянутый обряд погребений, б) наличие в отдельных культурах коллективных могил, в) применение охры, г) отсутствие среди погребального инвентаря сосудов.

Могильники Южного пояса (Центральная Европа, Балканы, Правобережье Украины, Анатолия, Кавказ, Средняя Азия и более южные области) характеризуются наличием скорченных погребений, залегающих в грунтовых ямах или в сосудах часто на площади поселений. Покой-

ников почти не посыпали охрой; но в этих областях рано появляются погребальные сосуды.

Могильники некоторых культур Центральной Европы (дунайская), Балкан (Гаманджия) и Кавказа (Нальчик, Степанакерт), расположенные на стыке двух больших культурно-этнографических миров, нередко

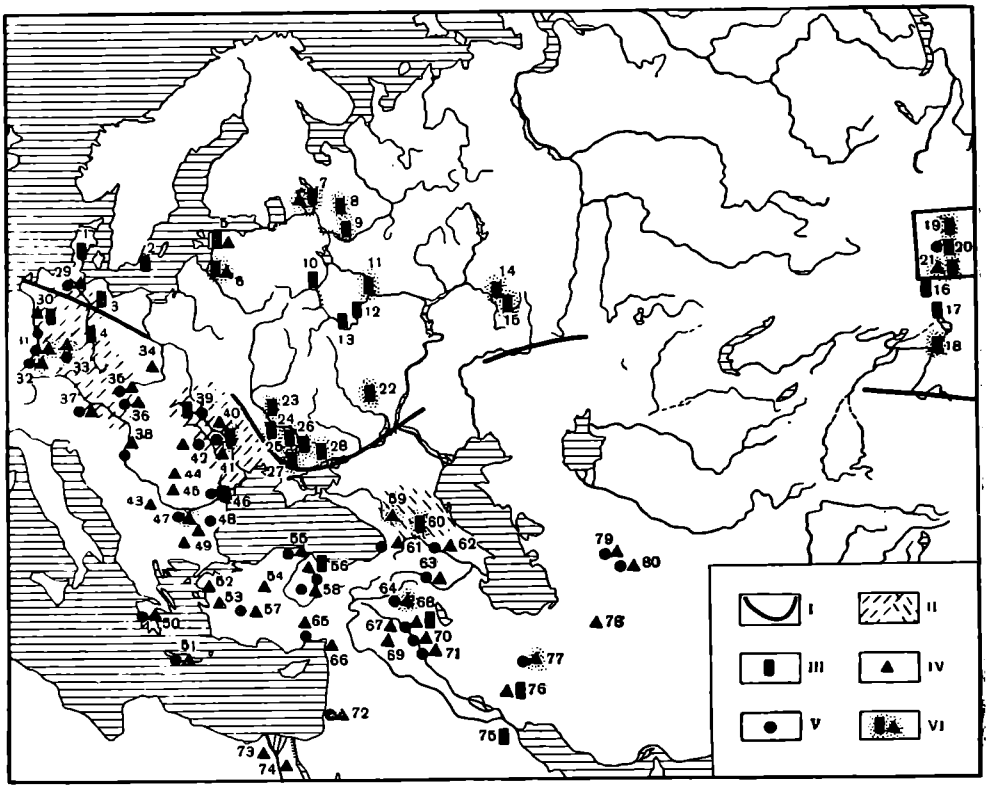


Рис. 4. Могильники эпохи неолита — раннего металла Восточной Европы и смежных территорий

I — граница распространения могильников северного и южного поясов; *II* — территории заимствований и смешивания отдельных черт погребального ритуала; *III* — могильники с погребенными в вытянутом положении; *IV* — погребенные в скорченном положении; *V* — сосуды при погребениях; *VI* — погребения с охрой.

1 — Эртебелле; *2* — Вестербьерс; *3* — Осторф; *4* — Тангермюнде; *5* — Тамула; *6* — Крейчи; *7* — Олений остров; *8* — Кубенино; *9* — Караваиха; *10* — Языково; *11* — Володары; *12*—Гавриловка; *13*—Панфилы; *14*—Бурановская пещера; *15*—Старычный камень; *16*—Томск; *17* — Кузнецк; *18* — Ян-Улаган; *19—21* — могильники Прибайкалья; *22* — Александрия; *23* — Бузьки; *24* — Дереивка; *25—26* — могильники Надпорожья; *27* — Лысая гора; *28* — Мариуполь; *29* — Мегалиты, *30* — Энгем; *31* — Котценгейм; *32* — Фломборн; *33* — Зондергаузен; *34* — Иголомия; *35* — Забродовицы; *36* — Подохов; *37* — Клайн Гадерсдорф; *28* — Зенковаргони; *39* — Незвиско; *40* — Выхватинцы; *41* — Солончены; *42* — Троян; *43* — Винча; *44* — Ботош; *45* — Пуштаиншвангаза; *46* — Гаманджия; *47* — Русе; *48* — Кубрат; *49* — Караново; *50* — Зигурия; *51* — Кумакс; *52* — Троя I; *53* — Бабакой; *54* — Алатлибель; *55* — Келедоруг; *56* — Тетекой; *57* — Касура; *58* — Алишар; *59* — Нальчик; *60* — Луговое; *61* — Эшеры; *62* — Мингечаур; *63* — Степанакерт; *64* — Тильке-Теле; *65* — Мерсин; *66* — Рас-Шамра; *67* — Хасуна; *68* — Гавр; *69* — Халаф; *70* — Арпачина; *71* — Самарра; *72* — Библ; *73* — Меримде; *74* — Бадари; *75* — Эль-Обеид; *76* — Сузы; *77* — Сиалк; *78* — Гиссар; *79* — Кара-Тепе; *80* — Намазга-Тепе

включают черты погребального ритуала как северного, так и южного поясов.

Исходя из изложенного выше, мы можем говорить о принадлежности могильников днепро-донецкой культуры к северному «Европейско-Сибирскому» поясу, где они, находясь в культурной области с характерной гребенчато-накольчатой керамикой, составляют своеобразную самостоятельную группу могильников днепро-донецкого типа. По наличию коллективных усыпальниц, заполненных рядами вытянутых на спине и засыпанных охрой скелетов, при которых отсутствуют сосуды, могильники днепро-донецкой культуры аналогичны могильникам неолита и энеолита Восточной Европы и сопредельных территорий.

Выводы о выделении двух больших культурно-этнографических поясов в пределах Восточной Европы и сопредельных территорий и о месте могильников днепро-донецкого типа, сделанные на основе анализа погребального ритуала, находят подтверждение также и в иных археологических и антропологических источниках — керамике, типе хозяйства, краниологии и т. п., на чем мы здесь подробно останавливаться не будем. Отметим лишь, что наш северный пояс — это мир северных европеоидов, кромальонцев и монголоидов, преимущественно охотников, собирателей и рыболовов с примитивной керамикой, обычно украшенной различными штампами. На юг и юго-запад от этого населения обитали многочисленные средиземноморские племена ранних земледельцев с высокоразвитой керамикой, украшенной чаще всего прочерченным, иногда расписным орнаментом, включающим композиции меандра, спирали и т. п.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о предположительных путях сложения могильников днепро-донецкого типа и о их судьбе в послеенеолитическое время.

В палеолите и мезолите Восточной Европы коллективные усыпальницы неизвестны. Рассмотренная группа могильников днепро-донецкого типа сложилась на Днепре среди местного неолитического населения. Начало этого процесса следует относить, по-видимому, к концу мезолитического времени (Васильевка 3 — верхние погребения), когда сюда распространились кроманьонские племена.

В конце неолита — начале эпохи металла происходит изменение могильников днепро-донецкого типа, обряд коллективных усыпальниц быстро заменяется индивидуальными захоронениями, сначала вытянутыми, а затем, в раннеямное время, скорченными на спине. Проявляется обряд сопровождать покойников посудой. Надо полагать, что решающее значение в этом имело культурное влияние племен южного происхождения, очевидно, среднестоговских, трипольских и других, для которых эти черты погребального ритуала были обычны издревле.

Таким образом, становление обряда «скорченных и окрашенных костяков», господствующего в эпоху бронзы на широких пространствах степной зоны Европы и Азии, следует рассматривать как результат слияния местных европейско-сибирских неолитических традиций (посыпание покойника охрой) и черт погребального ритуала (скорченность погребенных, наличие сосудов), свойственных более южным энеолитическим культурам

Г. Ф. ДЕБЕЦ

ФИЗИЧЕСКИЙ ТИП ЛЮДЕЙ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

При раскопках могильников днепро-донецкой культуры было обращено внимание и на сохранение человеческих скелетов. Этот материал оказался в высшей степени интересным. Дело, правда, не в том, что антропологические данные об этих скелетах уже сейчас дают нужные для историка указания. Речь идет скорее о возникновении новых вопросов, для разрешения которых необходима длительная совместная работа антропологов и археологов.

Кости людей днепро-донецкой культуры необыкновенно массивны. Они длинные и главное очень толстые (табл. 1). Толщина костей жен-

Таблица 1

Средние величины основных размеров трубчатых костей днепро-донецкой культуры
(Могильники Вовнигский, Вольненский, Васильевский II и Дереивский)

Трубчатые кости	Мужские	Женские
Бедренная кость		
Наибольшая длина (1)	47,19 (35)	43,88 (19)
Окружность посередине (8)	9,86 (35)	8,66 (20)
Большая берцовая кость		
Полная длина (1)	39,80 (24)	36,28 (13)
Наименьшая окружность (10в)	8,39 (25)	7,54 (13)
Плечевая кость		
Наибольшая длина (1)	33,92 (22)	32,01 (10)
Наименьшая окружность (7)	7,28 (26)	6,48 (11)
Лучевая кость		
Наибольшая длина (1)	26,21 (19)	23,71 (9)

Примечание. Все размеры по правой стороне. В случае отсутствия или дефекта правой кости взяты размеры левой с поправкой на асимметрию.

ских скелетов в среднем больше, чем толщина костей современных русских мужчин. В таких случаях всегда возникает вопрос: не сказывается ли на полученных средних величинах «посмертный отбор», т. е. не попадают ли антропологу только наиболее крепкие кости, лучше противостоящие разрушительному действию времени? Действительно, чтобы получить серию со средними величинами, найденными на скелетах днепро-донецкой культуры, из серии современных скелетов русских достаточно отобрать 5%. В нашем распоряжении были кости 60 скелетов. В могильниках днепро-донецкой культуры раскопано, правда, меньше, чем 1200 погребений взрослых, но все же несколько сотен, что составляет величину, соизмеримую с величиной, необходимой для гипотезы о «посмертном отборе». Таким путем эту гипотезу нельзя, следовательно, полностью отвергнуть. Однако она все же представляется маловероятной на основе ряда соображений.

1. В толстых костях доля органических веществ больше, а доля минеральных соответственно меньше, чем в тонких [1]. Поэтому костное вещество толстых костей должно, по-видимому, скорее разрушаться. Это соображение направлено, таким образом, против самой предпосылки о роли «посмертного отбора» в размерах костей днепро-донецкой культуры.

2. В могильниках других древних культур, где фактор времени должен был также действовать на сохранность костей, далеко не всегда наблюдается такая исключительная массивность в строении скелета. Мы еще вернемся к тому, что кости из мезолитических могильников той же местности, в которой найдено большинство могильников днепро-донецкой культуры, далеко не столь массивны. Скелеты людей неолитического и бронзового времени древней Греции отличаются очень тонким строением [2]. А почти все раскопки могильников Греции носили совершенно грабительский характер по отношению к антропологическому материалу, и «посмертный отбор» должен был, кажется, сказываться еще интенсивнее. Из могильников Хараппы в Индии [3] получено тоже сравнительно мало антропологического материала по отношению к числу раскопанных погребений. Однако сохранившиеся кости гораздо тоньше, чем в могильниках днепро-донецкой культуры, хотя и столь же длинные. Количество подобных примеров можно значительно увеличить.

3. Черепа и особенно нижние челюсти из могильников днепро-донецкой культуры тоже очень велики и массивны. А на сохранение черепов при раскопках обращалось гораздо большее внимание, чем на сохранение других костей скелета, и здесь для подтверждения гипотезы «посмертного отбора» потребовалось бы по крайней мере в десять раз больше черепов, чем было раскопано.

Можно попытаться выяснить, как выглядели при жизни люди днепро-донецкой культуры.

Длина тела (рост) людей находится, конечно, в известном соотношении с длиной трубчатых костей конечностей, особенно нижней. Длина тела зависит также и от длины корпуса. Французские антропологи Фюлли и Пино [4] составили формулы для определения длины тела по костям полного скелета (т. е. с черепом, позвоночником, трубчатыми костями нижней конечности и костями стопы). Если даже сохранились только поясничные позвонки, то и в этом случае длина тела определяется с точностью до 2,5 *см* у двух третей исследованных скелетов. В средних величинах в зависимости от численности серий, точность, конечно, еще больше. Однако позвонки действительно плохо сохраняются в земле. А внимания к ним при раскопках проявляется еще меньше, чем к костям конечностей. Поэтому по отношению к палеоантропологическому материалу для определения длины тела приходится пока довольствоваться трубчатыми костями.

Определением длины тела по длине трубчатых костей начали заниматься больше ста лет назад главным образом в судебно-медицинских целях. Сначала шли по пути выявления процентного отношения длины кости к длине тела. Потом было установлено, что это отношение у высокорослых и низкорослых людей настолько различно, что простое умножение длины кости на тот или иной коэффициент практически почти бесполезно для определения длины тела. Были разработаны таблицы и формулы, учитывающие изменение относительной длины каждой кости. Была достигнута точность индивидуального определения в пределах

[1] П. И. Зенкевич. К вопросу о факторах формообразования длинных костей человеческого скелета. Антропологический журнал, 1937, 1.

[2] J. L. Angel. Skeletal Change in Ancient Greece. AJPA, нов. сер., 4, 1, 1946.

[3] P. Gupta, P. C. Dutta, A. Basu. Human Skeletal Remains from Harappa. ASI, 9, Calcutta, 1962.

[4] G. Fully. Une nouvelle méthode de détermination de la taille. Annales de Médecine Légale, 36, 1956; G. Fully, H. Pineau. Détermination de la stature au moyen du squelette. Там же, 40, 1960.

3,5—4 *см* для двух третей исследованных (и, следовательно, 7—8 *см* для 95% исследованных) [5]. Для достаточно многочисленных серий (из нескольких десятков наблюдений) точность средних величин повышается до 1 *см*, что давало бы вполне показательные результаты, если бы не то обстоятельство, что указанная точность достигается только для той группы, для которой составлена формула. Если же применить, например, формулу, составленную для белых американцев, к американским неграм или наоборот, то получается разница в 5 *см*, которая, конечно, не уменьшится, сколько бы ни увеличилось количество наблюдений. Эти различия в определениях зависят от различий в длине корпуса.

Нет никаких оснований считать, что формулы, составленные для современных европейцев [6], применимы к древним типам европеоидной расы. Эти формулы мало пригодны даже для белых американцев. Пропорции тела далеко не являются признаком, как говорят, первого порядка. Иными словами, пропорции тела различаются у разных групп, относимых к одной «большой расе».

Было замечено, однако, что отношение длины ноги к длине корпуса находится в известной связи с отношением длины голени к длине бедра [7]. Можно, таким образом, косвенно судить о длине корпуса и при отсутствии позвонков. Была составлена единая «дифференцированная формула» определения длины тела по длинам бедренной и большой берцовой костей, пригодная для разных групп с весьма различными пропорциями тела. Как математическая, так и биологическая обоснованность этой формулы в ее теоретической части, мягко выражаясь, оставляет желать лучшего. Практически, однако, она дает гораздо лучшие результаты, чем любая из формул, составленных без учета различий в пропорциях. По нашей формуле [8]

$$\text{длина тела (рост)} = 2{,}244\ FL + a,$$

$$\text{где } a = 69 - |4{,}667\ (0{,}9\ FL - TL - 3{,}91)|;$$

FL — наибольшая длина правой бедренной кости; TL — полная длина большой берцовой кости. Оба размера в сантиметрах. Оба размера описаны под № 1 в известном руководстве Мартина.

По этой формуле длина тела людей днепро-донецкой культуры для мужского пола составляет 169,7 *см*. Примерно такая же величина (171,6 *см*) получается на основании формулы, составленной для американских негров; формулы для белых американцев и для европейцев дают более высокие величины (176,5 и 173,9 *см*). Дело в том, что характерная для негров особенность, а именно большая длина голени по отношению к бедру, выражена у людей днепро-донецкой культуры в еще более сильной степени. Вероятно, поэтому и корпус у них был сравнительно коротким по отношению к длине ног. Это соотношение было проверено на 25 сериях, по которым имелись данные о длине костей и о длине ног у живых. Проверка дала вполне удовлетворительные результаты, хотя сравнивались не одни и те же особи, а лишь одни и те же народы, что должно было уменьшить точность совпадений.

[5] M. Trotter, G. C. Gleser. A Reevaluation of Estimation of Stature Based on Measurements of Stature Taking during Life and of Long Bones after Death. AJPA, нов. сер., 16, 1, 1958.

[6] G. Olivier. L'estimation de la stature par les os longs des membres. BMSAP, серия XI, 4, 1, 1963. Формулы цитированных авторов основаны на сопоставлении длины костей погибших на войне людей с их ростом, измеренным при жизни. Точность этих формул гораздо выше, чем основанных на измерении длины трупов, но можно надеяться, что антропологи больше никогда не будут иметь в своем распоряжении таких данных.

[7] Г. Ф. Дебец. Опыт определения веса живых людей по размерам длинных костей. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

[8] Выражение, заключенное в прямых скобках, берется в абсолютном значении т. е. без учета знака.

Таким образом, люди днепро-донецкой культуры были довольно высокорослы и более длинноноги, чем любой из современных народов Евразии к северу от Гималаев. По отношению длины ног к длине тела они походили скорее на современных меланезийцев или аборигенов Австралии. Нередки такие пропорции тела и в Африке южнее Сахары.

Если длина костей дает основание для суждения о росте и об относительной длине ног, то объем костей дает основание для суждения о среднем весе данной группы. Следует подчеркнуть, что речь идет о средних величинах. У отдельных особей вес в гораздо большей мере зависит от развития жирового слоя, но при сравнении групп эти индивидуальные различия сглаживаются. Групповые различия в соотношении массы жира, мышц и костной ткани гораздо, по-видимому, меньше, чем индивидуальные. Только этим можно объяснить значительное соответствие средних величин объема скелета со средними величинами веса соответствующих групп живых людей.

За условный показатель объема скелета (УПОС) взята сумма произведений квадратов окружностей трубчатых костей на их длины [9]. В основу положена формула объема цилиндра, но коэффициент 4π, на который надо разделить произведение квадрата окружности на высоту, опущен, чтобы избежать лишних вычислений. Это допустимо, поскольку УПОС представляет собой, хотя и именованную (в дальнейшем, в формуле, УПОС выражен в $дм^3$), но по существу все же абстрактную величину. Средняя величина УПОС (в общечеловеческом масштабе) сопоставлена со средней величиной веса тела (у взрослых мужчин), с поправкой на уменьшение удельного веса с увеличением объема кости. Хотя данные, взятые из цитированной работы П. И. Зенкевича, относятся к индивидуальным вариациям, полученные таким путем величины веса оказались все-таки очень близкими к наблюденным у живых людей той же этнической группы, за исключением тех групп, у которых пропорции скелета (т. е. уже упоминавшееся отношение длины нижней конечности к длине тела) существенно отличаются от средней. Этого и следовало ожидать: у длинноногих людей вес тела при равном объеме костей конечностей должен быть меньше. Поэтому в формулу введена еще одна поправка на пропорции. В конечном счете: вес $= [5{,}587$ УПОС $(2{,}04 - 0{,}05$ УПОС$)] + 68{,}28 - 1{,}44\,K$,

где $$K = \frac{FL + TL}{\text{длина тела}} \cdot 100.$$

В окончательном виде при проверке на 25 группах оказалось, что средний вес взрослых мужчин определяется в двух сериях из трех с точностью до 2 *кг* и в 95 сериях из ста с точностью до 4 *кг* (рис. 1).

Средний вес взрослых мужчин днепро-донецкой культуры составлял по этой формуле 75,5 *кг*. Это необыкновенно высокая величина. В настоящее время, если не считать специально отобранных групп (спортсменов и т. п.), такие соотношения роста и веса встречаются только у полинезийцев. Было бы очень интересно узнать, сопровождается ли тяжелый вес полинезийцев значительной толщиной костей или же в данном случае он все-таки зависит преимущественно от развития жирового слоя. К сожалению, в распоряжении автора не было данных о размерах трубчатых костей полинезийцев.

Столь массивные трубчатые кости, как у людей днепро-донецкой культуры, редко встречаются и в древних сериях (рис. 2). Только алтайские афанасьевцы имели еще более массивные кости. По приведенной выше формуле средний вес взрослых мужчин равнялся у афанасьевцев 77,2 *кг* (при росте 174,4 *см*), причем вопрос о «посмертном отборе» в данном

[9] Длины: наибольшая для бедренной и плечевой костей, полная для большой берцовой. Окружности: наименьшая для плечевой и большой берцовой, посередине для бедреной. Все размеры правой стороны.

случае и не встает, потому что скелеты взяты из всех раскопанных погребений, где они были в исключительно хорошей сохранности. Еще более толстые кости происходят с о. Фуэртевентура (Канарские острова) [10], но, как устно сообщила автору проф. И. Швидецкая, в данном случае действительно имел место «посмертный отбор». Любитель древностей,

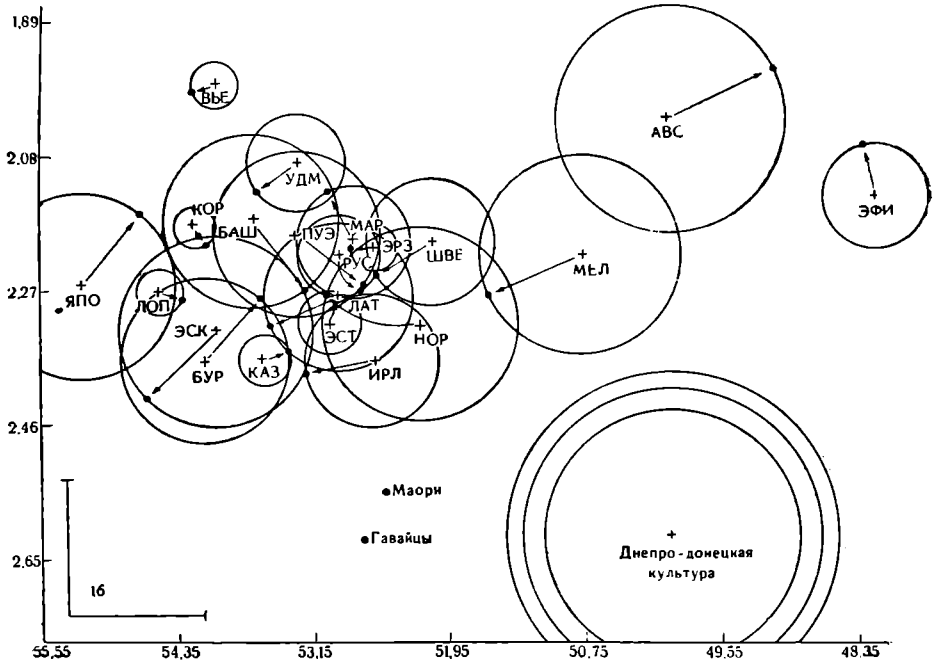


Рис. 1. Отношение веса к квадрату роста (на оси ординат) и отношение роста сидя к росту (на оси абсцисс), вычисленное по скелетам и измеренное у живых

Отношение роста сидя к росту (корпусный указатель — КУ) по скелетным данным определено по уравнению: КУ = (100 — УДН) + 1,2, где УДН (указатель длины ног) — отношение суммы длин бедренной и большой берцовой костей к вычисленному росту. Размеры, вычисленные по скелету, отмечены крестиком, найденные у живых,— точкой. Обе величины, относящиеся к одному народу, соединены стрелкой. Длина стрелки показывает, следовательно, точность определения обоих указателей по скелету, круг — возможное положение размеров у живых. Три круга вокруг точки, означающей положение средних величин людей днепро-донецкой культуры, показывают возможное положение сочетания средних в зависимости от точности определения по скелету и от числа наблюдений. Первый круг — вероятность 1 : 20, второй — 1 : 100, третий — 1 : 1000

АВС — австралийцы, БАШ — башкиры, БУР — буряты, ВЬЕ — вьетнамцы, ИРЛ — ирландцы, КАЗ — казахи, КОР — корейцы, ЛАТ — латыши, ЛОП — лопари, МАР — горные мари, МЕЛ — меланезийцы, НОР — норвежцы, ПУЭ — индейцы пуэбло, РУС — русские, УДМ — удмурты, ШВЕ — шведы, ЭРЗ — мордва-эрзя; ЭСК — эскимосы, ЭСТ — эстонцы, ЭФИ — «эфиопиды» (древние нубийцы и современные масаи), ЯПО — японцы

собиравший кости для музея, руководствовался их эффективностью как экспонатов, а возможности для выбора были, по-видимому, очень велики.

Таким образом, по строению тела люди днепро-донецкой культуры напоминали современных московских штангистов среднего веса. Чем же объясняются такие особенности их физического типа и о чем они говорят? Приходится признать, что мы стоим здесь только еще у порога мало разработанной отрасли антропологической науки.

Массивность скелета людей днепро-донецкой культуры была впервые отмечена по строению их черепов. Было высказано предположение, что мы имеем здесь дело с сохранением древних особенностей палеолитического протоевропейского или кроманьонского типа. Надо признать, что

[10] I. Schwidetzky. Die vorspanische Bevölkerung der Kanarischen Inseln. Berlin — Frankfurt, 1963.

далеко не все имеющиеся данные легко укладываются в гипотезу «грацилизации» как процесса, идущего в одном направлении, но разными темпами от палеолита до средних веков. Предшественники людей днепро-донецкой культуры, а именно люди надпорожского мезолита, характеризовались далеко не столь резко выраженной массивностью строения тела. По нашим формулам вес их равнялся в среднем 67,4 *кг* при росте 170,1 *см*. В северных странах Европы такие соотношения нередки и теперь. Что же касается палеолитических людей Восточной Европы, то об их строении мы можем судить главным образом на основании данных о скелетах из Пржедмости (Чехословакия) [11]. Только один из них отличается сравнительно массивным строением, в среднем же вес взрослых мужчин составлял всего 63 *кг* при росте 164,1 *см*. По пропорциям тела пржедмостцы тоже были очень длинноноги. У человека с Маркиной горы (Воронежская обл.) кости были еще более тонкие [12]. При среднем развитии жирового слоя он весил всего 58,2 *кг* (рост 164,7 *см*). Если продолжать придерживаться концепции, которая была сформулирована автором этих строк в докладе на Парижской сессии Международного конгресса антропологических и этнологических наук в 1960 г., согласно которой палеолитическая массивность строения костяка дольше сохранялась в северных областях, то придется признать, что известные нам костные остатки людей позднего палеолита и мезолита Восточной Европы принадлежат, по крайней мере в своем большинстве, людям южного происхождения, люди же днепро-донецкой культуры являются переселенцами из северных областей или их непосредственными потомками (рис. 3). Хотя эта точка зрения и находит известное подтверждение в археологических данных, она все же нуждается в дальнейшем обосновании. Надо заметить, что мезолитические люди Магриба [13] немногим уступали в массивности строения скелета людям днепро-донецкой культуры и значительно превосходили в этом отношении своих современников из Бретани [14].

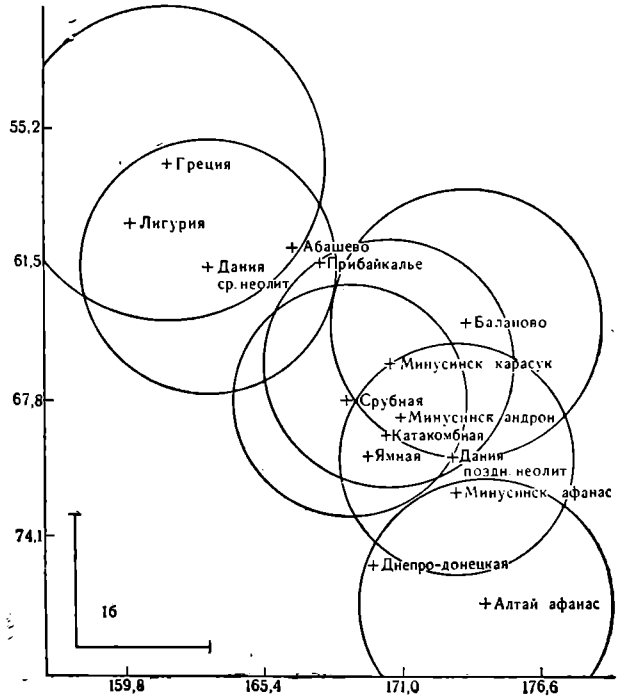


Рис. 2. Рост и вес людей днепро-донецкой культуры и некоторых других культур неолитического и бронзового времени

Положение сочетания средних обозначено крестиком. Радиус круга — 2,33 средней ошибки. Если круги не пересекаются, то разница реальна с вероятностью, большей чем 1 : 1000

---

[11] J. Matiegka. Homo Předmostensis. Fosilní člověk z Předmosti na Moravě, II, Ostatní části kostrove. Praha, 1938.

[12] Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические находки в Костенках. СЭ, 1955, 1.

[13] H. V. Vallois. Diagrammes sagittaux et mensurations individuelles des Hommes fossiles d'Afalou-bou-Rhummel. Travaux du Laboratoire d'Anthropologie et d'Archéologie préhistorique du Musée du Bardo, 5, Alger, 1952; D. Ferembach. Diagrammes crâniens sagittaux et mensurations individuelles des squelettes ibéromaurusiens de Taforalt (Maroc oriental.). Paris, 1965.

[14] M. et S.-J. Péquart, M. Boule, H. Vallois. Téviec. Station-nécropole mésolithique du Morbihan. Archives de l'Institut de Paléonthologie Humaine, 18, Paris, 1937.

В более поздние эпохи, следующие за днепро-донецкой культурой, массивность строения скелета на Украине непрерывно уменьшается до времени черняховской культуры. У славян Киевской Руси массивность вновь несколько увеличивается, но незначительно, и разница с предшествующей эпохой статистически не реальна.

В общем картина распределения признаков физического развития во времени и в пространстве далеко не полностью отражает форму хозяйства, уровень развития производительных сил и условия географической среды. Нет сомнения, конечно, что все эти факторы влияют на физический тип человека, в том числе и на строение его скелета. Но это влияние протекает, очевидно, сложными путями, на физическом типе отражаются не только те условия, которые действуют в то время, к которому относятся исследуемые скелеты, но и те, которые действовали в длинном ряду предшествующих поколений. Сейчас еще нельзя со сколько-нибудь значительной долей уверенности судить об образе жизни древних людей, об их хозяйстве и пище по строению их скелетов. На пути к достижению этой цели нам предстоит еще длительная и трудная, но увлекательная работа. Многое, вероятно, дадут более детальные морфологические исследования макроструктуры костей, еще, может быть, больше — исследования гистологические и биохимические. Накопление новых материалов является далеко не единственным, но необходимым условием успешного продвижения по этому пути.

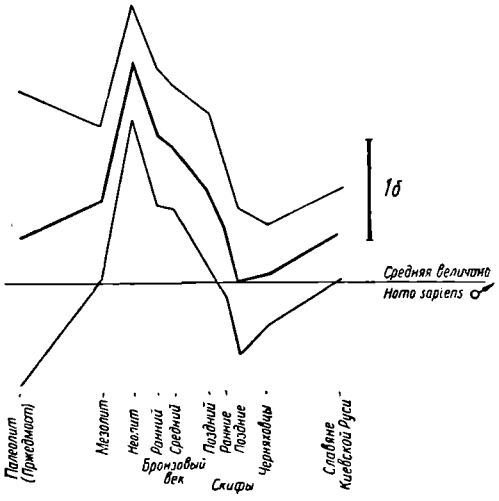


Рис. 3. Изменение во времени средней окружности бедренной, большой берцовой и плечевой костей на территории Украины (палеолит — по данным о Пржедмости, Чехословакия)

Жирная линия — средние арифметические, тонкие линии ± 3,30 средней ошибки. Шкала времени в логарифмическом масштабе

Что касается черепов днепро-донецкой культуры (табл. 2), то они уже неоднократно привлекали внимание антропологов [15]. Все исследователи отмечали исключительную массивность строения черепов, выражающуюся прежде всего в очень больших размерах. На рис. 4 показаны сравнительные данные о размерах нижних челюстей. Они выражены при посредстве средней геометрической трех основных размеров: угловой ширины (М.66), проекционной длины от углов (М.68) и высоты ветви (М.70).

В связи с некоторыми сериями был поднят вопрос о значении уплощенности лица для определения генетических связей. Уплощенность лицевого скелета является, как известно, наиболее постоянным признаком, разграничивающим обе большие расы северной Евразии: монголоидную и европеоидную. Вместе с тем было высказано мнение о том, что у палеолитических обитателей Европы лицо было несколько более уплощено, чем у современных европейцев. Поэтому, например, некоторая степень уплощенности лица у неолитических людей Карелии не может рас-

[15] И. И. Гохман. Палеоантропологические материалы из ранненеолитического могильника Васильевка II в Днепровском Надпорожье. СЭ, 1958, 1; Т. С. Кондукторова. Палеоантропологічні матеріали вовнизьких пізньонеолітічних могильників. Матеріали з антропології України, 1, Київ, 1960; Т. С. Сурнина. Палеоантропологические материалы из Вольненского неолитического могильника. Антропологический сборник, III. Тр. ИЭ, нов. сер., 71, М., 1961; Г. П. Зиневич. К палеоантропологии Никольского могильника. КСИА, 11, 1961.

Таблица 2

Средние величины основных размеров черепов днепро-донецкой культуры

(Могильники Вовнигский, Вольненский, Васильевский II, Дериевский, Никольский)

Признаки	Мужские	Женские
Назо-малярный угол (77)	139,4 ((75)	141,2 (35)
Зигомаксиллярный угол	126,3 ((58)	126,1 (25)
Глубина клыковой ямки	4,32 ((72)	4,82 (31)
Дакриальная высота	13,29 ((56)	11,90 (18)
Дакриальная ширина	22,13 ((63)	22,64 (25)
Симотическая высота	5,12 ((58)	4,29 (17)
Симотическая ширина	9,90 ((63)	9,23 (19)
Угол выступания носа (75—1)	30,0 ((46)	31,2 (12)
Длина основания черепа (5)	109,0 ((53)	104,0 (32)
Длина основания лица (40)	104,8 ((43)	98,6 (23)
Общий угол профиля лица (72)	84,1 ((65)	84,4 (28)
Верхняя высота лица (48)	73,8 ((74)	68,9 (39)
Скуловой диаметр (45)	146,8 ((79)	135,9 (34)
Высота носа (55)	53,4 ((75)	50,5 (36)
Ширина носа (54)	26,5 ((74)	24,8 (36)
Частота антропинных форм, %	63,0 ((81)	82,8 (35)
Ширина орбиты (51)	45,2 ((79)	42,5 (38)
Высота орбиты (52)	32,5 ((83)	32,6 (38)
Продольный диаметр (1)	193,8 (119)	184,0 (65)
Поперечный диаметр (8)	144,5 (130)	139,0 (69)
Высотный диаметр (17)	146,0 ((58)	139,1 (35)
Наименьшая ширина лба (9)	102,0 (117)	96,3 (68)
Угол профиля лба (32)	80,5 ((73)	83,5 (36)
Развитие надбровья (1—6)	3,71 (123)	2,09 (67)

сматриваться как доказательство наличия генетических связей с древним населением Сибири.

В среднем сколько-нибудь значительная уплощенность лица у людей днепро-донецкой культуры отсутствует. На отдельных черепах и на небольших сериях она, конечно, может быть отмечена в силу нормальной изменчивости. Кроме того, совсем нельзя считать невозможным и некоторое влияние элементов сибирского происхождения. Короче, черепа днепро-донецкой культуры не могут считаться благодарным материалом для обсуждения проблемы о происхождении уплощенности лицевого скелета у народов Восточной Европы. Так или иначе, европеоидный тип строения лица резко преобладает, и в этом отношении люди днепро-донецкой культуры не отличались от современных русских или украинцев.

По сравнению со своими предшественниками мезолитической эпохи люди днепро-донецкой культуры отличались, как уже сказано, более массивным строением скелета. То же отмечается и в строении черепа. При сопоставлении размеров черепа с размерами трубчатых костей было найдено, что наибольшую корреляцию с размерами костей конечностей обнаруживает скуловой диаметр. Этому признаку придается поэтому большое значение при определении массивности по черепу. В известной мере этот способ оценки оправдан, но все же не следует забывать, что речь идет о коэффициенте порядка 0,5 и, следовательно, что величина скулового диаметра лишь на 25% определяется массивностью скелета конечностей.

Значение скулового диаметра не следует поэтому чрезмерно преувеличивать. Так или иначе, лицо у людей днепро-донецкой культуры было на 6—7 *мм* шире, чем у бурят, у которых оно, в свою очередь, на 6—7 *мм* шире, чем у русских. У мезолитических людей Надпорожья лицо

тоже было широкое, но не в такой крайней степени. Стоит, пожалуй, отметить, что все черепа мезолитической эпохи Дании [16] отличаются столь же исключительной шириной лица, как и черепа днепро-донецкой культуры. Однако этих черепов всего четыре, а скуловой диаметр можно измерить только на трех. Поэтому не следует придавать особенно большого значения этому сходству, хотя оно и проявляется во всех остальных признаках. Значение этого сходства ослабляется еще и тем обстоятельством, что мезолитические черепа Магриба также очень похожи на черепа днепро-донецкой культуры. Трудно поэтому судить о том, в какой мере эти черты сходства определяются генетическим родством и в какой мере в них проявляется параллелизм развития.

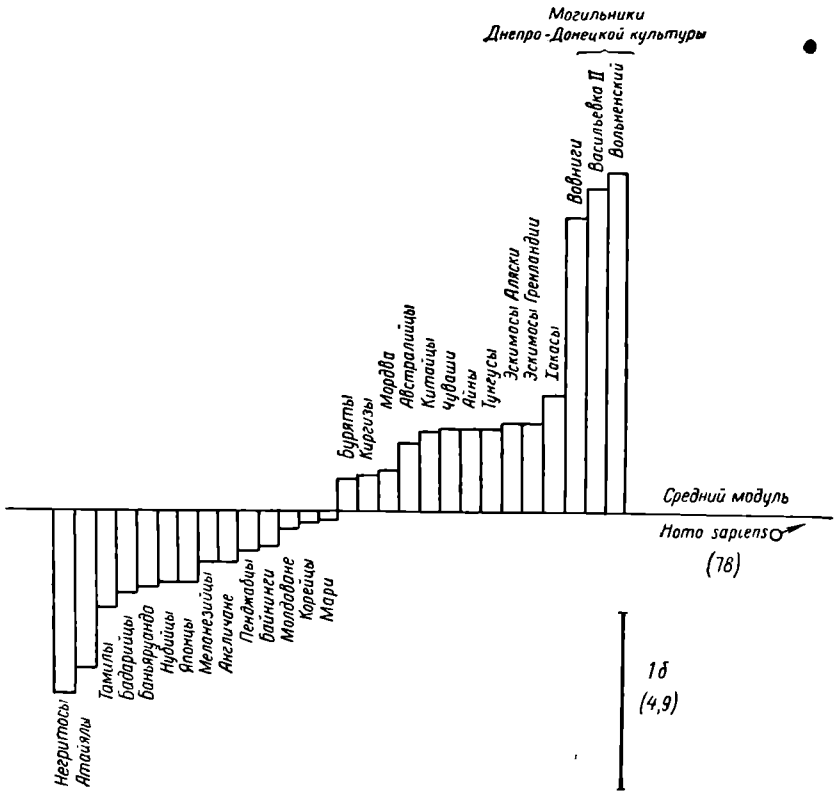


Рис. 4. Модуль нижней челюсти людей днепро-донецкой культуры и некоторых других групп *Homo sapiens*

Автор будет считать свою задачу выполненной, если в результате публикации этой статьи будет привлечено внимание к изучению физического развития древних народов вообще и, в частности, к необыкновенным чертам строения тела людей днепро-донецкой культуры. Немалую роль в разрешении этой загадки должны сыграть исследования, направленные на освещение материальных условий существования этих людей.

[16] K. Bröste. Prehistoric Man in Denmark. A Study in Physical Anthropology. Copenhagen, 1956.

О. Н. ЕВТЮХОВА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В среднем Поволжье, в пределах Татарской и Марийской республик, среди других культур эпохи бронзы хорошо известны памятники абашевской культуры, представленные здесь курганными могильниками. Картина материальной культуры, восстанавливаемая по материалам могильников, открывает перед нами оригинальную культуру с характерным погребальным обрядом, керамикой, украшениями и чертами экономики, характеризующими производящее хозяйство земледельцев и скотоводов, знакомых с металлургией.

Первый исследователь этой культуры В. Ф. Смолин [1], отмечая своеобразие открытой им культуры, оставил вопрос о ее происхождении открытым. В настоящее время существует несколько, иногда взаимоисключающих, точек зрения на происхождение абашевской культуры. Позволю себе кратко на них остановиться [2].

О. Н. Бадер после раскопок Балановского могильника, сопоставляя его материалы с территориально близкими абашевскими, сначала пришел к выводу о генетической близости балановской и абашевской культур [3]. Однако по мере накопления и изучения балановских материалов он отказался от своей первоначальной точки зрения [4]. Затем О. А. Кривцова-Гракова, копавшая Абашевский могильник, на основании отдельных черт погребального инвентаря и сходства некоторых элементов керамики с балановскими, с одной стороны, и со срубными, с другой, поставила вопрос о происхождении абашевской культуры от балановской под влиянием срубной [5]. Эту точку зрения О. А. Кривцовой-Граковой разделили А. П. Смирнов [6] и К. В. Сальников [7].

Следующая гипотеза — о происхождении абашевской культуры из массива среднеднепровских племен, и вследствие этого родственной фатьяновской, высказана П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым [8] и в какой-то мере разделяется Н. Я. Мерпертом [9]. Существует и еще одна точка зре-

---

[1] В. Ф. Смолин. Абашевский могильник. Чебоксары, 1928.

[2] О. Н. Евтюхова. К истории изучения абашевской культуры. МИА, 97, 1961.

[3] О. Н. Бадер. Археологические исследования Центрального Чувашского музея. «Советский музей». 5, 1937.

[4] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре. СЭ, 1950, 1; его же. Балановский могильник. М., 1963.

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник (раскопки 1945 г.). КСИИМК, XVII, 1947.

[6] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952; его же. К вопросу о формировании абашевской культуры. МИА, 97.

[7] К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI, 1954.

[8] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97.

[9] Н. Я. Мерперт. Раскопки абашевских курганов в Чувашии в 1957 г. Уч. зап. ЧувНИИ, XIX, Чебоксары, 1960; его же. Абашевские курганы в Северной Чувашии. МИА, 97.

ния, отличная от двух предыдущих, о происхождении абашевских племен из массива древнеямных племен Нижнего Поволжья, высказанная А. Х. Халиковым [10]. И, наконец, моя точка зрения сводится к тому, что в основе сложения абашевской культуры лежит определенная группа племен древнеямной культурной общности, некоторые культурные признаки которой (погребальный обряд, отдельные черты в керамике) были наследованы и ранними среднеднепровцами [11]. Все приведенное выше со всей очевидностью показывает, что вопрос о происхождении абашевской культуры является еще в достаточной степени спорным.

Обратимся теперь непосредственно к территории Среднего Поволжья и посмотрим, как и кем были заселены интересующие нас районы на протяжении II тысячелетия до н. э.

Картографирование абашевских, ранних балановских и приказанских памятников показывает, что абашевские племена обосновались в Среднем Поволжье на территориях, практически не занятых памятниками этих культур. Разумеется, это не значит, что абашевцы пришли на никем не занятую территорию, не обитаемую до их появления. Разведками В. Ф. Смолина в 1926 г. в бассейнах рек Суры и Цивиля обнаружено несколько пунктов с неолитическими кремневыми орудиями и керамикой с ямочным и гребенчатым орнаментами. В 1927 г. П. П. Ефименко произвел небольшие раскопки в ряде пунктов на р. Цивиле, у с. Яндашево, в окрестностях г. Цивильска; в устье р. Аниш на Криушской дюне. На левом берегу р. Суры им были обнаружены следы развеянных неолитических поселений на дюнах [12]. Связать эти памятники с абашевскими совершенно не представляется возможным, хотя бы потому, что между ними существует большой хронологический разрыв и нет никакого переходного звена. В районах Левобережья на территории, занятой абашевскими племенами, только на самой ее северной границе известно неолитическое поселение — это нижний слой Чирковской стоянки. Зато в Приказанских районах открыт ряд неолитических стоянок (Сумская I, III; Займище IIIа, V; Русско-Луговская, I, II). Материалы этих стоянок датируются концом III — началом II тысячелетия до н. э. и, по мнению их исследователя А. Х. Халикова, позволяют обосновать местное происхождение приказанской культуры эпохи бронзы. Для утверждения последнего мы имеем ряд фактов. Во-первых, территория приказанских племен эпохи бронзы совпадает с территорией местных неолитических племен. Во-вторых, известная преемственность между племенами бронзы и неолита наблюдается и в материальной культуре, в частности в позднеолитических поселениях первой половины II тысячелетия до н. э. (верхний слой Обсерватории III, нижний горизонт Займища IIIа и др.) [13]. Памятники приказанской культуры, одновременные абашевским, в левобережных районах расположены вне области обитания абашевцев — в междуречье рек Илети и Казанки и дальше на восток к Вятке.

Памятники приказанской культуры на правом берегу Волги сосредоточены по обоим берегам р. Свияги в верхнем ее течении, а также в устье р. Цивиля. Как показали исследования А. Х. Халикова [14], памятники эти относятся уже к позднему этапу развитой приказанской культуры, к концу последней четверти II тысячелетия до н. э. Следовательно,

---

[10] А. Х. Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, 97.

[11] О. Н. Евтюхова. Племена абашевской культуры в Среднем Поволжье. Автореф. канд. дис. М., 1964.

[12] П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей территории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.

[13] А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Среднем Поволжье. МИА, 61, 1958, стр. 44.

[14] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения древнего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. Марийской археологической экспедиции, I, Йошкар-Ола, 1960, приложение, карта № 5.

происхождение абашевской культуры нельзя связывать ни с местной неолитической, ни с приказанской культурой эпохи бронзы.

Памятники балановской культуры, хронологически предшествующие абашевской культуре (Козловский, Балановский могильники), расположены по восточной границе распространения абашевцев. По-видимому, появившись в Поволжье, абашевцы, вероятно более многочисленные и активные, столкнулись здесь с балановцами и вытеснили их за Свиягу и на правый берег Волги. А. Х. Халиков отмечает появление балановцев здесь в конце первой половины II тысячелетия до н. э. в районах, занятых племенами с неолитической традицией [15]. По его мнению, на базе синтеза этих культур и балановской возникает чирковско-сейминская культура. Памятники ее распространяются сначала в левобережных районах Поволжья, нигде не перемешиваясь с абашевскими.

Таким образом, на обоих берегах Волги на территории, занятой впоследствии абашевскими племенами, балановские памятники, синхронные абашевским, не известны. Сопоставление отдельных элементов этих культур — погребального обряда, керамики, украшений — не позволяет связывать абашевскую культуру с балановской. Гипотеза о генетической связи этих двух культур возникла, как мне кажется, на основе недостаточной изученности абашевских и балановских материалов 30—20 лет назад.

Исходя из имеющихся сейчас значительных данных по обеим культурам, проверим, насколько возможно связывать генетически балановскую и абашевскую культуры. Памятники балановской культуры теперь широко известны на территории Среднего Поволжья. Они достаточно хорошо изучены и опубликованы О. Н. Бадером [16], А. Х. Халиковым [17], П. Д. Степановым [18] и др. Для балановской культуры разработаны довольно детальная периодизация и абсолютная хронология [19]. Привожу ее по О. Н. Бадеру, выделившему пять хронологических этапов балановской культуры: 1 — козловский этап — конец III тысячелетия до н. э.— XIX в. до н. э.; 2 — балановский этап — XIX—XV вв. до н. э.; 3 — атликасинский этап — XV—XIV вв. до н. э.; 4 — ошпандинский этап — XIV—XIII вв. до н. э.; 5 — хуласючский этап — XI—IX вв. до н. э. Таким образом, по времени абашевской культуре соответствуют третий и четвертый этапы, а собственно балановский предшествует ей. Следовательно, если абашевская культура генетически связана с балановской, то сходство надо искать именно в материалах балановского этапа, т. е. в самом Балановском могильнике. Последний целиком отнесен О. Н. Бадером к балановскому этапу и датирован временем между XIX и XV вв. до н. э. В своем последнем исследовании о Балановском могильнике, изданном в 1963 г., О. Н. Бадер приходит к выводу о том, что в этом могильнике отсутствуют формы абашевской культуры, а также явные ее черты в керамике. «В целом,— пишет О. Н. Бадер,— нити, связывающие балановскую и абашевскую культуры, существенны, но не имеют генетического значения» [20].

Очень детально свою точку зрения на отсутствие генетических связей между балановской и абашевской культурами изложил А. Х. Халиков [21]. На ряде конкретных сопоставлений элементов материальной культуры балановской и абашевской культур он убедительно показал отсутствие

---

[15] Там же.

[16] О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963.

[17] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья...

[18] П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях. СА, 1958, 2.

[19] О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 275; А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, 110, 1963, стр. 264.

[20] О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 266.

[21] А. Х. Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР, стр. 220—221.

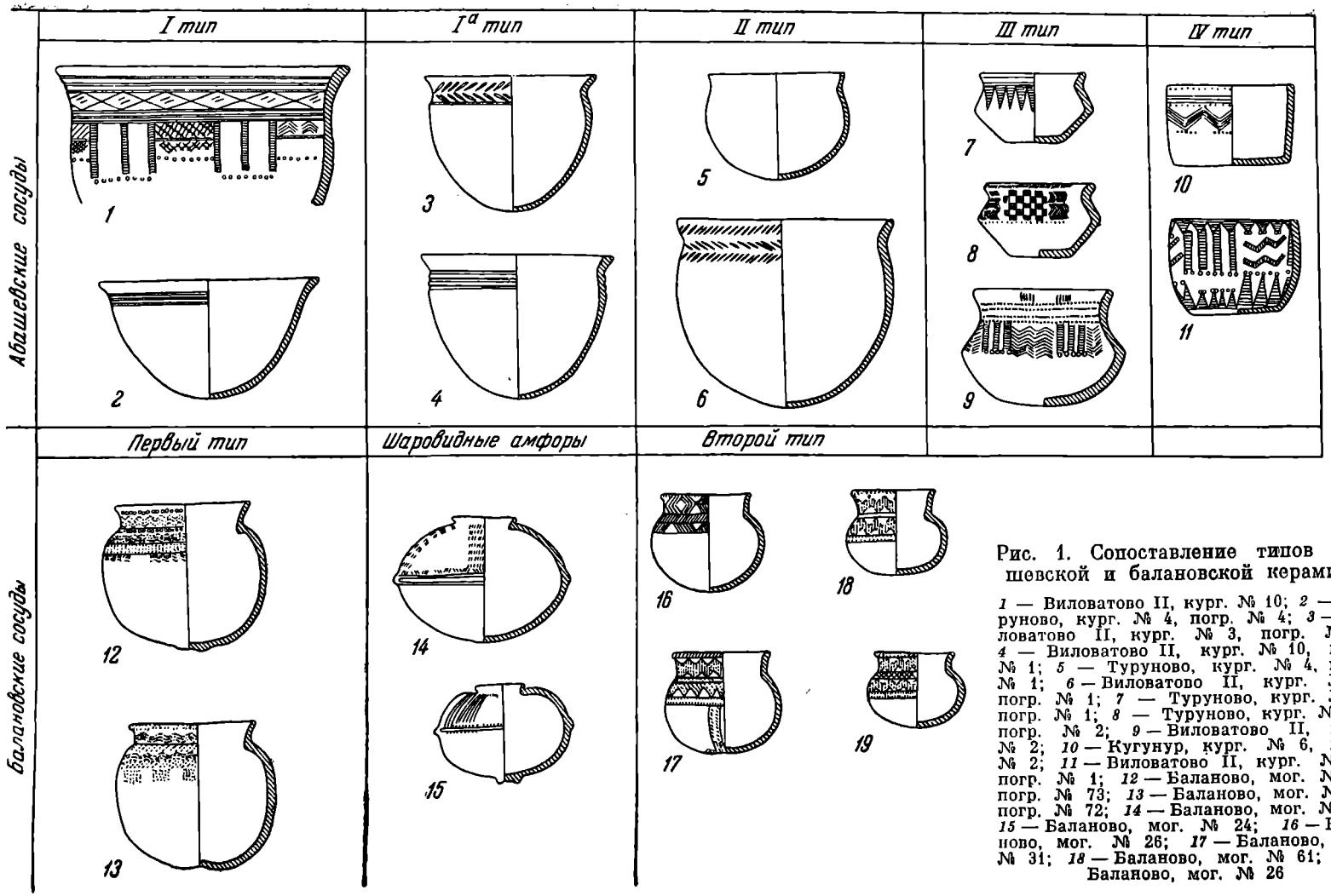


Рис. 1. Сопоставление типов абашевской и балановской керамики

1 — Виловатово II, кург. № 10; *2* — Туруново, кург. № 4, погр. № 4; *3* — Виловатово II, кург. № 3, погр. № 1; *4* — Виловатово II, кург. № 10, погр. № 1; *5* — Туруново, кург. № 4, погр. № 1; *6* — Виловатово II, кург. № 4, погр. № 1; *7* — Туруново, кург. № 3, погр. № 1; *8* — Туруново, кург. № 2, погр. № 2; *9* — Виловатово II, кург. № 2; *10* — Кугунур, кург. № 6, погр. № 2; *11* — Виловатово II, кург. № 10, погр. № 1; *12* — Балановo, мог. № 41, погр. № 73; *13* — Балановo, мог. № 41, погр. № 72; *14* — Балановo, мог. № 62; *15* — Балановo, мог. № 24; *16* — Балановo, мог. № 26; *17* — Балановo, мог. № 31; *18* — Балановo, мог. № 61; *19* — Балановo, мог. № 26

этих связей. Я полностью разделяю эту точку зрения О. Н. Бадера и А. Х. Халикова и, в свою очередь, приведу ряд примеров, ее подтверждающих.

Обычно сопоставления обеих культур проводятся по сходству в керамике, погребальном обряде, украшениях и орудиях. Проведем по этим категориям и наши сопоставления.

В керамике балановской культуры О. Н. Бадер выделяет как основную форму круглодонные бомбовидные сосуды (тип I и II; рис. 1, *12—13* и *16—19*). Затем идут сосуды так называемой реповидной формы, по О. Н. Бадеру (рис. 1, *14—15*), или шаровидные амфоры, по П. М. Кожину [22]. В значительно меньшем количестве известны чашки или миски. Вся посуда изготовлена из тонко отмытой глины с примесью песка, иногда шамота. Примерно половина сосудов хорошо залощена.

Проведенное исследование абашевской керамики позволяет выделить характерные формы сосудов и приемы их орнаментации [23]. Это прежде всего колоколовидной формы сосуды без шейки, с широким устьем (I тип); близкие к ним по форме широкогорлые сосуды с округлым туловом (II тип); остроребериые (III тип) и баночные (IV тип) сосудики. Вся керамика изготовлена из глины с примесью раковины или с растительной примесью. Поверхность сосудов обработана штриховой зачисткой, заглажена или залощена (рис. 1, *1—11*).

Среди балановской посуды ни разу не встречены характерные абашевские колоколовидные сосуды, а в абашевских погребениях ни разу не найдены балановские амфоры или какие-то их переходные формы. Очевидно, характерные формы сосудов обеих культур не имеют ничего общего. Иная и техника их изготовления: так, на абашевских горшках горло, если оно есть, составляет одно целое с сосудом. Трудно предположить для генетически связанных культур полное отсутствие преемственности в технике изготовления и в формах сосудов. То же надо сказать и об орнаменте. Для балановского орнамента характерен мелкий зубчатый штамп, образующий зигзаги, ромбы, елочки и пр., в сочетании с нарезными линиями. Для абашевской керамики кроме нарезки характерны средний зубчатый штамп (существенно отличный от балановского) и небольшие плоские ямки, подчеркивающие группы орнамента, что совершенно не характерно для балановской керамики. Мелкий зубчатый штамп на абашевской керамике не известен. В элементах орнамента обеих культур есть некоторое сходство. Так, для них характерен геометрический зональный орнамент. Но при этом такие характерные элементы абашевского орнамента, как «лесенки» с обрамлением, вертикальный зигзаг, обрамление узора неглубокими ямками не находят своих прототипов в орнаменте балановской посуды. В свою очередь, характерные для балановского орнамента широкие заштрихованные зигзаги, широкие метопы, заполненные горизонтальными рядами ромбов мелкозубчатого штампа, насечек и зигзагов, характерные равнобедренные треугольники и ромбы не прослеживаются сколько-нибудь отчетливо в абашевской керамике. Те же элементы орнамента, по которым обычно прослеживают сходство и пытаются доказать генетическую связь между балановской и абашевской культурами, не являются специфическими только для этих культур, а достаточно хорошо известны на сосудах других культур эпохи бронзы. Например, заштрихованные ромбы часто встречаются на посуде андроновской, срубной, караасукской культур; узкие, опущенные вершинами вниз треугольники известны на сосудах катакомбной, сруб-

---

[22] П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников. СА, 1963, 3.

[23] О. Н. Евтюхова. Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964.

ной и карасукской культур; узор в виде горизонтальной елочки известен в полтавкинской и северокавказской культурах. Количество подобных примеров можно было бы увеличить еще, но вряд ли это необходимо.

Различен и погребальный обряд. Балановский могильник представляет собой бескурганный грунтовой могильник. Для обычно глубоких могильных ям характерны внутримогильные сооружения. Это, по-видимому, плетенные из прутьев корзины с четырьмя кольями по углам или специальные сооружения из досок с ручками по углам, хорошо прослеживаемые на плане могилы [24]. Подобные конструкции, как мы знаем, ни разу не были отмечены в абашевских могилах [25]. О. Н. Бадер отмечает отсутствие определенной ориентировки погребенных, что также не характерно для абашевской культуры. Различно и положение погребенного в могильной яме: на боку — в балановских и на спине с подогнутыми в коленях ногами — в абашевских могилах. Одним из основных аргументов близости погребального обряда обычно считают наличие надмогильного перекрытия и подстилку дна берестой или посыпку его песком и пр. Однако мы знаем, что эти детали погребального обряда одинаково известны в срубной и в андроновской культурах. В целом же погребальный обряд абашевцев, представленный курганными могильниками, достаточно резко отличается от балановского.

Если сравнивать украшения и остальной инвентарь, то и здесь мы не найдем не только прямых аналогий, позволяющих говорить о какой-то преемственности, но часто и отдаленного сходства. Так, типичные абашевские украшения — литая бляшка-розетка, серебряные височные колечки в полтора оборота, полушарные нашивные бляшки — ни разу не встречены в Балановском могильнике и не имеют в балановских украшениях никаких прототипов. В свою очередь, типичные балановские каменные сверленые боевые топоры и клиновидные кремневые топоры-тесла ни разу не были найдены в абашевских погребениях. В Баланове же нет ни одной характерной для абашевской культуры кремневой стрелы сейминского типа. Единственное общее орудие — небольшие медные шилья — широко известно в других культурах эпохи бронзы.

Приведенные данные показывают, что по основным признакам материальной культуры между балановской и абашевской культурами нельзя проследить не только генетическую связь, но часто даже простое сходство. Исследование же балановской культуры в Поволжье, как уже упоминалось выше, показывает, что она переживает здесь абашевскую, сохраняя на всех этапах развития свою специфику. Это обстоятельство, как мне представляется, сильно затрудняет возможность генетически связывать балановскую и абашевскую культуры.

Абашевская культура в Среднем Поволжье предстает перед исследователем как уже сложившаяся культура эпохи бронзы. Вероятно, абашевские племена под давлением каких-то, пока не ясных, причин пришли на Среднюю Волгу, обосновались там и просуществовали некоторое время.

Где же надо искать истоки абашевской культуры? Попробуем ответить на этот вопрос, исходя из имеющихся у нас сведений о ней.

При анализе погребального обряда уже было отмечено чрезвычайно архаичное положение погребенного в могильной яме — на спине с подогнутыми в коленях ногами [26]. Подобный обряд положения покойного на европейской территории СССР характерен только для древнеямной культуры. Это обстоятельство, в первую очередь, заставляет искать предков абашевцев в областях западных по отношению к Средней Волге. Именно такая попытка и была предпринята П. П. Ефименко и П. Н. Третьяко-

[24] О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 107.

[25] О. Н. Евтюхова. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры. МИА, 97.

[26] О. Н. Евтюхова. К вопросу о погребальном обряде..., стр. 28.

вым. Исследователи сравнивают ряд элементов орнамента среднеднепровской, фатьяновской и абашевской керамики и отмечают в орнаментике среднеднепровской керамики ряд элементов, известных в абашевской и не встречающихся в фатьяновской керамике. Они считают также, что происхождение характерного метопического орнамента некоторых абашевских сосудов надо искать в кругу памятников типа Гатное [27].

Высказывая свои предположения относительно происхождения абашевской культуры, Н. Я. Мерперт также указывает на роль западных элементов в формировании абашевской культуры. Говоря об общих элементах в абашевской и среднеднепровской культуре, он пишет: «Объяснение им следует, очевидно, искать не в прямой генетической связи, ведь обе культуры очень своеобразны и четко оформлены. Следует, видимо, говорить об общей подоснове обеих культур, об общем энеолитическом массиве, распространение которого привело на различных территориях к формированию больших и оригинальных культур» [28].

Учитывая это общее западное направление, я и предлагаю свою гипотезу происхождения абашевских племен. Основана она прежде всего на близости абашевского погребального обряда с ямным, с одной стороны, и с погребальным обрядом, формой и орнаментом керамики ранней среднеднепровской культуры, с другой стороны. Рассмотрим это положение более детально.

Что же сближает абашевский погребальный обряд с древнеямным? Прежде всего бросающееся в глаза единство в положении погребенного в могильной яме — на спине с подогнутыми, поставленными коленями вверх ногами. Погребение совершено в могильной яме под курганом. В насыпи и засыпке могильной ямы постоянно отмечаются уголь и зола, дно могильной ямы выстлано берестой и камышом (в абашевских могилах камыш не прослежен, но важен принцип — подстилка на дне могильной ямы). Общим является и обычай окружать рвом курганную насыпь. Отметим также и существующие различия. В абашевских погребениях Средней Волги ни разу не отмечена охра, столь характерная для древнеямных погребений. Кроме того, нет сходства в погребальном инвентаре обеих культур. Отличаются они и ориентировкой погребенных: восточная и юго-восточная для абашевцев и западная для ямников района формирования среднеднепровской культуры.

Изучая среднеднепровскую культуру на ее раннем этапе сложения и развития, И. И. Артеменко [29] указывает, что в основе среднеднепровской культуры лежит один из вариантов древнеямной культуры, давший среднеднепровской характерные черты погребального обряда, позднее ею утраченные, и основную форму керамики раннего этапа. И. И. Артеменко отмечает также ряд черт в погребальном обряде, связывающих среднеднепровскую культуру с ямной: подкурганные ямы одинаковой конструкции, покрытие дна могилы камышом и берестой, одинаковая западная ориентировка погребенных. Однако в положении погребенного наблюдается различие — в ямных погребениях покойники лежат на спине с подогнутыми в коленях ногами, а в погребениях раннего этапа среднеднепровской культуры — на спине с вытянутыми ногами. При этом известны погребения, где покойники положены по ямному обряду, но с инвентарем среднеднепровской культуры (Брасовский могильник). Указывая на обычай окружать насыпь кургана рвом, И. И. Артеменко справедливо отмечает, что с подобным явлением исследователи встречаются снова уже только в середине II тысячелетия до н. э. в абашевской культуре.

Итак, очевидно, что между среднеднепровской на ее раннем этапе и абашевской культурами прослеживается ряд черт близости в погребальном обряде. То же можно сказать и о керамике раннего и начала

[27] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура..., стр. 87.
[28] Н. Я. Мерперт. Абашевские курганы..., стр. 154.
[29] И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. СА, 1963, 2, стр. 32—33.

позднего этапа среднеднепровской культуры. Я имею в виду сосуды из таких памятников, как Зибара, Беркозовка, Зеленки, Долинка, Белынец. Здесь в одних случаях мы встречаемся с близкой абашевской посуде формой, в других — с близким орнаментом. Если посмотреть внимательно, станет очевидным, что указанное сходство прослеживается прежде всего на раннем этапе развития среднеднепровской культуры, когда еще ощущается ее связь с древнеямной. По И. И. Артеменко, это время с 2400 по 2100 г. до н. э.

Исходя из приведенного только что сходства между обеими культурами, можно с полным основанием предположить, что они имели в основе своего сложения близкие группы племен древнеямной культурной общности. Племена среднеднепровской культуры вошли затем в группу культур боевых топоров, утратили свои древнеямные черты и на поздних этапах своего развития только в отдельных элементах орнамента и форм сосудов могут иметь какие-то реплики абашевским. Племена же абашевской культуры в силу каких-то, пока нам не ясных причин сильно продвинулись к востоку и в отличие от среднеднепровцев во второй половине II тысячелетия до н. э. сохранили свой характерный, близкий древнеямному, погребальный обряд. Керамика абашевцев приобрела устойчивые характерные формы и орнамент, лишь отдаленно напоминающие одновременные им среднеднепровские.

К сожалению, пока нам не известна сама область формирования абашевской культуры, ибо в Среднем Поволжье, как уже говорилось, племена абашевской культуры предстают перед нами четко оформившейся культурой развитой бронзы.

Я считаю также, что одна из групп абашевцев в общем их продвижении на северо-восток перешла Волгу, продвинулась к Уралу, где и дала начало абашевской культуре Приуралья. Последняя в дальнейшем своем развитии подверглась сильному влиянию местных лесных и андроновских племен эпохи бронзы, что и наложило на нее свой отпечаток.

Такова в основном моя точка зрения на происхождение абашевской культуры. Она, безусловно, потребует уточнения. Так, остается пока не выясненной область формирования абашевской культуры и в какой-то мере путь продвижения абашевцев на Волгу.

Одним из досадных пробелов при постановке вопроса о происхождении культуры является недостаток надежных антропологических материалов. Виною этому очень плохая сохранность костяков, как и всяких других органических остатков в подавляющем большинстве абашевских могильников. И все-таки некоторые наблюдения и выводы возможны. Так, М. С. Акимова на основании изучения черепов из Абашевского и Таушкасинского могильников приходит к выводу, что все эти черепа относятся к «европейскому типу в широком смысле этого слова»[30]. Пытаясь установить на антропологическом материале генетическую связь абашевской и фатьяновской культур, М. С. Акимова приходит к выводу, что на имеющемся ограниченном материале это невозможно. Устанавливается только, что абашевские черепа по ряду признаков ближе фатьяновским Волго-Окским, а не балановским.

В такой же общей форме дает свое представление об антропологическом типе абашевцев и М. М. Герасимов[31]. Проведенное М. М. Герасимовой[32] исследование небольшой серии абашевских черепов из Пепкинского кургана приводит ее к следующим выводам: антропологически абашевцы европеоиды, отличные не только от балановцев, но и от населения степных культур эпохи бронзы. По ряду признаков они могут быть сопостав-

[30] М. С. Акимова. Курганный могильник около дер. Тауш-Касы в Чувашии (раскопки 1947—1948 гг.). Уч. зап. ЧувНИИ, IV, Чебоксары, 1950, стр. 179.

[31] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., 1955, стр. 529.

[32] Приношу глубокую благодарность М. М. Герасимовой за любезно предоставленные ею сведения.

лены с населением более западных областей типа носителей шнуровых культур. К сожалению, выводы антропологов основаны, как уже указывалось, на небольшом еще численно материале. Поэтому они не дают достаточных оснований для решения вопроса о происхождении абашевских племен. Однако ясно следующее: абашевцы — европеоиды, очевидно, не связанные происхождением со степными племенами срубной культуры и уходящие своими корнями на запад. Оба эти вывода не противоречат моей точке зрения на происхождение абашевских племен.

Здесь уместно упомянуть о сделанной К. В. Сальниковым попытке отнести абашевцев к финно-угорской группе племен. К. В. Сальников пишет: «Резкие отличия материальной культуры абашевцев от ираноязычных срубных и андроновских племен, а также расселение их к северу от последних делают вполне вероятным предположение о принадлежности абашевцев к племенам финно-угорской языковой группы»[33]. Это предположение К. В. Сальникова не представляется мне достаточно обоснованным, хотя бы потому, что между названными культурами нет резкого различия. Кроме того, как уже было сказано выше, приуральские и поволжские абашевские племена имеют, очевидно, общее происхождение. Поэтому маловероятно, чтобы приуральские абашевцы могли быть отнесены к финно-угорской группе.

Остановимся также на сделанной Б. В. Горнунгом попытке связать с абашевскими племенами продвижение «прототохаров» к востоку из области культур «боевых топоров». Б. В. Горнунг пишет: «Предков „прототохарских" племен мы выводим, в конечном счете, из „среднеднепровской" культуры БТ (боевых топоров.— *О. Е.*), т. е. относим их к подвижным пастушеским племенам, у которых скотоводческое и, в частности, молочное хозяйство могло быть значительно более развито, чем у „протославян"...»[34]. Следуя гипотезе П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова и, я бы сказала, несколько развивая ее, Б. В. Горнунг непосредственно связывает абашевскую культуру с гатнинским этапом среднеднепровской культуры. Это позволяет ему относить абашевскую культуру к кругу культур боевых топоров, что совершенно неверно. Вряд ли культура, в памятниках которой не найдено ни одного не только боевого, но и каменного топора вообще, может быть причислена к культурам боевых топоров. Поэтому и вывод о дальнейшей судьбе носителей этих культур в лесной полосе Восточной Европы не может быть отнесен к «прототохарам», которых Б. В. Горнунг отождествляет с абашевцами. Можно понять, насколько заманчиво для лингвиста сопоставить появление абашевских племен за Волгой, на Южном Урале в середине II тысячелетия до н. э., а может быть и раньше, и их дальнейшее, как может показаться, бесследное исчезновение с судьбой носителей «прототохарского» языка, которые таинственно скрываются где-то на востоке за Волгой, чтобы потом появиться в Синьцзяне. Однако я не вижу возможности связывать продвижение «прототохар» с племенами абашевцев.

---

[33] К. В. Сальников. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала. Сб. «Вопросы археологии Урала», 1, Свердловск, 1961, стр. 49.

[34] Б. В. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 87.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

АРХЕОЛОГИЯ ДОЛИНЫ РЕКИ ЗЕИ И СРЕДНЕГО АМУРА

Долина одной из великих рек Азии — Амура представляет большой интерес для археологии и древней истории азиатских народов. Здесь происходили важные исторические события. Складывались и развивались своеобразные древние культуры, носители которых должны были находиться в разнообразных культурных связях с населением соседних областей: северных областей Сибири, южных районов Дальнего Востока, Забайкалья, Монголии, Маньчжурии (Дунбэя).

Сложная история населения Среднего Амура нашла отражение в многочисленных и разнообразных археологических памятниках Приамурья, которые привлекали внимание исследователей уже во второй половине XIX в. Первые наиболее широкие археологические исследования в районе среднего течения Амура и его крупнейшего притока р. Зеи начаты были известным этнографом-тунгусоведом С. М. Широкогоровым и местным жителем, учителем А. Я. Гуровым еще перед первой мировой войной. А. Я. Гуров зарегистрировал в 1899—1932 гг. в долине Амура между с. Константиновкой (Константиновский район Амурской обл.) и с. Екатерино-Никольским (Еврейская Автономная область) ряд археологических памятников разного возраста и характера, начиная с неолитических поселений и кончая селищами позднего железного века. Он составил первую археологическую карту этой части долины Амура, на которой, в частности, отмечены два очень важных памятника — поселения на о. Урильском и у хутора Сторожевого. В 1916 г. С. М. Широкогоров вместе с Е. Н. Широкогоровой и А. З. Федоровым произвел довольно большие по масштабам раскопки в ряде мест на Среднем Амуре. Раскопки дали значительный и интересный материал. Однако этот материал, переданный впоследствии в МАЭ (Ленинград), по существу оказался беспаспортным, так как во время наводнения 1928 г. этикетки были утрачены.

Энергичную работу по обследованию и выявлению археологических памятников Среднего Амура выполнил Г. С. Новиков-Даурский. Он составил археологическую карту Амурской области и опубликовал ряд работ, посвященных археологическим памятникам [1].

Тем не менее, до недавнего времени многочисленные археологические памятники Среднего Амура оставались недатированными, а древние культуры, к которым они принадлежат, не были выявлены и определены. Их хронологическая последовательность не была установлена; не были про-

[1] Г. С. Новиков-Даурский. Археологические разведки в окрестностях с. Игнатьевка, Марково и Екатериновки Амуро-Зейского района и города Благовещенска. Записки Амурского окружного Музея и краеведческого общества, 1, Благовещенск, 1930; его же. Приамурье в древности. Там же, 2, Благовещенск, 1953; его же. Материалы к археологической карте Амурской области. Там же, 3, 1955, его же. Историографические очерки. Статьи. Воспоминания, Благовещенск, 1961.

слежены их взаимоотношения с древними культурами соседних территорий.

Эти задачи и были поставлены перед археологическими экспедициями, организованными в 1954 и 1961 гг. Институтом археологии АН СССР (в 1961 г. с участием Сибирского отделения АН СССР) под руководством автора настоящей работы. В 1954 г. нами осуществлено первое обследование археологических памятников в долине Верхнего и Среднего Амура (от с. Кокуй и до г. Благовещенска). В 1961 г. работы были начаты в долине р. Зеи, в зоне строительства и затопления Зейской ГЭС (между городом Зея и поселком Бомнак). Затем они были продолжены на территории вниз по р. Зее, до г. Благовещенска. Одновременно были начаты исследования левого берега р. Зеи, от дер. Игнатьевой и до устья р. Урил ниже Благовещенска. При этом в ряде мест не только осмотрены различные археологические памятники, но и произведены зачистка обнажений и небольшие раскопки. В 1962—1963 гг. работы были продолжены в более широких масштабах археологической экспедицией Сибирского отделения АН СССР под руководством автора данной статьи. В результате обнаружены новые археологические памятники и раскопаны некоторые из них: городище железного века в местности Кокуй у г. Благовещенска, неолитическое поселение с жилищами типа полуземлянок на Осиновом озере у дер. Новопетровки, более ранее поселение («культуры пластин») у той же деревни, поселения раннего железного века на о. Урильском и у дер. Кукелево [2]. Все это позволило значительно яснее, чем прежде, представить древние культуры долины Среднего Амура, а также выяснить их хронологическую последовательность и связи с другими территориями. В долине р. Зеи одним из самых интересных и загадочных является местонахождение каменных изделий у с. Филимошки. Здесь собран немногочисленный, но своеобразный по своему облику и по условиям залегания комплекс каменных изделий. Они находились в слое хорошо окатанной гальки. Галечник, связанный с руслом древнего потока, мощностью около метра, залегает непосредственно на угленосном песчанике. Над галечником прослеживается толща супесей и глин мощностью до 8—10 *м*. Выше на поверхности древней террасы обнаруживаются пески, по-видимому, эолового происхождения.

Каменные изделия представлены кварцитовыми гальками, которые на одном своем конце имеют отчетливые выбоины, произведенные сильными ударами сбоку. На некоторых гальках удары наносились последовательно и с двух сторон. По своей примитивности и морфологическому облику эти предметы поразительно напоминают древнейшие галечные орудия Африки, Передней Азии и Европы, например те каменные предметы, которые Руст, а вместе с ним и другие археологи связывают с древнейшими гоминидами Европы, с гейдельбергским человеком.

Если так, то можно предполагать, что на р. Зее у с. Филимошки обнаружен древнейший не только на нашем Дальнем Востоке, но и вообще в Северной Азии памятник, связанный с деятельностью человека, который может датироваться начальным периодом нижнего палеолита, временем появления первых орудий, изготовленных современниками питекантропа. Во всяком случае, находки у с. Филимошки ставят перед нами новую и волнующую проблему из области древнейшего заселения человеком Дальнего Востока и Сибири в целом. Для более полного освещения этой проблемы необходимы дальнейшие совместные работы геологов и археологов [3].

---

[2] В работах 1954—1961 гг. участвовали А. П. Окладников, Э. В. Шавкунов, В. Е. Ларичев, В. Ф. Кантонистова и др. В работах 1962—1963 гг. участвовали А. П. Окладников, Н. Н. Забелина, А. П. Деревянко, Б. Сапунов, В. Ф. Кантонистова, В. И. Жалковский и др.

[3] А. П. Окладников. О первоначальном заселении человеком Сибири и новых находках палеолита на реке Зее. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

Древнейшими археологическими находками на Среднем Амуре, по-видимому, являются каменные изделия, обнаруженные в 1959 г. Э. В. Шавкуновым на бичевнике левого берега Амура около с. Кумарского, где когда-то стоял знаменитый по летописям Сибири Кумарский острог. Хотя эти предметы найдены уже не in situ, а на береговой речной гальке, типологический облик их достаточно выразителен, для того чтобы не оставалось сомнений в их глубокой древности. В коллекцию входят прежде всего гальки-чопперы, тяжелые и массивные. Таково, например, изделие, изготовленное из гальки подтреугольных очертаний, один край которой затесан сколами, направленными почти перпендикулярно. Затем это нуклеусы особого рода. Таков, например, нуклеус, сделанный из овальной по очертаниям гальки, рассеченной поперек. На одной стороне ее имеется узкая скошенная площадка, образованная плоскостью излома. С другой стороны снимались отщепы и пластины. Они, судя по негативным фасеткам, были широкие и длинные. Этот тип нуклеуса можно назвать эпилеваллуазским или протопризматическим. Весьма вероятно, что он является «потомком» древних леваллуазских нуклеусов Монголии и Забайкалья.

Третья категория крупных каменных изделий из этого местонахождения совершенно своеобразна. Это гальки, сравнительно короткие и массивные, округлых очертаний. Обе стороны их с одного края отесаны широкими сколами и при этом так, что образуется выпуклое клиновидное лезвие. Совершенно такие же рубилообразные изделия из галек с «пяткой» на одном конце и лезвием на другом (отчасти похожие по наличию пятки даже на шелльские рубила) характерны для инвентаря наиболее древних известных нам сейчас памятников каменного века Приморья (Осиновка, Ильюшкина Сопка около г. Уссурийска и др.). Находками впервые документируется широкое распространение на нашем Дальнем Востоке культуры этого типа не только в бассейне Уссури, но и на Амуре. При этом она обнаруживается далеко на север и на запад от основного ее очага, выявленного прежними находками. Найденные вместе с этими изделиями другие каменные предметы, в том числе крупные пластинки и скребки, тоже напоминают вещи из Осиновки и других мест Приморья, хотя могут быть и моложе упомянутых выше.

В следующую группу памятников каменного века на Среднем Амуре выделяются находки на замечательном по своим стратиграфическим условиям и по общему облику инвентаря поселении в устье р. Громатухи в долине р. Зеи. Под мощным дерновым слоем и слоем супеси здесь было обнаружено два культурных слоя. В первом сверху, самом мощном, обнаружен очаг, сложенный из речных галек-голышей, а также каменные изделия и немного керамики (рис. 1, 2, 3).

Среди каменных изделий абсолютно преобладают орудия из целых плоских галек с отесанными краями и часто необработанной поверхностью. Это тесла с выпуклым или прямым лезвием. Вместе с ними обнаружены также скребловидные орудия, выполненные той же техникой. Особенно замечательна серия таких мезолитических по облику и технике изделий, у которых одна сторона гальки целиком оставлена без обработки; эта черта в высшей степени характерна для позднего мезолита Юго-Восточной Азии (культура Хоабин). Вместе с тем следует иметь в виду, что такая техника одностороннего отесывания галек обнаружена была нами и на территории юго-восточного Забайкалья, в бассейне Онона и Шилки. Известна она и в пределах Монгольской Народной Республики, в районе р. Халхин-Гол и оз. Буир-Нур. Здесь, однако, преобладают крупные скребловидные инструменты своеобразной формы, слегка напоминающие позднепалеолитические галечные скребла Сибири, вроде найденных на Верхоленской Горе под Иркутском. Еще более близкие аналогии находкам на Громатухе и в Сергеевке имеются на Нижнем Амуре в комплексе каменных изделий из поселений, находящихся недалеко от железнодорож-

ного моста в Хабаровске. Есть в Громатухе широкие плоские клинки ножей лавролистной формы, обработанные плоскими выравнивающими сколами с двух сторон. Вместе с ними встречены нуклеусы призматического типа («гобийские нуклеусы») и, что было совершенно неожиданно, нуклевидные и полиэдрические резцы с ретушированной рукоятью, аналогичные широко распространенным в Якутии (нуклеусы-дрили по терминологии Б. Э. Петри в Прибайкалье)[4]. Столь же неожиданна по

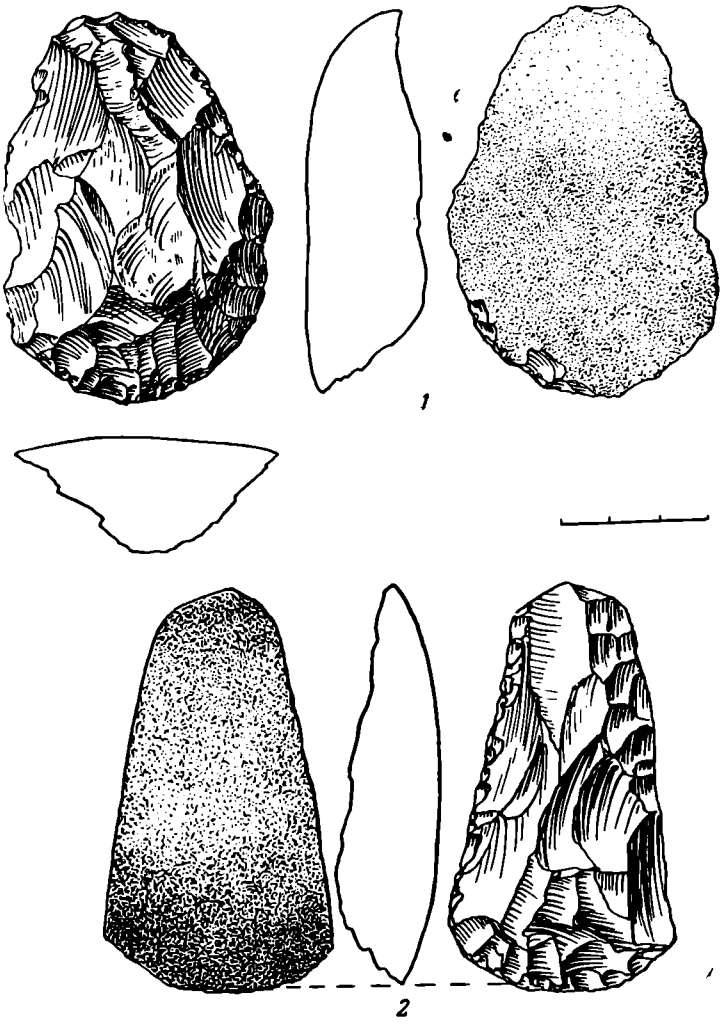


Рис. 1. Громатуха

1, 2 — односторонне обработанные тесловидные орудия из галек

своему облику и найденная при раскопках в Громатухе вместе с этими каменными изделиями керамика. Она разделяется на две группы. В первую входят фрагменты сосудов, близких к неолитической керамике Прибайкалья и Забайкалья. Это венчики сосудов, украшенные гребенчато-пунктирным узором в виде параллельных горизонтальных желобков («отступающая лопаточка»). Во вторую группу входят черепки с узором, напоминающим ложнотекстильную орнаментацию, или просто с отпечатками ткани или же с оттисками, образованными ударами колотушки с намотанными на нее нитями. Эта керамика тоже аналогична посуде, найденной в неолитических культурах Якутии и Забайкалья (Шилкинская пещера). Последняя группа керамических изделий с поселения на Громатухе имеет черты, характерные для керамики среднеамурского неолита, а вместе с тем

[4] А. П. Окладников. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. История Якутии, I, М.— Л., 1955, стр. 95, рис. 27, *8*, *9*.

и Якутии (например, со стоянки Малая Мунку вблизи г. Олекминска). Ее отличительная особенность — выпуклый широкий валик вдоль внешнего края сосуда, украшенный тончайшим гребенчато-штамповым узором из косых линий. На ряде фрагментов есть также узоры в виде треугольников.

Как показали разведочные работы, выполненные участниками экспедиции у с. Сергеевки вблизи Благовещенска, эта своеобразная культура представлена и на Среднем Амуре. В Сергеевке обнаружено два культурных слоя. Верхний, типично неолитический, характеризуется двусторонне ретушированными наконечниками стрел треугольной формы. Нижний, связанный с довольно мощным слоем черноземовидной супеси, дал такие же, как в Громатухе, односторонне оббитые изделия хоабинского облика, а также резцы. Встречается в Сергеевке и немного керамики, хотя и менее выразительной, чем в Громатухе. В целом в этом материале обнаруживается прежде всего наличие весьма древних архаических традиций, по-видимому, юго-восточного происхождения, восходящих к мезолиту, к культуре хоабинского типа. Вместе с тем устанавливается, что такие архаические традиции доживают на Среднем Амуре и Зее до времени зрелого неолита.

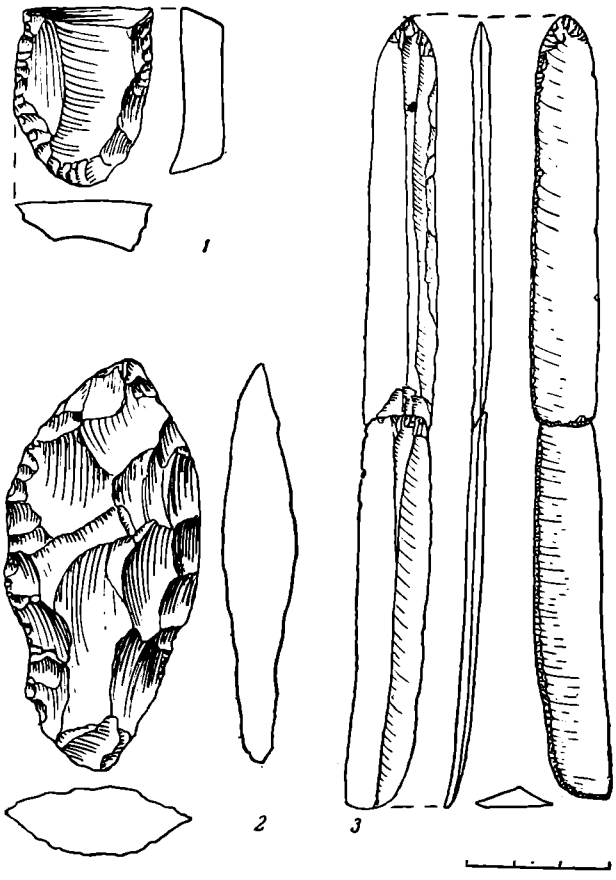


Рис. 2. Громатуха

1 — скребок; *2* — остроконечник двусторонней обработки; *3* — пластины — вкладные лезвия, оформленные в «даурской технике»

Неолитические культуры, влияние которых сказывается на культуре местного населения этой эпохи, в свою очередь, разнородны. Одна из них уходит корнями на Север, в Забайкалье и в Прибайкалье. Вторая — Амурская, своеобразная, отличается от нижнеамурской, достаточно хорошо знакомой нам уже по первым работам в 1935 г. ниже Хабаровска. Все это свидетельствует о сложной культурно-этнической истории древнейшего населения этого района, где перекрещивались влияния Юга и Севера и возникли как бы сплавленные из разнородных культурных элементов новые культуры.

Поздние культуры неолитического облика также имеют здесь черты большого своеобразия. Хронология их недостаточно ясна, но совершенно очевидно, что и они разнородны по своему происхождению и резко отличны друг от друга. Первая такая культура представлена находками на поселении против устья р. Тыгды. Вместе с кремневыми изделиями здесь найдены фрагменты сосуда, украшенного широким выпуклым пояском вдоль внешнего края и орнаментированного косыми линиями.

Вторая неолитическая культура представлена находками на поселении с разрушенным жилищем типа полуземлянки у с. Константиновки

Амурской обл. Вместе с черепками грубо сделанного гладкостенного сосуда в жилище оказались превосходные ножевидные пластины правильной огранки, в том числе оформленные в виде вкладных лезвий, проколок, концевых микроскребков и, наконец, классических наконечников стрел даурского типа. Подобный же инвентарь дали раскопки около дер. Новопетровки, где обнаружены остатки жилищ типа неглубоких полуземлянок, а в них — большое количество характерных каменных изделий

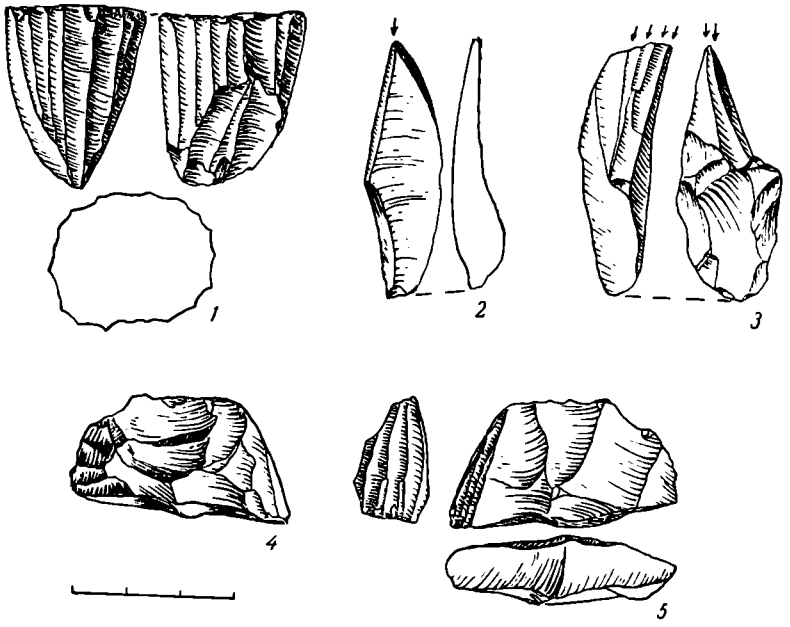


Рис. 3. Громатуха

1 — конический нуклеус; *2—3* — резцы; *4—5* — нуклеус-скребок («гобийского типа»)

из ножевидных пластин. Находки показывают, что эта «культура пластин», которую можно назвать новопетровской по местонахождению с наиболее богатым материалом, выступает как очень яркое и своеобразное явление в истории культур древних племен Сибири и Советского Дальнего Востока. Для нее, так же как и для громатухинской культуры, характерно наличие архаических традиций, восходящих к мезолиту, но традиций совершенно иного рода, идущих из другого источника.

Если в Громатухе определяющую роль играют крупные односторонние оббитые изделия из галек, то в данном случае доминируют изделия из пластин, в том числе даурские острия, изготовленные из пластин, у которых обработаны только края или только черешок и кончик острия. Контраст между этими двумя культурно-типологическими комплексами настолько очевиден, что бесспорно они представляют два каких-то в корне различных культурно-этнических мира. Изучение этих культур и их взаимоотношений является поэтому одной из первоочередных и важнейших задач археологии Дальнего Востока. Третья неолитическая культура в долине Среднего Амура представлена находками на Осиновом озере у дер. Войково; отсюда можно назвать ее войковской культурой. Она характеризуется керамикой особого рода: лощеной, тонкостенной, желтовато-серой по цвету, превосходно обожженной и очень плотной. Характерный для нее орнамент: налепные узкие валики, рассеченные поперечными насечками. Вместе с такой керамикой найдены мелкие, очень тщательно обработанные тончайшей ретушью изделия из белого и желтоватого или бурокрасного халцедона, в том числе наконечники стрел подтреугольных очертаний, обработанные с обеих сторон. Существенно, что в этих комплексах

не обнаружено ни правильных призматических нуклеусов, ни ножевидных пластин (рис. 4).

Остатки поселения войковского типа с аналогичным каменным инвентарем и такой же керамикой обнаружены и в долине р. Зеи. Отличие этой культуры от других неолитических культур Среднего Амура обнаруживается не только в составе каменного инвентаря в типах и способах изготовления каменных изделий, но и в самом материале, из которого они

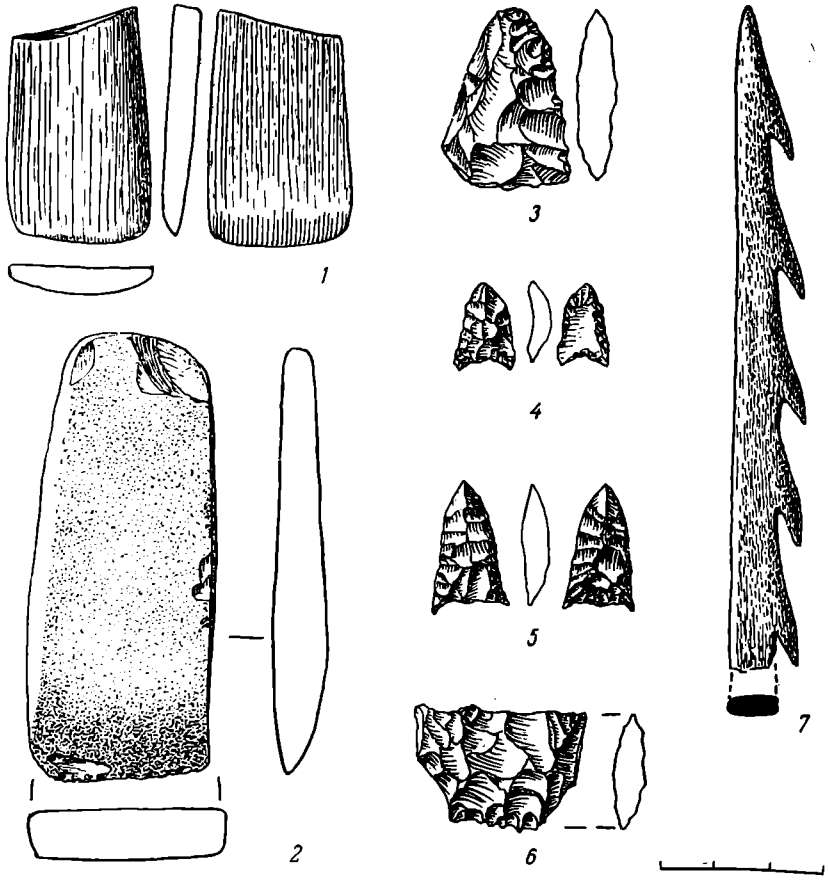


Рис. 4. Осиновое озеро

1, 2 — шлифованные рубящие орудия-тесла; *3* — заготовка для наконечника стрелы; *4, 5* — кремневые наконечники стрел; *6* — обломок вкладыша; *7* — костяной наконечник гарпуна

сделаны. Для новопетровской культуры пластин характерны орудия из вулканического туфа, белого или желтоватого. Для войковской культуры — изделия из халцедона, преимущественно белого полупрозрачного, янтарно-желтого или красноватого — карнеола.

В разрушенном погребении этого времени у с. Троицкого на р. Зее вместе с характерной керамикой оказались обломки нефритовых колец-браслетов, цилиндрических бус и подвесок из того же драгоценного материала. Датировать эти памятники, очевидно, нужно концом III—II тысячелетием до н. э. (около 2000—1500 гг. до н. э.).

О характере хозяйства населения Приамурья в это время судить трудно. Однако каменные наконечники стрел свидетельствуют об охоте, как о важном занятии. Нужно думать, что еще важнее было рыболовство. Но не менее важна находка зернотерки (Осиновое озеро). Судя по ней, в это время зарождается на Среднем Амуре и примитивное земледелие.

И, наконец, в ряде мест на Среднем Амуре, например, у с. Новопокровки, обнаружены следы неолитической культуры, имеющей ближай-

шее сходство с неолитом Нижнего Амура и Уссури. Об этом свидетельствуют фрагменты глиняных сосудов, украшенных характерным орнаментом в виде имитации плетенки из пересекающихся лент («амурская плетенка»; рис. 5, *4*), а также блесны (рис. 5, *1, 2, 3*) из белого нефрита, аналогичные найденным ранее в с. Кондон вблизи оз. Эворон [5]. Там же оказались крупные изделия из камня, в том числе куранты сегментовидной формы. Отсюда следует, что в неолитическое время на Средний Амур проникают какие-то группы выходцев с Нижнего Амура.

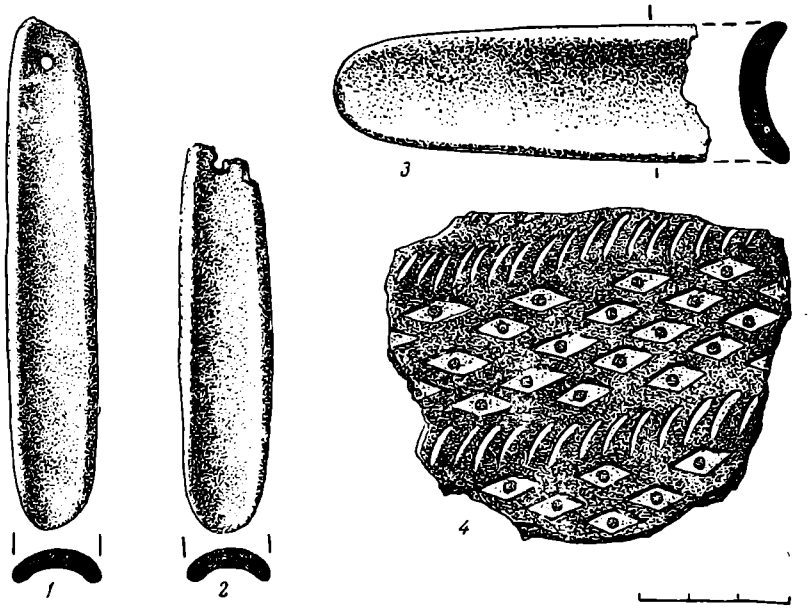


Рис. 5. Новопокровка

1—3 — блесны из белого нефрита; *4* — фрагмент сосуда, украшенный в технике «амурской плетенки»

Проблема перехода от камня к металлу и вопрос о зарождении культуры бронзового века на Дальнем Востоке остаются еще недостаточно разработанными. Поэтому особенно интересны новые сведения о тех археологических памятниках в бассейне Среднего Амура и р. Зеи, которые могут быть отнесены к этому времени.

В долине р. Зеи, в устье р. Анго, обнаружено поселение эпохи бронзы, находки на котором дают представление об оригинальной местной культуре этого времени. Вместе с обломками гладкостенных сосудов здесь найдены многочисленные мелкие отщепы из халцедона и кремня, ножевидные пластины, скребки, а также специфические кривые острия — жальца для составных рыболовных крючков, тщательно изготовленные отжимной ретушью из халцедона. Вместе с каменными изделиями здесь оказались и два крупных рубящих орудия, в том числе один топор из зеленого пефритоподобного змеевика.

По общему характеру находок этот памятник следовало бы отнести к неолиту. Однако вместе с каменными изделиями в культурном слое обнаружена поделка из бронзы. Она имеет вид двух слегка выпуклых тонких бляшек, соединенных вместе, и находит близкие аналогии в материалах из карасукских памятников Сибири, а также из поселений таежной зоны Сибири, на Ангаре. Эта бляшка позволяет датировать данный памятник второй половиной II тысячелетия до н. э., быть может началом I тыся-

[5] A. P. Okladnikov. The History of Fishery in North-Asia; Neolitic Spoon-Bait on the Amur River. Essays Presented to Kaj Birket-Smith on his Seventieth Birthday, January 20th, 1963. «Folk», 5, 1963, Kobenhavn, стр. 256—258.

челетия до н. э. Она наглядно показывает, что бронза впервые обнаруживается здесь на фоне еще чисто неолитической в основе культуры. Устойчиво продолжают жить у лесных племен долины р. Зеи, очевидно, и старые формы быта. Хозяйство, судя по костям животных, найденных на поселении, тоже продолжает оставаться охотничье-рыболовческим.

Совершенно иную картину представляют памятники близкого времени, найденные в долине Амура ниже Благовещенска. Среди них наиболее интересны памятники типа древнего поселения на о. Урильском. Поселение это было весьма обширным и состояло из остатков ряда больших полуподземных жилищ и связанных с ними хозяйственных ям. Внутри жилищ обнаружены обломки глиняных сосудов различного вида. Сосуды, все без исключения, были плоскодонными. По форме отделки поверхности и украшениям они делятся на две группы. Первую группу составляют грубые кухонные горшки ведрообразной формы, часто с нагаром на стенках. Они украшены в основном двумя способами: а) резными прочерченными линиями и б) налепными валиками, часто рассеченными поперечными насечками. Орнаментация прочерченными линиями имеет, как правило, один и тот же характер. Около горла сосуда нанесена своего рода сетка из Г-образных элементов, явно представляющих собой «разложившийся меандр». Меандр этот нередко обнаруживается с полной отчетливостью, иногда же он лишь угадывается. Во вторую группу входят узкогорлые сосуды со стоячим венчиком-воротничком. У них широкие выпуклые бока и относительно узкое плоское дно. Тулово их имеет поэтому почти сферическую форму. В культурном слое поселения найдены обсидиановые и халцедоновые отщепы, плоские, прямоугольные в поперечнике шлифованные топоры, обломки зернотерочных плит.

Самая замечательная здесь находка — бронзовая лапчатая подвеска. На поселении найдены также железные изделия — орудия вроде узких кельтов, вероятно земледельческие.

Известны и другие памятники железного века, которые, вероятно, можно разделить на ряд этапов. К весьма раннему времени нужно отнести укрепленное валами и рвами поселение у поселка Кокуй, в районе Аэропорта у г. Благовещенска.

Керамика здесь необычная: лепная, но гладкостенная, хорошей выделки.

Затем следует отметить многочисленные мохэсские поселения с остатками полуподземных жилищ, в которых найдена характерная керамика в виде высоких сравнительно узкогорлых ваз, в том числе с ложнотекстильным орнаментом. Вместе с такой керамикой найдены железные втульчатые топоры-кельты.

Средневековая эпоха представлена поселениями двух типов. К первому типу относятся поселения с землянками, где встречается еще мохэсская керамика, а вместе с ней обломки сосудов, украшенных тисненым узором в виде ромбов и елочек. Это поселения VIII—IX вв.

Вторая группа поселений в долине Амура и Зеи датируется чжурчженьскими монетами XI—XIII вв. Поселения эти состояли из больших жилищ (площадью более 100 $м^2$) с канами внутри. Посуда изготовлена на гончарном круге. К этому же времени, по-видимому, относится и бóльшая часть укрепления на изолированном холме («Шапка»), одиноко возвышающемся посреди пойменной равнины вблизи дер. Поярковой. К XI—XIII вв. относится ряд могильников, в том числе около с. Троицкого, где обнаружены костяки с характерными костяными наконечниками стрел, трехгранными в поперечнике, железными пряжками, бляшками и железными пластинами от составного панциря.

Последняя группа датированных средневековых памятников, судя по найденным немногочисленным монетам, относится к XV—XVII вв., т. е. к даурскому времени. Это, как правило, городища с многочисленными и очень небольшими ямами на них. Городища обычно расположены в

труднодоступных местах. Часто они укреплены весьма сложной системой рвов и валов. Поселения эти почти совершенно лишены находок.

Таким образом, в результате последних исследований (1954, 1961—1964 гг.) общая картина древнейшей истории Амурского края представляется значительно более сложной и богатой событиями, чем можно было думать раньше.

Вместе с тем выясняется, что культуры обитавших здесь в древности племен и народов делятся по крайней мере на три группы, а долина Амура — на три большие области, в каждой из которых исторический процесс шел своим путем.

Первая область — верховья Амура, примерно до устья Аргуни. Здесь в III—I тысячелетиях до н. э. продолжаются забайкальские культурные традиции неолитической эпохи, но происходит сложный переплав лесных прибайкальских и якутских культур, при участии степных и собственно амурских. Позже сюда проникают мохэ и, вероятно, шивэй.

Вторая область — Средний Амур, о котором говорилось выше. Третья область — Нижний Амур.

Дальнейшее более глубокое изучение археологических памятников и древних культур этих областей принесет, несомненно, еще много неожиданного и еще более усложнит историю культурных и этнических взаимоотношений на этой территории. Но и сейчас ясно, что это один из интереснейших районов для историков, занятых изучением древних культур Азии. Здесь на протяжении тысячелетий прослеживается процесс развития местных самобытных культур, каждая из которых вносила в историю азиатского материка нечто собственное. Разумеется, существовали разнообразные культурно-исторические связи с другими областями и странами Азии, в первую очередь с Сибирью и Монголией, а также с соседней Маньчжурией. Но при этом всегда сохранялось местное своеобразие.

Выявить эту историческую специфику развития местных древних культур, проследить исторический путь носителей этих культур — задача увлекательная и захватывающая.

А. А. ПЕРЕДОЛЬСКАЯ

ОРИГИНАЛ ИЛИ ПОДДЕЛКА?

(По поводу луврского серебряного ритона)

В журнале «Советская археология» было опубликовано краткое сообщение Иржи Фрела, посвященное новому приобретению Луврского музея — серебряному позолоченному ритону в виде кабаньей головы с рельефными фигурами скифов на венчике [1].

Автор преследовал цель «привлечь внимание... читателей к памятнику, заслуживающему особого интереса» ввиду поразительной близости его фигурного фриза к знаменитой электровой вазе из кургана Куль-Оба. Это сходство, на первый взгляд, действительно так велико, что у автора заметки невольно возникла мысль: не являются ли оба произведения искусства изделиями не только одного художественного круга, но даже «рук одного гениального мастера».

Как И. Фрелу, так и Ж. Шарбонно, первому издателю ритона [2], происхождение этого редкого памятника осталось неизвестно. До них дошли лишь смутные слухи, что между 1910 и 1920 гг. ритон находился в одной из частных коллекций в Германии. Этот факт, как увидим ниже, имеет немаловажное значение.

Мне этот памятник стал известен по фотографии несколько раньше. В 1958 г. я получила из Цюриха письмо от медиевиста Жоржа Сальманна с просьбой высказаться по поводу этого серебряного ритона. К письму были приложены великолепно исполненные фотографии сосуда с деталями. Автор письма сообщил, что он показывал фотографии профессору Национального музея в Афинах Х. Карузо, который с оговоркой, что он не видел оригинала, высказался весьма осторожно: по его мнению, это «великолепной работы произведение греческого, точнее ионийского искусства периферии конца IV в. до н. э.». Зная, что большинство скифских памятников хранится в музеях Советского Союза, где они изучаются и имеют тщательную документацию, Ж. Сальманн обратился ко мне, очевидно, как сотруднику Эрмитажа, где собрано наибольшее количество предметов торевтики. Фотографии дали мне возможность получить общее представление о фигурном сосуде и о деталях его композиции, которые тогда же вызвали у меня сомнения в подлинности памятника, о чем я сообщила в ответном письме г-ну Сальманну.

Ознакомившись в начале 1963 г. с предварительной публикацией луврского ритона, я написала о своих подозрениях профессору Страсбургского

[1] Иржи Фрел. Новый скифский памятник из Лувра. СА, 1964, 3, стр. 292—293.

[2] J. Charbonneaux. Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1962, стр. 284—289; его же. Rhyton greco-scythe. «La Revue du Louvre et des Musées de France», 12, 1962, 6, стр. 295—296. В докладе и статье Ж. Шарбонно особое внимание уделил вопросу о лабораторном исследовании поверхности серебра, частично хлорированного, что, по его мнению, должно свидетельствовать о подлинности памятника.

университета П. Амандри, а несколько позже — Ж. Шарбонно. Разумеется, я и тогда понимала и теперь продолжаю думать, как трудно и ответственно высказывать сомнения в подлинности любого произведения искусства, не имея его перед глазами и ограничиваясь лишь впечатлениями, полученными от фотографий. Легко в этом случае впасть в ошибку. Это требует большой осторожности и громадного опыта. И тем не менее, хотя я и не могу судить с достоверностью о многих сторонах изготовления ритона (технические приемы его обработки, состояние поверхности, характер повреждений и т. п.), мое первое впечатление о фальсификации его остается в силе; оно даже окрепло в результате изучения и пересмотра старой русской литературы, касающейся острой и напряженной борьбы русских ученых с фальсификаторами южнорусских древностей в конце XIX и начале XX в. Не зная истории этой борьбы, трудно разобраться в столь сложном вопросе: чем же является луврский ритон — подлинным произведением искусства или искусной подделкой?

Кипучую работу по разоблачению и борьбе с фальсификаторами, появившимися в результате успешной деятельности русских археологов XIX в., проводил директор Одесского археологического музея Э. Р. Штерн. В 1896 г. он выступил с обстоятельным докладом на X Археологическом съезде в Риге [3], где коснулся известной аферы с тиарой Сайтафарна, наделавшей много шума. В течение многих лет, до своего отъезда из России, он постоянно выступал с разоблачениями на регулярно проводимых заседаниях Одесского Общества истории и древностей. Протоколы этих заседаний систематически печатались в «Записках» Общества. Цель этих заседаний заключалась в предупреждении научной общественности, коллекционеров, любителей и собирателей античных предметов от мошеннических проделок торговцев и спекулянтов древностями.

Деятельность фальсификаторов в России началась в первой трети XIX в. и продолжалась вплоть до первой империалистической войны. Центрами этой деятельности были сначала Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Северный Кавказ и восточная часть Крымского полуострова, главным образом Керчь: после 80-х годов XIX в. в связи с началом археологических работ в Ольвии — Очаков и Одесса. Подделывались почти все предметы античного художественного ремесла — расписные вазы и терракоты, изделия из мрамора, в том числе эпиграфические памятники, появившиеся в большом количестве после изданного В. В. Латышевым «Корпуса» надписей; наконец изделия из золота и позже из серебра.

Наибольшего расцвета фальсификация ювелирных изделий достигла в середине 90-х годов прошлого века, ярким примером чему может служить упомянутый выше скандал с золотой тиарой Сайтафарна, изготовленной одесским ювелиром И. Рухумовским [4].

В тесном контакте с Э. Р. Штерном работали В. В. Латышев (по разоблачению фальсификаторов в эпиграфике), А. Л. Бертье-Делагард [5], Е. М. Придик, впоследствии О. Ф. Вальдгауер [6]. Они принимали активное участие в международном печатном органе, специально предназначенном для музейных работников,— Mitteilungen des Museen-Verbandes (als Ma-

[3] Э. Р. Штерн. О подделках классических древностей на юге России, Тр. X АС, I, М., 1899, стр. 189—196. Реферат этого доклада был опубликован в ЖМНП. СПб., декабрь, 1896, стр. 129 сл.; его же. Die Fälschungen in Odessaer Museum und die Fälschertätigkeit in Südrussland. «Mitteilungen des Museen-Verbandes», 432, 27 Juli, 1914.

[4] Подробно история эта изложена недавно в книге A. Vayson de Pradenne. Les fraudes en Archéologie prehistoriques. Paris, 1932, стр. 519—571; без автора. Израиль Рухумовский и его работы. Одесса, 1903.

[5] А. Л. Бертье-Делагард. Подделка греческих древностей на юге России. ЗООИД, XIX, 1896, стр. 27—68.

[6] В своих лекциях по истории античного искусства в Петербургском университете и в Институте истории искусств О. Ф. Вальдгауер всегда уделял время вопросам фальсификации древностей, пользуясь для этого специальной коллекцией Эрмитажа.

nuskript für die Mittglieder gedrückt und angegeben), выходившем с 1899 г.[7]. Из иностранных ученых, выступавших в этом журнале по поводу южнорусских подделок и их фальсификаторов, следует особо отметить роль такого крупного знатока, каким был проф. Р. Цан[8]. С разоблачением фальсификаторов обстоятельно выступил А. А. Иессен[9]. Обильный материал к истории подделок ювелирных изделий собрала А. П. Манцевич, которой я обязана многими ценными сведениями. Она познакомила меня со многими видами деятельности современных международных фальсификаторов, заполняющих антикварные рынки продуктами своей выгодной деятельности, принявшей в настоящее время угрожающие размеры. Поэтому вопрос о подделках древностей, особенно из драгоценных металлов — золота и серебра, в разных центрах Европы и Азии остается жгучим, так как подделки не только переполняют частные коллекции, но и проникают в большие музеи. Так, видимо, произошло и с серебряным ритоном, приобретенным Луврским музеем.

Мои первоначальные подозрения о причастности к этому делу (к изготовлению рисунков ритона и к сбыту его за границу) одного из братьев Гохманов, проживавших в 90-х годах в Очакове, окрепли после изучения их прошлой деятельности по тем материалам, которые были в моем распоряжении. Думаю, что это был младший из них Лейба (он же Леон Гаухман), наиболее дерзкий и предприимчивый, не раз уличенный перед Э. Р. Штерном его старшим братом Шаприелем (или Шепселем) Гохманом. Именно по рисункам Лейбы Гохмана одесские ювелиры (в их числе был и И. Рухумовский) изготовляли предметы из золота, которые потом ловко сбывали.

Я не ставлю своей задачей дать в этой заметке подробный обзор деятельности фальсификаторов и их главных заказчиков и агентов по распространению братьев Ш. и Л. Гохман. Об этом достаточно широко известно. Напомню только, что деятельность их охватывала широкие круги: они сбывали предметы древности и имели связи не только в России, но и в Германии, Польше, Франции, Англии, Болгарии, Греции и в Италии[10]. Они хорошо знали крупных коллекционеров и любителей, скупавших древности и проникали в большие музеи.

Действовали братья Гохманы энергично и настойчиво, не только лично, но нередко и через подставных лиц. Одним из таких подставных агентов Лейбы Гохмана в первом десятилетии XX в. была, например, крестьянка из с. Парутино (Ольвия), по имени Анюта[11]. Э. Р. Штерн сообщал, что обычно она являлась в музей, к коллекционеру или любителю древностей с предложением одного или серии предметов из драгоценных металлов, рассказывая при этом подробную историю о месте и обстоятельствах находки, что производило определенное впечатление на покупателя. Для большей убедительности рассказа среди предложенных к покупке подделок находились нередко и подлинные памятники — мелкие золотые предметы, расписные вазы, терракоты и т. п.

О продолжительной жизни подделок и последующем (спустя много лет после первой попытки продажи) появлении их на антикварных рынках, об умело наведенной искусственной патине, которую иногда трудно было отличить от древней, писали в то время, кроме Е. Р. Штерна, Р. Цан и Е. М. Придик[12].

[7] К сожалению, в моем распоряжении имеются не все выпуски этого важного издания. Не удалось обнаружить и протоколы архива этого общества: Archiv des Verbandes von Museumbeamten с приложением таблиц.

[8] Mitteilungen des Museen-Verbandes, 245, 251, 269, 272, 277, 278, 291, 296, 303, 415 и др.

[9] А. А. Иессен. Так называемый «Майкопский пояс». Археологический сборник, 2, Л., 1961, стр. 163—177.

[10] Mitteilungen..., 245, 251, 272, 273, 279, 364, 432 и др.

[11] E. von Stern. Über Neues aus der Gauchmannschen Fälschertätigkeit № 310 (июнь 1911); его же. Сообщение от сентября 1913 г., в Mitteilungen..., 432 (1913).

[12] Mitteilungen..., 230, 257, 269, 304 и 432.

Рис. 1. Электровая ваза из кургана Куль-Оба. Деталь (Эрмитаж).

Какова же была история луврского ритона до его появления в Швейцарии и приобретения Лувром? Ответить на этот вопрос очень трудно: многое здесь остается пока еще неясным, многое, вероятно, не удастся полностью раскрыть. Несомненно одно: на тесную связь луврского ритона с югом России указывает, как это и было отмечено Ж. Шарбонно и И. Фрелом, необычайная близость его к электровой вазе из кургана Куль-Оба. Если ритон не является подлинным, а только ловкой и дерзкой подделкой, то и в этом случае его некоторое сходство с южнорусскими памятниками греко-скифского искусства неоспоримо.

Что же заставило меня сомневаться в подлинности ритона и вспомнить о подделках? Позволю себе вкратце повторить те соображения по этому поводу, которые были высказаны мною в письмах к Ж. Сальманну, П. Амандри и Ж. Шарбонно.

На куль-обском сосуде скифы (их пятеро) изображены сидящими или коленопреклоненными. Позы их просты и естественны. Пропорции фигур нормальны и соразмерны. Ступни ног, обутых в мягкие башмаки, удобно упираются в обозначенные неровности почвы (камни, выступы) (рис. 1). В таких же точно позах, сидящими и коленопреклоненными изображаются шестеро варваров на аналогичной по форме и стилю серебряной вазе, найденной в 1911 г. близ Воронежа [13].

В противоположность им на ритоне в Лувре все пятеро скифов стоят. Позы их крайне неловки и неустойчивы, что можно объяснить, вероятно, неправильным положением ступней ног, обутых в такие же мягкие башмаки, но неизвестно как покоящихся на земле.

Пропорции фигур неуклюжи: у них слишком длинная талия, сравнительно короткие ноги, толстый зад. Неудачны и движения рук (рис. 2). У братающихся скифов, обнимающих друг друга за шею, кисти вялых рук совершенно одинаково лежат на плечах, прикрытые длинными волосами товарища. Вывернута в плече правая рука «вождя». Неправдоподобен ракурс руки у слуги, держащего за повод оседланную лошадь. Последняя особенно грубо исполнена и не имеет аналогий среди греко-скифских памятников: передние ноги ее стоят наподобие деревянных столбов. Лошадь

---

[13] М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР, 34, Пгр., 1914, табл. I—III, стр. 79—93.

Рис. 2. Группа братающихся. Деталь ритона из Лувра

на ритоне в Лувре напоминает мне неуклюжий тип коня на золотой пластине из Мерджан[14] (бассейн р. Кубани), отобранной в 1876 г. полицией у грека — жителя этой станицы. По словам владельца, пластина эта была якобы найдена им в лесу, под курганом. Какая разница с изящными, полными жизненной правды и красоты лошадьми на чертомлыцкой вазе или на золотых бляшках из Куль-Обы[15]! Не имеет аналогий и убранство коня, искусственно составленное из отдельных археологических деталей, встречающихся в разных комплексах.

Упомянутая уже сцена братания представлена на памятнике в Лувре в явно искаженном виде. На известной куль-обской группе (рис. 3) оба скифа одновременно подносят ритон к губам, что соответствует обычаю, описанному Геродотом[16]. Лица их при этом соприкасаются. На сосуде в Лувре только о д и н скиф пьет из ритона, что является явным искажением смысла ритуального обряда. Правда, следует отметить, что на стенках сосуда сохранились следы от первоначального более правильного положения ритона, при котором оба скифа одновременно касались губами краев кубка, но желание усложнить композицию, изобразив лицо одного из братающихся в трехчетвертном повороте, заставило мастера изменить мотив, раздвинув фигуры и лица. Подозрительна и сама форма ритона в руках у братающихся: она искривлена и заканчивается протомой собаки, как на золотом ритоне из IV Семибратнего кургана[17]. Мастер, изготовлявший ритон из Лувра, пользовался, несомненно, этим оригиналом, как образцом для своей работы.

К сожалению, у меня сейчас нет никакой возможности представить себе, как была интерпретирована эта же сцена в золотой поддельной группе братающихся, находившейся, по словам Р. Цана, в одной из антикварных фирм Лондона, владельцы которой «Спинк и сын» были связаны с Гох-

---

[14] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, 49, СПб., 1913, табл. X—XI, стр. 133 сл.; М. И. Артамонов. Антропоморфные божества в религии скифов. Археологический сборник, 2, стр. 62, рис. 6; А. П. Манцевич также сомневается в подлинности этой пластины.

[15] Чертомлыцкая ваза: Antike Denkmäler, IV, Berlin, 1929, табл. 42—48; Куль-Оба; АВС. Petersburg, 1854, табл. XX, *9*.

[16] АВС, табл. XXXII, *10*; М. И. Ростовцев. Ук. соч., табл. II, *2*.

[17] M. Rostovzeff. Iranians and Greks in South Russia. Oxford, 1922, табл. 12; Herbert Hoffmann. The Persian Origin of Athic-Rhyta. Antika Kunst, 1961, табл. 11, *6, 7, 9*.

маном и содействовали распространению южнорусских подделок [18]. Р. Цан ссылался при этом на знакомство фальсификатора с изданием «Древностей Боспора Киммерийского», откуда он заимствовал композицию и «богатые орнаменты» на одеждах. Кстати сказать, эти орнаменты отсутствуют на куль-обской группе и были заимствованы с электровой вазы.

Рис. 3. Группа братающихся. Ритон из кургана Куль-Оба

Крайне сомнительна для меня и сценка с отрубленной головой врага, положенной к ногам «вождя» тут же стоящим воином. И эта сценка навеяна несомненно рассказом Геродота о жизни и обычаях скифов. Э. Р. Штерн не раз подчеркивал, что фальсификаторы хорошо знали IV главу Геродота, откуда черпали материалы для своих сюжетов и мотивов. «Как ни грустно, но надо сознаться, что южнорусская фабрика поддельных надписей имеет сотрудника с известным образовательным цензом»,— писал по поводу поддельных надписей Э. Р. Штерн [19]. Эту же мысль можно отнести не только к надписям, но и к другим видам подделок.

Отрубленная голова, как нам известно, обычно изображалась на предметах сомнительного происхождения, т. е. таких, подлинность которых не может быть подтверждена археологическими данными раскопок. Я имею в виду золотые предметы из бывшей коллекции ростовского купца Романовича, гальванопластические копии с которых хранятся в Эрмитаже [20]. На одной из золотых ажурных пластин этой коллекции в сцене битвы скиф несет отрубленную голову убитого врага [21].

Не подтверждается археологическими документами происхождение, а следовательно и подлинность, другого памятника, якобы случайно найденного около станицы Курджипской (Северный Кавказ). Это — колпачок с рельефными фигурами варваров, которые приносят клятву перед копьем; один из них держит в руке непомерно большую отрубленную голову [22].

Уже М. И. Ростовцев отметил сомнительное происхождение, подозрительный характер колпачка и его стилистическую близость к предметам из коллекции Романовича [23]. С ним согласился Е. М. Придик, доказав, что

---

[18] Mitteilungen..., 272 (25 июня 1910). По словам продавца, вещь происходила якобы из Персии. На вазе с обратной стороны были даже обозначены имена скифов. Запрошенная продавцом цена была очень высока (1000 фунтов ст.).

[19] Э. Штерн. Несколько заметок по поводу статьи В. В. Латышева «О поддельных греческих надписях из южной России». ЗООИД, XVIII, 1895, стр. 68. Ср. также замечание Э. Штерна в Mitteilungen..., стр. 432, стр. 49.

[20] Вещи из этой коллекции в 1895 г. были предложены к покупке в Эрмитаж, для чего в Археологическую комиссию были присланы гальванопластические копии. Подлинность их тогда же была взята под сомнение, и в покупке было отказано.

[21] В настоящее время пластина издана в каталоге выставки, посвященной 7000-летию искусства Ирана: «Petit Palais, sept mille ans d'art en Iran. Octobre 1961—Janvier 1962», табл. LXXIV, *731*. О поддельном колпачке из коллекции Романовича: Е. М. Придик. Über die russischen Fälschungen von Antiken. Mitteilungen..., 273, 431.

[22] Эрмитаж, Отдел истории первобытной культуры и искусства, инв. КУ 1898, 4/34; ОАК (С — R) за 1895, стр. 62, рис. 140; E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 223, рис. 126.

[23] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пгр., 1925, стр. 328—329. По словам М. И. Ростовцева, второй совершенно тождественный экземпляр колпачка находился в музее Екатеринодара (ныне Краснодар). Изготовление двух одинаковых или поч-

подлинные колпачки никогда не украшались рельефными фигурами, а всегда оставались гладкими [24]. Подделкой считает курджипский колпачок и А. П. Манцевич, с мнением которой я полностью соглашаюсь.

На пластине из Куль-Обы местная змееногая богиня держит в левой руке маску силена, а не отрубленную голову [25], а на штампованной бляшке из Херсонеса местная богиня держит в руках головы драконов, образующих ее ноги [26].

После разоблачения аферы Рухумовского спрос на золотые предметы с юга России сильно упал. Уже в 1898 г. Лувр отказался приобрести предложенные ему Ш. Гохманом золотые изделия, в числе которых находился ритон с рельефными изображениями сцен из степной жизни скифов [27]. По единодушному мнению французских ученых, этот сосуд, по их словам близкий по технике и стилю к тиаре Сайтафарна, тогда же был признан подделкой. Интересно было бы выяснить его судьбу, где он в настоящее время находится и не имеет ли отношения к последнему приобретению Лувра?

По сообщению Е. Р. Штерна, предприимчивые мошенники, в том числе и Л. Гохман, перешли на изготовление и распространение подделок из серебра. Первая подделка из серебра (маска бородатого бога) была продана Одесскому музею. Она была выбита по мраморному бюсту, оказавшемуся тоже подделкой и также проданному в музей [28]. В 1906 г. серия поддельных сосудов из серебра была продана Л. Гохманом через посредство подставных лиц одному высокопоставленному лицу в Крыму, о чем Э. Р. Штерну сообщил генерал А. Л. Бертье-Делагард [29].

Вторая крупная серия поддельных серебряных ваз с рельефными фигурами была продана в 1908 г. Московскому историческому музею, где фальсификация вскоре была обнаружена [30].

После этих двух крупных сделок в России Л. Гохман перенес свою деятельность по сбыту фальшивых серебряных изделий за границу, в частности в Германию, куда был направлен в 1908 г. большой «транспорт» подделок. По мнению Э. Р. Штерна, многие из них были приобретены крупным антикваром в Касселе, вероятно, Максом Крамером. Последний находился в сношениях с братьями Гохман и с известным собирателем южнорусских древностей Фогелем, в организации распродажи коллекции которого Крамер играл активную роль.

Среди подделок этой посылки Штерн упоминает еще один серебряный ритон и бронзовое зеркало с золотой рукояткой, украшенной рельефами. Зеркало приобрел И. Сивекинг из Мюнхена, который уже в декабре 1908 г. писал Э. Штерну о своих сомнениях в подлинности покупки. Когда Штерн показал фотографию зеркала Ш. Гохману, тот признал в нем работу своего младшего брата.

Что касается упомянутого серебряного ритона, то, вероятно, его следует считать тождественным с изданным Р. Цаном «сильно позолоченным» поддельным ритоном в форме головы барана [31].

ти одинаковых предметов, по словам Э. Штерна,— явление, типичное для фальсификаторов.

[24] Е. М. Придик. Новые Кавказские клады. МАР, 32, Пгр., 1914, стр. 109, примеч. 2.

[25] ДБК. ABC, табл. XX, *8*.

[26] Эрмитаж, инв. X, 1899, 13.

[27] M. Collignon. Tiare en or offerte par la ville d'Olbia au roi Saitaphernés, Fondation Eugène Piot. Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, VI, Paris, 1899, стр. 58; A. Vayson de Pradenne. Les fraudes en archéologie préhistoriques, стр. 543. Неясно, был ли ритон золотой или может быть сильно позолоченный?

[28] Э. Р. Штерн. О новом способе фальсификации в мраморе и серебре. ЗООИД, XXVI, Одесса, 1906, стр. 55—59; E. von Stern. Die Fälschungen im Odessaer Museum und die Fälschertätigkeit in Südrussland, Mitteilungen..., 432, стр. 51.

[29] E. von Stern. Über Antikenfälschungen im südlichen Russland. Mitteilungen.... 256 (июль 1910), стр. 9.

[30] Mitteilungen..., 230, 256 и 432.

[31] Mitteilungen..., 245 и 251.

И еще об одном серебряном ритоне, принадлежавшем неизвестному владельцу имения близ Керчи, сообщал Р. Цан, ссылаясь на письмо проф. Хадачека[32], к которому являлся «неизвестный еврей» вероятно Л. Гохман, приезжавший, по его словам, лечиться в Германию.

Вернемся к поддельным сосудам Московского исторического музея[33]; их было семь. Куплены они у разных граждан (Штерн говорил о подстав-

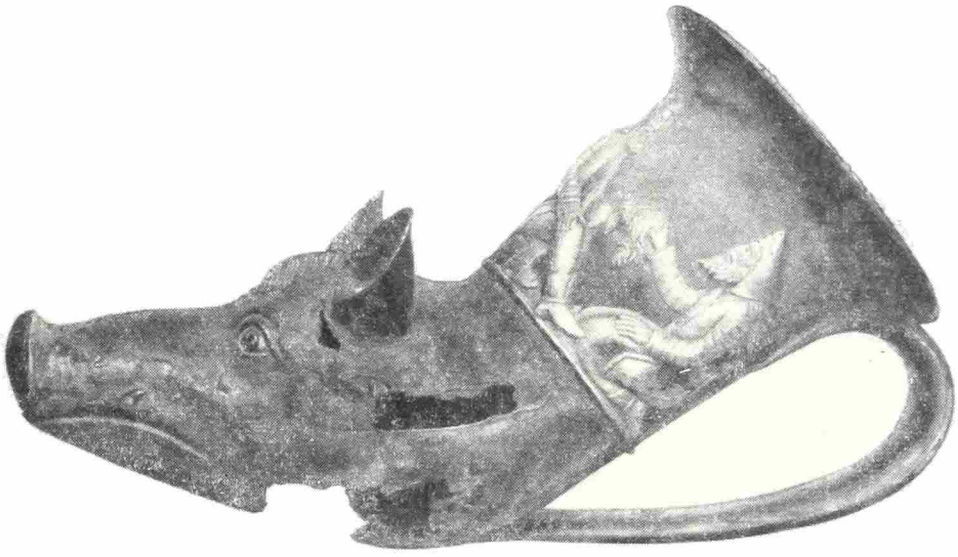


Рис. 4. Серебряный ритон. Общий вид. Исторический музей (Москва)

ных лицах Л. Гохмана, в том числе об Анюте). По словам продавцов, вещи считаются происходящими из дер. Ивановки близ Никополя, т. е. из района, где был открыт Чертомлыцкий курган, многие находки которого, как известно нам, послужили образцами для фальсификаторов. Для нашей цели особый интерес представляет ритон, поразительно близкий к ритону в Лувре[34] (рис. 4). Сходство между ними настолько разительно, что, как мне кажется, не требуется ни тщательного описания московского ритона, ни особых доказательств того, что оба экземпляра вышли из одной мастерской, использовавшей в качестве образца для своих фигур рельефы кульобской вазы.

Форма московского ритона в виде кабаньей головы, ручка, техника ее прикрепления, характер и стиль позолоченного орнамента по верхнему краю венчика являются почти полным повторением луврского экземпляра. В одинаковой манере нанесены даже повреждения на сосудах. Правда, морда животного на московском ритоне осталась непозолоченной, слабые следы позолоты едва заметны в зрачках глаз, серебро после реставрации в 1908 г. почернело.

На венчике — широкий фриз из четырех позолоченных фигур скифов, расположенных попарно: с одной стороны группа братающихся, с другой — коленопреклоненный воин-скиф подносит сидящему на камне «вождю» отрубленную голову. Фигуры скифов, несмотря на различные позы —

---

[32] Mitteilungen..., 272, стр. 5.

[33] Благодарю директора музея и Н. П. Сорокину за фотографии и краткие сведения о происхождении всех семи ваз.

[34] Куплен у А. А. Чумаченковой (не она ли упомянутая Штерном «Анюта»?). Инв. № 44876. К сожалению, я не имела возможности видеть ритон, но по моей просьбе все эти подделки осматривали в 1965 г. мои коллеги А. И. Вощинина и С. П. Борисковская.

в одном случае сидящие и коленопреклоненные (Москва), а в другом — стоящие (Лувр), по стилю очень близки между собой и явно заимствованы с куль-обской вазы; их лица, прически, характер орнаментированных одежд, трактовка кистей рук и других деталей почти идентичны. В обоих случаях в исполнении сцен допущены одни и те же ошибки, по неграмотности искажающие смысл и значение обычаев: в группе братающихся только один скиф касается губами края сосуда, которому мастер придал одинаковую форму золотого ритона с протомой собаки из Семибратного кургана. На подлинной группе из Куль-Обы оба скифа пьют одновременно из ритона обычной формы. И в том и в другом случае имеет место сцена с отрубленной головой, не встречающаяся на подлинных памятниках.

Близость луврской и московской ваз настолько поразительна, что, на наш взгляд, каких-либо дополнительных доказательств их зависимости друг от друга не требуется. Обе они являются подделками «гохмановского» типа и стиля.

Е. К. МАКСИМОВ

САРМАТСКИЕ БРОНЗОВЫЕ КОТЛЫ И ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЕ

Среди предметов скифо-сарматских древностей известны бронзовые или медные литые котлы. Большинство котлов имеет полусферическое тулово с двумя вертикальными арочными ручками по краю, укрепленное на полом коническом поддоне-ножке. Этот тип котлов принято называть «скифским». Он близок по форме к типу сибирских котлов, отличаясь от него некоторыми деталями [1]. К этому же «скифскому» типу обычно относят и котлы, имеющие яйцевидный корпус с узким коническим дном. Некоторые исследователи считают, что у этих котлов отпала ножка-поддон, а в древности они имели рюмковидную форму [2]. Это соображение собственно и давало право причислять их к «скифскому» типу.

Другие ученые видят в таких котлах «северокитайский» тип и связывают их с гуннами [3]. В действительности, форма яйцевидных котлов с узким дном без поддона не типична для Скифии, а также для гуннов, котлы которых несколько иной формы и укреплены на прорезной ножке [4]. Правда, в Казахстане и Киргизии встречаются котлы без поддона-ножки, но форма корпуса иная — шаровидная слегка сплюснутая у полюсов; дно округлое, широкое. Иногда ко дну прикреплены три широко расставленные ножки, изображающие ноги животных, согнутые в коленях. Ручки у котлов горизонтальные, на корпусе небольшие вертикальные петли [5]. Следовательно, и эти котлы отличаются от яйцевидных котлов без поддона.

Нам известны 17 находок бронзовых котлов с яйцевидным туловом и узким коническим дном, хранящихся в различных музеях страны.

1. Бронзовый котел (рис. 1, 7) с полуяйцевидной формой и суживающимся дном корпуса. Край корпуса скошен внутрь; по краю приварены две диаметрально расположенные вертикальные ручки из согнутого круглого в сечении прута. Ниже края, по широкой части корпуса, проходит веревочный валик. Дно котла узкое, в древности прохудившееся, снаружи наложена заплатка. Края заплатки крепко приклепаны частыми медными клепками. Поверхность корпуса грубая, со следами затеков металла и вер-

---

[1] В. П. Левашова, Э. Р. Рыгдылон. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 134.

[2] Е. І. Соломонік. Нові пам'ятки з сарматськими знаками. АП, XI, Київ, 1962, стр. 164; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Тр. Чечено-Ингушского НИИ, VI, Грозный, 1963, стр. 91.

[3] J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, стр. 58.

[4] Z. Takács. Catalaunischer Hunnenfund und seine ostasiatischen Verbindungen. «Acta Orientalia». V, 1—2, Budapest, 1955, стр. 148—152; N. Fettich. La trouvaille de tomb princière hunnique a Szeged-Nagyszéksós. AH, XXXII, Budapest, 1953, стр. 140—144.

[5] Е. Ю. Спасская. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии. Уз. Алма-Атинского ГПИ, XI (1), сер. обществ.-политич., 1956, стр. 159—160, табл. 1; ее же. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии. Там же, XV (3), 2, 1958, стр. 179—182.

тикальным швом от заливки трещины. Высота котла 40 *см*, ручек — 7 *см*, диаметр по краю 30—37 *см* (котел смят), дна — 12,5 *см*.

Найден котел в Оренбургской обл., предположительно у пос. Гирьял Буртинского района [6].

2. Медный котел (рис. 2, *1*) яйцевидной формы, с узким дном. Край котла скошен внутрь, под ним — рельефный шов в виде валика. К краю прилиты две вертикальные ручки с тремя кнопками каждая. Под ручками

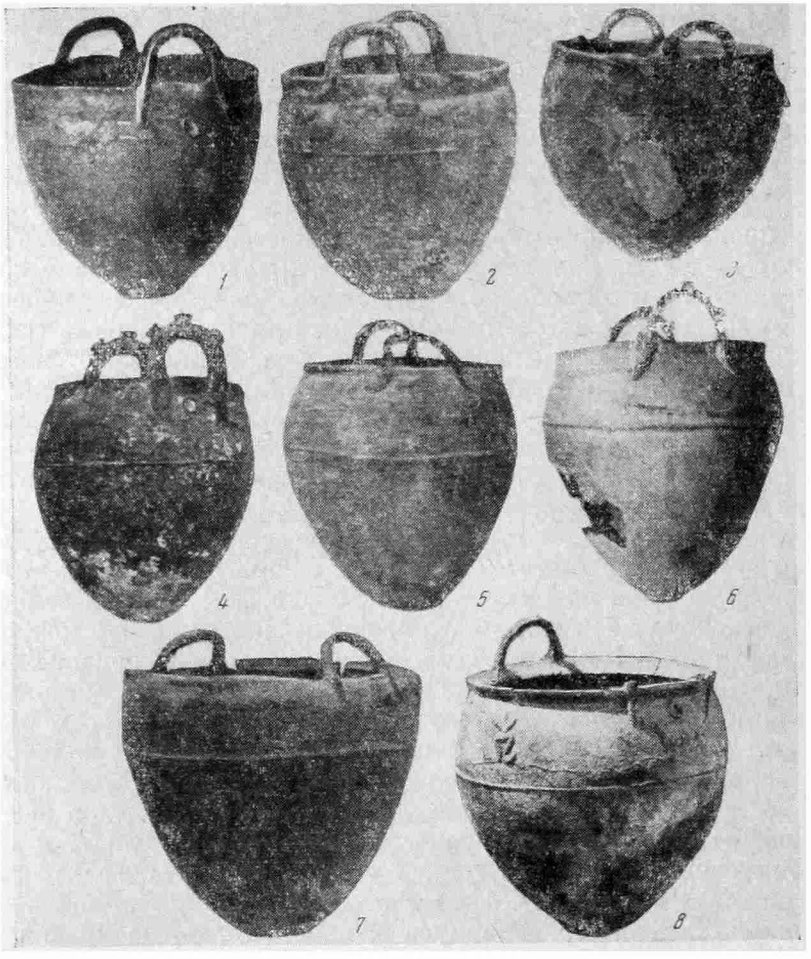


Рис. 1. Бронзовые и медные котлы сарматского типа

1 — Новоузенский уезд; *2* — с. Усатово; *3* — совхоз «Красный Октябрь»; *4* — с. Старая Иванцовка; *5* — с. Комаровка; *6* — г. Красноармейск; *7* — пос. Гирьял; *8* — пос. Октябрьский

и по бокам между ручек имеются выступы металла в виде кружка («воротничок»). Ниже ручек по корпусу проходит валик в виде веревочки с узелком. Между одной ручкой и валиком имеется якореобразный рельефный знак (рис. 3, *7*). Поверхность котла с внешней стороны покрыта вертикальными полосами от сглаживания. На внутренней стороне полосы рельефнее и грубее. Дно уплощенное, узкое, с валиком от литья. Высота котла 37 *см*, диаметр по краю — 30 *см*, дна — 6 *см*.

Этот котел вместе с другим такой же формы, но с гладкими ручками и без «веревочного» валика (продан находчиками меднику) был вспахан

[6] Оренбургский музей, инв. № 32.

крестьянами с. Еремеевки б. Новоузенского уезда Самарской губернии (ныне Ершовский район Саратовской обл.) в 1910 г.[7]

3. Бронзовый небольшой котел (рис. 1, *1*) конусовидной формы, с небольшим уплощенным дном. Край корпуса слегка завернут внутрь. По краю прикреплены две вертикальные ручки из круглого прута, тщательно сглаженного. Под ручками наплавы металла — «воротнички». Поверхность

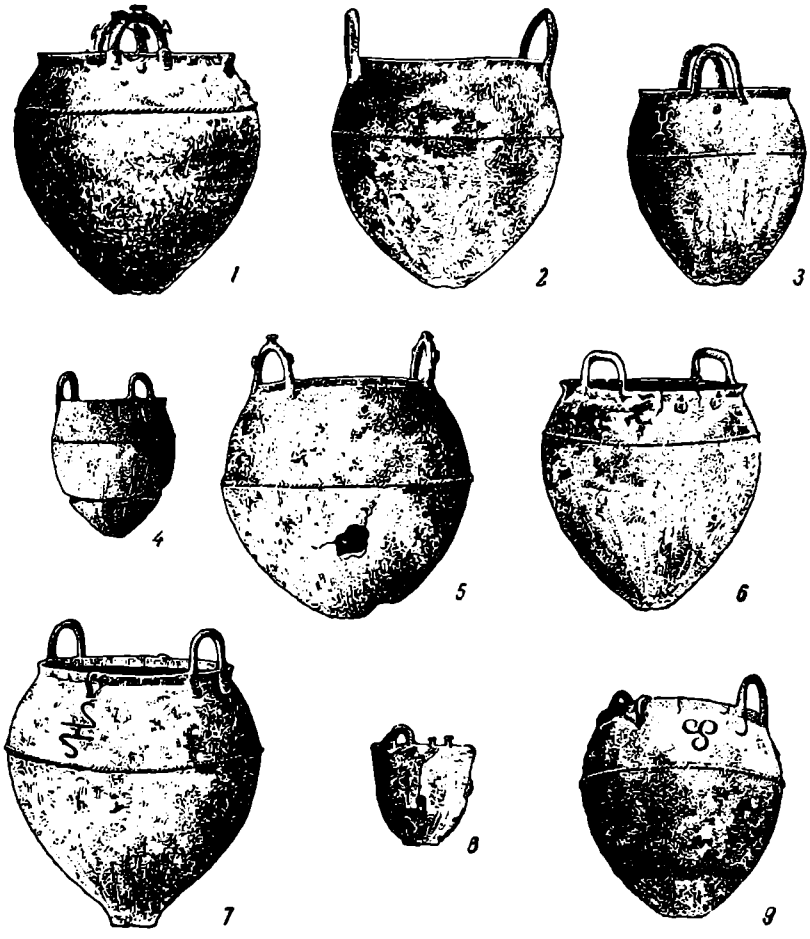


Рис. 2. Бронзовые и медные котлы сарматского типа

1 — с. Еремеевка; *2* — Саратовское Заволжье; *3* — с. Комаровка; *4* — с. Большая Дмитриевка; *5* — с. Некрасово (Норка); *6* — ст. Березовская; *7* — ст. Еланская; *8* — с. Ново-Егорлыкское; *9* — Чечено-Ингушетия

снаружи сглажена. Высота котла 12 *см*, ручек — 4 *см*, диаметр по краю 12—16 *см*, дна — 4 *см*.

Случайная находка в б. Новоузенском уезде Самарской губернии[8].

4. Бронзовый котел (рис. 2, *2*) яйцевидной формы со слегка уплощенным дном. Край отогнут наружу и скошен внутрь. Ручки гладкие, круглые в сечении. Ниже ручек в широкой части корпуса проложена «веревочка». Поверхность котла внутри и снаружи имеет полосы от сглаживания. Высота котла 35 *см*, ручек — 7,5 *см*, диаметр устья 30 *см*, дна — 5 *см*.

Место находки неизвестно, но, по-видимому, это Саратовское Заволжье[9].

---

[7] Куйбышевский музей, № 825; ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913, стр. 224; В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. ТСАРАНИОН, IV, 1928, стр. 128, рис. 48.

[8] Саратовский музей, № 606; ЗРАО, VIII, 1—2, нов. сер., 1896, стр. 155; B. Posta. Archaeologische Studien auf Russischen Boden. 2, Budapest — Leipzig, 1905, стр. 522, рис. 288*c*.

[9] Энгельсский музей, № 127.

5. Бронзовый котел небольшой (рис. 1, *2*), конической формы, с узким уплощенным дном. Вертикальные ручки гладкие, круглые в сечении, надетые на край котла. Под ручками наплывы металла — «воротнички», а еще ниже — «веревочка». Поверхность котла грубая, со следами заклепок и заливок. Высота котла 17,5 *см*, ручек — 3,5 *см*, диаметр по краю 14 *см*, дна — 5 *см*. Найден П. Д. Рау в погребении кургана F16, раскопанного в 1928 г. у с. Усатово Комсомольского района Саратовской обл. [10].

6. Медный котел (рис. 1, *3*) с корпусом полушарной формы и узким дном. Край прямой, с двумя вертикальными ручками. Поверхность сосуда грубая. В нескольких местах корпуса поставлены заплатки. Литник об-

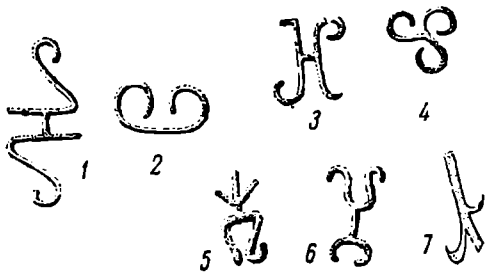


Рис. 3. Сарматские тамгообразные знаки на котлах

1, 2 — ст. Еланская; *3, 4* — Чечено-Ингушетия; *5* — пос. Октябрьский; *6* — с. Комаровка; *7* — с. Еремеевка

рублен неполностью. При обрубке повреждено дно, небрежно залитое металлом. Высота котла 19 *см*, ручек — 4 *см*, диаметр устья 23 *см*.

Котел происходит из погр. № 2 кургана В4, раскопанного П. Д. Рау и Т. М. Минаевой в 1924 г. в третьей группе у хут. Шульц (ныне совхоз «Красный Октябрь» Палласовского района Волгоградской обл.) [11].

7. Бронзовый котел (рис. 1, *4*) яйцевидной формы с узким дном. По краю корпуса тонко приклепаны две вертикальные ручки, украшенные тремя кнопками каждая. Под ручками имеются наплывы металла — «воротнички». Ниже «воротничка» с одного бока корпуса идет «веревочка», обрывающаяся на другом боку. В нижней части корпуса — следы от сглаживания формы. Высота котла 17,5 *см*, ручек — 4,5 *см*, диаметр по краю 11 *см*, дна — 3 *см*.

Найден в кургане Д16 у с. Альт-Веймар (ныне с. Старая Иванцовка Палласовского района Волгоградской обл.), раскопанном П. Д. Рау в 1926 г. [12].

8. Бронзовый котел (рис. 1, *5*) с яйцевидным корпусом и узким округлым дном. Слегка наклоненные внутрь ручки гладкие, тонкие, с усиками на плечиках корпуса. Под ручками наплывы металла — «воротнички». Ниже одной ручки с левой стороны имеется небольшая рельефная горизонтальная линия. По широкой части корпуса вокруг проходит витая «веревочка» с узелком. Дно котла с заплаткой. Снаружи и внутри следы грубого сглаживания формы. Высота котла 33,5 *см*, ручек — 8 *см*, диаметр по краю 23—27,5 *см*.

Котел найден в 1886 г. у с. Комаровки Сердобского уезда Саратовской губернии (ныне Даниловский район Пензенской обл.) в небольшом разры-

---

[10] Энгельсский музей, № 117; И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Уз. СГУ, XVII, 1947, стр. 55, рис. 29.

[11] Саратовский музей, № 435; P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, стр. 35, рис. 49*a*.

[12] Энгельсский музей, № 197; P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Wolga-gebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 40, рис. 33.

том кургане. Вместе с котлом найдены глиняный горшок, кусок мела, угли и отдельные кости человеческого скелета [13].

9. Бронзовый котел (рис. 2, *3*) яйцевидной формы с двумя вертикальными ручками, круглыми в сечении. Под ручками наплывы металла — «воротнички». Слева от одной ручки выполнен рельефный тамгообразный знак (рис. 3, *6*), ниже которого корпус опоясывает «веревочка» с узелком. На дне имеются наплывы металла. Поверхность с обеих сторон неровная, с вертикальными бороздками от сглаживания формы. Высота котла 30 *см*, ручек — 7 *см*, диаметр устья 23 *см*, дна — 6,5 *см*.

Котел найден в 1896 г. близ с. Комаровки б. Сердобского уезда Саратовской губернии [14].

10. Медный котел (рис. 2, *4*) яйцевидной формы с узким дном. По краю — две вертикальные ручки, под которыми наплывы металла — «воротнички». Ниже проходит «веревочка». Поверхность шероховатая, снаружи полосы от сглаживания. Высота котла 21 *см*, диаметр устья 16 *см*.

Случайная находка в одном кургане у с. Большая Дмитриевка Аткарского уезда Саратовской губернии (ныне Широко-Карамышский район Саратовской обл.) в 1887 г. [15].

11. Бронзовый котел (рис. 2, *5*) яйцевидной формы с узким дном. Край котла скошен внутрь. По краю две вертикальные ручки с тремя кнопками каждая. Ниже края имеются наплывы металла — «воротнички». Еще ниже проходит «веревочка». Высота котла 30 *см*, ручек — 7 *см*, диаметр по краю 24—28 *см*.

Случайная находка А. А. Спицына в 1895 г. в кургане у сел. Норка Балашовского уезда Саратовской губернии (ныне с. Некрасово Красноармейского района Саратовской обл.) [16].

12. Бронзовый котел (рис. 2, *6*) конусовидной формы с узким дном. По краю — две вертикальные гладкие ручки, круглые в сечении. Вокруг корпуса проходит «веревочка». Поверхность котла снаружи имеет полосы от сглаживания формы. Высота сосуда 35 *см*, диаметр по краю 28 *см*.

Найден в 1893 г. в обвале оврага Кленового близ ст. Березовской Усть-Медведицкого округа Донской обл. (ныне Березовского района Волгоградской обл.) [17].

13. Бронзовый котел (рис. 1, *6*) яйцевидной формы, с небольшим плоским дном. Край котла слегка отогнут снаружи и скошен внутрь. По краю укреплены две вертикальные ручки с тремя кнопками. Концы ручек расплющены и имеют листовидную форму. Под ручками следы наплыва металла «воротнички». По корпусу проходит «веревочка» с узелком. Внешняя и внутренняя поверхности — со следами-полосами от грубого сглаживания литейной формы. Котел имеет изъяны изготовления и следы починок. Высота котла 39 *см*, ручек — 7,5 *см*, диаметр устья 32 *см*, дна — 6,5 *см*.

Случайная находка в 1903 г. у с. Сарепта Царицынского уезда Саратовской губернии (ныне г. Красноармейск Волгоградской обл.) [18].

14. Бронзовый котел (рис. 2, *7*) яйцевидной формы с небольшим дном. Край котла скошен внутрь. По краю диаметрально расположены две гладкие вертикальные ручки. Между ними с каждой стороны прикреплено к краю и плечикам по небольшой петлевидной ручке. Под этими ручками имеется по рельефному тамгообразному знаку (рис. 3, *1, 2*). Ниже знаков проходит вокруг «веревочка». Высота котла 40 *см*, диаметр по краю 32 *см*.

Найден котел в окрестностях ст. Еланской Донской обл. (ныне Вешенский район Ростовской обл.) [19].

---

[13] Саратовский музей, № 2952 ст.; ЗРАО, II, нов. сер., 1887, стр. CLXVII.
[14] ГИМ, № 35320; ОАК за 1896 г. СПб., 1898, стр. 136.
[15] Саратовский музей, № 609; ЗРАО, XI, 1—2, нов. сер., 1899, стр. 223.
[16] ГИМ, № 35218; Архив ЛОИА, фонд А. А. Спицына, д. 79, стр. 57.
[17] Новочеркасский музей истории донского казачества, № 3816.
[18] Саратовский музей, инв. № 360 ст.
[19] ГИМ, № 48622; ОАК за 1913—1915 гг. СПб., 1918, стр. 13.

15. Бронзовый котел (рис. 1, *8*) яйцевидной формы с узким дном. По краю приклепаны две вертикальные ручки, круглые в сечении (одна отсутствует). Под ручками и между ними имеются наплывы металла — «воротнички». Вокруг широкой части корпуса проходит «веревочка», концы которой разомкнуты. Над «веревочкой» с одного бока — выпуклый тамгообразный знак (рис. 3, *5*). Поверхность котла грубая. Высота котла 27 *см*, ручек — 5,5 *см*, диаметр по краю — 24 *см*.

Найден в 1959 г. у пос. Октябрьского Новочеркасского района Ростовской обл. [20].

16. Медный котел (рис. 2, *8*) конической формы с двумя грубо приклепанными ручками (одна обломана). Около уцелевшей ручки имеется два гвоздевидных выступа. Весь корпус в трещинах и заплатах, на дне — отверстие. Стенки котла неровные, бугристые, с вертикальными полосами от сглаживания формы. Высота 15 *см*, диаметр устья 15—18 *см*.

Найден вместе с двумя золотыми браслетами у с. Ново-Егорлыкское Медвеженского уезда Ставропольской губернии (ныне Сальский район Ростовской обл.) [21].

17. Бронзовый котел (рис. 2, *9*) яйцевидной формы с узким дном. По краю приварены две вертикальные ручки из круглого прута, концы которого переходят на корпусе в завитки-усики. С каждого бока под краем находится по одной маленькой вертикальной ручке-петельке. Слева от каждой большой ручки имеется по рельефному тамгообразному знаку (рис. 3, *3*, *4*). Ниже знаков вокруг корпуса проходит «веревочка». Высота котла 33 *см*, диаметр устья 24 *см*.

Случайная находка в горном районе Чечено-Ингушской АССР [22].

Как мы видим, тип котлов яйцевидной формы с узким дном встречается на ограниченной территории: это Нижнее Поволжье, откуда происходит большинство находок, и сопредельные с ним районы Южного Приуралья, Подонья и Прикубанья, где подобные котлы известны единицами.

Описываемые котлы появляются в раннесарматское время. Наиболее ранним из них является медный котел из погр. № 2 кургана В4 у хут. Шульц (совхоз «Красный Октябрь»). Следует отметить, что вместе с яйцевидным котлом найдена подвеска-амулет в виде котла «скифского» типа, что свидетельствует об одновременности существования обоих типов котлов. Погребение из кургана В4 по обряду захоронения, шаровидному сосуду и бронзовому зеркалу с валиком по краю, имеющим аналогии среди раннесарматских памятников Поволжья и Приуралья, датируется III — II вв. до н. э. [23]

Этот ранний котел изготовлен весьма грубо и по сравнению с более поздними отливками представляет по существу литейный брак. На бортике, с внешней и внутренней стороны дна имеются затеки металла. Дефекты литья на корпусе в нескольких местах залиты с наружной стороны металлом, излишки которого не удалены, а слегка сглажены. На месте жеребеек (распорок от сдвигания формы при литье) имеются заклепанные металлом отверстия. Ручки, в отличие от более поздних котлов, отлиты вместе с корпусом. Весь облик изделия свидетельствует о его изготовлении неопытными литейщиками, незнакомыми с отливкой таких крупных вещей, как котлы: не удален литник, засоры проникли в изделие.

Столь же низок по литейным качествам и котел, найденный у с. Ново-Егорлыкское на р. Маныч. Обе поверхности котла с буграми, трещинами и заплатками. Дно с наружной стороны неровное и имеет отверстие. Как верно отметил К. Ф. Смирнов, этот котел близок и по форме и по технике

---

[20] Новочеркасский музей истории донского казачества, № 10443.
[21] ГИМ, № 42345.
[22] Чечено-Ингушский музей, № 201; В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 91.
[23] P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen..., стр. 36—40.

изготовления котлу из кургана В4 у хут. Шульц (совхоз «Красный Октябрь») и изготовлен, по-видимому, в том же производственном центре [24].

Большинство котлов относится к последнему веку до нашей эры — первым векам нашей эры. В отличие от ранних котлов этого типа, они имеют слабо выраженное плечико, скошенный внутрь край, ручки, приклепанные к готовому корпусу; концы их продолжаются на плечиках в виде валика. Отлиты котлы в двухсоставной форме. Качество отливки относительно хорошее, что свидетельствует об освоении литья крупных медно-бронзовых изделий.

Некоторые котлы в верхней части корпуса украшены тамгообразными знаками. В. В. Шкорпил, занимавшийся боспорскими предметами со знаками, определил, что хронологическими рамками бытования боспорских знаков являются I—III вв. [25]. Изучавшая эти же знаки Э. И. Соломоник пришла к выводу, что они существовали в сарматской среде, откуда проникли в Северное Причерноморье [26].

На одном котле из с. Комаровки есть знак (рис. 3, *6*), который повторяется на золотом флаконе I—II вв. из Керчи [27], на серебряном блюде I в. до н. э.— II в. н. э., найденном у с. Титчиха Давыдовского района Воронежской обл. [28]. К этому времени, видимо, относится и котел из курганов у с. Комаровки, имеющий аналогичный знак.

Сложный знак, близкий знаку царя Инингфимея на боспорских каменных плитах, отлит на одной стороне котла из окрестностей ст. Еланской (рис. 3, *1*). На другой стороне котла имеется знак в форме лунарной сигмы с сильно загнутыми концами (рис. 3, *2*), подобный же знак известен на каменных плитах из Керчи (конец II — начало III в.) и Ольвии (II в.) [29]. Знак в виде сигмы выполнен из накладной гладкой проволоки на плечиках золотого флакона из Ольвии. Флакон датируется I—II вв. [30]. В пределах этого времени и был изготовлен еланский котел.

Н-образный знак (рис. 3, *3*) имеется на одной стороне котла из Чечено-Ингушетии. На мраморных и известковых плитах из Танаиса, Керчи встречается такой же лежащий знак [31]. Известен он и на бронзовых зеркалах-подвесках из сарматских захоронений [32]. По определению Э. И. Соломоник, Н-образный знак принадлежит боспорскому царю Инингфимею (234/235—239/240 гг.). Если это так, то котел должен быть датирован не ранее этого времени, хотя В. Б. Виноградов относит его к I в. до н. э.— I в. н. э. [33].

Знак на котле из пос. Октябрьского (рис. 3, *5*), к сожалению, не имеет аналогий, но в общем он не выходит за рамки бытования сарматских знаков на боспорских древностях.

---

[24] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 134.

[25] В. В. Шкорпил. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия. ИАК, 37, СПб., 1910, стр. 32.

[26] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1958, стр. 16—18.

[27] К. М. Скалон. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время. Археологический сборник Гос. Эрмитажа, 2, Л., 1961, стр. 130, 131, рис. 11, *3*.

[28] А. П. Смирнов. Новый сарматский могильник в Воронежской области. ВДИ, 1940, 3—4, стр. 365—366; А. Ф. Шоков. Фрагменты сарматского блюда и фалара с берегов Дона. Тр. Воронежского краевед. музея, 1, 1960, стр. 151, рис. 2.

[29] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья, стр. 101—102, 122—123.

[30] К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 129—130, рис. 11, *1*.

[31] ГЭ, № ТН—301; IOSPE, II, 433, 434.

[32] ГМИИ, № II—Ia — 416; Одесский археологический музей, № 69004; H. Jänichen. Bildzeichen der königlichen Hoheit bei der iranischen Völkern. Bonn, 1956, табл. 19, *5*, *6*.

[33] В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 91—92.

К поздним следует отнести котлы из кургана Д16 у с. Альт-Веймар (с. Ст. Иванцовка) и кургана F16 у с. Усатово. Оба погребения сарматские и хронологически определяются II — началом III в.: первое — по обряду захоронения и могильному инвентарю, второе — по северопричерноморским ювелирным изделиям, бронзовому зеркалу и бусам-четырнадцатигранникам [34].

С IV—III вв. до н. э. территорию Нижнего Поволжья и соседних районов, где найдены яйцевидные котлы, населяли сарматские племена. Им и принадлежали эти котлы. Это подтверждается находками подобных котлов только в сарматских захоронениях. Некоторые котлы, как указано выше, украшены сарматскими тамгообразными знаками. Следовательно, яйцевидные котлы с узким коническим дном можно выделить в «сарматский тип», характерный для материальной культуры сарматов.

Отливали сарматы эти котлы сами или привозили готовые? Производство таких котлов было налажено, безусловно, в сарматской среде в каких-то неизвестных нам металлургических центрах. Но в Нижнем Поволжье месторождений меди, олова, свинца и других металлов, кроме залежей бурых железняков, не имеется. Это обстоятельство заставляло сарматов получать металл из соседних районов Южного Приуралья и Казахстана, где богатые месторождения меди начинают осваиваться уже в середине II тысячелетия до н. э. [35]. Сложнее обстояло дело с оловом. Известные на Урале месторождения слишком незначительны и в древности не разрабатывались. Поэтому этот район сам испытывал потребность в олове. Вероятно, олово в сплаве с медью как на Урал, так и в Поволжье поступало с Западного Алтая [36].

Сырье поступало в Поволжье в виде слитков цветных металлов, из которых местными литейщиками отливались разнообразные медно-бронзовые изделия. Не исключена возможность вторичного использования лома непригодных к употреблению медных и бронзовых вещей.

Химические анализы металла котлов показывают, что котлы отливались не из чистой меди, а из медных сплавов, бронз. Чистая медь имеет сродство к кислороду, быстро им насыщается, становится густотекучей и поэтому плохо заполняет литейные формы. При охлаждении отливка получается ноздреватая из-за многих газовых включений.

Чтобы получить жидкотекучий металл, его надо раскислить — удалить кислород. Для раскисления вводились в металл фосфор и кремний. Для улучшения литейных свойств добавляли также небольшое количество цинка (до 0,01%) и свинца (до 2%).

Гораздо сложнее ввести в сплав олово. Медь должна быть хорошо расплавленной и раскисленной, иначе олово, как имеющее значительно низкую температуру плавления, может выгореть, а его остатки образовать окислы. Древние литейщики, несмотря на добавки, не умели хорошо раскислять медь, образовавшиеся окислы при отливке диффундировали в окисную пленку. Но в общем котлы отливались из поликристаллической руды со многими различными составляющими в небольших количествах и с добавлением олова.

Олово в бронзу добавлялось для повышения прочности и снижения температуры сплава. Количество олова в бронзе котлов невелико — от 0,1 до 2,5%. Бóльшее количество олова улучшило бы литейное свойство бронзы, но одновременно сделало бы ее твердой и хрупкой. Чтобы котел был проч-

---

[34] P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen..., стр. 46—51; И. В. Синицын. Ук. соч., стр. 50—55.

[35] Е. Н. Черных. К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дис., М., 1963, стр. 14; И. Я. Ханин. К вопросу о древней металлургии и металлообработке на территории Нижнего Поволжья. Тр. СОМК, 3, 1960, стр. 182.

[36] С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, стр. 52.

ным, не ломался и не разбивался, нужно, чтобы бронза наряду с твердостью сохраняла и вязкость. Отсюда незначительность примеси олова в металле котлов.

Снижение температуры плавления сплава для того времени также имело значение. Точка плавления чистой меди 1083°, а бронзы — 700—800°. Для того чтобы залить металл в форму, его надо нагреть на 100—150° выше. Поэтому для древнего литейщика получение в печи температуры 1220—1350° или 900—1000° представляло большую разницу.

Форма котла представляет два усеченных конуса, сложенных основаниями. Место соединения конусов — самая широкая часть корпуса. На всех котлах по ней проходит рельефный валик, имитирующий «веревочку», отливавшийся вместе с котлом на месте разъема половинок формы.

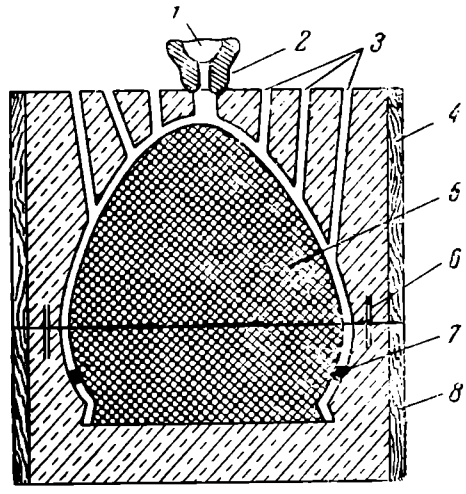


Рис. 4. Литейная форма для отливки котлов (реконструкция)

1 — шлакоуловитель, *2* — литник, *3* — выпора, *4* — верхняя опока, *5* — стержень-шишка, *6* — штырь, *7* — жеребейка, *8* — нижняя опока

Модель, по которой производилась формовка, лепилась из глины с последующим обжигом или вырезалась из дерева. Вряд ли для изготовления таких крупных моделей применяли воск или сало.

Изготовленная модель состояла из двух половинок, которые соответствовали наружному объему котла и давали его внешнюю поверхность. В двух деревянных ящиках без дна и верха — опоках нижней и верхней — производился процесс формовки. Вместо нижней опоки могли использовать углубления в грунте. В нижнюю опоку устанавливалась верхняя часть модели котла. Все пространство между стенкой опоки и наружной поверностью модели заполнялось землей. Так же изготовлялась и верхняя половина опоки с нижней частью модели. По всей площади земляной формы в процессе ее изготовления и уплотнения делали отверстия для выхода горячих газов — выпора. После необходимого уплотнения земли вокруг модели и изготовления разъемного стержня-шишки модель удаляли. Заформованные опоки со стержнем-шишкой внутри вновь собирали; в процессе этой работы удалялись осыпи земли, сглаживались стенки формы, о чем свидетельствуют вертикальные полосы на готовых изделиях, по линии соединения опок оттискивалась «веревочка» для скрытия литейного шва. При сборке формы устанавливались также штыри и жеребейки, препятствующие смещению частей формы при литье. Жеребейки изготовлялись из медных кусочков металла в виде кубиков или цилиндриков малого размера. Их ставили на месте плечиков будущего котла по две или четыре штуки. Жеребейки часто были загрязнены, и поэтому вокруг них образовывались наплывы металла в виде валиков — «воротничков» [37], они хорошо заметны на котлах под ручками или между ними и ошибочно считаются литниками.

Литник устанавливался сверху литейной формы. Он изготавливался из хорошо обожженной глины, со сквозным отверстием. Верхний конец отверстия сильно расширялся, образуя шлакоуловитель. Через такой литник шло наполнение формы металлом (рис. 4).

---

[37] И. И. Копылов. Из истории техники литейного дела в сакское время. УЗ. Алма-Атинского ГПИ, XIV (2), сер. обществ.-политич., Алма-Ата, 1957, стр. 293.

После достаточного охлаждения и затвердевания залитого металла опоки снимались, земля снаружи и внутри удалялась, а литник обрубался. Иногда обрубка производилась грубо и повреждалось дно, которое тут же заливалось жидким металлом. Заливались и другие дефекты, если они произошли при отливке.

Ручки для котла изготовлялись отдельно, из круглого в сечении прута ковкой или литьем. Когда металл изделий еще не охладился окончательно, ударом или давлением к краю котла прикреплялась ручка. Иногда концы ее расширялись, и она надевалась на край.

Таким образом, изготовление медно-бронзовых котлов представляло достаточно сложный процесс. Его могли осуществлять только специалисты-литейщики, которые, видимо, имелись среди сарматских мастеров-ремесленников.

А. К. АМБРОЗ

О СИМВОЛИКЕ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВЫШИВКИ АРХАИЧЕСКОГО ТИПА

Старинная русская крестьянская вышивка уже давно привлекает исследователей архаизмом своих сюжетов. Благодаря В. А. Городцову [1] она прочно вошла в число вещественных источников по истории древнерусских и древнеславянских верований и рассматривается теперь наряду с археологическими материалами. Но русские крестьянские орнаментированные ткани средневековой поры по сути не сохранились, и главным источником для их изучения служат изделия XIX — начала XX в. (так называемые вышивки архаического типа). Привлекая такие поздние вышивки для изучения древнерусского язычества, историки подчас забывают, что вышивка (в отличие от археологических материалов) еще много столетий, прошедших со времени падения язычества на Руси, оставалась составной частью живой народной культуры и, значит, не могла не претерпеть существенных изменений. В отношении ее до сих пор не проделана работа, обязательная при пользовании историческими источниками: выделение разновременных пластов и их относительная и абсолютная датировка. Эта статья не претендует на полный анализ русской вышивки архаического типа, а содержит лишь некоторые выводы, к которым привело автора изучение первобытной культовой символики [2].

Архаические вышивки делятся на геометрические и лицевые (с изображениями людей, животных, растений, зданий и т. д.). Геометрическая вышивка — более древняя. Изучая ее, этнографы главное внимание уделяют технике ее выполнения и очень мало занимаются семантикой. В соответствии с солярной теорией и ссылаясь на принятое у русских вышивальщиц название ромба «кругом», они считают, что круг был заменен на вышивках ромбом, как более удобным для выполнения в ткацкой технике. При этом забывают, что в орнаментации первобытной керамики ромб (и все его варианты) применялись параллельно с кругом как разные символы. Чтобы оценить своеобразие символики тканых «украс» женской одежды, следует сравнить их с узорами русской резьбы по дереву: последняя действительно состоит из сочетания кругов, розеток, крестов, свастик, триквестров, S-видных знаков и других солярных символов (лишь изредка встречается обычно видоизмененный мотив шашечного или крючкового ромба), но для орнаментики женского костюма характерна совсем иная комбинация символов (рис. 1). При изучении русской вышивки исследователи сталкиваются с большим разнообразием фигур, плохо поддающихся систе-

---

[1] В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, I, М., 1926.

[2] А. К. Амброз. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками». СА, 1965, 3. Там же приведена библиография.

матизации[3]. Они не учитывают, что этнографические коллекции зафиксировали русскую геометрическую орнаментику уже на стадии ее разложения и исчезновения. В период постепенного исчезновения традиционного домашнего производства и проникновения в деревню фабричных товаров и городской моды вышивальщицы стали произвольно дробить и перекомпоновывать старый узор, создавая поистине бесконечное разнообразие но-

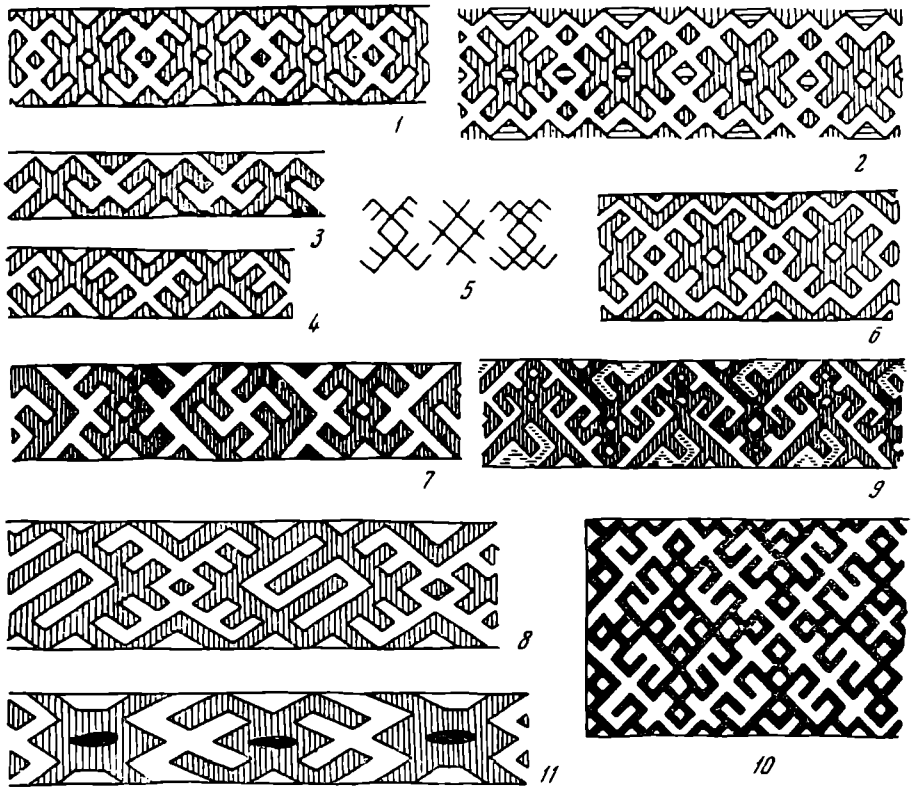


Рис. 1. Ромбы с крючками в русской вышивке XIX — начала XX в.

1, 2, 5, 6, 11 — ромб с крючками и ромб-репей (*5* — схема основных мотивов); *3, 4* — бордюры из полуромбов; *7, 8, 9* — ромб с крючками в сочетании со свастикой или с S-видным знаком; *10* — «сетчатый» узор из ромбов с крючками

вых простейших элементов. Именно этот ставший чисто формальным и лишенный былой четкой смысловой связи узор не поддается систематизации. В ряде районов исчез и он, постепенно сменившись растительным узором. На территории восточных славян этот процесс растянулся почти на тысячу лет, начавшись под воздействием ремесленных тканей (особенно набойки?) не позднее X в. и постепенно захватывая все более широкие территории вокруг городов или у торговых путей. Поэтому неправы те исследователи, которые видят ключ к решению проблемы в сопоставлении любых более старых датированных тканей с более новыми, руководствуясь лишь временем их изготовления. Ведь зачастую вышивка начала XX в., изготовленная домашним способом в мало затронутом фабричной продукцией сельском районе, отражает более древний сюжет, чем ремесленная ткань XI—XII в. Поэтому будет правильнее сочетать изучение датированных образцов с изучением сюжетов и их иконографии в более широком плане.

В сложном комплексе архаических узоров русской женской одежды преобладают различные ромбы и очень большой их процент — ромбы с крючками («лягушки»). Здесь и одиночные крупные «лягушки», и цепочки

[3] П. П. и Н. П. Стахановы. «Сапожковское городище» писцовых книг 1627—28 гг. со стороны историко-этнографической. Сапожок, 1927; ср. А. К. Амброз. Ук. соч., рис. 9.

ромбов (древо жизни), и композиции «лягушек» с солярными знаками (свастикой и др.) (рис. 1). Узор часто очень сложен, когда рисунок разных цветов как бы «вкладывается» один в другой (оставшийся белый фон также служит узором), нередко требуется буквально «расшифровывать» его. Часты половинные элементы: углы и треугольники (полуромбы). Архаизм сюжетов и то, что в XIX в. эта орнаментика зафиксирована на

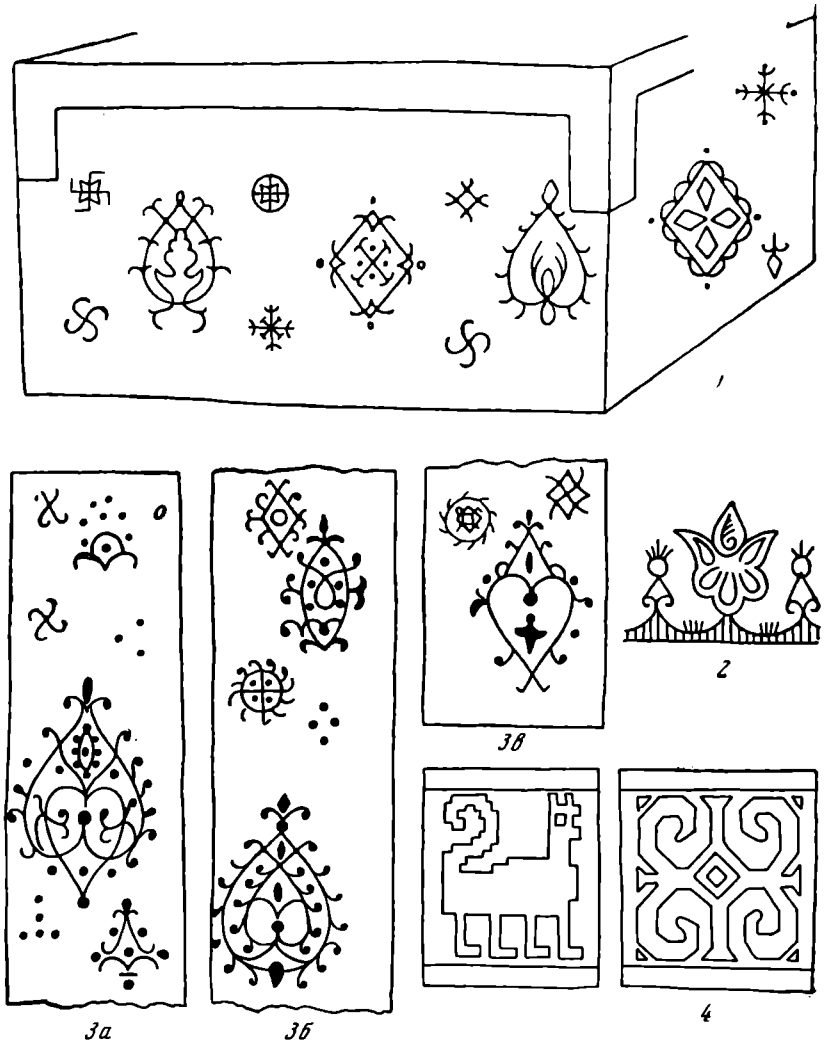


Рис. 2. Ромбы с крючками в русской вышивке XII—XV вв.

1 — изображение вышитого покрова на приписываемой А. Рублеву иконе «Престол уготованный» в ГТГ, XV в.; *2* — узор по мотивам вышивки (?) на фронтисписе Московского евангелия XV в.; *3* — изображение вышивки одежды на ярославской иконе архангела Михаила (конец XIII в.), ГТГ; *4* — шитый золотом позумент из клада XII—XIII вв. в Чернигове

стадии разложения — все это позволяет теоретически предполагать ее глубокую древность у славян. Действительно, набойные ткани XII—XIII вв.[4] дают уже значительную степень разложения архаической геометрической орнаментики — видимо, это связано с их ремесленным производством. Есть обрывки домонгольских тканей с узором из шашечных ромбов[5]. Вышитое изображение ромба с крючками встречено пока лишь один раз (рис. 2, *4*): на парчовом позументе из клада 1903 г. в Михайловском мона-

[4] Л. А. Динцес. Древние черты в русском народном искусстве. ИКДР, II, М.— Л., 1951, рис. 262.

[5] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. ИКДР, II, М.— Л., 1951, рис. 195, *3—5*.

стыре, где оно сочетается с фигурой льва (?) [6]. Косвенно о существовании на Руси тканей с архаической орнаментикой можно судить по их изображениям на иконах конца XIII — начала XV в. из собрания Третьяковской галереи (на ярославской иконе архангела Михаила [7] и приписываемом Рублеву «Престоле уготованном» — рис. 2, *1, 3а, б, в*). Это не копии реальных вышивок, а композиции на темы излюбленной текстильной орнамен-

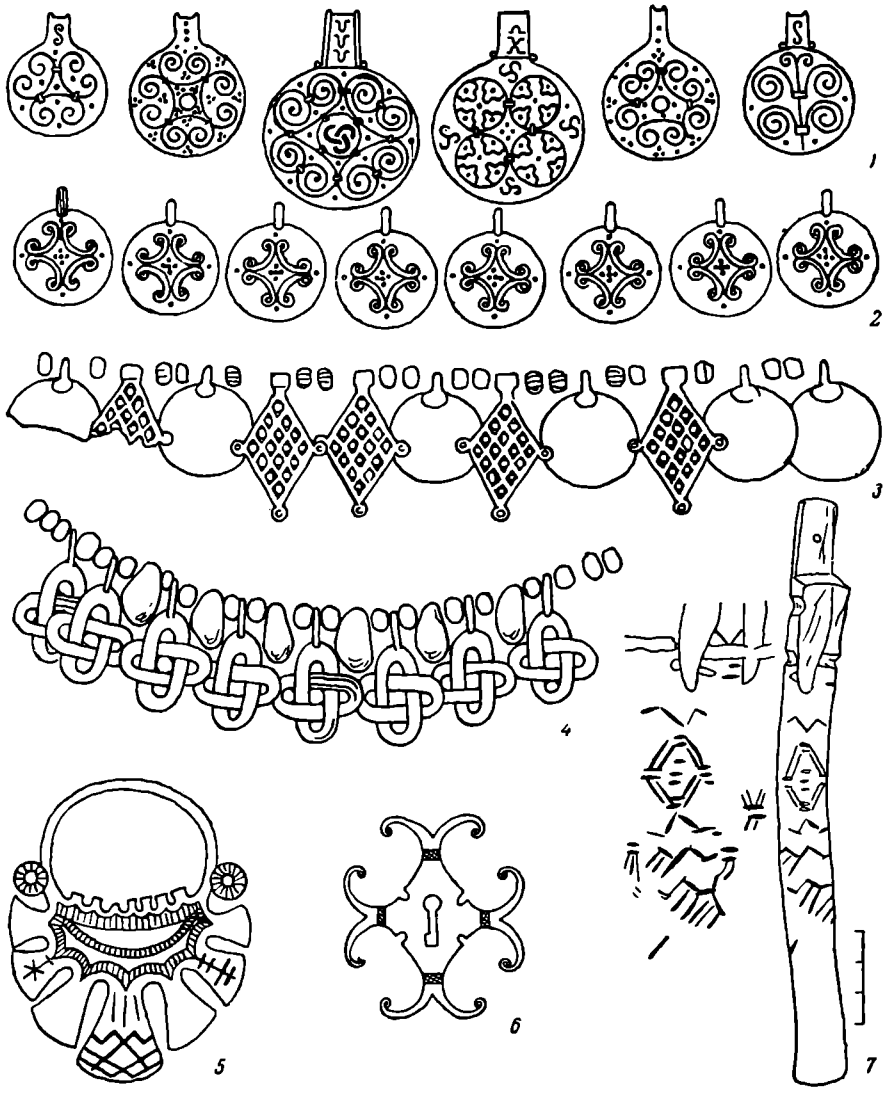


Рис. 3. Ромбы с крючками и некоторые другие символы на средневековых вещах

1 — набор медальонов X в. из Гнездовского клада; *2, 3, 4* — наборы подвесок из вятичских погребений XII—XIII вв.; *5* — височное кольцо вятичского типа; *6* — личина замка XIV—XV вв.; *7* — деревянный ключ X—XII вв. из Польши. *1, 3, 4, 5* — примеры сочетания женских и мужских символов

тики того времени. В обоих случаях нарисованы ромбы с крючками, различные варианты свастики и рядом с ними чечевицеобразные и сердцевидные медальоны, составленные из растительных элементов — оба рисунка отражают процесс вытеснения архаической орнаментики растительной. О деградации геометрического орнамента говорит и сохранившийся обры-

[6] ОАК за 1903 г., рис. 346; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, рис. 121.

[7] В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. ИРИ, I, М., 1953, стр. 492—493.

вок ткани XV—XVI вв.[8]. Остальные изображения древнерусских тканей на иконах и фресках передают типично городскую спирально-растительную орнаментику южного типа.

Изображения ромбов с крючками и даже всего геометрического чина лучше известны на металлических женских украшениях. Наиболее ранние образцы (серебряные с филигранью и зернью) — скандинавского происхождения (рис. 3, *1*, в X в. довольно часты в курганах смоленских, владимирских и на северо-западе Руси). В XII—XIII вв. литые подвески с таким рисунком широко изготовлялись сельскими ювелирами Руси по образцам серебряных (рис. 3, *2*). Подобные подвески были часты уже в античном мире; в VI—VII вв. и в эпоху Каролингов они обильны в Западной и Средней Европе, откуда, по мнению шведских археологов, распространились в Швецию. По-видимому, криволинейная трактовка ромба с крючками появилась у нас не путем переноса орнаментики тканей в металл, а вместе с западной модой на монетовидные подвески: был заимствован не сюжет, а лишь его удачная декоративная трактовка.

Как и на вышивках, в ожерельях из сельских курганов очень часто сочетаются женские и мужские символы (рис. 3, *3*, *4*): решетчатые ромбы и круги, раковины каури и криволинейные свастики (так называемые «книжные о»). По-видимому, они имели значение амулетов, как и изображения ложечек, коньков, челюстей и пр. Они дополнялись узорами, вышитыми на женской одежде.

Как символ плодородия ромб с крючками был связан и с магией входа в жилища, в хозяйственные постройки (и иногда даже церкви), отзвуком чего были средневековые железные личины врезных замков, широко известные на Руси XIV—XV вв. (рис. 3, *6*) и в Скандинавии[9]. Явно неорнаментальный ромб с крючками вырезан на рукояти большого деревянного ключа от задвижного замка X—XII вв. из Ополе в Польше (рис. 3, *7*). Это не случайно: ключи входили в состав древнерусских наборов амулетов. О сохранении магического значения ромбов местами до XIX в. говорит белорусская обрядность[10].

В кажущемся противоречии с языческим смыслом ромба с крючками находится его появление в культовом христианском искусстве (рис. 4 и 5).

Наиболее ранние образцы представлены в Софии Киевской (XI в.). Это мозаичный фриз, отделяющий ярус евхаристии от яруса святителей и помещенный в алтарной апсиде (рис. 4, *1*). На фресках той же церкви част мотив геометризированного древа жизни (рис. 5, *3—4*). В XII в. этот мотив выполняет роль процветшего креста на заставке Юрьевского евангелия (рис. 5, *5*) и на серебряных медальонах (рис. 5, *6*; в сочетании с процветшими крестами обычной формы; рис. 5, *7*)[11]. Еще детальнее разработана схема ромбического древа в резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (рис. 5, *1, 2*; XIII в.). В конце XIII — начале XIV в. простой ромб с крючками появился даже на двух иконах богородицы, написанных

[8] И. Я. Богуславская. Фрагмент древнего народного шитья из Белозерска. «Сообщения ГРМ», VII, Л., 1961, стр. 42 и 43.

[9] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 93 и рис. 78, *12—14*; иконы XIV—XV вв. в Новгородском музее и ГТГ (сюжет «Сошествие во ад»); P. Gjaerder. Norske pryd-dører fra middelalderen. Bergen. 1952, рис. 50, 58, 63, 64, 109, 122, 135, 185, 187, 227, 235—237, 240, 241, 244, 245 и стр. 260—262.

[10] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 25. Название ромба с крючками — «жаба» и «лягушка», по-видимому, общеславянское (там же, стр. 15). Жаба — порождение и олицетворение земли, атрибут земной богини. По славянским поверьям, она приносит счастье, охраняет дом, способствует рождению детей, вызывает дождь на поля: A. Václavik. Výročni obyčeje a lidové uměni. Praha, 195, стр. 414—415. Не заменяла ли «жаба» издревле табуированное название ромба с крючками — символа Великой богини?

[11] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, рис. 26, 27, табл. XVI, *1, 5*; XXV, *1—6*; XXVI, *1, 3, 10*; XXVII, *10, 13, 15*; XXXII, *1, 4, 6, 10, 12*; XXXIII, *4, 7, 8*; Г. Ф. Корзухина. Русские клады, табл. LVII, *7*.

в Ярославле (рис. 4, *2—4*). Ромбы помещены на мафории (покрывале богоматери) на лбу и плечах. Обычно на этих местах изображались крестики или лучистые звездочки — они выделяли богоматерь среди святых жен и составляли «как бы ее почетную привилегию и особый знак» [12]. Ромб с крючками есть на чеканном окладе XIV в. иконы Одигитрии из Благовещенского собора в Москве [13]. В новгородской псалтыри XIV в. он помещен в медальоне на вершине процветшего креста (рис. 4, *8*).

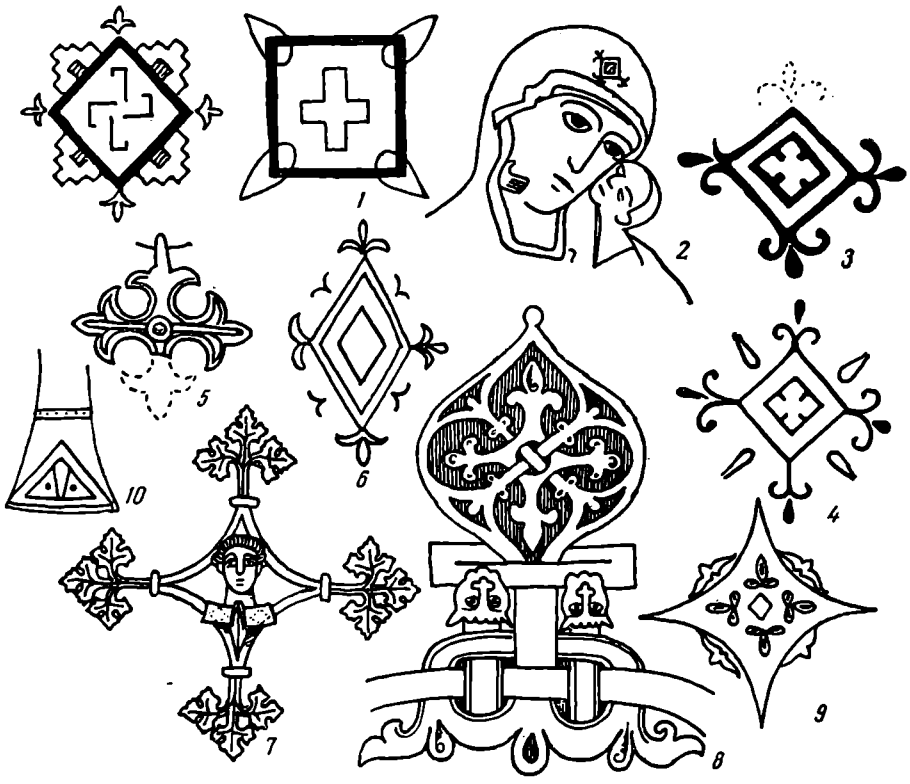


Рис. 4. Ромбы с крючками в христианском культовом искусстве

1 — мозаика центральной апсиды Софийского собора в Киеве (XI в.); *2, 3* — изображения на большой иконе Богоматери из Толгского монастыря (ярославской работы конца XIII в.); *4* — изображение на малой иконе Толгской богоматери; *5* — крестик из вятичского кургана; *6* — изображение на афонской иконе Богоматери XVI в.; *7* — крест западной работы; *8* — крест на фронтисписе новгородской псалтыри XIV в.; *9* — мозаика в куполе нарфика константинопольской церкви «Кахрие джами» (начало XIV в.); *10* — нижняя часть райского дерева познания добра и зла из сцены грехопадения на «Корсунских» вратах из Новгорода (немецкой работы XIII в.)

Не было ли это проникновением народных, языческих элементов в христианскую иконографию? Отчасти да, но его путь не был прямым. Уже задолго до крещения Руси начался процесс слияния изображения креста с древом жизни («процветшие» кресты имеются уже в резьбе VI в. [14]). Образ самого древа жизни также проник в христианское искусство. Нередко оно изображалось в окружении птиц и животных, показанное или как живое дерево (на Западе в XIII—XIV вв. на нем иногда изображали распятого Христа) или условно [15], с сохранением очень древних черт. Например, в основании дерева познания добра и зла (из сцены грехопадения) на Корсунских вратах в Новгороде (немецкой работы XIII в.) изо-

[12] Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, I, СПб., 1914, стр. 164.

[13] Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, II, Пгр., 1915, рис. 94.

[14] Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, I, М., 1950, табл. 40, стр. 128, 129.

[15] Н. В. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии. Тр. VIII АС, I, СПб., 1892, стр. 376, 381, 382.

бражена половина перекрещенного ромба (рис. 4, *10*). На Руси XI в. прямое заимствование архаических мотивов русской сельской вышивки в христианское искусство было едва ли возможно. Иначе обстояло дело в Передней Азии. Древние языческие мотивы пышного древа жизни, включавшего в себя ромб с крючками, сохранялись там в орнаментике очень долго. К средневековью их связь с древними культами, по-видимому, уже забылась, и старый мотив подвергся христианскому переосмыслению. Из-

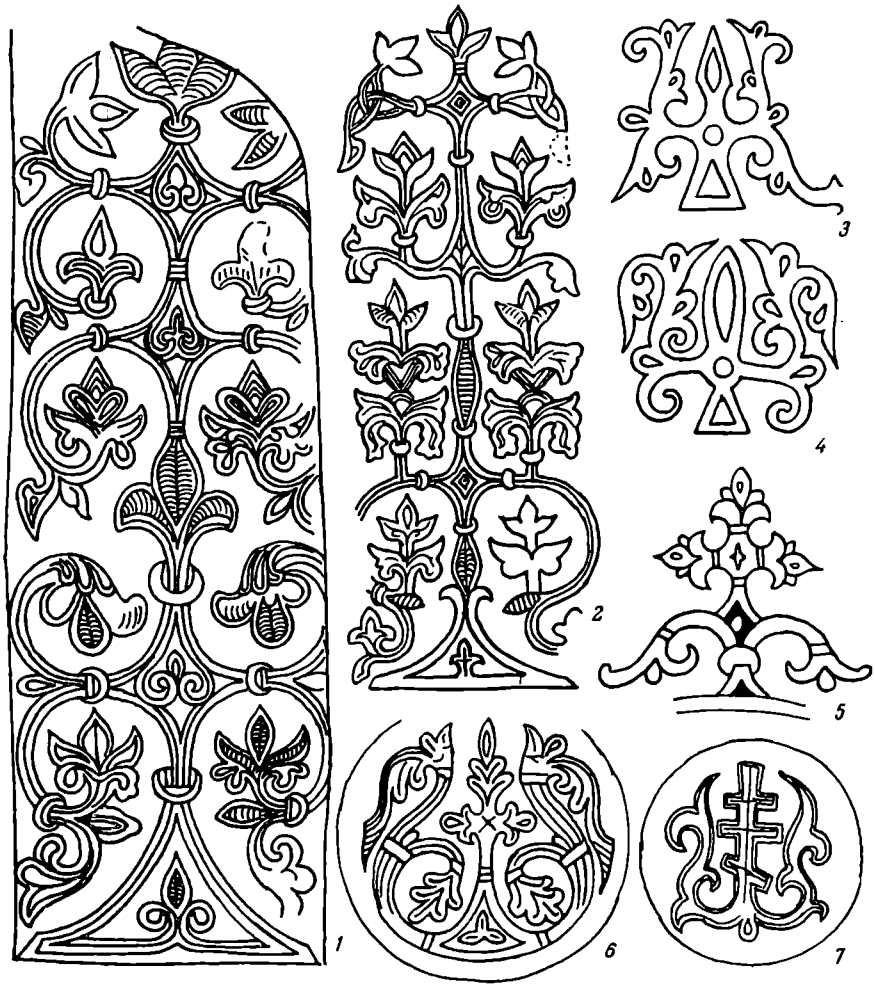


Рис. 5. Древо жизни архаического типа в городском культовом искусстве древней Руси

1, 2 — резьба на стенах Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (XIII в.); *3, 4* — детали фресок XI в. в Софийском соборе в Киеве; *5* — процветший крест (?) на фронтисписе Юрьевского евангелия 1119—1128 гг.; *6, 7* — процветшие кресты на серебряных медальонах XII—XIII вв.

вестна роль восточных мастеров в развитии византийского орнамента[16]. Они принесли в христианское искусство переднеазиатскую орнаментику из гибких вьющихся ветвей (перехваченных характерными перевязками), из пышных экзотических цветов и резных листьев. Через Византию и страны южной Европы эта орнаментика распространилась на Русь, и с нею пришел мотив пышно расцветшего ромбического древа жизни. Не случайно наиболее ранние образцы этого древа представлены у нас в Софийском соборе, построенном греками, и в Юрьевском евангелии, которое «угриныць писал». Освященный церковным авторитетом Византии мотив пышного древа-ромба нашел особенно благоприятную почву на Руси XI—XII вв.,

[16] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, I, М., 1947, стр. 66—67.

где он уже был в это время одним из основных мотивов более скромной геометрической народной орнаментики. Широко распространившись в городском искусстве Руси, пышно цветущий ромб, несомненно, оказал влияние и на позднейшую сельскую вышивку. Его заимствование способствовало более быстрому вытеснению геометрической орнаментики растительной.

В христианском искусстве других стран мотив одиночного ромба с крючками также употреблялся (рис. 4, *6, 10*). Для нашей темы очень важно, что современные богословы прямо считают церковные изображения ромба с процветшими концами, известные на Западе (рис. 4, *7*), вариантом христианского креста [17]. Видимо, так они воспринимались уже в Византии, откуда это понимание распространилось и на Русь. Характерно, что на Руси простой, геометрический ромб с крючками заменял крест очень редко и только в более позднее время: с конца XIII — начала XIV в., когда старое языческое употребление этого символа стало забываться.

Основное внимание исследователей русской вышивки привлекали лицевые (сюжетные) изображения на подолах женских рубах, полотенцах и подзорах. Центральное место занимает упомянутая работа В. А. Городцова, в которой впервые установлена глубокая древность русских изображений богини с всадниками и раскрыт их языческий смысл. Недостаток статей В. А. Городцова и последующих исследователей — отсутствие источниковедческого анализа материала. Лицевые вышивки рассмотрены в отрыве от геометрических. Выделены только некоторые наиболее яркие феодальные и христианские привнесения, все остальное рассматривалось как единое целое. Само собой подразумевалось, что изображения на вышивках окончательно сформировались еще до крещения Руси и дожили до XIX в. почти без изменений. Вышивки XIX—XX вв. как бы приравнивались к археологическому материалу, пролежавшему в земле непотревоженным почти тысячу лет.

Главный вывод В. А. Городцова о том, что в русских вышивках реликтово сохранился очень древний культовый сюжет, не сможет быть поколеблен: его правильность можно подтвердить на огромном сравнительном материале. Второй вывод исследователя — о заимствовании этого сюжета или от сармат, или от населения римской провинции Дакии — вызывает законное сомнение. Ведь соответствующие идеи выражались у древних славян также языком геометрических символов и, судя по этому, должны были иметься у них уже в раннеземледельческий период, до контакта с сарматами и, тем более, с Дакией.

Что спефицически дако-сарматское выделил в русской вышивке В. А. Городцов? Сам сюжет богини с прибогами отпадает как общечеловеческий (рис. 6, *14*). Так же общи всему человечеству древо жизни в окружении птиц или животных (в том числе коней), женщина и древо, хоровод женщин, хоровод деревьев, не является дако-сарматским и мотив божества на слитых корпусами конях. Остается для богини — лишь широкая колоколообразная юбка, для прибогов — то, что они изображены как всадники, что они поднимают вверх правую руку и что их кони попирают поверженного врага [18]. Остальные специфические черты дако-сарматских изображений в русской вышивке неизвестны.

Переходя к рассмотрению предполагаемых дако-сарматских элементов, сначала надо попытаться раскрыть сложную стратиграфию разновременных напластований и уже потом изучать генезис вышивки, опираясь на знание древнейших этапов ее развития.

Русские изображения богини выполнены в двух вариантах. На вышивках первого варианта (рис. 6, *1*) голова богини передана в виде ромба,

---

[17] Ф. В. Фаррар. Жизнь Иисуса Христа. СПб., 1904, рис. 4 на стр. 767. На поздней алтарной преграде церкви Гаянэ в Эчмиадзине кресты в виде процветших ромбов помещены наряду с процветшими крестами обычной формы.

[18] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 22—31.

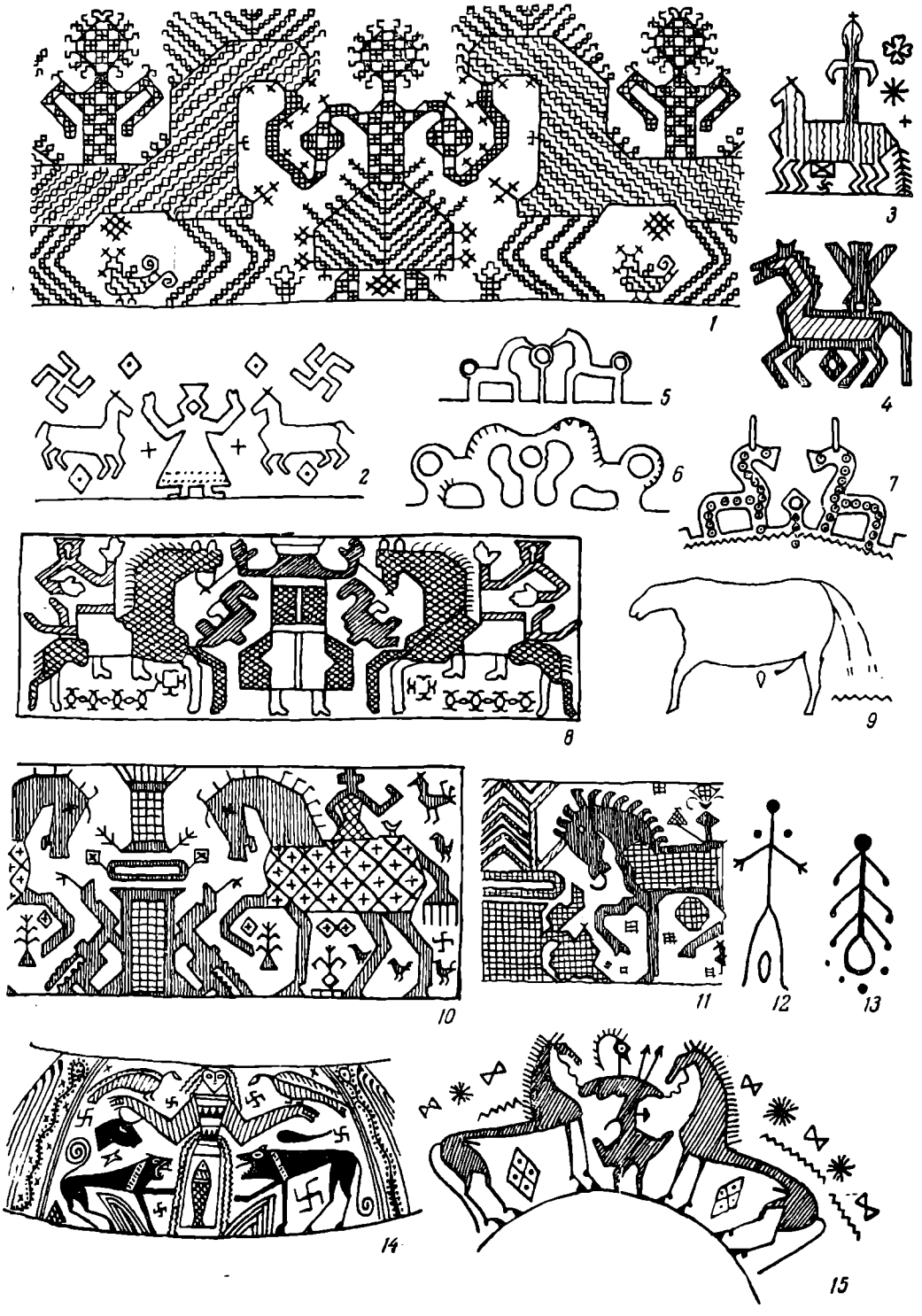


Рис. 6. Варианты изображений богини с прибогами

1 — вышивка 1820 г. из Архангельской губ.; *2, 3, 4, 8, 10, 11* — русские вышивки; *5, 6* — изображения на височных кольцах вятичей XIII в.; *7* — изображение на гребне-подвеске X—XI вв.; *9* — наскальный рисунок из Сибири; *12, 13* — изображения женщин из Дагестана и Чехии (*13* — VI—V вв. до н. э.); *14, 15* — изображения на архаических греческих вазах

часто с крючками [19]; руки, как правило, согнуты в локтях и опущены вниз. Во втором варианте (рис. 6, *2*, *8*) богиня увенчана расширяющимся кверху головным убором и руки обычно подняты вверх [20] (в литературе принято говорить о «позе моления»). Изображения богини с крючковым ромбом вместо головы могут быть более архаичными, относящимися к ранней стадии антропоморфизма, а изображения богини в кичке — более поздними, уже с элементами реального быта. Но как же тогда объяснить довольно устойчивое различие в положении рук? Может быть, это два разных образа: богиня-дева и богиня-мать? Ведь известно, что у многих народов, прежде всего у русских, девушки ходили с непокрытой головой или с простым небольшим головным убором, а женщины обязательно носили сложный головной убор (ходить простоволосой было позором и грехом) [21]. Изображения женского божества в двух образах — девы и матери были широко распространены в древности [22]. Может быть, поэтому только богиня-мать на русских вышивках поднимает кверху руки [23], протягивая их к своему небесному супругу?

Изображения прибогов подразделяются на три варианта: 1) редко изображен только конь, над ним бывает свастика (рис. 6, *2*), 2) чаще — всадник с опущенными вниз руками, подбоченившись (рис. 6, *1*, *3*) или 3) всадник с поднятой рукой, другая уперта в бок (рис. 6, *8*, *10*; в литературе — как «поза моления или приветствия»). Кони всегда очень условны, ноги одинаково согнуты под углом. Прибоги второго варианта безлики, строго фронтальны, их головы часто заменены ромбом с крючками, ноги или очень условны или не показаны совсем, всадник и конь трактованы как самая общая схема, без каких-либо деталей. Прибоги третьего варианта более реальны, они показаны в профиль, иногда откинувшись назад, ноги — в сапогах с высокими каблуками, под всадником — седло (иногда высокое). Под конями 1-го и 2-го вариантов бывает изображение ромба, встречающееся иногда и между ногами богини. У коней 3-го варианта этот ромб иногда дополнен цепочкой из маленьких ромбов.

Остановимся сначала на этих ромбах. Обычно их трактуют или как изображение поверженного врага или как простое заполнение фона. Это не совсем так. Ромбы часто расположены не в середине заполняемого пространства, а сбоку, у паха коня (рис. 6, *1*, *4*). Если они расположены между ног богини, то с трудом там помещаются (рис. 6, *1*) [24]. Едва ли в этом случае может идти речь только о «заполнении пустоты». В древности известны многочисленные изображения такого рода. Во-первых, это компо-

---

[19] Там же, рис. 4 и 12; T. Vahter. Les figures humaines dans la broderie de Carélie et d'Ingrie. ESA, XII, Helsinki, 1938, рис. 3, 7, 10, 22, 26.

[20] В. В. Стасов. Русский народный орнамент, I, СПб., 1872, табл. XXIX, XLIX, *153*; LIV, *161*; LVI, *167*; LXIII, *188*; В. А. Городцов. Ук. соч., рис. 1, 3, 6, 7, 16; T. Vahter. Les figures humaines, рис. 4, 11—13, 15, 19; В. А. Фалеева. Русская народная вышивка (древнейший тип). Л., 1949, табл. V, XIII. Пока наиболее древнее из них — изображение женщины с птицами в руках на инициале Евангелия недельного митрополита Ионы Рязанского (1544 г.; о влиянии вышивок говорят характерные оконтуривающие усики): В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям. СПб., 1887, табл. LXXXV, *13*; Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, I, стр. 104. Может быть, не случайно другой инициал этой рукописи изображает (в том же стиле) стоящего в той же позе мужчину, поднявшего вверх две раскрытые книги: В. В. Стасов. Ук. соч., табл. LXXXV, *11*. Нет ли здесь противопоставления плотского и духовного?

[21] Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX в. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 652—660, 666—675, рис. 67.

[22] Г. А. Пугаченкова. Маргианская богиня. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 134 и рис. 12 и 14, *1*; H. D. Sankalia. The Nude Goddess or «Shameless Woman» in Western Asia, India and South-eastern Asia. «Artibus Asiae», XXIII, 2, Ascona, 1960, стр. 111—112.

[23] О значении женских божеств с поднятыми руками см. А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 21.

[24] T. Vahter. Les figures humaines, рис. 6 и 13.

зиции «чина», в которых пол женщины отмечен ромбом или овалом, помещенным между ног (рис. 6, *12—13*) [25]. Во-вторых, изображения животных-самцов (конь, лось, барс) с подчеркнутыми признаками пола и ромбическим знаком против паха (рис. 6, *9*, *15*) [26]. Иногда ромб в этом случае заменен рыбой. Смысл такого соединения, по-видимому, в том, чтобы подчеркнуть оплодотворяющую силу прибога-животного. В русской вышивке эти ромбы обычно встречаются на изображениях с наиболее архаичной трактовкой всего сюжета. Изображения «попираемого врага», по-видимому, результат переосмысления вышивальщицами старых, уже непонятных символов. Изображения на иконах и рельефах (римских, сасанидских, древнерусских) показывают, что попираемый враг обычно лежит головой под грудью коня и тогда копье всадника поражает его в верхнюю часть туловища [27]. Так же изображен «враг» на вышивке рис. 6, *8*, где он представлен в виде цепочки маленьких ромбов с крючками, присоединенных к крупному квадрату с крючками. А все опубликованные В. А. Городцовым «изображения попираемого врага» нельзя считать таковыми (рис. 6, *10*, под конем): обычно это или одиночные ромбы с крючками (часто половинные) или изображения растений [28].

Всадник на рассмотренной сцене попрания врага относится к третьему варианту (рис. 6, *8*) и трактован сравнительно реально. Обращение к иконам и рельефам позволяет определить его позу как позу воина, наносящего удар копьем вниз. Этому соответствуют различия в положении поднятой руки: она или выдвинута вперед для удара вертикально вниз, или занесена над плечом назад для удара наклоненным копьем (рис. 6, *10*) [29]. Другая рука, согнутая у бедра, держит поводья.

Итак, черты наибольшего архаизма (ромб под конем, иератическая безликость прибога) отмечают тот вариант всадников русской вышивки, который совершенно чужд (иконографически) дако-сарматским образцам. Это и понятно. В. А. Городцов считал дако-сарматского всадника древних рельефов и русской вышивки победоносным владыкой, получающим власть из рук Великой богини [30]. Действительно, культовые изображения дакийских всадников сложились в условиях римской провинции в эпоху позднего рабовладельческого общества. По своему характеру дакийские и паннонские образки органически вводят соответствующий им культ в круг верований периода начинающегося кризиса Римской империи [31]. Всадник здесь прежде всего победоносный воин, богиня — царица. Поэтому сам культ получил такую популярность среди римских солдат. Что же касается приведенных В. А. Городцовым скифо-сарматских изображений сидящей «богини» с конными или пешими «адорантами», то теперь их истолкование в корне изменилось: это сцены заупокойного пира, как убедительно доказала А. П. Манцевич [32]. Близкую параллель представляет и знаменитая

---

[25] В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1958, 1, рис. 3, *г*, *д*, стр. 151.

[26] А. П. Окладников. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии. СА, XI, 1949, стр. 157, рис. 3, стр. 165, рис. 9, стр. 169, рис. 12, стр. 170; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, рис. на стр. 64 и 70 (сосуды IX—VIII вв. до н. э.).

[27] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство..., рис. 221, *2* (рельеф из Михайловского монастыря).

[28] В. А. Городцов. Ук. соч., рис. 4, 17.

[29] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., рис. 221, *1*, *2*; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.— Л., 1947, табл. 88, 108, 114; его же. Живопись и скульптура Новгорода. ИРИ, II, М., 1954, стр. 133; Н. Е. Мнева. Московская живопись XVI века. ИРИ, III, М., 1955, стр. 571; Ю. Н. Дмитриев. «Строгановская школа» живописи. ИРИ, III, стр. 647.

[30] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 19 и 35.

[31] D. Tudor. Der Kult der donauländischer Reiter. Das Altertum, 8, вып. 4, Berlin, 1962.

[32] А. П. Манцевич. О пластине из кургана Карагодеуашх (К толкованию сюжета). Археологический сборник ГЭ, 6, Л., 1964, стр. 132—137.

сцена кочевого быта из керченского склепа Анфестерия. Женщина, сидящая в кресле,— жена покойного, а не «богиня». Но, может быть, древние славяне заимствовали у даков и сармат одну лишь иконографическую форму, независимо от ее чуждого смысла? Нет, первобытнообщинное искусство не знает изображений победителя, попирающего врага,— все они связаны с эпохой государства и с идеологией господствующего класса.

Известно, как энергично русская государственная власть и церковь искореняли культы языческих божеств. То, что несмотря на это русская вышивка сохранила изображения богини с прибогами в течение девяти веков после официального введения христианства, заставляет думать, что она отражала лишь частицу древнего язычества, наименее опасную для господствующей религии и наиболее близкую земледельцу. Такой областью была аграрная магия. Повсюду черты языческой аграрной магии надолго пережили крушение тех религий, в рамках которых они сложились. Именно в этой сфере сохраняются черты наибольшего архаизма, и зачастую аграрная магия в какой-то мере даже не приурочивалась к определенным божествам и не входила в обряды официальной религии [33]. Причина — ее тесная связь с производственным процессом. Поэтому нельзя согласиться с В. А. Городцовым, приписывавшим русским аграрно-магическим вышивкам языческой поры концепцию божественного происхождения земной власти. Богиня олицетворяла мать — Сыру Землю так, как она представлялась земледельцу. Поэтому ее мужские спутники даны в очень архаической трактовке, восходящей к ранним этапам земледельческой религии: не как самостоятельные могущественные боги, а лишь как прибоги, супруги Великой матери.

В какую эпоху могли появиться у славян лицевые изображения божеств и каковы документальные свидетельства для ранней поры? К сожалению, ни письменные источники, ни археология пока не дают прямых данных об этом. Привлекая общетеоретические положения по истории первобытных религий, обоснованные А. Ф. Лосевым [34], можно думать, что антропоморфизация язычества завершилась у славян уже на стадии первобытнообщинного строя (земледелия и патриархата). Сведения Прокопия (VI в.) о громовержце, как верховном божестве славян [35], позволяют предполагать наличие у них уже в течение I тысячелетия развитой патриархальной (антропоморфной) мифологии. Следовательно, эпоха Владимира I могла быть уже временем позднего антропоморфизма и позднего героизма в русской мифологии; это подтверждают сохранившиеся обрывки сказания о Свароге-Гефесте, народные легенды о героях-змееборцах [36]. В этих условиях Великая Мать задолго до средневековья потеряла значение универсального божества и уступила верховенство в пантеоне патриархальному богу-творцу. Ее функцией осталось в какой-то мере земледелие. Не противоречит ли эта реконструкция тем письменным (Ибн-Фадлан, летопись) и археологическим данным (идолы, амулеты), которые говорят о неразвитости языческих антропоморфных изображений на Руси X в.? Такое противоречие вполне закономерно: культовые изображения обычно значительно отстают от культовых представлений. Так, в древней Греции эпохи Гомера рафинированному позднему антропоморфизму соответствовали примитивные безликие идолы-ксоаны [37].

Сюжет богини с прибогами представлен в древнерусское время лишь металлическими амулетами и украшениями XI—XIII вв., появившимися в

---

[33] Б. Л. Богаевский. Земледельческая религия Афин. Пгр., 1916, стр. 174—175, 199.

[34] А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 8, 10, 12—17, 34—85, 91—96, 104—105.

[35] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 297 (VII, 14, 23).

[36] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 487—490.

[37] В. Д. Блаватский. Греческая скульптура. М.— Л., 1939, стр. 4—15; А. Ф. Лосев. Античная мифология, стр. 78, 79, 81—84.

костюме русских крестьянок в ту пору, когда язычество уже перестало быть официальной религией и начало вытесняться христианством[38]. Это изображения геометрического чина (рис. 3, *1—4*) или животных по сторонам ромбического символа богини (рис. 6, *5—7*). Конечно, основная масса подобных изображений, а именно в вышивке женской одежды и обрядовых полотенец, не сохранилась: можно думать, что среди них преобладала геометрическая символика, но был и троичный чин с животными и птицами

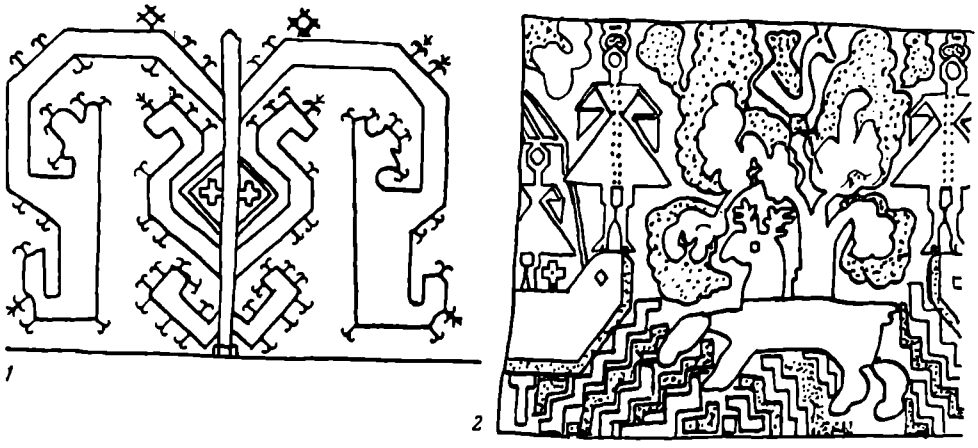


Рис. 7. Поздние элементы в русской вышивке XIX—XX вв.
1 — растительный мотив; *2* — парковая сцена

вокруг растения — лишь об этих сюжетах позволяют судить с достаточным основанием приведенные выше археологические данные. О том, что тогда были также вышитые антропоморфные изображения богини с прибогами (тем более всадниками), никаких сведений нет. Лишь ретроспективно (т. е. по сути умозрительно) можно предположить их существование в X в., ссылаясь на очень архаичные элементы в иконографии вышивок XVIII—XIX вв. Вероятно, эти всадники-прибоги были безликими идеограммами всадников (рис. 6, *1*, *3*), переданными без каких-либо бытовых черт (вариант 2). К этой стадии, по-видимому, относились (известные по реликтовым образцам XIX в.) изображения голов в виде крючковых ромбов, растительные побеги, вырастающие из фигур, и, наконец, цветущие ветви во рту коней[39]. Возможно, на металлических амулетах-украшениях потому нет культовых антропоморфных изображений, что в X—XII вв. (когда были живы языческие представления) они помещались только на обрядовых полотенцах и завесах; в это время женская бытовая одежда украшалась более древней орнаментикой — геометрической и животно-растительной, которая сохраняла не столько культовое, сколько магическое значение.

XII—XIV века были как бы переходным периодом (как это видно из письменных источников)[40]. Языческие верования все более стирались, нередко сливаясь в своеобразный сплав с христианскими. Благоговейное отношение к древним магическим сюжетам вышивки, вероятно, еще сохранялось в деревнях по традиции, но их точный языческий смысл постепенно забывался. В этих условиях лицевые сюжеты появились и на бытовых вещах, в рамках традиционной формы они обогащались новыми

---

[38] Еще не решен вопрос о полуантропоморфных мужских изображениях на днепровских и дунайских фибулах VI—VII вв.: принадлежали ли они славянам или дославянскому населению.

[39] В. Воронов. Крестьянское искусство. М., 1924, рис. 82, 84; В. А. Фалеева. Ук. соч., табл. VI и VII.

[40] Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, II, М., 1913, стр. 3.

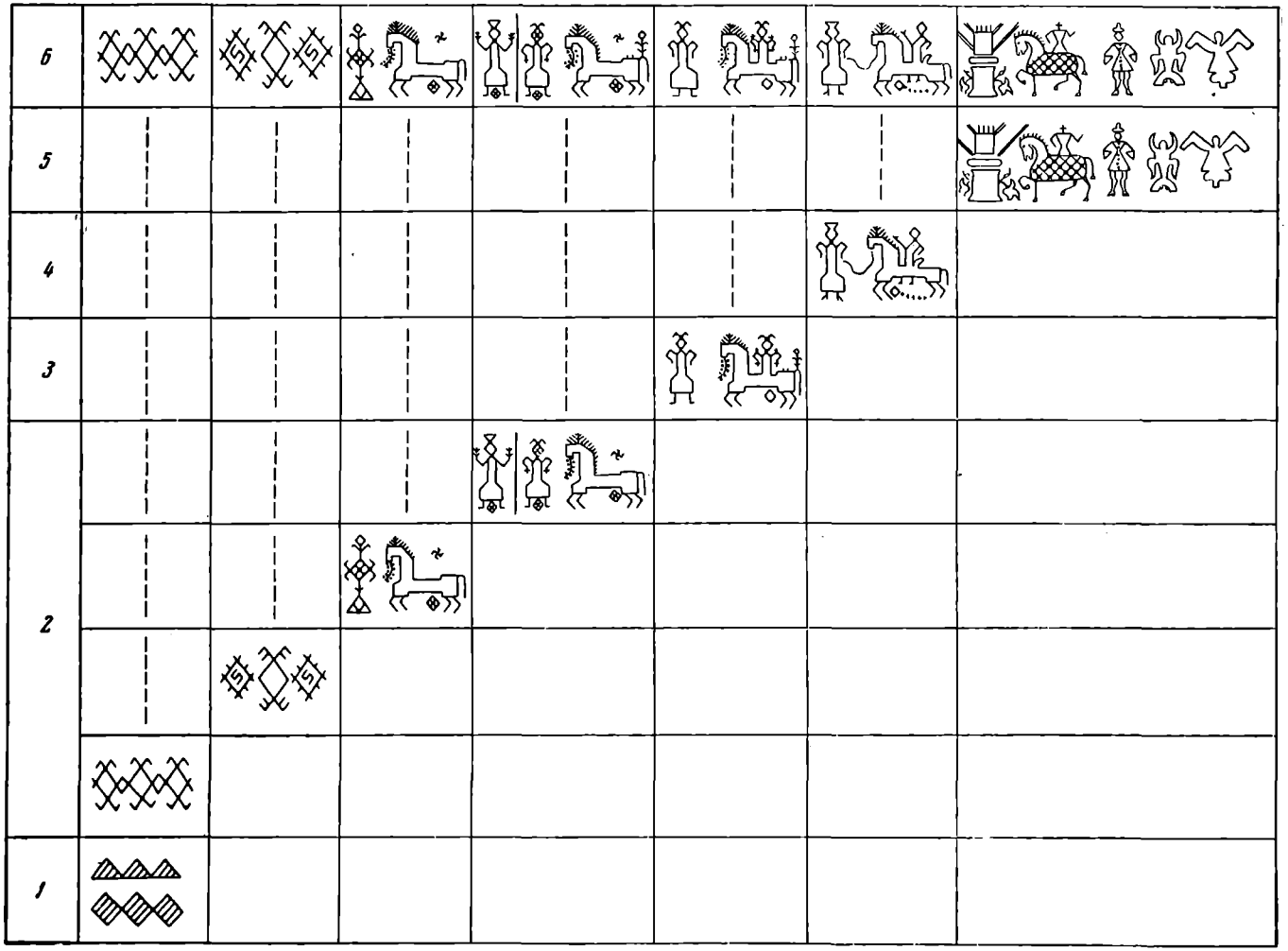


Рис. 8. Попытка стратиграфического членения сюжетов русской крестьянской вышивки XIX—XX вв. Даты проставлены условно

1 — до появления земледелия и начало примитивного земледелия; *2* — первобытное земледелие; *3* — до XIII—XV вв. (?); *4* — примерно XV—XVII вв.; *5* — XVIII—XIX вв.; *6* — совокупность сюжетов русской крестьянской вышивки XIX — начала XX в.

деталями. В последующее время архаические вышивки все более становились просто украшением, и вышивальщицы разделились по своему отношению к традиционной вышивке: одни бережно повторяли во многом уже непонятные старые образцы, другие осмысливали их по-своему и значительно изменяли архаические начертания. Ветвь превращалась в уздечку (но прорастающую побегами), ромб под конем — в поверженного врага, на коне появилось высокое седло, всадник стал изображаться в профиль, с поднятой правой рукой (так, как воины на иконах). Может быть, и широкая колоколообразная юбка богини — позднее привнесение (XVIII в.?). Городская растительная орнаментика оказала значительное влияние на иконографию древа жизни крестьянских вышивок (рис. 7, *1*). Многие поздние переосмысления уже явно диссонируют со строем архаической вышивки: такова замена древа (богини) двуглавым орлом или церковью.

Вышивки XIX в.— очень сложный комплекс самых разновременных элементов, причем поздние элементы нередко так искусно переработаны в традиционном стиле, что без специального источниковедческого анализа нельзя рассматривать такие вышивки как исторический источник. Поэтому был неправ Л. А. Динцес, который пытался найти в вышивках XIX—XX вв. изображения даже малых божеств языческого пантеона, воспринимая вышивки как оригинал исторического документа, подлинный вплоть до мельчайших подробностей. Так, он писал о женских божествах воды с плавниками вместо рук, стоящих на кораблях вокруг дерева, выросшего из спины оленя [41]. На самом деле это парковая сцена XVIII в. (рис. 7, *2*): на лодках катаются кавалеры в париках, коротких кафтанах с пышными рукавами и в чулках до колен. На берегу — олень на фоне раскидистых деревьев. Интересно, что эта вышивка была выполнена в 1919 г. [42], т. е. почти через полтора столетия после возникновения сюжета. Нет основания говорить о «звероподобных, присевших на задние лапы существах, очевидно, медведях», расположенных по сторонам дерева (рис. 7, *1*) [43],— это очень грубо переданные пышные цветы на длинных гибких стеблях — довольно позднее нововведение в сельскую вышивку русского Севера. В. А. Городцов истолковал вышивку рис. 6, *10* как изображение всадников, поклоняющихся огненному алтарю, несомому в небесах драконами [44]. Настораживает уже необычная иконография памятника: реалистическое изображение покрытого попоной коня, который, оскалив пасть, бьет копытом.

В музеях Ленинграда хранятся очень близкие вышивки XIX в., на них хорошо видно, что изображено древо с длинными ветвями вверху (в центре композиций эти ветви закрыты головами коней) и пышными цветами внизу (рис. 6, *11*).

Итак, архаическую русскую вышивку XIX — начала XX в. можно предположительно разделить на следующие разновременные пласты (рис. 8): 1) строгая геометрическая орнаментика, отражающая идею плодородия природы; 2) лицевые изображения женщины или древа с конями и солярными знаками; 3) лицевые изображения женщины и подбоченившихся всадников, сидящих лицом к зрителю; 4) женщина с конными воинами, изображенными в профиль и попирающими врагов, 5) специфические привнесения XVII—XIX вв. Можно предполагать, что русские изображения богини с всадниками сформировались постепенно и без влияния со стороны даков и сармат. Они явились дальнейшим усложнением местного образа Великой сельской богини с ее мужскими спутниками.

---

[41] Л. А. Динцес. Древние черты, рис. 246, стр. 473.

[42] Л. Динцес, К. Большева. Народные художественные ремесла Ленинградской области. СЭ, 1939, № 2, стр. 108, рис. 2, стр. 110.

[43] Л. А. Динцес. Древние черты, рис. 245, стр. 473.

[44] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 14—16, рис. 17.

Насущная задача изучения русской архаической вышивки — полное сопоставление всех имеющихся материалов, создание их Свода. Но и сейчас можно совершенно определенно сказать, что установившиеся в нашей литературе взгляды на происхождение и историю русской лицевой вышивки не являются окончательными и во многом подлежат проверке и уточнению.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. *1*, *7*, *8* — собрание ГИМ, праздничный костюм из Пензенской губ., конец XIX в.; *2*, *10* — В. В. Стасов. Русский народный орнамент, табл. VI, *32*; IX, *43*; *3*, *4*, *11* — Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927, рис. 23, 24, 55, 107; *6* — Е. Н. Клетнова. Символика народных украс Смоленского края. Тр. Смоленских гос. музеев, I. Смоленск, 1924, табл. XXIX, *5*; *9* — T. Vahter. Les figures humaines, рис. 32.

Рис. 2. *2* — А. Н. Свирин. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 71.

Рис. 3. *1* — А. С. Гущин. Памятники, табл. IV, *19—24*; *2*, *3* — Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913, табл. III, *16*; VI, *18*; *4* — Н. И. Булычов. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, табл. IV, *9*; *5* — А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, 15, СПб., 1905, стр. 138, рис. 127; *7* — W. Hołubowicz. Opole w wiekach X—XII. Katowice, 1956, рис. 127.

Рис. 4. *1* — В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, табл. 49; *2—4* — В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси, стр. 492, 494, рис. на стр. 497, 499 и 501; иконы в ГТГ; *5* — Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению р. Угры, табл. II, *3*; *8* — В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. LXXII, *1*; *9* — В. Н. Лазарев. История византийской живописи, II, М., 1948, табл. 279 и 280, возможно, близкий мотив — табл. 231, на мафории Богоматери; *10* — И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, 6, СПб., 1899, рис. 138, стр. 118.

Рис. 5. *1* — А. А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. 33, *1*; *2* — Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство, рис. 233; *3*, *4* — И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, 4, СПб., 1891, рис. 106, 108; *5* — В. Н. Лазарев. Киевская Русь. ИРИ, I, М., 1953, стр. 97; *6*, *7* — А. С. Гущин. Памятники, табл. XXVII, *10*; XXXIII, *7*.

Рис. 6. *1* — Л. А. Динцес. Древние черты, рис. 243; *2*, *3*, *4*, *10* — В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы, рис. 12, 13, 16, 17; *5*, *6* — Б. А. Рыбаков. Ремесло, рис. 130 и 131; *7*, *8* — Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство, рис. 193, *1*, *4*; *9* — А. П. Окладников. Древнейшие наскальные изображения, рис. 12 *а*; *11* — Материалы ГРМ; *12* — В. И. Марковин. Наскальные изображения, рис. 3 *г*; *13* — А. К. Амброз. Ук. соч., рис. 5, *6*; *14* — G. Wilke. Die Religion der Indogermanen, рис. 176; *15* — В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, рис. на стр. 64.

Рис. 7. *1*, *2* — Л. А. Динцес. Древние черты, рис. 245, 246.

А. И. КОМЕЧ

РАБОЧИЙ МЕТОД ЗОДЧИХ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА XII в.

Понятие «рабочий метод зодчих» объединяет приемы построения архитектурной формы, которыми пользовались мастера при создании своих произведений.

В результате исследований К. Н. Афанасьева [1] были выяснены некоторые основные закономерности построения архитектурной формы в русском искусстве XI—XII вв.

В настоящей статье автор ставил задачу произвести более детальное исследование тех же вопросов на материале зодчества Владимиро-Суздальского княжества.

* * *

В 1152 г. в Переславле-Залесском был построен собор Спасо-Преображения.

План храма представляет собой точный квадрат (без абсид) (рис. 1). Толщина стен равна толщине столбов, сторона подкупольного квадрата больше этой величины в четыре раза, вынос лопаток столбов равен $^1/_4$ их толщины, все боковые нефы равны по ширине половине центральных. Глубина арок перед абсидами равна $^1/_2$ глубины каждой из последних. Поэтому центральная абсида далее всего выступает из основного куба храма. Ширина угловых пилястр меньше ширины остальных, что подчеркивает расчет их восприятия с угла.

Столь же четко объемное построение храма (рис. 2). Высота до шелыг подпружных арок, а следовательно, и высота центральных прясел — в 2,5 раза более стороны подкупольного квадрата. Хоры и отлив находятся на половине этой высоты.

Строго соотнесены между собой и с целым формы фасадов. На уровне шелыги внешней арки портала начинаются окна абсид, которые кончаются на высоте оснований окон прясел; последние же замыкаются арочками в одном уровне с капителями столбов подпружных арок. Таким образом, вся система оказывается соотнесенной с высотой центральных столбов, а через них и с основным модулем — стороной подкупольного квадрата.

Северный и южный фасады храма не симметричны относительно своих центральных прясел, хотя, казалось бы, абсолютная правильность разбивки квадрата плана не должна была бы привести к этому. Попробуем объяснить причины появления подобной композиции.

---

[1] К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими, М., 1961.

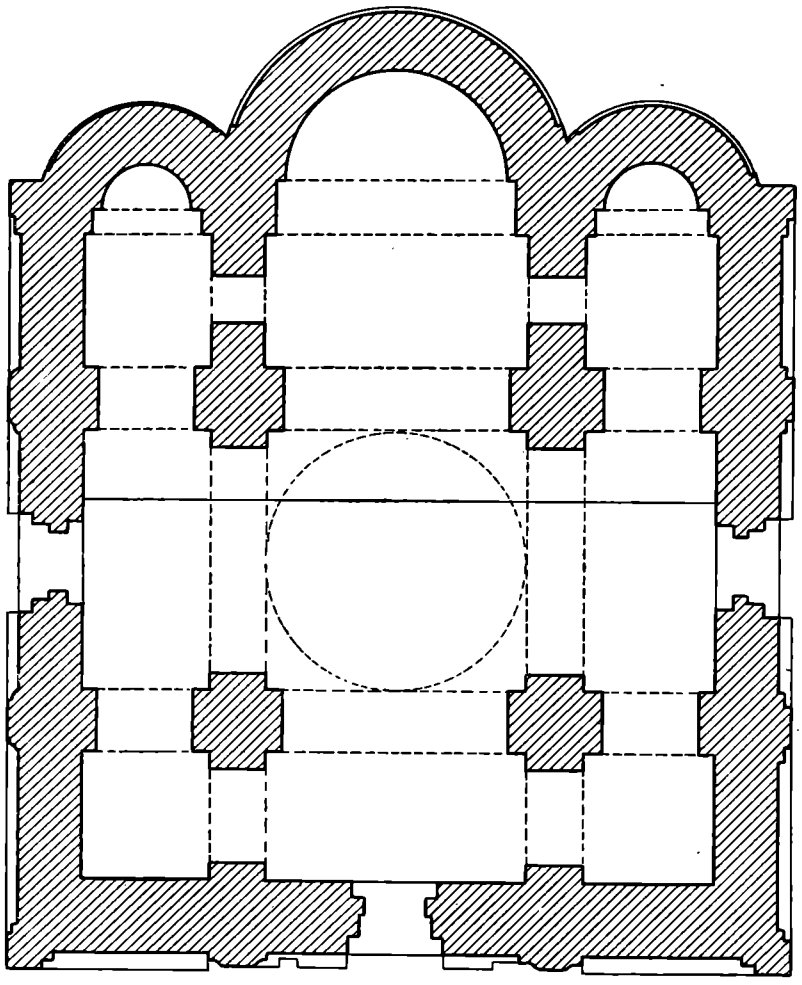


Рис. 1. Собор Спасо-Преображения в Переславле-Залесском, 1152 г. План на уровне пола

Отметим, что внешние пилястры в центре фасадов соответствуют внутренним, причем по ширине внутренние равны внешним вместе с дополнительным профилем. При точном соответствии всех внешних пилястр внутренним обычна обработка углов, широко распространенная в киевском зодчестве (рис. 3, *1*), где двумя лопатками, принадлежащими разным фасадам, акцент переносится с углов и тем самым в какой-то степени — с объемного целого на эти фасады.

В данном же случае пилястры юго-западного и северо-западного углов придвинуты друг к другу, сужены и слиты в единую форму (рис. 3, *3*). В силу этого западные прясла северного и южного фасадов становятся шире. Восточные прясла, где внешние лопатки точно соответствуют внутренним, не имеют подобного уширения.

В том же 1152 г. сооружается церковь Бориса и Глеба в Кидекше.

Основная система пропорциональных соотношений, примененная здесь, очень близка переславскому собору, но выдержана менее точно. Несоответствия и ошибки в решении деталей говорят о недостаточном профессиональном овладении избранной схемой. Но гораздо важнее те черты нового, что вносятся мастерами в эту схему и которые получают развитие позже, при Андрее Боголюбском.

Как и в Переславле, восточные прясла северного и южного фасадов должны были быть у́же всех остальных. Но желание сделать композицию

северного и южного фасадов симметричной привело к расширению восточного нефа. Стремление к строгому равновесию находит свое выражение и в едином числе арочек на всех боковых пряслах — пять или пять с половиной. В данном случае именно потребности оформления фасада вызвали изменение внутренних соотношений храма.

В Борисоглебском храме нет резкого выделения центральной абсиды в сравнении с боковыми, ибо разница в глубине арок перед абсидами очень незначительна, что создает гораздо бо́льшую целостность восприятия изнутри. Здесь решение уже близко композиции всех позднейших храмов, когда центры алтарных полукружий выносятся на линию, соединяющую восточные углы храма.

Вертикальное построение храма принципиально ничем не отличается от Спасо-Преображенского собора (рис. 4). Над арками прохода под хорами, на уровне их верха лежат пяты центрального коробового свода под хорами и пяты боковых арок, обращенные к алтарю. Та же схема положена и в основу конструкции верха храма.

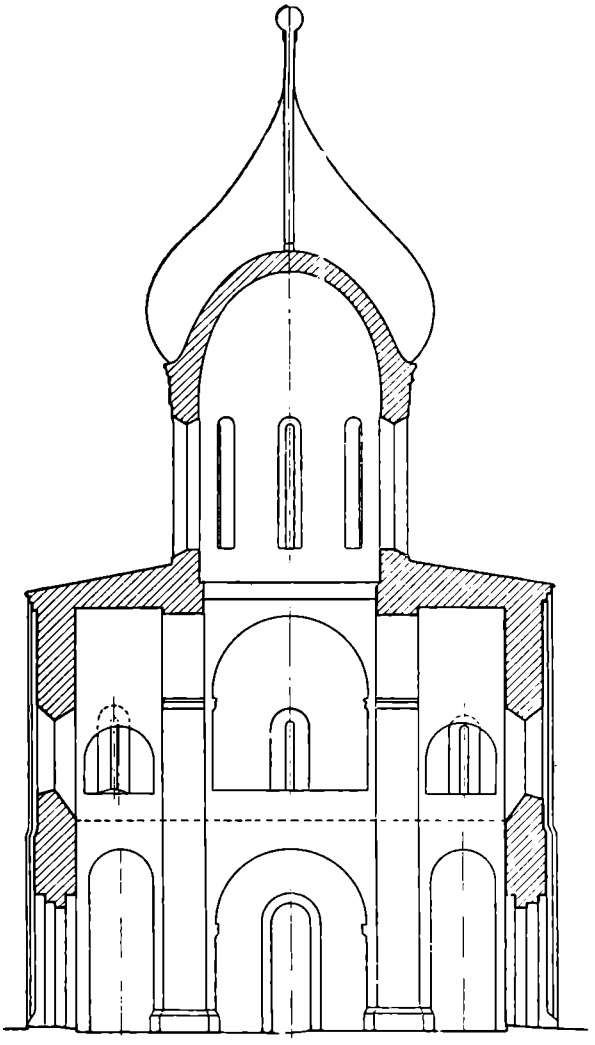


Рис. 2. Собор Спасо-Преображения в Переславле-Залесском, 1152 г. Поперечный разрез

На уровень капителей центральных столбов выводятся шелыги арок, идущих от этих столбов к стенам храма и образующих опору всех сводов. Все своды над угловыми ячейками ориентированы по оси восток—запад.

Если уровень пят арок под хорами принять за исходный, то высота хор будет предопределена заранее. В то же время подпружная арка вдвое выше этого уровня и к тому же четко соизмерима со стороной центрального квадрата. Считать все это случайным не приходится, поэтому надо предположить, что высота пят первых арок определяется по отношению к этим основным размерам. С этой же системой связаны и размеры порталов. В Переславском соборе пяты их арок лежат на одном уровне с пятами центрального свода под хорами, в Борисоглебском же храме — на одном уровне с пятами боковых арок под хорами.

Как мог происходить этот расчет практически? Вероятно, брался шнур, и на нем откладывался размер высоты хор — это в данном случае 1,25 модуля, что равно пяти более мелким модулям — толщине столбов и стен. От этого размера прямо по веревке могли откладывать высоты арок и толщину пола; кружала могли заготавливать сразу (их размер был ясен), толщина же пола тоже является величиной вполне определимой. Вывод о том, что храм при своем вертикальном построении имел одну

основную опорную, определяемую с помощью модуля точку, кажется неоспоримым.

Метод постепенного сложения формы из отдельных более мелких членений, когда работа над следующей деталью начинается по завершении работы над предыдущей, приводит к появлению в храме формы, которой не было в Переславле и которая исчезает в дальнейшем.

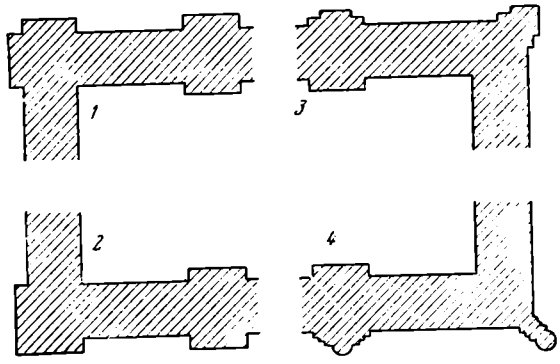


Рис. 3. Схема обработки углов храмов

1 — Успенский собор Киево-Печерской лавры; *2* — Успенский собор во Владимире; *3* — собор Спасо-Преображения в Переславле; *4* — Дмитровский собор во Владимире

Обычно все своды над угловыми ячейками ориентированы в направлении запад — восток (рис. 5). Здесь же свод юго-западного квадрата под хорами ориентирован по оси север — юг. Он опирается на арку, выходящую в сторону алтаря. Пяты последней оказываются на одном уровне с пятами центральной арки, тогда как в Переславском соборе на одной высоте находились их шелыги и шелыги примыкавших к ним сводов под хорами.

Возможно, что недостаточное знание системы построения храма заставило зодчих заложить пяты арок на одном уровне, а не искать дополнительной точки. Сама система возведения арки на арке с ее обязательной переменой ориентации на 90° привела к необычному расположению свода.

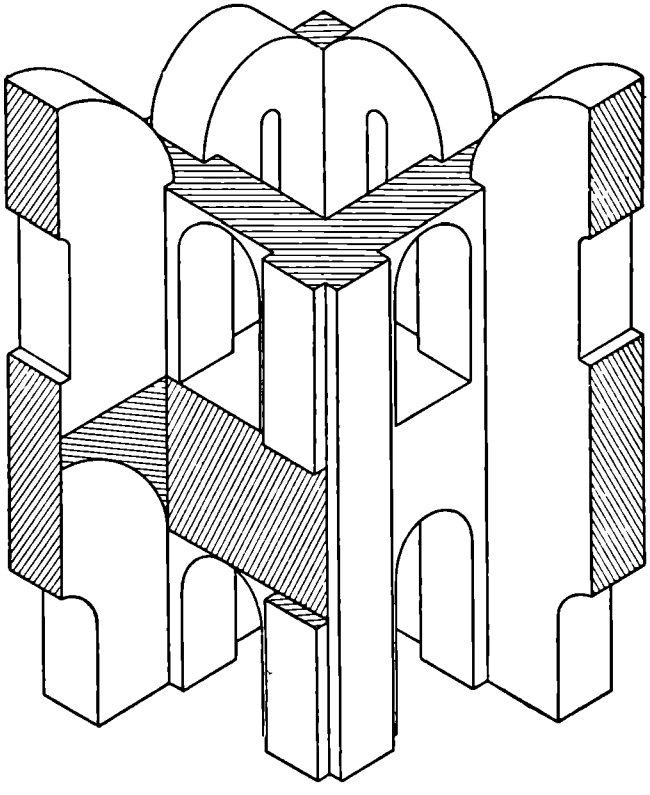


Рис. 4. Схема построения основных арок и сводов (по линии А—Б)

В результате угловые ячейки оказались более обособленными от внутреннего пространства храма, а композиция арок под хорами приобрела характер, созвучный по ритму и с расположением верхних арок (рис. 6).

Выше уже отмечалось, что соотношение проемов порталов и окон подчинено высотной композиции храма, дающей его основные точки — уровень пят арок порталов и уровень капителей центральных столбов. Уровень начала окон второго яруса определялся, очевидно, исходя из каких-то практических соображений освещения хор и всего храма. В разбираемых памятниках он равен 1 *м* (Спасо-Преображенский собор) и 1,2 *м* (Борисоглебский храм) от пола хор.

Если мы обратим внимание на расположение окон в пряслах Спасо-Преображенского и Борисоглебского храмов, то нам бросится в глаза разница этих композиций.

Как мы отмечали, верх арочек окон соотнесен с уровнем капителей центральных столбов. В Переславском соборе это сделано способом, родственным приемам кладки сводов. Сначала идет ряд камня, в котором помещены арки окон, в следующем ряду находятся капители столбов,

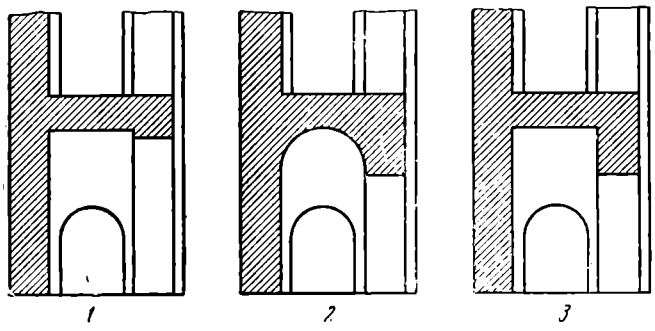


Рис. 5. Схема разрезов по хорам

1 — собор Спасо-Преображения в Переславле; *2* — храм Бориса и Глеба в Кидекше; *3* — Успенский собор во Владимире

выше начинаются свод и примыкающие к нему арки. Таким образом, центры арок окна и закомар не совпадают, их разделяют два ряда кладки (рис. 7, *а*). Поэтому пониженное расположение окон оказывается следствием причин не только эстетического, но и строительного порядка.

В храме же Бориса и Глеба (рис. 7, *б*) центры арок окон и закомар сливаются в одну точку. Причины этого новшества лежат в области чисто эстетической — проем окна осмысливается как декоративная форма.

Подводя итоги разбора архитектурных памятников эпохи Юрия Долгорукого, необходимо отметить четкую зависимость размеров и форм как плана, так и вертикального построения храмов от величины их подкупольного квадрата. Объемной композиции подчинены главные членения фасадов, в силу этого внешний вид храмов дает полное представление об их интерьерах.

Это качество, равно как и упомянутое подчинение всех основных форм лишь размерам подкупольного квадрата, ясно показывает специфику архитектурного мышления зодчих.

Лишь постепенно появляются приемы более детального видения формы. Думается, что стремление к симметрии южного и северного фасадов Борисоглебского храма уже относится к их числу, хотя в данном случае оно и служит цели создания единого впечатления от храма со всех сторон.

Обратимся теперь к строительству княжения Андрея Боголюбского. В 1158—1160 гг. был построен Успенский собор во Владимире. Собор был центральным храмом города, и не случайно в нем проявились традиции киевской архитектуры. Политический смысл этого ясен, так как Андрей создавал новый политический и культурный общерусский центр. Образцом Успенского собора послужил собор Киево-Печерской лавры. Отношение ширины столба к стороне подкупольного квадрата равно в Успенском Владимирском соборе 1 : 5, что является исключением для Владимирского зодчества, но аналогично соотношению в соборе лавры. Но в последнем ширина боковых нефов равна $^3/_5$ ширины центрального, в то время как во Владимирском храме все остальные нефы равны по ширине половине центрального,— и это соотношение типично именно для Владимира.

Внешние пилястры соответствуют внутренним и по ширине равны им без всяких дополнительных профилей (как в киевской архитектуре). Но угловые пилястры увеличены по размеру и сливаются в одну форму, образуя угол храма, что является уже местной традицией. Таким образом, решение оказывается компромиссным. Вертикальная композиция храма во многом изменяется в сравнении с постройками предшествующего пе-

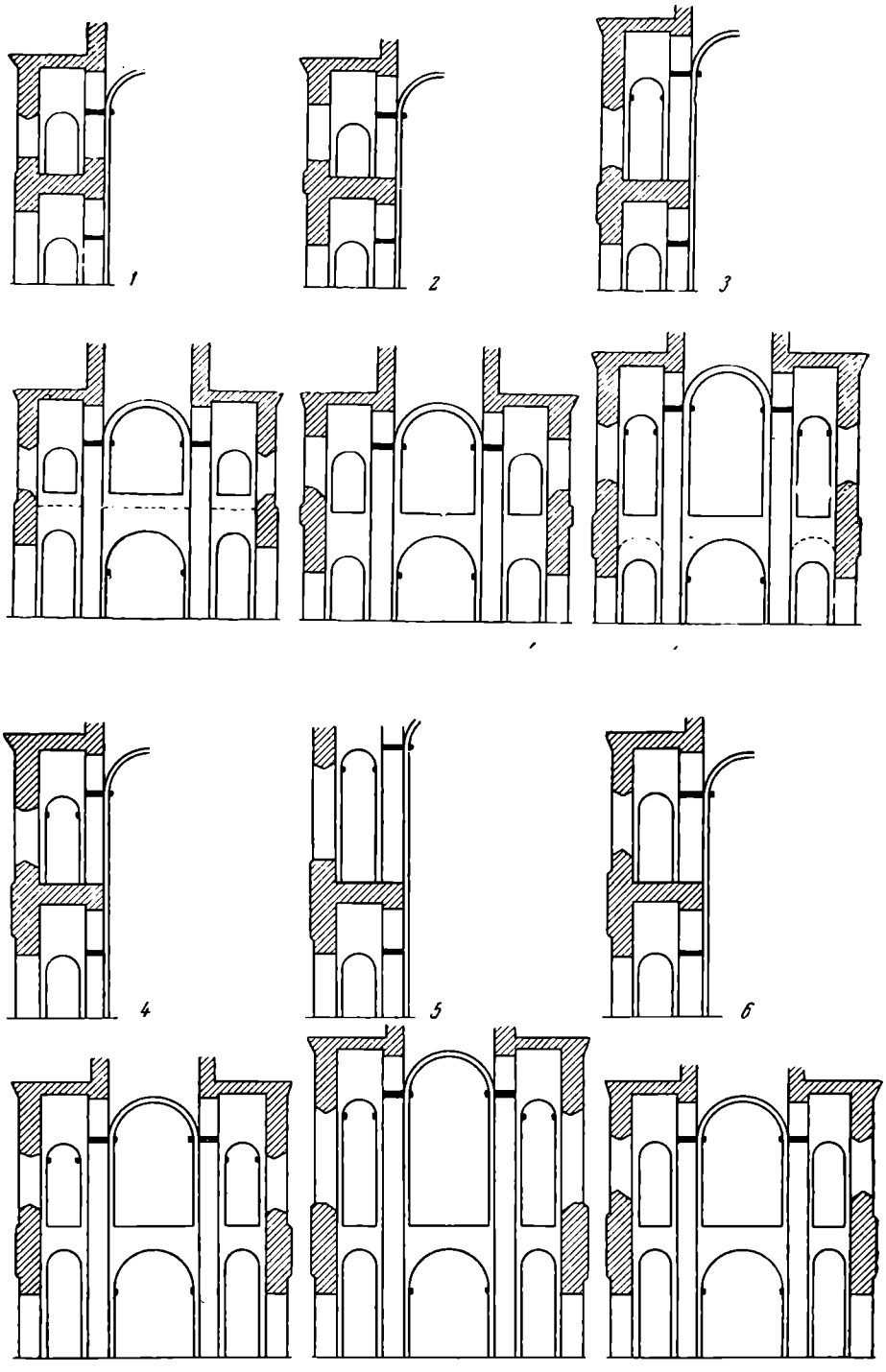


Рис. 6. Схемы разрезов храмов по главным нефам

1 — собор Спасо-Преображения в Переславле; *2* — храм Бориса и Глеба в Кидекше; *3* — Успенский собор во Владимире; *4* — собор Рождества Богородицы в Боголюбове; *5* — храм Покрова на Нерли; *6* — Дмитровский собор во Владимире

риода (рис. 6). Хоры остаются на прежней высоте — $1^1/_4$ стороны подкупольного квадрата. Но величина в 2,5 модуля, откладывавшаяся ранее до уровня шелыг подпружных арок, теперь равна величине самих столбов. Поэтому хоры оказываются уже на середине высоты столбов, а не подпружных арок. Следовательно, храм становится выше из-за повышения столбов на 0,5 модуля. При этом вся композиция до уровня хор остается прежней.

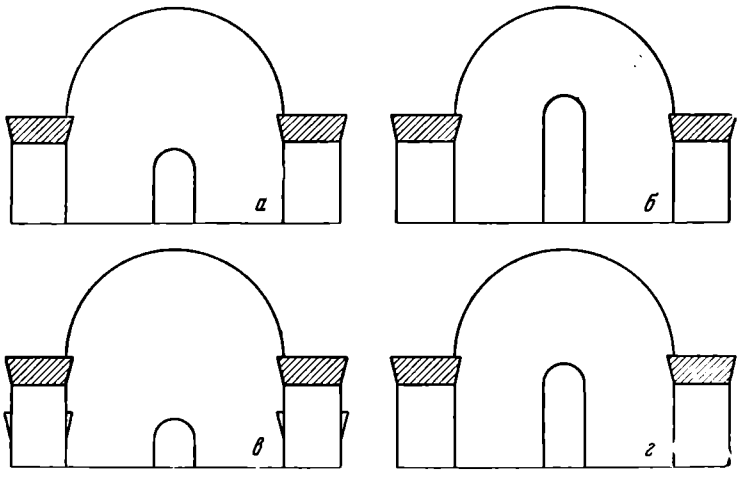


Рис. 7. Схемы размещения окон прясел

Изменяется уровень арочек окон второго яруса. Если бы они, как и прежде, совпадали по уровню с капителями столбов, то окна оказались бы чрезвычайно вытянутыми в высоту. Поэтому они прорезаются на уровне пят боковых арок, в котором в связи с этой акцентировкой стали дополнительно закладывать резные капители (рис. 7, *в*). Подобное соотношение явится позднее причиной возникновения новой формы.

Отметим еще две особенности построения храма.

Первая. Верхнее поле прясел из-за общих размеров храма и из-за того, что пояс, точно соответствующий уровню хор, оказался ниже половины высоты стен храма, стало необычайно высоким. Но размеры окон не увеличиваются соответственно. Не только их арочки лежат ниже прежнего уровня. Они и начинаются выше, чем обычно, по отношению к отливу аркатурного пояса. Поэтому они оказываются (в абсолютных размерах) высоко над уровнем хор; и для того чтобы лучше осветить последние, окна западного фасада опущены ниже. Поэтому в Кидекше окна западного фасада были сделаны на 50 *см* больше остальных, но уровень их арочек остался прежним, в то время как в Успенском соборе окна целиком опущены вниз на высоту 1 *м* от пола хор, оставаясь по размерам равными окнам северного и южного фасадов.

Вторая. Система арок под хорами аналогична решению в Борисоглебском храме, т. е. и здесь их пяты лежат в одном уровне (рис. 5). Но здесь эта форма становится декоративной, ибо своды угловых ячеек ориентированы по той же оси, что и арки, а шелыги их лежат в одном уровне с шелыгой центрального свода. Поэтому арка образована стенкой, ничего не несущей и имеющей назначение чисто зрительного порядка. Этот прием, препятствующий горизонтальному развитию пространства, подчеркивает и без того необычайную устремленность вверх архитектуры интерьера.

Одним из интереснейших и, быть может, самым характерным созданием владимирских зодчих был собор в Боголюбове.

План его во многих отношениях стал образцом для последующих храмов. Подкупольный квадрат имеет вытянутую по направлению оси восток—запад форму. Особенностью храма является круглая форма столбов

(рис. 8, *4*). Толщина стен храма точно равна стороне квадрата, вписанного в круг диаметром 1,52 *м* (диаметр столбов храма). Ширина храма внутри в десять раз более ширины стен — как в Переславле и Кидекше.

Западный неф храма больше северного и южного, его ширина равна $^3/_4$ ширины центрального нефа, а не его половине, как это было раньше. Причины этой перемены связаны с возросшим авторитетом князя, княжеской власти и соответственно большей ролью хор в интерьере церкви.

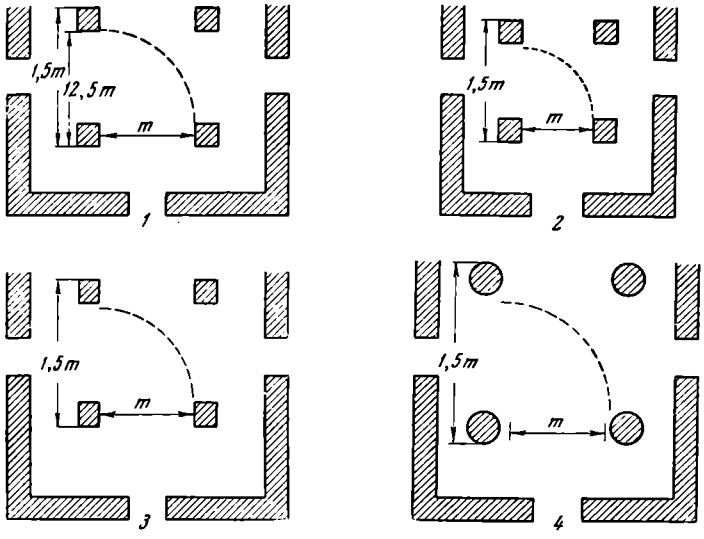


Рис. 8. Схемы композиции центрального ядра храма

1 — собор Спасо-Преображения в Переславле; *2* — церковь Покрова на Нерли; *3* — Дмитровский собор во Владимире; *4* — собор Рождества Богородицы в Боголюбове

В результате западные прясла северного и южного фасадов являются самыми широкими среди боковых. Все остальные боковые прясла сделаны равной ширины, в связи с чем здесь, как и в Кидекше, восточный неф шире южного и северного. Боковые прясла западного фасада неодинаковы, южное шире северного на 20—25 *см*, что является следствием приблизительной подгонки угловой колонки.

Восточные лопатки северного и южного фасадов получают свое классическое решение. Они сделаны как угловые, но членения на стене абсиды к востоку от колонок симметричны профилям на стене прясел к западу от них. Этим самым наличествует момент связи объемов храма и абсид в целое, момент маскировки угла.

Центры алтарных полукружий здесь лежат на линии, соединяющей углы храма, что обеспечивает их довольно большой вынос и значение в общей композиции.

Как уникальную особенность храма надо отметить своеобразную расстановку столбов, отодвинутых к углам храма, из-за чего доминирующее значение центральных нефов и подкупольного пространства возрастает.

Нельзя не согласиться с Н. Н. Ворониным, когда он пишет о том, что хоры здесь были на уровне половины высоты подпружной арки[2]. Поскольку уровни отливов пояса и порога двери на хоры совпадают, то можно сделать вывод о соответствии им и уровня пола хор. По отношению к стороне подкупольного квадрата хоры стали выше, но их соотнесенность с высотой целого оказалась аналогичной схеме соборов Переславля и Кидекши (рис. 6). Эта форма явилась окончательной, и весьма интересно ее появление в два приема, когда вначале остается незыблемым соотношение с основным модулем, а потом восстанавливается прежняя пропорциональная связь с целым, ставшим уже иным по отношению к тому же мо-

[2] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., I, М., 1961, стр. 219 и 220.

дулю. Осторожность этого перехода, проверка через практику каждого этапа говорят нам о том, насколько сильна была в творческой работе зодчих роль основной схемы, образца.

Последовательное решение этих задач должно было бы привести еще к одному изменению, которое мы находим уже в следующей постройке владимирских зодчих.

В церкви Покрова на Нерли пропадают декоративные стеночки боковых сводов под хорами, и все своды непосредственно выходят в центральное пространство. Так было и в соборе Спасо-Преображения (рис. 5). Это же, по логике разобранных выше форм, должно было бы быть в Боголюбовском храме. В реконструкции Боголюбовского собора, предлагаемой Н. Н. Ворониным, есть еще два момента, которые мне кажутся неверными [3].

1. Окна прясел в реконструкции поставлены прямо на отлив аркатурного пояса; но поскольку этот же уровень здесь соответствует уровню хор, то изнутри окна начинались бы прямо с пола, что совершенно невозможно. Следовательно, окна надо поставить здесь по аналогии с Успенским собором, а не с храмом Покрова.

2. В реконструкции данного храма, как и в реконструкции храма Бориса и Глеба в Кидекше [4], окна абсид кончаются на уровне отлива пояса (в последней они даже начинаются на одной высоте, что фактически неверно). Это не имеет аналогий ни с одним памятником Владимиро-Суздальского княжества XII в., в которых арочки окон абсид всегда соответствуют началу окон закомар.

Территориально, хронологически, стилистически и с точки зрения самой истории строительства с Боголюбовским храмом теснейшим образом связан храм Покрова на Нерли (1165 г.).

Этот памятник во многом отличается от других, даже если мы рассмотрим только композицию фасадов.

Необычна относительная ширина порталов, занимающих все центральное прясло. Центральные прясла северного и южного фасадов шире центрального прясла западного, поскольку подкупольный прямоугольник не является квадратом, а вытянут по оси запад — восток. Ширина же трех порталов одного храма всегда примерно одинакова. И можно было бы предположить, что портал, с трудом уместившийся на западном фасаде, более свободно вмещается в средние прясла остальных фасадов. Но мы и там видим такую же картину. Это заставляет предположить, что отправными здесь были порталы северного и южного фасадов, а портал западного сжат в силу обстоятельств.

Прясла стен в Покровском храме очень узкие, окна же по своей ширине равны окнам Успенского собора. Поэтому число профилей окна начинает зависеть от того, умещается ли оно в прясле. Так, на северном и южном фасадах не четыре, как обычно, а всего два профиля, переходящие к тому же непосредственно в обломы лопаток.

Абсиды храма украшены тягами — колонками, размещенными обычно на равном расстоянии друг от друга. Здесь же между тягами помещены две арочки, а в проемах с окнами — три.

Окна фасадов начинаются непосредственно с отлива аркатурного пояса, что мы не видели в предшествующих храмах и никогда не встретим в последующих. Уровень аркатурного пояса не совпадает с уровнем хор, поэтому по внешнему виду этого храма уже нельзя было бы судить о его устройстве с прежней полнотой.

Наконец, в композиции фасадов гораздо бóльшую, нежели прежде, роль играют вертикальные членения стен. Плоскость стены как бы скрывается за объемами лопаток, колонок, обломов, что давало основания, учи-

---

[3] Н. Н. Воронин. Ук. соч., рис. 101, 122, 126.

[4] Там же, стр. 73, рис. 14.

тывая необычайную относительную высоту здания, говорит о готических (эстетических и конструктивных) устремлениях строивших храм мастеров.

Попробуем отыскать причины всех этих перемен.

В своей книге «Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими» К. Н. Афанасьев говорит о существовании нескольких групп размеров храмов, определяемых величиной стороны их подкупольного квадрата [5]. Храм Покрова на Нерли по этой системе принадлежит к числу самых небольших построек домонгольского зодчества.

В той же книге К. Н. Афанасьев указывает на то, что толщина стен и столбов не находится в прямо пропорциональной зависимости от величины здания, что ее «наименьшие размеры зависят от конструкции стен и строительных материалов» [6].

Здесь толщина стен точно равна толщине стен собора в Боголюбове. Помимо указанных причин, большую роль могла иметь и традиционность строительных приемов и навыков мастеров, перешедших работать сюда по окончании строительства в Боголюбове. Предположение об этом, выдвинутое Н. Н. Ворониным, кажется чрезвычайно убедительным [7].

Оба эти факта — малый размер церкви при сохранении прежней толщины стен и столбов — привели и к новому пропорциональному соотношению этой последней величины с величиной стороны подкупольного прямоугольника. Здесь оно равно отношению 1 : 3 вместо 1 : 4 в храмах Юрия Долгорукого и Рождественском соборе и вместо отношения 1 : 5 в Успенском соборе. Подобное изменение сказалось и на соотношении ширины лопаток и прясел, во многом объясняя необычность композиции.

Ширина портала (и внутреннего проема, и вместе с профилями) точно равна соответствующему размеру Боголюбовского храма. Величина стороны подкупольного квадрата храма Покрова вдвое меньше расстояния между столбами Успенского собора, в то время как высоты аркатурного пояса, отдельных колонок, окон и порталов, равно как и ширина последних, разнятся в незначительных пределах.

Приходится предположить, что в строительной практике зодчих постепенно закреплялись абсолютные размеры тех или иных форм. Наиболее распространенным созданием этого периода является храм со стороной подкупольного квадрата, примерно равной 5 *м*. Таковы соборы в Переславле, Кидекше, Боголюбове и более поздний Дмитровский собор во Владимире. И если постройка больших шестистолпных соборов в Суздале, Ростове и Владимире давала мастерам практику приспособления форм к большим по размерам сооружениям, то храм Покрова является уникальным среди всех этих памятников.

При создании столь небольшого храма зодчим пришлось решать задачу расположения на гораздо меньших по величине фасадах форм, размеры которых были выработаны при сооружении более крупных зданий.

Именно в этом кроется причина изменений, с которыми мы встречаемся в композиции этой церкви.

Проанализируем теперь детальное построение архитектурной формы. В плане храма выдержано типовое соответствие ширины южного и северного нефов в половину, а западного — в три четверти центрального. Но, в отличие от храмов в Кидекше, Боголюбове и более позднего Дмитровского собора, восточный неф по ширине почти равен северному и южному. Поэтому необычайно узки восточные прясла северного и южного фасадов.

Хотя здесь центры окружностей всех абсид лежат на линии, соединяющей углы четверика, сами абсиды теряют самостоятельное значение. Из-за чрезмерной толщины стен глубина боковых абсид чрезвычайно мала по сравнению с глубиной арки перед ними, из-за этого же внешние очертания абсид сливаются друг с другом.

---

[5] К. Н. Афанасьев. Ук. соч., стр. 195—197.

[6] Там же, стр. 198.

[7] Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 285.

Вертикальное построение здания характеризуется необычайной вытянутостью вверх. К. Н. Афанасьев определяет здесь высоту хор равной большей стороне подкупольного прямоугольника в сумме с двумя столбами [8]. Если попытаться определить высоту хор через модуль, то мы получим следующую зависимость — $1^{48}/_{63}$ модуля. Уже само это число показывает, что четкой пропорциональной зависимости данного размера от величины расстояния между поперечными столбами в храме Покрова на Нерли не существует. В храмах Юрия Долгорукого высота хор, центральных столбов и подпружных арок могла быть легко определена непосредственно из основного модуля. В данном же случае произвести подобные расчеты оказывается невозможным.

Для объяснения этой перемены необходимо детальнее разобраться в методах практической работы мастеров.

Нет необходимости доказывать важность соблюдения определенных пропорций в построении храма для древнерусских зодчих. В Переславском соборе и в храме Бориса и Глеба в Кидекше высота хор равна $1^1/_4$ расстояния между столбами (рис. 8). Однако, поскольку толщина столба в четыре раза меньше основного модуля, то эту величину — $1^1/_4$ модуля — можно получить не только прибавляя к последнему четвертую часть его самого, но гораздо проще и целиком — измерив расстояние между внутренней плоскостью одного столба и внешней плоскостью другого. Величина же в полтора модуля будет равна расстоянию между внешними плоскостями обоих столбов. План храма был чертежом для зодчего, построенным в натуральном масштабе прямо на земле. Поэтому все эти замеры были для него чрезвычайно легки.

Таковым вполне мог быть метод практической работы зодчего при определении уровня хор. Передаваясь из поколения в поколение, становясь традицией, он легко мог отодвинуть на задний план пропорциональную, числовую соотнесенность данного размера с модулем. И зодчему привычнее было бы мыслить высоту хор через расстояние между столбами плюс толщина одного или двух столбов, нежели помнить соотнесенность арифметического порядка — 1 и $^1/_4$ или 1 и $^1/_2$ модуля. Поэтому метод практической работы мог стать для мастеров и методом построения архитектурной формы. И в случае, когда изменяется построение центрального ядра плана, они продолжали пользоваться этим способом для определения вертикальных размеров здания.

Необходимо иметь в виду, что, начиная с храма в Боголюбове, подкупольный четырехугольник уже не является квадратом, а представляет собою прямоугольник, вытянутый по оси запад—восток.

Безусловным для нас остается установленный К. Н. Афанасьевым [9] факт, что именно меньшая, поперечная сторона подкупольного прямоугольника служит модулем построения. И уже исходя из этой величины, строится продольная сторона того же прямоугольника.

И так как именно она используется в определении высоты хор, то прежнее ясное пропорциональное соотношение данного размера с поперечной стороной прямоугольника, служащей модулем, сразу теряется.

Но, кроме этого, в Покровском храме расстояние между столбами лишь в три, а не в четыре раза, как обычно, превышает толщину последних. Поэтому сумма этих величин дает не 1 и $^2/_4$, а 1 и $^2/_3$ модуля. Если же учесть, что сам модуль в расчете высоты хор входит лишь опосредованно, то ясно, что арифметически вычислить теперь уровень хор невозможно.

Единственным способом соотнесенности плановых и вертикальных размеров здания становится в этом случае метод практической работы.

То же мы найдем в храме Рождества Богородицы в Боголюбове. Там построение центрального ядра храма еще более своеобразно, так как в под-

[8] К. Н. Афанасьев. Ук. соч., стр. 140, рис. 85.
[9] Там же.

купольном прямоугольнике столбы имеют круглую форму и отодвинуты к углам храма.

Если мы здесь попытаемся с помощью арифметических вычислений определить уровень хор через величину в 1,5 модуля, то получим примерно 6,5 *м*. Сохранившийся же порог двери на хоры находится на высоте 8,1 *м* над полом храма. Сумма же расстояния между продольными столбами с толщиной самих столбов дает размер, равный 7,9 *м*.

Зодчие, пользуясь традиционным методом работы, придавали ему, очевидно, прежний пропорциональный смысл даже в тех случаях, когда особенности планового решения приводили к новым соответствиям.

Поэтому когда высота хор равняется расстоянию между столбами в сумме с толщиной последних, мы можем определить его равным 1,5 модулям, имея в виду всю условность такого обозначения.

Это допущение позволяет сделать еще одно интересное наблюдение.

Хоры в Боголюбовском храме, по принятому нами предположению Н. Н. Воронина, находились на середине высоты подкупольной арки; поскольку их уровень определен нами в 1,5 модуля, постольку высота самой арки окажется равной 3 модулям (рис. 6).

Трем модулям равна высота подпружной арки и Успенского собора. Это соотношение можно считать обязательным для строительства Андрея Боголюбского.

Если, исходя из тех же соображений, мы определили в 1,5 модуля уровень хор в храме Покрова (ибо этот уровень равен расстоянию между столбами плюс толщина обоих столбов), то величина в 3 модуля определит не высоту арки, а высоту столба, ибо хоры помещены на уровне половины высоты последнего (рис. 6).

Чем же вызвана эта необычайная вытянутость храма вверх? Ответ на это может быть лишь один. Только при увеличении высоты храма можно было устроить хоры на прежней высоте, а также сохранить традиционные соотношения порталов, аркатурного пояса и окон. Соотношения же эти, разобранные нами раньше, читаются здесь ясно и четко.

Пяты архивольтов порталов и боковых арок под хорами лежат на одном уровне, что особенно заметно, поскольку все они отмечены капителями. В силу этого высота портала предопределена конструкцией сводов под хорами.

Окна фасадов начинаются на уровне 1,25 *м* от пола хор, как обычно. Но из-за малых размеров храма пространства между окнами и внешними архивольтами порталов еле хватает на то, чтобы в нем разместился пояс, подходящий под самые окна.

При разборе этого памятника часто говорят о том, что здесь «опущены хоры» или «поднят аркатурный пояс». Нам кажется, что обе эти формулировки неверны. Здесь не хоры подняты, а увеличена по вертикали верхняя половина прясел, размещение же аркатурного пояса является вынужденным.

Рассмотрим еще два момента композиции фасадов. Как уже отмечалось, принятое соотношение толщины столбов и ширины центрального нефа явилось основной причиной того, что абсиды храма сливаются друг с другом. Эта же причина приводит и к гораздо более мелкому ритму закомар храма.

Центральная гораздо меньше доминирует над боковыми: поэтому завершение стен приобретает более горизонтальный характер. К тому же окна храма, привязанные прямо к аркатурному поясу, усиливают ритм опоясывающей храм горизонтальной ленты однородных и одноразмерных форм.

Теперь хочется отметить несколько приемов, которыми мастера пользовались для согласования отдельных форм друг с другом и с целым.

Сам храм настолько невелик, что даже профили пояса имеют для него слишком большой вынос. Например, входящие в состав пояса лопатки

между абсидами почти уничтожают углубления, что в значительной мере содействует впечатлению слияния последних в один массив. И именно поэтому здесь впервые появляется двойной профиль арочек пояса.

Расстояние между колонками пояса здесь в два раза меньше, чем в Успенском соборе, и в 1,5 раза — по сравнению с Рождественским, тогда как высота колонки отличается лишь на 13 *см* (1,43 и 1,30 *м*). Сами арочки были здесь крайне мелкими, и лишь устройство второго огибающего, большего по диаметру профиля дает целому верный масштаб и пропорции.

Если бы профили арочек в центральных пряслах продолжались до цоколя, то сбоку от портала возникла очень дробная форма. Чтобы избежать этого, зодчие выносят внешнюю колонку портала не на уровень стены, а на уровень первого профиля, который в связи с этим исчезает.

Композиция храма в целом чрезвычайно индивидуальна. Однако она позволяет сделать вывод об очень четком знании мастером всех форм постройки и их соотношений уже к началу строительства. Ведь расстановка тяг на абсидах, сочетание порталов и лопаток, двойные профили по сторонам лопаток — все это было определено заранее, с самого момента кладки цоколя храма.

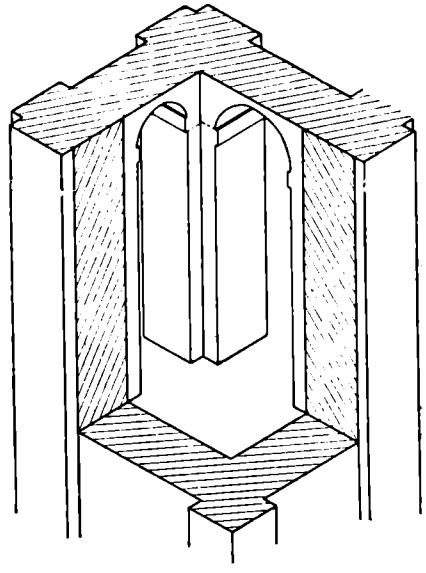


Рис. 9. Храм Покрова на Нерли, 1165 г. Схема расположения арок над хорами

Есть интересная деталь в расположении капителей интерьера. Как указывалось, капители арок над боковыми нефами лежат в одном уровне с арками оконных проемов. Они являются опорой центральных сводов и поэтому все выходят на один уровень. Но ведь арка над хорами имеет больший радиус (ибо этот неф шире остальных), поэтому свод начинается ниже и капители арок над хорами положены на один ряд камня раньше, нежели капители остальных арок (рис. 9). Разница эта не может быть случайной, ибо на западных столбах две капители расположены рядом, но в разных уровнях. Этот факт также показателен как степень предварительного осознания форм и их взаимоотношений.

Любопытно, что в уровне этих капителей снаружи размещены рельефы с тем же изображением — лежащие львы, а в уровне подобных же капителей центральных подпружных арок — рельефы женских головок.

На основании произведенного анализа можно сделать вывод о том, что далеко не все формы храма Покрова были продиктованы соображениями идейно-образными. Мы очень часто преувеличиваем роль и значение эстетической деятельности в древнерусском зодчестве и забываем о требованиях конструктивного и чисто строительного порядка. И, конечно, необходимо выступить против понятия «готического» в его тектоническом и формальном аспектах по отношению к этому храму.

* * *

От архитектуры следующей эпохи — княжения Всеволода III до наших дней сохранились два памятника: галереи Успенского собора и Дмитровский собор.

Обстройка Успенского собора была произведена в 1185—1189 гг. Посмотрим, каким образом она связана с размерами и соотношениями старого храма. Ширина галерей определена Н. К. Афанасьевым (в сумме с их

стенами) равной стороне подкупольного квадрата [10]. Высота галерей согласована таким образом: пяты их сводов находятся в одном уровне с капителями пилястр боковых нефов андреевского собора. Окна закомар галерей помещены в одном уровне с окнами андреевского храма, да и высота их примерно одинакова. Оба эти обстоятельства привели к тому, что центры арок окон и закомар галерей совпадают. Уровни аркатурных поясов совпадают лишь на южных фасадах, на остальных же пояс галерей поднят на середину высоты их прясел.

Поскольку новые столбы были приставлены к лопаткам старого здания, сохранились основные соотношения плана, но так как отклонения от строго осевой постановки были значительны, то и членения фасадов галерей резко отличны от прежнего решения (к тому же северный и южный фасады не одинаковы).

В целом композиция галерей Успенского собора во многом предопределена соотношениями существовавшего уже храма.

Более определенно об особенностях архитектуры новой эпохи может рассказать Дмитровский собор, уже целиком созданный мастерами Всеволода.

По своему плану собор ничем не отличается от собора в Боголюбове; в отношении вертикальной композиции он является некоторым возвращением к системе храмов Юрия, но с учетом развития и всех достижений эпохи Боголюбского.

Относительная высота храма остается прежней (рис. 6). Высота столба равна 2,5 модулям. Хоры помещены на середине высоты подпружной арки. Соотношение по вертикали порталов, окон, абсид и закомар сохраняется, но арочки окон выходят опять в уровень капителей центральных столбов, в связи с чем исчезают капители под пятами арок боковых нефов.

Судя по сохранившимся чертежам и фотографиям, такими же чертами была отмечена и композиция собора Рождественского монастыря. Очевидно, эти перемены были не индивидуальными свойствами Дмитровского собора, а своеобразными чертами общего типа храма наступившей эпохи.

При анализе композиции фасадов собора обращает на себя внимание расположение окон. В пряслах галерей Успенского собора центры арочных профилей окон и закомар совпадают. В Дмитровском же соборе центры арок окон лежат ниже центра полукружий прясел, уровень последних — верхняя точка арочки окон.

Однако как ни красива сама по себе эта композиция, объясняется она приемами строительства, выработанными к этому времени.

В эпоху Андрея Боголюбского окна храма кончались в уровне капителей пилястр боковых арок. Соответствие это соблюдается следующим образом: камень, в котором вытесана арочка, окна и капители лежат в одном уровне кладки.

Тот же принцип мы встречаем и в Дмитровском соборе, но поскольку окна выходят вновь в уровень капителей не пилястр, а центральных столбов, то и возникает форма, когда центр подпружной арки совпадает с шелыгой оконного проема (рис. 7, *г*).

* * *

В заключение статьи необходимо остановиться на изменениях в мышлении зодчих, которое становится к концу XII в. более сложным, гибким и разнообразным.

Мы уже отмечали на примере Борисоглебского храма в Кидекше выработку более дифференцированных приемов построения общей формы, когда здание строится не только по законам соответствия своему центральному ядру, но и с учетом композиции отдельных фасадов.

[10] К. Н. Афанасьев. Ук. соч., стр. 148, рис. 91.

В эпоху Андрея Боголюбского изменяется композиция восточного фасада. Если в постройках Юрия Долгорукого окна боковых абсид были ориентированы по осям южного и северного нефов, то в более поздних памятниках окна сдвинуты к углам здания и ориентированы иначе.

Причины этого лежат в изменившейся системе декорации абсид. Поскольку колонками поверхность абсиды разбивается на три равные вертикальные полосы, то средняя полоса оказывается сбитой по отношению к центральной оси боковых нефов, а именно в ней помещается окно, сохраняющее прежнюю ориентацию на центр абсидного полукружия.

Но не только оформление абсид начинает подчиняться требованиям декоративного порядка, мало зависящим от объемного построения храма. Чем дальше, тем все более самостоятельным становится построение и остальных фасадов.

В нашей литературе рассматривался вопрос о роли абсид в общем построении владимирских храмов [11]. Их обычно трактуют как дополнение узких прясел северного и южного фасадов, что в ортогональной проекции приводит к более симметричному силуэту храма.

Однако зодчие XII в. мыслили не графическими, а объемно-конструктивными формами, и поэтому такой замысел представляется для них чуждым. Выше мы уже указывали на причину разницы в ширине боковых прясел северного и южного фасадов храмов. Стремление к симметрии этих же фасадов (но без абсид) прослеживалось на примере храмов в Кидекше и Боголюбове.

Подобный же прием мы можем выявить и в расположении декоративного убранства Дмитровского собора. Боковые прясла северного и южного фасадов имеют различную ширину, отличающуюся к тому же и от размеров боковых прясел западного фасада. Но на каждом из них аркатурно-колончатый пояс состоит из семи арочек. Подобный принцип размещения форм ясно говорит о том, что угловые полуколонки замыкают композицию фасадов. Абсиды же мыслятся как дополнение к храму.

Обособление и усложнение декоративного убранства приводит и к изменению положения аркатурного пояса. Если в храме Покрова на Нерли несовпадение аркатурного пояса с уровнем пола хор — явление вынужденное, то уже на фасадах галерей Успенского собора этот пояс помещается на разных уровнях, повинуясь лишь задачам наиболее полноценной по своим художественным достоинствам композиции.

В Дмитровском соборе этот принцип выражен совершенно определенно. Соотношение всех форм фасадов безупречно, но из-за этого же уровень отлива пояса оказывается значительно выше уровня пола хор, и окна, освещающие последний, оказываются над ним на высоте 2,55 *м*.

Подобная дифференциация архитектурного мышления является итогом постепенного полувекового развития зодчества Владимиро-Суздальского княжества. Но она не отменяет, а лишь дополняет все те же основные принципы построения архитектурной формы, о которых мы говорили, разбирая памятники эпохи Юрия Долгорукого.

К. Н. Афанасьев в своем исследовании [12] сводит построение объема храмов лишь к геометрическому откладыванию всех высотных точек теми или иными отрезками плана. Поэтому каждая из этих точек выглядит у него индивидуально-определенной, взятой самостоятельно.

В результате нашего анализа мы можем сделать вывод о том, что храмы Владимиро-Суздальского княжества XII в. при своем вертикальном построении имели всего лишь одну, определяемую с помощью модуля точку, а именно: уровень пола хор. Все же остальные формы и размеры определялись требованиями конструктивными и уточнялись условиями заказа и самого строительства.

[11] Б. А. Огнев. Некоторые проблемы раннемосковского зодчества. Архитектурное наследство, 12, М., 1960, стр. 46—47; Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 266.

[12] К. Н. Афанасьев. Ук. соч.

С. С. ЧУРАКОВ *

АНДРЕЙ РУБЛЕВ И ДАНИИЛ ЧЕРНЫЙ

1

В настоящей работе мы рассмотрим иконы апостольского и праздничного ярусов московского Благовещенского собора, выполненные в 1405 г. Феофаном Греком, старцем Прохором с Городца и чернецом Андреем Рублевым.

Если в авторстве Феофана восьми икон апостольского яруса между И. Э. Грабарем [1] и В. Н. Лазаревым [2] нет расхождений, то в отношении четырех остальных икон этого яруса, явно не феофановских по выполнению, у каждого из ученых образовалась своя точка зрения. И. Э. Грабарь считал «Димитрия» и «Георгия» принадлежавшими кисти Рублева, а «архангела Михаила» и «апостола Петра» — произведениями Прохора с Городца. В. Н. Лазарев приписывает «архангела Михаила» и «апостола Петра» ближайшему помощнику Феофана, по-видимому, также греческому мастеру, «Георгия» же и «Димитрия» он склонен приписать Прохору.

Иконы праздничного яруса иконостаса И. Э. Грабарь делил между Андреем Рублевым и старцем Прохором с Городца: шесть икон правой части иконостаса («Благовещение», «Рождество», «Сретение», «Крещение», «Преображение» и «Вход во Иерусалим») принадлежат Рублеву, остальные иконы XV в.— кисти Прохора. В. Н. Лазарев относит к числу икон, выполненных Рублевым, и «Воскрешение Лазаря».

Мы пришли к заключению, что в правой части праздничного яруса Рублеву принадлежат, судя по гармоничным звучаниям «легких, красочных отношений», только пять икон: «Благовещение», «Рождество», «Сретение», «Крещение» и «Преображение». «Вход во Иерусалим» и «Воскрешение Лазаря» — более темные по тональности, построенные на более теплых красочных отношениях, кажутся нам однородными с праздниками левой части яруса и потому должны быть отнесены к работам старца Прохора [3]. Их красочная гамма, несколько более просветленная по сравне-

* Покойный С. С. Чураков был не только реставратором произведений древнерусской живописи, но и профессиональным живописцем, поэтому его наблюдения над особенностями стиля Андрея Рублева и Даниила Черного весьма существенны для историков русского искусства, хотя в них есть, конечно, элемент субъективности. Работа не была закончена автором. Ее начало, посвященное анализу росписи 1408 г. и икон Владимирского Успенского собора и фрагментов фресок Звенигорода начала XV в., опубликовано в журнале «Искусство» (1964, 9, стр. 61—69). Там же в кратком резюме изложены выводы второй части работы, публикуемой в настоящее время по авторской рукописи с незначительной редакционной правкой.— *Ред.*

[1] И. Э. Грабарь. Андрей Рублев. «Вопросы реставрации», 1. М., 1926, стр. 85.

[2] В. Н. Лазарев. Андрей Рублев и его школа. В кн. История русского искусства, III. М., 1955, стр. 126.

[3] О том, что они были выполнены Прохором, говорит и характер рисунка горок этих композиций, отличный от рисунка горок соседнего «Преображения», выполненного определенно Рублевым.

нию с «Тайной вечерей» (третьей слева иконой Прохора), легко объясняется стоящей перед художником задачей: надлежало сделать менее заметным переход между левой и правой частью яруса, почему Прохор должен был писать последние праздники более приближенными к легкой гамме рублевских композиций. Две иконы по краям апостольского яруса при позднейшей реконструкции иконостаса Благовещенского собора, не вошедших в него и хранящихся в алтаре, принадлежат кисти двух различных художников. Легкая светящаяся красочная гамма «Георгия»[4] (последняя икона правой части апостольского яруса), однородная с праздниками над ним, выдает руку Рублева. «Димитрий» — произведение Прохора. Об этом говорит более однообразная и темная гамма, созвучная праздникам левой части иконостаса, удивительно изысканный контур головы и, главное, тонко выраженное, скромное предстояние Георгия перед Спасом, чего не чувствуется в склоненной, как бы размышляющей фигуре Димитрия. Проникновение в понимание главного характерно для таланта Рублева. Здесь невольно вспоминаются его головы апостолов: Матфея, Луки и Марка Владимирского собора.

Судя только по одному рисунку, «архангела Михаила» писал Рублев. Голова архангела имеет поразительную близость к голове ангела, изображенного за апостолом Марком на северном склоне центрального нефа Владимирского Успенского собора. Не менее близка к ней в этой же композиции голова ангела, написанного между апостолами Матфеем и Лукою. У этих изображений совершенно особый тип лиц, нигде не встречаемый, свойственный сугубо индивидуальному творчеству одного и того же мастера. Наполненный необыкновенной внутренней скромностью и чистотой духа, Михаил изображен как бы озаренным. Такое впечатление возникает благодаря близости алого цвета гиматия Михаила к алому цвету ромбовидного сияния вокруг Спаса. Тонкое контрастное звучание цвета живописи «Михаила», гораздо более созвучное живописи «Георгия», чем «Димитрия», окончательно убеждает в выполнении его Рублевым[5].

Расположенный за «архангелом Михаилом» «апостол Петр» по звучанию цвета ближе к Михаилу и Георгию, чем к Димитрию. Необыкновенная монументальная пластичность фигуры, ее цельность заставляют вспомнить одну из вершин творчества Рублева — «апостола Павла» из иконостаса Троицкого собора Сергиевой лавры. Такую фигуру никак не мог создать автор «Димитрия». Судя по манере письма, головы «апостола Петра» и «архангела Михаила» были выполнены одним мастером. Это — Рублев. Эти изображения слишком значительны, чтобы можно было согласиться с мнением В. Н. Лазарева о выполнении икон каким-то приезжим византийцем, ближайшим помощником Феофана, не указанным летописным источником.

---

[4] Мы считаем ошибочным называть его Димитрием, как это делается в литературе (И. Э. Грабарь. Андрей Рублев, стр. 85; В. Н. Лазарев. Феофан Грек. М., 1961, табл. 108, 109), так как этому противоречит красный цвет его гиматия. В иконографии у Дмитрия Солунского гиматий синий («Димитрий Солунский» XII в. из Дмитрова в ГТГ и др.) или зеленый, у «Георгия» он красный (ср., например, многочисленные иконы конного Георгия XV—XVI вв.). Икона музея им. А. Рублева «Георгий» из иконостаса конца XV — начала XVI в. Бородавской церкви под Кирилловым была также расположена в правой части иконостаса, что свидетельствует об определенной традиции, нарушение которой в иконостасе Троицкого собора Сергиевой лавры (давшее, по-видимому, повод называть «Георгия» Благовещенского собора — Димитрием), очевидно, имело свои причины. Думаем, что в 20-х годах XV в. сознание значения победы над татарами на Куликовом поле было настолько велико для всех, что в иконостасе Троицкого собора икону Димитрия Солунского — покровителя героя Куликовской битвы Димитрия Донского — поместили вместо «Георгия» в правой, более значимой части «Деисуса». Последнее особенно понятно в монастыре, основатель которого Сергий был вдохновителем великого князя на борьбу с Мамаем.

[5] О принадлежности «архангела Михаила» кисти Рублева высказывалась Н. А. Демина. См. О. В. Зонова. Художественные сокровища Московского Кремля. М., 1963, стр. 8

Работа над Благовещенским иконостасом нам представляется следующим образом. Феофан Грек, как старший мастер, взял на себя самую важную часть иконостаса — «Деисус». Праздники, по-видимому, были поделены поровну между двумя остальными сотоварищами. Не справляясь с работой, Феофан уступил две самые крайние иконы «Деисуса»: «Георгия» и «Димитрия» — Андрею и Прохору. Патрона отца великого князя писал, как старший, Прохор. В дальнейшем, по каким-то причинам не справляясь с «Деисусом», Феофан предложил более талантливому Рублеву написать «архангела Михаила» и «апостола Петра», а Прохору поручил взамен большее количество праздников.

Создавая эти фигуры, Рублев должен был следовать Феофану, написавшему центр «Деисуса». Отсюда кое-где не совсем обычная для Рублева тональность, как крылья архангела Михаила и его темный хитон и пробела на гиматии апостола Петра. Работая плечом к плечу с Феофаном над «Деисусом», Рублев учился у великого византийского живописца. Именно у него мог он научиться понимать значение цельности изображения и важности меры в количестве того или другого цвета в общей живописной гамме, настолько, чтобы цвет звучал в силу, нужную мастеру. В то же время Рублев был настолько одаренным художником, что, несмотря на соседство великого византийца, сохранял в работах свою индивидуальность, свое понимание живописи и ее задач. Об этом свидетельствуют написанные им «архангел Михаил» и «апостол Петр».

2

Миниатюры «Евангелия Хитрово» и «Евангелия Морозова» выполнялись двумя разными художниками. Пересматривая вопрос об атрибуции миниатюр [6], убеждаешься, насколько права Н. А. Демина в своем метком определении: «Если гибкая ритмическая линия является характернейшей чертой стиля Рублева, то колорит можно назвать душой его творений» [7].

Красочная гамма миниатюр «Евангелия Хитрово» выдает с головой их автора: не вызывает никаких сомнений, что это Рублев. «Ангел», символ евангелиста Матфея — целая музыка цвета, очень близкая к «апостолу Павлу» из Звенигородского чина. Здесь же гамма: сиреневый гиматий, голубой хитон, киноварный обрез книги, только переплет несколько темнее — умбристый. Здесь чувствуются те же приемы как в силе звучания того или иного цвета, так и в пропорции каждого цвета по отношению к общей цветовой композиции. Эта близость красочной гаммы позволяет датировать миниатюры «Евангелия Хитрово» временем, или непосредственно предшествовавшим или непосредственно следовавшим за созданием Звенигородского чина.

Блестящая графика и сближенная красочная гамма миниатюр «Евангелия Морозова» свидетельствуют о выполнении их Даниилом Черным. Очень верную характеристику миниатюр дает Т. Н. Протасьева: «Одинаковые по композиции миниатюры отличаются по колориту. Краски в «Евангелии Морозова» в ряде случаев значительно более тусклые и глухие, чем в «Евангелии Хитрово», например, в миниатюре «Иоанн, диктующий Прохору» [8]. У «Ангела» «Евангелия Морозова» сильнее выявле-

[6] Вопрос этот возникает в связи с точкой зрениия, высказанной В. Н. Лазаревым («Феофан Грек», стр. 82). Он относит миниатюры к мастерской Феофана Грека и по поводу миниатюр «Евангелия Хитрово» замечает: «Я не вижу оснований к отождествлению наиболее одаренного из этих мастеров с Андреем Рублевым. Вероятно, он был старшим современником Рублева».

[7] Н. А. Демина. «Троица» Андрея Рублева. М., 1963, стр. 73.

[8] Т. Н. Протасьева и М. М. Постникова-Лосева. Лицевое евангелие Успенского собора, как памятник древнерусского искусства первой трети XV века. «Древнерусское искусство», М., 1963, стр. 138. Здесь же на стр. 138—139 даны репродукции изображений «Ангела» — символа евангелиста Матфея из того и другого евангелия.

на пластичность фигуры (подчеркнутые тенями линии). На них останавливается внимание в ущерб цельности общего впечатления. Рублевский же «Ангел» отличается большей цельностью. Очень убедителен и интересен вывод Протасьевой о выполнении миниатюр двух евангелий двумя разными художниками, но с одного оригинала [9].

В. Н. Лазарев и Т. Н. Протасьева выделяют оба эти евангелия в обособленную группу рукописей с новыми для русских памятников оригинальными инициалами в виде различных реалистически переданных зверушек, змей, крылатых драконов, птиц с элементами стилизованного растительного орнамента. К этой группе оба автора относят еще два евангелия. Одно — «Евангелие Кошки» (датируемое на основании даты на переплете около 1392 г.) не имеет миниатюр. Соблазнительно видеть в мастерски выполненных, наполненных динамикой каллиграфических инициалах этого евангелия одну из ранних работ Даниила Черного. Единственная миниатюра «Спас в Силах» второй рукописи — «Евангелия Андроникова монастыря» особенно трудно поддается атрибуции. Красочная гамма миниатюры не похожа на рублевскую. Здесь всего два тона: темная охра одежд и оттенки сизого в окружающих фигуру Христа — ромбе, сфере и углах с символами евангелистов. Даже обрез евангелия, которое держит на своем левом колене Христос, дан также чуть сиреневым, очень сближенным с основным сизым тоном. Судя по красочной гамме, «Спас в Силах» — произведение Даниила.

Нам кажется, что миниатюра «Андроникоского евангелия» относится к более позднему, чем «Евангелие Морозова», творчеству Даниила Черного.

3

Несмотря на то, что иконы апостольского, праздничного и пророческого ярусов иконостаса Троицкого собора Сергиевой лавры, выполненные около 1422—1424 гг., уже давно расчищены, их изучение до сих пор сделало лишь первые шаги. В авторской атрибуции тех или иных произведений существуют значительные расхождения [10].

Не ставя задачей выявление манер всех мастеров, работавших над иконостасом, попытаемся наметить иконы, которые можно приписать старшим мастерам артели: Даниилу и Рублеву — на основе изучения фресок владимирского Успенского собора и других работ Рублева и Даниила Черного.

Изучая иконостас Троицкого собора, приходишь к первому выводу, что апостольский ярус самый важный: на нем по существу держится весь иконостас. Далее можно заключить, что Рублев и Даниил поделили его между собой, так же как они поделили в 1408 г. «Деисус» владимирского Успенского собора. Левую часть с «Иоанном Предтечей» и «апостолом Павлом» выполнял Рублев с одним или двумя помощниками; правую часть и средник — «Христа вседержителя» — Даниил Черный, у которого также был свой помощник.

Общепризнанное мнение о выполнении Рублевым «апостола Павла» подтверждается и нашим изучением стенописи владимирского Успенского собора. Об этом говорит и необыкновенная цельность изображения, знакомая нам по фигуре апостола Андрея и ангела, свертывающего небо северного склона свода центрального нефа владимирского Успенского собора, и удивительное чувство гармонии цвета. Бледный зеленовато-голу-

---

[9] Т. Н. Протасьева и М. М. Постникова-Лосева. Ук. соч., стр. 141.

[10] И. Э. Грабарь. Андрей Рублев, стр. 86; В. Н. Лазарев. Андрей Рублев и его школа, стр. 158—180; Ю. А. Лебедева. Андрей Рублев. Л., 1959. Трудность в определении письма Рублева и Даниила Черного среди помогавших им художников усугубляется для нас тем, что мы могли судить о живописи лишь на основании рассмотрения ее снизу, на большом расстоянии, и по фотографиям.

бой обрез книги в руках Павла буквально «поет» на смягченном красно-коричневом гиматии апостола. Таким музыкальным чувством цвета обладал только гениальный автор «Троицы».

Этим же чувством проникнуто и изображение Иоанна Златоуста. Сине-голубой сакос с розовыми отворотами усиливается розовым обрезом книги в его правой руке. Гармония красочных отношений, когда краски поют, выдает руку Рублева. Пластичность изображения, целостность силуэта, тонкая одухотворенность лица подкрепляют наше предположение.

Этими же рублевскими качествами наделен и Иоанн Предтеча, произведение удивительное по цветовому решению, рисунку и внутренней характеристике образа. Если в композиции «Уготование престола» владимирского Успенского собора Даниил Черный изображает Предтечу в длинном, до щиколоток хитоне, то у Рублева и в «Деисусе» владимирского Успенского собора, и на иконе Троицкого иконостаса одежда Предтечи из шкуры, шерстью наружу, спускается чуть ниже колен, поверх ее накинут гиматий, а обнаженные части тонких ног и рук Иоанна подчеркивают его аскетизм.

Следующая за Предтечей фигура архангела Гавриила, кажущаяся более изящной, чем три предшествующие, не имеет в своей цветовой гамме свойственной Рублеву гармонии. Между темными хитоном и гиматием архангела нет того звучания красочных отношений, какое мы видим в одеждах Иоанна Предтечи или Иоанна Златоуста. Нам кажется, что архангела Гавриила писал помощник. Судя по фотографиям, Рублев мог принять здесь участие в исполнении головы архангела и тронуть кое-где контур фигуры.

Интересно, что следующая за апостолом Павлом очень стершаяся от времени фигура апостола Андрея, по рисунку более близкая к изображению Гавриила, также не имеет цветовых качеств трех отмеченных икон и свойственной им монументальной пластичности.

Фигура Николы, расположенная за Иоанном Златоустом, выполнялась определенно каким-то помогавшим Рублеву мастером.

О последней иконе левой части «Деисуса» — «Георгий» трудно судить, так как она очень плохо обозрима снизу. Судя по фотографиям, ее мог выполнить Рублев. За это говорят свойственная Рублеву редкая цельность изображения и удивительная напряженность предстояния Георгия в «Деисусе». По сравнению с ним Димитрий Солунский (крайняя икона правой части иконостаса) кажется каким-то «красавчиком».

Итак, в левой части «Деисуса» работы Рублева чередуются через одну с работами одного или двух помощников. К работам последних Рублев, по-видимому, кое-где приложил свою руку.

Средник «Деисуса» — «Спас-Вседержитель» имеет известную приглушенность красок. Его рисунок: приближающийся к кругу очерк головы, красивые, схематически обобщающие линии контура лица, бороды и шеи — знакомые нам по «Спасу» Звенигородского чина, характерная для темпераментного почерка художника смелая линия, огибающая правое колено и идущая по краю гиматия к ступне левой ноги, и др. не оставляют никакого сомнения в выполнении «Спаса» Даниилом. Оговоримся, что сравнение с более ранними произведениями мы делаем не буквально, а находим характерные свойства художника, почти не меняющиеся или мало меняющиеся во времени.

Даниилом же выполнена и предстоящая Спасу Богоматерь. По силуэту она повторяет аналогичное изображение иконостаса владимирского Успенского собора. В том и другом изображении мы видим: изысканный силуэт, характерные кисти рук и остроконечные концы мафория, свисающего с двух сторон фигуры. Эти две иконы свидетельствуют о перемене в стиле рисунка и живописи мастера за 15 лет между двумя его работами. В рисунке Владимирского собора больше спокойствия и простоты, в Троицком — изысканность рисунка граничит с манерностью.

«Архангела Михаила» выполнял Даниил, возможно с участием помощника, но «апостол Петр» — один из шедевров в его творчестве. Несмотря на яркость и контрастность синего хитона и желтого гиматия, в них нет той меры и силы звучания цвета, что на рублевских иконах левой части иконостаса. По рисунку и силуэту «апостол Петр» — достойная пара «апостолу Павлу».

Следующая за «апостолом Петром» икона «Иоанн Богослов» — замечательное произведение, по-видимому, самого Даниила. Характерен силуэт фигуры в виде ромба: близко поставленные ступни ног, расширение фигуры в середине и заострение ее у головы. Превосходная по своей красочной гамме, рисунку и пробелам икона не имеет, однако, цветовых звучаний рублевского характера.

Еще более монохромной выглядит хорошо сохранившаяся икона «Григорий Богослов». Сходство его силуэта с изображением Григория Богослова из иконостаса владимирского Успенского собора свидетельствует о выполнении иконы Даниилом.

Икона «Василий Великий», когда-то опемзованная и частично находящаяся под записью, может быть как правленной Даниилом работой помощника, так и работой самого Даниила.

Крайняя икона правой части «Деисуса» — «великомученик Димитрий» — по изысканности фигуры, почерку тонких пробелов гиматия, мастерству письма головы, по-видимому, также принадлежит кисти самого Даниила. Последнее подкрепляется и тем, что как центр «Деисуса», так и завершающие его по краям фигуры должны были быть по чисто конструктивным соображениям, после опыта в Благовещенском соборе, выполнены главными художниками. Даниил, как старший, писал Димитрия Солунского — патрона героя Куликовской битвы Димитрия Донского, теснейшим образом связанного с основателем лавры Сергием. В изображении Димитрия Солунского, так же как и в изображении Богоматери, чувствуется такая изысканность, предвосхищающая более поздний XV век, что некоторые авторы приписывают «Димитрия» самому молодому из мастеров, участвовавших в работе над созданием иконостаса.

Праздничный ярус иконостаса поражает количеством рук разных мастеров, выполнявших его.

Чтобы хотя приблизительно разобраться в их манерах, надо напомнить, как происходила эта работа. Иконописцы, надо думать монахи Андроникова, Троицкого и Симонова монастырей, бывшие помощниками главных мастеров, в своих кельях наносили кистью рисунок на загрунтованные (залевкашенные) доски, возможно с таблеток, специально сделанных с праздничных икон Благовещенского собора. Рублев и Даниил вносили в их рисунок свои исправления. При последующих просмотрах они могли кое-где что-нибудь и написать, а иногда и так увлечься, что от работы помощника оставалось мало. Но при спешности и напряженности работы и большой загрузке более ответственными работами старших мастеров, они подходили к работам помощников широко, к тому же среди последних были достаточно своеобразные и интересные художники.

Часть этих работ просматривал Рублев. По-видимому, это первые пять икон праздничного чина: «Благовещение», «Рождество Христово», «Сретенье», «Крещение» и «Преображение» — свободные повторения с «праздников», написанных им в Благовещенском соборе.

Другую, бóльшую часть «праздников» с композиций Прохора в Благовещенском соборе контролировал Даниил.

Если в двух группах ангелов композиции «Рождество Христово» чувствуется примитивный рисунок, то конные волхвы, пастухи, сцена искушения Иосифа и силуэт лежащей Богоматери созданы великим мастером.

Разные масштабы фигур в правой и левой частях композиции — «Сретение» — говорят о совместной работе над ее рисунком двух мастеров. Некрасивая, головастая фигура Иосифа, с непропорционально маленькими

ступнями ног, выполнялась учеником. Ему же принадлежит и фигура Богоматери. Рисунок удлиненной, изящно склоненной фигуры Симеона Богоприимца с младенцем на руках и стоящей за ним Анны-пророчицы принадлежит, очевидно, руке самого Рублева. Присущее мастеру свойство видеть и передавать главное с большей силой сказалось в пылкой передаче трогательной любви Симеона к прижавшемуся к нему младенцу. Артистически легкий и в то же время сложный рисунок складок свисающего с рук Симеона гиматия напоминает складки гиматия рублевского «Иоанна Предтечи» из иконостаса владимирского Успенского собора.

В композиции «Крещение» рука старшего мастера, очевидно, не касалась изображений четырех ангелов, Крестителя и горок, значительно более примитивных, чем их изображения в аналогичной композиции Благовещенского собора. Одна строгая фигура Христа дает основание думать, что ее облагородил Рублев.

«Праздников», написанных целиком одним Рублевым, в иконостасе Троицкого собора нет. Зато целиком Даниилом выполнена, судя по рисунку и красочной гамме, построенной на сближенных отношениях, одна из самых удачных композиций праздничного яруса — «Омовение ног».

Его же руке принадлежит и другая превосходная композиция — «Жены Мироносицы». Они образуют как бы красивый букет женских фигур, перекликающихся с «праведными женами» фрески владимирского Успенского собора. Это тот же великий мастер линии — Даниил Черный. Но если в его ранней работе больше классического спокойствия, то в последней на первый план выдвигается эффект красивой линии и силуэта. По наблюдению Ю. А. Лебедевой, в иконе «Жены Мироносицы» есть и детали, выполненные другой, более слабой рукой [11]. По-видимому, Даниил, увлекшись исправлением работ ученика, создал по существу свое смелое и новаторское произведение.

Наполовину спемзованные иконы пророческого яруса Троицкого иконостаса выполнялись разными художниками. Пророков правой части иконостаса с бьющими на эффект выступами колен, включая импозантного царя Давида, знаменил сам Даниил. Более скромный рисунок пророков левой части, во главе с царем Соломоном, выполнял Рублев (здесь великолепен ритм развивающихся свитков).

Находящиеся в процессе реставрации царские врата начала XV в. из Зосимовской церкви Троице-Сергиевой лавры, по очень вероятному предположению Н. Н. Померанцева, были первоначально царскими дверями Троицкого собора; близкие по своему рисунку и колориту к среднику «Деисуса» — «Вседержителю», они могут быть с большой вероятностью усвоены Даниилом.

Количественное преобладание работ Даниила Черного над работами Андрея Рублева в иконостасе Троицкого собора косвенным образом подтверждает выдвинутую Н. А. Деминой и Ю. А. Лебедевой мысль, что храмовая икона собора — «Троица» создавалась Рублевым одновременно с иконами иконостаса [12].

В результате обзора иконостаса Троицкого собора мы пришли к заключению, что произведений Рублева в нем гораздо больше, чем это предполагалось. Так, В. Н. Лазарев связывает с именем Рублева три иконы: «Архангел Гавриил», «Апостол Павел» и в праздничном ярусе «Крещение» [13]. Но с мыслью Ю. А. Лебедевой о принадлежности Рублеву явно даниловских произведений («Апостол Петр», «Димитрий Солунский» и «Жены Мироносицы») мы согласиться не можем. Здесь надо отдать должное такту и осторожности В. Н. Лазарева, который не отнес к произведениям Рублева в Троицком соборе ни одной работы Даниила, и художественному чутью Ю. А. Лебедевой, оставившей за Даниилом «Спаса в Силах».

[11] Ю. А. Лебедев. Ук. соч., стр. 23.
[12] Н. А. Демина. Ук. соч., стр. 13—14; Ю. А. Лебедева. Ук. соч., стр. 24.
[13] В. Н. Лазарев. Андрей Рублев, стр. 19—20.

Сохранившаяся лишь в верхней части икона Иоанна Предтечи музея им. Рублева из какого-то не дошедшего до нас полностью апостольского чина также принадлежит кисти Даниила. Об этом свидетельствует характерная для мастера приглушенная, построенная на сближенных отношениях красочная гамма гиматия и хитона Предтечи и светло-зеленые, графически тонкие, выполненные свободно пробелы гиматия. Такая тонкая графичность пробелов характерна для многих произведений Даниила. Для примера приведем великолепно сохранившуюся живопись гиматия Иакова в «лоне Авраамове» владимирского Успенского собора: в тонких, несколько жестких, каллиграфически выполненных пробелах ясен тот же почерк. Характерна для Даниила и необыкновенная изысканность силуэта Предтечи. Но его почерк особенно сказался в прекрасном одухотворенном лице Иоанна и, главное, в его широко и пластически переданных завитках бороды и прядях опускающихся на плечи волос. Точно так же выполнены пряди волос и у праотцев «лона Авраамова».

4

Давно высказывавшееся предположение о южном происхождении Даниила Черного основывалось на двух положениях: 1) в приписываемой Даниилу композиции «лоно Авраамово» надписи у праотцев оканчиваются на греческий лад: «Авраамос», «Исаакос», «Иаковос»; 2) прозвище «Черный» более характерно для жителей юга — греков, болгар и др.

Обратив внимание на реалистическое изображение краба во фреске владимирского Успенского собора в «Море отдает мертвых», мы задумывались, откуда в среднюю Россию к Рублеву попало это изображение, и объясняли его копированием рисунков Феофана Грека, человека с юга, из Галаты, без сомнения хорошо знавшего эту морскую тварь. Знакомясь в 1959 г. со стенописями Болгарии, мы обратили внимание на изображения крабов на фреске XV в. «Ангелы свертывают небесный свод» (деталь композиции «Страшный суд» в Драгалевском монастыре) и на фреске начала XVII в. «Чудесный улов рыбы» в Рожинском монастыре: они поражали редким реализмом. Изображение краба в стенописях приморских жителей — греков, болгар было делом естественным и распространенным.

Среди славянских народов болгары выделяются черным цветом своих волос. Изображения святых, присваиваемые нами Даниилу, имеют славянский тип. Очень вероятно, что Даниил Иконник, иначе Даниил Черный, был выходцем из Болгарии или Македонии, подобно ряду своих соотечественников, проживавших на Руси в конце XIV — начале XV в. Нас не должно смущать отсутствие упоминания в письменных источниках о его происхождении. Возможно, что Даниил настолько ассимилировался на Руси, что кличка Черный заменила его национальную характеристику. За болгарское происхождение Даниила Черного говорят и такие аналогии к иконографическим особенностям в расположении сюжетов Троицкого собора, как изображение композиции «Вознесения» двумя группами по краям триумфальной арки в росписи 1259 г. Боянской церкви, наличие композиции «Похвалы Богородицы» в алтарной конхе церкви XV в. Петко Самарожжийской в Софии и упомянутые крабы в композиции «Страшного суда» [14].

В 1936—1937 гг. в новгородской церкви Рождества на кладбище группа реставраторов ГТГ под руководством Ю. А. Олсуфьева расчистила стенопись, выполненную около 1382 г. Раскрытые здесь в барабане купола головы пророков настолько близко напоминают лица праотцев «лона Авраамова» владимирского Успенского собора, что невольно возникает пред-

[14] Все эти предположения были высказаны нами в работе «Следы творчества Андрея Рублева и Даниила Черного в стенописи Троицкого собора Сергиевой лавры», написанной в 1952—1954 гг. и доложенной на посвященной Андрею Рублеву юбилейной сессии Академии художеств СССР в сентябре 1960 г.

положение — не является ли новгородская роспись одной из ранних работ Даниила Черного?

Сопоставляя обе росписи, мы считали, что что-то главное, свойственное художнику, должно проявиться и в той и в другой его работе, хотя их разделяет 26 лет, когда манера письма мастера могла и должна была значительно измениться. И в той и в другой росписи бросается в глаза редкий реализм, проявившийся в выразительности буквально портретных характеристик изображаемых лиц. В то же время, если во Владимирском соборе в работах Даниила типы лиц русские, то в церкви Рождества в композиции «Успения» типы лиц явно не русские, а скорее южных народов: греческие (Фома, Иоанн Златоуст) или южнославянские (апостол Петр, Иоанн, Лука и Марк и святитель над Иоанном). Столь яркий реалистически направленный талант в древнерусской живописи был бы исключением. Но в XIII—XIV вв. реалистическое направление с интересом к портрету, динамике и т. п. процветало в сербских и болгарских росписях. Если Даниил — художник балканского происхождения, то наличие южных типов в его ранней новгородской работе легко объяснимо, так же как и их обрусение четверть века спустя во владимирском Успенском соборе.

Менее подвержен изменению сам рисунок. И та и другая стенопись выполнены замечательным мастером рисунка. В Христорождественской росписи бросаются в глаза такие характерные для почерка мастера детали, как пластически, широко и свободно написанные волосы апостолов и святителей в композиции «Успение Богоматери». Та же манера характерна и для работ Даниила во владимирском Успенском соборе. В церкви Рождества в изображении архангела Гавриила можно заметить и другую характерную особенность рисунка Даниила, когда он, при монументально решенных драпировках, дробит и мельчит складками нижние края одежд (апостол Иуда, праотец Иаков и др.). Правда, рисунок фигур апостолов и праотцев, выполненных Даниилом во Владимирском соборе, более совершенен.

Богатая, построенная на очень тонких сближенных отношениях красно-коричневых, сиренево-розовых тонов золотистой охры и голубца красочная гамма Рождественской стенописи перекликается с работами Даниила в Успенском соборе, хотя колорит новгородской росписи выглядит более цветистым, а в Успенском соборе он более приглушен.

Подбор и расположение сюжетов в церкви Рождества на кладбище чрезвычайно близки к росписи 1635 г. Троицкого собора Сергиевой лавры. Она заменила сбитую роспись XV в., воспроизведя, за редкими исключениями, ее схему и расположение сюжетов на старых местах.

Южный свод церкви Рождества Христова имеет ту же тематику, что и Троицкий собор. И там, и здесь на восточном склоне — «Сретение», на западном — «Крещение», в люнете южной стены — «Рождество Христово». В северном своде Христорождественской церкви в люнете и на западном склоне (аналогично Троицкому собору) — «Успение Богородицы» и «Распятие». «Снятие со креста» восточного склона в Троицком соборе заменено темой «Сошествие во ад». Особенно интересна тематически одинаковая роспись южного склона западного свода. Композиция «Воскрешение Лазаря» как бы разбита на два сюжета: «Обращение Марфы и Марии ко Христу» и собственно «Воскрешение Лазаря». Роспись северного склона свода и люнета не соответствует друг другу. Зато помещенный в люнете сюжет «Пахомий и ангел» имеется в соборе Успения на Городке под Звенигородом. Помещение под южным сводом на западной стене Христорождественской церкви композиции «Преображение» своим местоположением как бы предшествует помещению этого сюжета в западном люнете центрального свода собора Савино-Сторожевского монастыря под Звенигородом, расписанного в 30-х годах XV в. Даниилом Черным и Андреем Рублевым. Роспись этого собора, так же как и Троицкого, дошла до нас лишь в передаче ее схемы мастерами XVII в.

Выполненная в 1380 г. стенопись погибшей во вторую мировую войну новгородской церкви Спаса на Ковалеве давно известна в нашей специальной литературе как работа заезжих южнославянских художников. Сопоставление (по фотографиям) ковалевской и христорождественской росписи приводит к заключению, что один из работавших в Спасе на Ковалеве мастеров через год расписывал церковь Рождества на кладбище. Нас убеждают в этом необыкновенно живые, как бы реалистически портретные лица святых той и другой росписи, выполненные каким-то одним, очень одаренным художником. Достаточно сравнить головы Иоанна Златоуста и изображенных ниже молодых апостолов в композиции «Успения» Христовоздвиженской церкви с головой неизвестного мученика с небольшой бородой, в воротнике (чем-то напоминающего венецианского дворянина) Ковалевской церкви. Видеть в этом художнике молодого Даниила Черного очень соблазнительно, так как это объясняет и близость изображений Онуфрия Великого в Ковалевской церкви и Успенском соборе во Владимире. Само повторение изображения этого святого в Успенском соборе, так же как повторение композиции Христовоздвиженской церкви — «Пахомий Великий и ангел» в церкви Успения на Городке в Звенигороде находит свое объяснение в том, что, по-видимому, та и другая темы были характерны для одного и того же художника, которым и был Даниил Черный.

Интересно, что, как и Феофан Грек, Даниил Черный попадает в Москву через Новгород. Он не был затронут татарским разгромом; его большое каменное строительство, естественно, прежде всего привлекало к себе художников. Феофан Грек и Даниил Черный могли приехать и вместе, так как их работы в Новгороде относятся почти к одному времени. Первая известная нам работа Феофана — роспись церкви Спаса на Ильине улице — была выполнена в 1379 г., а первая предполагаемая нами работа Даниила — Спаса на Ковалеве — в 1380 г. Эти их работы, судя по стилю росписей, выполняются каждым из них в отдельности, но с помощниками.

Может быть, «Евангелие Кошки», обложенное окладом в 1392 г. и непосредственно перед этим написанное, было первой или одной из первых работ Даниила в Москве.

В 1395 г. Феофан Грек и Симеон Черный расписывают в Московском Кремле церковь Рождества Богородицы. И. Э. Грабарь по поводу Симеона Черного писал: «Не вкралась ли здесь ошибка переписчика и не имеем ли мы дело с тем же Даниилом Черным» [15]. Предположение В. Д. Кузьминой (высказанное ею в докладе на юбилейной сессии Академии художеств СССР, посвященной Андрею Рублеву), что Симеон — имя Даниила Черного до монашества, кажется нам весьма убедительным. Если это так, то Симеон Черный принимает монашество где-то между 1395 и 1408 гг., когда, работая во Владимире, он именуется уже Даниилом.

5

В результате анализа стенописи владимирского Успенского собора выяснилось, что большинство ее сохранившихся фрагментов 1408 г. принадлежит Даниилу Черному, а именно: «лоно Авраамово», «Ангел, трубящий вниз», «Иоанн Богослов» (рис. 1, *2*), «Праведные жены», «Гетсимасия», «Иоанн Предтеча, ведомый ангелом в пустыню», «Апостол Петр, ведущий праведных в рай» (рис. 2), «мученик Зосима» и др.

Среди сохранившихся икон иконостаса того же собора Даниилу принадлежат: «Спас в Силах», «Богоматерь», «апостол Петр», «Иоанн Богослов», «Григорий Богослов», «Вознесение».

В сохранившихся фрагментах стенописи XV в. в звенигородских соборах творчеству Даниила мы присваиваем: в соборе Успения на Городке — мученик Лавр (рис. 3) и композиция «Варлаам и Иоасаф»; в соборе Сави-

[15] И. Э. Грабарь. Ук. соч., стр. 72.

Рис. 1. Даниил Черный (?). Апостолы Симон и Иоанн Богослов. Фрагмент росписи «Страшный суд» в Успенском соборе во Владимире

но-Сторожевского монастыря — фигуры трех преподобных. Знаменитые «Спас» и «архангел Михаил» (рис. 4) Звенигородского чина принадлежат кисти Даниила Черного. Им же выполнены миниатюры «Евангелия Морозова» и «Христос вседержитель» — «Андроникovского евангелия».

В иконостасе Троицкого собора Сергиевой лавры Даниилом написаны «Спас в Силах», «Богоматерь», «апостол Петр», «Иоанн Богослов», «Григорий Богослов», «великомученик Димитрий»; из «праздников» — «Омовение ног» и «Жены Мироносицы». Им же, или во всяком случае по его рисунку, выполнялись пророки правой части иконостаса.

Присоединение к этому списку стенописей новгородских церквей Рождества на кладбище и ряда лучших изображений погибшей росписи Спаса на Ковалеве рисует Даниила как одного из крупнейших художников, работавших на Руси. Если вероятна наша гипотеза о южнославянском происхождении Даниила, то его творчество является тем мостом, по которому достижения живописной культуры Македонии, Болгарии, Сербии вошли в нашу культуру и слились в ней. Если во фресках Ковалева и Рождества на кладбище его искусство выглядит как только что пересаженное с другой почвы, то во Владимире, почти через тридцать лет, оно предстает как давно привитый отросток на дереве, который питается его соками, и искусство Даниила этой поры звучит уже чисто по-русски. Прожив на Руси около пятидесяти лет, он так вошел в русскую жизнь и слился с ней, что мы вправе считать его великим русским художником. Славянин Даниил нашел на Руси как бы вторую родину. Его участие в русской художественной жизни способствовало расцвету русской живописи XV в. Но его талант мог так пышно расцвести и развиться именно на русской почве, в пору подъема духовных сил русского народа после Куликовской победы.

Андрею Рублеву принадлежит меньшее число произведений. В иконостасе московского Благовещенского собора им написаны: «великомученик Георгий», «архангел Михаил», «апостол Петр» и пять первых праздничных икон. Во владимирском Успенском соборе — это фрагментарно сохранившаяся роспись северного склона свода центрального нефа. Здесь более или менее хорошо сохранились головы апостолов: Матфея, Луки, Марка и нескольких ангелов за ними (рис. 5), фигуры апостола Андрея, пророка

Рис. 2. Даниил Черный (?). Шествие праведных в рай. Фрагмент росписи «Страшный суд» в Успенском соборе во Владимире

Исаии в круге, ангел, свертывающий небо, фрагмент композиции «Даниил и ангел» на северной стороне восточной арки хор и «апостол Павел с ангелом» в западном люнете этого же нефа. Он принимал участие в композиции «Сошествие во ад». Среди икон иконостаса Успенского собора ему принадлежат: «Иоанн Предтеча», «апостол Павел» и фрагменты изображения апостола Андрея. Ему же принадлежит тогда же написанная икона Владимирской Богоматери (Владимирский музей).

Рублевым написаны: фрагментарно сохранившийся мученик Флор и композиция «Пахомий и ангел» северного алтарного столпа звенигородского собора Успения на Городке, миниатюры «Евангелия Хитрово», «апостол Павел» звенигородского чина и, наконец, знаменитая икона «Троица» собора Сергиевой лавры. В иконостасе этого собора: «Иоанн Предтеча», «апостол Павел», «Иоанн Златоуст» и «великомученик Георгий». Его участие явно в первых пяти праздничных иконах иконостаса и левой части пророков во главе с царем Соломоном. По характеру рисунка и красочной гамме к подлинным произведениям Рублева следует отнести и небольшого «Спаса в Силах» [16].

[16] Поясной Спас XV в. (ГТГ), происходящий из Сергиевой лавры, принадлежит, по нашему мнению, какому-то подражателю Рублева.

Рис. 3. Даниил Черный (?). Св. Лавр. Роспись Успенского собора в Звенигороде

Вот то немногое, что осталось нам от некогда богатого творческого наследия Андрея Рублева.

Совершилось своеобразное чудо. Казалось бы, что изъятие многих из приписываемых Рублеву сокровищ обеднит его, но вышло наоборот. Искусство Андрея Рублева оказалось еще чище и выше, чем мы его представляли. Фигура же Даниила Черного, расплывчатая и туманная, приобрела определенную конкретность.

Мы не можем согласиться с высказанным в литературе взглядом, что стиль Даниила — живописный, а Рублева — более графический. По нашим наблюдениям, напротив, графическое начало у Даниила преобладает над живописным, стихия же Рублева — музыка красок. Но, конечно, одними этими понятиями нельзя охарактеризовать этих двух великих художников. И прав М. В. Алпатов, пишущий по этому поводу: «Сводить значение его (Рублева.— *С. Ч.*) творчества к линейному началу — значит недооценивать в создателе «Троицы» художника-мыслителя, ограничивать его искусство лишь формальными средствами выражения».

Андрей Рублев и Даниил Черный — это прежде всего два разных характера.

В композициях и рисунке Даниила всегда чувствуется темперамент художника. Он любит эффектную линию, эффектную позу, самое жизнь.

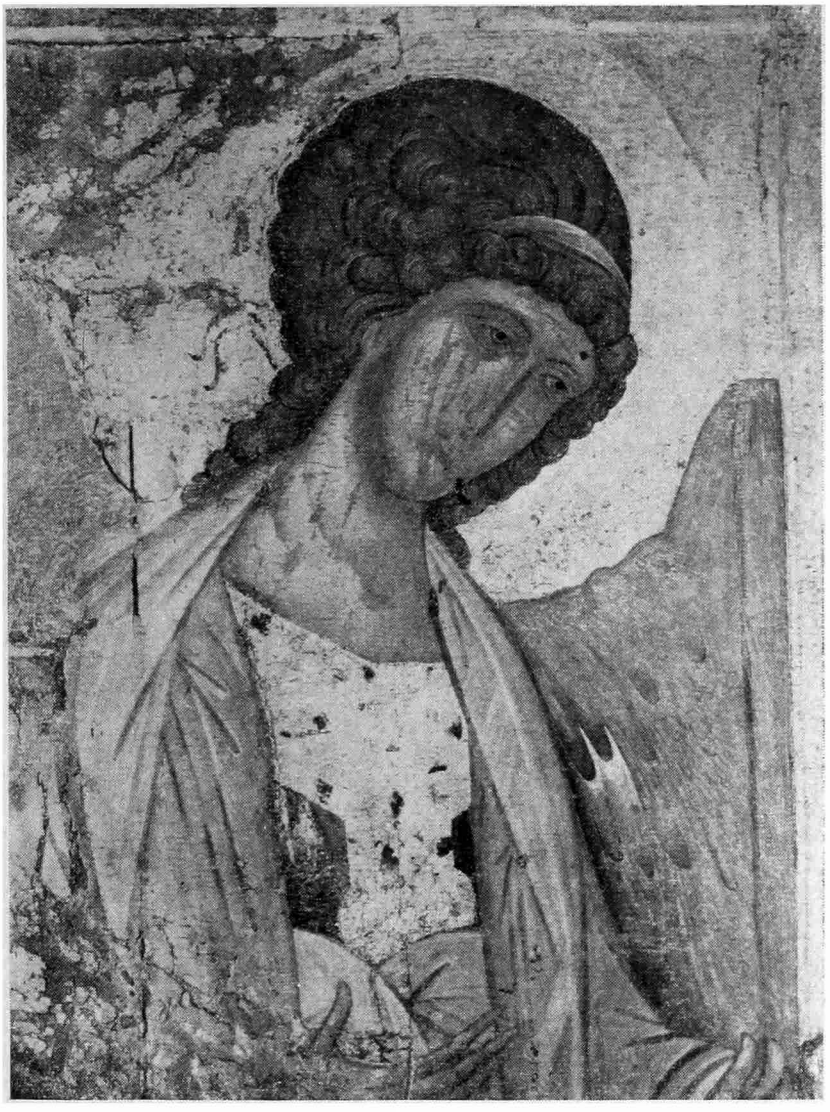


Рис. 4. Даниил Черный (?). Архангел Михаил из деисусного чина Успенского собора в Звенигороде

В его более ранних работах наблюдается интерес к портретным характеристикам. Судя по его композициям «Праведные жены» и «Жены Мироносицы», он любит и чувствует женскую красоту. Автор звенигородского «Спаса» и композиции «апостол Петр ведет праведных в рай» — художник-мыслитель.

Андрей Рублев — более спокойный, уравновешенный, лирически настроенный художник, мыслитель, освободившийся от борения страстей, человек удивительной скромности, которая чувствуется даже в его рисунке. По-видимому, не случайно в конце XV в. Иосиф Волоцкий дарил иконы письма Рублева как некую особенную драгоценность. Современники Рублева и ближайшие к нему поколения русских людей XV в., лучше нас разбираясь в оценке произведений двух художников, отдавали особенное предпочтение Андрею Рублеву. В его произведениях современников поражала редкая сила выразительности в передаче главного в содержании и красочная гармония его произведений.

Выявленное нами творческое наследие Даниила Черного позволяет смело назвать его великаном в истории древнерусского искусства, не уступа-

Рис. 5. Андрей Рублев. Голова ангела из росписи «Страшного суда» в Успенском соборе во Владимире

ющим Феофану Греку, ибо «Спас» и «Архангел Михаил» Звенигородского чина не менее значительны, чем выполненные Феофаном «Спас» и «Архангел Михаил» Благовещенского собора.

Каждый из трех гениальных художников, работавших на рубеже XIV—XV вв. на Руси: Феофан Грек — представитель византийского палеологовского ренессанса, Даниил Черный — представитель расцвета искусства Балкан в XIV в. и Андрей Рублев — русский Рафаэль (этой аналогией мы подчеркиваем его значение для русской культуры XV в., мы бы сказали — «русского ренессанса») — были замечательными мастерами рисунка. Но среди них совершенно исключительным мастером линии был именно Даниил. Линия в его творчестве имеет первенствующее значение, без нее его произведения потеряли бы главное средство выражения.

Каждый из трех художников был великим мастером живописи, в которой каждый самостоятельно решал свои задачи. Даниил достигал вершин живописного искусства в сближенной красочной гармонии («Вознесение», «Царевич Иоасаф и Варлаам» и др.). Феофан иногда скупыми средствами нескольких красок достигал невиданных эффектов живописности (роспись церкви Спаса на Ильине улице в Новгороде, «Деисус» Благовещенского собора), для него живопись была родной стихией. Андрей Рублев с особенным совершенством совмещал в своем творчестве поразительное мастерство линии и гений великого колориста. От своих старших товарищей он взял, по-видимому, некоторые принципы работы, но создал свою, ни с

кем не сравнимую палитру легких, чистых красочных отношений — «Троицы» и других своих произведений.

Наконец, все три великих художника были художниками-мыслителями. Образы Феофана полны величия, пафоса, драматизма. У Даниила в ранних работах мы видим увлечение портретными характеристиками, но с годами он все больше и больше входит в русскую культуру, в понятия русских людей XV в. об образе совершенного человека, по-видимому, не без влияния своего друга Андрея Рублева. Значение Рублева в том, что он, как никто, выразил этот русский идеал совершенного человека: простота, скромность, внутренняя чистота и доброжелательность наполняют созданные им образы, а в его прославленной «Троице» выражена и высокая мечта об единении и мире между людьми.

К 70-летию ИСААКА МАМЕД РИЗА ОГЛЫ ДЖАФАРЗАДЕ

Исполнилось 70 лет старейшему археологу Азербайджана Исааку Мамед Риза оглы Джафарзаде. Его имя широко известно не только в республике, но далеко и за ее пределами. Около 40 лет неутомимо трудится И. М. Джафарзаде над изучением археологии, этнографии и истории Азербайджана. Своими трудами он внес значительный научный вклад в развитие советской археологии и этнографии Азербайджана.

И. М. Джафарзаде родился 14 августа 1895 г. в городе Гяндже (ныне Кировабад Азербайджанской ССР) в семье кустаря. В Гяндже и в нагорьях Малого Кавказа прошли детские и юношеские годы. Начальное образование он получил в медресе. С 1910 по 1916 г. учился в шестиклассной городской школе, а в 1924—1927 гг. на историческом факультете Азербайджанского педагогического института. Одновременно И. М. Джафарзаде занимался преподавательской работой.

Как студент-отличник И. М. Джафарзаде был направлен на восточный факультет Государственного университета им. В. И. Ленина, который окончил экстерном в 1929/30 учебном году. Одновременно с учебой в университете он преподавал на рабфаке физическую и экономическую географию. Будучи студентом, И. М. Джафарзаде проявил большой интерес к археологии. С 1925 г. он состоял членом «Общества обследования и изучения Азербайджана» и Комитета по охране памятников старины (Азкомстарис). С 1926 г. юбиляр стал научным сотрудником Азгосмузея. С этого времени вся научная деятельность И. М. Джафарзаде целиком была посвящена изучению археологических памятников в Азербайджане. Под руководством основоположника азербайджанской археологии акад. И. И. Мещанинова в 1925—1926 гг. он участвовал в Ходжалинской, Кызыл-ванской, Човдарской, Ялойлу-тепинской археологической и этнографической экспедициях и в исследованиях памятников предгорий Малого Кавказа. И. И. Мещанинов оказал большую помощь в формировании начинающего тогда молодого ученого. Этот период был началом развернутого историко-археологического и этнографического изучения Азербайджана. В результате работ экспедиций собран богатый археологический материал, позволяющий освещать историю, культуру, хозяйство и общественный строй населения древнего Азербайджана. Кроме того, эти материалы обогатили нас знаниями новых источников для правильного понимания древнейшей истории азербайджанского народа.

В нагорьях Малого Кавказа близ с. Човдара были обследованы погребения в каменных ящиках, относящиеся к эпохе бронзы. Население, оставившее эти памятники, вело полукочевой образ жизни с земледельческо-скотоводческими отраслями хозяйства. В районе Ялойлу-Тепе им были изучены грунтовые погребения, которые сопровождались керамикой причудливой формы, отличающей ее от керамики других культур. Анализ морфологии керамики и техника ее изготовления позволили отнести эту культуру к рубежу нашей эры и связать ее с оседлым населением. В 1926 г. И. М. Джафарзаде участвовал также в экспедиции, руководимой Д. М. Шарифовым, по изучению развалин городища Кабалы, столицы древней Кавказской Албании.

И. М. Джафарзаде все свое внимание и энергию направлял на изучение археологических памятников. Для повышения своей квалификации в 1929 г. он участвует в археологической экспедиции, организованной Академией наук СССР в Ольвии. По окончании работы экспедиции он ознакомился со структурой и экспозицией Одесского, Херсонского и Киевского музеев. Полученный опыт И. М. Джафарзаде использовал в создании археологического фонда и в работе отдела Азгосмузея.

С 1933 г. по настоящее время И. М. Джафарзаде беспрерывно работает в Академии наук Азербайджанской ССР. В 1948—1964 гг. он руководил Отделом археологии Института истории. В 1934 г. участвовал в Оренкалинской археологической экспедиции. На основе результатов проведенных раскопок он написал работу, в которой высказал мнение об отделении малого города от большого в конце XIII в. Это мнение подтвердилось последующими раскопками 1951 г. и итогами работ других экспедиций, проведенных на городище.

И. М. Джафарзаде обследовал и учел около 120 циклопических сооружений, расположенных близ погребений в каменных ящиках, и поселений эпохи бронзы, раскинутых в нагорьях Малого Кавказа. Написанная по этой теме работа была удостоена в 1938 г. премии Всесоюзного комитета по соревнованию молодых научных работников, проводимому ЦК ВЛКСМ в ознаменование 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

В связи с 800-летним юбилеем великого азербайджанского поэта-мыслителя Низами Гянджеви И. М. Джафарзаде в 1938—1940 гг. в Старой Гандже (на родине поэта) провел археологические раскопки для сбора материалов к юбилейной выставке. Им была написана монография «Историко-археологический очерк Старой Ганджи», которая была представлена и защищена автором в качестве кандидатской диссертации. Автор пришел к выводу, что город Ганджа вырос из поселения более древнего периода, существовавшего на этом месте еще до нашей эры.

Круг интересов и деятельности И. М. Джафарзаде очень обширен. Для изучения археологических, этнографических и эпиграфических памятников он объездил почти всю территорию республики. В пределах Баку он обследовал крепостное сооружение в Бакинской бухте. Здесь им было обнаружено более 250 камней с надписями начала XIII в., т. е. времени правления ширваншахов кесранидов. В данной работе нашли отражение и сведения о колебаниях уровня Каспийского моря.

Важное место в деле изучения древнейшей и древней истории Азербайджана занимают наскальные изображения. На территории Азербайджана наибольшее количество этих памятников сосредоточено в Кобыстане, расположенном на расстоянии 50—60 *км* к югу от Баку. Кобыстанские наскальные изображения занимают видное место среди подобных памятников, выявленных в пределах СССР, а по количеству рисунков превышают почти все из них. Наскальные изображения Кобыстана относятся к различным периодам истории. В зависимости от времени воспроизведения рисунки отличаются друг от друга по стилю изображений, композиции, технике исполнения и размерам.

Изучением этих уникальных памятников Кобыстана занялся И. М. Джафарзаде. В результате многолетней работы он проверил несколько десятков тысяч камней, из которых на 730 высечено более 3500 рисунков. Они имеют богатую тематику и состоят в основном из изображений людей, животных, птиц, рыб, змей, лодок, различных знаков и надписей. Рисунки охватывают период от неолита почти до современности. Многие изображения имеют аналогии в наскальных рисунках, выявленных в других местах СССР и за рубежом, что придает им всемирное научно-историческое значение. В Кобыстане найден также камень с римской надписью, поддающийся точной датировке. Изучение памятников Кобыстана позволяет получить ценные сведения о колебаниях уровня Каспийского моря. Археологическими работами установлено, что район распространения наскальных изображений охватывает почти весь Апшеронский полуостров.

На протяжении многолетней научно-педагогической деятельности И. М. Джафарзаде написал более 50 научных работ, из которых 40 напечатано. Среди них особого внимания заслуживают: «Циклопические сооружения Азербайджана», в которой даны характеристика, классификация, назначение и датировка этого типа памятников; «Искусственное орошение и народные способы водоснабжения на Апшероне»; «Историко-археологический очерк Старой Ганджи»; «Альбом орнаментов и надписей, высеченных на камнях» (т. I, Апшерон, в печати); «Наскальные изображения Кобыстана» и многие другие.

Круг интересов И. М. Джафарзаде очень широк. Он не ограничивается одной только научной деятельностью, но активно участвует и в общественной жизни республики. В 1948 г. И. М. Джафарзаде был избран депутатом Ворошиловского райсовета Баку. Он является членом ученых советов Института истории АН АзербССР, Азгосуниверситета им. С. М. Кирова, Музея им. Низами, членом методсовета по охране памятников при Президиуме АН АзербССР и членом Президиума комитета добровольного общества по охране памятников культуры при Министерстве культуры АзербССР. И. М. Джафарзаде с любовью относится к подготовке молодых кадров археологов и постоянно заботится об их росте и развитии, охотно передает свои знания аспирантам и молодому поколению научных сотрудников.

За успехи в научно-исследовательской деятельности Советское правительство наградило И. М. Джафарзаде орденом Трудового Красного Знамени, медалями за трудовую доблесть, за доблестный труд в Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., за оборону Кавказа и Почетной грамотой Верховного Совета АзербССР. В день 70-летия пожелаем Исааку Мамед Ризa оглы Джафарзаде, опытному исследователю, прекрасному товарищу и скромному труженику, здоровья, долгих лет жизни и успешного продолжения его плодотворной научной деятельности.

О. Ш. Исмизаде

К 60-ЛЕТИЮ ВАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧЕРНЕЦОВА

Крупные достижения в изучении культуры и быта, верований, древней истории и археологии народностей Севера за последние 40 лет тесно связаны с именем старшего научного сотрудника Института археологии АН СССР Валерия Николаевича Чернецова.

Валерий Николаевич родился 17 марта 1905 г. в Москве, в семье архитектора. В 1923 г. студент Московского электро-технического института В. Н. Чернецов в качестве радиотехника Северо-Уральской отдельной партии Высшего геодезического управления отправился в свою первую экспедицию на Северный Урал. По заданию экспедиции он составлял карту Заозерского края (1925 г.). С тех пор интерес к Северу, его суровой природе, к истории его малых народов (хантов и манси) целиком завладел Валерием Николаевичем. По возвращении из экспедиции в 1925 г. он поступает на этнографическое отделение Ленинградского университета. Будучи студентом, он одновременно ведет научную работу по изучению северных угро-финских народностей и участвует в длительных экспедициях, проходивших в очень трудных условиях Крайнего Севера.

В 1925—1927 гг. В. Н. Чернецов под руководством крупнейшего этнографа В. Г. Богораза-Тана работает по заданиям Комитета Севера (Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК) в Ивдельском районе Уральской обл. и Остяко-Вогульском Национальном Округе, где принимает участие и в приполярной переписи 1926 г. В 1927 г. по заданию Музея антропологии и этнографии АН СССР Валерий Николаевич проводит археологическое обследование р. Тагила и начинает многолетние исследования наскальных изображений Западной Сибири. В эти же годы в различных журналах («Экран жизни», «Московский охотник», «Всемирный следопыт») появляются его первые этнографо-бытовые очерки, а затем и первая же этнографическая работа «Жертвоприношение у вогулов» («Этнограф-исследователь», 1927, I). Эта статья основана на прекрасном знании местных обычаев, с которыми Валерий Николаевич сумел познакомиться благодаря завязавшимся дружеским, родственным (он был принят в члены одного рода) отношениям с мансийским населением, связи с которым не прекращаются и по сей день.

В 1928—1929 гг. В. Н. Чернецов совершает длительную поездку по северной оконечности п-ва Ямал. Результаты ее изложены в большой статье «Древняя приморская культура на полуострове Ямал» (СЭ, 1935, 4—5).

В 1929—1930 гг. Валерий Николаевич участвует в работе Полярной комиссии АН СССР по составлению карты Большеземельской тундры.

По окончании университета в 1930 г. В. Н. Чернецов поступает на работу в научно-исследовательскую ассоциацию Института народов Севера. Используя богатый практический опыт, глубокие познания в мансийском языке, он занимается разработкой и созданием мансийской письменности. Валерий Николаевич составил первый мансийский букварь (1932) и сделал к нему ряд иллюстраций; издал грамматику мансийского языка (1937) и словари.

С 1931 по 1936 г. (с 1934 г. в качестве доцента) он читает лекции на кафедре языков и этнографии народов Севера в Институте им. А. И. Герцена и ведет большую работу со студентами и аспирантами. Все эти годы В. Н. Чернецов работает под непосредственным руководством В. Г. Богораза-Тана, учеником которого он является и о котором всегда вспоминает с большой любовью и благодарностью.

В 1935 г. он переходит на работу в Институт этнографии АН СССР, а с 1938 г., после смерти В. Г. Богораза, руководит Сибирским отделом МАЭ АН СССР.

В 1937 г. Валерий Николаевич публикует проникнутые суровой поэзией Севера «Вогульские сказки».

Ряд его работ посвящен материальной культуре и общественному строю обских угров. Большое место в них отводится этногенезу угорских народов. Отсюда глубокий интерес к археологическим вопросам, сказывающийся уже в ранних его работах. Удачное сочетание этнографических и археологических знаний, умение совмещать методики исследования обеих наук особенно ярко проявилось в защищенной им в 1942 г. кандидатской диссертации на тему «Основные этапы истории Приобья с древнейших времен до X в. н. э.».

С 1940 г. Валерий Николаевич переходит в МОГАИМК и работает по настоящее время в Институте археологии АН СССР.

В течение многих лет В. Н. Чернецов руководит работой Западно-Сибирской экспедиции ИА АН СССР, которая становится прекрасной полевой школой для многих молодых сибиреведов. Поддерживая постоянные научные связи с работниками сибирских и уральских археологических учреждений, он и их привлекает к решению многих важных научных проблем древней истории Сибири и Урала. Плодом многолетних археологических изысканий явились «Древняя история Нижнего Приобья (МИА, 35, 1953) и «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры (МИА, 58, 1957). Не прекращает он работы и по финно-угорской этнографии, публикуя большие статьи по истории родового строя (1947), по духовной культуре (1959), о ленточном орнаменте у обских угров (1948), об уникальных узорах, выдавленных зубами на бересте, которые он еще в 1925 г. обнаружил у манси (1964), и др.

В 1965 г. вышел выпуск САИ (ВЧ-12, М., 1964) «Наскальные изображения Урала», являющийся первой частью многопланового труда, в котором совмещаются широкие этнографо-археологические познания автора.

Имя Валерия Николаевича Чернецова широко известно и за пределами нашей страны. В 1960 г. он участвует в Международном конгрессе финно-угроведов в Будапеште, а в 1961 г. избирается членом Финно-угорского общества в Хельсинки. Он публикует ряд статей в Венгрии и США, которые получают широкий отклик в кругах зарубежных финно-угроведов и специалистов по арктической проблеме.

С 1957 г. В. Н. Чернецов принимает активное участие в работе редколлегии журнала «Советская этнография».

Заслуги В. Н. Чернецова отмечены рядом правительственных наград. Он награжден медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а в 1954 г. орденом Трудового Красного Знамени.

Валерий Николаевич находится в расцвете своего творческого пути. Он целеустремленно разрабатывает вопросы финно-угорского этногенеза на широком фоне археологических культур Сибири, начиная от неолита до средневековья. Товарищи по работе от души желают Валерию Николаевичу новых творческих успехов.

П. М. Кожин, В. И. Сарианиди

Публикации

В. В. БЖАНИЯ

МАЧАРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ В АБХАЗИИ

Территория Абхазии чрезвычайно богата разнообразными археологическими памятниками, имеющими важное значение для изучения не только истории и культуры края, но и всего Кавказа. К сожалению, они изучены крайне неравномерно. В частности, очень слабо изучены памятники бронзового века, особенно ранних этапов его развития. В этой связи несомненный интерес представляет исследованное нами в 1964 г. древнее поселение в с. Мачара Гульрипшского района Абхазской АССР [1].

Мачарское поселение было открыто в 1936 г. геологом Е. В. Шанцером и палеонтологом В. И. Громовым. Но до 1964 г. оно не исследовалось. Правда, Л. Н. Соловьев, неоднократно посещавший это поселение, собрал здесь небольшой подъемный материал [2].

Поселение расположено на приморской низменности, соответствующей первой черноморской террасе, обрывающейся у морского пляжа древним береговым валом, на расстоянии 1 *км* от левого берега р. Мачара. В профиле берегового вала четко прослеживается культурный слой, который залегает почти сплошной полосой на протяжении более 400 *м*.

В 1964 г. здесь были заложены два раскопа общей площадью в 94 $м^2$. Удалось установить, что поселение содержит три древних культурных слоя. Многослойность его подтверждается и вещественным материалом, найденным в каждом слое, главным образом керамикой. В обоих раскопах наблюдалось одинаковое чередование слоев со схожими комплексами находок. Стратиграфия раскопов следующая:

Слой 1-й. Современный растительный слой — крупнокомковатый, светло-коричневый суглинок. Мощность 0,5—0,15 *м*. Во время распашки слоя под табак, по-видимому, был задет подстилающий слой. Найдено несколько кремневых пластинок, галечные отщепы, обломок зернотерки.

Слой 2-й. Темно-серый крупнокомковатый суглинок с бурыми пятнами окислов железа и марганцевых стяжений, с включениями морского гравия. Мощность 0,30—0,35 *м*. В юго-западной стороне раскопа I, на площади приблизительно 18 $м^2$, слой содержал большое количество валунов и гальки. Камни, в основном уплощенных форм, местами залегали плотно прилегая друг к другу. Это создает впечатление искусственной вымостки. На площади вымостки концентрировалось наибольшее количество нахо-

[1] Раскопки производились отрядом экспедиции Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия АН Грузинской ССР. Руководитель экспедиции М. М. Трапш.

[2] Л. Н. Соловьев. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. СА, XIV, 1950, стр. 268, 272.

док. В этом же раскопе была обнаружена яма, прорезавшая нижележащие слои до глубины 1,8 *м*. На дне ее вместе с пятнами угольков были найдены обломки сосудов, характерные для слоя, обломок керамического столбика и несколько фрагментов с отпечатками ткани.

Слой 3-й темно-коричневый, местами даже черный — интенсивно гумусированная супесь, с редкими бурыми пятнами окислов железа и включениями гравия и гальки. Этот слой без стерильных прослоек непосредственно соединялся со вторым слоем, его мощность 0,35—0,50 *м*. В раскопе I была обнаружена хозяйственная яма, содержавшая большое количество фрагментов чернолощеной орнаментированной посуды и каменных орудий (преобладали грузила). В раскопе II был найден почти целый трехручный сосуд.

В обоих раскопах встречались сильно гумусированные участки с большой концентрацией углей и находок. Очевидно, это были жилые площадки. Однако конструкцию самих жилищ выяснить не удалось. Возможно, они представляли собой легкие хижины из плетеных прутьев.

Слой 4-й. Темно-серый, местами светло-серый, среднезернистый песок с волнистой слоистостью. Залегает от глубины 0,90—1 *м* (от нулевой линии). В верхней части прослеживается твердая прослойка (толщиной 0,15—0,20 *м*), едва поддающаяся лопате. На глубине 3,65 *м* просачиваются грунтовые воды. Слой содержал небольшое количество галек и валунов. Археологический инвентарь обнаруживался с глубины 1,10 по 2,35 *м*. Таким образом, между культурными слоями 3 и 4 была установлена стерильная прослойка, не содержавшая находок. В раскопе II был прорезан шурф до глубины 4 *м*. На этой глубине снова начали встречаться угли. Однако опуститься ниже не удалось (мешали активно поступающие грунтовые воды).

Находки встречаются в слое редкими скоплениями обломков керамики и галечных отщепов. Почти всегда в местах скопления имеется зольное пятно и несколько лежащих рядом плоских валунов, покрытых красным налетом. По-видимому, валуны служили своеобразными жаровнями.

В раскопе I на глубине 1,45 *м* была прослежена выкладка вертикально стоящих больших валунов, окаймляющая участок с большим скоплением углей и керамики. Очевидно, это был очаг. Он находился в центре более широкой овальной площадки (в поперечнике — 3,40 *м*), также окрашенной гумусом и золой. Во время раскопок была установлена резкая граница, отделявшая площадку от окружавшего ее светло-серого песка. Темная окраска песка и фрагменты керамики доходят здесь до глубины 1,70 *м*, в то время как на прилегающей площади находки не встречались уже на глубине 1,40 *м*. Таким образом, стратиграфические наблюдения позволяют предполагать существование на данном месте огороженного жилища (может быть, полуземлянки).

Установлена еще одна особенность залегания культурных остатков в слое 4 (раскоп II). Как уже говорилось выше, толща песка имеет волнистую слоистость. Комплексы находок отдельными группами залегают в прослойках на разных высотах, обязательно соответствуя какой-либо одной определенной прослойке. Чередование кострищ говорит о кратковременности и эпизодичности обитания людей на обследованной площади в период, соответствующий образованию берегового вала. Это наблюдение после установления хронологии найденных в нем находок может стать существенным фактором для определения геологического возраста древнего берегового вала.

Таким образом, раскопками на поселении было прослежено чередование четырех слоев. Три из них относятся к древним эпохам.

Перейдем к краткой характеристике археологических материалов, найденных в нижних слоях.

Большинство каменных орудий из 4-го слоя представляют собою галечные отщепы с режущими или рубящими краями. Орудия отличаются

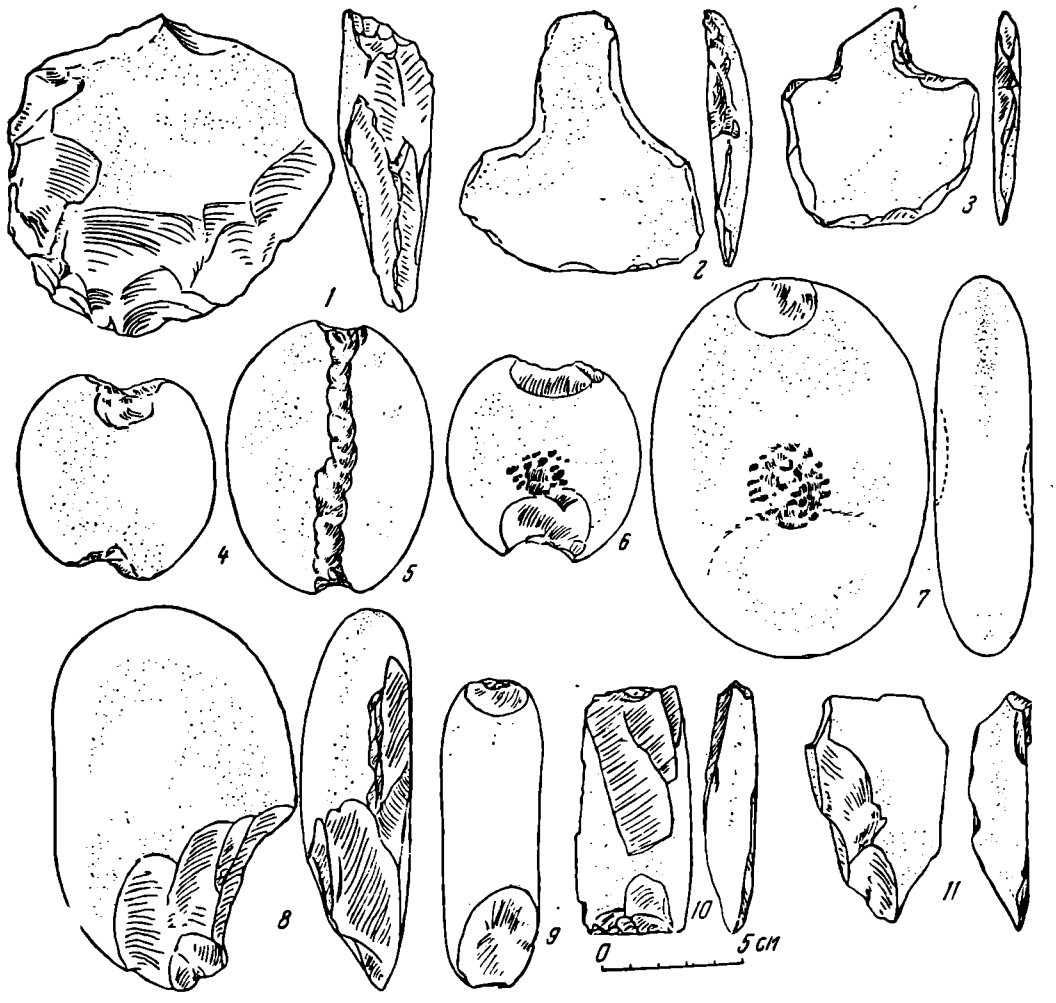


Рис. 1. Мачарское поселение. Орудия из камня

1, 8—11 — слой 4; *4—7* — слой 3; *2, 3* — слой 2

примитивностью. По-видимому, они делались для разового употребления. Выделяются несколько типов: резаки, стамески, остроконечники, дискообразные мотыги, долота, проколки, скребла, раскалыватели, зернотерки. Все орудия изготовлены техникой сколов, без шлифовки. Упрощенность форм и острота лезвий делала орудия универсальными (рис. 1, *1, 8—11*). О занятии земледелием свидетельствуют зернотерки и мотыги. К сожалению, найдены были только обломки гранитных зернотерок, и об их формах что-либо определенно сказать трудно. Мотыжки представляют собой расколотые вдоль плоскости округлые и овальные уплощенные гальки. Со стороны отщепленной поверхности почти по всей периферии идут мелкие сколы, заостряющие край орудия. Такая форма, получившая название (по Л. Н. Соловьеву) «мотыжек сухумского типа», характерна для Гумистинского поселения[3]. Небольшое отличие мачарских мотыжек от гумистинских заключается лишь в том, что на мотыжках из слоя 4 оставлен затупленным один из участков края для удобства захвата (рис. 1, *1*).

В слое 4 найдено всего 12 кремневых отщепов, большинство из них — грубые обломки без дополнительных подправок. Только три орудия имеют на скребковидных лезвиях ретушированную подправку.

[3] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Тр. Абхазского НИИ. XXIX, 1958, стр. 148, рис. 1*б*.

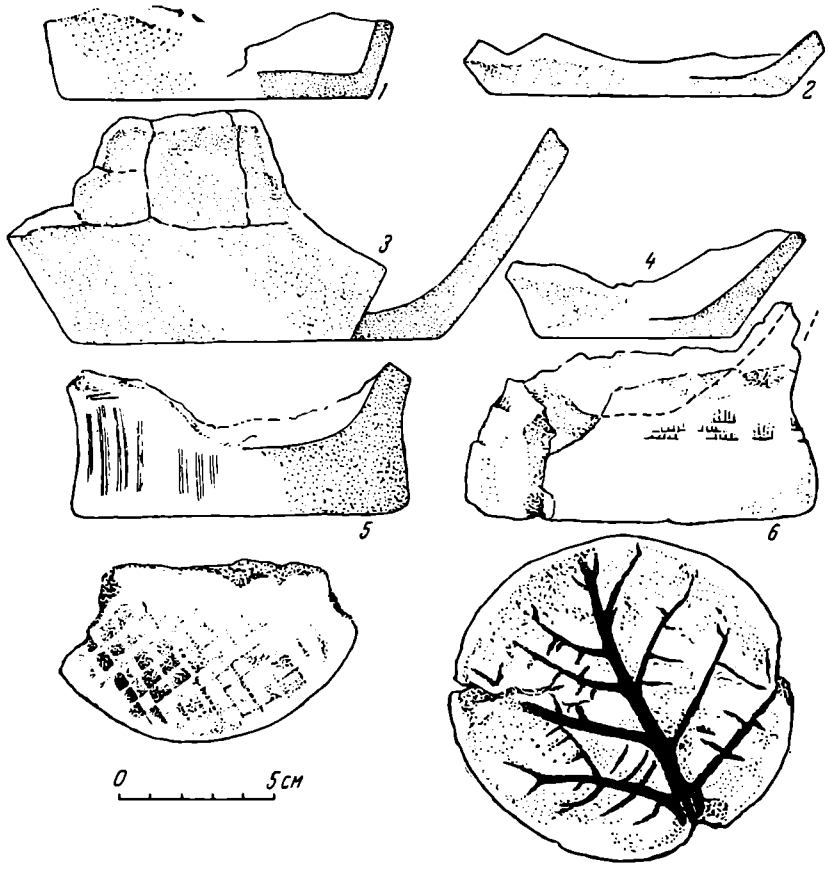


Рис. 2. Мачарское поселение. Фрагменты днищ глиняных сосудов.
1 — слой 2; *2—4* — слой 3; *5, 6* — слой 4

Посуда нижнего слоя однотипна. Она специфична грубостью лепки и характером форм с массивными поддонами и резко отличается от посуды из лежащих выше слоев. Фрагменты сосудов имеют темно-красный, буровато-красный и коричневый цвета. Глина плохо промешана, содержит отощатель в виде крупных зерен гранитной дресвы, иногда частиц морского гравия и, в редких случаях, кальцитового песка. Обжиг слабый, толстые черепки легко ломаются, царапаются ногтем. Сосуды лепились от руки. Внутренняя и внешняя поверхности имеют бороздки от заглаживания гребенкой или пучком травы. Характерной особенностью сосудов являются массивные поддоны с плоским основанием. Высокие боковые стены днища имеют ровные и слегка вогнутые очертания (рис. 2, *5—6*). По-видимому, преобладала чашеобразная форма сосудов со сравнительно узкими днищами и с венчиками, слегка загнутыми внутрь. Края венчиков округлые (рис. 3, *6*). В слое найдено только два фрагмента от сосудов с прямым и высоким венчиком, круто отогнутым наружу (рис. 3, *4—5*).

Сосуды нижнего слоя не орнаментированы, если не считать углубленной бороздки, опоясывающей сосуд почти у самого края (рис. 3, *6*). Возможно, декоративный характер имели вертикальные полосы на венчиках и днищах, образовавшиеся при заглаживании сосудов (рис. 2, *5—6*; рис. 3, *4—5*).

Характерной особенностью сосудов из слоя 4 являются отпечатки листьев, а в двух случаях — плетеной циновки на днищах (рис. 2, *5—6*). Отпечатки плетенки на днищах сосудов известны из раскопок колхидских жилых холмов, относящихся к нижним культурным слоям[4]. Такие же от-

[4] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды II. Тбилиси, 1950, стр. 134, 256, табл. 41, 65.

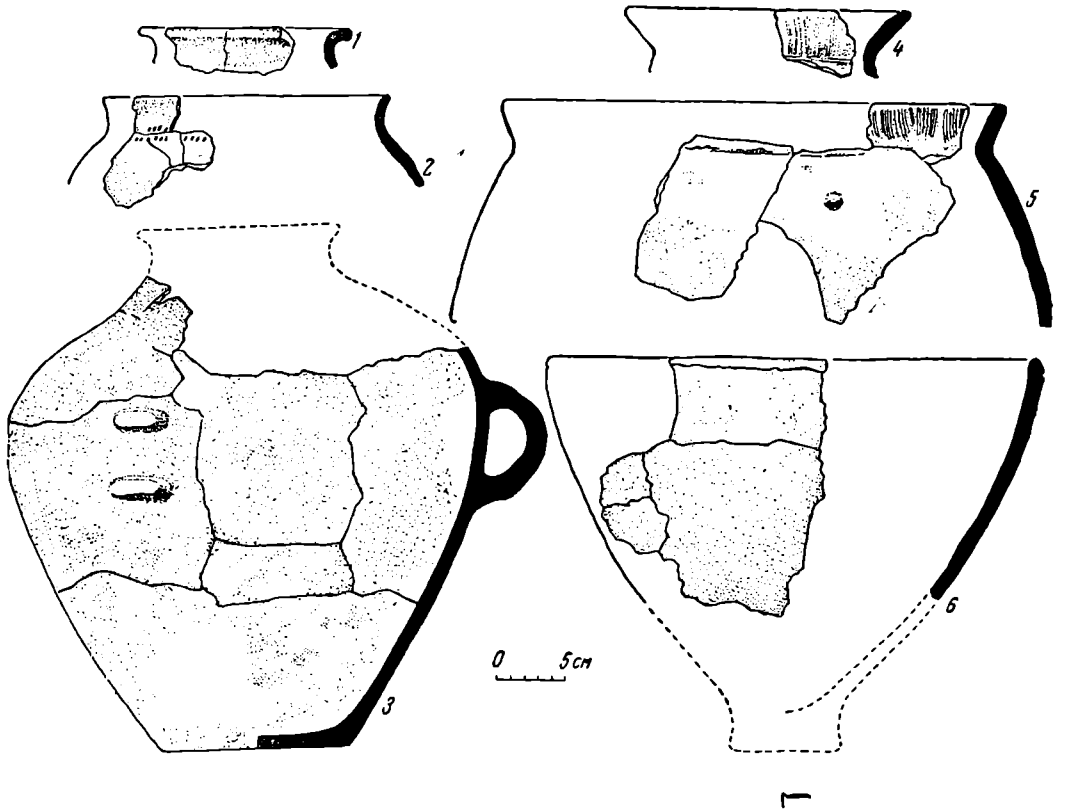


Рис. 3. Мачарское поселение. Фрагменты глиняных сосудов и трехручный сосуд
1—3 — слой 3; *4—6* — слой 4

печатки рогожной плетенки известны из Очамчирского поселения. Здесь же найден один фрагмент днища с отпечатками листа [5].

Посуда нижнего слоя Мачары сближается с группой очамчирской посуды также по формам и по технике выделки самих днищ, хотя в Очамчирском поселении они не столь грубы и массивны. Очевидно, мачарская керамика предшествовала очамчирской. Тесто сосудов имеет более грубую примесь, и обжиг их значительно слабее. Не противоречат этому и отпечатки на днищах. Если на днищах Мачары преобладают отпечатки листьев и найдено всего два фрагмента с отпечатками плетенки, то в Очамчирском поселении, наоборот, преобладают отпечатки плетенки и всего один раз отмечен отпечаток листа. Кроме того, в керамической коллекции из Очамчир имеются и другие сосуды более развитых форм с орнаментированной поверхностью. Характерная форма днищ мачарской, а еще больше очамчирской посуды напоминает днища сосудов из Агубековского и Долинского поселений [6]. Между последними, на наш взгляд, кроме отмеченных уже многими исследователями общих черт сходства археологических комплексов, есть преемственная связь и в формах днищ со слегка выступающим основанием. Что касается хронологических соотношений, то, нам кажется, что 4-й слой Мачарского поселения ближе стоит к Агубековскому, нежели к Очамчирскому и Долинскому поселениям. И в Мачаре, и в Агубеково сходство керамики проявляется не только в формах днищ, но и в низкой технике изготовления сосудов (некачественное тесто, слабый обжиг) и в отсутствии орнаментации на них. Интересно отметить, что на Агубеков-

[5] Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. Сб. «Материалы по истории Абхазии», I, Сухуми, 1939, стр. 43.

[6] Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 54, рис. 2; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. Там же, стр. 186, рис. 26.

ском поселении были найдены два обломка сосудов с отпечатками плетеной циновки, подобной очамчирским и мачарским отпечаткам на днищах.

Исходя из изложенного и опираясь на более утвердившуюся датировку Очамчирского поселения — второй половиной III тысячелетия до н. э., слой 4 Мачарского поселения можно отнести к первой половине III тысячелетия до н. э. Такой датировке не должна противоречить развитая, на первый взгляд, чашеобразная форма мачарских сосудов. Точных аналогий им в опубликованных материалах мы пока не знаем. Но в общих чертах сама форма чаши-сосуда с зауженным поддоном (ножкой) и широко раздувающимся, срезанным в верхней части туловом, не чужда энеолитической культуре Кавказа. В Закавказье подобные сосуды известны из Дидубе[7] и Квацхелеби[8]. На Северном Кавказе своеобразные плошки найдены в Нальчикском могильнике[9].

* * *

В слое 3 каменных орудий найдено значительно больше, чем в слое 4. Ассортимент их разнообразнее. Техника выделки орудий сколами почти та же. Но здесь появляются и своеобразные черты. На многих орудиях прослеживается более тщательная обработка точечной техникой. Острым предметом (может быть, костяным) выщербливаются мелкие ямочки, оформляющие орудие более четко. Используется, хотя и редко, шлифовка. В собранной коллекции выделяются следующие серии каменных орудий: зернотерки, резаки, стамески, остроконечники, долота, проколки, скребла, ножи, грузила, шары, наковальни, рубанки, наконечники, массивные рубила, лощила.

В перечисленном наборе орудий не указаны мотыги, но ими могли служить массивные рубилообразные предметы, вполне пригодные для рыхления почвы. Кроме того два каменных наконечника с черешками также могли быть использованы в земледелии, хотя размеры их не велики (длина 8—9 *см*).

Интересны найденные в 3-м слое каменные грузила. Это плоские орудия овальной и округлой формы с выбоинами по краям обычно с двух противоположных сторон. Они обычны почти для всех памятников Абхазии от неолита до поздней бронзы. На территории Кавказа, кроме Абхазии, подобные каменные грузила были найдены только на Великентском поселении в Дагестане[10]. Мачарские грузила отличаются некоторым своеобразием. На нескольких экземплярах имеются выбитые желобки, соединяющие противоположные выщерблины для обвязки галек, служивших, очевидно, грузилами для сетей (рис. 1, *5*).

Интересны и округлые или подчетырехугольные плоские гальки с углубленными ямками в центре (рис. 1, 7), выбитыми с одной или с двух сторон (в последнем случае обязательно одна под другой). На некоторых гальках заметных углублений нет, а только кружком нанесены царапины и мелкие выщерблины. Подобные камни были найдены в Абхазии на поздненеолитическом поселении Кистрик. А. Л. Лукин считал их наковальнями[11]. Но вряд ли это так. Среди материала из 3-го слоя Мачарского поселения такие же ямочки имеются на двух грузилах и на одном узком

---

[7] Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси, I. Тбилиси, 1955, стр. 26, рис. 15.

[8] А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси I, Тбилиси, 1962, стр. 31, табл. XXVI, *1*; XXVIII, *4*.

[9] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, 3, стр. 123, табл. VII, *3*, *5*.

[10] В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, I, Махачкала, 1959, стр. 122, табл. 1—4; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 60, рис. 12.

[11] А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. СА, XII, 1950, стр. 272.

теслообразном орудии, совершенно непригодном для наковальни (рис. 1, *6*).

Камни со следами двух встречных ямок найдены также на обследованном нами в 1964 г. поселении в с. Тамыш Очамчирского района Абхазии [12]. В Тамыше каменные орудия были найдены с керамикой, которая позволяет отнести памятник к концу средней бронзы. Здесь найдены, кроме того, круглые уплощенные гальки со сквозным отверстием. По-видимому, камни с встречными ямками являются незаконченными образцами этих орудий. Подобные орудия известны из среднеазиатских (Геоксюр I, Кара-Тепе у Артыка [13]) и переднеазиатских (Джармо) [14] памятников, где они датируются V—IV тысячелетиями до н. э. В литературе принято считать эти орудия утяжелителями для палок-копалок, хотя Г. Чайлд считает возможным употребление их в качестве наверший булав [15].

В пределах Кавказа небольшие дисковые камни с ямками и законченными отверстиями известны из Агубековского [16] и Долинского [17] поселений, а также из пос. Дидубе близ Тбилиси. Орудия из Дидубе Д. Л. Коридзе считает грузилами [18]. Так ли это? В Тамышском поселении на сравнительно небольшой площади вместе с описанными предметами найдено 75 каменных грузил с выбоинами по краям. Умея изготовлять обычные грузила, вряд ли человек взялся бы выделывать орудие, требующее гораздо большего, кропотливого труда. Скорее всего, эти орудия служили не хозяйственным нуждам, а каким-то другим, может быть ритуальным [19].

Комплекс каменных орудий из 3-го слоя не поддается точной датировке. Не помогают этому и кремневые орудия, представленные в основном аморфными обломками, среди которых выделяется несколько скребков и проколок с подретушированными лезвиями.

Для хронологического определения 3-го слоя лучшим источником служит керамика. В этом слое было найдено большое количество фрагментов от разнообразных сосудов. По технологическим признакам их можно разделить на две группы.

Первую составляют фрагменты темно-серого и светло-серого цвета с пепельным оттенком, с рыхлым, легким, пористым черепком. В редких случаях отощатель состоял из шамота и крупнозернистого песка. Сосуды имели плоское дно и петельчатые ручки (рис. 2, *2—4*; рис. 4, *7—9*). Эта сравнительно небольшая группа очень схожа с основной массой керамики из верхнего слоя (2).

Вторая, превалирующая группа по цвету и обработке поверхности в свою очередь разделяется на два типа:

а) обломки от сосудов с большим содержанием в глине мелкого песка, битого кварцита и иногда чешуек слюды. Цвет буровато-коричневый и черный. Большинство черепков имеет лощение. Лощеные сосуды, видимо, имели внутреннюю и внешнюю затирку;

б) фрагменты от сосудов с таким же отощателем светло-красного цвета. Лощения нет, иногда поверхность сосудов ангобирована.

---

[12] Материал хранится в Абхазском государственном музее.

[13] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М., 1964, стр. 98, рис. 42.

[14] Гордон Чайлд. Древнейший восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 166.

[15] Там же.

[16] Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Нальчика, стр. 61, табл. II, *7—8*.

[17] А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика, МИА, стр. 184, 185.

[18] Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси, стр. 6, рис. 2.

[19] Интересно отметить, что Тамышское поселение было открыто после того, как в домах местных крестьян были замечены каменные диски с отверстиями, служившие амулетами. Крестьяне сообщили, что подобные камни они всегда находят в одном месте.

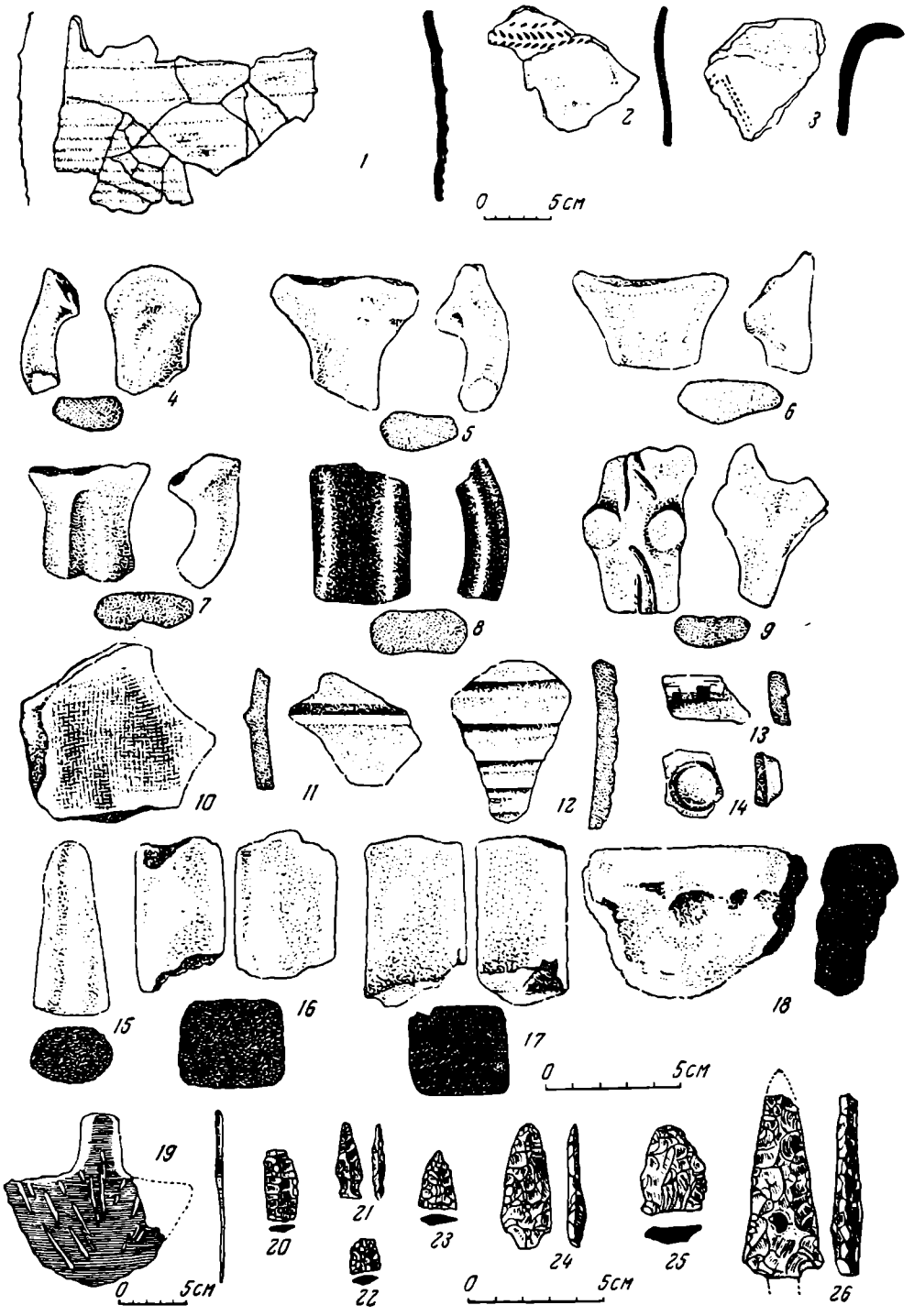


Рис. 4. Предметы из древних памятников Абхазии

1—18 — керамика из Мачарского поселения (*1—6, 10—17* — слой 2; *7—9, 18* — слой 3); *19* — бронзовая мотыжка из с. Тагелони; *20, 21* — кремневые наконечники стрел из с. Ачмарда; *22—26* — кремневые наконечники стрел и дротика из окрестности с. Гантиади

Сосуды обоих типов изготовлены без применения гончарного круга, но довольно тщательно. Обжиг средний, по-видимому, производился в окислительной среде. Часто поверхность черепков пятнистая.

Фрагментарность керамики затрудняет определение форм сосудов. Можно отметить, что днища их были плоскодонные, сосуды имели петельчатые ручки с уплощенными или овальными в сечении стволами. Иногда на поверхность ручки наносилась вдавленная полоса (рис. 4, *7—8*). Большинство ручек прикреплялось к сосудам цилиндрическими шпеньками, продетыми от ствола через стенку сосуда и замазанными с его внутренней стороны. Такой способ прикрепления ручек часто употреблялся на сосудах Очамчирского поселения [20], а также на сосудах из колхидских жилых домов [21] и дольменов Черноморья [22]. Большинство сосудов из 3-го слоя имело невысокие, но довольно зауженные шейки со слегка отогнутыми наружу венчиками. Найдено несколько краев от сосудов прямоугольной формы с ровными, без округлости, стенками. Стенки утолщаются кверху и заканчиваются усеченным ровным краем (рис. 4, *18*). В одном случае край имел с одной стороны небольшой карнизик.

К 3-му слою относится найденный в раскопе II трехручный сосуд (рис. 3, *3*). Поверхность его светло-серого цвета с темными пятнами. С внутренней стороны сосуд черного, задымленного цвета. В изломе задымленность занимает половину толщи черепка. В тесто добавлен отощатель в виде песка и чешуек слюды, обжиг средний. Интересна форма сосуда. От сравнительно узкого дна стенки конически расширяются к раздутому тулову, затем резко зауживаются к горловине. Три ручки, прикрепленные в месте наибольшего диаметра тулова, поставлены небрежно и несимметрично. Обе сохранившиеся ручки в сечении плоские, ствол дугообразный.

Трехручные сосуды, за исключением мачарских, в абхазских памятниках энеолита и бронзы еще не были известны. Однако подобные сосуды не являются редким исключением для кавказских культур эпохи раннего металла. Так, среди закавказских памятников трехручные сосуды известны из поселений Квацхелеби [23], Дидубе [24], Озни [25], Кулбакеби, Сачхере [26]. На Северо-Восточном Кавказе трехручные сосуды найдены на Великентском поселении [27]. Среди памятников майкопской культуры они известны по находкам на Долинском поселении [28]. К ранней группе северокавказской культуры относит В. И. Марковин трехручный сосуд, найденный в г. Прохладном [29]. Мачарский сосуд больше схож с трехручными сосудами Долинского поселения. Но на нашем сосуде перегиб от раздутого тулова к горлу выражен более круто, почти так же, как на биконических сосудах из Квацхелеби.

Мачарский трехручный сосуд не орнаментирован. Однако, судя по многим фрагментам, посуда 3-го слоя имела довольно богатую орнаментацию.

---

[20] Л. Н. Соловьев. Энеолитические селище у Очамчирского порта в Абхазии, стр. 43, табл. X, рис. 2.

[21] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии. Колхиды II, стр. 125.

[22] Е. Д. Филицин. Западно-Кавказские дольмены. МАК, IX, М., 1904, стр. 61, рис. 37.

[23] А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси, I, стр. 30, табл. IV, XXIV (на груз. яз.).

[24] Д. Л. Коридзе. Археологические памятники, Тбилиси, стр. 11, табл. I, рис. 1 (на груз. яз.).

[25] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Цалкинском районе в 1947 г. Тбилиси, 1948, стр. 37, табл. XXXIX.

[26] О. М. Джапаридзе. Ранняя ступень металлургии бронзы в Грузии. Тбилиси, 1955, стр. 20, табл. 5, *6* (на груз. яз.).

[27] В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, стр. 129, табл. II, *4*.

[28] А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика, стр. 186, табл. V, *1*.

[29] В. М. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 46, рис. 13, 26.

Рис. 5. Мачарское поселение. Типы орнамента на керамике из слоя 3

Украшались главным образом лощенные сосуды геометрическим, резным или гребенчатым орнаментом, часто приемы сочетались. Орнаментальные мотивы были разнообразны. Здесь мы встречаем горизонтальные и вертикальные полосы, насечки, зигзаги, различные комбинации «елочного» и «колосковидного» орнамента, штампы из треугольников и ромбов, канелюры, шевроны и т. д. (рис. 5, *1—18*).

Разнообразие композиций и использование уже развитых приемов свидетельствуют о длительном опыте гончарного производства, хотя сосуды все еще лепились без применения круга. Орнаментальным узором мачарской посуды можно привести множество аналогий, но более важно указать на сходство этих мотивов и приемов их нанесения с материалами из колхидских «жилых холмов» (Диха Гудзубе и нижние горизонты «Наохваму» [30]).

Еще большее значение имеют аналогии орнаментам на мачарской посуде орнаментации очамчирской посуды. Здесь число совпадений увеличивается [31]. Вообще инвентарь 3-го слоя Мачарского поселения близок Очамчирскому. Сходство проявляется в каменном инвентаре, технике выделки и в формах сосудов. Выше мы указывали на сходство очамчирского керамического материала с керамикой из нижнего 4-го слоя Мачары. Керамика 3-го и 4-го слоев на этом поселении резко отличается друг от друга. В Очамчирском же поселении характерные черты мачарских слоев сочетаются. Оно является как бы связующим звеном в цепи последовательного развития местной керамики. Хронологический разрыв между нижними слоями в Мачарском поселении подтверждается и наличием стерильной прослойки между ними. Таким образом, если 4-й слой Мачары старше Очамчирского поселения, то, наоборот, 3-й слой моложе его. Это хорошо прослеживается в приемах нанесения орнамента. Если очамчирские сосуды украшались главным образом резным орнаментом с помощью заостренной палочки и в редких случаях лопаточки, то на мачарской посуде видны уже следы гребенчатого штампа, хотя резной орнамент преобладает. Более поздний возраст мачарского 3-го слоя по сравнению с Очамчирским посе-

[30] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды II, табл. 56, 57, 60, 62, 63, 67, рис. 48, 49, 60, 63, 68.

[31] Л. Н. Соловьев Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии, стр. 44.

лением очевиден. Однако близость всего Мачарского археологического комплекса (из слоя 3) к Очамчирам говорит, что между ними очень большого хронологического разрыва все же нет. Вероятнее всего, 3-й слой Мачарского поселения относится к концу эпохи ранней бронзы — к первым векам II тысячелетия до н. э.

* * *

Каменные орудия, найденные во 2-м слое, сделанные из сланцевых валунов и гальки, объединяются в следующие категории: зернотерки, резаки, грузила, долота, мотыжки «сочи-адлерского» типа, мотыжки «сухумского типа», различные обломки валунов со следами стертостей на одной из плоскостей, стамески, рубанки, проколки, наконечник с черешком, песты, грубые рубящие орудия, скребла, ножи, наковальни, гранитные отбойники, шары (очевидно, камни для пращи).

Обработка каменных орудий остается прежней, насыщенность культурного слоя отличается большим количеством орудий и появлением новых категорий, среди которых наибольший интерес вызывают мотыжки так называемого «сочи-адлерского» типа. Они изготовлены из отщепа от овальной плоской гальки, расколотой вдоль плоскости. На одном конце отщепа выделен черешок для закрепления с рукоятью (рис. 1, *2—3*). Аналогичные орудия в большом количестве встречаются к западу от Гагры до Сочи, поэтому они и получили название «мотыжек сочи-адлерского» типа [32]. В с. Гантиади, в местности Бароновка, краеведом Н. И. Гумилевским собрано огромное количество таких мотыжек [33], найденных вместе с зернотерками, шлифованными тесловидными топорами и кремневыми наконечниками стрел (рис. 4, *22—26*). Каменные мотыжки, подобные нашим, известны из переднеазиатских памятников V—IV тысячелетий до н. э.[34].

Большинство мотыжек «сочи-адлерского» типа найдено в результате поверхностных сборов, и нельзя с уверенностью говорить об их возрасте. Тем более, что характерной особенностью каменной индустрии абхазских памятников от неолита до поздней бронзы является удивительный консерватизм и преемственность в развитии форм.

Исследователи относят мотыжки к неолиту. Возможно, они появились уже в это время. Однако почему-то на исследованных черноморских неолитических памятниках мотыжек описанного типа обнаружено не было. Их нет на Нижне-Шиловской стоянке [35], в Кистрике [36] и Одиши [37]. А. А. Формозов правильно отделяет группу неолитических стоянок с кремневым инвентарем геометрических форм от группы местонахождений с мотыжками, где уже нет геометрических орудий, но автор обе группы отнес к одному периоду, выделив две фазы развития кавказской неолитической культуры. Первую группу он считает ранней, вторую поздней [38]. Нам кажется, это не совсем правильно. Безусловно, стоянки с мотыжками свиде-

[32] Н. В. Хоштария. Об одном бронзовом орудии из Колхиды КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 178; А. А. Формозов. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. КСИИМК, 67, 1957, стр. 138—141; его же. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, 102, 1962, стр. 126, 127; его же. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 60—61; И. К. Недоля. Орудия земледелия эпохи неолита из района Адлера. КСИИМК, 67, стр. 142, 143; Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, стр. 5; Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья стр. 137, 138; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа. КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 27—29.

[33] Материал хранится в музее Гантиадской средней школы.

[34] Гордон Чайлд. Древний Восток в свете новых открытий, стр. 168.

[35] А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 129—147.

[36] А. Л. Лукин. Ук. соч., стр. 247—286.

[37] А. Н. Каландадзе. Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии. Изв. Ин-та языка и истории материальной культуры Грузии ФАН СССР, IV—3, Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).

[38] А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 124—129.

тельствуют о последовательном развитии древней неолитической культуры края, непосредственно продолжая ее, но эта группа памятников бытует, на наш взгляд, уже в энеолитический период. По мнению А. А. Формозова, отнести к энеолиту стоянки с мотыжками не позволяют два факта: 1) отсутствие в энеолитических поселениях черноморского побережья, дольменах и памятниках майкопского типа набора предметов, характерных для местонахождений с мотыжками; 2) отсутствие на этих местонахождениях двусторонне обработанных вкладышей для серпов и керамики с лощеной поверхностью [39].

Из чего же состоит набор орудий на стоянках с мотыжками? Это сами мотыжки, своеобразные диски из галек с грубыми сколами по краю, плоские полированные топоры, песты, терочники, обломки зернотерок, грузила для сетей, аморфные кремневые пластины при отсутствии микролитов и лепная керамика.

Перечисленный набор орудий как раз характерен для энеолитических памятников и даже еще более поздних. Каменные диски, или, как их называет Л. Н. Соловьев, «мотыжки сухумского типа» [40], обнаруженные на гумистинском поселении сотнями [41], залегали в культурном слое поселения вместе с лощеной керамикой, оформленной гребенчатым орнаментом. Полированные топоры найдены на энеолитическом поселении Гуад-иху близ Сухуми [42], и они не являются редкостью для памятников майкопского типа. То же самое и в гораздо большей мере можно сказать и об остальных каменных орудиях.

Нас не должно смущать отсутствие мотыжек в дольменах. Ведь в них не найдено также ни зернотерок, ни пестов, ни каменных грузил, которые являются массовым материалом в бытовых памятниках, синхронных дольменам.

Отсутствие на адлерских стоянках с мотыжками лощеной керамики и двусторонне обработанных вкладышей для серпов не может доказывать их неолитический возраст. Эти стоянки относятся к ранней поре энеолита, а чернолощеная керамика появляется в энеолитической культуре Абхазии и соседних районах на поздних этапах ее развития, может быть даже в эпоху ранней бронзы. Недаром на Очамчирском поселении найдено всего несколько десятков лощеных черепков, в то время как остальные исчисляются тысячами [43]. Кстати, в последнее время Очамчирское поселение Л. Н. Соловьев, основной исследователь этого памятника, стал относить к эпохе ранней бронзы [44].

Двусторонне обработанные кремневые вкладыши для серпов на стоянках массового распространения мотыжек (между городами Гагра — Сочи) действительно пока еще не найдены. Но вместе с аналогичными мотыжками они встречены на стоянке Тетрамица близ г. Кутаиси [45].

На описываемых местонахождениях вкладышей для серпов нет, но зато на гантиадском селище «Бароновка» найдено несколько наконечников стрел (рис. 4, *22—26*), обработанных техникой, типичной для памятников энеолита и ранней бронзы. Вместе с большим количеством мотыжек кремневые наконечники стрел найдены и на стоянке Бочаров Ручей близ г. Сочи [46]. Ни в Нижней Шиловке, ни в Кистрике таких стрел нет.

---

[39] А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 128, 129.

[40] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья, стр. 148.

[41] А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 128.

[42] М. М. Трапш. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг. СА, XXIII, 1955, стр. 213.

[43] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды II, стр. 268.

[44] Л. Н. Соловьев. Нартский эпос и археология. Доклад, зачитанный на заседании Кавказской группы Института археологии АН СССР, 1964.

[45] Н. З. Бердзенишвили. Памятник нового каменного века из Тетрамицы. ВГМГ, 29, Тбилиси, 1951 (на груз. яз.), табл. VII.

[46] А. А. Формозов. О датировке неолитических стоянок, стр. 141.

В пользу датировки эпохой энеолита стоянок, где в комплексе орудий имеются мотыжки, говорят два наиболее важных факта: 1) отсутствие на стоянках двусторонне обработанных микролитических орудий геометрических форм, специфических для неолита Северо-Западного Кавказа и встречаемых даже в ранних памятниках майкопской культуры; 2) отсутствие на стоянках обсидиана.

Появление более совершенных металлических орудий сделало нецелесообразным производство и использование дорогостоящих для Западного Кавказа обсидиановых орудий [47]. Вывод этот не нов. Так же, например, объясняет А. А. Формозов прекращение импорта обсидиановых орудий на северо-западе Кавказа [48].

Все это свидетельствует о том, что наибольшее применение мотыжек «сочи-адлерского» типа приходится на раннеэнеолитический период. Однако употребление подобных орудий не прекращается вплоть до поздней бронзы. Поэтому Н. В. Хоштария, на наш взгляд, вполне правомерно сравнивает каменные мотыжки с бронзовыми орудиями (сечками) аналогичных форм, часто встречаемых на памятниках Колхиды [49], (рис. 4, *19*).

Вернемся к описанию остальных материалов, найденных в слое 2 Мачарского поселения.

Кремневые отщепы, найденные в слое, в большинстве были аморфными. В редких случаях лезвия орудий подправлялись ретушью. Типологически в коллекции выделяются следующие серии: скребки на удлиненной пластине и скребки подтреугольных форм; резцы, образованные занозистым сколом; сегментовидные орудия без подправки.

Посуда, найденная во 2-м слое, делится на две группы. Первая представлена небольшим количеством фрагментов от глиняных сосудов с черной, серой и буровато-красной поверхностью. Эта группа полностью схожа с основной массой черепков из 3-го слоя. Поэтому описание ее опускаем.

Вторую, превалирующую группу составляют мелкие, окатанные обломки сосудов серого, пепельного и ярко-красного цветов. Тесто содержит небольшое количество песка и шамота. Сосуды, видимо, имели сильный обжиг, некоторые фрагменты даже ошлакованы, они легкие и пористые от выпадания более твердых частиц и выгорания органических примесей в глине. Сосуды были плоскодонны (рис. 2, *1*) и иногда имели уплощенно-овальные в сечении ручки (рис. 4, *4—6*). В редких случаях сосуды украшались орнаментом в виде горизонтальных лент и косых насечек «колоском» (рис. 4, *2, 3*).

Во 2-м слое найдено несколько фрагментов от сосудов с отпечатками грубой ткани (рис. 4, *10*), два керамических обломка от цилиндрических столбиков (рис. 4, *15*) и фрагменты четырехгранных керамических брусков (рис. 4, *16—17*). Сосуды с отпечатками ткани и цилиндрические столбики обнаружены уже в нескольких пунктах Абхазии; они считаются принадлежностями солеварного промысла [50]. Назначение четырехгранных брусков не установлено.

Наблюдениями над стратиграфией Мачарского поселения установлено, что 2-й слой непосредственно контактировался с 3-м слоем, который мы датировали концом эпохи ранней бронзы; отсюда вытекает и датировка 2-го слоя, который стал, очевидно, откладываться в эпоху средней бронзы. Это подтверждается характером текстильной керамики и цилиндрических столбиков из 2-го слоя. Л. Н. Соловьев, специально изучавший эволюцию развития солеварного промысла в Абхазии, считает Мачарский солевар-

---

[47] Известно, что на территории Западного Кавказа в природе этой вулканической породы нет.

[48] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 112.

[49] Н. В. Хоштария. Об одном бронзовом орудии из Колхиды, стр. 178.

[50] Л. Н. Соловьев. Селища с текстильной керамикой, стр. 265—286; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды II, стр. 274—297.

ный инвентарь одним из древнейших[51]. Однако его датировка селища (имеется в виду 2-й слой, в котором часто встречаются текстильная керамика) X — IX вв. до н. э.[52] нам кажется несколько заниженной. На раскопанной площади во 2-м слое не было найдено ни одного черепка, характерного для позднебронзовой культуры Абхазии. Кроме того, в последнее время (после находок текстильной керамики в Кистрике[53]) зарождение солеварного промысла в Абхазии Л. Н. Соловьев стал относить к концу энеолита или ранней бронзе[54].

В заключение следует признать, что раскопки Мачарского поселения, с напластованиями трех хронологических периодов, дают дополнительные сведения о древнейшей культуре Абхазии. Культура эта[55] локальная и довольно заметно отличается от синхронных ей культур Северного и Южного Кавказа. Ее специфика проявляется во многих чертах хозяйственного уклада и духовного развития, главные из которых: 1) религиозные представления, обусловившие строительство дольменов, вторичные захоронения в пещерах[56], а на побережье — захоронения в кувшинах[57]; 2) массовое использование в хозяйстве архаичных по форме каменных орудий. Нигде на Кавказе в эпоху бытования металлических предметов каменные орудия не использовались в таком количестве, как на Черноморском побережье Западного Кавказа. Да и сами орудия имеют специфичные формы (мотыжки, грузила и т. д.).

Широкое употребление каменных орудий вплоть до эпохи поздней бронзы отнюдь не свидетельствует о культурной отсталости края по отношению к другим областям. Использование на первый взгляд архаичных каменных орудий объясняется уровнем развивавшихся производительных сил, характером ведущих отраслей хозяйства, требовавших более крупных разнообразных и массовых орудий производства. Следует указать, что большинство найденных орудий не носит следов длительного использования. Они предназначались для разового употребления, поэтому и не обрабатывались тщательно.

Итак, три нижних слоя Мачарского поселения отразили культуру края от энеолита до эпохи средней бронзы включительно.

Однако последовательность развития здесь прерывается, о чем свидетельствует наличие стерильных прослоек. Характеристику связанных с ними хронологических отрезков можно представить на основании материалов из других обследованных, но еще не опубликованных памятников. Однако это не входит в задачу данной статьи.

---

[51] Л. Н. Соловьев. Селища с текстильной керамикой..., стр. 272.

[52] Там же, стр. 279.

[53] Л. Н. Соловьев. Отчет об археологических раскопках на поселении Кистрик в 1963—64 гг. Архив Абхазск. ИЯЛИ.

[54] Л. Н. Соловьев. Нартский эпос и археология.

[55] «Южнодольменная» или «Очамчирская»— как ее называет в разных местах Л. Н. Соловьев. См. Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского причерноморья..., стр. 151; его же. Нартский эпос и археология.

[56] Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. Тр. Абхазск. ИЯЛИ, XXXI, Сухуми, 1960, стр. 69—100.

[57] В. В. Бжания. Могильник в Н. Гаграх. Тезисы докладов научной сессии Абхазского государственного музея. Сухуми, 1964.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ИНГУЛЬСКИЙ КЛАД

Большой клад бронзовых вещей, обнаруженный в 1962 г. в бассейне р. Ингула, является для Северного Причерноморья уникальной находкой. Он содержит более 130 предметов и относится к эпохе поздней бронзы. Находка представляет существенный интерес для характеристики культуры, которую В. А. Городцов назвал киммерийской, по имени древнейшего народа, оставившего заметный след в историческом развитии племен юга СССР [1]. Клад был получен во время разведочных работ экспедиции ИА АН СССР [2]. История обнаружения его такова. Колхозник из с. Антоновка Николаевской обл., расположенного на притоке Ингула р. Громоклее, С. И. Городнюк случайно наткнулся на вымытые водой бронзовые вещи. Они были сосредоточены в двух местах на расстоянии 2,5 *м* друг от друга, на восточном склоне балки, выходящей в долину речки, а клад был зарыт примерно в 200 *м* от ее русла (рис. 1, *1*). Осторожно выкопав вещи, колхозник принес их к себе домой, где они и сохранялись в течение полумесяца до приезда экспедиции ИА АН СССР. С. И. Городнюк показал место обнаружения клада, где мы произвели зачистку склона на протяжении 6 *м*. На плитчатых известняках, из которых сложены склоны балки, под тонким слоем почвы, были обнаружены остатки клада — три серпа и слитки металла (рис. 1, *2—3*). На втором, южнее расположенном месте, где, по словам колхозника, была найдена часть клада, вещей больше не оказалось. Выяснить, какие именно вещи были зарыты тут и там, нам не удалось. Однако очевидно, что вещи составляют одновременный комплекс, распределенный на две части и закопанный в двух соседних ямках с целью понадежнее его сохранить. Никаких следов поселения эпохи бронзы поблизости от балки мы не нашли. На северной окраине села, на огородах, были собраны отдельные обломки разновременной посуды [3].

Ингульский клад принадлежал древнему купцу-литейщику, предметы характерны (по О. А. Кривцовой-Граковой) для сабатиновского этапа эпохи поздней бронзы [4].

Основную часть находок составляли отлитые и необработанные серпы и слитки металла, которые в настоящей предварительной публикации характеризуются суммарно, по группам. Прочие вещи описываются раздельно, начиная с кельтов, составляющих следующую по численности группу.

---

[1] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Тр. СА РАНИОН, II, М., 1928, стр. 46—50.

[2] Среднеднепровской экспедицией ИА АН СССР руководил автор настоящей статьи. В разведках принимали участие сотрудники Одесского Археологического музея В. И. Кузьменко и А. А. Кравченко.

[3] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, 82, 1960, стр. 68.

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 136.

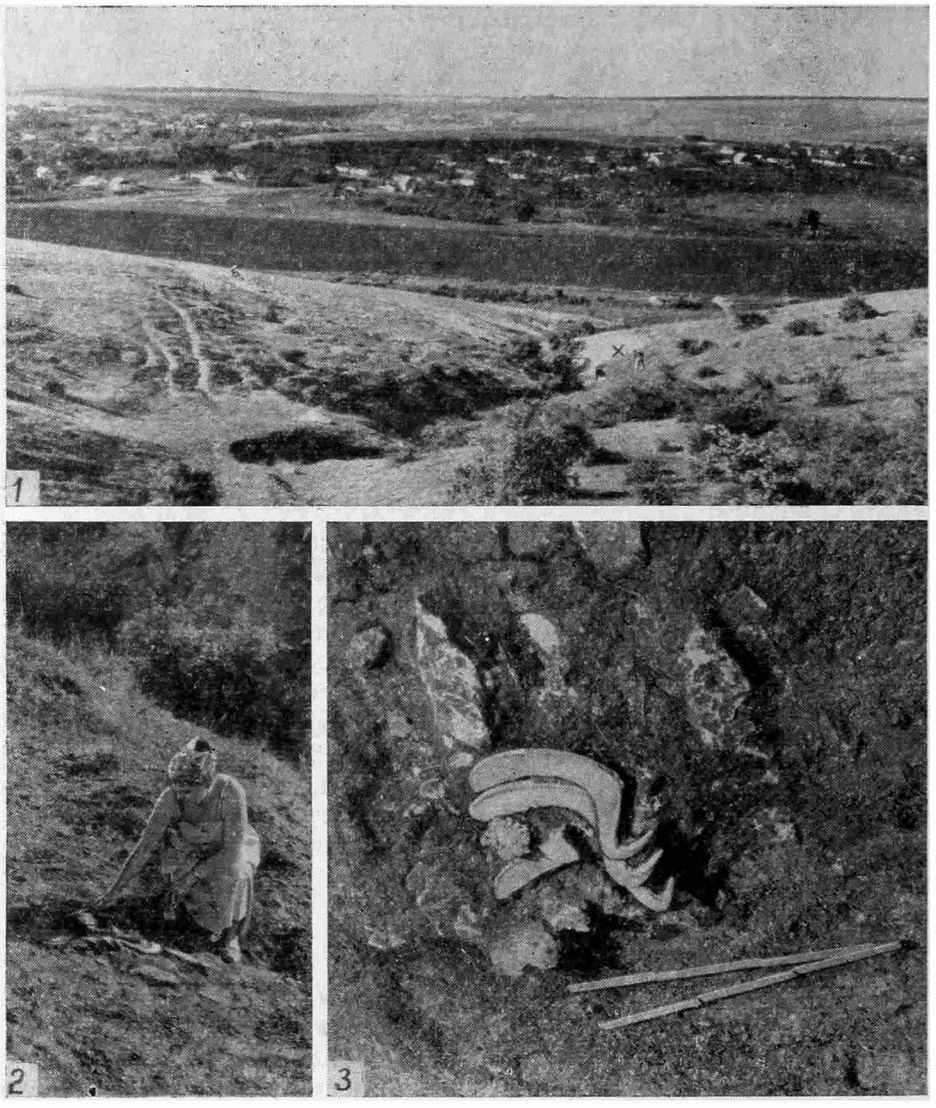


Рис. 1. Исследования на месте находки клада эпохи поздней бронзы

1 — место находки клада (х) возле с. Антоновки; *2* — расчистка остатков клада; *3* — расчищенные серпы и слитки

Всего их было найдено 13 штук, из них девять одноушковые, остальные без ушков, малых размеров.

1. Одноушковый кельт удлиненных пропорций с ободком у края и чуть расширяющимся, слегка закругленным лезвием. Клин гранчатый. Плоскость, начинающаяся от лезвия, сужается кверху, заканчиваясь почти в одной точке у ободка. Один угол лезвия обломан (рис. 2, *12*).

2. Одноушковый кельт удлиненных пропорций с ободком у края и чуть расширяющимся, закругленным лезвием. Клин гранчатый. Плоскость, начинающаяся от лезвия на середине высоты тулова, резко сужается и, продолжаясь в виде узкой полосы, упирается в ободок (рис. 2, *11*).

3. Одноушковый кельт удлиненных пропорций с ободком у края. Клин гранчатый, постепенно расширяющийся к лезвию. Плоскость, начинающаяся от лезвия, вверх постепенно сужается, образуя арку у самого ободка. Уголки лезвия обломаны (рис. 2, *18*).

4. Одноушковый кельт удлиненных пропорций с ободком у края, почти не расширяющийся к прямому лезвию. Клин гранчатый. Плоскость, на-

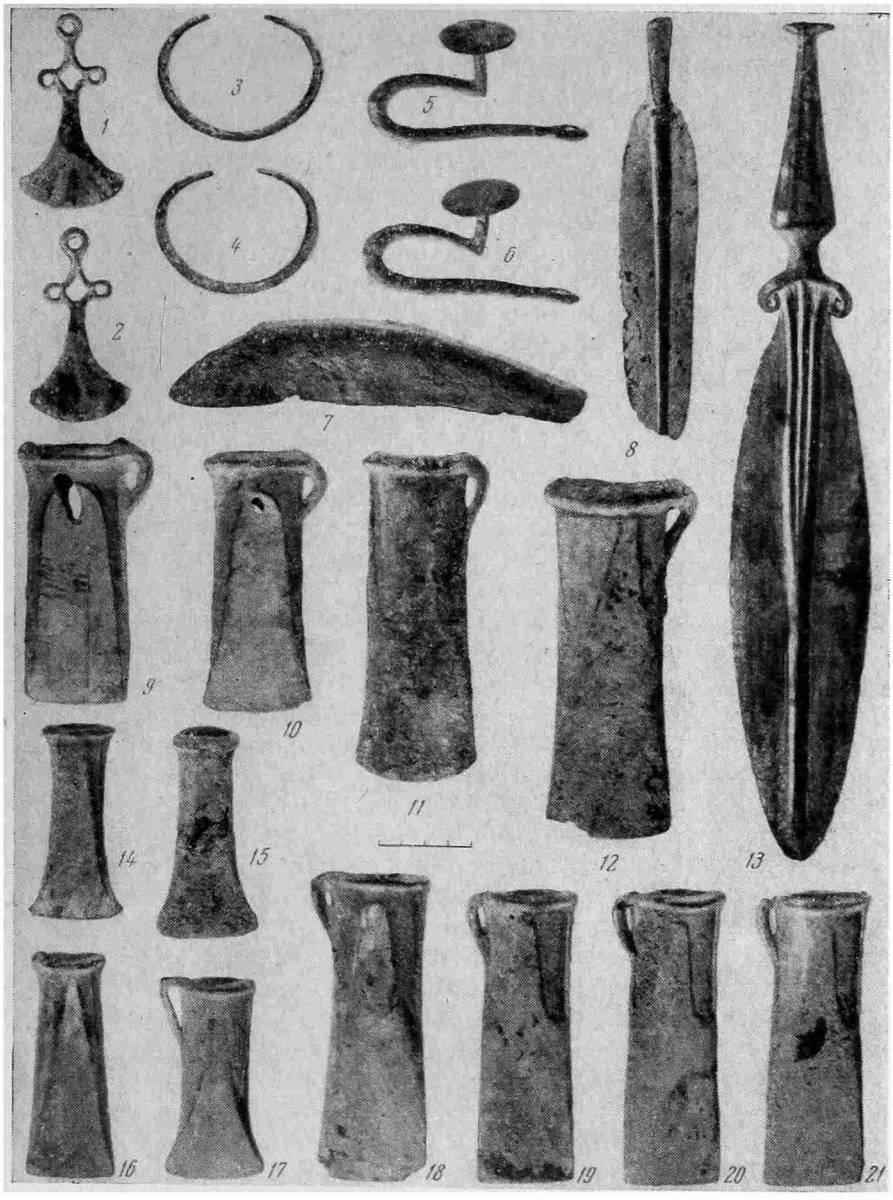


Рис. 2. Бронзовые вещи из Ингульского клада (*1—21*)

чинающаяся от лезвия, в верхней части клина сужается, образуя арку у самого ободка (рис. 2, *20*).

5. Одноушковый кельт удлиненных пропорций, подобный предыдущему (рис. 2, *19*).

6. Одноушковый кельт удлиненных пропорций, подобный предыдущему (рис. 2, *21*).

7. Одноушковый кельт среднего размера, с ободком у края и чуть расширяющимся закругленным лезвием. Клин гранчатый. Плоскость, начинающаяся от лезвия, постепенно сужаясь кверху, образует у ободка арку. Возле изгиба на плоскости с двух сторон клина неровные сквозные отверстия. Уголок лезвия со стороны ушка обломан (рис. 2, *10*).

8. Одноушковый кельт среднего размера с ободком у края и чуть сужающийся у лезвия. Клин гранчатый. Плоскость, начинающаяся от лезвия, сужаясь кверху, образует у ободка арку. На изгибе дуги с двух сторон клина большие неровные отверстия (рис. 2, *9*).

9. Одноушковый кельт небольшого размера с ободком у края и расширяющийся у округло изогнутого лезвия. Клин гранчатый. Плоскость, на-

чинающаяся от лезвия, сужается и упирается в ободок. Боковые грани с обеих сторон орнаментированы вписанными треугольниками из параллельных выпуклых линий (рис. 2, *17*).

10. Кельт удлиненных пропорций, небольшого размера, с ободком у края, расширяющийся у округло изогнутого лезвия. Клин гранчатый. Плоскость, начинающаяся у лезвия, сужаясь кверху, упирается в ободок. Боковые грани по обе стороны плоскости разделены на обеих сторонах пополам продольными ребрами (рис. 2, *14*).

11. Кельт удлиненных пропорций, небольшого размера, с ободком у края. Гранчатый клин расширяется к почти прямому лезвию. Боковые грани по обе стороны плоскости разделяют выпуклые ребра (рис. 2, *16*).

12. Кельт удлиненных пропорций небольшого размера, с ободком у края. Гранчатый клин расширяется почти у прямого лезвия. Плоскость, начинающаяся у лезвия, сужается кверху и упирается в ободок. С одной стороны от этой грани, возле самого ободка, имеется сквозное отверстие овальной формы. Длина 10,9, ширина 4,3 *см*.

13. Кельт удлиненных пропорций небольшого размера, с ободком у края, расширяющийся внизу, почти у прямого лезвия. Грани слабо заметны (рис. 2, *15*).

14. Косарь или серп «сосново-мазинского типа» с горбатой спинкой и почти прямым лезвием. С одной стороны вдоль спинки проходит ребро. Другая сторона плоская. Лезвие имеет два повреждения (рис. 2, *7*).

15. Предмет, назначение которого неясно. Он состоит из круглой шляпки и отходящего от нее изогнутого гранчатого массивного стержня, на закругленном и слегка расширяющемся конце которого имеется сквозное отверстие овальной формы (рис. 2, *5*).

16. Предмет, подобный предыдущему (рис. 2, *6*).

17. Кинжал киммерийского типа со слегка расширяющимся заостренным черенком и удлиненно-листовидным клинком. От черенка, посередине клинка, с обеих его сторон проходят два прямых округлых массивных ребра. От черенка ребро отделяет выступ в виде хомутика. С одной стороны лезвие имеет зазубрины, конец острия обломан (рис. 2, *8*).

18. Меч-кинжал «сосново-мазинского типа». Рукоятка гранчатая с круглой шляпкой, расширяющаяся к перекрестью, с перехватом внизу. Перекрестье в виде дуги, с концами, обращенными вниз и завернутыми в спирали. Клинок листовидный. От перекрестья с обеих сторон по нему идут три ребра, сливающихся в одно на середине длины клинка. Ребро доходит до самого острия. На лезвиях имеются небольшие зазубринки (рис. 2, *13*).

19. Браслет несомкнутый, с сужающимися концами. В сечении треугольный с закругленной наружной гранью (рис. 2, *3*).

20. Браслет, подобный предыдущему (рис. 2, *4*).

21. Подвеска (может быть, использовавшаяся в качестве бритвы). Верхняя часть крестообразная, ажурная, с тремя круглыми отверстиями на концах и ромбическим отверстием в середине. Нижняя часть в виде треугольника, расширяющегося внизу у полукруглого тонкого и острого лезвия (рис. 2, *1*).

22. Подвеска, подобная предыдущей, с обломанным одним из уголков лезвия (рис. 2, *2*).

Для удобства описания и рассмотрения серпов клада мы распределили их на следующие три группы: полукруглоизогнутые, слабоизогнутые и крючковатые.

Полукругло изогнутые серпы — самая многочисленная группа, условно может быть подразделена на серпы со слабо выраженной рукояткой (рис. 3, *1—2*) и с более определенной ручкой (рис. 3, *3—4*).

Первый вариант включает 23 экземпляра целых и испорченных серпов (литейный брак). Все они имеют вид изогнутой полоски с закругленным или слегка заостренным концом. Спинка с одной стороны имеет ребро, другая сторона плоская. На месте ручки при отливке серпа сделаны отвер-

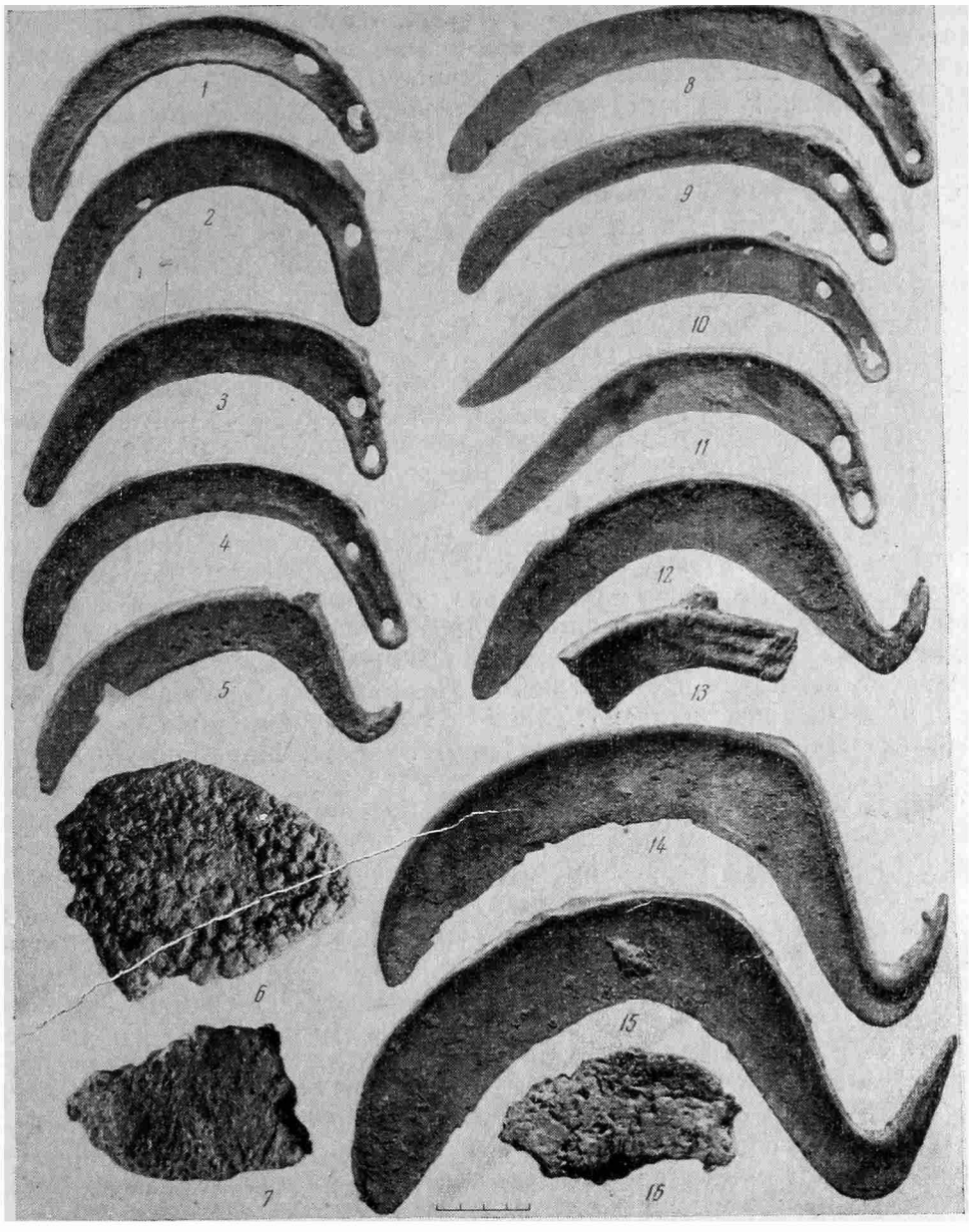


Рис. 3. Бронзовые серпы (*1—5*, *8—15*) и слитки металла (*6—7*, *16*) из Ингульского клада

стия — одно или два и, как исключение, даже три. Размеры этих серпов в длину (по прямой от конца до конца) от 13,5 до 15 *см*, при ширине от 2,2 до 2,8 *см*. Некоторые серпы этой разновидности были отлиты в одной форме и не подвергались после отливки какой-либо обработке.

Второй вариант полукругло изогнутых серпов включает 19 штук. От предыдущего отличается более четко выделенной ручкой, которая отделена от клинка угловатым изгибом и нередко укреплена и украшена. Для этой цели на ней помимо боковых граней делались дополнительные ребра. Они соединяют отверстия, предназначенные, видимо, для прикрепления деревянной ручки, и проходят по ее середине (три случая, см. рис. 3, *4*). Иногда же просто продолжено ребро внутреннего края ручки. Пересекая клинок, такое ребро упирается в грань спинки серпа (один случай). Ручки всех серпов второго варианта имеют по два отверстия, и, как исключение, на одном экземпляре их три. Не все серпы удались при отливке, и на них

имеются повреждения конца острия, лезвия и рукоятки. Длина серпов этого варианта от 15 до 18,5 *см*, при ширине от 2,2 до 3,3 *см*. Эти орудия труда, так же как и серпы предыдущего варианта, в большинстве своем не были подвергнуты после отливки какой-либо дополнительной обработке.

Вторая группа — слабо изогнутые серпы, подразделена нами условно тоже на два варианта. В первом варианте одни из них имеют клинок, изогнутый в виде некрутой ровной дуги (рис. 3, *8—9*). Другие отличаются легким изгибом конца клинка (рис. 3, *10—11*). К первому варианту относятся восемь целых и поломанных экземпляров (у некоторых конец клинка отломан в древности, почему у нас нет полной уверенности в их принадлежности к первому варианту).

У серпов первого варианта ручка обычно выделена угловатым изгибом. Спинку серпов заканчивает ребро, оборотная сторона плоская. Ручки с двумя отверстиями, по краям ребра. Есть экземпляры, где отверстия соединены дополнительным ребром; два серпа имели продолжение ребра внутреннего края ручки, которое, пересекая клинок, упиралось в грань спинки серпа (рис. 3, *8*). Исключительный случай представляет обломок серпа, причисленный к этому варианту благодаря известным по литературе целым экземплярам подобного рода. В Ингульском кладе находился обломок ручки и части лезвия такого серпа, разбитого на куски. В отличие от остальных, рукоять этого серпа была прямоугольной и не имела отверстий. Ее украшают три параллельных продольных ребра, нижнее из которых продолжается, пересекая клинок (рис. 3, *13*). Размеры серпов этого варианта (судя по целым экземплярам): длина от 19 до 21 *см*, ширина от 2 до 2,7 *см* (если исключить описанный последним обломок, ширина которого равна 3,5 *см*).

Второй вариант слабо изогнутых серпов также объединяет восемь экземпляров. Эти серпы имеют лезвие, более широкое посередине и сужающееся к изогнутому S-образному острию. Спинка их тоже с ребром, а оборотная сторона плоская. Короткая ручка отделена от лезвия угловатым изгибом и всегда имеет два отверстия. Иногда она имеет ребро посередине, или же нижнее ее ребро продолжается и пересекает клинок, упираясь в грань спинки, как было отмечено в одном случае. Размеры: длина от 16,5 до 22 *см*, ширина от 2,3 до 3,2 *см*.

Третья группа — крючковатые серпы. По форме все они очень близки и отличаются в основном только размерами (рис. 3, *5, 12, 14, 15*). Такие серпы имеют коленчатое лезвие, конец клинка закруглен или заострен. Вдоль спинки проходит ребро, другая сторона серпа плоская. Рукоятка серпов — в виде гранчатого крюка, на конце слегка заостренного.

Размеры крупных серпов (13 экз.): длина от 20 до 26 *см*, ширина лезвия от 3 до 5 *см*. Размеры меньших серпов (13 экз.); длина от 16,5 до 19 *см*, ширина лезвия от 2,8 до 3,5 *см*. Некоторые серпы не были обработаны после отливки и имеют изъяны. Один серп уцелел в обломках, есть экземпляры, не полностью сохранившиеся, например с обломанной рукоятью. Три больших серпа этого типа были найдены во время наших раскопок на месте клада (рис. 1, *2, 3*).

В Ингульском кладе было 20 слитков бронзы [5]. Большинство из них бесформенные, но несколько слитков имеют форму сектора или сегмента. Одна сторона обычно плоская. Насколько можно определить по фрагментам, диаметр целых круглых, не расколотых слитков колебался от 10 до 19—20 *см* (рис. 3, *6—7, 16*). Вес самого маленького слитка 39 *г*, самого тяжелого — 1664 *г*. Общий их вес 10 705 *г*. Определенных следов ударов на слитках, для раскола их на части, не заметно.

Завершив на этом описание находок Ингульского клада, перейдем к рассмотрению и подбору аналогий вещам в той же последовательности,

---

[5] Анализы металла произведены сотрудником Лаборатории ИА АН СССР Е. Н. Черных. См. его статью в этом номере журнала.

в какой они были перечислены выше. Группа кельтов в составе клада представлена в основном одноушковыми кельтами более или менее удлиненных пропорций и маленькими безухими кельтами, имеющими длину от 9 до 10,9 *см*.

Прежде всего, подыскивая аналогии, естественно следует обратиться к причерноморско-приднепровскому кругу памятников. В. А. Городцов отмечает, что в Причерноморье кельты относятся к расцвету киммерийской культуры. С появлением скифских племен в VII в. до н. э. они исчезают [6]. Те кельты с двумя ушками, которые В. А. Городцов относит к местному типу, в Ингульском кладе отсутствуют. Зато другая группа публикуемых им одноушковых кельтов, найденных на Украине, как, например, в кладе из с. Райгородок на Харьковщине, дает формы, вполне аналогичные описываемому нами кладу [7]. Интересно, что А. М. Тальгрен в сводной работе, посвященной бронзовому веку предскифского периода в Причерноморье, помещает одноушковые гранчатые кельты в группу локальных для Украины форм [8]. Особенно много общего с кельтами прослеживается в Коблевском (Тилигульском) кладе и кладе у с. Маячки на Днепропетровщине. Там имеются одноушковые гранчатые кельты с почти прямым клинком, близкие по пропорциям и оформлению граней находкам из Ингульского клада [9]. В своей работе О. А. Кривцова-Гракова приводит узкий и длинный бронзовый кельт с Алексеевского поселения, но степень сохранности вещи не позволяет уяснить, насколько она близка ингульским находкам [10]. А. И. Тереножкин одноушковые шестигранные кельты считает происходящими «от старших трансильванских кельтов». Так, находку одноушкового кельта из Оситняжки на Черкасщине, близкую кельтам, изображенным на рис. 2, *11—12*, но меньших размеров, исследователь трактует «как местное подражание кельтам семиградского типа» [11]. Особенно широко распространены в днепровском Правобережье стройные одноушковые шестигранные кельты с боковой плоскостью в виде дуговидной арки, каковая имеется на многих экземплярах Ингульского клада (рис. 2, *9—10*, *18—21*).

В западных областях Украины и в Молдавии также имеются находки аналогичных кельтов. Приведенные А. И. Мелюковой находки из селений Исаков и Грушки в Среднем Поднестровье вполне могут быть сопоставлены с публикуемыми нами одноушковыми гранчатыми кельтами [12]. Подобные же кельты имеются в хранилищах Государственного Эрмитажа среди вещей из клада бронз венгерских типов, по-видимому, происходящего из западноукраинских областей [13]. Об этом же говорит приведенная В. Д. Рыбаловой находка одноушкового, фасетированного — по ее терминологии — кельта из с. Селец Бельский на Львовщине [14].

Обращаясь к территориям юго-восточной Европы, мы прежде всего должны отметить небольшое число аналогий нашим кельтам в Польше и в северном Прикарпатье, известным по сводным работам В. Шафранского и С. Фолтини. Например, в последний, пятый период бронзы $^3/_4$ всех ве-

---

[6] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 54.

[7] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 55—56, рис. 9, 10, 12.

[8] A. M. Tallgren. La Pontide préscythique aprés l'introduction des métaux. ESA, II, Helsinki, 1926, стр. 181, рис. 105, *10*, *15*, стр. 216.

[9] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 137, рис. 21—24, 32.

[10] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, М., 1948, стр. 86, рис. 20, *2*; стр. 108, 162.

[11] А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 122—124.

[12] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1958, стр. 26, рис. 5, *1*, *4*.

[13] Экспозиция (1962 г.) Отдела истории первобытной культуры Эрмитажа.

[14] В. Д. Рыбалова. О связях правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа. Сб. «Исследования по археологии СССР» в честь М. И. Артамонова, Л., 1961, стр. 91, рис. 10, *3*.

щей в Польшу поступало с севера [15]. В Прикарпатье связи с Семиградьем тоже более ощутимы на ранних ступенях [16]. Характерно, что на таблицах бронзовых изделий из районов Закарпатья, собранных и опубликованных К. В. Берняковичем, мы почти не находим кельтов, аналогичных Ингульскому кладу [17]. Это наблюдение, однако, не обозначает диаметрально противоположного пути развития бронзовой металлургии этого района, так как в ряде случаев представляется возможным и здесь сделать определенные сопоставления [18].

Клады Румынии и Венгрии дают наибольшее число кельтов, аналогичных описываемым нами. В одном из самых больших кладов Румынии, содержащем около 530 предметов (общим весом до 1200 *кг*) из Спалнацы, имеются некоторые изделия, напоминающие ингульскую находку [19]. Недавно опубликованный М. Петреску-Дымбовица клад из Рышешти имеет в своем составе одноушковые гранчатые кельты с широкими плоскостями, оформленными в виде дуговидной арки, вполне аналогичные воспроизведенным нами на рис. 2, *9—10* [20]. В сводках М. Рошка и Ф. Хольста мы видим особенно много находок, аналогичных нашим, происходящим из областей юго-восточной Европы. Мы ограничимся только ссылками на некоторые места находок, так как перечень их занял бы слишком много места [21]. На карте, составленной М. Рошка, видна густая насыщенность изучаемого им района [22] находками подобного рода.

Другие находки Ингульского клада, за исключением серпов, пожалуй, могут быть сведены к более узкому кругу аналогий. Так, в археологической литературе достаточно определенно утверждается восточное происхождение косарей или серпов «типа сосново-мазинских», аналогичных косарю ингульского клада (рис. 2, *7*). О. А. Кривцова-Гракова, вслед за В. В. Гольмстен, считает это орудие связанным с сельским хозяйством и предназначенным для расчистки под посев «площади от мелкого кустарника и бурьяна». Подобного рода орудия известны в Южном Приуралье, откуда они, по-видимому, проникли в Поволжье и, вероятно, Причерноморье [23]. Близкие находки известны также еще западнее [24].

Парным предметам в виде стержней со шляпками аналогий нам найти не удалось, и бытовое их назначение также неясно (рис. 2, *5—6*).

Найденному в кладе кинжалу киммерийского типа по основным особенностям формы имеется много аналогий. Однако повторения всех деталей такого кинжала среди подобных нам найти не удалось. В частности, специфическими являются заостренный расплющенный черенок, сравнительно крутые «плечики» клинка, перекрестье-хомутик, спущенный ниже начала клинка (рис. 2, *8*). Кинжалы, наиболее близкие описываемой на-

[15] W. Szafrański. Skarby brązowe z epoki wspólnosty pierwotnej (IV i V okres epoki brązowej w Wielkopolsce). Biblioteka archeologiczna, 6. Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 289.

[16] S. Foltini. Zur Chronologie der Bronzezeit des Karpatenbeckens. Antiquitas, 1, Bonn, 1955, стр. 112.

[17] K. Beršakovič. Hromadne nálezy z doby bronzovej z územia na pravom brehu Hornej Tisy (Zakarpatská oblast USSR). Študiyné zvesti aúsav, č. 4, Nitra, 1961, стр. 12—15, табл. II—IV.

[18] K. Beršakovič. Ук. соч., стр. 31—33.

[19] H. Dumitrescu. Objet inédits du depôt en bronze de Spălnaca, en Musée National des Antiquités de Bucurest. «Dacia», V—VI, Bucureşti, 1938, стр. 201, рис. 4, *2, 8, 12*.

[20] М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок, «Dacia», IV, Bucureşti, 1960, стр. 155, рис. 10, *1—4*.

[21] M. Róska. Erdely régészeti repertóriuma. I Őskor. Thesaurus antiquitatum transsilvanikarum. I. Praehistorica. Koloszvar, 1942, стр. 21, рис. 12; стр. 110, рис. 133; стр. 176, рис. 209; F. Holste. Hortfunde Südosteuropas. Marburg Lahn, 1951, стр. 24—25, табл. 34, *5—8*; табл. 41, *31*; табл. 42, *8*; табл. 45, *6, 12*; табл. 47, *4*.

[22] M. Rośka. Ук. соч.. карта. XVI.

[23] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 95, рис. 27, *1—3*, стр. 107; ее же. Степное Поволжье..., стр. 61—62, рис. 14, 7.

[24] M. Rośka. Ук. соч., стр. 170, рис. 204.

ходке, отливались в литейных формах Красномаяцкого клада в низовьях Днепра и кладов, найденных у с. Вяземки близ г. Павлограда [25], у с. Ново-Александровки на Херсонщине [26] и, вероятно, с. Деревянного под Киевом [27]. Подобного рода кинжалы использовались на протяжении всего периода поздней бронзы. Они происходят, по мнению О. А. Граковой, от бронзовых ножей срубного времени [28]. Характерно, что в коллекции Заусайлова из Волго-Камского района, опубликованной А. М. Тальгреном, есть прямые аналогии кинжалу, найденному в бассейне Ингула [29]. Зарубежные находки дают другие типы кинжалов.

Замечательному мечу-кинжалу из Ингульского клада абсолютно точной аналогии нет ни на Украине, ни в западных собраниях юго-восточной Европы (рис. 2, *13*). Литейная форма, в которой изготовлялось близкое описываемому мечу оружие, происходит из Красномаяцкого клада. Сходство прослеживается прежде всего в листовидной форме клинка с тремя ребрами вверху, переходящими в одно массивное ребро. Оформление перекрестья и рукоятки кинжала-меча совершенно иные [30]. Перекрестье, с концами в виде спиральных завитков, близкое мечу-кинжалу Ингульского клада, известно нам по случайной находке, сделанной в б. Екатеринославской губернии [31]. Близкое оформление перекрестья имеет кинжал из Сосново-Мазинского клада [32]. Кстати сказать, это оружие имеет и навершье в виде круглой шляпки, хотя в остальном устройство ажурной литой рукоятки отличается от меча-кинжала, найденного в бассейне р. Ингула. Такого рода изделия, пишет О. Л. Кривцова-Гракова, просуществовали недолго и были заменены скифскими мечами [33]. В собраниях западноевропейских мечей, опубликованных С. Фолтини, Ю. Хампелем и др. или находящихся в собрании Британского музея, нет рукоятей, оформленных таким образом, как на кинжале-мече из Ингульского клада [34]. Завершение рукоятки шляпкой, членение ее на горизонтальные зоны, расширение на месте перекрестья и лезвие с ребром — этим исчерпывается сходство большинства западноевропейских находок с описываемой нами. Следует заметить, что находка булавки с плоской шляпкой из Попешти, завершающейся внизу граненым сужающимся острием, позволяет надеяться встретить в этих районах рукоятки холодного оружия, оформленные так же, как и на кинжале-мече из Ингульского клада [35]. Однако пока своеобразное оформление перекрестья уводит нас в круг восточных, поволжских древностей [36]. Как отмечает О. А. Кривцова-Гракова, крайней границей распространения кинжалов сосново-мазинского типа является р. Днестр [37].

---

[25] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 134, рис. 30, *2*, стр. 139, рис. 31, *6*.

[26] А. В. Добровольский. Талькові ливарні матриці бронзової доби з Херсонщини. «Археологія», IV, Київ, 1950, стр. 165, табл. 1, *11*.

[27] A. M. Tallgren. La Pontide préscythique..., стр. 149, рис. 83, *5*.

[28] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 141; ее же. Алексеевское поселение..., стр. 86, рис. 20, *1*, стр. 162.

[29] A. M. Tallgren. Studies of the Pontic Bronze. ESA, XI, Helsinki, 1937, стр. 109, рис. 2.

[30] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 134, рис. 30, *5*.

[31] Там же, стр. 139, рис. 34, *5*.

[32] Там же, стр. 61, рис. 14, 61; Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 149.

[33] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 141.

[34] S. Foltini. Ук. соч., табл. 31—35, 37—44; J. Hampel. Altertümer der Bronzezeit in Ungarn. Budapest, 1887; British Museum. A Guide to the Antiquities of the Bronze Age. London, 1920; V. G. Childe. The Bronze Age. London, 1930.

[35] F. Holste. Ук. соч., табл. 48, *5*.

И. Т. Черняковым обосновано для мечей-кинжалов раздельное изготовление рукояти и лезвия с черенком. Таким образом экземпляры с другим оформлением рукояти в виде штифта в ряде случаев могут быть просто незавершенными изделиями, см. И. Т. Черняков. О так называемом навершии из Красномаяцкого клада. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 19—22.

[36] A. M. Tallgren. Studies..., стр. 109, рис. 3.

[37] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 141.

Литые браслеты Ингульского клада не кажутся на первый взгляд особенно специфической находкой (рис. 2, *3—4*). О. А. Кривцовой-Граковой, А. И. Тереножкиным и А. М. Тальгреном в своих работах приведено огромное количество находок, но среди них подобные браслеты отсутствуют [38]. Сходные вещи имеются в Закарпатье [39]. В кладах юго-восточной Европы такие браслеты являются обычной находкой [40].

Территориально ближайшей аналогией двум предметам Ингульского клада подтреугольной формы с ажурной крестообразной верхней частью (рис. 2, *1—2*) являются две подобные вещи из Солонецкого клада, найденного неподалеку от г. Херсона [41]. Г. И. Смирнова при раскопках в с. Магале Черновицкой обл. нашла верхнюю часть такого же предмета. Обломок имел крестообразную форму, круглые отверстия на трех концах, но без ромбического выреза посередине [42]. Еще западнее, в Улми-Литени, в Румынии в составе клада эпохи бронзы было два целых предмета, подобных описанным выше. От находок Ингульского клада их отличает верхняя ажурная часть, имеющая несколько большие размеры и более определенно треугольные (с закругленными углами) очертания нижней части [43]. Этими случаями исчерпывается число прямых аналогий. В какой-то мере форму описываемых предметов Ингульского клада повторяют нижние части двух групп подвесок из Эрдошентзиорги, по трое помещенных на трех кольцах, соединенных между собою [44]. Между тем, несмотря на указанное сходство с подвесками, нет полной уверенности в том, что подобные предметы использовались только в качестве подвесок. Нижняя закругленная сторона их была в Ингульском кладе тонкой и заостренной, в то время как боковые грани были тупыми. Возникает предположение, не могли ли использоваться такие предметы в качестве бритв. О правомерности высказанного нами предположения говорят некоторые формы однолезвийных бритв, опубликованных О. Монтелиусом. В частности, он приводит рисунки двух бритв: одну с полукруглым лезвием, ажурной верхней частью и отверстием для подвешивания и другую — трапециевидную, с прямым лезвием и тремя крестообразно расположенными круглыми отверстиями сверху. О. Монтелиус указывает, что в средней и северной Европе однолезвийные бритвы принадлежат, как и в Италии, к концу бронзового времени и ко времени древнейшего железного века [45]. С другой стороны, сделанному предположению, как нам кажется, в какой-то мере может противоречить то обстоятельство, что два аналогичных предмета из Солонцов завершают собою сложную цепь из колец и наглухо укреплены на развилке, помещенной на ее конце. Однако и так очевидно, что круглые отверстия в верхней части публикуемых нами предметов предназначались для подвешивания. Но и бритвы, судя по упомянутому труду О. Монтелиуса, тоже носили, подвешивая. Укрепление таких предметов на небольшой цепи не могло помешать использованию их в качестве бритв однолезвийного типа. Стран-

[38] Там же, стр. 67, рис. 15; стр. 139, рис. 34; А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 157—166; A. M. Tallgren. La Pontide..., стр. 204—207.

[39] Я. Пастернак. Коротка археологія західно-українських земель. Львів, 1932, табл. IX, *6*; K. Beňakowič. Ук. соч., табл. IX, *47*; табл. XVII, *5*.

[40] F. Holste. Ук. соч., табл. 34, *15—16*; V. G. Childe. Ук. соч., табл. 46, *34*; H. Dumitrescu. Ук. соч., стр. 215, рис. 11.

[41] О. И. Тереножкин. Поховання епохи бронзы біля с. Солонець. Археологія, XVI, Київ, 1963, стр. 202—207. К сожалению, принадлежность всех вещей солонецкого клада к одному погребению приходится поставить под сомнение из-за отсутствия других аналогичных комплексов и из-за того, что основная масса вещей была добыта случайно, а не получена в результате раскопок.

[42] Г. И. Смирнова. Сведения о работе Западноукраинской экспедиции 1956 г. СГЭ, XIII, Л., 1959, рис. на стр. 68.

[43] M. Florescu. Depozitul de obiecte de bronz de Ulmi-Liteni (r. Hîrban, reg. Jaşi). Archeologia Moldovei, I, Bucureşti, 1961, стр. 118, рис. 3, *1*, *4*; стр. 119, рис. *4*, *9—10*; стр. 125—126.

[44] M. Rośka. Ук. соч., стр. 76, рис. 90.

[45] O. Montelius. Die vorklassische Chronologie Italiens. Stockholm, 1912, стр. 206, рис. 631, 634; стр. 207.

ным представляется другое обстоятельство. В Ингульском, Солонецком и Улми-Литенском кладах подобные предметы всегда спарены. В особенности определенно эта тенденция объединять такие предметы по двое чувствуется по находке в с. Солонцах, где две вещи закреплены на цепочке. От окончательного заключения о назначении этих вещей нас также удерживает сходство этих предметов с топориками-подвесками, которые в эпоху бронзы, по Ж. Дешелетту, служили амулетами [46]. Характерно, что в позднейшие времена развитого железного века подвески треугольной формы с ажурной крестообразной верхней частью продолжают встречаться и свидетельствуют о суеверном отношении к топорам. Это суеверие уходит в глубокую древность [47]. До выяснения причин всех этих обстоятельств и тщательного изучения аналогичных предметов нам пока приходится оставаться лишь в области догадок.

Рассмотрение аналогий для многочисленной группы серпов Ингульского клада, в соответствии с описанием, нами будет произведено по трем разделам: аналогии полукругло-изогнутым серпам (рис. 3, *1—4*), слабо изогнутым (рис. 3, *8—11*) и крючковатым (рис. 3, *5, 12, 14—15*).

Просмотр обобщающих работ О. А. Кривцовой-Граковой, А. И. Тереножкина и А. М. Тальгрена показывает, насколько чужды для Причерноморья и поднепровской Украины серпы полукругло-изогнутой формы [48]. С этого рода находками из Ингульского клада, пожалуй, может быть сопоставлен только серп из «Альбома Петрова», приводимый А. М. Тальгреном [49]. Удаляясь к западным границам СССР, мы встречаем больше сходных вещей [50]. За пределами СССР в областях юго-восточной Европы полукругло-изогнутые серпы, имеющие по-разному оформленные рукоятки, найдены во многих местах. Самое близкое сходство с ингульскими серпами дает находка из с. Рышешти в Румынской Молдове, которую опубликовал М. Петреску-Дымбовица [51]. Близкие по типу серпы продолжают встречаться и далее на запад в областях Венгрии и южной Германии [52].

Примерно к тому же кругу аналогий мы приходим при рассмотрении серий слабо изогнутых серпов. Им, по-видимому, на юге СССР можно найти несколько большее число аналогий, чем серпам предыдущей группы. Все же совпадения или далеко неполные, как, например, с серпами из Коблевского (Тилигульского) клада, имевшими круглые отверстия на конце рукоятки, или же имеются обломки серпов, которые только условно могут быть сопоставлены с изучаемыми находками Ингульского клада [53]. Серпы из Солонецкого клада, в частности с отверстием на конце рукоятки, также напоминают ингульские находки. В западноукраинских областях число серпов аналогичных форм увеличивается. Нам удалось подыскать аналогии слабо изогнутому серпу, представленному в кладе одним фрагментом

---

[46] J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, II. Archeologie celtique on prehistorique. Paris, 1910, стр. 442—443, рис. 184, 185.

[47] В. П. Даркевич. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. СА, 1961, 4, стр. 91—92, рис. 1, *2*.

[48] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 137, рис. 137, рис. 32; стр. 147, 148; А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 142, рис. 94; стр. 143, 144.

[49] A. M. Tallgren. La Pontide..., стр. 188—193, рис. 107, *4*.

[50] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 26, рис. 5, *7*; K. Bernakowič. Ук. соч., стр. 92, табл. 1, 4, 12.

[51] М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало железного века..., стр. 155, рис. 10, *6*, стр. 157; M. Petrescu-Dîmboviţa. Date noi cuprivire la depozitul de bronzuri de la Tăuten (r. Marghita, reg. Crişana). Archeologia Moldovei, I, Bucureşti, 1961, стр. 93, рис. 5, *3*; J. Deshayes. Les outils de bronze de l'indus au Danube (IV on III millénaire). Paris, 1960, II, XLVII, *5*.

[52] S. Foltini. Ук. соч., табл. 66, *2*; L. Lindenschmidt. Die Altertümer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz, 1864, I, вып. XII, табл. 2, *2*, *12*.

[53] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 55, рис. 17; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 137, рис. 32, *2*, *5*; А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 143, рис. 95; A. M. Tallgren. La Pontide..., стр. 147, рис. 80, стр. 161, рис. 95.

рукоятки (рис. 3, *13*) [54]. Та же картина прослеживается и по находкам румынских кладов из Спалнацы и Тэутеу [55]. В других областях юго-восточной Европы встречаются слабо изогнутые серпы как с S-образно, так и с равномерно изогнутым клинком, но не во всех деталях совпадающие с ингульской находкой. Их отличает, прежде всего, оформление угловатой прямо срезанной на конце рукоятки, украшенной рядами параллельных валиков, а иногда еще двойной и тройной валик у тыльной части клинка [56]. Закругленные на конце ручки с двумя отверстиями, обычные для Ингульского клада, в указанных сводных работах С. Фолтини, М. Рошка, Ф. Хольсте отсутствуют.

Последняя группа крючковатых серпов, в различных их вариантах, гораздо шире представлена на наших землях. Этот тип серпов Ж. Дешелетт считает характерным для Южной России, Кавказа, Польши и Венгрии [57]. А. М. Тальгрен крючковатые серпы рассматривал как один из признаков, доказывающих влияние западной, в частности венгерской, культуры бронзового века, инфильтрация которой прослеживается, по его мнению, за Кубанью даже в областях Средней Азии [58]. Следует заметить, что речь идет об определенном типе крючкастых серпов, поскольку в областях распространения срубной культуры Поволжья и в Поднепровье, как Среднем, так и Нижнем, распространены были серпы другого рода, чем те, какие встречены в Ингульском кладе. По описанию О. А. Кривцовой-Граковой, это литые серпы с откованным крюком у рукоятки и с изгибом лезвия возле его закругленного или заостроенного конца. Некоторые серпы имеют откованную рукоять, даже не загнутую крючком [59]. В данном случае речь идет о коленчатых серпах другого рода, крючковатая рукоять которых отлита. В южных находках с территории СССР они, например, есть в числе вещей клада литейщика из с. Авраамовки на Днепропетровщине [60], в случайных находках из бывшей коллекции А. Н. Поля [61], таков, по-видимому, серп из Райгородка на Харьковщине [62] и некоторые целые и поломанные экземпляры Коблевского (Тилигульского) клада [63]. О. А. Кривцова-Гракова, описывая материалы из Авраамовки, писала: «Выделка серпов такого рода совершенно неизвестна на Кавказе и в степях Восточной Европы и вполне обычна для семиградских литейщиков на Дунае» [64]. И. Хампель относит подобные серпы к местному венгерскому типу [65]. Примеров находок крючковатых серпов, подобных серий из Ингульского клада, можно привести много, обратившись к районам Поднестровья и двигаясь далее на запад [66]. На карте, приложенной к работе М. Рошка, видно, как широко распрост-

---

[54] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 26, рис. 5, *9*; K. Berňakowič. Ук. соч., стр. 92, табл. 1, *5*.

[55] H. Dumitrescu. Ук. соч., стр. 209, рис. 7, *1*; M. Petrescu-Dîmboviţa. Ук. соч., стр. 93, рис. 5, *4*.

[56] S. Foltini. Ук. соч., табл. 66, *4*; табл. 67, *9*; M. Rośka. Ук. соч., стр. 106, рис. 15; стр. 254, рис. 314, *1*; F. Holste. Ук. соч., табл. 27, *22—24*; табл. 41, *4—5*; L. Lindenschmidt. Ук. соч., табл. 2, *7*, *14*.

[57] J. Déchelette. Ук. соч., стр. 269.

[58] A. M. Tallgren. La Pontide..., стр. 217.

[59] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 147, 148; А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 142—144, рис. 94; А. В. Добровольський. Бериславський скарб бронзовоі доби. «Археологія», II, Київ, 1948, стр. 155—158, табл. 1, 6, 8; А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 5, 1952, стр. 46, табл. VII, *1—9*.

[60] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 136, рис. 32, *18*.

[61] А. Н. Поль. Каталог коллекции древностей. Киев, 1893, стр. 35—36, табл. V.

[62] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 55, рис. 15.

[63] A. M. Tallgren. La Pontide..., стр. 147, рис. 82, *5*, *12*.

[64] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 149.

[65] J. Hampel. Ук. соч., табл. XV. *4*.

[66] А. И. Мелюкова. Ук. соч., рис. 5, *11*, стр. 28; Г. И. Смирнова. Западноукраинская археологическая экспедиция в 1957 г. СГЭ, XVI, 1959, рис. на стр. 63; H. Dumitrescu. Ук. соч., рис. 8, *1—2*; S. Foltini. Ук. соч., табл. 67, *2*; табл. 74, *2*; табл. 77, *1*, *4*; M. Rośka. Ук. соч., рис. 12; 62, *4*; 133, *2*; 204, *3*; 209, *8—24*; 222, *1—10*; F. Holste. Ук. соч., табл. 26, *6—22*; 27, *1—14*; 42, *36*; 46, *23*.

ранены находки серпов с литой крючковатой ручкой в изучаемых им областях Трансильвании[67]. Сочетание в одно время разнообразных типов серпов для эпохи бронзы и раннего железа — факт неудивительный. Если древнейшие серпы, сделанные из камня, не имели крутого изгиба лезвия, то уже составные вкладышевые неолитические серпы иногда были сильно изогнутыми[68]. До того как была выработана форма серпа с наибольшим коэффициентом полезного действия, они много раз претерпевали изменения[69].

Несколько слов необходимо сказать и о слитках Ингульского клада, являющихся достаточно характерной особенностью кладов литейщиков эпохи поздней бронзы. Так во многом сходны слитки из Бериславского клада с ингульскими. Это прослеживается в том, что по форме слитки нередко являлись как бы сегментом или сектором круга. Там, где удавалось определить их диаметр, он укладывался в пределы установленных А. В. Добровольским диаметров круглых слитков Бериславского клада. Крайние размеры круглых слитков там были 6,5 и 22 *см*[70], а диаметр слитков Ингульского клада колебался от 10 до 19—20 *см*. А. В. Добровольский называет на Украине, кроме Бериславского, еще семь находок кладов, содержащих в своем составе слитки. Однако только в кладе из сел Крымского и Ново-Павловки обнаружены слитки круглой формы. Коблевский (Тилигульский) клад во многом, как мы уже видели, близкий Ингульскому, содержал бесформенные слитки. Североукраинские клады из Корытницы и Печни имели слитки в виде прутиков[71]. В некоторых западноевропейских кладах также имеются слитки круглой формы, в частности в огромном кладе Густерита (Хаммерсдорф), который весил 6—8 *ц*, или в Фелор (Венгрия)[72]. Подобное сходство формы и размеров слитков может явиться дополнительным свидетельством общности технологии металлургического производства на определенных территориях. При этом заметим, что в Венгрии, так же как и на Украине, имеются клады, содержащие бесформенные слитки[73], что уже было отмечено, к примеру, для Коблевского (Тилигульского) клада. Итак, все аналогии вещам из Ингульского клада, с одной стороны, в большинстве случаев ведут в круг западных находок юго-восточной Европы, с другой, в меньшей степени, они тянутся на восток, в области поволжских древностей эпохи поздней бронзы. В то же время, судя по публикациям, пути развития металлургии эпохи поздней бронзы на Кавказе, богатом сырьем и территориально, казалось бы, сравнительно близком, имеют в общем иное направление, если не учитывать так называемые киммерийские элементы на Северном Кавказе[74]. Северные влияния для степей эпохи бронзы практически значения не имели, как было отмечено еще А. М. Тальгреном[75]. Затруднительным является определение абсолютной датировки Ингульского клада. Причина тому — расхождение в определении времени вещей у специалистов. В настоящее время проис-

---

[67] M. Rośka. Ук. соч., карта XVI.

[68] G. Götze. Sichel. RV, XII, Berlin, 1928, стр. 71—73; С. Н. Бибиков. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы. СА, 1962, 3, стр. 3—24; F. Holste, Frühbronzezeitliche Sicheln aus Süddentschland. «Germania», 24, 1940, стр. 6—11, табл. 1.

[69] В. П. Левашева. Сельское хозяйство. Сб. «Очерки по истории русской деревни». Тр. ГИМ, 32, М., 1956, стр. 60—75, см. табл. в конце книги; Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 317, рис. 71; В. Й. Довженок. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961, стр. 29—52.

[70] А. В. Добровольский. Ук. соч., стр. 154, 155.

[71] Там же, стр. 159.

[72] F. Holste. Hortfunde..., табл. 27, *9*; M. Rośka. Ук. соч., стр. 86, рис. 106, *1—4*.

[73] M. Rośka. Ук. соч., стр. 176, рис. 209, *1—5*.

[74] А. А. Иессен, Б. Е. Деген-Ковалевский. Из истории древней металлургии Кавказа. ИГАИМК, 120, 1935; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 116 сл.; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 148.

[75] A. M. Tallgren. La Pontide..., стр. 221.

ходит пересмотр хронологического членения памятников эпохи бронзы в европейском масштабе. Находки Ингульского клада, с одной стороны, включаются в круг местной позднебронзовой металлургии причерноморских степей и, с другой, — в область тех вещей, которые встречаются на памятниках культуры ноа. От уточнения этих групп памятников и зависит уточнение абсолютной датировки комплекса Ингульского клада. Приведем некоторые хронологические определения, почерпнутые нами из старой и современной литературы. В целом тот этап поздней бронзы степей, который дает аналогии Ингульскому кладу, заканчивается условно на рубеже VIII—VII вв. до н. э.[76]. Между тем кельты Коблевского (Тилигульского) клада О. Н. Кривцова-Гракова не считает относящимися к самому позднему периоду развития поздней бронзы и говорит о начале I тысячелетия до н. э., хотя и допускает более позднее их бытование[77]. О сходстве же этой находки с вещами Ингульского клада уже говорилось. По Ж. Дешелетту, подобные кельты должны быть датированы в широких границах от 1300 до 900 г. до н. э.[78]. Эти же кельты в Поднепровье А. И. Тереножкин рассматривает в комплексе вещей чернолесской культуры, только зародившейся на грани IX—VIII вв. до н. э.[79]. Кельты из клада Рышешти, близкие по пропорциям, одному ушку, аркам и отверстиям на широких лопастях ингульским находкам, М. Петреску-Дымбовица, как и весь клад, считает соответствующим группе погребений культуры ноа. Существовала же она в Молдавии, по его мнению, в XIII—XI вв. до н. э.[80]. Однако этой датировке противоречат хронологические определения, предлагаемые некоторыми советскими специалистами. Так, клад у с. Грушка, где имеется кельт, довольно близкий находке в Рышешти, А. И. Мелюковой отнесен к X—IX вв. до н. э.[81]. Вторая большая группа находок Ингульского клада, представленная серпами, также в настоящее время вряд ли может быть датирована в узких рамках. Находки в Авраамовке, среди которых был крючковатый серп, представленный многими экземплярами в описываемом нами кладе, отнесены О. Н. Кривцовой-Граковой к самому концу эпохи бронзы, т. е., по-видимому, к IX—VIII вв. до н. э.[82]. Большой Румынский клад из Спалнацы, содержавший такие же серпы, Г. Думитреску датировала, по В. Пырвану, первыми веками I тысячелетия до н. э.[83]. Этой датировке в общем соответствует определение Г. И. Смирновой времени поселения у с. Магалы (X—XI вв. до н. э.), где были сделаны находки крючковатых серпов[84]. Серпы иного типа из румынского клада Тэутеу, напоминающие некоторые серпы Ингульского клада, М. Петреску-Дымбовица так же датирует, как и весь клад, XI—X вв. до н. э.[85]. Между тем клад из Рышешти, где полукругло изогнутый серп вполне аналогичен вещам, публикуемым нами, как уже отмечалось, отнесен им к гораздо более древнему времени[86].

Кинжалы с валиками на лезвии, в особенности меч-кинжал типа Красномаяцкого, приведенный нами на рис. 1, *13*, как отмечает О. А. Кривцова-

---

[76] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 6—7.

[77] Там же, стр. 148.

[78] J. Déchelette. Ук. соч., стр. 206, табл. IV. *3—5*.

[79] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 12.

[80] М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало раннежелезного века..., стр. 157.

[81] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 29. В этой работе приведено мнение И. К. Свешникова, относящего этот клад к еще более позднему времени — к концу IX—VIII в. до н. э.

[82] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 149.

[83] H. Dumitrescu. Ук. соч., стр. 223.

К этим датировкам примыкают хронологические отнесения новых находок эпохи поздней бронзы, сделанные А. Ариеску (Гальштатт A_1 и B), см. A. Aricescu. Depozitele de bronzuri din Dobrogea. SCIV, 16, nr. 1, Bucureşti, 1965, стр. 39.

[84] Г. И. Смирнова. Ук. соч., стр. 63.

[85] M. Petrescu-Dîmboviţa. Ук. соч., стр. 111.

[86] М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало раннежелезного века..., стр. 157.

Гракова, мог появиться только в самом конце бронзового века [87]. Специфические подвески-бритвы (?) Ингульского клада, имеющие параллель в с. Магале, сохранились в нижнем слое этого памятника, датированном Г. И. Смирновой X—XI вв. до н. э. [88]. Два подобных предмета в румынском кладе Улми-Литени М. Флореску вместе со всем комплексом находок датировал концом бронзового века, соответствующим культуре ноа [89].

В итоге приведенного нами анализа Ингульский клад следует датировать временем в широких рамках концом II началом I тысячелетия до н. э. В частности, насколько убедительна передатировка культуры ноа и вслед за ней вещей сабатиновского и белозерского этапа в Северном Причерноморье покажет будущее. История вопроса и некоторые веские обоснования более ранних дат этих периодов изложены в фундаментальной статье А. И. Тереножкина «Основы хронологии предскифского периода» в СА, 1965, № 1, стр. 63—85. Автор синхронизирует местные причерноморские бронзы и западные аналогичные находки широкого ареала. Однако установление ранних дат ряда вещей, проникших с запада, не исключает их позднего существования в местной среде. Ввиду спорности вопроса мы решились говорить только о широкой датировке Ингульского клада. В этот период в областях Северного Причерноморья жили племена киммерийцев, засвидетельствованные письменными источниками. Народ этот несомненно знал земледелие. Находки косаря и многочисленных серпов Ингульского клада подтверждают этот вывод О. Н. Кривцовой-Граковой [90]. Хотя клад содержал в своем составе всего два предмета вооружения — кинжал и меч-кинжал, тем не менее они характерны для киммерийского времени. Уникальной находкой является меч-кинжал. О их существовании в Северном Причерноморье до Ингульского клада было известно, главным образом, по литейной форме из Красномаяцкого клада в Низовьях Днепра [91]. Эти находки являются свидетельством развитой металлургии в эпоху поздней бронзы.

В заключение следует остановиться на исторической обстановке в эпоху поздней бронзы в степях Причерноморья. В этот период можно предполагать продвижение сюда с востока племен срубной культуры, с другой стороны, здесь же прослеживаются отчетливые западные влияния [92]. Последнее обстоятельство дало повод некоторым западноевропейским исследователям говорить о завоевании или заселении некими западными племенами областей Северного Причерноморья. Это, например, следует из рассуждений Т. Сулимирского, Г. Чайльда и др. [93]. Характерно в этом отношении отнесение М. Петреску-Дымбовицей вещей, аналогичных причерноморским, к западной культуре ноа [94]. Советские исследователи поступают более осторожно и, как нам представляется, более верно, допуская привнесение с запада отдельных предметов или говоря об инфильтрации каких-то небольших групп населения, принесших новые формы и новую технику бронзолитейного производства [95]. О развитии металлургии свиде-

[87] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 141.
Такому определению времени соответствует датировка (X—IX вв. до н. э.) кинжала, аналогичного находке из Ингульского клада (рис. 1, 8), предложенная А. М. Лесковым, см. А. М. Лесков. Новая мастерская литейщика эпохи поздней бронзы на Херсонщине. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 65—66.

[88] Г. И. Смирнова. Ук. соч., стр. 69.

[89] M. Florescu. Ук. соч., стр. 12.

[90] О. Н. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 148.

[91] Там же, стр. 141.

[92] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 146; А. М. Tallgren. La Pontide..., стр. 216—220.

[93] V. G. Childe. The Danube Prehistory. Oxford, 1929, стр. 398; T. Sulimirski. Die thrako-kimmerische Periode in Südostpolen. Wiener prähistorische Zeitschrift. XXV, 1—2, Wien, 1938.

[94] М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало раннежелезного века..., стр. 157.

[95] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 154; А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 30.

тельствуют многочисленные литейные формы и клады литейщиков эпохи поздней бронзы, найденные в Причерноморье. Независимо от того, откуда поступал металл и где были взяты образцы многих форм орудий труда и предметов вооружения, важен факт их местного производства. В. Шафранский справедливо указывает: «Даже картографирование имеющих сходство с нашим экспонатом изделий и наличие больших собраний их в иноземной производственной области не дают еще права для утверждения, что данный экспонат был произведен именно в иноземной области, так как этот предмет мог быть произведен на местной почве...» [96]. А. А. Иессен для рубежа II—I тысячелетий до н. э. допускает существование местного приморского очага металлообработки, который снабжал «бронзовыми изделиями обширную территорию днепровского Правобережья, вплоть до Киевщины и Бессарабии...» [97]. О местном, причерноморском центре меднолитейного производства говорит и О. Н. Кривцова-Гракова. В самом деле, письменные источники сообщают о движении племен киммерийцев на запад, а вовсе не об обратном движении. Может быть, натиск скифов, шедших с востока, и заставил ингульского бронзолитейщика закопать свои сокровища. Геродоту в районе Тиры показывали могилу киммерийских царей, отступавших от скифов на запад. Хотя по другой версии «отец истории» сообщает, что «киммерияне бежали постоянно вдоль моря, а преследовавшие их скифы держались правой стороны Кавказа, пока наконец не вторглись в Мидию, свернувши внутрь материка» [98]. Следы продвижения племен в эпоху поздней бронзы на запад отметил, изучая археологические данные, известный румынский ученый И. Нестор [99], а Г. Чайльд считал области венгерского Подунавья тем каналом, по которому влияние Востока обогащало Центральную Европу [100]. Мы далеки от того, чтобы считать окончательно установленной узкую дату Ингульского клада и безапелляционно решать возникшие в связи с его предварительной публикацией вопросы. Во всяком случае, несомненно, этот крупнейший для Северного Причерноморья клад вещей поздней бронзы позволяет поставить многие проблемы и приблизиться к их разрешению.

---

[96] W. Szafrański. Ук. соч., стр. 282.

[97] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 26.

[98] Геродот. История в девяти книгах. Перевод Ф. Г. Мищенка. М., 1888, стр. 309.

[99] J. Nestor. Ein thrako-kimmerisches Goldfund aus Rumänien. ESA, IX, Helsinki, 1934, стр. 182.

[100] V. G. Childe. The Danube in Prehistory..., стр. 393, 398.

Е. Н. ЧЕРНЫХ

К ХИМИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ МЕТАЛЛА ИНГУЛЬСКОГО КЛАДА

Кроме полной публикации спектральных анализов металла клада, в настоящей статье мы ставим своей целью прокомментировать результаты обработки спектроаналитических данных методами математической статистики. В соответствии с принятым в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР порядком исследования мы постараемся в первую очередь ответить на следующие вопросы: 1) каков характер исследованных металлов или сплавов, 2) что собой представляют составляющие изученный металл химически однородные группировки. Только лишь после этого мы получаем возможность подойти к таким определениям, как рудные источники металла, увязка его по составу с иными культурными группами, синхронизация и т. п. В представленной здесь краткой публикации вопросы первого плана будут освещены подробнее, нежели другие. На последних мы остановимся лишь в самых общих чертах.

Прежде чем перейти к изложению результатов, мы сделаем несколько замечаний по поводу обработки анализов металла позднебронзовой эпохи. В это время состав металла значительно усложняется. Причинами этого являются: начавшаяся разработка сульфидных зон медных месторождений, применение сложных, комплексных лигатур, участившееся перемешивание металла разных химических групп и т. д. В связи с этим труднее становится объяснение различных аномалий, выявляющихся при статистической обработке анализов. Приходится поэтому особое внимание уделять корреляционным связям концентраций различных элементов в сплавах, чаще прибегать к математическим расчетам. Словом, методы обработки аналитических данных становятся значительно сложнее и изощреннее по сравнению с методами исследования раннего металла, где вся обработка часто ограничивалась только графическими выражениями. На примере изучения металла Ингульского клада видно, что расчленение этой меди на группы натолкнулось на значительные трудности, обойти которые было бы невозможно без специальных расчетов и рассуждений.

Лабораторией ИА АН СССР спектрально исследован состав металла следующих предметов Ингульского клада: 85 серпов, 12 кельтов, 2 браслетов, 2 подвесок, 1 кинжала, 1 ножа, 2 предметов неопределенного назначения и 18 обломков слитков, т. е. всего взято 123 пробы от 105 изделий и 18 слиточков. Неисследованными остались только три мелких обломочка от слитков. Таким образом, мы можем считать, что проведен исчерпывающий анализ металла клада.

Метод исследования обычный, применяющийся в нашей лаборатории с 1960 г.[1] Методы обработки спектральных анализов и предпосылки та-

[1] Е. Н. Черных. К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дис., М., 1963, стр. 8. Анализы проводились автором совместно с Т. Б. Барцевой.

кой обработки частично описаны нами [2]. Суммированные сведения о составе ингульской меди можно получить из частотных гистограмм (рис. 1), где представлен характер распределения концентраций всех важнейших примесей (олово, свинец, железо, цинк, серебро, сурьма, мышьяк, висмут, кобальт и никель). Кроме них нередко отмечается в тысячных долях золото и марганец. Эпизодичны фосфор, титан, ванадий и молибден.

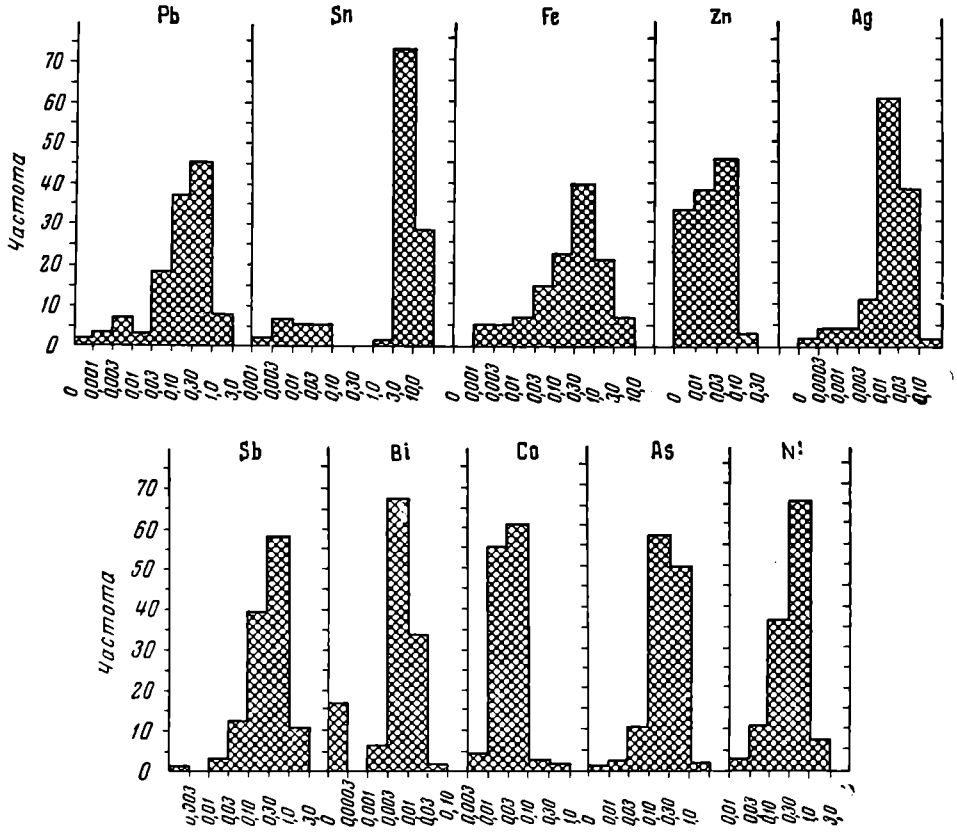


Рис. 1. Гистограммы распределения концентраций важнейших элементов-примесей к меди Ингульского клада

Изученный металл представляет собой оловянистую бронзу. Медь основного количества предметов (105) легирована весьма заметными количествами олова — от 1 до 18%. На гистограмме олова видно, что его фигура двухвершинна. Граница между вершинами проходит в промежутке 0,1—1,0%. Такое явление довольно обычно для металла этого времени. Объясняется оно легко: в металле Ингульского клада наблюдаются две металлургические группы — бронзы оловянистые (1—18%) и медь, не легированная искусственно оловом (0,002—0,09%). В последнюю олово могло попадать как из руд, так и при частичном примешивании к выплавленной меди лома оловянистой бронзы. В первую группу (бронзы) попадают все изделия клада, во вторую — все слитки. Явление это абсолютно понятно с металлургической точки зрения: слитки практически никогда специально не легировались ни оловом, ни любым другим элементом. Это отмечается не только в ингульской меди. Аналогичное наблюдение сделано нами, например, и на многочисленных слитках из памятников колхидской культуры (Закавказье) и андроновской культуры и др. Легирующая примесь добавлялась только во время специализированной плавки перед непосредственной отливкой изделия. Некоторое отражение это наш-

[2] Там же, стр. 5—8; его же. Исследование медных и бронзовых изделий методом спектрального анализа. СА, 1963, № 3.

ло и в дифференциации среднего содержания олова в металле отдельных категорий предметов клада: серпы 7,7%, кельты 10,0%, браслеты 10,0%, подвески 10,5%, кинжал 10,0%, нож 14,0%, неопределенные предметы 7,8%. Разница между оловом в серпах и кельтах — наиболее многочисленных орудиях клада — заметна, хотя и не столь велика, как это часто наблюдается в археологическом металле. Кроме того, можно отметить, что здесь древний литейщик предпочитал в большинстве случаев смешивать медь и олово в пропорции 10 : 1.

Кроме олова на роль легирующих могут в некоторых случаях претендовать свинец (до 2%), железо (до 5,5%) и сурьма (до 1,7%). Однако столь ясное положение с оловом, бывшим основной лигатурой в ингульской меди, снимает этот вопрос. Они, конечно, не могли здесь играть самостоятельную роль. Тем более, что концентрации свинца и сурьмы свыше 1% достаточно редки. Железо не могло добавляться в медь в чистом виде, так как его высокая температура плавления (1535°) не позволила бы ему расплавиться в жидкой медной ванне с гораздо более низкими температурами. Железо в высоких концентрациях, безусловно, попадало в медь при использовании медно-колчеданных руд, очень богатых этим элементом. Исключая самостоятельную роль свинца как лигатуры, мы, однако, должны иметь в виду возможность примешивания к меди не чистого олова или оловянного концентрата, а в смеси со свинцом. Пример такого сплава, использовавшегося в древности, мы имеем в инвентаре Островецкого могильника культуры ноа. Исследованная нами бусина оказалась в своей основе оловянной с заметной примесью свинца. Это заставляет нас осторожно подходить к определению характера примеси свинца в ингульской меди. Ниже мы постараемся показать, что эти опасения имеют под собой определенную почву.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о химических группировках меди клада. Анализируя частотные гистограммы, убеждаемся, что двухвершинна не только гистограмма олова. Неоднородны также гистограммы свинца и, особенно, висмута. Кроме того, заметно асимметрична фигура распределения серебра. Попытаемся объяснить эти отклонения. Чаще всего это удается сделать с помощью корреляционного анализа. Прежде всего поставим вопрос: не явилось ли причиной этих аномалий введение в сплав олова в смеси с другими примесями, а именно — свинцом, висмутом и серебром, поскольку у них наблюдаются отклонения? Прокоррелируем между собой эти примеси. На рис. 2—6 демонстрируется корреляция между концентрациями Pb — Sn, Pb — Bi, Pb — Ag, Sn — Bi, Sn — Ag. Из всех корреляционных полей наибольший интерес представляет для нас график Pb — Bi. Он позволяет сделать некоторые важные наблюдения. Концентрации висмута и свинца оказываются взаимосвязанными в двух планах. Во-первых, график позволяет уверенно отделить от основной части анализов небольшую группу в 17 проб, где низкое содержание свинца (0—0,06%) сочетается с отсутствующим висмутом (исключение составляет лишь анализ № 112, где висмута 0,001%). Внутри этой группы, естественно, никакой корреляции между содержаниями свинца и висмута нет. Во-вторых, в прочих 106 анализах, образующих довольно плотную группу, также наблюдается определенная взаимозависимость между этими элементами, но уже несколько иного плана, чем в предыдущем случае. Судя по вытянутости зоны рассеивания точек, корреляция здесь положительная, т. е. среднее увеличение концентраций свинца влечет за собой повышение висмута. Расчет коэффициента корреляции (r) для выборки в 36 анализов, произведенной по таблице случайных чисел, был произведен по формуле [3]:

$$r = \frac{\Sigma (x - \bar{x})(y - \bar{y})}{\sqrt{\Sigma (x - \bar{x})^2 (y - y)^2}},$$

[3] А. М. Длин. Математическая статистика в технике. М., 1958, стр. 237.

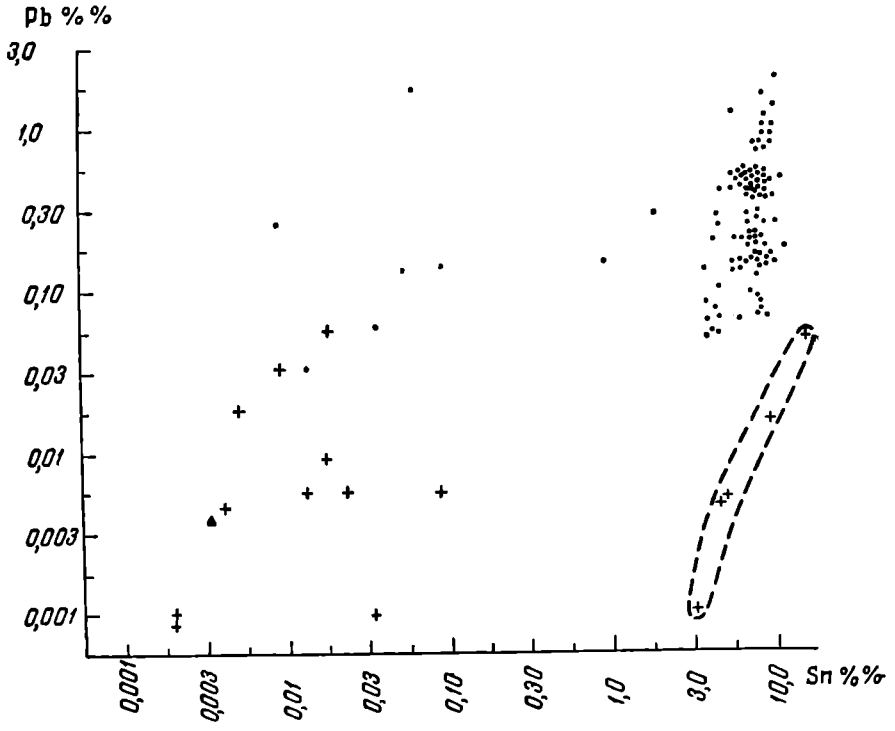


Рис. 2. Корреляция между концентрациями свинца и олова в меди Ингульского клада
Точками обозначены анализы I группы, крестиками — II группы, треугольником — анализ № 123

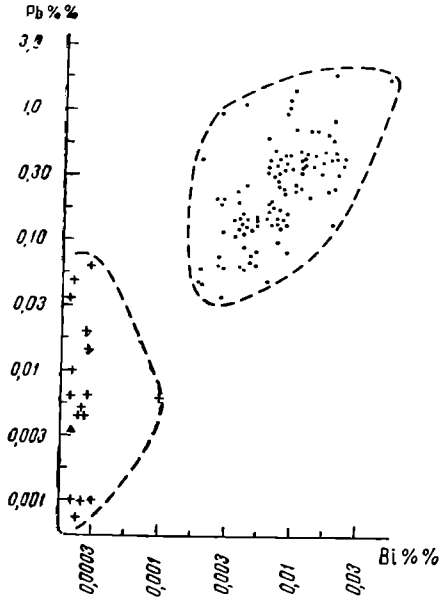


Рис. 3. Корреляция между концентрациями свинца и висмута в меди Ингульского клада

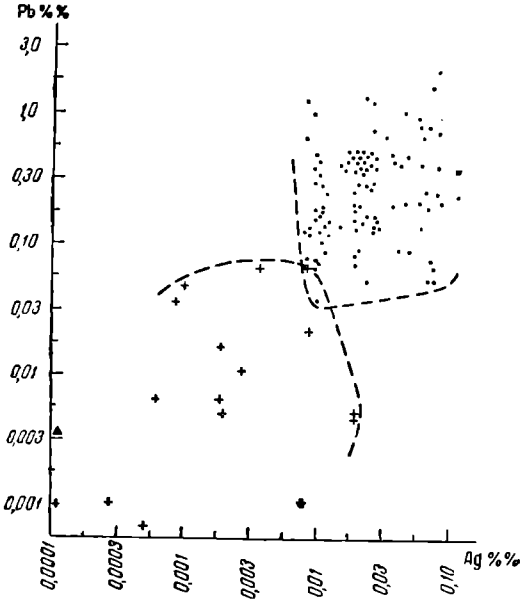


Рис. 4. Корреляция между концентрациями свинца и серебра в меди Ингульского клада

где x — концентрация свинца, y — концентрация висмута. Расчет подтвердил положительную связь концентраций этих элементов. Однако значение его оказалось довольно низким ($r = +0{,}31$), чтобы считать его значимым (проверка его значимости была проведена по формуле, рекомендуемой А. К. Митропольским [4]).

Корреляционная связь низка, но показательна. Ее необходимо объяснить. Возможны два варианта: либо свинец или свинцовый концентрат, намеренно вводившийся в медь, содержал некоторые количества висмута, почему мы и обнаружили положительную корреляцию этих примесей, либо

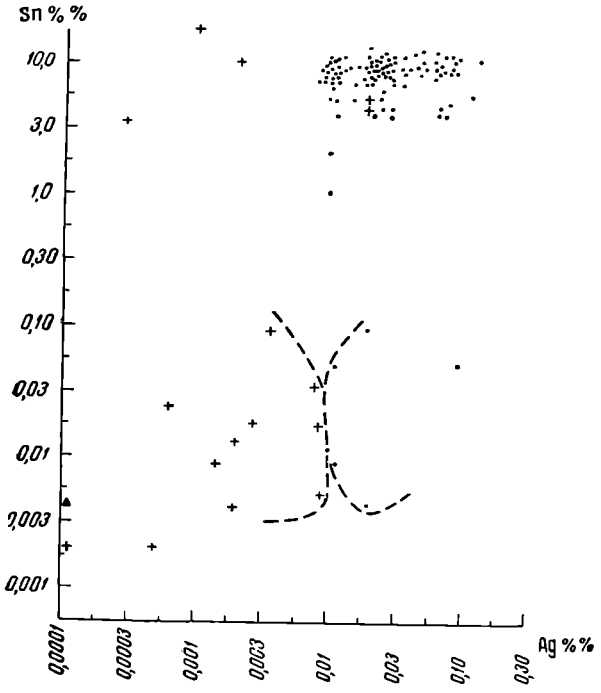


Рис. 5. Корреляция между концентрациями олова и серебра в меди Ингульского клада

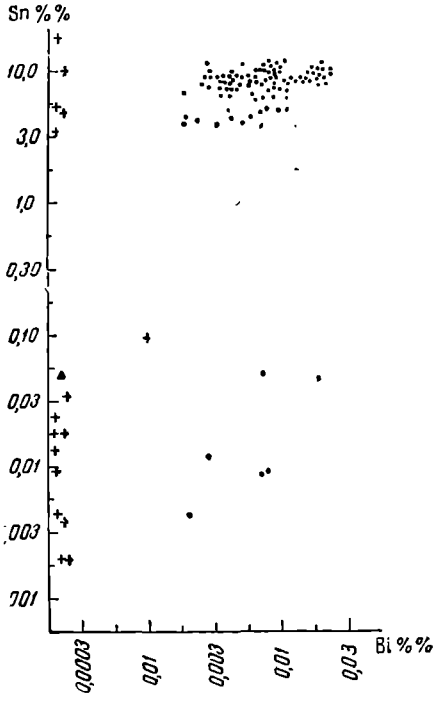


Рис. 6. Корреляция между концентрациями олова и висмута в меди Ингульского клада

висмут был связан геохимически с каким-либо свинцовым минералом, например галенитом [5], присутствующим в исходной руде и использованным во время плавки. Первый вариант, по-видимому, может поставить под сомнение возможность выделения в меди клада двух химически разнородных групп, так как аномалии в распределении Pb и Bi будут объясняться искусственной добавкой в медь свинца и связанного с ним в сплаве висмута. Такая добавка, как мы уже писали, могла проводиться скорее всего в виде сложной оловянно-свинцовой лигатуры.

Однако более приемлемым оказывается второй вариант. В пользу его свидетельствует заметно более низкое содержание серебра в малой группе, что хорошо видно на графике Pb — Ag (рис. 4). Объяснять увеличение серебра в большой группе связью его с оловом или свинцом не представляется возможным, так как никакой корреляции его с последними не наблюдается. Кроме того, в пользу последнего варианта происхождения висмута говорит и то обстоятельство, что коэффициент корреляции между висмутом и свинцом в слитках большой группы равен +0,95 (или +0,6), если мы не будем принимать во внимание один слиток (анализ

[4] А. К. Митропольский. Техника статистических вычислений. М., 1961, стр. 276.

[5] Такая связь довольно обычна. См.: И. Г. Магакьян. Рудные месторождения. Ереван, 1961, стр. 375.

№ 101), где концентрация свинца в 2% может дать нам некоторые сомнения относительно ее естественного происхождения в этой пробе. Корреляция в слитках между этими элементами и в том и в другом случае значительно выше, чем в общем количестве проб в этой же группе. Это приходит в явное противоречие с первым вариантом происхождения висмута в меди группы. Ведь в нелегированных слитках свинец, а соответственно и висмут могли происходить только из руд. Висмут же, по-видимому, был геохимически связан с каким-либо из свинцовых минералов. Та же часть свинца, которая могла быть добавлена в сплав вместе с оловом, могла только снижать степень корреляционной связи висмута и свинца, что мы и видим на самом деле.

Мы уже писали, что свинец в качестве незначительной части сложной лигатуры безусловно мог добавляться в медь вместе с оловом. Очень показательна для этого высокая степень корреляционной связи ($r = +0{,}99$), которую обнаруживают олово и свинец в изделиях второй (малой) группы. Хотя изделий всего пять, но такая весьма значимая корреляция свидетельствует о том, что эти два элемента были тесно связаны между собой в одном сплаве. Или, говоря иначе, для легирования этих пяти орудий было использовано олово с некоторым количеством свинца. На это указывает и несколько более высокий средний процент свинца в меди изделий по сравнению со слитками (0,015% против 0,012%). Если бы искусственной добавки не было, содержания свинца, выгоравшего при переплавках, должны были бы уменьшаться, и соотношение было бы обратным. Для большой группы такой корреляции не наблюдается. Однако это еще не означает отрицания сложных приплавов. Если у древнего металлурга имелось несколько кусков такой сложной лигатуры с произвольными и непостоянными соотношениями свинца и олова, то положительной связи могло и не быть.

Подведем итоги первому аспекту нашего исследования. Изделия клада изготовлены из искусственной оловянистой бронзы. Медь клада подразделяется на две химически однородные группы, разнящиеся своими рудными источниками: 1) 106 изделий (анализы № 1—106), 2) 16 изделий (анализы № 107—122). Один обломочек слитка полностью выпадает изо всех групп благодаря отсутствию в его металле мышьяка и сурьмы. Однако в целом по своему химизму он ближе к последней группе. Ниже мы приводим распределение изделий и слиточков клада по химическим группам.

Группы меди	Серпы	Кельты	Кинжал	Нож	Подвески	Браслеты	Слитки	Неопределен. назначение
I	80	12	1	1	2	2	6	2
II	5	—	—	—	—	—	11	—

Во второй группе, как мы видим, преобладают обломки слитков. Из последних изготовлено лишь пять серпов. Слитки, бывшие полуфабрикатом для изделий I группы, составляют меньшинство (6). Следы перемешивания слитков обеих групп несут на себе некоторые изделия. Например, в двух серпах II группы (анализы № 109, 110) наблюдается повышенное количество серебра. На корреляционных полях некоторых элементов (особенно Pb — Ag, рис. 4) довольно отчетливо видна промежуточная зона, где, по-видимому, и находится основное количество изделий, изготовленных из смешанного металла. Несколько пониженными оказываются содержания никеля, мышьяка и сурьмы в меди слитков первой группы по сравнению с изделиями той же группы. Вероятно, во всех этих отклонениях виноваты постоянно проводившиеся перемешивания металла различных групп и добавки к отливавшимся изделиям лома бронз, богатых примесями.

В основном закончив с членением меди Ингульского клада на металлургические и химические группы, остановимся вкратце на вопросах о ее происхождении и отождествлении исследованных бронз с некоторыми культурными группами. Еще раньше на основании изучения состава металла с поселений поздней бронзы в Нижнем Поднепровье (Собковка, Змеевка, Н. Рогачик, Волошское и т. д.), а также многочисленных случайных находок, синхронных указанным поселениям, нами была выделена химически своеобразная группа так называемых «киммерийских» бронз, занимающая Правобережье Украины и отчасти Молдавию. С типологической стороны она характеризуется изделиями, выделенными еще в 1928 г. В. А. Городцовым в качестве киммерийской культуры [6]. С химической стороны она четко отделялась своим набором примесей, с одной стороны, от кавказских одновременных бронз, с другой — от срубного металла бассейнов Волги и Дона. Зато всеми корнями она связана с культурами юго-западной и западной ориентации — ноа, комаровской и др. Рудные источники последних гнездятся, по-видимому, в пределах Балкано-Карпатской рудной зоны [7]. Химическая характеристика металла Ингульского клада безукоризненно связывает его с этой группой. На сегодняшний день ингульская медь является главной составляющей киммерийской группы. С исследованием бронз клада намного ясней стал вопрос об истинном составе металла этой большой группы, о вариантах наборов примесей. Однако это выходит за рамки настоящей публикации. К тому же сейчас мы проводим интенсивное исследование бронз юго-запада европейской части СССР, что позволит нам более полно охарактеризовать металл конца второго тысячелетия с этих территорий.

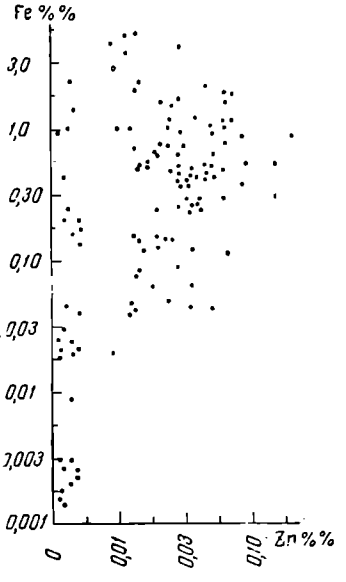


Рис. 7. Корреляция между содержанием железа и цинка в ингульской меди

Отнесение клада к «киммерийскому» металлу решает, соответственно, и вопрос о его рудных источниках, в том плане, в котором они были установлены для этой группы. Более конкретные указания исходных районов меди этих культур можно получить лишь в результате дополнительных исследований и сравнений химических характеристик нашего металла с одновременными бронзами Румынии и Венгрии.

Добавим несколько слов о соотношении Ингульского клада с Сосновомазинским. Несмотря на некоторое сходство кинжалов из этих кладов и наличие общих черт у кельтов, состав меди Сосновой Мазы весьма определенно отличается от ингульской. Отличия имеются как в химическом, так и в металлургическом планах. Все изделия Сосновой Мазы изготовлены из меди, легированной естественной примесью железа. Ни одна из других, обычных для этого времени лигатур, в сосновомазинскую медь не была введена [8].

О характере использованных руд для ингульской меди позволяет судить содержание в ней железа и цинка. Высокие в целом концентрации

---

[6] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. ТСА Раннон, II, М., 1928, стр. 46—60.

[7] Е. Н. Черных. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы. «Археология и естественные науки», М., 1965, карта, рис. 3; его же. Спектральный анализ и проблема происхождения металлов. Методы естественных и технических наук в археологии. Тезисы докладов. М., 1963, стр. 23—24.

[8] Наша публикация химического состава металла клада из Сосновой Мазы готовится к изданию в КСИА, 108.

Спектральные анализы бронзовых предметов Ингульского клада

№ анализа	Шифр лабор.	Предмет	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	1889	Серп	9,0	0,06	?	0,005	0,012	0,11	0,20	4,8	0,25	0,08	~0,003	—
2	1891	»	10,0	0,40	0,025	0,006	0,15	0,27	0,45	0,15	0,27	0,06	0,001—0,003	<0,001
3	1888	»	10,0	0,06	0,015	0,003	0,01	1,0	0,50	2,3	0,13	0,07	~0,003	—
4	1901	» *	10,0	0,45	?	0,025	0,06	0,35	0,45	0,15	0,33	0,35	~0,001	>0,001
5	1902	»	8,5	0,40	?	0,007	0,02	0,40	0,35	0,045	0,33	0,02	>0,001	>0,001
6	1905	»	8,5	0,09	0,06	0,004	0,04	0,14	0,35	1,0	0,23	0,055	—	—
7	1921	»	10,0	0,15	?	0,004	0,03	0,28	0,35	0,25	0,60	0,03	<0,001	—
8	1922	»	6,0	0,14	?	0,004	0,015	0,24	0,38	0,16	1,0	0,045	—	—
9	1894	»	6,0	0,20	?	0,006	0,02	0,27	0,18	0,02	0,33	0,014	~0,001	—
10	1893	»	9,0	0,18	—	0,006	0,012	0,30	0,18	0,023	0,30	0,013	~0,003	<0,001
11	1892	»	11,0	0,17	0,02	0,005	0,025	0,35	0,20	0,025	0,25	0,022	<0,001	~0,003
12	1828	»	9,0	0,35	—	0,006	0,01	0,20	0,18	0,025	0,65	0,01	—	0,001—0,003
13	1829	»	8,0	0,18	—	0,004	0,012	0,14	0,20	0,018	0,50	0,008	?	~0,001
14	1830	»	6,0	0,50	—	0,007	0,025	0,40	0,18	~0,003	0,32	0,009	—	0,001—0,003
15	1871	»	9,0	0,20	—	0,006	0,02	0,37	0,15	~0,003	0,55	0,01	—	~0,001
16	1861	»	4,20	0,24	0,035	0,014	0,012	0,40	0,06	0,06	0,09	0,047	0,001—0,003	?
17	1874	»	5,5	0,30	0,035	0, 01	0,025	1,4	0,09	0,04	0,03	0,04	<0,001	0,001—0,003
18	1875	» **	5,5	0,25	0,055	0,012	0,12	0,50	0,04	0,04	0,12	0,04	0,001—0,003	<0,001
19	1876	»	3,8	0,15	0,03	0,007	0,03	0,18	0,09	0,08	0,14	0,02	~0,003	—
20	1877	»	10,0	0,26	0,013	0,008	0,02	0,50	0,23	0,04	0,55	0,02	—	~0,001
21	1878	»	6,0	1,20	?	0,004	0,009	0,23	0,20	0,003	0,25	0,012	—	0,001—0,003
22	1880	»	6,5	0,45	?	0,008	0,01	0,25	0,35	0,04	0,40	0,01	>0,003	<0,001
23	1884	»	7,0	0,06	0,012	0,004	0,01	0,18	0,35	5,0	0,15	0,06	>0,003	—
24	1883	»	6,0	0,14	0,03	0,006	0,009	0,18	0,35	0,50	0,12	0,05	0,001—0,003	—
25	1882	»	6,5	0,14	0,035	0,008	0,012	0,20	0,38	0,50	0,14	0,05	0,001—0,003	<0,001
26	1881	»	5,5	0,10	0,035	0,007	0,012	0,18	0,35	0,45	0,10	0,065	~0,001	—
27	1879	»	10,0	0,18	0,05	0,008	0,01	0,20	0,38	1,0	0,25	0,08	0,001—0,003	<0,001
28	1873	»	11,0	1,0	0,05	0,003	0,01	0,08	0,04	0,90	0,18	0,10	<0,001	<0,001
29	1870	»	8,0	0,08	0,008	0,005	0,012	0,13	0,37	4,3	0,20	0,07	>0,001	—

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ анализа	Шифр лабор.	Предмет	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
30	1869	Серп	8,5	0,40	0,03	0,015	0,02	0,45	0,27	0,35	0,45	0,035	>0,001	—
31	1868	»	8,0	0,40	0,035	0,009	0,045	0,40	0,25	0,45	0,40	0,04	~0,001	<0,001
32	1867	»	7,0	0,50	0,02	0,02	0,018	0,37	0,25	0,25	0,30	0,02	~0,001	~0,001
33	1866	»	6,0	0,45	0,035	0,012	0,018	0,37	0,33	0,25	0,30	0,025	>0,001	>0,001
34	1865	»	6,0	0,50	0,035	0,015	0,035	0,40	0,35	0,40	0,37	0,04	~0,001	~0,001
35	1864	»	5,5	0,06	0,037	0,004	0,01	0,30	0,95	2,3	0,75	0,01	~0,01	>0,001
36	1863	»	7,0	0,50	0,015	0,008	0,03	0,40	0,20	0,15	0,32	0,025	~0,001	~0,001
37	1862	»	7,0	0,30	0,025	0,01	0,02	0,40	0,30	0,50	0,45	0,03	0,001—0,003	~0,001
38	1860	»	7,5	0,13	0,009	0,003	0,009	0,90	0,37	3,0	0,10	0,06	~0,003	—
39	1869	»	1,0	0,16	0,035	0,005	0,01	0,08	0,23	0,13	0,75	0,033	—	—
40	1858	»	9,0	0,12	0,011	0,004	0,009	1,0	0,45	3,5	0,14	0,08	0,003—0,01	—
41	1903	»	4,0	0,08	0,02	0,005	0,02	0,10	0,11	1,6	0,60	0,016	0,001—0,003	—
42	1904	»	4,8	0,055	0,065	0,006	0,025	0,95	0,30	1,1	0,45	0,05	—	<0,001
43	1906	» **	9,0	0,22	0,06	0,003	0,06	0,70	0,32	1,1	0,45	0,045	?	—
44	1907	»	9,0	0,20	0,06	0,004	0,07	0,65	0,25	1,8	0,38	0,05	>0,003	—
45	1908	»	4,5	0,07	0,025	0,003	0,07	0,16	0,13	1,0	0,72	0,018	0,001—0,003	—
46	1909	»	8,5	0,45	0,05	0,012	0,08	0,40	0,14	0,40	0,25	0,02	>0,001	<0,001
47	1910	»	4,5	0,05	0,028	0,002	0,07	0,11	0,12	1,7	0,70	0,02	>0,001	—
48	1911	»	4,0	0,06	0,025	0,003	0,07	0,12	0,14	1,1	0,70	0,02	>0,001	—
49	1912	»	4,0	0,05	0,025	0,002	0,07	0,10	0,11	1,6	0,72	0,018	>0,001	—
50	1913	»	9,0	0,22	0,065	0,003	0,08	0,40	0,32	1,8	0,72	0,06	0,001—0,003	—
51	1914	»	8,0	0,25	0,06	0,004	0,08	0,70	0,32	1,6	0,72	0,05	~0,001	—
52	1915	»	8,5	0,75	0,06	0,014	0,07	0,70	0,13	0,11	0,35	0,024	?	~0,001
53	1916	»	9,0	0,75	0,075	0,015	0,06	0,65	0,16	0,35	0,35	0,05	?	~0,001
54	1918	»	6,5	0,15	0,012	0,005	0,02	0,20	0,40	0,04	1,0	0,028	>0,001	—
55	1919	»	9,0	0,15	0,013	0,02	0,06	0,40	0,35	0,07	0,70	0,019	~0,001	<0,001
56	1920	»	4,0	0,14	0,015	0,004	0,03	0,10	0,06	0,07	0,25	0,03	?	—
57	1895	»	5,5	0,40	0,016	0,007	0,015	0,60	0,20	0,53	0,33	0,035	>0,003	<0,001
58	1898	»	9,0	0,45	0,05	0,007	0,02	0,45	0,38	0,53	0,55	0,06	~0,001	—
59	1899	»	8,5	0,45	0,02	0,006	0,02	0,55	0,38	0,58	0,60	0,065	0,001—0,003	>0,001
60	1917	» *	8,5	0,20	0,06	0,003	0,05	0,10	0,35	0,43	0,70	0,045	~0,001	—
61	1854	»	10,0	0,50	0,05	0,017	0,02	0,35	0,28	0,40	0,28	0,04	~0,001	>0,001
													—	

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ анализа	Шифр лабор.	Предмет	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
62	1853	Серп	8,5	0,35	0,03	0,023	0,02	0,30	0,38	0,90	1,0	0,04	~0,003	>0,001
63	1852	»	9,0	0,40	0,03	0,013	0,017	0,40	0,25	0,45	0,28	0,04	>0,001	?
64	1826	» *	11,0	0,65	0,02	0,02	0,035	0,25	0,27	0,14	0,40	0,08	—	0,001—0,003
65	1827	» *	11,0	0,45	0,013	0,025	0,07	0,35	0,33	0,15	0,30	0,14	?	0,001—0,003
66	1849	»	9,0	0,50	0,04	0,019	0,02	0,38	0,25	0,25	0,33	0,025	~0,001	<0,001
67	1843	»	7,5	0,50	0,033	0,012	0,025	0,40	0,28	0,25	0,36	0,022	<0,001	<0,001
68	1844	»	8,5	0,45	0,037	0,017	0,02	0,40	0,28	0,29	0,30	0,028	0,001—0,003	~0,001
69	1845	»	9,5	0,35	—	0,017	0,02	0,23	0,25	0,003	0,30	0,015	—	>0,001
70	1846	»	8,0	0,40	0,033	0,012	0,025	0,38	0,25	0,37	0,30	0,028	>0,001	<0,001
71	1850	»	10,0	0,33	?	0,007	0,01	0,28	0,22	0,02	0,38	0,02	>0,001	<0,001
72	1851	»	9,0	0,65	0,025	0,006	0,009	0,38	0,28	0,05	0,25	0,022	>0,001	<0,001
73	1855	»	11,0	0,15	0,03	0,007	0,012	0,25	0,40	0,25	0,25	0,06	—	?
74	1856	»	10,0	0,15	0,033	0,007	0,02	0,23	0,40	0,27	0,23	0,06	—	?
75	1857	»	8,0	0,50	0,04	0,019	0,025	0,40	0,28	0,27	0,38	0,025	~0,001	?
76	1887	»	9,0	0,15	0,03	0,004	0,012	0,05	0,08	0,60	0,65	0,08	—	<0,001
77	1886	»	9,0	0,065	0,013	0,005	0,009	0,16	0,38	5,5	0,14	0,08	>0,003	?
78	1885	»	7,0	0,16	0,03	0,006	0,01	0,05	0,08	0,60	0,60	0,06	>0,003	<0,001
79	1848	»	2,1	0,30	?	0,007	0,01	0,60	0,33	0,04	0,38	0,012	?	~0,001
80	1846	»	9,0	0,30	?	0,02	0,025	0,25	0,17	<0,003	0,28	0,02	—	>0,001
81	1839	Кельт	10,0	0,65	0,06	0,018	0,03	0,50	0,30	0,70	0,50	0,03	—	0,001—0,003
82	1840	»	9,0	0,08	0,06	0,009	0,05	0,27	0,30	0,30	0,55	0,04	0,001—0,003	?
83	1841	»	12,0	0,90	0,08	0,02	0,06	0,60	0,35	0,80	0,60	0,05	—	0,001—0,003
84	1842	»	9,0	0,30	0,09	0,004	0,025	0,30	0,15	0,55	0,23	0,05	—	—
85	1838	»	8,0	0,40	0,02	0,008	0,04	0,35	0,35	0,13	0,35	0,03	?	0,001—0,003
86	1835	»	13,0	0,50	?	0,011	0,05	0,20	0,20	0,008	0,60	0,03	—	0,001—0,003
87	1836	»	10,0	0,75	0,009	0,01	0,08	0,50	0,18	0,02	0,35	0,02	—	~0,003
88	1837	»	11,0	0,25	—	0,018	0,07	0,27	0,38	0,003	0,32	0,06	—	0,001—0,003
89	1834	»	9,0	0,20	—	0,006	0,04	0,40	0,40	0,03	0,20	0,035	—	—
90	1831	»	12,0	2,0	0,018	0,055	0,04	0,45	0,17	0,06	0,30	0,022	~0,001	~0,001
91	1833	»	6,5	0,45	0,20	0,002	0,01	0,09	0,17	0,80	0,40	0,18	?	?
92	1832	»	11,0	0,35	0,03	0,011	0,02	0,20	0,50	0,33	1,0	0,05	<0,001	<0,001
93	1924	Нож	14,0	0,18	?	0,008	0,02	0,55	0,17	0,003	0,28	0,016	—	~0,001

ПРИЛОЖЕНИЕ (окончание)

№ анализа	Шифр лабор.	Предмет	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
94	1923	Кинжал	10,0	0,40	0,013	0,008	0,03	0,20	0,20	0,045	0,30	0,019	?	<0,001
95	1927	Браслет	10,0	1,0	—	0,008	0,05	0,40	0,17	0,003	0,30	0,015	—	>0,001
96	1928	»	10,0	1,6	?	0,01	0,08	0,40	0,16	0,003	0,30	0,019	—	>0,001
97	1925	Неизв. назн.	7,0	0,16	0,015	0,004	0,03	0,40	0,16	0,13	0,25	0,016	—	–
98	1926	»	8,5	0,15	0,022	0,004	0,03	0,45	0,17	0,15	0,25	0,02	—	–
99	1929	Подвеска	11,0	1,4	?	0,009	0,025	0,40	0,14	0,18	0,28	0,03	<0,001	>0,001
100	1930	»	10,0	1,2	?	0,008	0,03	0,40	0,13	0,20	0,23	0,037	?	~0,001
101	1931	Обл. слитка	0,05	2,0	0,16	0,02	0,08	0,04	0,07	0,30	0,04	0,028	—	~0,001
102	1935	»	0,009	0,30	0,15	0,007	0,012	0,15	0,06	0,55	0,012	0,025	—	<0,001
103	1941	»	0,09	0,16	0,05	0,007	0,02	0,02	0,20	0,45	0,35	0,013	>0,001	–
104	1942	»	0,012	0,035	0,045	0,003	0,01	0,05	0,012	2,0	0,012	0,05	>0,001	>0,001
105	1943	»	0,05	0,15	0,055	0,007	0,012	0,016	0,014	0,60	0,04	0,02	?	–
106	1945	»	0,004	0,065	0,05	0,002	0,02	0,02	0,015	0,40	0,011	0,02	—	–
107	1872	Серп	3,3	~0,001	—	—	0,0003	0,35	0,50	0,90	0,75	0,02	—	–
108	1900	» *	18,0	0,05	0,01	—	0,001	0,07	0,80	1,0	1,3	0,06	~0,003	?
109	1896	»	5,5	0,005	0,02	?	0,02	1,7	0,19	0,58	0,27	0,027	~0,001	~0,001
110	1897	»	5,0	0,005	0,015	—	0,02	1,7	0,19	0,50	0,25	0,025	<0,003	~0,001
111	1890	»	10,0	0,016	0,022	?	0,002	1,5	0,50	0,70	0,30	0,025	<0,003	–
112	1937	Обл. слитка **	0,09	0,006	?	0,001	0,004	1,1	0,50	0,23	0,16	0,01	>0,003	~0,003
113	1948	»	0,025	0,006	?	?	0,0006	0,068	0,29	2,4	0,75	0,05	<0,003	–
114	1947	»	0,014	0,006	?	?	0,002	1,0	0,70	1,4	0,80	0,05	?	~0,003
115	1946	»	0,009	0,035	0,03	?	0,0008	1,0	1,0	4,5	1,0	0,05	<0,003	<0,001
116	1944	»	0,018	0,01	0,027	—	0,003	0,07	0,35	0,7	0,10	0,35	>0,001	–
117	1939	»	0,002	0,001	—	?	~0,0001	0,12	0,065	1,0	0,03	0,007	>0,001	?
118	1938	»	0,002	?	?	—	0,0005	0,09	0,20	0,40	0,15	0,006	—	?
119	1936	»	0,004	0,005	0,012	?	0,002	0,55	0,40	1,0	0,08	0,025	~0,003	<0,001
120	1933	»	0,018	0,06	0,017	—	0,009	0,035	0,20	0,55	0,011	0,08	—	—
121	1934	»	0,033	0,001	0,013	?	0,008	1,0	0,19	0,65	0,01	0,08	—	~0,003
122	1932	»	0,005	0,02	0,014	?	0,009	0,60	0,38	2,0	0,05	1,1	~0,001	?
123	1940	»	0,005	0,004	0,015	—	~0,0001	?	?	0,50	0,07	0,006	~0,001	?

Примечание. Во всех исследованных пробах основа — медь; * — обнаружен фосфор около 0,1%; ** — обнаружен титан около 0,001—0,003%; в анализах № 15, 35, 107 возможно наличие ванадия, в анализе № 104 — молибдена.

железа (до 5,5%) в сочетании с заметными количествами цинка указывают нам на происхождение большей части ингульской меди из сульфидных руд и соответственно на начавшуюся в балкано-карпатском рудном регионе разработку сульфидных зон медных месторождений. Причем проведенная здесь корреляция между содержаниями железа и цинка (рис. 7) показывает, что использовались как руды, богатые железом и цинком, т. е. колчеданные, так и, вероятно, еще не выработанные до конца руды окисленные, где железа и цинка мало. Часть анализов (например, анализы № 11—15, 21, 22 и т. д.), где сочетаются низкие показатели железа и цинка (левый нижний угол корреляционного поля), характеризует медь, выплавленную, вероятно, из окисленных руд. Химический состав сосновомазинского металла также позволил нам говорить о выплавке его из колчеданных руд. Даты кладов позволяют утверждать, что последняя треть второго тысячелетия до н. э. была временем, когда в различных рудных зонах Центральной и Восточной Европы осваивается технически новый процесс выплавки металла из сульфидных руд. Этот процесс был последним необходимым шагом, подготовившим революционный скачок в древнем хозяйстве — восстановление железа из руды, металлургию железа.

Г. М. БУРОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СТАРИЧНЫХ ТОРФЯНИКАХ БАССЕЙНА ВЫЧЕГДЫ

В 1959 г. в районе Синдорского озера (бассейн р. Вычегды) были открыты многослойные поселения — Вис I и Вис II, занимающие сравнительно низкие (0,8—4 *м* над урезом межени) останцы надпойменной террасы, окруженные болотистой поймой [1]. Разведка притеррасных торфяников быстро увенчалась успехом: в 1960 г. открыт I Висский торфяник (в черте поселений Вис I), а в 1962 г. II Висский (в черте поселения Вис II). Каждый из них при раскопках 1961—1963 гг. дал большое число предметов из дерева, коры и травы.

Рассмотрим оба торфяника в отдельности.

Поселение Вис I находится на правом берегу устья р. Симва, впадающей в р. Вис, которая берет начало из Синдорского озера. Основная часть поселения — это песчаный останец Малый Кытчесмыльк, серповидной формы. Торфяник прилегает к его вогнутому краю и был открыт при закладке траншеи через стрелку останца и пойму. В 1961—1962 гг. на месте траншеи разбит раскоп площадью 242 $м^2$. В разведочных целях на пойме близ останцов Виса I и II были заложены шурфы и при помощи бура Гиллера сделано 82 скважины [2]. Все это дало четкое представление о торфянике (рис. 1).

Ровная горизонтальная пойма, окружающая островки Малый и Большой Кытчесмыльк, имеет следующее строение: 1) заиленный (минерализованный) осоковый торф с хвощом (мощность в среднем 0,3—0,4 *м*); 2) буроватый глинистый сапропель, или гиттия (0,2—0,3 *м*); 3) оливково-сероватый глинистый сапропель (0,4—0,6 *м*); 4) серый среднезернистый песок-плывун [3]. Общая мощность трех верхних слоев в большинстве случаев 1,0—1,2*м*.

Вдоль юго-восточного края останца Малый Кытчесмыльк, между оливково-сероватым сапропелем и песчаным ложем вклиниваются озерно-болотные отложения, залегающие в углублении ложа узкой (10—20 *м*) и длинной (150 *м*) полосой, которая тянется дугой вдоль вогнутого края останца.

Отложения находятся на 1 *м* ниже меженного уровня воды в реке и имеют общую мощность до 1,2 *м*. Они состоят из двух коричневатых слоев. Нижним является грубодетритовый сапропель, верхним — гипново-осоко-

[1] Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис (бассейн р. Вычегды). Материалы по археологии Европейского Северо-Востока, I, Сыктывкар, 1962.

[2] Г. М. Буров. Торфяники речных стариц как места археологических находок. Изв. Коми фил. ВГО, 9, Сыктывкар, 1964, рис. 1.

[3] Определения торфов и сапропелей произведены зав. кафедрой геоботаники МГУ проф. С. Н. Тюремновым, который лично побывал на месте раскопок. Автор выражает ему глубокую признательность.

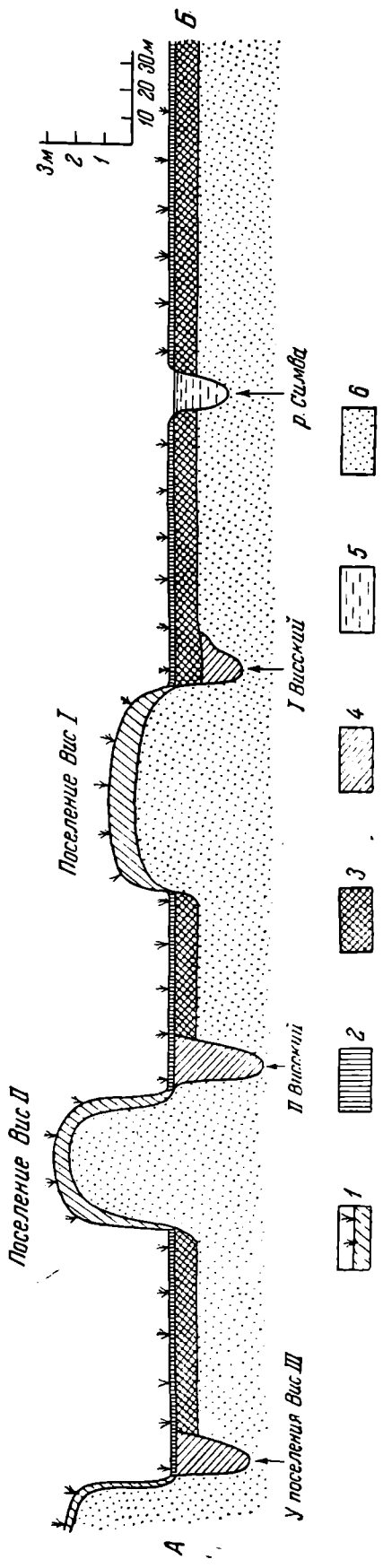


Рис. 1. Разрез местности близ устья р. Симвы

1 — культурный слой на суходолах; *2* — хвощевой торф; *3* — глинистые озерные отложения; *4* — торфяники старичного происхождения; *5* — вода; *6* — песок

вый торф (степень разложения — около 20%). Эти отложения мы и назвали I Висским (погребенным) торфяником.

В I Висском торфянике на различных глубинах обнаружено множество деревянных палок, шестов и веток без выраженных следов обработки; дерево с обработкой; изделия из дерева и других растительных материалов, а также кремень, сланец и керамика. В отложениях, налегавших на осоково-гипновый торф, встречены кремень и керамика; в верхнем, осоковом торфе культурных остатков не оказалось.

Рассматриваемый торфяник возник не в результате заболачивания поймы, а как следствие заторфовывания водоема — старицы древней речки. Об этом свидетельствует наличие в его основании слоя грубодетритового сапропеля и дугообразное очертание юго-восточного края останца, показывающее, что к нему некогда подходила вершина речной излучины. Люди, обитавшие на поселении Вис I, оставили культурные остатки не только на суходоле, но и в прилегающем озере (впоследствии в болоте).

После образования на месте старицы торфяника он и окружающая его территория (продолжение песчаного ложа торфяника), которая длительное время почти не покрывалась отложениями, были подтоплены водами трансгрессировавшего Синдорского озера. Об этом свидетельствуют слои глинистого сапропеля, залегающие над I Висским торфяником и на песчаном ложе далеко за его пределами (сливаясь с отложениями на дне Синдорского озера).

По мере сокращения площади Синдорского озера речки Вис и Симва вырабатывали себе русла в районе поселений Вис I и II.

При раскопках I Висского торфяника обнаружено свыше 90 деревянных изделий и предметов со следами обработки, поплавок из коры, остатки сети и веревка из растительных волокон, некоторое количество кремня, сланца и об-

ломков глиняной посуды. В число деревянных изделий входят: охотничьи луки; дугообразные рукояти орудий; полозья саней; лыжи (?); вилка; диск с отверстием; обручи (?); лопаточка; планки с отверстиями и штриховкой; планка с головкой; острия; изделия с желобом на конце; палки и шесты, имеющие на концах перехват, утолщение, выемку или отверстие; палка с ручками на концах; предмет в виде угла; прочие поделки: палки, плахи, доски и планки со следами резания или рубки.

Среди деревянных изделий особенно интересны пять охотничьих луков, из которых один целый (рис. 2).

Все луки вырезаны из стволов небольших деревьев или из веток со снятой корой. Внешняя, выпуклая сторона каждого лука полностью сохраняет естественную поверхность обрубка, из которого он изготовлен (диаметр 4—13 *см*).

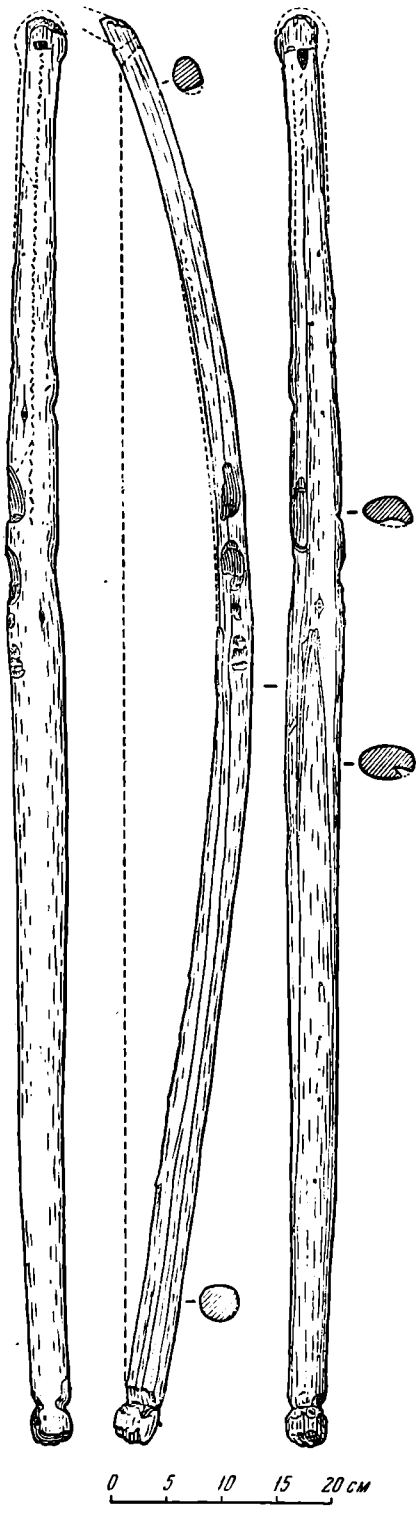


Рис. 2

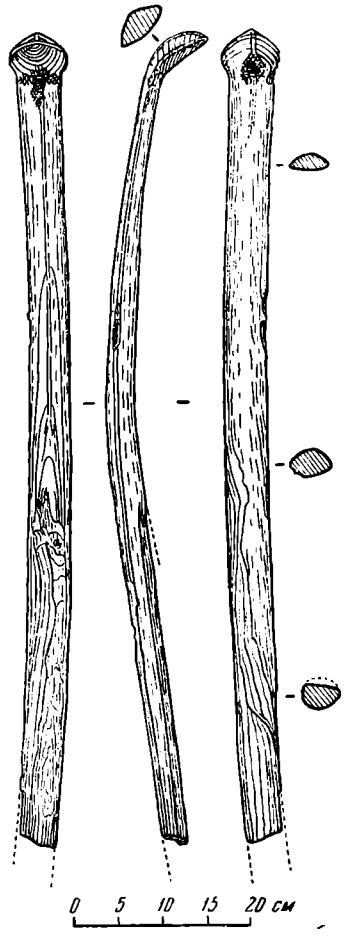


Рис. 3

Рис. 2. I торфяник. Целый лук

Рис. 3. I торфяник. Фрагмент орнаментированного лука

Первый, целый лук — это дугообразное изделие длиной 129,5 *см* и максимальной шириной 4,8 *см*. Один конец его массивнее другого. Лук почти на всем протяжении имеет линзовидное сечение (внутренняя сторона выпукла) и только более тонкий конец его пятигранный, завершается рельефным выступом и снабжен отверстием для прикрепления тетивы. Противоположный конец лука для той же цели имеет с внутренней стороны поперечный дугообразный желобок. В средней части хорошо выражены две выемки для стрел. Конец с отверстием орнаментирован с внутренней и внешней стороны прочерченными зигзагами. Судя по меньшей массивности этого конца, более тщательной его отделке и наличию орнамента, он, несомненно, является верхним.

Второй лук (рис. 3), от которого найдена верхняя часть (длиной 95 *см*), подобен первому, но крупнее и богаче украшен косой сеткой и параллельными линиями.

Внешняя сторона остальных луков выпуклая, внутренняя — плоская. Третий и четвертый луки имеют на конце, с внутренней стороны, полукруглый желоб для тетивы и две выемки в средней части для стрел, пятый имеет боковой уступ в средней части для стрел и две мелкие боковые зарубки на конце для прикрепления тетивы. Сохранившаяся часть третьего лука достигает в длину 106 *см*, четвертого и пятого — 102 *см*.

Как известно, луки делятся на простые, усиленные и сложные [4]. Луки из Висского торфяника принадлежат к типу простых: никаких следов укрепления этих луков костяными пластинками или сухожилиями проследить не удалось.

Большой целый лук Висского торфяника является редкой находкой. На поселениях неолита и бронзы на территории СССР (Сарнате [5], Горбуновский торфяник [6]) были найдены обломки больших луков с желобками и зарубками для привязывания тетивы. В Горбуновском торфянике [7] найден небольшой и весьма примитивный лук, по-видимому, детский. В культурном слое свайного поселения на р. Модлоне оказался целый маленький лук, предназначавшийся, как полагает А. Я. Брюсов, для сверления или добывания огня [8]. Что же касается целых луков взрослых охотников, то, если считать почти полностью сохранившийся лук из Шигирского торфяника [9] и находку в Сарнате [10], такие луки в памятниках неолита и бронзы на территории СССР ранее были найдены лишь дважды. Шигирский лук имеет в средней части выемку для стрелы; в разрезе он сегментовидный, причем плоская сторона обращена внутрь.

Целый лук из I Висского торфяника характерен тем, что у него один конец массивнее другого. Такие асимметричные луки имеют этнографические параллели: в XIX в. они были известны, например, у жителей Большого Андаманского острова (в Бенгальском заливе) и племен Новогебридских островов [11]. По-видимому, асимметричные луки по качеству не уступали симметричным, а некоторым преимуществом их было то, что стрелок мог держать такой лук точно за центр веса.

---

[4] Д. Н. Анучин. Лук и стрелы. Тр. V АС. М., 1887; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, стр. 221.

[5] Л. В. Ванкина. Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР). Muistsed asulad ja linnused, II, Tallinn, 1955, табл. VIII, *3*, *4*.

[6] Д. Эдинг. Горбуновский торфяник. Материалы по изучению Тагильского округа, 3, полутом I, Тагил, 1929, стр. 9; В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Тр. ГИМ, 29, М., 1956, стр. 24, 118.

[7] Д. Эдинг. Ук. соч., стр. 9; А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 228; В. М. Раушенбах. Ук. соч., стр. 24.

[8] А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, 21, 1951, стр. 39.

[9] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 228; Е. М. Берс. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959, стр. 33.

[10] Л. В. Ванкина. Раскопки в Сарнате в 1955—1956 гг. СА, 1958, 3, стр. 181.

[11] Д. Н. Анучин. Ук. соч., стр. 342.

Важной отличительной особенностью висских луков является наличие на верхнем конце отверстий для тетивы, заменяющих обычные желобки или зарубки. Следует думать, что такое отверстие имело преимущество перед желобком.

Как известно, луки обычно хранили со спущенной тетивой. В противном случае они быстро потеряли бы свою упругость. Тетива надевалась перед выходом на охоту или при подготовке к бою [12]. У луков, на обоих концах которых были выемки или желоба для прикрепления тетивы, последняя часто имела петлю, набрасываемую на конец лука при его сгибании (древнегреческий и скифский луки) [13]. У висских изделий тетива надевалась иначе: конец ее пропускали через отверстие и после сгибания лука закрепляли. По скорости, точности и прочности прикрепления тетивы висские луки немногим уступали древнегреческим и скифским. Некоторым преимуществом их было то, что в каждом случае при надевании тетивы можно было придать луку требуемый изгиб. Подобное прикрепление тетивы известно по древнеегипетским изображениям [14]. Лук, аналогичный висским, с отверстием и резным украшением на конце, найден в области Мундруку (бассейн Амазонки) [15].

Все висские луки, как и луки свайных построек Швейцарии, обращены сердцевинной стороной древесины внутрь. Благодаря этому они хорошо сгибались и пружинили. Прочность их была на 10—20% выше, а работа, затрачиваемая при натягивании тетивы, на 15—74% больше, чем в том случае, если бы сердцевинной стороной древесина была направлена наружу [16].

Луки, сделанные из круглых обрубков, подтесанных лишь с одной стороны и получивших сегментовидное сечение, отвечали всем основным требованиям. Именно такими являются два лука Висского торфяника (третий и четвертый), лук из Шигирского торфяника и луки из свайных поселений Бодман, Робенгаузен и Нидервиль в Швейцарии [17].

Если подтеска внутренней стороны улучшала качество лука, то какие-либо разрезы на внешней стороне могли вызвать его расщепление при натягивании тетивы. Поэтому желобки для ее прикрепления у висских луков сделаны с внутренней стороны.

Приведенные факты свидетельствуют о хорошем знакомстве древних обитателей поселения у Синдорского озера со свойствами древесины.

Наличием отверстий, резных выступов и орнамента на верхних концах висские луки отличаются от целых изделий из швейцарских свайных поселений — Суц и Нидервиль [18].

Дугообразные рукояти орудий. Одна из них представляет собой гнутое изделие с двумя просмоленными пазами, орнаментом в виде прочерченных зигзагов и резным украшением на конце, как у луков [19]. Она сходна с загадочным предметом из Горбуновского торфяника [20] и напоминает костяную рукоять скребка из Оленеостровского могильника.

Другие два изделия фрагментированы. Форма дугообразная, сохранившийся конец украшен рельефным орнаментом, поверхность также орнаментирована. У первого изделия имеются насечки на ребре и прочерченные фигуры по обе стороны от него, у второго — с выпуклой сто-

---

[12] Д. Н. Анучин. Ук. соч., стр. 358, рис. 22.
[13] Там же, стр. 358—360, рис. 23.
[14] Там же, рис. 14, *а*.
[15] H. Meyer. Bogen und Pfeil in Central-Brasilien. Leipzig, 1895, стр. 31—32, табл. II, *6—9*.
[16] B. Adler. Die Bogen der schweizen Pfahlbauten. Anzeiger für schweizerische Altertumkunde, XVII, 3, 1915, стр. 184.
[17] H. Reinerth. Die jüngere Steinzeit der Schweiz. Leipzig, 1926, стр. 36, рис. 1.
[18] B. Adler. Ук. соч., рис. 2.
[19] Г. М. Буров. Раскопки в бассейне р. Вычегды (близ дер. Синдор). «Вопросы археологии Урала», 2, Свердловск, 1962, рис. 46, *1*.
[20] Д. Эдинг. Ук. соч., рис. 1, *6*.

роны — косая сетка, с вогнутой — косые кресты из двойных прочерченных линий, на конце сохранился паз.

В торфянике найдены два больших фрагмента полозьев, с низким бортиком вдоль одного края. Заостренные концы приподняты и массивны. По краям у концов два противостоящих отверстия (рис. 4).

Корытообразный полоз с парой горизонтальных отверстий у обоих концов, размерами 246 × 11,5 × 6 *см,* найден в торфянике Хейнола в Фин-

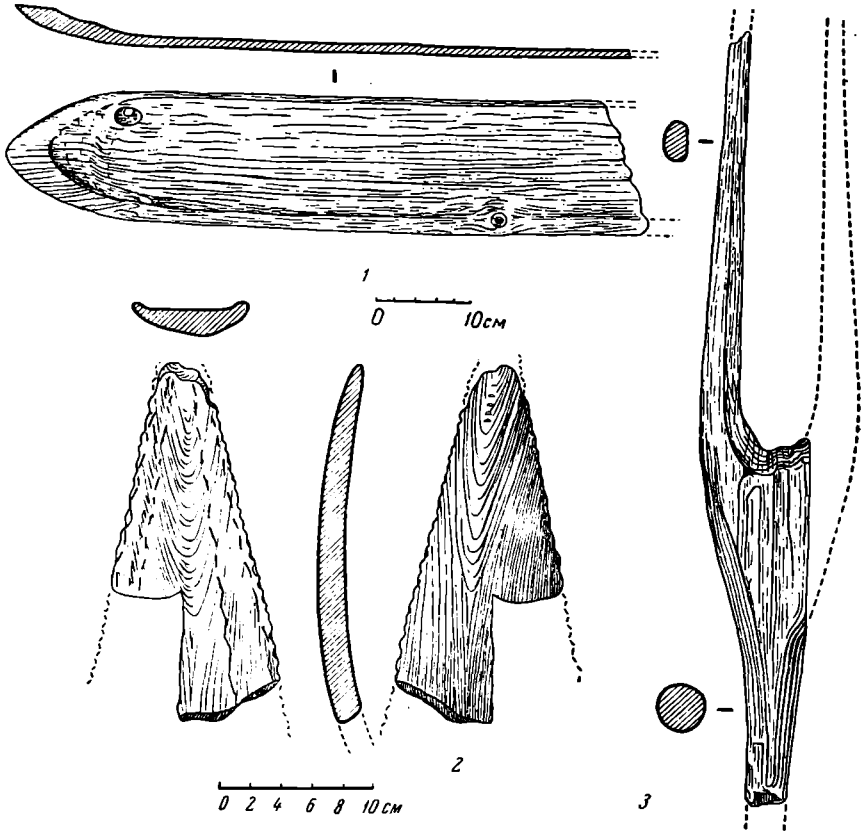


Рис. 4. I торфяник

1 — полоз; *2* — лыжа (?); *3* — вилка

ляндии; по геологическим данным этот полоз датируется примерно VII тысячелетием до н. э.[21].

Более отдаленными аналогиями висским полозьям являются массивные полозья, с поперечными отверстиями, найденные на стоянке Стрелка[22] (Горбуновский торфяник) и в Финляндии, в Рантасалми[23].

Небольшое количество отверстий и особенности их расположения позволяют предполагать, что сани из Виса II и Хейнолы не имели копыльев: два полоза могли скрепляться вплотную друг с другом поперечными ремнями, протянутыми в отверстия. При этом край полоза с бортиком был внешним.

С описанными полозьями сходны два обломка от плоских изделий с заостренными концами и бортиками по краям (рис. 4, *2*). Края и нижняя сторона конца одного из предметов имели насечку, верхняя сторона другого украшена прочерченным орнаментом.

---

[21] L. A a r i o. Heinolanpitäjän viikeinäisistä loydetyn recnjalaksen turvegeologinen ianmääräys. SM. XLI, Helsinki, 1934.

[22] В. М. Р а у ш е н б а х. Ук. соч., стр. 15, рис. 5, *6*.

[23] T. I. I t k o n e n. Muinaissuksia ja — jalaksia. SM, XVI, Helsinki, 1934, рис. 6

Возможно, это обломки лыж. Лыжа с орнаментом сверху и по краям, датирующаяся I тысячелетием, найдена в Кемиярви (Северная Финляндия) [24].

Вилка (рис. 4, *3*), вырезанная из крупного куска дерева, напоминает двузубые деревянные рогули начала нашего тысячелетия из раскопок в Гродно [25].

По этнографическим данным, рогуля (обычно из развилины дерева) устанавливается вертикально в отверстии на конце горизонтальной доски

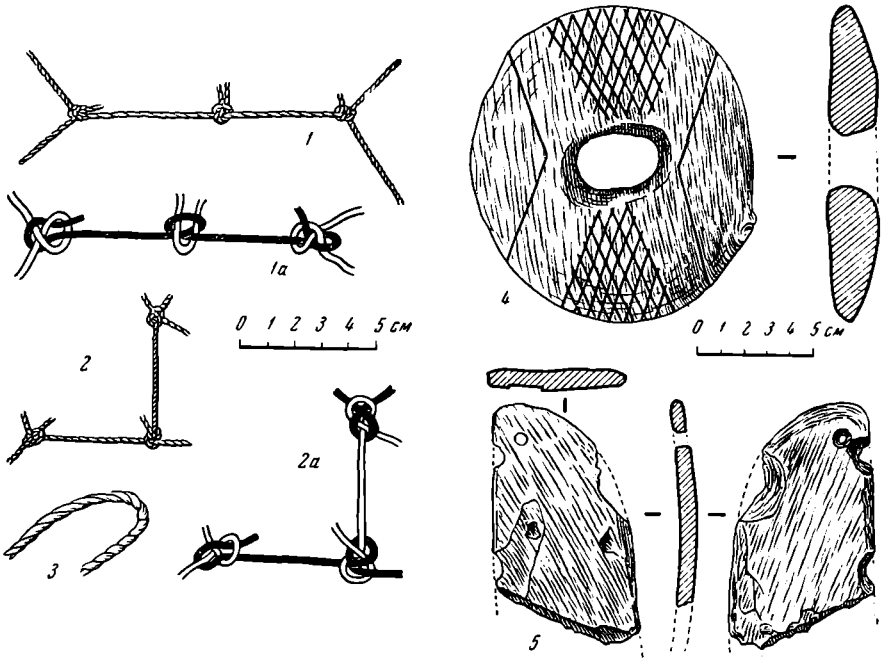


Рис. 5. I торфяник

1, 2 — фрагменты сетки; *1а, 2а* — схемы узлов; *3* — толстая веревочка; *4* — деревянный диск с отверстием; *5* — поплавок из коры

или лавки и служит для закрепления кудели при прядении [26] или готовой продукции при плетении сети [27]. Можно думать, что вилка из торфяника имеет прямое отношение к найденной там же сети.

В торфянике обнаружен диск диаметром 14 *см* с выдолбленным в центре овальным отверстием. На выпуклой стороне диска нанесен орнамент в виде косой сетки, обрамленной двумя ломаными линиями (рис. 5, *4*). По форме этот предмет напоминает деревянный поплавок из Нижнего Веретья [28].

Три дугообразных предмета на сохранившихся концах имеют длинные срезы. У двух предметов есть отверстия, в одном случае просверленные, в другом — прорезанные и проколотые. Сечение двух предметов подтреугольное, более узкая сторона обращена внутрь дуги.

Особенности сечения облегчали сгибание этих предметов, длинные срезы, сложенные вместе, очевидно, связывались.

---

[24] T. I. Itkonen. Ук. соч., рис. 2.

[25] Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. КСИИМК, XXXVIII, 1951, рис. 13, *4*.

[26] Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян. Тр. ИЭ, нов. сер., XXXI, М., 1956, рис. 10, 14, *а*.

[27] Sulcs. Jūras zvejniecīlas darba riki Ziemelkurzemē 19. gs. otrajā pase. «Arheologija un etnografija», III, Riga, 1961, рис. 1, 2.

[28] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952, рис. 23, 7.

Дугообразные предметы с отверстиями, по-видимому, представляли деревянные обручи, вероятно, служившие для прикрепления сети.

Такой способ прикрепления сети при устройстве сачка известен у финнов на р. Кими [29].

Найдена небольшая деревянная лопаточка (длиной около 70 *см*), с одной стороны покрытая штриховкой, нанесенной зубчатым инструментом. Изделие не закончено. По форме и размерам напоминает лопаточку со свайного поселения на р. Модлоне в Каргопольском районе [30]. Назначение не ясно.

Из двух палок с продольным желобком одна (длиной 67,5 *см*) отличается тонкостью выделки и совершенно цела. На ней сохранилась кора. Тыльный конец затуплен срезами. Конец с желобком сужен и имеет маленький бортик. Не вызывает сомнений, что желоб служил для прикрепления каменного, костяного или, возможно, медного наконечника, а бортик — для того, чтобы веревочка или жила, которой наконечник привязывался, крепче держалась.

Среди находок есть палки и шесты, имеющие на концах перехват, утолщение, выемку или отверстие (длиной до 130,5 *см*, диаметром 2—5 *см*). Они могут быть сопоставлены с вентилями — распорками для сетей, известными по Горбуновскому [31] и Сарнатскому [32] торфяникам.

Несомненно, поплавком для сети является вырезанный предмет с отверстием на конце (рис. 5, *5*). Аналогичные поплавки из сосновой коры найдены в Шигирском торфянике [33] и Горбуновском (на стоянке Стрелка) [34].

Найденный обрывок сети показывает, что она была сплетена из веревочки толщиной 1,5—2 *мм*, свитой из двух прядей (рис. 5). Пряди горизонтально натянутой веревочки наклонены влево.

Материалом для веревочек послужили крученые корешки и листья осоки и других растений [35]— доступный и легко поддающийся выделке материал, обладающий, однако, небольшой прочностью. Таким осоковым веревочкам можно указать этнографическую аналогию, по-видимому, единственную на территории СССР (коллекция с о. Сахалин [36]).

Шаг сети (расстояние между двумя узлами), измеренный в шести случаях, равнялся 4,5—5,5 *см*. Следовательно, сеть была крупноячейной.

При плетении сети использовался косой (шкотовый, рыбацкий) узел (прослежен в 14 случаях), более сложный и устойчивый при растяжении, чем прямой [37] (рис. 5). Косой узел имел широкое распространение в различные времена и на разных территориях [38]; применяется он и сейчас при выработке простых и капроновых сетей.

В косом узле участвуют две петли, одна из которых обхватывает две веревочки, а другая — одну. Как видно из шести примеров, сеть плелась таким образом, что каждая веревочка по своему ходу захватывала петлей попеременно то две, то одну веревочку.

---

[29] U. T. Sirelius. Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906, стр. 161, рис. 229.

[30] А. Я. Брюсов. Ук. соч., стр. 39, рис. 11, *2*.

[31] В. М. Раушенбах. Ук. соч., рис. 10, *10*.

[32] Л. В. Ванкина. Древнее поселение в Сарнатском торфянике, табл. XXVIII, *2*.

[33] П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, 21, 1951, стр. 58, рис. 4, *17*.

[34] В. М. Раушенбах. Ук. соч., рис. 5, *1*.

[35] По определению зав. кафедрой геоботаники МГУ проф. С. Н. Тюремнова.

[36] А. А. Попов. Плетение и ткачество у народов Сибири. Сб. МАЭ, XVI, М.—Л., 1955, стр. 43.

[37] А. Н. Волков. Рыболовные сети из капрона. М., 1953, стр. 20.

[38] См., например: С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.— Л., 1947, стр. 36, табл. 23, *1*, *2*.

Вместе с остатками сетки в сплетении оказались куски толстой веревочки (диаметром 0,4 *см*), служившей, по-видимому, для ее крепления (рис. 5, *3*). Она свита из двух более тонких веревочек, т. е. из четырех прядей.

Части сетей каменного и бронзового века на территории СССР известны в двух пунктах Прибалтики — в торфянике Корпилахти (северная часть Ленинградской обл.) [39] и на Сарнатском поселении [40]. Найдены они также в Западной Европе, например на свайном поселении Робенгаузен [41] в Швейцарии.

Льняная сеть из Робенгаузена по способу витья веревочек близка висской, но шаг первой сети меньше (2—2,5 *см*). Что же касается сети из Корпилахти, то она сближается с сетью Висского торфяника и по способу витья веревочек, и по их толщине, и по типу узла, и по размеру ячеи.

Висская сеть применялась, по-видимому, для ловли крупной рыбы. Но, возможно, она использовалась при коллективной охоте на водоплавающую птицу в периоды линьки или служила для тех и других целей [42].

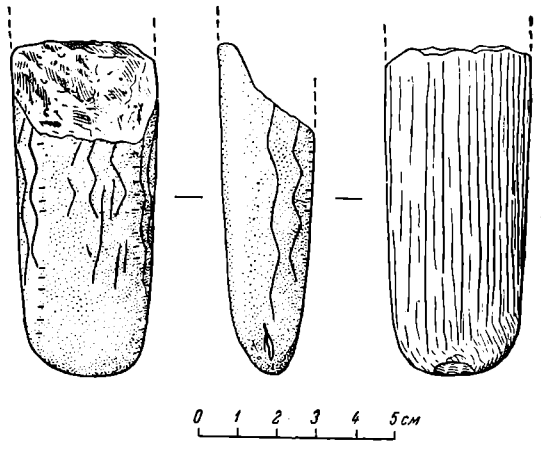


Рис. 6. Поселение Вис. I. Обломок каменного полированного орудия

Веревка, от которой найден кусок, по способу плетения аналогична четырехмиллиметровой веревочке, но значительно толще, ее диаметр был около 11 *мм*.

В торфянике собрано несколько десятков кремневых отщепов и осколков, кусок сланца со следами пришлифовки, сланцевый шлифованный топор и несколько обломков глиняной посуды с зубчатым орнаментом [43].

I Висский торфяник может быть датирован по стратиграфическим данным, археологическим материалам и результатам пыльцевого анализа.

Торфяник перекрыт озерными отложениями, прорезаемыми торфяником Виса II, начало формирования которого, как будет показано ниже, относится ко II—V вв. Это свидетельствует о глубоком возрасте I Висского торфяника.

Другой факт убеждает нас в том, что I торфяник относится ко времени бытования полированных орудий, т. е. к неолиту — бронзовому веку. На поселении Вис I, в смешанном культурном слое над заполнением неолитического жилища, найден обломок полированного орудия трапециевидного сечения с сильно суженным рабочим концом, что отличает его от тесел (рис. 6). Изделие орнаментировано прочерченными линиями (зигзагами и насечками). Аналогичное орудие было найдено осенью 1961 г. на поселении Симва III жителями дер. Синдор и передано нам. У него отсутствует лишь рабочий конец, т. е. та часть, о которой можно судить по находке на поселении Вис I. Своей длиной (более 40 *см*) этот предмет превышает все известные нам орудия для обработки дерева. Возможно, что описываемые орудия служили пешнями.

---

[39] S. Pälsi. Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea. SMYA, XXVIII, Helsinki, 1920, стр. 10, рис. 7.

[40] Л. В. Ванкина. Древнее поселение в Сарнатском торфянике..., стр. 149.

[41] H. Reinerth. Ук. соч., рис. 39, *13*, *14*.

[42] А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, стр. 83; Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956, стр. 180—182.

[43] Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис..., стр. 12—17.

Находка этих орудий имеет большое значение не только потому, что они представляют еще неизвестный тип полированных орудий; важно, что по орнаментальным приемам вещи поразительно близки деревянным изделиям I Висского торфяника (предполагаемая лыжа, дугообразная рукоять орудия, целый лук) и могут быть с ними синхронизированы.

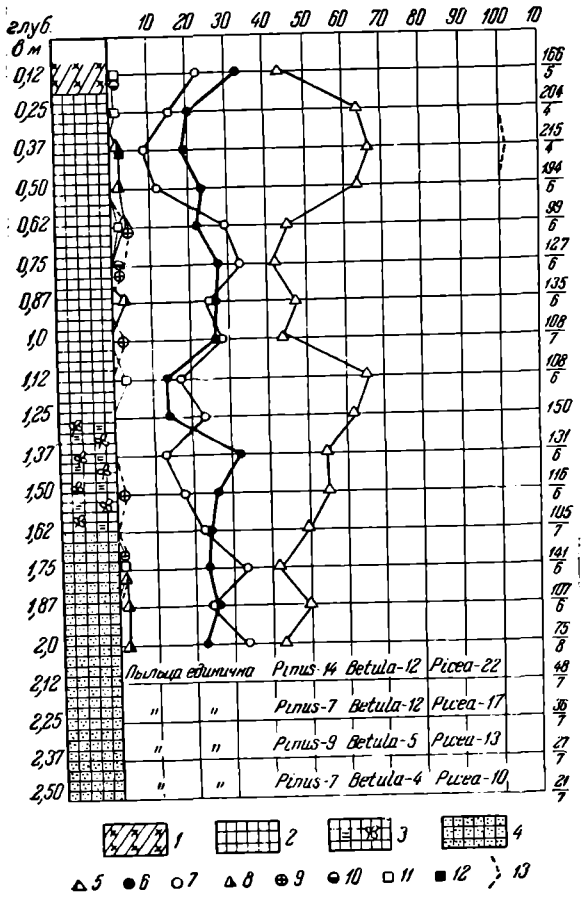


Рис. 7. Строение и пыльцевая диаграмма поймы в месте I торфяника

1 — осоковый торф; *2* — глинистые озерные отложения; *3* — гипново-осоковый торф и грубодетритовый сапропель; *4* — песок-плывун; *5* — ель; *6* — сосна; *7* — береза; *8* — пихта; *9* — ива; *10* — сибирский кедр; *11* — ольха; *12* — липа; *13* — широколиственные породы

Найденные в торфянике несколько обломков керамики относятся к раннему бронзовому веку (вторая — третья четверть II тысячелетия до н. э.) [44]. Орнамент на керамике (зигзаги, параллельные линии и косая сетка) также совпадает с узорами на деревянных изделиях.

Большой интерес представляют данные пыльцевого анализа. Полученная диаграмма (рис. 7)[45] по кривой пыльцы ели близка диаграммам района устья Северной Двины [46], в частности стоянки на р. Кузнечихе [47]. Это вполне понятно, так как Вычегодский край и район устья Северной Двины относятся к области, характеризующейся одним типом пыльцевых диаграмм [48].

Благодаря присутствию в спектрах атлантического и суббореального периодов пыльцы широколиственных пород отдельные отрезки северодвинских диаграмм могут быть датированы. Это позволяет, в свою очередь, ориентировочно определить возраст и торфяника в пойменной части поселения Вис I, в спектрах которой пыльца широколиственных пород (исключая пыльцу липы на глубине 0,25—0,37 *м*) отсутствует. Последнее объясняется расположением района Синдорского озера за пределами ареала распространения дуба и вяза в среднем голоцене [49].

I Висский торфяник на диаграмме пойменной части поселения Вис I соответствует второму сверху подъему кривой пыльцы ели. Б. Ф. Земляков и И. М. Покровская относят этот подъем на северодвинских диаграммах к концу атлантического и к первой половине суббореального перио-

[44] Г. М. Буров. Ук. соч., стр. 12—17, 26—27.

[45] Анализ на пыльцу озерно-болотных отложений, взятых на месте торфяника, произведен С. Н. Тюремновым. С. Н. Тюремнов. Археологические находки в торфяных залежах и датировка возраста торфяных отложений. Тр. Моск. об-ва испыт. природы, III, М., 1960.

[46] М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957, стр. 81—84, рис. 50.

[47] Б. Ф. Земляков, И. М. Покровская. О геологическом возрасте неолитической стоянки на р. Кузнечихе в г. Архангельске. КСИИМК, IX, 1941, рис. 22.

[48] М. И. Нейштадт. Ук. соч., рис. 225.

[49] Там же, рис. 200, 210.

да [50], а М. И. Нейштадт — целиком к первой половине среднего голоцена (т. е. к атлантическому времени) [51]. С. Н. Тюремнов определяет возраст Висского торфяника в рамках конца атлантического и первой половины суббореального периода, что совпадает с точкой зрения Б. Ф. Землякова и И. М. Покровской, а также согласуется с археологической датировкой.

Важно, что I Висский погребенный торфяник и культурный слой стоянки на р. Кузнечихе соответствуют почти аналогичным отрезкам пыльцевых диаграмм, а посуда Кузнечихи близка керамике Висских поселений. Это может служить дополнительным указанием на синхронность деревянных изделий и керамики раннего бронзового века [52].

II Висский торфяник расположен вдоль восточного, вогнутого края островка Большой Кытчесмыльк, занятого древним поселением Вис II. В связи с особенно трудными условиями работы торфяник в 1962 г. исследовался небольшим раскопом (36 $м^2$, из них на самом торфянике лишь 20 $м^2$) и шурфами (общей площадью 9 $м^2$). Но даже эти работы дали большой материал. Благодаря бурению II Висский торфяник полностью оконтурен. Он имеет подковообразную форму при ширине 16—20 и длине 250 *м*.

Раскопки и бурение показали, что в разрезе торфяник имеет линзовидную форму, но начинается, в отличие от I Висского торфяника, непосредственно от дневной поверхности.

Строение торфяника следующее.

1. Слой осоково-древесного торфа (степень разложения около 35%), имеющий мощность вдоль островка 0,9 *м*, на восточном крае — 0,6 *м*, между серединой и восточным краем — 0,3 *м*. Торф рыхлый, изобилующий влагой, чем отличается от спрессованного торфа I торфяника. Культурные остатки отсутствуют.

2. Песчаный темно-серый переотложенный с островка слой, вклинивающийся от культурного слоя на островке в нижний горизонт торфяного слоя вдоль островка. Мощность до 0,4 *м*. Содержит единичные мелкие обломки посуды ванвиздинского этапа (IV—V вв.) [53].

3. Коричневатый сапропель, грубодетритовый в верхней части и тонкодетритовый в верхней. Максимальной мощности (около 1,7 *м*) достигает в самом глубоком месте, утолщаясь как вниз, так и вверх. Верхний горизонт этого слоя обильно насыщен деревянными жердями, палками и кольями, а нижний — керамикой и деревянными изделиями.

4. Серый песчанистый сапропель, имеющий наибольшую мощность более 1 *м*, прослеживается в полосе торфяника, прилегающей к островку. Слой густо насыщен крупными обломками керамики, изделиями из дерева, небольшим количеством деревянных жердей и палок, грубо расколотого и обработанного кремня, костями млекопитающих и рыб. В 5 *м* от края торфяника, на глубине 2,3—2,5 *м*, обнаружена углисто-сажистая линза (в плане овальной формы, размерами 0,5 × 0,3 *м*), насыщенная обожженными костями.

В песчаных сапропелевых отложениях, а отчасти и глубже (2,1—2,4 *м* от дневной поверхности) обнаружены заостренные концы свай, входивших верхними концами в слой жердей.

Торфяник находится в основном на песчаном ложе (среднезернистый серый песок — плывун).

В раскопе и всех шурфах, заложенных на торфянике в 1962 г., найдены сотни жердей, залегавших, как правило, горизонтально, в основном на глубине 0,9—1,4 *м*, на первый взгляд без какого-либо порядка. Жерди

[50] Б. Ф. Земляков, И. М. Покровская. Ук. соч., стр. 101.

[51] М. И. Нейштадт. Ук. соч., стр. 83.

[52] Раскопки I торфяника были продолжены в 1964 г. Найдены луки, полозья, лыжа со скульптурной головой лося, обручи, весло, берестяной сосуд, часть циновки (?), полированные каменные топоры и другие вещи.

[53] Г. М. Буров. Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке. Автореф. канд. дис., Сыктывкар, 1963.

имеют в среднем длину 1,5—2 *м* и диаметр на одном конце 2,5—5 *см,* на другом — 1—2 *см.* Это — стволы небольших хвойных деревьев, часто с сучьями. На концах обычно прослеживаются следы рубки или срезы.

В раскопе и самом крупном из шурфов обнаружено пять свай толщиной от 4,5 до 8 *см*; большинство из них изготовлено из стволов березы, сучья у которых отрублены, а береста оставлена. Заостренная часть длиной до 30 *см,* как правило, обтесана с трех сторон. Нижние концы смяты при забивке, верхние во всех случаях имеют лишь следы излома.

Большинство свай, размещенных парами, сохранило вертикальное положение. По ряду признаков они аналогичны найденным при раскопках поселения на Модлоне (наличие коры, одностороннее заострение, беспорядочное размещение парами) [54], однако последние имеют больший диаметр.

Нет сомнения в том, что сооружения были возведены в водоеме, поскольку остатки залегают в озерных отложениях. Что представляли собой эти сооружения, оставалось не выясненным до раскопок 1963 г., когда на вскрытой к северу от раскопа 1962 г. площади торфяника поперек бывшей старицы был обнаружен почти сплошной ряд вертикально стоявших жердей и свай (верхние концы тех и других были обломаны); выше них лежал целый «настил» из жердей. Развал второго сооружения был аналогичен описанному, но свай и жердей здесь оказалось значительно меньше. Обнаруженные остатки конструкций, по-видимому, являются рыболовными заграждениями из вертикально воткнутых в дно жердей, которые опирались на поперечные слеги, закрепленные между парами вбитых в дно свай. Именно таким способом сделаны современные заграждения в реках Вис и Симва. Выявленным в торфянике строительным остаткам соответствует массовое количество найденных в нем деревянных пластинок от рыболовных западней.

Рыболовные заграждения II Висского торфяника имеют и археологические аналогии — на территории Северной Европы. Подобные искусственные преграды открыты в болотах, образовавшихся на месте старых русел — ручья Ниитйоки (Ниланд, Финляндия, каменный век [55]) и протока, соединявшего некогда два озера (Рогаланд, Западная Норвегия, энеолит) [56].

II торфяник старичного происхождения морфологически и генетически вполне аналогичен I.

Первоначально островок Виса II омывался рекой (Вис или Симва), которая и выработала его дугообразный край. После срезания меандры, происшедшего, очевидно, в конце гляденовского (ягкоджтыйского) времени (на самом песчаном ложе торфяника найдено небольшое количество поздней керамики гляденовского типа) [57], началось отложение песчанистого и тонкодетритового сапропеля, а также культурных остатков, попадавших в озеро с соседнего суходола, где тогда обитали люди. В это время, а скорее всего несколько позднее, в воде были построены заграждения. Гибель их в основном совпала с началом отложения грубодетритового сапропеля, в котором и были погребены остатки сооружений.

Инвентарь торфяника (раскопки 1962 г.) включает предметы из дерева, бересты, кости, камня и стекла, а также керамику. Деревянные изделия, которых найдено несколько десятков, отличаются большим разнообразием. Среди них имеются: статуэтка; полоз саней; весло; кирка; коленчатые рукоятки тесел; «гвозди»; «нож»; стрела; рыболовные крючки; стерженек составного крючка; поплавки сетей; пластинки; дугообраз-

---

[54] А. Я. Брюсов. Ук. соч., стр. 18—21, рис. 12; его же. Археологические работы в Вологодской области в 1937—1940 гг. КСИИМК, X, 1941, рис. 38.

[55] G. Topelius. Ett fiskstängsel från stenåldern. SMYA, XXVI. Helsinki, 1912.

[56] Дж. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 52—53.

[57] Г. М. Буров. Вычегодский край..., стр. 12.

ное изделие с выемками; изделие в виде плахи с перехватом и длинным сучком; планка с отверстиями [58].

Одной из самых интересных находок является небольшая статуэтка, изображающая человека (рис. 8). Хорошо выражены нос, глазные впадины, рот, уши, ноги и руки. Фигура имеет постамент. Длина статуэтки 6.3 *см*.

Полоз саней (шириной 8,5 *см*) представлен обломком (длиной 87 *см*) дугообразного поперечного сечения. Сверху он снабжен ушком с удлиненным отверстием. Не исключено, что по конструкции сани были аналогичны саням из I торфяника. Однако более вероятно, что сани были с копыльями, так как полоз похож на полозья старинных камчадальских собачьих саней. Такой полоз имеет два ушка с отверстиями — переднее и заднее, через которые продеваются ремни, привязывающие спаренные копылья в виде дуг из березовых корней [59].

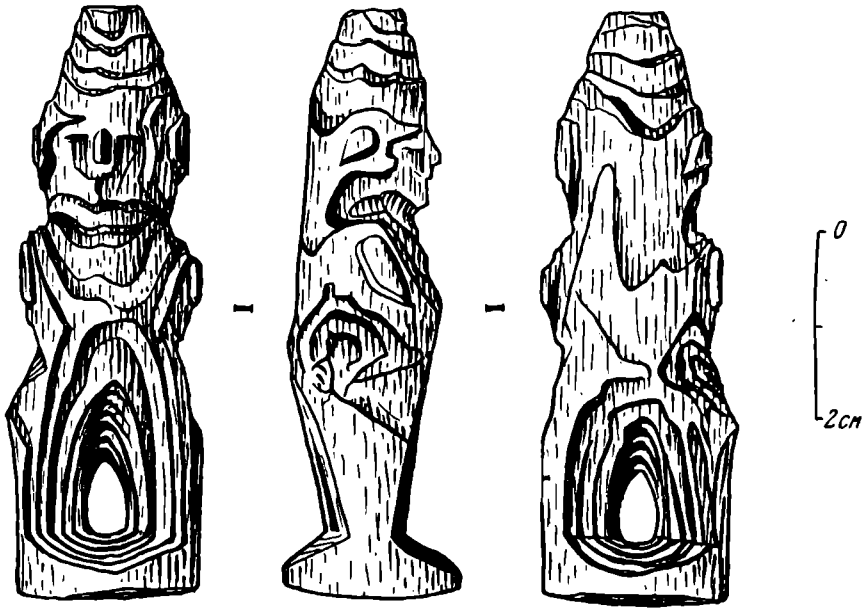


Рис. 8. II торфяник. Статуэтка

В коллекцию входит поврежденное весло с плавно расширяющейся (до 9 *см*) лопастью (форма конца не выяснена), одна сторона которой вогнутая, а другая — выпуклая. На вогнутой стороне в месте перехода к рукояти — острое ребро. На весле сохранились следы острого инструмента с узким лезвием, по-видимому, тесла. По очертаниям лопасти и наличию ребра оно аналогично веслам манси Нижнего Приобья [60]. Весла с вогнутой лопастью бытуют в нынешней дер. Синдор.

Найден предмет, похожий на кирку (рис. 9). Он имеет два рабочих конца — клевцовый и тесловый. В средней части выдолблено прямоугольное отверстие для рукояти, а перпендикулярно ему проделано круглое отверстие, в котором находился остаток деревянного гвоздя. На клевцовом конце имеется выемка, а на тесловом, по-видимому, был перехват (в этом месте кирка повреждена). Можно думать, что рабочие концы имели ме-

---

[58] В 1963 г. во II торфянике, кроме вещей, которые аналогичны перечисленным, найдена веревочка из осоки, золоченые стеклянные бусы, деревянные полоз и удильный крючок новых типов, рукоять с пазами, зубчатый штамп, лопаточки для размешивания глины, обручи, лучки, пряслица и загадочные изделия.

[59] В. Е. Антропова. Старинные камчадальские сани. Сб. МАЭ, X, М.—Л., 1949. стр. 48—50.

[60] К. Д. Носилов. У вогулов. СПб., 1904, рис. на стр. 77.

таллические наконечники и, следовательно, описанная вещь представляет собой муфту кирки.

Коленчатые рукояти тесел изготовлены из коротких отрезков дерева с расположенным под острым углом сучком. Собственно рукоятью служил сучок, а из отрезка дерева выделывали приспособление для скрепления ее с рабочей частью орудия.

Рукояти относятся к двум типам.

Рукоять первого типа (рис. 10, *1*) имеет цилиндрический выступ, вставлявшийся во втулку кельта, и находит себе аналогии в соляных копях гальштатской культуры у Галлейна в Зальцбурге[61]. У изделий второго типа (рис. 10, *2*) приспособление для скрепления с металлической частью представляет собой плоскую площадку с боковыми выступами. Железный наконечник такой рукояти, несомненно, был снабжен расши-

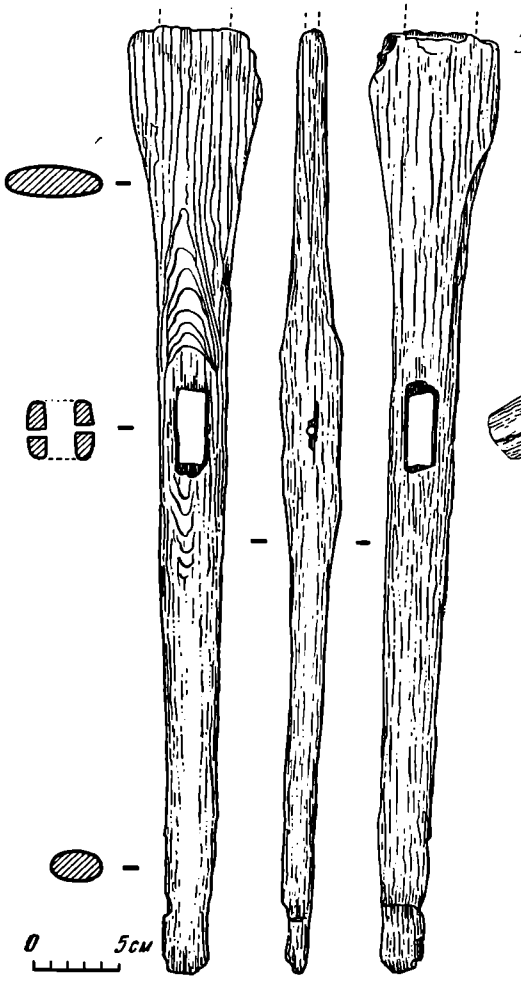


Рис. 9. II торфяник. Кирка

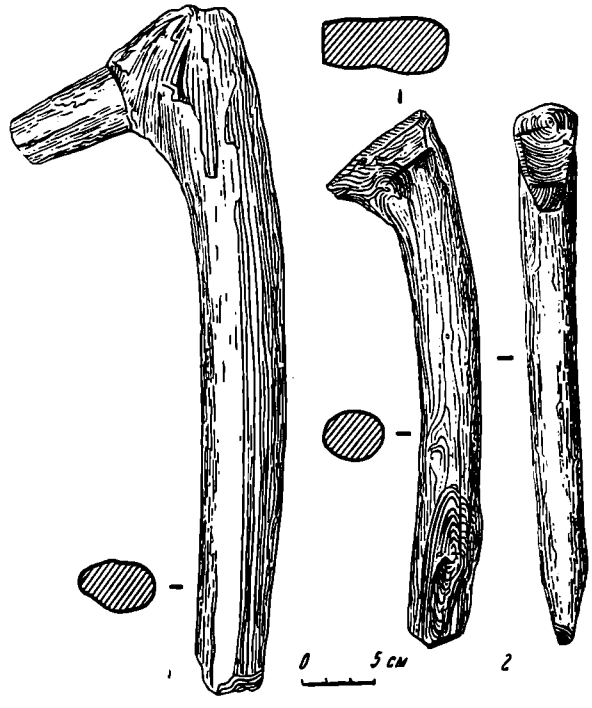


Рис. 10. II торфяник
1 — коленчатая рукоять первого типа;
2 — коленчатая рукоять второго типа

ряющимся ко дну пазом, в который плотно входили ее боковые выступы. Тесла данного типа бытовали в бывшей Костромской губернии и в Казахстане.

Три вещи выделаны из отрезков дерева с отходящим под прямым углом сучком. Из сучков вырезаны четырехгранные жальца, из отрезков — поперечные рукояти с внешней выпуклой и внутренней плоской сторонами, суженные к концам. Назначение этих, по-видимому, съемных г в о з д е й не выяснено.

---

[61] Г. О б е р м а й е р. Доисторический человек. СПб., 1913, стр. 666—669, рис. 391, *e*, *f*.

«Ножом» условно названо орудие в виде пластины с закругленными концами, с одним толстым, а другим тонким краем. От воздействия огня «нож» получил темную окраску.

Другой предмет (гребень) представляет собой узкую планку с лопастью (шириной 3,9 *см*), конец которой снабжен пятью зубьями со следами обжига (рис. 11, *2*). Самый длинный зуб — средний, наиболее короткие — крайние. Гребень сопоставляется с костяным изделием каменного века с территории Дании [62]. Судя по этнографическим аналогиям, он слу-

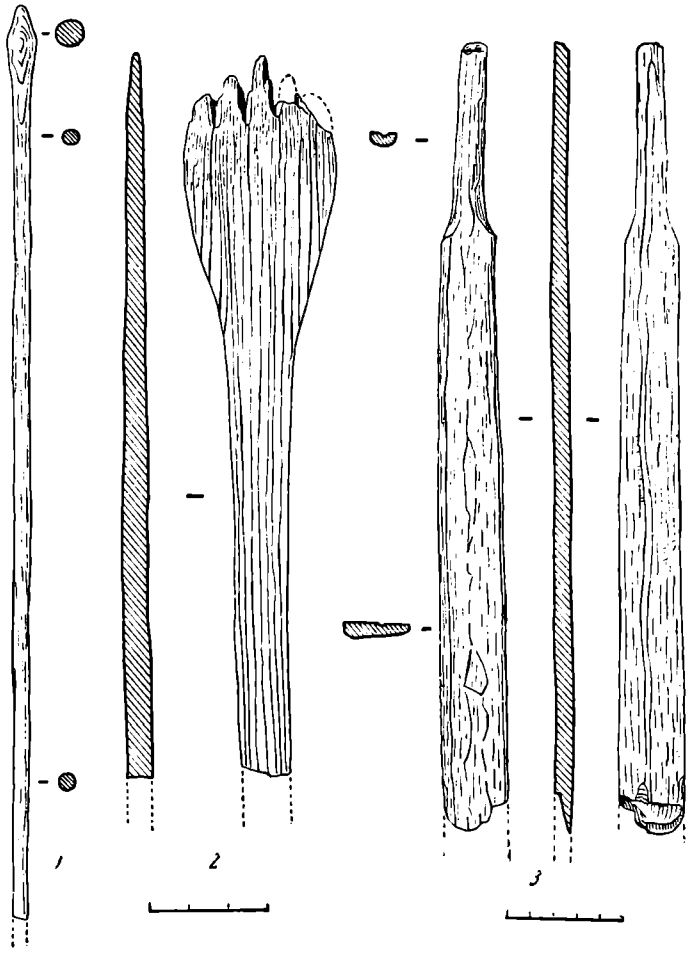


Рис. 11. II торфяник. Деревянные изделия

1 — стрела; *2* — гребень; *3* — пластинка от ловушек типа верш

жил для расчесывания пряжи — растительных волокон [63] или сухожилий [64].

Стрелы отломан нижний конец (рис. 11, *1*). Древко (диаметр 0,4 *см*) переходит в утолщенное (0,8 *см*) острие биконической формы. Размеры стрелы невелики; по-видимому, она предназначалась для охоты на мелкую дичь [65], если не являлась детской игрушкой. По форме стрела напоминает деревянные наконечники стрел неолитического слоя стоянки Веретье в Каргопольском районе [66].

---

[62] И. И. Ворсо. Северные древности королевского музея в Копенгагене. СПб., 1861, рис. 83.

[63] Н. И. Лебедева. Ук. соч., рис. 2.

[64] Н. Ф. Прыткова. Одежда хантов. Сб. МАЭ, XV, М.—Л., 1953, стр. 134; А. А. Попов. Ук. соч., табл. IX.

[65] Д. Г. Кларк. Ук. соч., стр. 47.

[66] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952, рис. 24, *4*, *5*.

Рыболовные крючки сделаны из отрезков тонких стволов или веток с сучком под острым углом (рис. 12, *2, 3*). Эти изделия вполне аналогичны рыболовным крючкам, бытовавшим в недавнее время в Финляндии [67] и других странах Северной Евразии [68]. При изготовлении удочки леска привязывалась к основанию сучка и закреплялась петлей на верхней части отрезка.

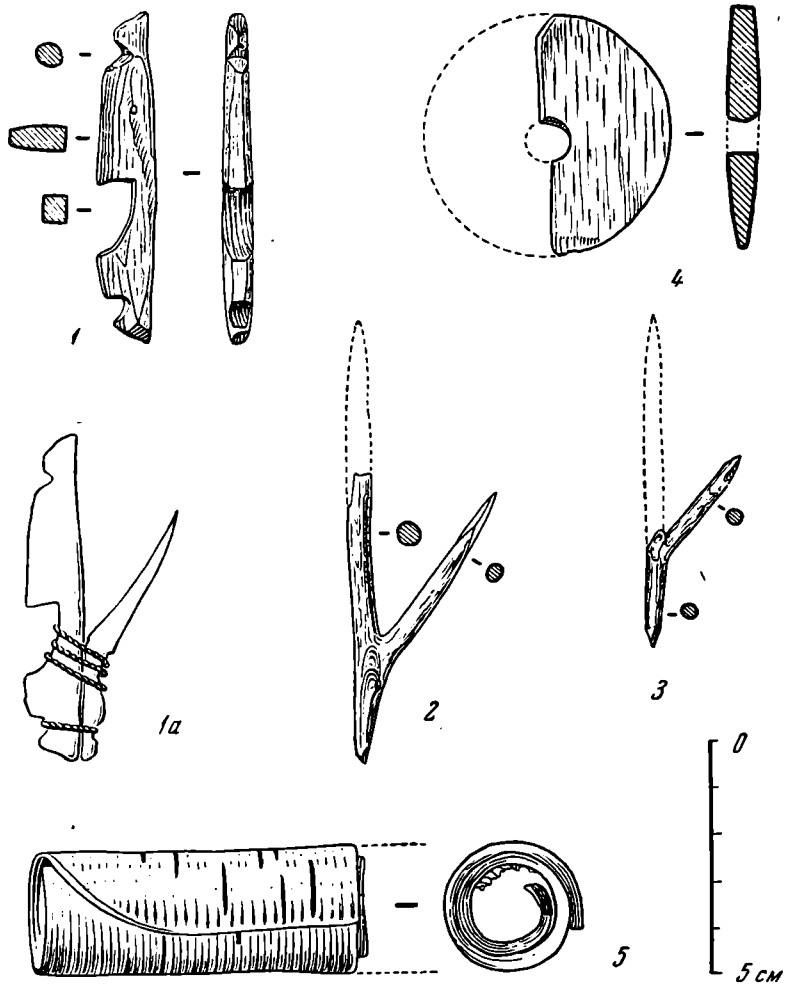


Рис. 12. II торфяник. Мелкие изделия из дерева и бересты

1 — стерженек составного рыболовного крючка; *1а* — реконструкция крючка; *2* и *3* — рыболовные крючки; *4* и *5* — поплавки от сетей (?)

В торфянике найдена миниатюрная планочка с суженными концами и тремя выемками по одному краю: две небольшие расположены симметрично, а одна более крупная — ближе к концу (рис. 12, *1*). Изделие напоминает каменные и костяные стерженьки составных рыболовных крючков, у которых, однако, лишь две выемки — на концах [69]. Третья выемка могла служить для скрепления стерженька с острием в двух местах (рис. 12, *1а*) [70]. Часть составного рыболовного крючка

[67] S. Pälsi. Über steinzeitliche Hakenfischereigeräte in Finnland. SMYA, XXVI, Helsinki, 1912, рис. 14.

[68] B. Anell. Contribution to the History of Fishing in the Southern Seas. Uppsala, 1955, рис. 21, *7, 8*.

[69] S. Pälsi. Ук. соч., рис. 1—13.

[70] Ср.: Ю. М. Лихтенберг. Гавайские коллекции в собраниях Музея антропологии и этнографии. Сб. МАЭ, XIX, М.— Л., 1960, табл. III, *1*.

с деревянным стерженьком обнаружена на стоянке Стрелка (Горбуновский торфяник) [71].

Во II Висском торфянике найдены два поврежденных изделия с выдолбленным в центре отверстием; крупное овальной формы и мелкое округлое (рис. 12, *4*). Вероятно, это поплавки сетей.

Пластинки, являющиеся массовыми находками, хорошо вытесаны и обычно отполированы (рис. 11, *3*), иногда с применением мелкозубчатого инструмента, оставившего местами тонкие параллельные штрихи. Они служили, видимо, для изготовления ловушек типа верш.

В большинстве случаев пластинки, несомненно, служили для изготовления рыболовных ящиков для хранения рыбы. Пластины своими щипами могли входить в многочисленные отверстия деревянной рамы. Такие верши и ящики известны в Эстонии [72]. Тара для рыбы из пластинок («кури») применяется в настоящее время в дер. Синдор (пластины с перехватами на концах скрепляются проволокой, дно делается из бересты).

Дугообразно изогнутая палка с подтесанным изнутри, снабженным боковой зарубкой и обугленным концом (второй конец обломан) могла служить обручем или дугой для рыболовного сачка [73].

Приведенное выше описание деревянного инвентаря показывает, что по своему составу он резко отличается от инвентаря I торфяника (см. также таблицу). Все это подчеркивает большой хронологический разрыв между торфяниками и говорит о прогрессе в технике обработки дерева.

Особенности деревянных изделий	Торфяники	
	I	II
Обычная величина	Крупные	Мелкие
Изделия из отрезков с сучком	Встречены лишь один раз	Часто встречаются
Изделия со следами закаливания огнем	Отсутствуют	» »
Орнамент	Имеется на многих вещах	Не встречен ни разу
Следы зубчатого инструмента	Имеются	Нет
Следы пиления	Нет	Имеются

Каменный инвентарь представляет собой грубо расколотый кремень, массивные скребки, типичные для поселений гляденовского (ягкоджтыйского) и ванвиздинского этапов, и «пращный» камень коротко-цилиндрической формы, аналогичный найденному в Финляндии [74].

Обломки костей животных имеют следы действия огня (необожженная кость не сохранилась). Несколько обломков происходит от тяжелых, окаменевших костей ископаемой фауны, иногда использовавшихся в древности. Из костяных вещей найден ромбовидный наконечник стрелы плоскоромбического сечения.

В раскопе на торфянике собран бисер из желтого непрозрачного стекла: две бусинки диаметром и длиной 0,25—0,3 *см* короткоцилиндрической формы и одна, 0,4 × 0,4 *см* — плоско-выпуклая [75]. Имеется также экземпляр коротко-цилиндрической формы из красной пасты. Бисер

---

[71] А. Я. Брюсов. Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, XXXVII. М.— Л., 1951, стр. 74.

[72] I. Manninen. Die Sachkultur Estlands, I, Tartu, 1931, рис. 238, 261.

[73] I. Manninen. Ук. соч., стр. 154—156, рис. 147.

[74] A. Hackman. Die Emalfibel von Wärilä im Kirchspiel Pälkäne. SMYA, XXVI, рис. 21.

[75] По классификации Г. Г. Лемлейн. Опыт классификации форм каменных бус. КСИИМК, XXXII, 1950.

имеет многочисленные аналогии в памятниках I тысячелетия Восточной Европы [76].

В торфянике обнаружено несколько тысяч обломков глиняной посуды. Некоторые из них украшены резным орнаментом и относятся к гляденовскому (ягкоджтыйскому) этапу, к первой группе, причем, судя по чертам сходства этой посуды с ванвиздинской, не к его началу.

Ванвиздинская посуда из торфяника (рис. 13) ранняя и вполне аналогична найденной на соседнем островке [77]. Некоторые сосуды имеют на

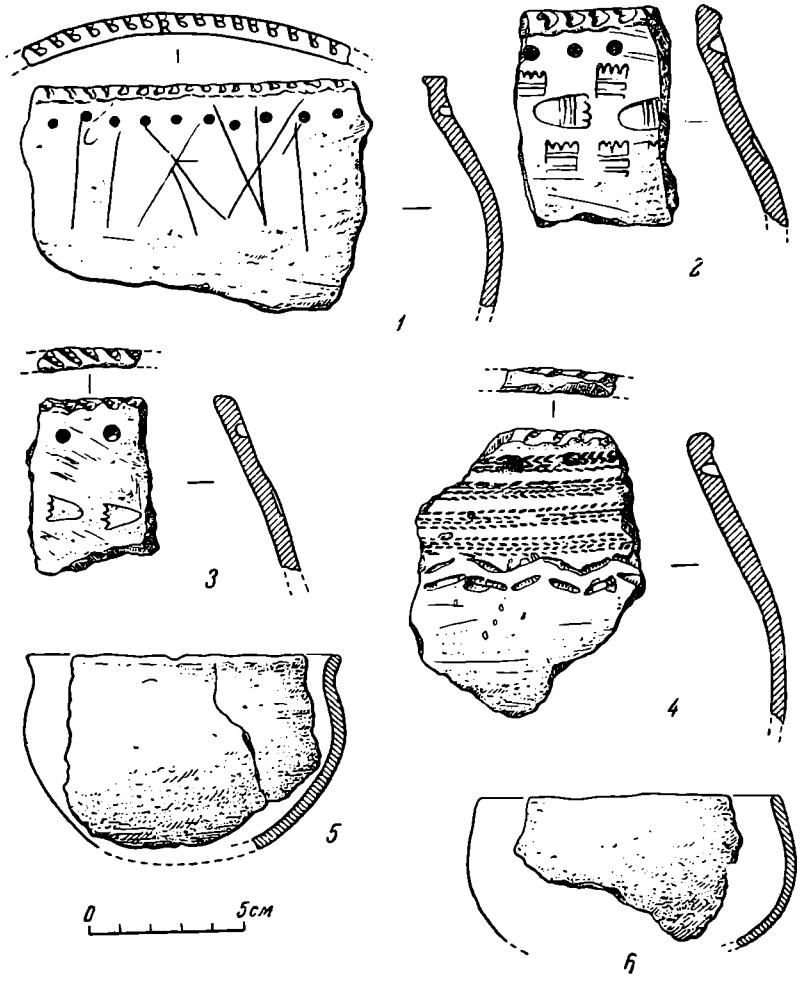


Рис. 13. II торфяник. Керамика ванвиздинского этапа

внешней поверхности резные узоры в виде дополнения к зубчато-веревочным, что можно рассматривать как архаическую особенность. Встречены оттиски в виде звериной лапы с четырьмя пальцами (рис. 13, *2, 3*).

Огромное количество подобной керамики позволяет с уверенностью отнести инвентарь II Висского торфяника в основном к ванвиздинскому этапу. Незначительная часть керамики (а возможно, и дерева из тонкодетритового и песчанистого сапропеля) датируется второй половиной гляденовского этапа. Следовательно, II Висский торфяник (как памятник) можно отнести ко II—V вв. Такой дате не противоречат ни бисер, ни костяной наконечник стрелы [78], ни рукоять кельта, принадлежавшая, по-

[76] Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 173, 176.

[77] Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис..., рис. XIX—XXI; XXII, *9—14*.

[78] Г. М. Буров. Раскопки в бассейне р. Вычегды, стр. 111.

видимому, орудию типа найденных в Гляденовском костище [79] и в Айшинском могильнике IV—V вв. пьяноборской культуры [80].

Значение раскапывавшихся торфяников не ограничивается важностью находимого в них. Работы близ устья р. Симвы показали, что небольшие торфяники старичного происхождения, которые повсеместно встречаются в значительном количестве вдоль русел современных рек, должны быть подвергнуты массовому изучению (которое должно производиться наряду с поисками поселений, расположенных целиком в низине или воде). Связь суходольных поселений, называемых боровыми, дюнными, аллювиальными или пойменными, с водой общеизвестна. Поэтому велика вероятность, что в черте такого поселения имеется торфяник с археологическими предметами.

Находки, конечно, будут обнаружены не в каждом торфянике, прилегающем к суходолу с культурным слоем. Отрицательные результаты следует ожидать, если во времена обитания древнего человека у суходола протекала река (деревянные вещи, попадавшие в воду, уносились течением), русло ее подошло к древнему поселению в позднее время или поселение является местом очень кратковременного обитания. Вещи могут быть найдены лишь в том случае, если культурный слой на суходоле синхронен озерной или болотной стадии развития торфяника. Чем дольше человек обитал на суходоле или чем чаще последний заселялся, тем больше вероятность, что в соседнем торфянике имеются археологические предметы.

Старичные торфяники у суходолов перспективны и благодаря простоте их выявления. Торфяники следует искать преимущественно на поселениях, несколько удаленных от реки. Дугообразно вогнутый участок края надпойменной террасы, спускающийся к пойме, в подавляющем большинстве случаев соответствует старичному торфянику [81]. Выявляются торфяники при помощи шурфовки или бурения (буром Гиллера), которое позволяет и в сжатые сроки определить их точные очертания.

Мы предполагаем, что старичные торфяники с археологическими предметами из растительных материалов будут открыты в черте многих поселений суходольных типов, причем расширение раскопа в сторону старичного торфяника должно дать хорошие возможности для спорово-пыльцевого анализа, так как культурный слой на суходоле будет привязан к старичным отложениям [82].

---

[79] О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1953, рис. 35, *3*, *4*.

[80] А. П. Смирнов. Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, XXV, 1949, рис. 8, *12*.

[81] Н. С. Щукин. Общая геоморфология. М., 1960, стр. 253.

[82] С. В. Бутомо, А. В. Кирьянов, Б. А. Колчин, Г. Б. Коробова, Г. Н. Лисицына, А. Л. Монгайт, В. И. Цалкин, А. А. Формозов. Сборник инструкций по взятию образцов для анализа археологических материалов методами естественных наук. М., 1960, стр. 24.

В. П. ШИЛОВ

УШАКОВСКИЙ КУРГАН

Прошло уже более 60 лет с тех пор, как в 1901 г. учитель Елизаветовского церковноприходского училища И. И. Ушаков раскопал курган, который впоследствии вошел в литературу под его именем. Этот курган входит в обширный Елизаветовский курганный могильник, расположенный на низменном острове, образованным современным руслом Дона и его старицей Мертвым Донцом, близ станицы Елизаветовской Азовского района Ростовской обл. Курган находится в южной части могильника, в 200 *м* к северо-западу от церкви в хут. Курган и примерно в 400—450 *м* к северу от правого берега Дона. Во время весенних паводков и сильных осенних ветров со стороны Азовского моря («низовок») территория могильника систематически заливается водой.

Несмотря на то что И. И. Ушаков обнаружил в кургане богатое захоронение с очень интересным погребальным инвентарем, его отчет до сего времени не опубликован, а добытые им материалы должным образом не изучены. Не выяснена прежде всего датировка памятника. Так, Г. Е. Кизарицкий и М. Эберт на основании стилистического анализа изображений на золотой обкладке железного меча датируют курган VI в. до н. э.[1], а М. А. Тальгрен — даже концом VII в. до н. э.[2]. Полагая, что изображение на ножнах является смешением ассирийских и скифских мотивов, Э. Миннз отнес курган ко времени не позднее VI в. до н. э.[3]. Н. И. Сокольский датирует меч из Ушаковского кургана VI—V вв. до н. э.[4]. Г. Е. Боровка датировал ножны меча V в. до н. э.[5]. М. И. Ростовцев на основании изучения формы меча и обряда погребения относит курган к V—IV вв. до н. э.[6]. Указанные исследователи при определении времени сооружения кургана опирались главным образом либо на стилистический анализ изображений на ножнах, либо на форму меча. Почти никто не пытался привлечь для датировки другие материалы из погребения — обломки чернолакового сосуда, две целые амфоры, упоминаемые И. И. Ушаковым в отчете,

[1] G. E. Kieseritsky. Funde in Südrussland. Arch. Anz. 2, Berlin, 1902, стр. 44—45; см. также RV, 14, Berlin, 1928, стр. 36—37.

[2] A. M. Tallgren. Collektion Tavostine. Helsingfors, 1917, стр. 77.

[3] E. H. Minns. Scythians and Greeks, Camebridge, 1913, стр. 270.

[4] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи, МИА, 33, 1954, стр. 138.

[5] G. E. Borovka. Scythion Art., London, 1928, стр. 97.

[6] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. ПРГ., 1925, стр. 531—532.

[7] В каталоге Х. И. Попова на стр. 134 упоминаются следующие материалы из этого кургана, поступившие от И. И. Ушакова в Донской музей (Новочеркасский): № 1851. Фотография амфоры; № 1852. Фотография золотой обкладки меча; № 1853. Мелкие обломки глиняных сосудов тонкой греческой работы: а) с украшениями черного и коричневого цвета 3,9 × 3,2 *см*, б) светло-оливкового цвета 1,8 × 1,6 *см*, в) черного цвета 2,8 × 1,5 *см*; № 1854. Четыре небольших обломка сосудов из красной глины; № 1855. Бронзовый двухгранный наконечник стрелы без шипа; № 1856. Образец сгнившего болотного растения — «чакана». Мои попытки разыскать сейчас эти материалы в Новочеркасском музее оказались тщетными.

и т. д.[7]. Лишь Т. Н. Книпович привлекла для датировки этого кургана два обломка античного арибаллического лекифа и отнесла курган к концу VI в. до н. э.[8].

Таким образом, в определении времени сооружения Ушаковского кургана в нашей литературе имеются существенные расхождения, причем большинство археологов, занимавшихся этим памятником, относит его к концу VI в. до н. э.

Недостаточно ясным представляется из отчета И. И. Ушакова обряд погребения и форма погребального сооружения. Поскольку отчет И. И. Ушакова не был опубликован, приводим полные данные его дневника:

«Избранный мною для первого опыта курган находится в $^1/_2$ версте от окраины станицы и берега (правого) р. Дона, и в 2-х верстах от центра станицы; расположен он на гладкой болотистой равнине, ежегодно понимаемой (заливаемой.— *В. Ш.*) полой водой. От времени курган значительно расползся во все стороны, так что нижняя его окружность, ясно выделяющаяся на болоте, равняется 80 саженям (170,69 *м.*— *В. Ш.*); вторая окружность, от которой собственно и возвышается курган, равняется 36 саженям (80,8 *м.*— *В. Ш.*); по этой второй окружности курган был обложен камнем, который постепенно выкопан и забран станичниками (рис. 1, *1*); от вершины кургана до материка всего 3 сажени (6,4 *м.*— *В. Ш.*). Состоит курган из очень плотной глины, взятой, очевидно, из окружающего его болота. В 50 саженях (106,68 *м.*— *В. Ш.*) к западу от этого кургана расположен точно такой же другой, неудобный для раскопок, так как на нем устроено кладбище.

Ввиду незначительной величины кургана первоначально решено было перекопать его пополам, вывозя землю тачками; но в первый же день работ пришлось этот план оставить по следующему поводу: раскапывая вершину кургана, нашли дощатый гроб, еще не вполне сотлевший; порешили не трогать гроба и попробовать дойти до центра кургана, работая уступами. Первый уступ в 6 аршин ширины (4,27 *м.*— *В. Ш.*) и 2 аршина (1,42 *м.*— *В. Ш.*) глубины срезали с восточной стороны кургана, где в нем заметна была небольшая впадина (рис. 1, *2* и *3*).

23 ноября на втором уступе обнаружилась сплошная полоса сероватой влажной массы в $^1/_2$ дюйма толщиною (1,27 *см.*— *В. Ш.*), которая уклоном до 40° спускалась к основанию кургана (рис. 1, *5*). Высушенная эта масса растирается в мелкий белый порошок.

Короткие дни и плохая погода, с одной стороны, и чрезвычайная плотность глины кургана, с другой, сильно замедлили работу.

29 ноября в 8 часов утра явился ко мне один из моих рабочих и сказал, что работы приостановлены до моего приезда, так как на дне ямы обнаружены кости. Я тотчас же отправился на место раскопок, до которых от моей школы не более 2-х верст.

На дне ямы, в 6 арш. длиною (4,27 *м.*— *В. Ш.*) с юга на север и в 3 арш. (2,13 *м.*— *В. Ш.*) с востока на запад, прежде всего были обнаружены две совершенно целые глиняные „корчаги“ (амфоры.— *В. Ш.*), лежавшие рядом горлышками на запад; рядом с ними с северной стороны оказались куски разбитых и набросанных в беспорядке таких же сосудов.

С восточной стороны „корчаг“ в южной половине ямы лежали кости лошади, которые как бы огибали корчаги; по всему вероятию, сосуды были помещены между передними и задними ногами лошади. Вся яма оказалась устланной той самой пеленой сероватой массы („чакан“.— *В. Ш.*), которая была обнаружена на втором уступе и является покровом

[8] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, 104, М.— Л., 1934, стр. 187, примеч. 3; ее же. К вопросу о торговых связях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, 104, стр. 109.

трупов. Разборка костяка была довольно трудна, так как земля, в которой костяк находился, представляла из себя липкую глину, превращенную в грязь лившим дождем. При костяке с южной стороны найдена поделка из дерева, прекрасно сохранившаяся; тут же беспрестанно попадались кусочки зелени, вероятно, окись меди; кусочки эти настолько рыхлы, что свободно растираются пальцами.

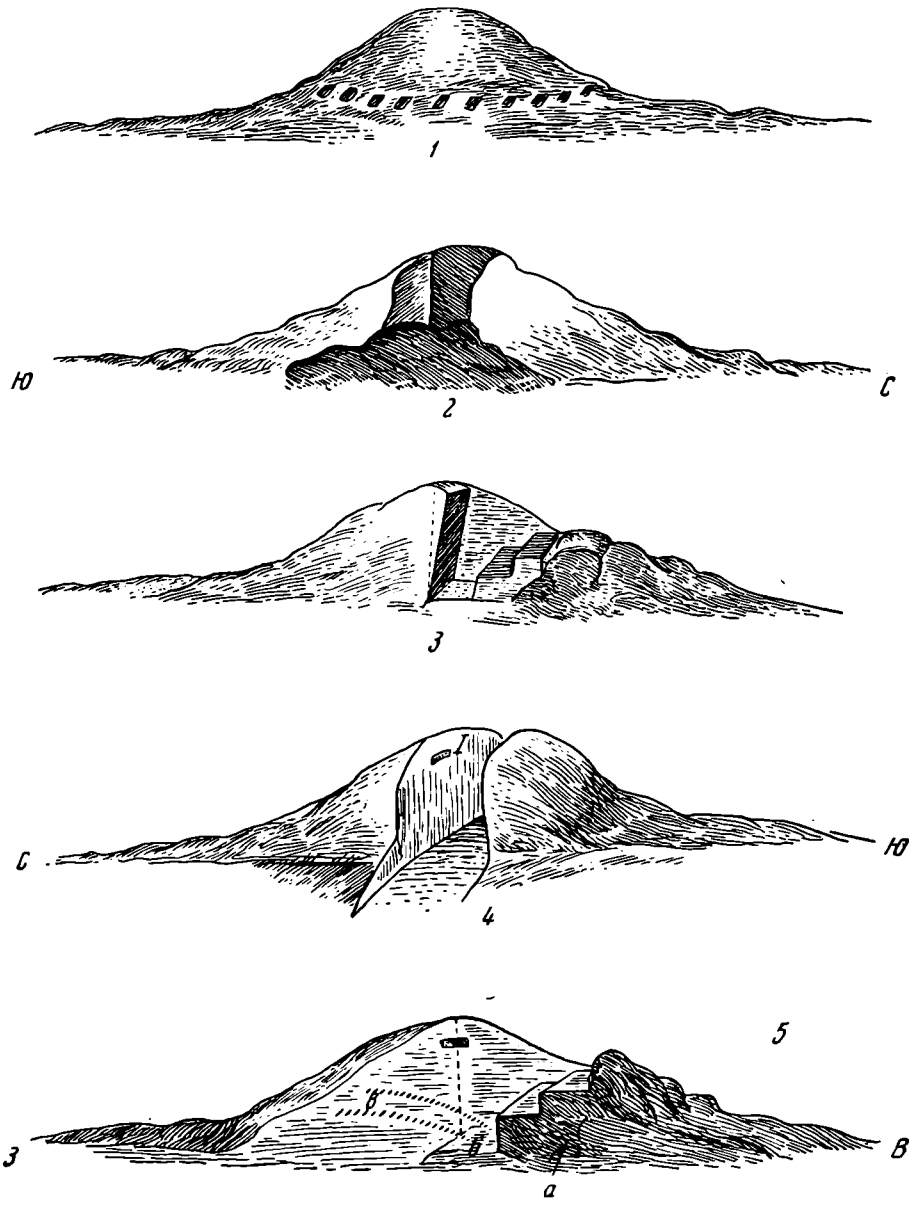


Рис. 1. Рисунки И. И. Ушакова

1 — внешний вид кургана до раскопок И. И. Ушакова; *2* — внешний вид восточного раскопа И. И. Ушакова; *3* — разрез восточного раскопа И. И. Ушакова; *4* — вид западного раскопа И. И. Ушакова (*I* — верхняя могила); *5* — профиль северной половины кургана (*а* — нераскопанная часть — уступы; *б* — нижняя могила; *в* — пелена из «чакана»)

В час дня, когда половина ямы была исследована, костяк лошади — без головы (голова лошади найдена при последующих работах в западной стороне — ближе к центру кургана) и куски корчаг были собраны, я распорядился приостановить работу в яме с тем, чтобы съездить домой взять „дневник раскопок", которого утром не успел захватить. В „дневнике" я намерен был затушевать костяк человека, который предполагался в се-

верной нетронутой половине ямы. С двух часов дня пошел настоящий ливень; ехать на раскопки было поздно и почти невозможно, и я не поехал, в полной уверенности, что до утра в яме никаких работ не будет.

Вслед за моим отъездом Лекарев с 5 рабочими пошел домой обедать, оставивши на кургане двух рабочих — казака Синегубова и мещ. Иванова, поручивши им отбрасывать землю на верху кургана и наблюдать, чтобы в яму никто не спускался. Ни малейшего подозрения о возможности ограбления могилы не могло возникнуть, так как на кургане, несмотря на дождь, с самого утра толпилось несколько десятков человек любопытствующих. Каково же было изумление Лекарева, когда он, возвратясь через час на раскопки, застал своих сторожей в яме; здесь они успели вскопать часть дна к северной стене. (Всех зрителей ливень разогнал по домам, чем рабочие и воспользовались.) Тут же Синегубов и Иванов передали Лекареву золотую пластинку с изображением кабана и двух львов или тигров, которую они, по их словам, вытащили из-под восточного уступа.

При самой тщательной расчистке ямы пришлось собрать очень мало костей: две плечевые кости, часть таза, несколько мелких обломков позвоночника и один зуб. Голеней и черепа [9] совсем не найдено. Когда все кости в яме были собраны и земля очищена до материка, Лекарев с несколькими рабочими стал расширять яму, подкапываясь в западную сторону, где лежал целый сплошной слой совершенно истлевшего и смешавшегося с землей железа, в комке которого оказалась покрытая тонким слоем золотая рукоятка — вероятно ножа, тут же попадались куски мелких стрелок и масса окиси меди, в виде зелени с незначительными остатками металла. Вскоре земля, размоченная ливнем, обвалилась и засыпала всю яму аршина на два высотою (1,42 *м.* — *В. Ш.*) (рис. 1, *3* — пунктир).

В тот же вечер Лекарев доставил мне золотую пластинку с обломками двух рукояток и кости, рассказавши о самоуправстве рабочих и об обвале кургана...

...У меня тотчас же возникла беспокойная мысль о возможности похищения вещей из могилы... После длительного следствия «Синегубов и Иванов сознались, что похитили одну пластинку с изображением льва. Пластинка эта, как они утверждают, была скреплена с большой отданной ими пластинкой золотыми гвоздиками, которые при разъединении пластинок остались в малой...

...12 декабря, как только несколько прекратились дожди, я снова приступил к работам для окончательной раскопки кургана. Решено было перекопать курган пополам; раскапывать начали с западной стороны рвом шириною в 1 аршин (4,98 *м.*— *В. Ш.*). 22 декабря ров был углублен до материка, причем остались не срезанными прежние уступы с восточной стороны кургана. Наверху не более двух аршин (1,42 *м.*— *В. Ш.*) от вершины кургана найден был совершенно целый костяк человека, обращенный головою на запад; при костяке оказалось одно лошадиное копыто. Завернут костяк в такую же пелену, какая покрывала на дне кургана костяк лошади и человека и оказавшаяся слоем болотного растения „чакана" (рис. 1, *4*).

Расширяя засыпанную обвалом яму-могилу, нашли несколько пластов разложившейся меди; причем один пласт имел до аршина в диаметре; к сожалению, вся медь настолько истлела, что нельзя даже было установить формы пластов; тут же найдена голова лошади, несколько „шашек", позеленевших от разложившейся меди, черепки чернолакового сосуда, масса железа, обратившегося в бесформенные комья земли.

Черепа человека так и не оказалось. Мною имело в виду перекопать курган крестообразно; но сделать этого до нового года не успели; так что теперь я вынужден представить отчет о неоконченных раскопках.

---

[9] Несколько мелких обломков черепа взрослого человека мы обнаружили при последующей расчистке ямы в 1960 г.— *В. Ш.*

Общий вывод

Курган расположен на правом бер. р. Дона, в ½ версты от реки и ст. Елисаветовской.

Высота кургана 3 сажени (6,4 *м.*— *В. Ш.*), диаметр 12 сажени (25,56 *м.*— *В. Ш.*).

При погребении трупы человека и лошади положены на ровной земле, причем в грунт не сделано ни малейшего углубления; кругом трупов первоначально был насыпан кольцеобразный вал, который и был накрыт вместе с трупами толстым слоем „чакана", потом уже насыпался курган. Костяки находились в восточной части кургана, и только голова лошади, лежавшая крайней к западу, приходилась на центр кургана.

Сотлевшее железо, медь, „шашки" (астрагалы барана.— *В. Ш.*) и корчаги (амфоры.— *В. Ш.*) показывают, что оружие и др. предметы клались с западной стороны покойника» [10].

Таким образом, в процессе раскопок И. И. Ушаков прорезал насыпь кургана почти сквозной траншеей шириной 4—5 *м*. Лишь восточная часть полы оказалась нетронутой (рис. 1, *5*). В процессе раскопок им было обнаружено 3 погребения:

1) казацкое захоронение XIX в. в деревянном гробу, расположенное в центре насыпи на неизвестной нам глубине;

2) позднекочевническое — на глубине 1,42 *м* в западной части насыпи (рис. 1, *4*). Здесь костяк взрослого человека лежал на спине вытянуто, головой на запад и был перекрыт сверху «чаканом». Возле костяка обнаружено копыто лошади. По-видимому, с этим захоронением следует связывать и найденный им череп лошади;

3) основное захоронение, совершенное, по мнению И. И. Ушакова, на горизонте, вследствие близости грунтовых вод и окруженное земляным кольцом — валом. Кольцеобразный вал и его внутреннее пространство было перекрыто сверху «чаканом». Еще М. И. Ростовцев отметил, что это погребение было совершено так же, как и остальные захоронения Елизаветовского могильника — в неглубокой яме, перекрытой сверху чаканом, края которого лежали сверху на материковом выкиде вокруг могилы [11]. Глубина могилы, детали обряда погребения, подробное описание положения костяка и инвентаря в дневнике И. И. Ушакова отсутствуют. Подавляющая часть вещей, найденных И. И. Ушаковым в погребении, так и осталась в поле вследствие неумелого с ними обращения. Это главным образом бронзовые и железные предметы. Две целые амфоры остались на хранении у И. И. Ушакова, и дальнейшая судьба их неизвестна.

Для того чтобы получить дополнительные материалы об этом интересном, но небрежно раскопанном памятнике, Южно-Донская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения осенью 1960 г. предприняла новые раскопки кургана со снятием всей насыпи. Внешний вид кургана к моменту наших раскопок представлял собой полушаровидную насыпь, центральная часть которой, несколько ближе к южной поле́, была нарушена двумя траншеями И. И. Ушакова, пересекающими почти всю насыпь. Траншеи И. И. Ушакова представляли собой два сильно оплывших котлована (*А* и *Б*) (рис. 2), разделенных перемычкой (*З*). Размеры траншей: *А* — 9 × 9 *м*, *Б* — 9,5 × 8,5 *м*. Перемычка образовалась, очевидно, в результате выброса земли при раскопках восточной траншеи

[10] Архив ЛОИА, д. 240/1901. Трудно согласиться с утверждением И. И. Ушакова, что амфоры лежали с западной стороны покойника. Судя по дневнику, он начал расчищать восточную часть ямы, причем он указывает, что корчаги (амфоры) лежали горлышком к западу (см. выше), следовательно, амфоры вместе с костями лошади лежали в восточной части могилы, как и в остальных могилах Елизаветовского могильника.

[11] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 531.

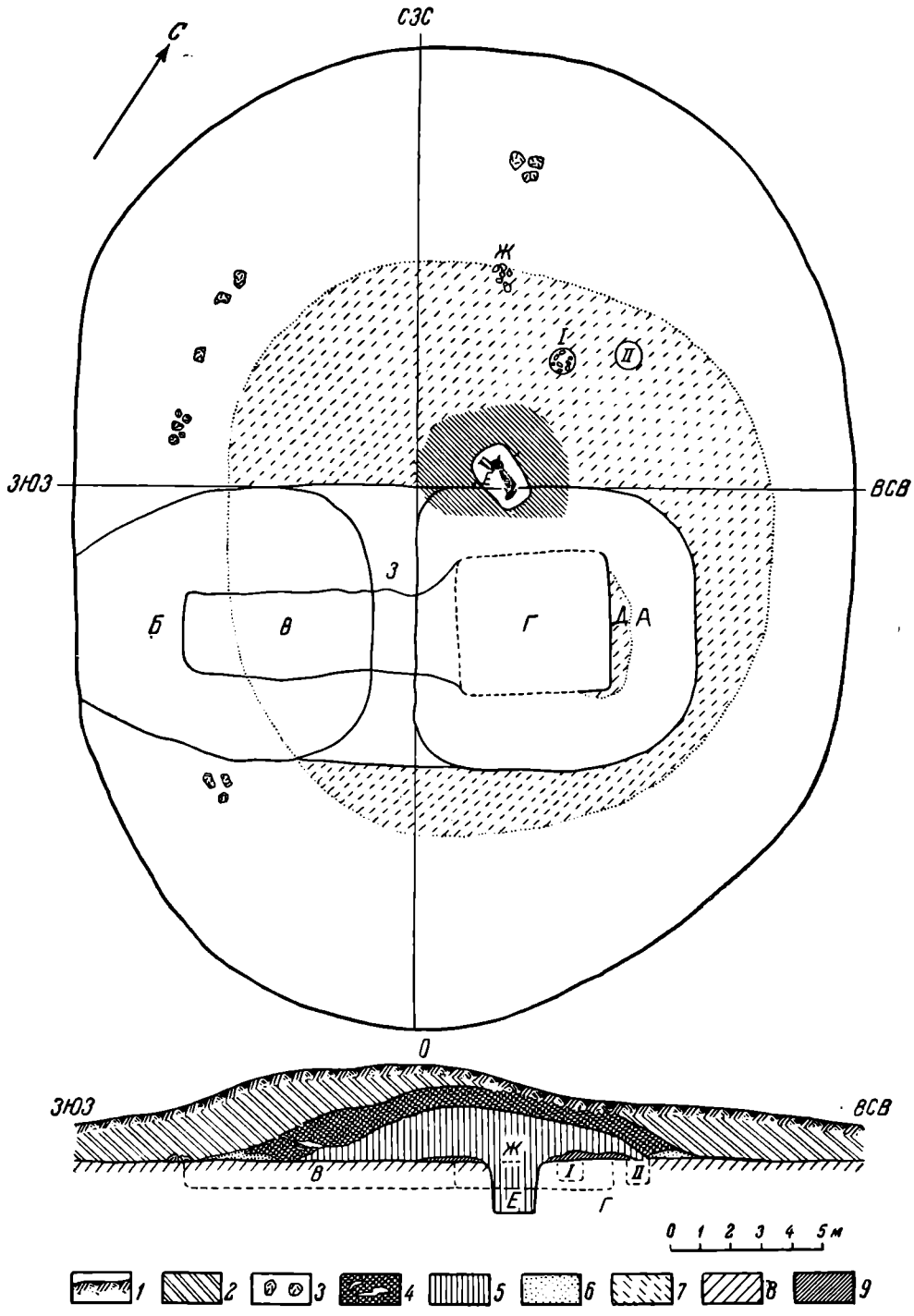


Рис. 2. План кургана

1 — почвенный слой; *2* — темная супесь; *3* — остатки крепиды; *4* — зеленовато-серая глина с включением желтой; *5* — светлый песок; *6* — желтый песок; *7* — «чакан»; *8* — материк; *9* — материковый выкид из могилы с погребением коня.
А, Б — раскопы И. И. Ушакова; *В* — траншея; *Г* — могила; *Д* — «чакан»; *Е* — погребение коня; *Ж* — часть позднехиосской амфоры; *З* — перемычка

(*А*), где находилось основное погребение. Края траншей в настоящее время сильно оплыли и покрыли погребенную почву на 0,5—0,8 *м*. Днища траншей густо заросли бурьяном. Ориентированы они не по линии З—В, как указал в своем отчете И. И. Ушаков, а по линии ЗЮЗ — ВСВ. Чтобы получить стратиграфический разрез наслоений насыпи, мы ориентировали наш раскоп в том же направлении, сместив линию раскопа несколько к ССЗ от центра кургана. Высота кургана по линии нашего разреза от вершины до погребенной почвы — 3 *м*. Диаметр насыпи по линии ССЗ — ЮЮВ — 31,25 *м*; по линии ЮЗЗ — СВВ — 25 *м*. Таким образом, первоначальная высота кургана в центре не превышала 4—5 *м*, что несколько не соответствует данным дневника И. И. Ушакова (3 сажени = 6,4 *м*). Насыпь кургана состояла из трех четко различимых наслоений:

1) под почвенным слоем залегал слой темной супеси наибольшей мощностью до 1,5 *м*;

2) ниже — слой зеленовато-серой глины с включением пятен желтой, перекрывавшей всю насыпь кургана, мощностью 0,5—1,05 *м*. У горизонта этот слой лежал на кольцевидной прослойке желтого песка, которая окружала с восточной, южной и северной сторон основную могилу с погребением человека. Очевидно, это и есть упомянутые в отчете И. И. Ушакова валы, обрамлявшие могилу на горизонте. Снизу и сверху слой зеленовато-серой глины ограничивался прослойками «чакана» толщиной 1—1,5 *см*;

3) наконец, под этим слоем, в центре кургана, залегала прослойка светлого песка, перекрывавшая могилы с захоронением человека, лошади и две ямы — с остатками тризны. Вокруг вновь обнаруженной могилы с погребением коня четко прослеживался материковый выкид, поверх которого лежали остатки «чакана», так же как и вокруг восточной стены и юго-восточного угла основной могильной ямы. Таким образом, в насыпи кургана и на горизонте вокруг западной и северной пол кургана прослеживались остатки каменной крепиды из необработанного серого песчаника, упоминаемой в отчете И. И. Ушакова. В насыпи кургана обнаружена ножка остродонной амфоры с укороченным колпачком на конце (рис. 3, *3*). Черепок в изломе коричневый, с известковыми включениями (инв. 88^{Е}). На горизонте под прослойкой «чакана» (рис. 2, *Ж*) обнаружена нижняя часть позднехиосской амфоры с ножной в виде укороченного колпачка (рис. 3, *10*). Сверху амфора покрыта желтоватым ангобом. Черепок в изломе слоистый, светло-коричневого оттенка, с обильным включением слюды. Высота сохранившейся части амфоры 42 *см*, наибольший диаметр 27 *см*; диаметр укороченного колпачка 4,5 *см*; длина его 2,5 *см*; диаметр отверстия в днище 2,3 *см*, глубина 1 *см* (инв. 88^{Е}). Почти в центре на уровне древнего горизонта четко прослеживалась прямоугольная в плане яма (рис. 2), ориентированная длинной осью по линии ВСВ — ЗЮЗ. Длина ямы 5 *м*; ширина 4,5 *м* и глубина 0,9 *м*. Западная стенка ямы частично срезана более узкой траншеей И. И. Ушакова (рис. 2), пересекающей западную часть кургана по линии ЮЗЗ — СВВ. Длина этой траншеи 8,75 *м*, ширина 2,5—2,75 *м* и глубина 0,9 *м* от уровня материка. В траншее ничего не обнаружено. Прямоугольная яма *Г* является, повидимому, остатками могилы, исследованной И. И. Ушаковым, контуры которой ему не удалось выявить. От древней могилы сохранилась очень четко лишь восточная стена с юго-восточным и северо-восточным углами. Восточный край могилы на уровне древнего горизонта перекрыт сверху тонким слоем «чакана», сохранившимся in situ полосой 0,25—1,25 *м*. Прослойка «чакана» свисала здесь вниз, внутрь могилы. Два других угла могилы *Г* находились в месте соединения южной и северной стенок с узкой траншеей *В*. По всему дну ямы *Г* встречались очень мелкие кусочки окиси меди, которые распространялись до линии западной стенки ямы *Г*, в то время как далее на запад, начиная с устья траншеи *В* и до ее западного конца, кусочки окиси меди отсутствовали. Сырое дно могилы было

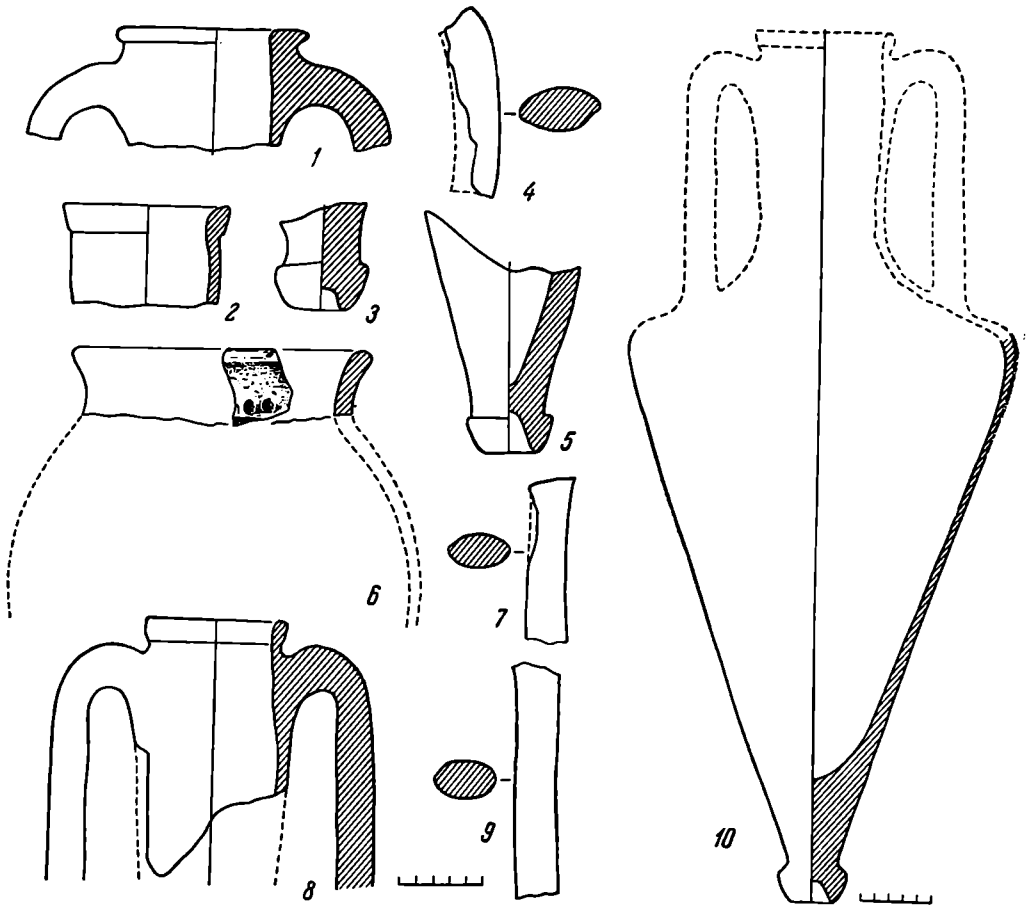


Рис. 3. Обломки амфор и лепного горшка

покрыто темными органическими остатками, которые доходили до уровня западной стенки ямы *Г*. Таким образом, нам, очевидно, удалось восстановить общие контуры и размеры древней могилы *Г*.

На дне и в засыпи могилы обнаружены мелкие обломки черепа взрослого человека и фрагменты амфор: 1) обломок ручки, венчика и стенки гераклейской амфоры. Ширина ручки 4,4 *см*; толщина 2,5 *см* (инв. 88[Е]) (рис. 3, *4*); 2) венчик с частью ручки от другой гераклейской амфоры. Утолщенный треугольный в сечении край имитирует венчики фасосских амфор. Черепок в изломе желтый, без заметных включений (инв. 88[Е]) (рис. 3, *1*); 3) часть цилиндрического горла с двумя частично сохранившимися, овальными в сечении ручками от амфоры, имитирующей форму позднехиосских с ножной в виде укороченного колпачка. Устье овальное в сечении. Под венчиком полоса, нанесенная красной краской. Черепок в изломе кирпичного оттенка с включениями белых частиц извести. Диаметр не восстанавливается. Сечение ручек 3,5 × 2 *см* (рис. 3, *8*); 4) три обломка венчиков от аналогичных амфор с овальным в сечении устьем и различной ширины валиком у края (рис. 3, *2*); 5) два обломка ножек подобных амфор. Глина красновато-бурая с включениями частиц извести; диаметр колпачка 4,5 и 5 *см;* диаметр отверстия 2,5 и 3,5 *см*; глубина отверстия в обоих случаях 2 *см* (рис. 3, *5*); 6) семь обломков овальных в сечении ручек от амфор того же типа. Сечение ручек 2 × 3—4 *см* (рис. 3, *7, 9*); 7) 67 обломков от стенок амфор, происходящих, судя по глине, от амфор, имитирующих форму позднехиосских.

Таким образом, в кургане были обнаружены, помимо двух целых амфор, найденных И. И. Ушаковым, остатки еще по крайней мере двух

гераклейских и четырех амфор неизвестного центра производства (четыре ножки), имитирующих форму позднехиосских амфор с ножкой в виде укороченного колпачка.

К северу от могилы *Г* обнаружено погребение коня в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии СЗЗ—ЮВВ. Длина ямы 2,25 *м*, ширина 1,5 *м* и глубина 1,6 *м* от древнего горизонта. На дне мо-

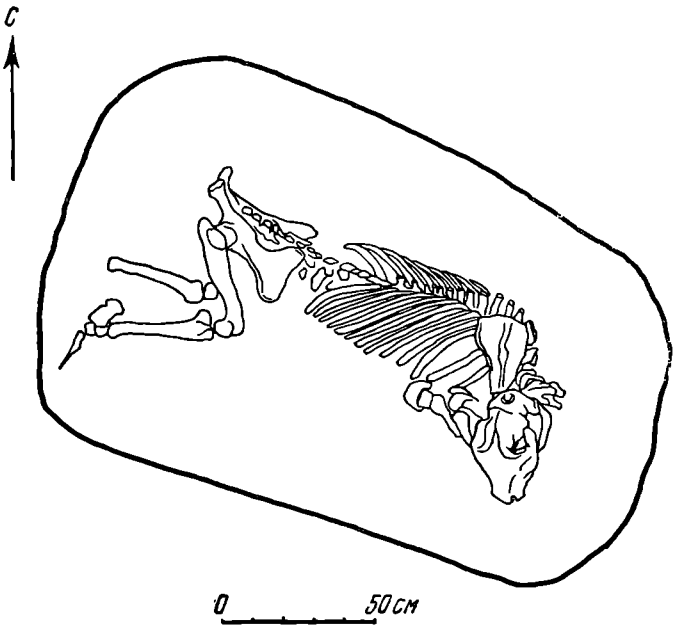


Рис. 4. Погребение коня

гилы находился костяк лошади, лежавшей на животе головой на ЮВВ. Передние ноги перекрещены (рис. 4). На щеках и зубах находились остатки железных кольцевидных удил с гвоздевидными псалиями (?) очень плохой сохранности (рис. 5, *1*). Вокруг могилы прослежен выкид светлой глины, частично срезанной с юго-юго-восточной стороны раскопом И. И. Ушакова (*А*). Поверх выкида яма была перекрыта «чаканом».

Яма № 1. К северу от могилы с погребением коня обнаружена круглая яма диаметром 0,80 *м* и глубиной 0,7 *м* от уровня древнего горизонта (рис. 2). В засыпи ямы находились зольная земля с угольками и обломки стенок лепных горшков. Среди них найден обломок края, украшенный круговым рядом оттисков пальца на шейке, т. е. сосуд, обычный для соседнего Елизаветовского поселения. Глина черная, плохого обжига, с включением частиц извести (рис. 3, *6*). Найдены также два обломка шеек сосудов с частью тулова. Над ямой обнаружено 73 округлых гальки диаметром 2,6—4,5 *см*, употреблявшихся, видимо, в качестве пращевых камней. На некоторых имеются плоскости со следами длительного употребления (рис. 6).

Яма № 2 расположена к СВ от ямы № 1, ее диаметр 0,85 *м;* глубина 0,8 *м* от уровня древнего горизонта. Заполнение ямы состояло из темной золотистой почвы. Вещей нет (рис. 2).

Итак, погребенный инвентарь из этого кургана оказался сравнительно немногочисленным.

Из раскопок И. И. Ушакова в античный отдел Государственного Эрмитажа в 1904 г. поступили следующие вещи: 1) остатки меча и ножен; 2) два обломка придонной части краснофигурного арибаллитического лекифа; 3) пять обломков бронзовых наконечников стрел; 4) мелкие обломки костяной точеной пиксиды (?) с крышечкой диаметром 8 *см* и

обломки костяных предметов (рис. 5, *2—4, 6—7*); 5) три астрагала барана.

В результате наших повторных раскопок кургана были найдены: 1) обломки описанных выше амфор; 2) железные кольчатые удила и гвоздевидные псалии (?); 3) 73 гальки; 4) 16 обломков лепных горшков.

Ниже мы даем анализ погребального инвентаря.

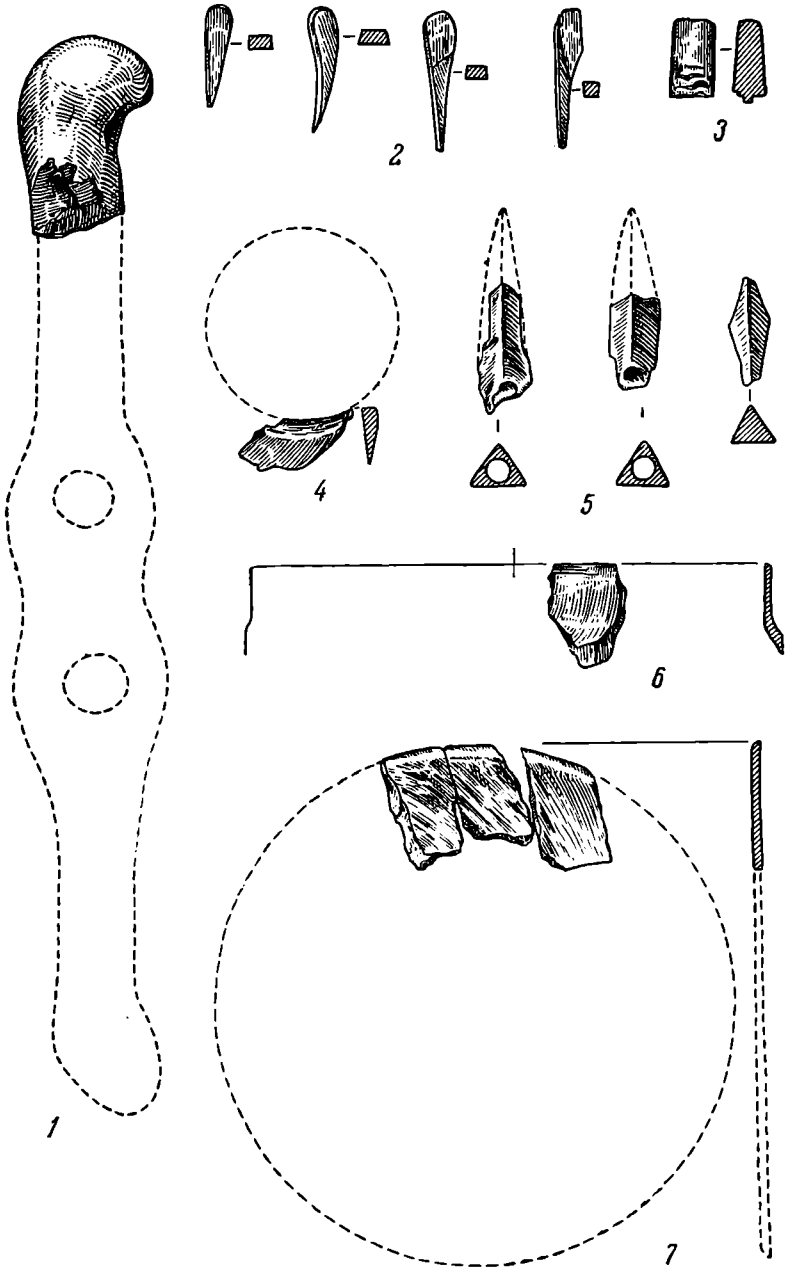


Рис. 5

1 — обломок железного псалия; *2—4* — обломки костяных предметов; *5* — фрагмент бронзового наконечника стрелы; *6—7* — обломки костяной пиксиды (?)

Из предметов вооружения найдены обломки железной рукояти меча с остатками золотой обкладки, две золотые пластины с зооморфным фризом (часть обивки деревянных ножен) и пять сильно коррозированных обломков бронзовых наконечников стрел.

От железной рукояти меча сохранились лишь три бесформенных кусочка окислившегося железа, не дающих представления о типе меча.

Н. И. Сокольский, рассматривая меч из Ушаковского кургана, высказал ошибочное предположение, что он имел кольцевидное навершие[12]. В фотоархиве ЛОИА сохранилась фотография утраченных мелких обломков золотой обкладки рукояти, которые позволяют восстановить волютообразную форму навершия этого меча[13]. На двух обломках оттиснуты изображения когтей грифона, изогнутых под резкими углами в виде четырехугольника. На одном из лучше сохранившихся обломков четко

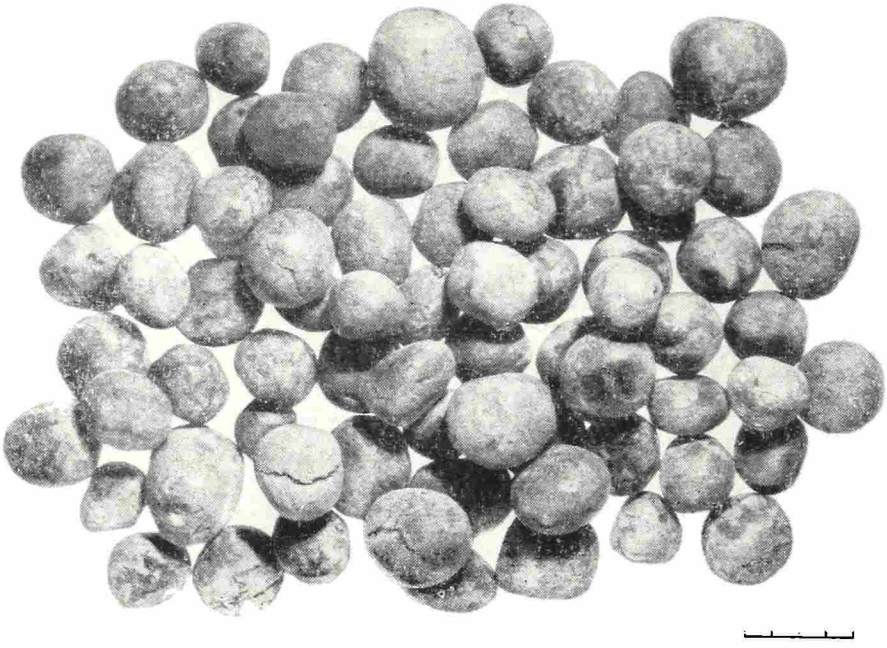


Рис. 6. Галька (пращевые камни)

оттиснуты четыре косые слегка округлые насечки, подчеркивающие резкие изгибы когтя, так же как на бронзовом когтевидном навершии меча, происходящего из того же могильника[14] (рис. 7, *1*). На основании каждого когтя оттиснут глаз грифона. Здесь, очевидно, намечается сочетание двух мотивов: головы (глаз) и когтя грифона[15].

Остальные обломки золотой обкладки позволяют предполагать, что стержень рукояти меча был обложен двумя гладкими золотыми пластинами, украшенными на гранях поперечными параллельными валиками (рис. 7, *2*), как на золотой обкладке рукояти меча из кургана Куль-Оба (рис. 7, *3*). Здесь обе пластины спаяны по бокам рукояти, посредине. Края пластин на месте спая украшены косыми насечками, расположенными в елочку.

На верхней части золотой обкладки ножен, находящейся над перекрестьем, художник воспроизвел две головки грифонов, обращенные клювами друг к другу. Внешние контуры округло изогнутых клювов четко подчеркивают нижнюю часть сердцевидного перекрестия меча (рис. 8).

---

[12] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, 33, стр. 139.

[13] Фотоархив ЛОИА, инв. № 3333.

[14] В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах. Изв. Ростовского областного музея краеведения, 1 (3), Ростов-на-Дону, 1959, рис. 2, *1*.

[15] Ср. Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 74 сл.

Итак, меч из Ушаковского кургана имел сердцевидное перекрестье и когтевидное навершие, т. е. это был типично скифский акинак. Ножны меча были деревянные, с золотой обивкой, прикрепленной мелкими золотыми гвоздиками, расположенными в 1—2 ряда (отверстия от них сохранились по краю золотой обкладки).

Основная золотая обкладка ножен длиной 57 *см*, шириной 9 *см*, толщиной 0,4—0,5 *мм* была наставлена со стороны бокового выступа узкой

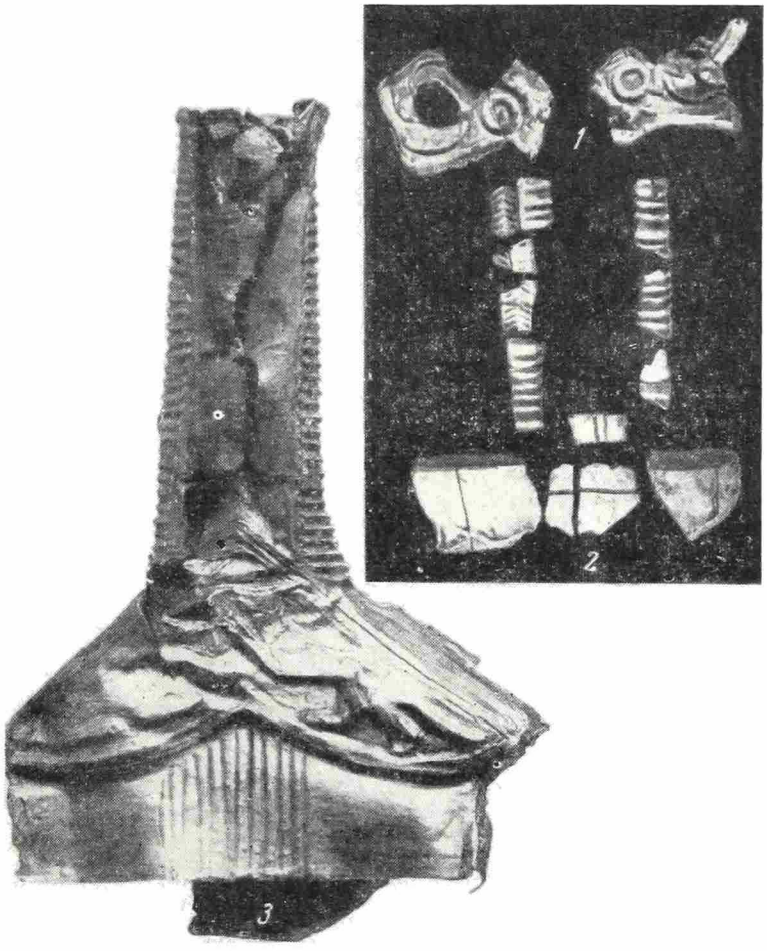


Рис. 7

1 — обломки золотой обкладки навершия меча из Ушаковского кургана; *2* — золотая обкладка рукояти меча из Ушаковского кургана; *3* — золотая обкладка рукояти меча из кургана Куль-Оба

пластиной шириной 1—1,5 *см* (рис. 8). Обе пластины соединены друг с другом с помощью трубочек, вставлявшихся в отверстия. Края трубочек отогнуты и расклепаны с противоположных сторон обеих пластин. Наставка основной пластины заплатками — очень характерный прием для греческих и, в частности, боспорских ювелиров. Изображения оттиснуты на металлических матрицах, после чего заостренным, видимо, костяным орудием были проработаны детали на лицевой стороне. Для предохранения рельефа от помятостей внутренняя сторона обивки заливалась мастикой из гипса и яичного желтка. Незначительные остатки этой мастики прослеживаются в двух местах на оборотной стороне пластины [16].

[16] Подробнее о технике оттискивания изображений на золотых пластинах см. В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, 1.

На поле́ золотой обивки оттиснуты фигуры трех животных. В верхней части обкладки изображен в профиль кабан, преследуемый львом. Овальное ухо кабана заполнено изображением головки грифона. Щетина на спине трактована параллельными насечками. Хвост кабана поднят кверху и заканчивается незамкнутой восьмерковидной петлей, ограниченной снизу двумя поперечными насечками. Лопатка выделена треугольным выпуклым контуром, внутри которого сильные мышцы груди

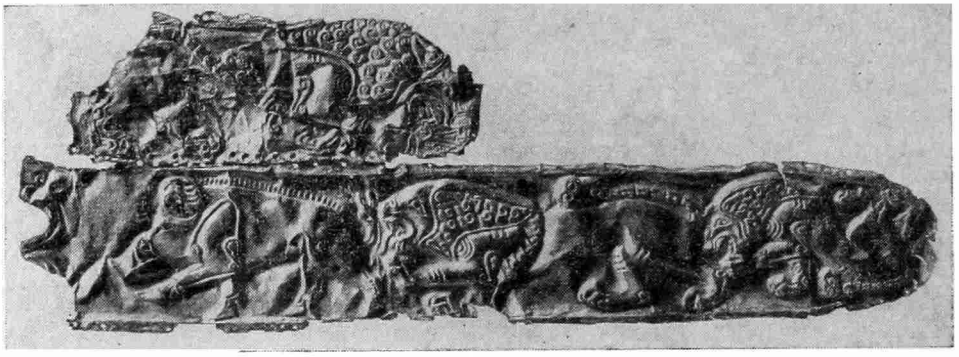


Рис. 8. Золотая обкладка с деревянных ножен меча из Ушаковского кургана

подчеркнутые концентрическими валиками. Мышцы левой передней ноги подчеркнуты рельефной эсовидной фигурой, а мышцы задних ног полуэсовидными фигурами. Кабана преследует лев с оскаленной хищной пастью и свисающим языком. Лев изображен в профиль влево. Левая передняя лапа его поднята кверху, складки шерсти на ней показаны тремя поперечными насечками. Глазное овальное яблоко окружено треугольным валиком. Грива трактована в виде рельефных волют, контур ее по форме напоминает крыло птицы. Такими же семью волютами, расположенными в один ряд, обрамлен контур задней части лопатки. Заостренное ухо намечено выпуклым контуром с запятой в центре. Мышцы груди подчеркнуты концентрическими валиками, а складки на лопатке и бедрах — тремя поперечными насечками. Нижняя часть живота скошена широким плоским срезом, чем великолепно передается специфическая особенность этого хищника — поджарость. Членистый хвост, образованный петлеобразными фигурами, лежит на спине животного и заканчивается головкой грифона. Лопатка и мышцы задних ног подчеркнуты эсовидными и полуэсовидными фигурами. Резко изогнутые фаланги пальцев лап подчеркивают хищную природу зверя.

На оставшемся на конце ножен небольшом свободном пространстве художник мастерски поместил второго льва, изобразив его с сильно изогнутым туловищем так, что задняя половина его повернута на 180° вокруг горизонтальной оси. Благодаря этому приему, несмотря на то, что корпус оказался несколько укороченным, пропорции частей тела второго хищника получились равными первому. Сюжетно второй лев не связан с предшествующей сценой. Художник просто заполнил свободное поле. Широкая открытая пасть и сморщенный нос передают возбужденное состояние зверя. Изогнутое туловище хищника подчеркивает его мощную силу. Стилистические приемы художник использовал те же, что и при изображении первого льва.

На золотой обкладке бокового выступа изображен лев также в профиль, но вправо. Правой передней лапой и зубами он держит голову лани. Стилистические приемы те же, что и при изображении животных на основной пластине ножен.

Таким образом, мы видим здесь реалистические сцены преследования кабана львом, терзание львом лани. Мастерски передано разъяренное состояние животных.

Художник стремился передать реалистические мелкие детали, связанные с движением отдельных частей тела — складки кожи на лапах, лопатках, бедрах и крупе. Однако трактовка этих складок носит условный характер, передает их простыми параллельными насечками. Такими же приемами он передает выпуклые мышцы на груди и животе (параллельными концентрическими валиками), на ногах (эсовидными и полуэсовидными фигурами). Ту же манеру мы наблюдаем в передаче характерной поджарости туловища хищника. Эта манера могла быть выработана лишь при длительной практике художника в резьбе по дереву.

Те же условные стилистические приемы художник применяет при трактовке лап льва. Желая подчеркнуть хищную природу львов, он изображает их лапы резко изогнутыми под острыми углами, а концы хвостов львов и ушную раковину кабана завершает головками грифонов.

Такими же условными стилистическими приемами художник пользуется для передачи выпуклых частей тела зверей, обрамляя контуром лопатки кабана и гривы львов, заполняя поверхность гривы рядами рельефных волют.

Отмеченные стилистические приемы не нарушают реалистической сущности художественных образов, они выполняют лишь декоративные задачи, но вместе с тем придают изображению пышный и специфичный колорит. Подобные приемы свойственны довольно широкому кругу древних предметов художественной торевтики, найденных в скифских курганах Северного Причерноморья.

Так, на фризе куль-обского серебряного сосуда, где изображены лев и львица, терзающие оленя, грива льва трактована волютами. Мышцы ног зверей и круп оленя подчеркнуты эсовидными углублениями [17].

Еще более близкие параллели мы находим в изображениях на золотой обкладке куль-обского меча. Здесь в сцене терзания оленя грифоном и львом мышцы ног всех животных и круп оленя подчеркнуты эсовидными углублениями, а ребра оленя и льва, а также львицы, изображенной во второй сцене,— концентрическими валиками. Грива льва трактована такими же волютами. На нижней части живота и крупа мы видим те же широкие плоские срезы, подчеркивающие поджарость животного [18].

Не меньшее сходство мы встречаем в изображениях на золотой обкладке ножен из кургана Солоха. Здесь та же трактовка гривы львов волютами, та же угловатость резко изогнутых лап, так же выделены лопатки и такие же плоские широкие срезы в нижней части живота [19].

Аналогичные приемы выделения лопаток треугольным выпуклым контуром и подчеркивание мышц эсовидными и полуэсовидными углублениями мы наблюдаем на обкладке золотых ножен из кургана, раскопанного в 1909 г. А. А. Миллером у станицы Елизаветовской, и на многих других изделиях [20].

Где же искать истоки этого искусства?

Исходя из того, что на основной пластине ножен звери изображены «идущими» друг за другом, а хвосты львов трактованы членистыми, так же как на фигурах ножен меча из Мельгуновского кургана, многие исследователи считали, что фигуры зверей на ушаковских ножнах выполнены в духе ассирийского искусства.

В отличие от традиций переднеазиатского искусства на ножнах из Ушаковского кургана изображены не просто следующие друг за другом звери, а представлена связанная композиция. Указанными особенностями композиции и, что особенно важно, передачей экспрессии это реали-

[17] E. Minns. Ук. соч., стр. 198.
[18] Там же, стр. 203, рис. 98.
[19] G. Borovka. Ук. соч.
[20] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, 35, СПб., 1910, табл. V.

стическое искусство отличается от переднеазиатского, для которого характерна статичность. По сравнению с переднеазиатским оно представляет более высокую ступень в развитии и безусловно связано с греческим искусством.

М. И. Ростовцев полагал, что изображения зверей на рассматриваемых нами пластинках ножен выполнены в духе ионийского звериного стиля, подвергшегося значительной переработке под влиянием местного скифского звериного стиля [21]. Однако этот тезис можно принять с некоторой оговоркой, поскольку творцы его — торевты античных колоний Северного Причерноморья — происходят из Ионии. Оттуда и был заимствован тот реализм, о котором мы говорили выше. Вместе с тем художник, помимо скифских, использовал стилистические приемы, не присущие ни греческому, ни скифскому искусству. Это, прежде всего, трактовка тела хищника (второго льва) с вывернутой как бы его задней половиной, трактовка ушей с запятой внутри и мотив изображения льва с головой лани в пасти. Эти приемы характерны для сибирского искусства скифского времени. Следовательно, намечаются какие-то связи в искусстве Северного Причерноморья и древних племен Сибири. Однако вряд ли они были прямыми. Скорее всего посредниками здесь являлись савроматы, в искусстве которых, как показал Б. Н. Граков, сибирский компонент играл значительную роль [22].

Таким образом, в стилистических приемах художественной торевтики рассматриваемой группы намечаются три составных компонента: греческий, скифский и в какой-то степени сибирский, идущий от савроматов. По своему характеру это искусство, следовательно, является эклектичным, совмещающим различные художественные традиции. Но при этом следует отметить, что художники настолько сумели слить воедино различные стили, что родился своеобразный новый стиль, который условно можно назвать боспорским. Как правило, основой являлась греческая художественная традиция, а элементы скифского звериного стиля вливались в композицию с большим мастерством в качестве декоративных моментов. Но вместе с тем имеется ряд вещей, где эти различные художественные приемы не слиты воедино. Ярким образчиком таких неудачных произведений является золотая бляха из Куль-Обского кургана с изображением оленя. За основу композиции художник взял изображение оленя в традиционном скифском духе, реалистически же выполненные орнаментальные мотивы трактованы в греческом стиле, в результате чего налицо чистый эклектизм [23].

Итак, стилистический анализ изображений на ушаковских ножнах и более или менее синхронных им художественных изделий из курганов Солохи, Куль-Обы и Елизаветовской станицы позволяет датировать Ушаковский курган IV в. до н. э. [24].

В. Ф. Гайдукевич высказал предположение, что замечательные изделия торевтики Северного Причерноморья изготовлялись в мастерских Пантикапея. Однако они могли изготовляться и в других греческих городах северного Причерноморья. Не исключена возможность, что ножны из Ушаковского кургана изготовлены боспорскими торевтами, жившими

---

[21] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 531—532.

[22] B. N. Grakov. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural, ESA, III, Helsinki, 1928, стр. 34.

[23] E. Minns. Ук. соч., стр. 203, рис. 98.

[24] Нас здесь не должны смущать некоторые черты архаизации, допущенные художниками при изображении зверей: несколько контурная, а не объемная трактовка фигур, в особенности кабана, введение дополнительной фигуры льва для заполнения оставшегося на пластине пространства,— прием, типичный для архаического греческого искусства. Определяют время изготовления ножен из Ушаковского кургана не эти черты архаичности, а те стилистические приемы, которые, как мы стремились показать, присущи более поздним памятникам художественной торевтики.

на Елизаветовском городище. Это подтверждается, прежде всего, находками здесь остатков мастерских ювелиров — каменных форм для отливки золотых бус и гвоздей.

Перейдем к рассмотрению прочих находок из Ушаковского кургана.

Бронзовые наконечники стрел. В Античном отделе Государственного Эрмитажа хранится пять сильно коррозированных бронзовых наконечников стрел, происходящих из Ушаковского кургана. Из них определяется только один. Это трехгранный бронзовый наконечник стрелы с выступающей втулкой. К сожалению, длину втулки определить невозможно. Во всяком случае этот тип наконечников стрел бытует в рамках IV в. до н. э. (рис. 5, *5*).

Из керамических изделий имеется нижняя часть (почти половина) арибаллического лекифа, склеенного из двух обломков, обломки амфор и лепных сосудов.

Арибаллический лекиф в описи предметов, найденных в кургане, составленной И. И. Ушаковым, под № 9 значится как «кусочки крашеного сосуда». Тут же сверху рукой Б. В. Фармаковского исправлено: «два черепка чернолаковых» [25]. Т. Н. Книпович, заметив на небольшом участке одного обломка остатки росписи, определила, что они происходят от чернофигурного ионийского сосуда, и датировала их второй половиной VI в. до н. э. (рис. 9, *1, 2*) [26]. Рассмотрим этот сосуд. Два обломка, склеенных вместе, составляют примерно половину нижней части сосуда. В верхней части одного обломка, на не покрытом черным лаком круговом пояске, четко сохранились остатки орнаментального пояса в виде двух неполных гуськов, нанесенных черным лаком при помощи кисточки, ограниченных снизу и, вероятно, сверху двумя розовыми поясками. Эти обломки позволяют восстановить форму сосуда. Это арибаллический лекиф с небольшим утолщенным венчиком в виде усеченного конуса, направленным широким основанием (рис. 9, *3*). вверх. Наружная поверхность сосуда покрыта плохого качества лаком оливкового оттенка. Форма сосуда и состав теста (коричневато-оранжевая глина с редкими включениями золотисных блесток) позволяют рассматривать сосуд как аттический импорт. Такие арибаллические лекифы относятся к разряду не чернофигурных, а краснофигурных сосудов и датируются Д. Робинзоном последней четвертью V — первой половиной IV в. до н. э.

Наиболее близкой аналогией нашему сосуду является лекиф, происходящий из могилы № 306 некрополя Олинфа, датирующейся Д. Робинзоном концом V — первой четвертью IV в. до н. э. [27]. Близкий лекиф, датирующийся тем же временем, обнаружен в могиле № 69 из того же некрополя города Олинфа [28]. Аналогичные лекифы известны из некрополей греческих городов Северного Причерноморья, в частности Ольвии [29]. Целая серия аналогичных сосудов хранится в собрании Античного отдела Государственного Эрмитажа (инв.: Б 249; Б 1152; Б 7511 и др.) [30].

Таким образом, на основании приведенных данных краснофигурный арибаллический лекиф из Ушаковского кургана датируется последней четвертью V — первой половиной IV в. до н. э.

Судя по вышеописанным обломкам, в Ушаковском кургане найдены амфоры трех центров производства. 1) Гераклейские, от которых сохранились обломки венчика, ручки и стенки. К сожалению, вследствие фраг-

---

[25] Архив ЛОИА, д. 240/1901, л. 16.

[26] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 187, примеч. 3.

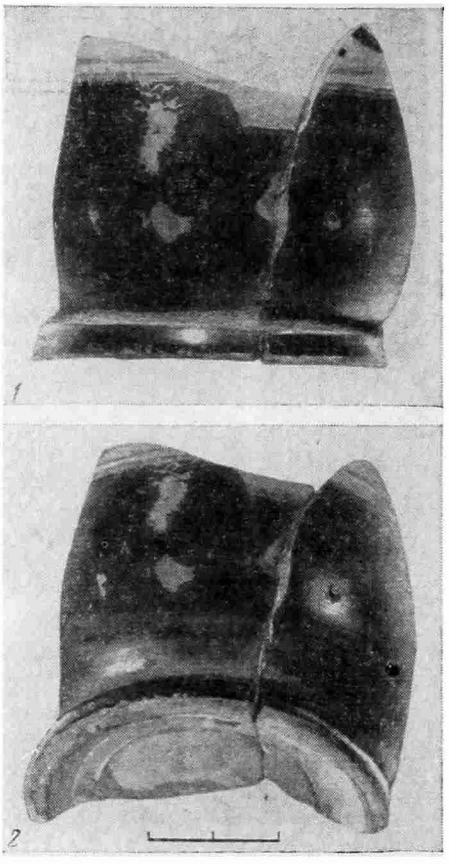
[27] D. Robinson. Excavations at Olympus. XIII, Baltimore, 1950, табл. 167, 400, стр. 242.

[28] Там же, табл. 167, 393, стр. 242.

[29] Ю. І. Козуб. Лекіфы Ольвійского некрополя V—IV ст. до н. э. Археологія, Київ, 1962, XIV, стр. 126 сл.

[30] На аналогии мне любезно указала старший научный сотрудник Античного отдела Гос. Эрмитажа К. С. Горбунова. Она же определила центр производства ушаковского лекифа, за что выражаю ей свою признательность.

ментарности восстановить форму амфор не представляется возможным. Гераклейские амфоры датируются IV—III вв. до н. э. 2) Позднехиосская амфора с высоким цилиндрическим горлом, крутыми плечиками, коническим вытянутым корпусом, завершающимся ножкой в виде укороченного колпачка (рис. 3, *10*). Целая амфора этого же типа была обнаружена нами в кургане № 2 в 1954 г.[31]. Как показал Андерсон на основании своих раскопок в Хиосе, этот тип амфор является последующим вариантом развития хиосских пухлогорлых амфор и не выходит из рамок IV в. до н. э.[32]. 3) Амфоры неизвестного пока центра производства, имитирующие



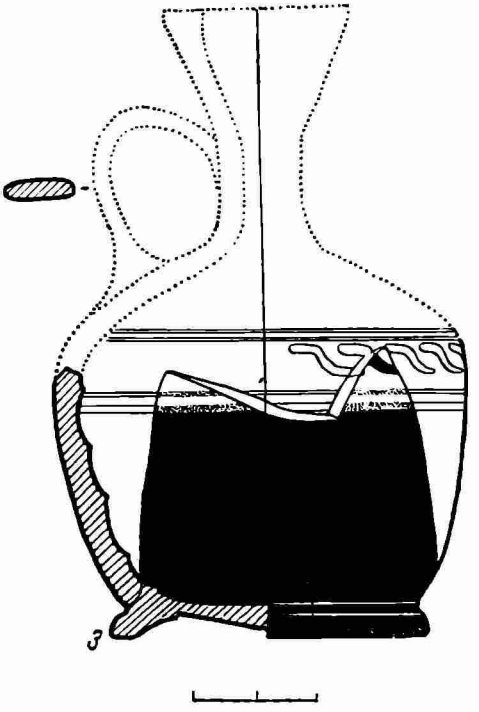


Рис. 9.

1—2 — обломки арибаллического лекифа; *3* — реконструкция арибаллического лекифа

предыдущий тип. Некоторые исследователи полагают, что они выпускались Византием. Сходство форм позволяет относить их также к IV в. до н. э. (рис. 3, *2*, *3*, *5*).

Лепная керамика, как мы видели, найдена в мелких обломках. Однако находки небольшого фрагмента края сосуда, украшенного по шейке защипами, позволяет реконструировать его на основании многочисленных аналогий, имеющихся на Елизаветовском городище. Это плоскодонный сосуд с отогнутым наружу краем и выпуклыми боками. Подобная керамика очень характерна для синхронных скифских поселений типа Каменского городища и др. Находка этого обломка еще раз позволяет подчеркнуть связь Елизаветовского поселения и курганного могильника (рис. 3, *6*).

Железные удила. Определить тип железных удил и псалий вследствие сильной коррозии (металл не сохранился) трудно. Однако ряд обломков позволяет утверждать, что удила были кольчатые, с пере-

[31] В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 15, рис. 1, *4*.

[32] I. K. Anderson. Excavation an the Kofina Ridge, Chios. The Annuel of the British School at Athens, XLIX, London, 1954, стр. 141, 175, рис. 8, *271*; рис. 9, *48*.

гибом посредине. Один обломок псалия (?) свидетельствует как будто, что они были гвоздевидные, со шляпками на концах и двумя отверстиями посредине (рис. 5, *1*). Этот тип удил хорошо нам знаком по памятникам IV в. до н. э. (Елизаветинские курганы, Елизаветовские, Чертомлык, Б. Башмачка и др.).

Обряд погребения. Поскольку могила была нарушена И. И. Ушаковым, сейчас даже при наличии его дневника очень трудно восстановить весь обряд. Судя по нашим раскопкам, погребение было совершено в подквадратной яме, ориентированной по линии З — В размерами 5 × 4,5 *м* и глубиной 0,9 *м*. Так как амфоры и остатки пищи (кости лошади) находились у восточной стены могилы, можно с уверенностью предполагать по аналогии с другими Елизаветовскими курганами, что костяк был ориентирован головой на запад. Весь инвентарь, как отмечает И. И. Ушаков, находился слева от костяка. Сверху могильная яма была покрыта слоем «чакана». К юго-западу от могилы человека, отдельно, находилось погребение боевого коня. И наконец, к северо-востоку от нее — вырыты две ямы-тризны, заполнены золистой почвой, в одной из которых найдены обломки лепных сосудов, гальки, использовавшейся, видимо, в качестве пращевых ядер.

Наличие в захоронении арибаллического лекифа, датирующегося концом V — первой половиной IV в. до н. э., и остального инвентаря, не выходящего из рамок IV в. до н. э., а также стилистический анализ изображений на золотой обкладке ножен меча позволяет датировать этот курган первой половиной IV в. до н. э.

В. И. ПРУГЛО

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ФЛАКОНЫ ДЛЯ ЛЕКАРСТВА

В 1960 г. при исследовании культурных напластований эллинистического периода Мирмекия[1] на участке И был найден глиняный сосудик (М/60—1020) с отбитыми венчиком и ручкой (на верхней части тулова сохранилось лишь ее основание) (рис. 1, *1*). Высота сосудика (в фрагментированном состоянии) 4,5 *см*, диаметр дна 2,4 *см*. Судя по всему, это был

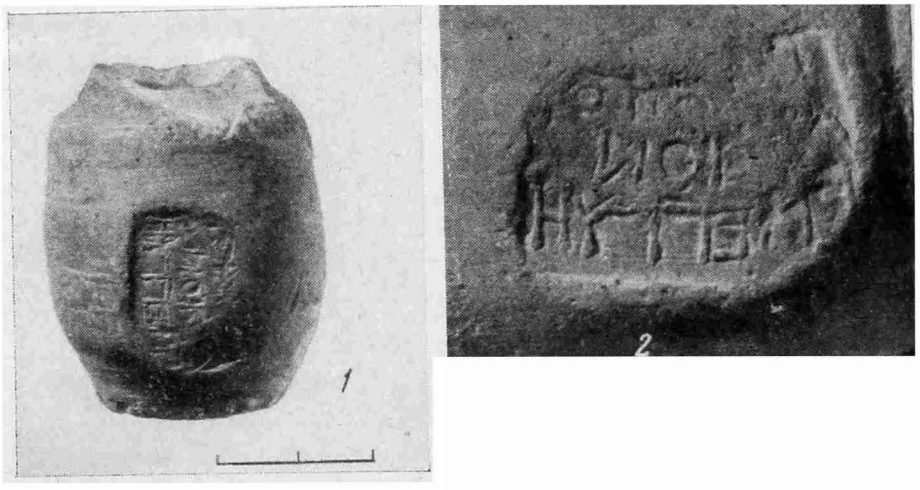


Рис. 1

1 — лекарственный флакон из Мирмекия; *2* — клеймо (деталь, увеличение 2 : 1)

маленький одноручный кувшинчик с петлевидной ручкой (овальной в сечении), бочонкообразным туловом, узкими плечиками и плоским дном (см. рис. 3, *4*). Глина — желтоватого цвета, плотная, с включением мелких белых частиц. На плечиках видны остатки красной краски.

Весьма примечательно, что стенки и дно сосудика нарочито сделаны массивными, толстыми, а внутреннее вместилище соответственно очень мало — 2—2,5 *см*^{3}. Сосуд предназначался для очень небольшого количества какого-то, по-видимому, весьма ценного вещества. В таком случае толстые

[1] Планомерные археологические исследования античного города Мирмекия осуществляются Боспорской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством В. Ф. Гайдукевича.

стенки оправданы, ибо они гарантировали прочность этого глиняного миниатюрного «контейнера».

На передней стороне тулова сосудика имеется прямоугольное клеймо с ретроградной надписью (1,3 × 2 *см*), оттиснутое до обжига сосудика (рис. 1, *2*) [2]. Клеймо поставлено вертикально, строчки идут от дна вверх. Правая часть надписи была смещена и смазана во время клеймения. Несмотря на это, вторая и третья строки читаются без особых затруднений, невозможно разобрать лишь начало слова в первой строке. Текст надписи: [———]·ΑΥΓΟΥ, /ΛΥΚΙΟΝ/ΕΠΕΓΓΥΗ=[———]αύγου λύκιον ἐπ' ἐγγύη(ι) (рис. 2, *1*). Надпись выполнена лапидарным шрифтом. Буквы довольно аккуратные, примерно одной высоты, равной в среднем 0,3 *см*; исключение составляет лишь *омикрон*.

Хотя к датированию подобного рода надписей, на основании их палеографических особенностей, нужно подходить с осторожностью, все же представляется возможным отнесение данного клейма по характеру письма к III в. до н. э.

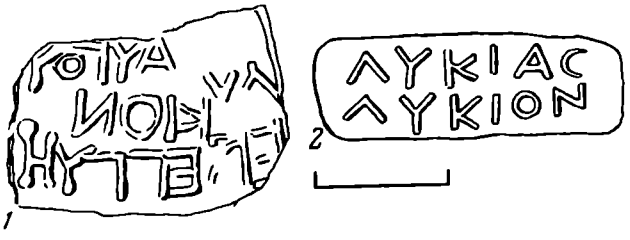


Рис. 2. Графическое воспроизведение клейм

1 — клеймо мирмекийского флакона; *2* — клеймо херсонесского флакона

Найден сосудик в мешаном слое, где наряду с обломками керамики первых веков нашей эры находились обломки боспорских керамид с клеймами (М/60—487, 488), медная пантикапейская монета первой половины III в. до н. э. (М/60—486), фрагмент мегарской чаши (М/60—490).

Рассмотрим еще два сосудика, происходящие из других причерноморских античных городов. Один из них, воспроизведенный на рис. 3, *7*, был найден Г. Д. Беловым при раскопках Херсонеса в 1955 г. [3]. Высота сосудика 3,8 *см*, наибольший диаметр 4,8 *см*. На широкой части тулова видны основания двух утраченных дуговидных ручек. Сами ручки, а частично и венчик, отбиты. Глина интенсивного розовато-оранжевого цвета. Верхняя часть сосудика покрыта черной глазурью.

Несмотря на несходство форм мирмекийского и херсонесского сосудов, у них имеются и общие черты: миниатюрность размеров, массивность стенок, малая емкость и главное — сосуд из Херсонеса также снабжен клеймом (0,7 × 2,3 *см*). На широкой части тулова, между ручками, выдавлена штампом двустрочная надпись: ΛΥΚΙΑΣ/ΛΥΚΙΟΝ—Λυκίας λύκιον (высота букв 0,2 *см*) (рис. 2, *2*). Характер слоя, в котором обнаружен сосудик, позволяет отнести последний к эллинистическому времени.

По мнению Г. Д. Белова, флакон служил «для хранения драгоценных благовоний», а надпись в клейме он толкует как обозначение двух личных имен: одно из них — мужское, другое — женское [4].

Вопрос о том, кому могли принадлежать имена, автором составлен без выяснения.

К рассматриваемой группе сосудов мы относим также флакон, найденный в Болгарии при раскопках античного поселения Бизоны, близ Кавар-

---

[2] Судя по фактуре клейма, оно было оттиснуто глиняным штемпелем. Недавняя находка на Фасосе глиняного штемпеля, употреблявшегося для клеймения амфор положительным образом решает вопрос об изготовлении штемпелей из глины. V. Grace, F. Salviat. Sceau thasien à marquer les amphores. BCH, LXXXVI, 1962, стр. 510—516.

[3] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. Херсонесский сборник, 5, 1959, стр. 16, рис. 2, *15*; стр. 20, рис. 6.

[4] Г. Д. Белов. Ук. соч., стр. 20.

ны (рис. 3, *10*) [5]. Высота сосудика 5,5 *см*, наибольший диаметр 6 *см*. Глина желто-коричневого цвета с мелкими блестками кварца. На тулове имеется клеймо с двустрочной надписью, в которой Г. Тончева усмотрела два слова: NIKIAΣZAYKIOY [6]. Сосуд, относящийся к III—II вв. до н. э., определен автором как тигель для плавки цветных металлов, а надпись истолкована как имя собственника тигля или имя ремесленника, сделавшего тигель: «Никия ликийца» (т. е. из Ликии).

К сожалению, в статье Г. Тончевой нет фотоснимка клейма. Однако мы имели возможность ознакомиться с клеймом по гипсовому слепку. Несмотря на весьма посредственную сохранность надписи, на слепке клейма в

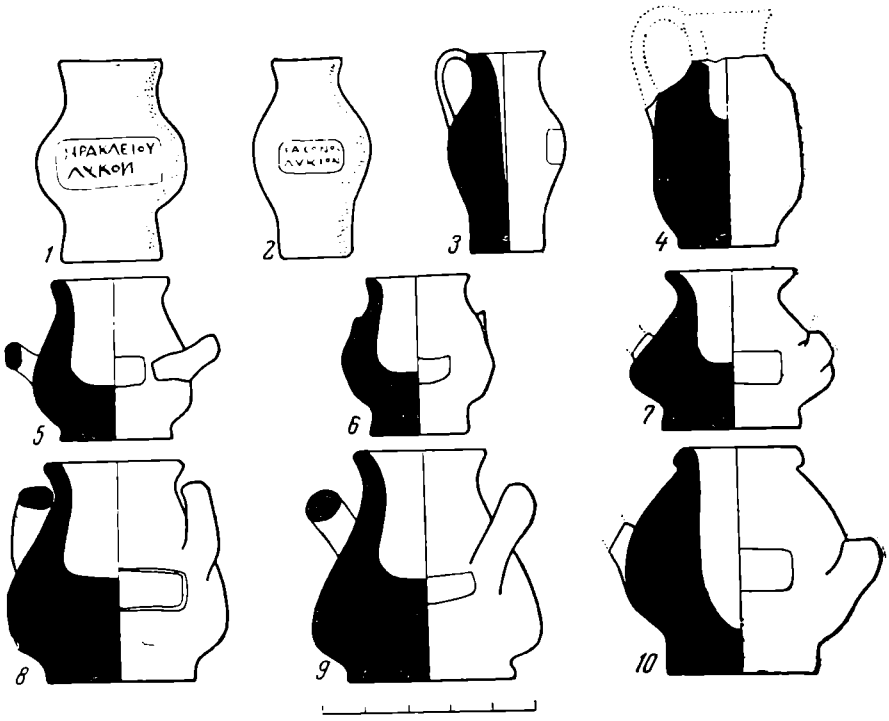


Рис. 3. Основные типы клейменых керамических флаконов для лекарства ΛΥΚΙΟΝ

конце второй строки нам удалось заметить конечную букву *ню*. Поэтому во второй строке мы видим слово ΛΥΚΙΟΝ, а всю надпись клейма читаем: Νικία; λύκιον. Итак, на всех трех сосудах (из Мирмекия, Херсонеса и Бизоны) во второй строке их клейм стоит слово ΛΥΚΙΟΝ. Оно-то и разъясняет назначение рассматриваемых сосудов.

Античная литературная традиция сохранила нам сведения об очень популярном лекарстве λύκιον. Самым ранним письменным памятником, упоминающим его, является трактат Цельса «О медицине». Там мы узнаем, что ликий излечивает переломы ребер, раны, глазные и ушные болезни, заболевания носоглотки [7].

В сочинении Диоскорида «О лекарственных средствах» говорится, что ликий, применяемый в виде примочек, излечивает глазные заболевания, он целебен и при воспалении век, нагноении ушей, миндалевидных желез, заживляет язвы на деснах и губах. При таких недугах, как кашель, кро-

[5] Г. Тончева. Новые сосуды-тигли в Варненском музее. СА, 1961, 1, стр. 169 сл., рис. 1—3; М. Мирчев, Г. Тончева, Д. Димитров. Бизоне-Карвуна. Известия на Варненското археологическо дружество, XIII, 1962, стр. 42, рис. 25.

[6] Г. Тончева. Ук. соч., стр. 169; М. Мирчев, Г. Тончева, Д. Димитров. Ук. соч., стр. 42.

[7] Celsus. De medicina, V.*XXVI*, 30; VI.*VI*, 6, 24; VI.*VII*, 1, 3; VI.*VIII*, 1; VIII.*VI*; VIII.*IX*, 1. Bipontum, 1786

вохарканье, при желудочных заболеваниях ликий, принимаемый внутрь, способствует быстрому и полному выздоровлению. Этому лекарству присущи и свойства противоядия [8]. Разновидности ликия, называемой Диоскоридом ἰνδικὸν λύκιον, приписывалась еще бóльшая лечебная сила, чем обычному ликию. Индийский ликий излечивал, как утверждает Диоскорид, воспаление селезенки, разлитие желчи, он же являлся сильным средством против укусов бешеных животных, а также мог использоваться в качестве желтого красителя [9].

Аналогичные сведения мы находим у Плиния, который также подчеркивал особую целебность индийского ликия [10].

Очень высокая оценка ликия, в частности индийского, как прекрасного средства для лечения глазных болезней, дана в «Рецептах» Скрибония Лярга. «Излишне распространяться об его (т. е. индийского ликия.— *В. П.*) достоинствах,— писал Скрибоний,— ибо если человек испробует какое-либо другое средство, он познает преимущество этого простого лекарства» [11].

Преимущество индийского ликия подчеркивал также Гален, которому посчастливилось, когда он совершал путешествие с целью приобретения неподдельных лечебных средств, встретить направлявшийся в Палестину караван верблюдов с грузом индийских медикаментов и благодаря этому раздобыть настоящий индийский ликий [12].

Индийский ликий как ценное лекарство был известен и более поздним авторам — Орибасию [13], Аэтию [14], Павлу Эгинскому [15], Марцеллу [16].

Заметим, что у Скрибония упоминается еще одна разновидность ликия — lycium pataricum, который он рекомендует применять при некоторых желудочных явлениях [17]. О лечении определенных болезней патарийским ликием говорит и Марцелл [18]. Следовательно, к двум разновидностям лекарства — λύκιον (lycium) и ἰνδικὸν λύκιον (indicum lycium) надлежит присоединить lycium pataricum.

Диоскорид и Плиний сообщают, что ликий получали путем специальной обработки ветвей, корней, плодов колючего растения, называемого λύκιον или πυξάκανθα [19]. Способ приготовления лекарства состоял в следующем: ветви, корни, а иногда и плоды этого растения растирались, а затем вымачивались в течение нескольких дней. Настой потом варили, доводя его до консистенции меда. Все эти манипуляции производились в медном (бронзовом) котле [20].

Растение ликий, согласно Диоскориду,— небольшое, с ветвями длиной три локтя и более (т. е. около 1,3 *м*); его листья похожи на листья самшита. Плоды ликия подобны перцу — круглые, черные и очень горькие. Кора желтого цвета. Корни длинные, растущие вширь, древесистые. Несколько ниже Диоскорид сообщает что ликий произрастает главным образом в Каппадокии, Ликии, а также во многих других местностях, пред-

[8] Pedanius Dioskurides. De materia medica, I, Berolinum, 1907, стр. 91 (I, *100 1, 2*): J. Berendes. Des Pedanios Dioscurides aus Anazarbor Arztneimittellehre. Stuttgard, 1902, стр. 116 (I, *132*).

[9] Pedanius Dioskurides. Ук. соч., стр. 91.

[10] C. Plinius Secundus. Naturalis historia, XXIV, *125—126*.

[11] Scribonius Largus. Compositiones medicamentorum. Lipsia, 1887; lycium — *23, 113, 115*; lycium indicum — *19, 142*.

[12] Л. Фридлендер. Общая история европейской культуры, IV, ч. 1, СПб., 1914, стр. 197.

[13] Oribasius. Medica collectanea. Ex Oribasii codice mosquensi. XXI. Vetorum et clarorum medicum graecorum varia opuscula. Mosqua, 1808, s. v. ἰνδικὸν λύκιον

[14] Aëtius. Sermo sexidecimus et ultimus, mit Abbildungen, Bemerkungen und Erklärungen von Skévos Zervòs. Leipzig, 1901, стр. 155, 158.

[15] Paulus Aegineta. Liber tertius. Interpretatio latina antiqua. Lipsia, 1912; lycium — *118, 123, 147, 237, 241, 254, 255, 267;* lycium indicum — *139, 198*.

[16] Marcellus. De medicamentis liber. Lipsia, 1889, VIII, 1; XXVIII, 3.

[17] Scribonius Largus. Ук. соч., *19, 142*.

[18] Marcellus. Ук. соч., XXVIII, 3.

[19] Pedanius Dioskurides. Ук. соч., стр. 91, *100*; J. Berendes. Ук. соч., стр. 116; C. Plinius Secundus. Ук. соч., XII, 30.

[20] C. Plinius Secundus. Ук. соч., XII, 30; XXIV, 125.

почтительно на каменистых местах. «Говорят,— пишет Диоскорид,— что индийский ликий делается из кустарника лонхит (λογχίτις)»[21]. Сбивчивое описание лонхита, почти полностью совпадающее с характеристикой кустарника λύκιον (πυξάκανθα), говорит скорее всего о том, что Диоскорид никогда не видел растения, из которого получали ἰνδικὸν λύκιον, и описал его по наслышке. Из сообщения Диоскорида все же явствует, что δένδρον λύκιον, распространенное в Ликии, Каппадокии и других районах Средиземноморья, использовалось для получения лекарства λύκιον; медикамент ἰνδικὸν λύκιον изготовляли из какого-то растения индийской флоры.

Самым лучшим лекарством, как пишет об этом Плиний, был индийский ликий. На второе место он ставит препарат того же названия, получаемый из растения Pyxacanthum Chironium; для ликия низшего качества использовали Rhamnus appelatur a Graecis[22].

В XIX в. были предприняты попытки разыскания среди образцов современной флоры тех растений, из которых античная фармакопея производила ликий. В результате греческий ликий был отождествлен с несколькими видами жостера (растение семейства крушиновых — Rhamnaceae), в частности — с жостером слабительным (Rhamnus cathartica) и красильным (Rhamnus infectoria); тогда же было установлено, что для производства индийского ликия использовались Berberis aristata и Berberis lycium Royle — разновидности кустарника барбариса, произрастающего в северной Индии[23].

Родиной лекарства ликий, как показывает само его название, была Ликия[24]. Большая популярность этого лекарства, а также, возможно, высокая цена и обусловленная этим малодоступность могли явиться причиной того, что с течением времени в различных районах античного мира

---

[21] Pedanius Dioskurides. Ук. соч., стр. 91.

[22] C. Plinius Secundus. Ук. соч., XII, 30; XXIV, 124, 125.

[23] J. Royle. On the Lycium of Dioscurides. The Transactions of the Linnean Society of London, XVII, 1837, 83 сл.; J. Simpson. Notes on Some Ancient Greek Medical Vases for Containing Lycion; and on the Modern Use of the Same Drug in India. «Archaological Essays». 2. Edinburgh, 1872, стр. 190 сл.; F. Flückiger, D. Hanbury. Pharmacographia. A History of the Principal Drugs of Vegetable Origin. London, 1874, стр. 34, 35; Ch. Pickering. Chronological History of Plants. Boston, 1879, стр. 393 сл.

Ч. Пикеринг идентифицировал греческий ликий с критским барбарисом — Berberis Cretica, произрастающим в районах восточного Средиземноморья; в отношении индийского ликия он придерживался общего мнения, что его получали из индийского барбариса — Berberis lycium (Ch. Pickering. Ук. соч., стр. 446; ср. J. Berendes. Ук. соч., стр. 118; W. Schoff. The Periplus of the Erythraean Sea. London, Bombay, Calcutta, 1912, стр. 169).

Любопытно, что лекарство разот или разаньяна, приготовленное из коры барбариса (с этим лекарством был отождествлен ἰνδικὸν λύκιον), еще до недавнего времени применялось в Индии при лечении хронической офтальмии, малярии, хронической дизентерии, гепатита, как противоядие и пр. (G. Watt. A Dictionary of the Economic Products of India. I. Calcutta, 1889, стр. 445; K. R. Kirtikar, B. D. Basu. Indian Medical Plants. I. Allahabad, 1918, стр. 63—65; R. Chatterjee. Studies in Indian Berberidaceae from Botanical, Chemical and Pharmaceutical Aspects. «Record of the Botanical Survey of India», XVI, 2, 1953, стр. 53 сл.).

В. И. Грубов, говоря о практическом значении жостеров и крушин, отмечает, что слабительный жостер и ломкая крушина с древности известны как лекарственные растения. Плоды обыкновенного жостера, переработанные в повидло и в виде настойки, применялись у большинства европейских народов против водянки, подагры и хронических кожных болезней. Отвар ломкой крушины («крушинный чай») — превосходное и быстродействующее средство против болезней печени, водянки, лихорадки, против глистов и пр. (В. И. Грубов. Монографический обзор рода Rhamnus L. s. l. Тр. Ботан. ин-та им. В. Л. Комарова. Сер. 1. Флора и систематика высших растений, 8, 1949, стр. 408 сл.).

Однако нужно иметь в виду, что новейшая специальная литература относит ликийское растение Lycium к семейству пасленовых — Solanaceae (R. Schubert, G. W. Wagner. Botanische Pflanzebeinamen und Fachwörter. Leipzig, 1961, стр. 119).

[24] O. Treuber. Geschichte der Lykier. Stuttgart, 1887, стр. 10, примеч. 4.

были подобраны такие образцы флоры, из которых можно было получать лекарственные средства, близкие по своим свойствам лекарству из Ликии.

Постепенно слово λύκιον, видимо, стало применяться для названия целой группы лекарств растительного происхождения, оказывавших определенное воздействие на больной организм, и в первые века нашей эры λύκιον уже не ассоциировался с Ликией.

Мы выше отмечали, что у Скрибония, Марцелла фигурирует такая разновидность ликия, как lycium pataricum — патарийский ликий. Как известно, Патары — приморский город в юго-западной Ликии. Наименование лекарства, образованное от названия ликийского города, в это время, очевидно, и служило для обозначения медикамента, изготовленного именно в Ликии.

Когда ликий вошел в медицинскую практику — неизвестно. Наиболее ранним свидетельством существования этого лекарства являются клейменые флаконы III—II вв. до н. э.

При выяснении, с какого времени античный мир познал лекарство ἰδικὸν λύκιον, надлежит прежде всего подчеркнуть, что упоминание индийских снадобий в сборнике «Corpus Hippocraticum»[25] свидетельствует о проникновении в Средиземноморье лекарств из Индии. Посылка правителем северной Индии Чандрагуптой медикаментов в дар Селевку I[26] показывает, насколько уже тогда ценились индийские лекарства.

Лекарство ἰνδικὸν λύκιον, как известно, представляло собой экстракт, приготовленный из растения барбарис. Согласно трактату, приписываемому индийскому врачу Сушруте (I в. до н. э.— I в. н. э.[27]), этот экстракт применялся при стоматических язвах, офтальмии, ушных и кожных болезнях, при проказе, а также как противоядие[28]. Аналогичные рекомендации относительно использования этого лечебного средства содержатся в сочинении Чараки (I—II вв.) и в трактатах последующих индийских авторов[29].

Перечень заболеваний, подлежавших лечению экстрактом барбариса, удивительно близок к тому, который содержится в сочинениях древнегреческих и римских авторов, информирующих о лечебных свойствах ликия. Барбарисовый экстракт, вероятно, был издавна известен в народной медицине Индии. Однако в индийской медицинской литературе он получил признание позже, в I—II вв.

К началу нашей эры, вероятнее всего, следует отнести проникновение импортного лекарства из барбариса в древнегреческо-римскую лечебную практику. «Аравии и Индии,— писал Плиний,— придают чрезмерное значение; для маленького прыщика лекарство везут к нам с Красного моря, между тем, как настоящие лекарства у нас под рукой»[30]. Познакомившись с привозным медикаментом, греки, по аналогии со своим лекарством — ликий, назвали его «индийским ликием». Так, в «Перипле Эритрейского моря» (60-е годы I в.) среди предметов, вывозимых из индийских портов Барбарикона и Баригазы, интересующее нас лекарство упоминается под греческим названием λύκιον[31].

---

[25] E. Littré. Ocuvres complètes d'Hippocrate, VIII, Paris, 1853, стр. 203, 337, 367, 395.

[26] Athen. I, 32, p. 18D; FHG, I, стр. 344, фр. 37.

[27] Долгое время у санскритологов не было единого мнения по вопросу, когда жил Сушрута. В настоящее время большинство исследователей склонно считать, что Сушрута жил в последние века до нашей эры или даже в I в. н. э. (Encyclopaedia Britanica, 1959, XV, стр. 205; Д. Неру. Открытие Индии. М., 1955, стр. 118).

[28] R. Chatterjee. Ук. соч., стр. 53 сл.

[29] R. Chatterjee. Ук. соч., стр. 52 сл.

[30] C. Plinius Secundus. Ук. соч., XXIV, 5.

[31] Anonimi periplus maris Erythraei, 39, 49; C. Müllerus. Geographi Graeci minores. I, Parisiis, 1822, стр. 287, 293; Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря. ВДИ, 1940, 2, стр. 275, 277.

Вопрос об авторстве «Перипла» и о времени его составления подробно и обстоятельно рассмотрен У. Шоффом (W. Schoff. Ук. соч., стр. 7) и Х. Фриском

В связи с тремя миниатюрными сосудами из Мирмекия, Херсонеса и Бизоны, служившими флаконами для лекарства ликия, большой интерес представляет серия подобных же маленьких глиняных сосудов III—II вв. до н. э., найденных в Сицилии при раскопках Маргантины [32]. Многие из названных сосудов очень схожи с флаконами из Херсонеса и Бизоны.

На 11 сосудах из Моргантины клейма содержат только одно слово λύκιον. Для первой группы этих сосудов, объединяющей девять экземпляров (по Шоквисту — тип *1А*), характерна форма, о которой можно судить по рис. 3, *8*. Высота сосудов 5,4 *см*; клейма поставлены двумя разными штемпелями [33]. Вторую группу образуют два сосуда (по Шоквисту — тип *1Б*) высотой 5,6 *см* (рис. 3, *9*), клейма на них оттиснуты иным, третьим штемпелем [34].

Помимо охарактеризованных, в Моргантине найдены еще четыре флакона с двустрочными клеймами ΗΡΑΚΛΕΙΟΥ/ΛΥΚΙΟΝ—Ἡρακλείου λύκιο. Высота самого большого из них — 3,9 *см*. Ручки на двух флаконах (по Шоквисту — тип *2А*) расположены почти горизонтально (рис. 3, *5*) [35]. На остальных (по Шоквисту — тип *2Б*) ручки заменены двумя дуговидными

(H. Frisk. Le périple de la mer Erythrée, suivi d'une étude sur la tradition et la langue. «Göteborgs Högskolas Arsskrift», XXXIII, 1927, 1). В ряде работ (F. Flückiger, D. Hanbury. Ук. соч., стр. 34; R. Chatterjee. Ук. соч., стр. 66; М. Хвостов. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. I. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907, стр. 124 (примеч. 5) содержится ошибочное утверждение, что в II в. в римской таможне в Александрии за индийский ликий якобы взималась пошлина. Первоисточник этого заблуждения устанавливается довольно просто. В работе У. Винсента (W. Vincent. The Commerce and Navigation of Ancients in the Indian Ocean. 2, London, 1807, стр. 685) имеется каталог предметов торговли, перечисленных в «Перипле Эритрейского моря», а также в таможенном указе Марка Аврелия и Коммода. В каталоге фигурирует и λύκιον. Названные выше исследователи, пользовавшиеся, по-видимому, книгой У. Винсента (ссылка на его работу имеется, правда, только у Ф. Флюкигера), оставили без внимания предпосланное данному каталогу весьма существенное примечание: «В том случае, если товары упомянуты в таможенном указе Марка Аврелия и Коммода („Digesta".— *B. II.*) и в „Перипле", они обозначены в каталоге двумя буквами D. P.; соответственно одной из этих букв они отмечены в том случае, когда фигурируют только в одном из упомянутых источников» (W. Vincent. Ук. соч., стр. 684). Отметим, что против товара λύκιον в каталоге У. Винсента стоит одна буква P. («Periplus») — показатель того, что ликий назван только в «Перипле», который был составлен в I в., и где, как известно, нет никаких указаний о взимании пошлины.

[32] E. Sjöqvist. Morgantina. Hellenistic Medicine Bottles. AJA, 64, 1960, 1, стр. 78 сл.

Заслуживают внимания и другие сосуды, найденные также в Моргантине, в виде миниатюрных горшочков, снабженных анэпиграфными клеймами с изображением головы Асклепия. Э. Шоквист полагает, что они служили вотивными подношениями в знак благодарности богам за исцеление. Указанная гипотеза возникла по той причине, что в святилище, раскопанном в Моргантине, был обнаружен один такой сосудик, наполненный серебряными монетами. Не исключено, однако, что эти сосудики с анэпиграфными клеймами предназначались для лекарства «асклепий».

Сицилийские сосуды с анэпиграфными клеймами следует сопоставить с группой сосудов, найденных в Приене. На них, помимо клейма с профильным изображением Афины, повторяющем местные монетные типы, имеется оттиснутое штемпелем собственное имя в родительном падеже. По мнению Р. Цана, приенские сосуды могли предназначаться либо для деликатесов, либо для туалетных снадобий, либо для лекарств. Имена, обозначенные в клеймах, Р. Цан относил к производителям содержимого сосудов. Круглое клеймо в виде головы Афины Р. Цан, по аналогии с цветком граната на родосских амфорных ручках, рассматривал как свидетельство происхождения содержимого из определенной местности (Th. Wiegand, H. Schrader. Priene. Berlin, 1904, стр. 424, 429 (примеч.), рис. 542, 543). Г. Томпсон считает возможным рассматривать флаконы из Приены как лекарственные; клейма на них — официальное свидетельство государства в целях борьбы с фальсификацией лекарств (H. A. Thompson. The Excavation of the Athenian Agora, Twelfth Season. 1947. «Hesperia», XVII, 1948, 3, стр. 191).

[33] E. Sjöqvist. Ук. соч., табл. 19, *1, 2*; 20, *11 (1)*.

[34] E. Sjöqvist. Ук. соч., табл. 19, *4*; 20, *11 (2)*.

[35] E. Sjöqvist. Ук. соч., табл. 19, *5*; 20, *11 (3)*.

налепами (рис. 3, *6*). Верхняя часть этих четырех сосудиков покрыта черной глазурью.

Рассмотренные флаконы были обнаружены при раскопках, те же, о которых речь пойдет ниже, являются случайными находками [36].

Так, известны три одинаковых сосуда с клеймом IACONOC/ΛΥΚΙΟΝ — — Ἰάσων ος λύκιον; два из них в разное время найдены в районе Тарента [37], третий происходит из окрестностей Витербо [38]. Один сосудик дошел в целом виде. Это маленький кувшинчик с яйцевидным туловом и одной ручкой; его высота 4,9 *см*. Верхняя часть кувшинчика покрыта черной глазурью. Внутреннее вместилище имеет форму очень узкого и длинного углубления (рис. 3, *2*, *3*).

Отмеченный кувшинчик подтверждает правильность нашего восстановления утраченной верхней части мирмекийского флакона.

В районе Тарента найден еще сосудик с надписью ΗΡΑΚΛΕΙΟΥ/ΛΥΚΟΝ (sic!) — Ἡρακλείον λύκ(ι)ον. В общем он очень похож на предыдущие кувшинчики, но ему присущи более тяжелые приземистые пропорции (рис. 3, *1*) [39].

Известны также три сосуда с клеймом ΝΕΙΚΙΑ/ΛΥΚΙΟΝ—Νεικία λύκιο два обнаружены в Катане [40], один — в Пестуме [41].

С афинской агоры происходит сосудик с именем Гермофила, сына Мосха, но он еще не опубликован [42]. В коллекции ваз музея Пестума имеется сосуд с клеймом ΛΥΚΙΟΝ, оттиснутым поверх какой-то другой надписи [43]. Упомянем, наконец, сосуд, на котором слово ΛΥΚΙΟΝ не оттиснуто штемпелем как обычно, а процарапано от руки [44].

Наряду с глиняными флаконами для ликия, по-видимому, довольно широко применялись также и флаконы из свинца. В настоящее время известно шесть таких флаконов. Все они гораздо меньше глиняных, высота — 2,5—3 *см*. Один хорошо сохранившийся открытый свинцовый сосудик с клеймом ΛΥΚΙΟΝΠΑΡΑΜΟΥΣΑΙΟΥ — λύκιον παρὰ Μουσαίου и с эмблемой в виде треножника был найден в Афинах (рис. 4, *1*) [45].

В эллинистических слоях афинской агоры были обнаружены весьма близкие по форме свинцовые сосуды с клеймами: на одном ΑΡΤΕΜΙΔΩ-ΡΟΥ ΛΥΚΙΟΝ—Ἀρτεμιδώρου λύκιον, на другом ΚΛΕΑΝ ΛΚΚΙΟΝ (sic!) —

---

[36] Часть этих сосудов опубликована в оказавшейся недоступной нам работе Герона де Вильфоса и Тедена. A. Héron de Villefosse, H. Thedenat. Cachets d'oculistes romains. Tours — Paris, 1882.

[37] A. Millin. Description d'un vase, trouvé à Tarente. Paris, 1814. Это была первая публикация античного лекарственного флакона. Упомянув, что Диоскорид называет словом λύκιον колючее растение, А. Миллен исключал возможность, чтобы название растения могло быть обозначено на столь маленьком сосуде, практическое использование которого, по мнению автора, невозможно. Поэтому он определил сосуд как детскую игрушку или награду, выданную в придуманном им самим лицее Язона. Исходя из этого, А. Миллен предложил читать во второй строке клейма λύ κ(ειον вместо λύκιον). См. также: J. F. Tôchon d'Annecy. Dissertation sur l'inscription grecque IACONOC ΛΥΚΙΟΝ et sur les pierres antiques qui servaient de cachets aux médecins oculistes. Paris, 1826, стр. 5 сл., табл. I, *1*, *2*, *3*, E. Espérandieu. Recueil des cachets d'oculistes romaines. RA, 24, 1894, стр. 59; J. Simpson. Ук. соч., стр. 187 сл., рис. 3—6; E. Sjöqvist. Ук. соч., стр. 82, табл. 20, *14*.

[38] Третий сосуд с клеймом IACONOCΛΥΚΙΟΝ, ссылаясь на Т. Панофку, упоминает Эсперандье (E. Espérandieu, Ук. соч., стр. 59), но места его находки он не указывает. Сведения о том, что этот сосудик найден в окрестностях Витербо, почерпнуты нами из работы М. Гуардуччи (M. Guarducci. Un nouvo vasette de collirio con inscriptione greca. Archaeologia Classica, IV, 1952, 2, стр. 255).

[39] J. Simpson. Ук. соч., стр. 187, рис. 2; E. Sjöqvist. Ук. соч., стр. 82, табл. 20, *13*; E. Espérandieu. Ук. соч., стр. 59, M. Guarducci. Ук. соч., стр. 255.

[40] E. Sjöqvist. Ук. соч., стр. 82; E. Espérandieu. Ук. соч., стр. 56; M. Guarducci. Ук. соч., стр. 255.

[41] E. Sjöqvist. Ук. соч., стр. 82.

[42] Там же.

[43] Там же.

[44] E. Sjövist. Ук. соч., стр. 83.

[45] E. Sjöqvist. Ук. соч., стр. 82, табл. 20, *15*.

Κλεάν(δου?) λ(ύ)κιον [46]. Оттуда же происходит пока неопубликованный сосуд с именем Артемидора.

К числу случайных находок (в окрестностях Тарента) относится отлитый из свинца сосуд I в. до н. э. с надписью АКЕΣΤΙΑ ΛΥΚΙΟΝ—'Ακεστία λύκιον (рис. 4, *2*) [47]. Наконец, надлежит еще упомянуть свинцовый флакон с надпись Νυμφοδώρου λύκιον из Антиохии [48].

Итак, в настоящее время мы располагаем (включая сосудики из Мирмекия, Херсонеса и Бизоны) 34 керамическими [49] и свинцовыми флакопами для лекарства ликий. Клейма этих сосудов делятся на две группы. К первой относятся те, которые содержат только одно слово ΛΥΚΙΟΝ — наименование лекарства; ко второй — те, в которых указано еще и собственное имя. За исключением сосуда с надпись λύκιον παρὰ Μουσαίου и двух неопубликованных сосудов с именами Артемидора и Гермофила, сына Мосха, о надписях которых мы не можем судить, на остальных сосудах клейма построены по одному принципу: в первой строке — собственное (как правило, мужское) имя в родительном падеже, во второй — название лекарства λύκιον.

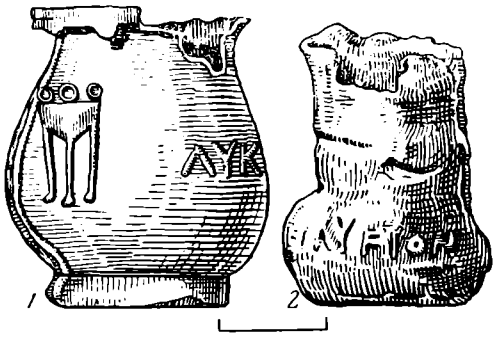


Рис. 4. Типы свинцовых флаконов для лекарств ΛΥΚΙΟΝ

Напомним, что на мирмекийском сосуде читается [— — —] αυγου λύκιον ἐπ'ἐγγύη(ι). И здесь в первой строке клейма было мужское имя, представленное в родительном падеже. Нечеткость этой части клейма затрудняет восстановление начала слова. Можно предполагать имя типа 'Ανταύγης, Τηλαύγης и т. п.

Привлекают к себе особое внимание клейма Λυκίας λύκιον (из Херсонеса) и Νικίας λύκιον (из Бизоны). Первое слово и здесь обозначает, несомненно, личное имя, представленное в родительном падеже. Но грамматическая форма, свойственная генетиву двух указанных выше имен, заставляет считать их женскими, хотя на всех прочих известных флаконах для ликия неизменно стоят имена мужские. Впрочем, женским приходится обязательно считать, пожалуй, лишь одно имя, написанное на херсонесском флаконе, так как женское имя Ликия действительно существовало [50].

---

[46] E. Sjöqvist. Ук. соч., стр. 82; H. A. Thompson. Ук. соч., стр. 191.

[47] M. Guarducci. Ук. соч., стр. 254 сл.

[48] Th. Wiegand, H. Schrader. Ук. соч., стр. 429, примеч.

[49] Возможно, в качестве лекарственного флакона следует также рассматривать найденный на Родосе миниатюрный глиняный сосудик (высотой 2,4 *см*) с двустрочным клеймом (0,6 × 1,5 *см*), в котором издатель прочел 'Ιάσονος Λυκίου (Clara Rhodos, VI—VII, 1932—36, стр. 365, рис. 114). Однако существование трех перечисленных выше сосудов с надписью 'Ιάσονος λύκιον на каждом приводит к предположению о неверном чтении окончания второго слова в клейме родосского сосудика и о корректировке опубликованного фотовоспроизведения в соответствии с этим чтением. В высшей степени вероятно, что дополнительное изучение данного клейма позволило бы увидеть во второй его стороне ΛΥΚΙΟΝ вместо ΛΥΚΙΟΥ и тем самым дать бесспорное основание для изменения атрибуции сосудика с Родоса.

Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность Е. И. Леви, обратившей мое внимание на этот сосудик.

[50] CIG, 3, № 4295, 4380; W. Pape. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884, s. v. Λυκία. F. Bechtel, A. Fick. Die griechischen Personennamen. Göttingen, 1894, стр. 344.

От весьма соблазнительной возможности истолковать ΛΥΚΙΑΣ (на херсонесском флаконе) в качестве обозначения места производства медикамента («Из Ликии») приходится решительно отказаться, так как на всех прочих имеющихся флаконах для ликия нет никаких географических указаний, которые пояснили бы, где лекарство изготовлено.

Что касается клейма Νικίας λύκιον, то надо иметь в виду, что женское имя Никия, насколько мы знаем, не засвидетельствовано в имеющихся памятниках. В то же время есть фессалийская надпись, в которой Νικίας выступает как особая форма родительного падежа мужского имени [51]. Может быть, эта аналогия применима к клейму на сосуде из Бизоны.

Принято считать, что на флаконах обозначены имена изготовителей ликия, причем некоторые исследователи склонны видеть в них фармакологов [52]. Были также попытки усматривать в клеймах имена врачей, по рецептам которых изготавливалось лекарство [53]. Первое объяснение нам кажется наиболее правдоподобным, но с одной оговоркой: утверждение, что изготовители лекарства обязательно были фармакологами [54], не бесспорно.

Производством лекарств часто занимались профессиональные врачи, приобретая, как и фармакологи, необходимое сырье у торговцев кореньями и травами. Поэтому весьма возможно, что на некоторых сосудах для лекарства ликий в клеймах обозначены имена таких знаменитых врачей, как Гераклид, Нимфодор [55].

Клейма на лекарственных сосудах, несомненно, гарантировали доброкачественность целебного товара. Не следует забывать, что производством медикаментов могли заниматься и более искусные и менее опытные врачеватели. Нередко же в этом деле подвизались, по-видимому, и совершенно случайные люди. Чтобы выделить свой препарат, изготовитель его ставил на флаконе с лекарством свое имя. Это должно было рекламировать медикамент, одновременно исключая возможность его фальсификации. Как известно, это лекарство подделывалось [56].

Сосуды, на которых клеймо заключало в себе только слово ΛΥΚΙΟΝ, возможно, предназначались для медикамента худшего качества, тогда как флаконы с именем изготовителя содержали, скорее всего, лекарство более высокого качества, что и удостоверялось соответствующим именным клеймом.

Клеймо на мирмекийском сосуде заметно отличается от всех других аналогичных клейм наличием третьей строки, в которой читается ἐπ'ἐγγύη(ι). Ἐγγύη — значит залог, порука, ручательство. Термин ἐγγύη в качестве обозначения поручительства при разнообразных соглашениях и договорах представлен в древнегреческих надписях юридического характера [57], он встречается и в египетских папирусах [58]. Поручительство, т. е. обязательство нести определенную материальную ответственность, применялось при залоге недвижимого имущества, при продаже земли, при за-

---

[51] H. Collitz, F. Bechtel. Sammlung der griechischen Dialektinschriften. I, Göttingen, 1884—1915, № 1329, 1 *a*. П. Шантрен отмечает, что «диалекты различным образом замещали в родительном падеже древнее окончание — α, которое, по-видимому, сохранилось в изолированных формах фессалийского (ср. Νικιας) и мегарского (ср. Αραιαζ) диалектов» (П. Шантрен. Историческая морфология греческого языка. М., 1953, стр. 41).

[52] E. Sjöqvist. Ук. соч., стр. 82, примеч. 16.

[53] M. Guarducci. Ук. соч., стр. 255, 256.

[54] Эти лица (φαρμακοπῶλαι), кроме изготовления лекарств, занимались еще и разнообразными другими делами. Не имея профессиональной подготовки, они часто выступали в роли врачей, а наряду с этим показывали публике фокусы со змеями, обезьянами и другими животными. Поэтому в древности представителей этой профессии обычно называли θαυματοποιοί (RE, XIX, Spt. 1840, 1841).

[55] Гипотезу о том, что в клейме Ἡρακλείου λύκιον следует видеть имя знаменитого врача эпохи эллинизма Гераклида Тарентского, впервые высказал Д. Симпсон. К имени Ἡρακλείου им была соответственно предложена поправка Ἡρακλεί(δ)ου (J. Simpson. Ук. соч., стр. 188). Эту гипотезу поддержал Р. Цан, связавший в свою очередь клеймо Νυμφοδώρου λύκιον с именем известного врача (Th. Wiegand, H. Schrader. Ук. соч., стр. 429, примеч.).

[56] C. Plinius Secundus. Ук. соч., XII, 31; XXIV, 125.

[57] R. Dareste, B. Haussoullier, Th. Reinach. Des inscription juridique grecques. I, Paris, 1895, см. в указателе s. v. ἐγγύη.

[58] F. Preisigke. Wörterbuch der griechischen Papyruskunden. Berlin, 1925, I, s. v. ἐγγύη.

ключении подрядов на выполнение работ, при имущественных спорах и т. д.[59]. Термин ἐγγύη обнаруживается также и в декретах о проксении, происходящих из северной Греции. Но как в данном случае осуществлялось поручительство — пока неизвестно.

Как нам представляется, третью строку клейма на мирмекийском флаконе следует переводить: «с гарантией», «с ручательством»[60]. Вряд ли гарантия качества медикамента обеспечивалась каким-то иным лицом или представителем государственной власти. Очевидно, производитель лекарственного средства просто объявлял о своем ручательстве за высокое качество заключенного в флаконе лекарства. Следовательно, «гарантия» носила чисто декларативный, рекламный характер.

Как известно, до сих пор не было обнаружено ни одного керамического клейма, которое заключало бы в себе объявление о ручательстве за качество содержимого. В этом отношении клеймо на мирмекийском флаконе для Ликия является в полном смысле уникальным[61].

Очень интересен сам факт проникновения в черноморские античные города славившегося и высоко ценившегося лекарства ликия. В дальнейшем, может быть, удастся выяснить, где, кроме Ликии, изготовлялось это лекарство, которое доставлялось и в понтийские античные города, как это теперь доказано находками лекарственных флаконов эллинистического времени — в Мирмекии, Херсонесе и Бизоне.

---

[59] Случаи, при которых в древней Греции применялось поручительство (ἐγγύη) детально разобраны в работе И. Парча (J. Partsch. Greichisches Bürgschaftsrecht. Leipzig — Berlin, 1909).

[60] Что такой перевод ἐπ'ἐγγύῃ верен, подтверждается надписью из Приены, в которой читается: ἐπ'ἐγγύῃι οὐ φυλάσσω οὐθενὶ οὐθέν (F. Hiller von Gaertringen. Inschriften von Priene. Berlin, 1906, № 315; J. Partsch. Ук. соч., стр. 309).

[61] Если элемент прямой рекламы отсутствует в клеймах античных сосудов, выполнявших функции торговой тары, то зато известны надписи, исполненные на амфорах краской с целью расхваливания достоинств товара. Так, на горле одной амфоры I в., найденной в прирейнском районе (Вейзенау), читается такая латинская надпись: «oliv(ae) nigr(ae) ex defr(uto) penuar(iae) excell(entes)» — «превосходные черные маслины, выдержанные в винном соусе», затем написано имя предпринимателя, приготовившего эти маринованные маслины (K. Körber. Die in den Jahren 1909 und 1910 gefundenen römischen und frühchristlichen Inschriften und Skulpturen. «Mainzer Zeitschrift», VI, 1911, стр. 133 сл.).

В. А ЛЕКВИНАДЗЕ

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ СЕБАСТОПОЛИСА

В 1959 г. в результате археологических раскопок Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьева в Сухуми были выявлены остатки оборонительных сооружений Себастополиса [1]. Сооружения эти настолько интересны, что мы сочли возможным рассмотреть их еще раз, указав при этом на кое-какие дополнительные данные. Остатки сооружений весьма фрагментарны и многослойны, поэтому при их рассмотрении могут возникнуть спорные вопросы.

Как известно, в позднеантичную эпоху римляне захватили в Восточном Причерноморье несколько пунктов и превратили их в свои военные базы, с помощью которых Римская империя удерживала в вассальной зависимости население Западной Грузии [2]. Базы эти были унаследованы затем византийцами.

Одной из таких военных баз и являлся Себастополис, основанный на месте древнегреческой милетской колонии Диоскурнады [3]. Впервые Себастополис, как римская крепость, упоминается в середине I в. [4]. Находясь на территории Колхиды, в административно-политическом отношении Себастополис входил в состав римско-византийской провинции Полемоновский Понт [5]. Во время византийско-персидских войн VI в. Себастополис был покинут на некоторое время и разрушен самими же византийцами, опасавшимися, что пункт этот будет захвачен персами [6]. После

---

[1] Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Исследование древнего Себастополиса. СА, 1960, 3.

В 1959 г. в Сухуми вели раскопки еще два отряда: один отряд, в составе которого находился автор настоящей статьи, вел раскопки под руководством А. М. Апакидзе (см. А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе. Отчет о работах Причерноморской археологической экспедиции в 1959 г. «Научн. сессия Ин-та истории им. акад. И. А. Джавахишвили АН ГрузССР, посв. итогам полевых археологическ. исследований 1959 г.». Тбилиси, 1960, стр. 34—42); второй отряд вел раскопки под руководством М. М. Трапша (см. М. М. Трапш. Предварительные итоги археологических раскопок в Сухуми в 1959 г. Там же, стр. 43—45).

[2] Назначение восточнопричерноморских римских военных баз конкретно засвидетельствовано у Прокопия Кесарийского, сообщающего нам о том, что базы эти служили римлянам для «устрашения» местных племен. Прокопий из Кесарии. Война с готами, VIII—4_4. М., 1950, стр. 384.

[3] Арриан. Перипл..., 14. ВДИ, 1948, 1, стр. 270.

[4] Г. Плиний Секунд. Естественная история, VI—II. ВДИ, 1949, 2, стр. 290.

[5] Notitia dignitatum... edidit O. Seek. Berolini, MDCCCLXXVI, стр. 84—85; Corpus juris civilis, III (novellae), novella XXVIII. Ediderunt fratres Kriegelii. Stuttgrat, 1887, стр. 195.

Восточнопричерноморские римские военные базы входили в «состав» Полемоновского Понта, по-видимому, по традиции, установившейся с того времени, когда вся Колхида была отдана римлянами в управление своим вассалам — царям Полемоновского Понта, превращенного в 64 г. в обыкновенную римскую провинцию (М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, примеч. 4 на стр. 308).

[6] Прокопий. Война с готами, VIII—4_{5-6}, стр. 384.

Рис. 1. Общий вид раскопок на сухумской набережной (с северной стороны)

окончания войн император Юстиниан восстановил в Себастополисе военную базу, проведя здесь обширные строительные работы, которые, по словам Прокопия, превратили прежнюю крепость «в один из самых замечательных городов» [7]. Утверждение Прокопия, льстившего в данном случае Юстиниану, по-видимому, не заслуживает доверия, так как официальный документ этого времени прямо говорит, что Себастополис и Питиунт должны быть причислены скорее к крепостям, чем к городам [8]. Вполне возможно, что Себастополис превращается в город, и довольно крупный, лишь в VII—VIII вв. Об этом свидетельствует в первую очередь то, что Эпифаний Константинопольский упоминает интересующий нас пункт, как «великий Себастополис» [9]. Кроме того, судя по византийским эктезисам, Себастополис в это время являся духовным центром Абхазии, в котором находилась кафедра архиепископа [10]. Превращение Себастополиса в город было связано, возможно, с изменением его «статуса»: если он раньше как иностранная военная база, был изолирован в политико-административном отношении от Западной Грузии, то теперь он становится центром одной из ее областей [11].

Таковы вкратце сведения античных и раннесредневековых письменных источников о Себастополисе. Что же представляют собой его остатки?

Остатки сооружений Себастополиса были обнаружены случайно на сухумской приморской набережной при разбивке сквера (рис. 1). Начатые в связи с этим раскопки выявили ряд стен, относящихся к самым различным периодам. Некоторые из этих стен оказались настолько фрагментарными, что мы не решаемся судить ни о времени их сооружения, ни о их назначении, поэтому мы или вообще не нанесли их на публикуемый здесь план, или же они фигурируют на нем в качестве «неопределенных» (рис. 2).

---

[7] Прокопий. О постройках, III—7₉. ВДИ, 1939, 4, стр. 249.

[8] Corpus juris civilis, III, novella XXVIII.

[9] Георгика (Сведения византийских писателей о Грузии), IV, 1, Тбилиси, 1941. стр. 57—58 (на груз. яз.).

[10] Георгика, IV, 2, Тбилиси, 1952, стр. 129—202 (на груз. яз.).

[11] Аналогичные изменения произошли, по-видимому, и с другими восточнопричерноморскими византийскими военными базами.

Раскоп, в котором были выявлены интересующие нас стены, отделяет от моря лишь парапет современной набережной. Длина раскопа с северо-востока на юго-запад 120 *м*, максимальная ширина 25 *м* [12].

В северо-восточной — основной части раскопа была выявлена мощная оборонительная стена толщиной 2,4 *м*, с пятью контрфорсами и двумя башнями. Эта стена, представляющая, по мнению Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьева, остатки «восточного укрепления», сложена из голыша на известковом растворе. В кладке стены использован также и кирпич, образующий кирпичный пояс. Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев пи-

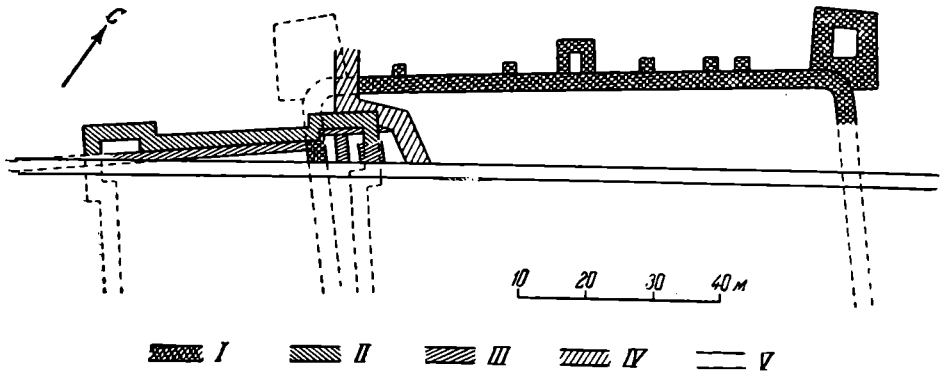


Рис. 2. План остатков укреплений Себастополиса

I — остатки кастеллы I; *II* — стена кастеллы II; *III* — неопределенные стены; *IV* — стена турецкой крепости; *V* — парапет сухумской набережной

шут, что пояс этот состоит из трех и четырех кирпичных рядов [13]. Судя же по нашим наблюдениям, а также по публикуемой названными исследователями фотографии [14], кирпичный пояс состоял здесь в основном из двух рядов кирпича. Это уточнение имеет принципиальное значение, так как описанная конструкция стены, известная под названием смешанной кладки (opus mixtum), может датироваться на основании количества рядов кирпича в кирпичных поясах, которые предназначались для укрепления стен. Впервые эта идея была высказана П. Лемерлем [15]. Затем ее развил и обосновал С. Н. Бобчев, сделавший следующие выводы: двухрядные кирпичные пояса характерны для сооружений III в.; трехрядные характерны для сооружений III—IV вв.; четырехрядные — для сооружений IV—V вв.; пятирядные — для сооружений V—VI вв.; сооружения с шестью, семью и более рядами в поясе относятся к VII—VIII вв. Наряду с этим С. Н. Бобчев установил, что с начала VII в., кроме построек с шестирядными и более кирпичными поясами, появляются также сооружения, в поясах которых число кирпичных рядов бывает самым разнообразным, т. е. оно перестает подчиняться какой-либо закономерности [16].

Как уже говорилось, рассматриваемая стена имеет в основном двухрядный кирпичный пояс. Пояс из четырех рядов прослеживается в ней лишь в том месте, где стена эта делает поворот (угол) к морю (в северо-восточном конце раскопа), что объясняется, по-видимому, повышенными требованиями к прочности этой части сооружения. Углы сооружений, выполненных смешанной кладкой, иногда вообще бывают сложены целиком

---

[12] Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 171.

[13] Там же, стр. 172.

[14] Там же, рис. 3.

[15] P. Lemerle. A propos des basiliques paléochretiennes de Gréce. BCH, LXX, Paris, 1946, стр. 327.

[16] С. Н. Бобчев. Смесената зидария в римските и ранновизантийските строежи. София, 1952; его же. Смесената зидария в римските и ранновизантийските строежи. «Известия на археологическия институт», XXIV, София, 1961, стр. 153—202.

из кирпича [17]. Таким образом, при датировке описываемой стены нужно брать в расчет ее двухрядный кирпичный пояс. По С. Н. Бобчеву, описываемая стена должна датироваться или «римским временем», т. е. III в., или же «византийским» — не ранее VII в. Третий век в данном случае более подходит, так как остатки описываемого укрепления отличаются некоторыми признаками, характерными только для римского фортификационного строительства. Приблизительно так же датируют описываемую стену Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев: I—II вв. [18] или II—начало III в. [19].

Бóльшая часть стены, кладку которой мы описали, представляет собой в плане совершенно прямой отрезок, который лишь в своем северо-восточном конце заворачивает к юго-востоку и уходит в море, образуя при этом тупой, закругленный угол. Этот поворот стены свидетельствует о том, что основная часть укрепления находилась раньше на территории, занятой теперь морем.

Другой, юго-западный конец описываемой стены обрывается — он был разрушен здесь на стыке других стен, которые относятся к более позднему времени. Юго-западнее этого стыка описываемая стена не прослеживается, поэтому, как совершенно справедливо полагают Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев, именно здесь должен был находиться другой, западный угол описываемого укрепления [20]. От второй, направленной к морю, стороны этого угла сохранился лишь небольшой фрагмент стены (возле самого парапета набережной), направление которого параллельно направлению противоположной стены укрепления. Таким образом, западный угол укрепления был острым.

Как известно, в Восточном Причерноморье римляне сооружали свои укрепления не только в Себастополисе. Остатки римских укреплений обнаружены в древнем Питиунте (совр. Бичвинта) [21], в Фазисе (совр. г. Поти) [22] и в Апсаре (совр. с. Гонио Батумского района) [23]. Эти укрепления представляют собой обычные четырехугольные пограничные римско-византийские крепости — кастеллы, поэтому имеются все основания и в Себастополисе предполагать существование укрепления указанного типа, частью которого является описываемая стена.

В отличие от других восточнопричерноморских кастелл, имеющих в плане форму прямоугольников, кастелла, фрагмент которой мы описали, должна была иметь в плане форму параллелограмма. Такая планировка известна у римских пограничных кастелл [24]. Очертания параллелограмма имели также земляные оборонительные валы некоторых римских военных

---

[17] S. S. Frere. Excavations at Verulamium 1957. AJ, XXXVIII, 1, 2, 1959, табл. I, *a*.

[18] Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 177.

[19] Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе. Предварительное сообщение о расчистке комплекса сооружений на набережной у Сухумской крепости в конце 1958 г. и первой половине 1959 г. «Научн. сессия Ин-та истории АН ГрузССР...», стр. 45.

[20] Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 175.

[21] А. М. Апакидзе. Бичвинта. «Научн. сессия Ин-та истории АН ГрузССР...», стр. 31; А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе. Отчет о работах Причерноморской археологической экспедиции в 1959 году. «Научн. сессия Ин-та истории АН ГрузССР...», стр. 34; А. М. Апакидзе, Т. К. Микеладзе, О. Д. Лордкипанидзе, Р. М. Рамишвили. Итоги полевых исследований Причерноморской археологической экспедиции АН ГрузССР летом 1960 г. «Итоги полевых археологических исследований на территории ГрузССР в 1960 г.». Тбилиси, 1962, стр. 32—36.

[22] F. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, III, Paris, 1839, стр. 67—76; его же. Voyage au Caucase. Atlas, I — serie, Paris, 1843, табл. XVIII.

[23] В. А. Леквинадзе. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости. ВВ, XX, М., 1961, рис. 1, 2.

[24] W. Schleiermacher. Der obergermanische Limes und spätromische Wehranlagen am Rhein. «33. Bericht der römisch-germ. Kommission 1943—1950». Berlin, 1951, рис. 17, 21.

походных лагерей[25]. Интересно, что римские укрепления такой формы известны только на северных границах Римской империи и совершенно неизвестны на ее южных границах, т. е. в Африке, Аравии и Сирии, где засвидетельствованы только прямоугольные кастеллы[26], форма которых являлась повсеместной и обычной для подавляющего числа римских пограничных укреплений. Последнее обстоятельство, по-видимому, не должно говорить о том, что укрепления в форме параллелограмма строились в результате неправильного расчета их углов. В этом нас убеждает существование настолько четких параллелограммовидных кастелл, что неправильность их углов могла быть определена строителями даже на глаз[27].

Нужно отметить еще одну деталь описываемой кастеллы Себастополиса (мы будем в дальнейшем называть ее «кастелла I»), а именно закругленность сохранившегося ее северного угла, который, судя по соответствующим аналогиям, свидетельствует о том, что и три других несохранившихся угла укрепления также были закругленными. И эта деталь является характерной для римских кастелл[28], закругленные углы которых свидетельствуют, по-видимому, о том, что ограда укрепления не имела вначале угловых башен — ведь закругленный угол лучше противостоял ударам тарана, чем «заостренный».

Сохранившаяся часть ограды кастеллы I в силу тектонических явлений еще в древности стала наклоняться наружу. Чтобы воспрепятствовать падению, к ней были пристроены снаружи пять контрфорсов, в кладке которых кирпичных поясов нет. Однако эти контрфорсы не смогли приостановить постепенного падения стены и стали наклоняться вместе с ней[29].

Помимо контрфорсов у ограды имеются две пристроенные позднее четырехугольные башни. У большей — угловой башни видны кладки двух строительных периодов[30], в которых также не имеется кирпичных поясов. Внутри угловой башни лежал громадный обломок ее стены, на котором виден горизонтальный уступ в виде ступени. Этот уступ внутри башни служил, по-видимому, упором, на котором держалась деревянная междуэтажная перегородка.

Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев обнаружили на сухумской набережной еще одну, наклонившуюся в результате тектонических явлений, стену (рис. 3), которую они назвали «стеной с двумя башнеобразными выступами по краям»[31]. Большая часть этой стены была расположена сразу же к юго-западу от кастеллы I, незначительная же ее часть занимала территорию самой кастеллы.

Нам кажется, что два широких башнеобразных выступа были расположены по углам небольшого самостоятельного укрепления прямоугольной формы, от которого, таким образом, сохранилась целиком одна сторона с двумя прямыми углами, свидетельствующими о том, что мы опять-таки имеем дело с остатками кастеллы (она будет здесь называться кас-

---

[25] G. Macdonald. Forschungen im römischen Britannien 1914—1928, «Römisch-germ. Kommission», 19, Bericht, Frankf. a. M., 1930, рис. 17, 21.

[26] См. крепости, опубликованные в следующих работах: S. Gsell. Les monuments antiques de l'Algerie, I, Paris, 1901; D. Meredith. The Roman Remains in the Eastern Desert of Egypt. «The Journal of Egyptian Archaeology», 38, London, 1952; R. E. Brünnow, A. V. Domaszewski. Die Provincia Arabia, I, II, III. Strassburg, 1904, 1905, 1909; P. A. Poidebard. Recherches sur le limes romain. «Syria», XII, 3, Paris, 1931; H. Butler. Ancient Architecture in Syria. Div., II, sect., A, part 2. Leiden, 1909.

[27] Ed. Anthes. Spätrömische Kastelle und feste Städte im Rhein: und Donaugebiet. «Bericht der römisch-germ. Kommision», X, Frankf. a. M., 1918, рис. 19.

[28] S. Gsell. Ук. соч., рис. 22; D. Meredith. Ук. соч., рис. 4; Intercisa, I, Budapest, 1954, рис. 8.

[29] Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 175.

[30] Там же, стр. 174, 175.

[31] Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 172.

Рис. 3. Остатки кастеллы II

теллой II), которая была выстроена после разрушения кастеллы I, и бо́льшая часть территории которой также занята теперь морем.

Предположение о том, что упомянутые выступы были расположены именно по углам укрепления, подтверждается существованием аналогичных случаев. Один такой угловой выступ имелся, например, в нижней части древнейших оборонительных сооружений Археополиса, расположенного недалеко от Себастополиса и датируемого IV в [32]. Среди укреплений того типа, каким является описываемое, можно указать в качестве параллели ранневизантийскую кастеллу, выстроенную на развалинах Милета [33], или также ранневизантийскую крепость в Северной Африке [34].

Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев датируют «стену с двумя башнеобразными выступами» IV в. [35]. Приведенные же выше параллели допускают возможность ее датировки и раннесредневековым временем, тем более что описанные выступы в римских кастеллах нам пока неизвестны.

Говоря о датировке кастеллы II, к сожалению, нельзя привлечь данных о ее кладке, которая представляет собой голыши, скрепленные известковым раствором. Кирпич в этой кладке встречается лишь местами, не образуя при этом кирпичных поясов; хотя не исключена возможность, что таковые были расположены в описываемой стене выше сохранившегося уровня ее остатков.

К рассмотренным остаткам кастеллы II примыкает изнутри вплотную одна стена, длина которой вместе с ее продолжением, прослеживающимся юго-западнее за парапетом набережной, составляет 134 *м*. Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев датируют эту стену I в. и считают ее остатком самого древнего укрепления Себастополиса — «западным укреплением» [36]. Нам же кажется, что рассматриваемая стена является более поздней, чем обе кастеллы. Это видно хотя бы из того, что она не имеет того «древнего», вызванного тектоническими явлениями. наклона, который характерен для остатков обеих кастелл. «Древним» у рассматриваемой стены является лишь ее юго-западный конец, представляющий собой небольшой

---

[32] A. M. Schneider. Archaeopolis (Nokalakewi). «Forschungen und Fortschritte», VIII, 27, Berlin, 1931, стр. 354—355; В. А. Леквинадзе. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви. СА, 3, 1959, рис. 1, стр. 154.

[33] Th. Wiegand. Zweiter vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen der königlichen Museen zu Milet. Arch. Anz., 4, 1902, рис. 11.

[34] Ch. Diehl. L'Afrique byzantine. Paris, 1896, рис. 23.

[35] Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 177.

[36] Там же, стр. 177, 178.

фрагмент какого-то сооружения, который был включен в так называемое «западное укрепление» [37]. Инородность этого фрагмента, отмеченная еще А. С. Башкировым [38], заключалась в том, что он выполнен смешанной кладкой (рис. 4), в то время как остальная бóльшая часть стены так называемого «западного укрепления» сложена только из камня, причем стык между обеими частями стены хорошо виден и сегодня.

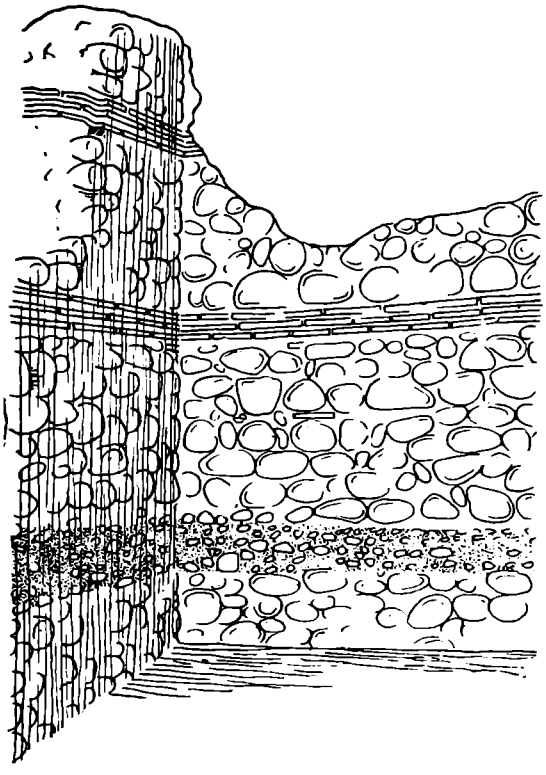


Рис. 4. Кладка древнего фрагмента в стене «западного укрепления»

В настоящее время упомянутый древний фрагмент стены представляет собой интерес только в конструктивном отношении. В его трехрядных кирпичных поясах вместо кирпича положена местами плоская черепица (солены), замеченная здесь еще А. С. Башкировым [39]. Аналогичное явление известно нам только в трехрядных кирпичных поясах ограды Родополиса, являвшегося одним из лазских городов [40]. Рассматриваемый фрагмент стены отличается еще одной особенностью: внизу, там где должен был находиться нижний кирпичный пояс, имеется на самом деле «бетонный пояс» — такой же приблизительно толщины, как и кирпичный. Конструкция этого «бетонного» пояса представляет собой мелкие камни, связанные прочным яркорозовым известковым раствором (opus signinum), цвет которого был обусловлен примесью толченой керамики.

Заканчивая рассмотрение остатков оборонительных сооружений Себастополиса, нам хотелось бы высказать ряд соображений.

В сохранившихся стенах обеих себастопольских кастелл не видно входов. Этот факт можно сопоставить с манерой расположения ворот в двух других восточнопричерноморских кастеллах, находящихся в Абсаре и Фазисе. В Абсаре главные ворота укрепления были обращены к морю: в Фазисе единственные ворота укрепления также были обращены к морю В связи с этим нам кажется, что и у себастопольских кастелл главные (или единственные) ворота были расположены аналогичным образом.

Нужно отметить еще одну деталь, типичную, по-видимому, для римских военных баз Восточного Причерноморья. Постройка оборонительных сооружений в этих базах не ограничивалась только возведением четырехугольных в плане кастелл. Со временем возле последних возникал своего рода «пригород», который также нуждался в защитных сооружениях. Характер этих «пригородов» явствует из арриановского описания Фазиса: «А так как и сама гавань должна была представлять безопасное убежище судам, а также и все места, которые вне укрепления населены

---

[37] Юго-западный конец рассматриваемой стены с древним фрагментом находится вне пределов публикуемого здесь плана.

[38] А. С. Башкиров. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. «Известия Абхазского научного общества», IV, Сухуми, 1926, стр. 9—11.

[39] Там же, стр. 10.

[40] В. А. Лекванадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике. ВГМГ, XXII-в, Тбилиси, 1961, стр. 149.

отставными военными и некоторыми другими торговыми людьми, то я решил от двойного рва, окружающего стену, провести другой ров до самой реки, который окружит гавань и дома, стоящие вне стены (имеется в виду стена кастеллы.— *В. Л.*)» [41]. Остатки же оборонительных сооружений такого «пригорода» хорошо видны возле кастеллы Питиунта. В Абсаре остатком ограды «пригорода» являлась стена, отходящая от одной из западных башен кастеллы, а в Себастополисе остатком ограды «пригорода» был, возможно, описанный выше фрагмент стены с трехрядными кирпичными поясами.

Сопоставляя рассмотренные остатки укреплений Себастополиса с данными письменных источников, можно предположить следующее. Упоминаемая Плинием в середине I в. крепость в Себастополисе, по-видимому, пока не обнаружена. Не исключена возможность, что в это время здесь было такое же временное первоначальное укрепление с земляными валами, рвом и деревянными башнями, какое упоминает, например, Арриан при описании первоначальной римской крепости в Фазисе [42].

Крепость, которую видел в Себастополисе Арриан во II в., должна была иметь уже каменные или кирпичные стены, однако и эта крепость, по-видимому, пока не обнаружена.

В Себастополисе обнаружена крепость (кастелла I), выстроенная в III в.

Судя по письменным источникам, в VI в. после окончания византийско-персидских войн в Лазике военная база в Себастополисе была усилена и увеличена. Сооружение кастеллы II, меньшей по размерам, чем кастелла I, явно не отражает этого «усиления и увеличения», поэтому надо предполагать, что кастелла II была выстроена до византийско-персидских войн, т. е. в IV, V или начале VI в.

---

[41] Арриан. Перипл, 12. ВДИ, 1948, 1, стр. 269.
[42] Там же, стр. 269.

В. И. КОЗЕНКОВА

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ФЕРГАНЫ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

В настоящее время среднеазиатская археология располагает обширными материалами, свидетельствующими о большом разнообразии погребального обряда на территории Ферганской долины в начале I тысячелетия. Могильным сооружениям древней Ферганы (мугхона, каменные ящики, катакомбы, подбои) посвящена специальная литература [1]. В настоящей работе мы остановимся лишь на одном типе погребений, а именно на могильниках с каменной насыпью и без катакомбы, характеристика которых из-за скудости данных почти отсутствует в литературе.

Во время полевых работ 1956—1958 гг., проводимых совместной экспедицией Андижанского и Ферганского областных музеев (Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, В. И. Козенкова), на территории этих двух областей обследовано несколько могильников и отдельных погребений, которые по некоторым чертам могут быть объединены в единую группу. Это — Мархаматский могильник в Андижанской обл., Таш-Курганский и Янгиабадский II могильники в Ферганской обл., а также несколько отдельных погребений, раскопанных ферганскими археологами Б. З. Гамбургом и Н. Г. Горбуновой в 1954 г. в районе Ак-Тепе (Ферганская обл.) В 1960—1961 гг. в районе Суфана и Куюк-Мазара (Ферганская обл.) Н. Г. Горбуновой было раскопано еще несколько сходных погребений [2]. Вся эта группа представляет собой могильники с курганной насыпью и неглубокой погребальной ямой или совсем без ямы. В последнем случае погребение совершалось прямо на поверхности земли и засыпалось камнями. Все названные выше памятники отличаются незначительным количеством погребального инвентаря, и к тому же все они были в древности ограблены. Лучше всех сохранился Таш-Курганский могильник, поэтому в основу данной работы положен детальный анализ его материалов. Характеристика остальных памятников дается как дополнение.

[1] Основные работы: Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы. КСИИМК, 76, 1959; М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Тр. Музея истории народов Узбекистана, II, Ташкент, 1954; В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-Сая. СА, XVI, 1952; С. С. Сорокин. Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы. Диссертация. Л., 1958; Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, XXXV, Сталинабад, 1955; Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник. Тр. ИИ АН КиргССР, II, Фрунзе, 1956; Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953—54 гг. Сб. «История Материальной культуры Узбекистана», I, Ташкент, 1959; В. И. Спришевский. Некоторые находки из мугхона в собрании музея истории. Тр. Музея истории народов Узбекистана, III, Ташкент, 1956; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники Южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.

[2] Материалы не опубликованы. За разрешение привести некоторые данные по раскопкам приношу искреннюю благодарность автору раскопок Н. Г. Горбуновой.

Таш-Курганский могильник расположен в 16 *км* к югу от г. Ферганы, между селениями Таш-Курган и Наукат. Курганы тянутся узкой полосой по низкому правому берегу р. Маргелан-Сай на протяжении 1,5—2 *км*. С востока к могильнику близко подступают хлопковые поля; возможно, что раньше могильник распространялся и далее на восток, но при распашке насыпи были разрушены. Западная часть могильника постепенно разрушается водами реки (рис. 1).

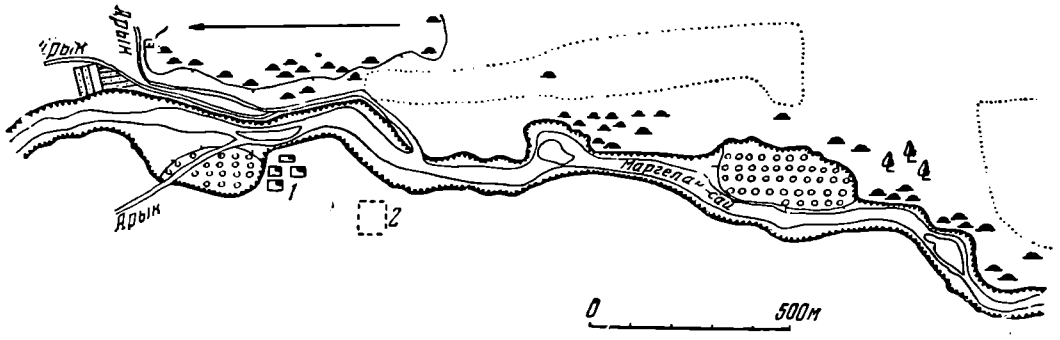


Рис. 1. План могильника Таш-Курган

1 — кишлак Таш-Курган; *2* — развалины крепости Таш-Курган

В могильнике насчитывается 44 насыпи округлой формы, обычно сложенные из камней-валунов среднего размера. Это круглые полусферические или круглые уплощенные холмики из сплошной каменной наброски или из камня, перемешанного с лессом (рис. 1).

Диаметры курганов различны: от 3 до 15 *м*, высота их от 0,3 до 0,7 *м* (рис. 2); все курганы имеют западину в центре, свидетельствующую о деятельности грабителей. Всего вскрыто 20 курганов. По полученным материалам погребения можно отнести к двум различным хронологическим периодам: к бронзовому веку[3] и к первой половине I тысячелетия. В некоторых курганах поздние погребения непосредственно перекрывают более древние (кург. № 2). Из 20 раскопанных курганов восемь поздние (№ 2, 3, 7, 19, 20, 21, 23 и бескурганное погребение). Часть насыпей (шесть или семь) оказалась кенотафами[4]. Мы даем характеристику каждого кургана в отдельности. Нумерация всех курганов общая, поэтому номера поздних курганов следуют не по порядку.

Курган № 2 имеет низкую полусферическую насыпь из камня с лессом диаметром 5, высотой 0,4 *м*. Под насыпью в центре обнаружена неглубокая четырехугольная яма, вытянутая с севера на юг. Размеры ямы: длина 1,5, ширина 0,63, глубина 0,3 *м*. В ней сохранились несколько разбросанных костей человека и небольшой сосудик, стоявший в южной части ямы. Сосуд округло-вытянутый, из красноватой глины, среднего обжига, сделан на кругу (рис. 3, *1*).

Курган № 3. Насыпь кургана представляла собой сплошную каменную наброску. Форма круглая, уплощенная; диаметр 11, высота 0,8 *м*. В насыпи найдены фрагменты белоангобированной керамики. Под насыпью находились два погребения, перекрывавшие одно другое.

Первое погребение (считая снизу) было совершено в яме, ориентированной по оси с запада на восток. Длина ее 2,3, ширина 1,1, глубина 0,75 *м*. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Никаких предметов около погребенного не было. Возможно, к нему относятся два миниатюрных сосуда, фрагменты которых были найдены в засыпи ямы. Один

[3] В настоящей работе мы остановимся только на поздних погребениях; ранними материалами занимается Б. З. Гамбург.

[4] Курганы-кенотафы номеров не имеют.

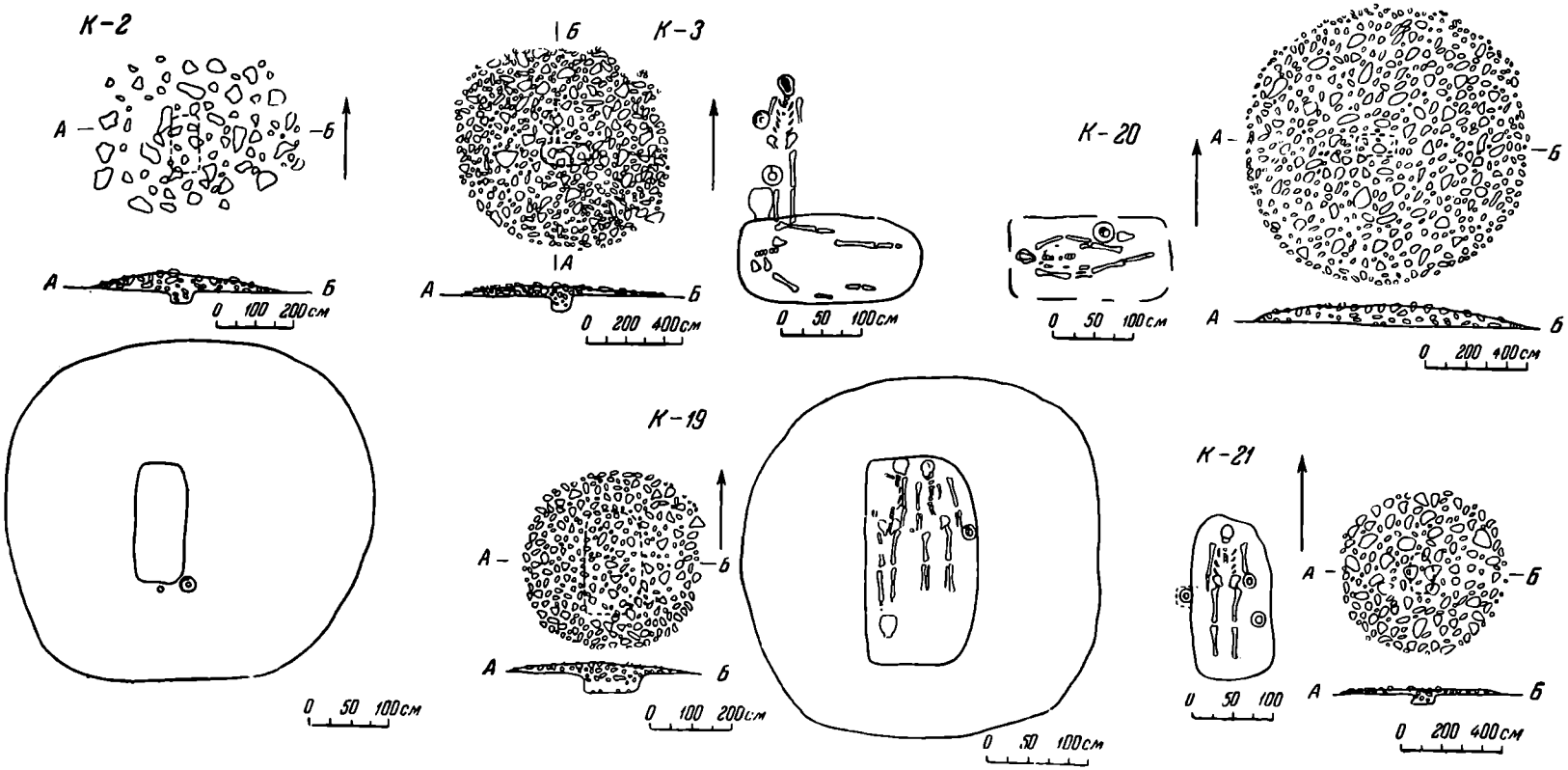


Рис. 2. Планы погребений в Таш-Курганском могильнике

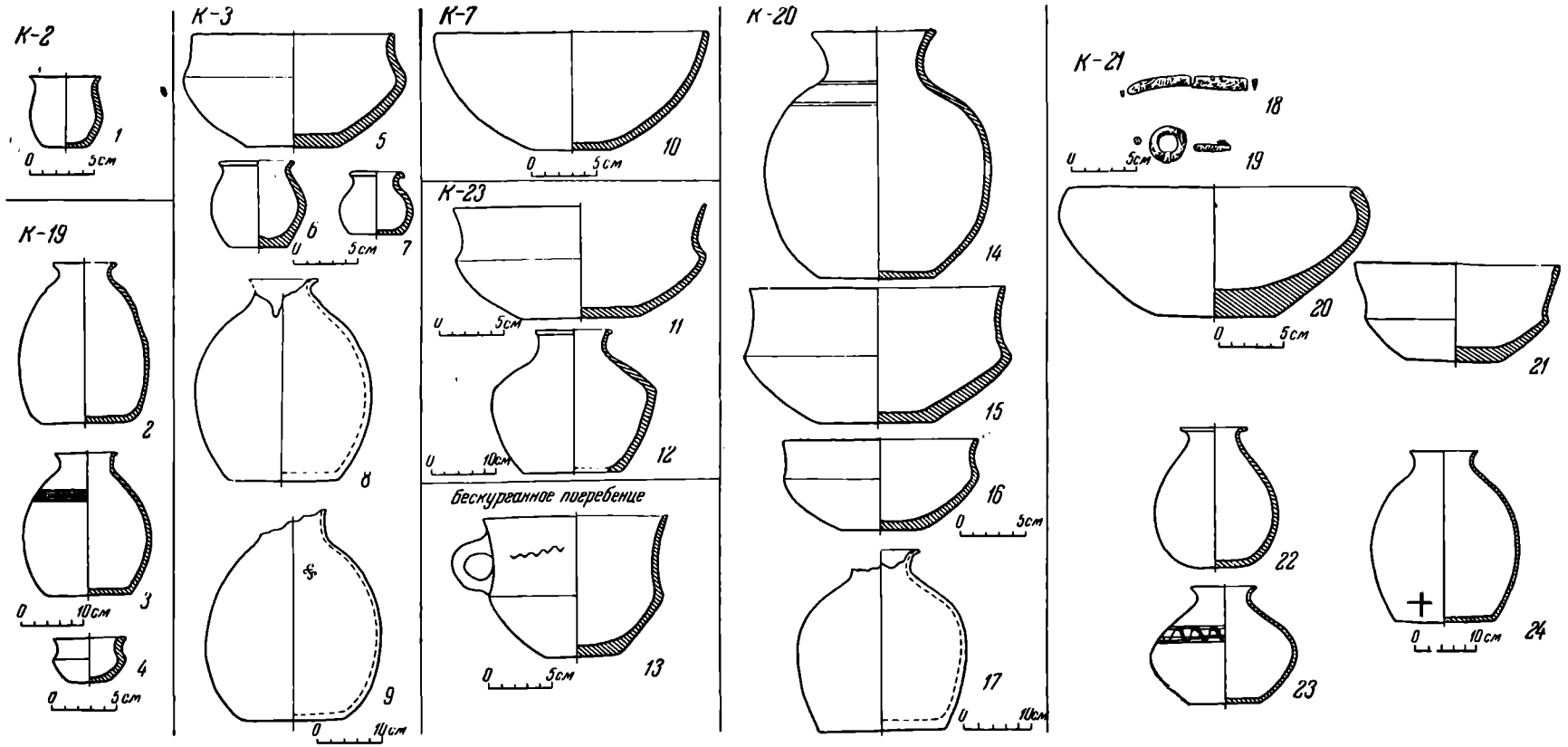


Рис. 3. Сосуды из Таш-Курганского могильника (по комплексам)

из сосудов был восстановлен полностью: это горшочек, сделанный на кругу, очень небрежной формовки из глины розоватого цвета, с округлым туловом. От другого подобного сосудика сохранилась лишь стенка. Он плохого обжига: поверхность сосуда пористая, цвет глины темный, перекаленный (рис. 3, *6*, *7*).

Второе погребение, более позднее, перекрывало нижнее. Скелет лежал на уровне древней поверхности, примерно на 20 *см* ниже современной поверхности, вытянуто на спине, головой на север. У правой ноги стоял кувшин с отбитой верхней частью (рис. 3, *9*). Рядом лежал второй целый кувшин; у правого локтя стояла миска. Оба кувшина сделаны на кругу, плоскодонные и имеют грушевидное тулово. Поверхность их покрыта красным ангобом. На стенке одного из них поверх ангоба прочерчен знак в виде креста. Миска также сделана на кругу с перегибом посредине тулова, покрыта плотным блестящим ангобом сургучно-красного цвета (рис. 3, *5*).

Курган № 7. Насыпь уплощенная из сплошной каменной наброски, диаметром 6, высотой 0,3 *м*. На глубине 0,55 *м* от верха кургана на древней поверхности расчищены останки погребенного. Скелет очень плохой сохранности, лежал вытянуто на спине, головой на запад. В насыпи кургана были найдены обломки сделанной на кругу полусферической миски, форма которой восстанавливается. Миска слегка деформирована при обжиге; поверхность ее покрыта коричневато-красным ангобом (рис. 3, *10*).

Курган № 19. Насыпь уплощенная сложена из некрупной гальки. Диаметр насыпи 4,5, высота 0,25 *м*. Под ней — широкая подчетырехугольная яма, вытянутая с севера на юг. Размеры ямы: длина 2,55, ширина 0,88, глубина 0,5 *м*. В яме было одновременное парное захоронение. Оба скелета лежали вытянуто на спине головами на север. Сохранность костей очень плохая. У ног скелета, лежавшего у западной стенки ямы, найден кувшин грушевидной, слегка вытянутой формы, сделанный на кругу (рис. 3, *2*). Поверхность сосуда покрыта беловатым ангобом. Дно слегка подрезано ножом. Около левой руки второго скелета обнаружен кувшин грушевидной формы, без ручки, изготовленный на кругу: на его поверхности хорошо видны рельефные полосы, образованные при вращении станка. Верхняя часть тулова кувшина орнаментирована углубленными бороздками (рис. 3, *3*). Между скелетами около запястья правой руки восточного скелета найден миниатюрный станковый горшочек (рис. 3, *4*). В насыпи кургана найдены фрагменты миски полусферической формы с плоским дном, покрытой красным блестящим ангобом.

Курган № 20. Форма и характер насыпи идентичны описанному выше. Диаметр ее 14, высота 0,9 *м*, под насыпью в центре кургана прямо на древней поверхности (глубина 0,2 *м*) лежал скелет вытянуто на спине, головой на запад. Около левого бедра находились два кувшина без ручек. Один сосуд приземистый, с туловом грушевидной формы с коричневатыми мазками ангоба на поверхности, стоял вертикально. Второй — сходный с первым по форме тулова, но с короткой шейкой и покрытый коричневатым ангобом, был опрокинут на бок. В насыпи кургана собраны остатки еще трех сосудов — двух мисок и большого горшка или кувшина, от которого сохранилась лишь нижняя часть шаровидного тулова. Одна миска была найдена в насыпи в виде отдельных черепков, но форму ее удалось восстановить, она имела перегиб на корпусе и отогнутый венчик. Поверхность покрыта светло-красным ангобом почти без блеска. Вторая, сделанная на кругу, миска, покрытая небрежным красноватым ангобом, лежала внутри указанного выше большого сосуда, стоявшего среди камней насыпи. Поверхность большого сосуда была покрыта красноватым ангобом и орнаментом из прочерченных полосок под ангобом (рис. 3, *14—17*). В насыпи найдено несколько черепков, покрытых белым ангобом.

Курган № 21. Насыпь — круглая плоская, из гальки, диаметр ее 9, высота 0,35 *м*. Под насыпью — яма, ориентированная длинной осью в направлении север — юг. Размеры ямы: длина 2, ширина 1, глубина 0,5 *м*.

В яме лежал скелет вытянуто на спине, головой на север. Около левой руки погребенного была положена часть железного однолезвийного ножа со слегка изогнутой серповидной спинкой (рис. 3, *18*). В области таза лежала железная пряжка для ремня, кольцевидной формы с подвижным язычком (рис. 3, *19*).

У левой ноги стояла миска, а у левого предплечья — кувшин. Миска массивная, станковая, с вогнутым внутрь венчиком, ее поверхность покрыта легким слоем светло-красного ангоба (рис. 3, *20*). Кувшин также станковый, с округло-вытянутым туловом; дно слегка подрезано ножом. Поверхность покрыта небрежными мазками красноватого ангоба. У самого дна процарапан знак в виде креста (рис. 3, *24*). В западной стороне могилы в небольшом углублении стоял еще один кувшин с углубленным волнистым орнаментом (рис. 3, *23*).

В засыпи ямы, состоявшей из лесса и камней, найдены обломки кувшина и миски. Форму удалось восстановить. Сосуды сделаны на кругу. Миска имеет перегиб посредине корпуса и прямой утолщенный венчик. Поверхность покрыта небрежным красноватым ангобом. Миска бракованная (рис. 3, *21*). Кувшин имеет грушевидное тулово, короткую шейку. Поверхность его покрыта небрежными мазками коричневого и черного ангоба (рис. 3, *22*).

Курган № 23. Насыпь плоская, из каменной наброски, диаметром 4,5 *м*. Под насыпью, судя по остаткам человеческих костей, было совершено захоронение на древней поверхности. Впоследствии курган был разграблен, а кости смещены и частично выброшены, поэтому положение погребенного определить невозможно. Из находок необходимо отметить обломки двух сосудов: кувшина и миски. Кувшин — лепной; тулово грушевидное, приземистое, поверхность покрыта сероватым ангобом (рис. 3, *12*). Миска станковая, с перегибом посредине корпуса, поверхность покрыта неровным коричневатым ангобом (рис. 3, *11*).

Бескурганное погребение обнаружено в срезе края речной террасы, размываемой Маргелан-Саем. Глубина погребения от современной поверхности 1,2 *м*. Положение скелета установить не удалось. В погребении найден обломок железного, покрытого коррозией ножа и массивная станковая глиняная кружка, с небольшим перегибом в нижней части и петлевидной ручкой. Верхняя часть корпуса кружки орнаментирована прочерченной ломаной линией (рис. 3, *13*).

Подводя итог анализа погребального обряда Таш-Курганского могильника, необходимо отметить большую бедность инвентаря раскопанных курганов. Чрезвычайно плохой сохранности оказался антропологический материал, что не позволило установить возраст и пол погребенных. И все же имеющийся материал позволяет разделить все раскопанные курганы на две группы: группу курганов с западной ориентировкой погребенных (№ 3, 7, 20) и группу курганов с северной ориентировкой погребенных (№ 2, 3, 19, 21). Как в первой, так и во второй группе четко прослеживаются два способа захоронения — в неглубокой яме и просто на древней поверхности. Принципиального различия в положении скелетов как в яме, так и на поверхности не наблюдалось. Нет резкого различия и в погребальном инвентаре. Количественно погребения с северной ориентировкой преобладают над первой группой. Имеется только один случай (кург. № 3), когда погребение с северной ориентировкой скелета непосредственно перекрывает погребение с западной ориентировкой. Учитывая это, возможно предположить, что различие в ориентировке скелетов, видимо, явление хронологическое. Вероятно, группа погребений с северной ориентировкой по времени более поздняя, чем группа с западной. Анализ и распределение керамического материала в погребениях также подтверждает это предположение. Именно детальный анализ могильного инвентаря и особенно керамики поможет решению вопроса о датировке Таш-Курганского могильника.

Всего в погребениях найдено 22 сосуда. Все они подразделяются на четыре типа: кувшины, миски, миниатюрные сосуды и кружка. Самую многочисленную группу составляют кувшины без ручек; их найдено в погребениях 10 экземпляров, мисок — 7, а миниатюрных сосудов — 4. Кружка одна. Имеются также фрагменты от горшковидных сосудов из светлого теста и хорошего обжига, с белым ангобом на поверхности. Если по погребальному обряду наметились две группы курганов, то по составу сосудов такая разница мало ощутима. Но все же некоторое различие существует.

Все кувшины Таш-Курганского могильника, за исключением одного, сделаны на кругу. Они имеют грушевидную форму, короткую шейку, прямой слегка отогнутый венчик, плоское дно, ручек у них нет. Формовка довольно небрежная, обжиг средний. Поверхность покрыта обычно небрежным коричневато-красным тусклым ангобом, нанесенным тонкими неровными мазками. При общем сходстве, все же невозможно говорить о стандартности данной формы (рис. 4, *1—6*). Сосуды отличаются друг от друга и по размерам и по отделке поверхности.

Из кувшинов наиболее своеобразными по сравнению с другими являются два. Первый — кувшин из кург. № 21 — отличается своей приземистой, почти биконической формой, не характерной для остальной группы. Он покрыт плотным красным ангобом без блеска и ориентирован прямыми и волнистыми прочерченными линиями, расположенными горизонтально (рис. 5, *3*). Второй кувшин из кург. № 23 выпадает из общей серии описываемых сосудов по форме и по технике изготовления. Он лепной, имеет шаровидный корпус и резко обозначенные плечики; венчик с углубленной бороздкой по краю, дно широкое. Тесто, из которого сформован сосуд, грубое. Поверхность покрыта не обычным для всей серии сосудов коричневато-красным ангобом, а бледно-серым, легко отслаивающимся чешуйками (рис. 3, *12*).

На корпусе двух сосудов имеются процарапанные знаки в виде креста и завитка. Кувшины почти без орнамента, за исключением описанного сосуда из кург. № 21 и еще трех, имеющих орнамент в виде прочерченных при вращении круга углубленных бороздок. На донышках кувшинов прослеживаются срезы ножом.

Миски Таш-Курганского могильника также станковые (рис. 4, *7 — 10*). Можно выделить следующие формы: с перегибом посредине корпуса и плоским дном, полусферические, плоскодонные и миски с вогнутым краем. Преобладают миски с перегибом посредине корпуса. Все сосуды этого типа, как и кувшины, покрыты сверху тусклым красным или красноватым ангобом. Имеется несколько бракованных пережженных экземпляров с трещинами и вздутиями от обжига (кург. № 7 и 21). Из мисок наиболее своеобразна массивная миска, отличающаяся от типичных и формой (имеет вогнутый край), и большим размером. Поверхность ее, в отличие от других мисок, светлая, почти без ангоба (кург. № 21; рис. 5, *1*).

Миниатюрные сосудики Таш-Курганского могильника представляют собой небольшие горшочки, изготовленные на станке. Так же, как и остальные сосуды, они покрыты красноватым небрежным ангобом.

Единственная кружка станковая, массивная, светлого, звонкого обжига. По общему облику и технологии ее можно отнести в одну группу с миской из кург. № 21 (рис. 5, *2*). Размеры сосудов различны.

Кроме целых сосудов, упомянем обломки сосудов, отличающихся от описанных выше. Они находились исключительно в насыпи курганов. Их тесто хорошо отмученное, хорошего обжига, поверхность покрыта тусклым ровным белым ангобом (кург. № 3, 20).

Общей характерной чертой керамического комплекса Таш-Курганского могильника являются плохое, грубое качество посуды, небрежная формовка, массивность сосудов, низкое качество ангоба. Покрытие состоит из мазков грязноватого тусклого цвета от красного до коричневато-черных

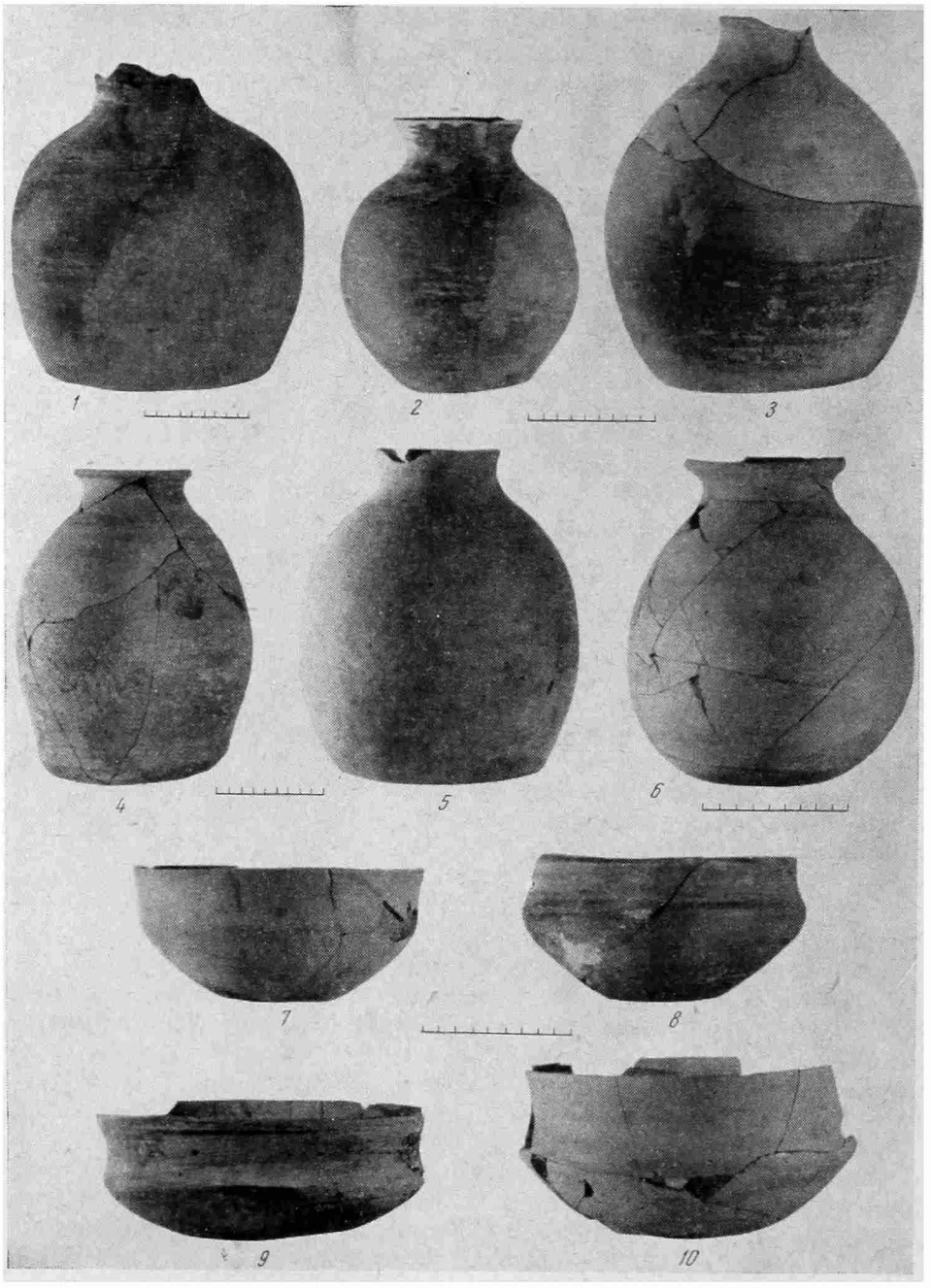


Рис. 4. Типичные сосуды из Таш-Курганского могильника

1, 2, 8, 11 — кург. № 20; *3, 6, 7* — кург. № 21; *9* — кург. № 3; *10* — кург. № 23

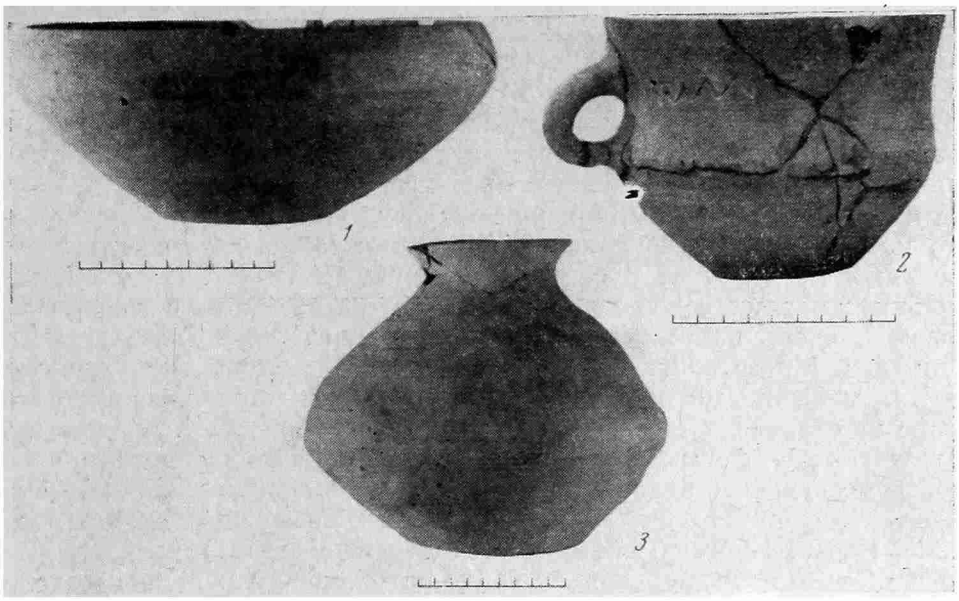


Рис. 5. Сосуды из Таш-Курганского могильника, имеющие поздние черты
1, 3 — кург. № 21; *2* — бескурганное погребение

тонов. В тесте много примесей в виде растительных веществ, толченой раковины или песка. Исключение составляют лишь обломки белоангобированных сосудов.

Таким образом, в обеих группах курганов в общем, за небольшим исключением, содержится сходный керамический материал. Но вместе с тем намечаются детали, характерные лишь для определенной группы. Так, лишь в курганах с западной ориентировкой костяков находились в насыпи фрагменты белоангобированных сосудов. В курганах с северной ориентировкой их совершенно нет. И, наоборот, только в курганах с северной ориентировкой имеются сосуды, выделяющиеся из общей массы своеобразными чертами в форме и технике изготовления (кувшины, миски). Только в курганах с северной ориентировкой погребенных появляются на сосудах знаки — тамги.

В дальнейшем, в связи с привлечением аналогий таш-курганским материалам и уточнением вопроса датировки, мы снова подчеркнем эти, столь незначительные на первый взгляд, различия между двумя группами курганов. Весьма возможно, что эти различия не случайны, а являются материальным отражением длительного исторического процесса, протекавшего на территории Ферганы; они характеризуют постепенное изменение материальной культуры населения этого района.

* * *

Массовые аналогии имеет керамика Таш-Курганского могильника в посуде из других памятников Ферганской долины и близлежащих областей Средней Азии.

При всей индивидуальности форм в основе своей сосуды исследуемого памятника имеют несомненное сходство с сосудами из некоторых могильников подбойно-катакомбного типа Ферганы (Хангиз, Джангаил, Гурмирон, Варух, Исфара, Ак-Там), а также с сосудами из могильников близлежащих районов Ташкентской обл. Сходство это проявляется в пропорциях сосудов, в технике формовки и в форме. Так, кувшины из погр. № 3 и 21 Таш-Курганского могильника очень близки к кувшинам из Хангиз-

ского могильника (погр. № 4 и 36) [5]. Хангизский могильник датируется авторами раскопок I—IV вв. [6]. Много общего с нашими имеют формы сосудов из Варухского могильника I—IV вв. [7].

Сосуды из погребений Боркорбазского могильника I—IV вв. [8] отличаются от таш-курганских по тесту и по оттенку ангоба, но в форме и в пропорциях у них много общего. Среди сосудов Карабулакского могильника имеются экземпляры, похожие на сосуд из погр. № 21 Таш-Курганского могильника. Карабулакский могильник также датируется автором раскопок в пределах от рубежа нашей эры до IV в. [9]. В Исфаринском могильнике первых веков нашей эры имеются кувшины с грушевидным туловом [10], очень напоминающие сосуд из кург. № 3 Таш-Курганского могильника. Много общего у кувшинов исследуемого могильника с кувшинами, найденными в погребениях, вскрытых при археологическом надзоре на строительстве Большого Ферганского канала [11]. И здесь и там они грушевидной формы, с коричневато-красным ангобом на поверхности. Подобные сосуды составляют массовый материал также в слоях I—IV вв. поселений оседло-земледельческой культуры Ферганы (Мархаматское городище, Касан, Курган-Тюбе и многочисленные «тепе») [12].

Исследование могильников подбойно-катакомбного типа показало, что в них сравнительно малый процент составляют миски [13]. Их находят в могильниках, расположенных вблизи оседло-земледельческих оазисов (Джангаил, Ширин-Сай, Гурмирон, Хангиз, Ак-Там, Кувинский могильник). В Таш-Курганском могильнике миски столь же обычны, как и кувшины. Полусферической миске есть полная аналогия в Ширин-Сайском могильнике II—IV вв. и в могильнике Кайрагач в Ошской обл. [14]. Миски с перегибом посредине корпуса, сходные с нашими, имеются в погребениях Хангизского (кург. № 48), Ак-Тамского (земляной курган № 108) [15] и Кувинского [16] могильников. Но все же миски с перегибом из Таш-Курганского могильника не идентичны мискам из перечисленных выше могильников. Они имеют более небрежную формовку, тусклый ангоб и сравнительно большую величину. Ближе всего эти миски стоят к мискам из верхнего слоя раскопанного нами памятника Гайрат-Тепе (Андижанская обл.) и датируемого нами IV—VI вв. [17]. Миниатюрные сосуды из погребений Таш-Курганского могильника имеют многочисленные параллели в перечисленных выше могильниках и в слоях поселений.

Таким образом, основные формы посуды Таш-Курганского могильника принадлежат типам, массово представленным в бытовых и погребальных памятниках Ферганы I—IV вв., а также в синхронных объектах, расположенных в пределах или поблизости от оседло-земледельческих оазисов.

---

[5] Материалы хранятся в фондах Ферганского музея ФОКМ 2751 (А 43) 26; ФОКМ 2751 (А 43) 13.

[6] Б. З. Гамбург, Н. П. Горбунова. Археологические работы..., стр. 21.

[7] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 26, рис. 4; их же. Предварительный отчет о раскопках в Варухе в 1954 г. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 63 рис. 1.

[8] С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 132, рис. 2, *4—5*.

[9] Ю. Д. Баруздин. Ук. соч., стр. 60, рис. 1*а*.

[10] Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева. Ук. соч., стр. 22, рис. 8, *2*.

[11] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. Сталина. Тр. ИИА АН УзССР, Ташкент, 1951, стр. 12, табл. I, *1*.

[12] Материалы хранятся в фондах музеев Андижана, Намангана, Ферганы.

[13] С. С. Сорокин. Культура древних скотоводов..., табл. 2.

[14] В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-Сая. СА, XVI, 1952, стр. 331—354; Ю. А. Заднепровский. Ук. соч., стр. 96, рис. 55, 7.

[15] Материал хранится в фондах Ферганского музея.

[16] С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики подбойно-катакомбных могил Ферганы, стр. 136, рис. 4, *16—19*.

[17] Материал не опубликован. Хранится в фондах Андижанского музея.

Из насыпи кургана с западной ориентировкой костяков происходят обломки белоангобированных сосудов светлого теста и хорошего обжига. По тесту, по обжигу, по покрытию ангобом и форме они очень близки посуде из могильников раннего железного века (Ак-Там, Суфан, Кунгай), датируемых Н. Г. Горбуновой V—III вв. до н. э.[18]. Эта посуда так резко отличается от основной массы сосудов, что наличие ее в погребениях нам представляется пережиточным явлением, связанным, возможно, с какими-то древними традициями населения, оставившего Таш-Курганский могильник. В курганах с северной ориентацией это явление уже не прослеживается. Но для этой группы курганов характерно другое. Как уже отмечалось, в погребениях с северной ориентировкой костяков имеются сосуды, по ряду признаков отличающиеся от основной массы. Всю группу в целом отличает появление черт, характерных для керамики более позднего времени, чем первые века нашей эры[19]. В эту группу входят два кувшина из кург. № 19 и 21 и миска из кург. № 21. Сосуд из кург. № 19 напоминает сосуд из могильника Чорку[20]. Последний близок нашему по форме и по орнаменту, состоящему из углубленных бороздок. Некоторые исследователи склонны датировать сосуд из Чорку V—VIII вв.[21], да и сам автор раскопок Б. А. Литвинский в одной из последних работ несколько изменил дату могильников в районе Исфары. Если раньше он ограничивался датировкой I—IV вв., то в настоящее время считает возможным верхний рубеж довести до VI—VII вв.[22].

Второй кувшин из кург. № 21 по своей форме, пропорциям, орнаментике имеет сходные черты с сосудами из раннесредневековых поселений Ферганы и соседних районов Шаша и Согда. Имеются в виду фрагменты сосудов из Дамкуля и Муг-Пошо с точно такой же фактурой черепка, покрытия и орнамента. Слои Муг-Пошо и Дамкуля датируются, по аналогии с Согдом, VI—VII вв.[23]. Довольно близок наш сосуд и сосудам из Пенджикента[24]. Конечно, такой признак, как орнаментика в виде сочетания горизонтальных и волнистых бороздок, в данном случае не является достаточным основанием для датировки сосуда. Волнистый орнамент на сосудах был распространен и в более раннее время. Но сочетание станковой техники и орнамента посредине корпуса характерно уже для раннесредневекового времени.

К наиболее поздней группе керамики относится и миска из кург. № 21. Форма этой миски — полусферическая, с ясно выраженным дном и вогнутым внутрь венчиком известна в ряде памятников Ферганы (БФК, Гайрат-Тепе, Шурабашат). Но эти миски покрыты плотным красным ангобом[25], а таш-курганская массивная, светлого обжига миска имеет общее с ними только в форме. Гораздо больше сходства у нее с мисками из слоев Муг-Пошо и Дам-Куля, датируемых, как отмечалось уже, VI—VII вв.

---

[18] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. КСИИМК, 69, 1957, стр. 78; Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник. Археологический сборник Гос. Эрмитажа, 3, Л., 1961, стр. 192.

[19] Поздние черты в керамике Таш-Кургана были отмечены и авторами статьи «Исфаринские курганы». См. Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы, стр. 26, примеч. 19.

[20] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк, стр. 31, рис. 12.

[21] Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы, стр. 26, примеч. 19.

[22] Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 году. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, XXVII, VII, Сталинабад, 1961, стр. 79.

[23] Н. Г. Горбунова, Б. З. Гамбург. Археологические работы..., стр. 7.

[24] А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пенджикенте. КСИИМК, 55, 1954, рис. 3, стр. 35; его же. Предварительный отчет о работе Пенджикентского отряда в 1954 г. Тр. ИИАЭ АН Тадж.ССР, XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 26, рис. 2.

[25] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда..., стр. 12, табл. I, *6*; Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 г. КСИИМК, 76, стр. 65, рис. 27, *3*.

К данной группе необходимо, видимо, отнести и кружку из бескурганного погребения, так как по технике изготовления она близка миске из кург. № 21. Она такая же массивная, имеет плотную желтовато-розовую отмученную глину и хороший обжиг. Форма же кружки довольно редкая. Она напоминает форму кружек из слоев городища Шаша[26], Согда[27] (Ак-Тепе, близ Ташкента, Пенджикент) и Чуйской долины[28] (Кысмычи, Сарыг, Ак-Бешим), VI—VIII вв.

Но все же, рассматривая весь керамический комплекс в целом, мы не имеем достаточных оснований датировать позднюю группу керамики Таш-Курганского могильника VI—VII вв. Появление этой группы сосудов, видимо, можно рассматривать, как становление новых форм в гончарном ремесле Ферганы. При сохранении старых традиционных черт начинает прослеживаться новое в технике изготовления, в обжиге и в орнаментации сосудов.

Таким образом, несмотря на свой невыразительный характер, керамика исследуемого объекта все же может быть датирована в пределах от I—II вв. (нижний рубеж) до V—VI вв. Возможно, в пределах этой датировки погребения с западной ориентировкой более ранние.

Остальной инвентарь в могилах Таш-Курганского могильника чрезвычайно беден. Как отмечалось, кроме керамики, здесь найдены железный нож и овальная железная пряжка с подвижным язычком. Классификация подобных вещей еще недостаточно разработана, а хронологически и территориально они встречаются очень широко. Но и находки этих вещей в общем не противоречат нашей датировке. Пряжки, например, имеются не только во многих памятниках начала I тысячелетия в Фергане, Бухаре, Ташкенте, но также в могильниках Поволжья и Приуралья. Они имеются и в могильниках подбойно-катакомбного типа (в Боркорбазе, Варухе, Кенколе, Гурмироне). Датируются они исследователями этих памятников (А. Н. Бернштам, С. С. Сорокин, Б. А. Литвинский и т. д.) в пределах I—V вв.

Но если сходство инвентаря из Таш-Курганского могильника с инвентарем из подбойно-катакомбных погребений не подлежит сомнению, то в погребальном обряде сходных черт мало. Конструкция могилы и ориентировка погребенных совершенно другие, чем в Таш-Курганском могильнике. В катакомбах Ферганы покойников, за исключением отдельных случаев, клали почти всегда головой на юг или на юго-восток[29]. В катакомбных погребениях Ташкентской обл. (Каунчи, Янгиюль) отмечена почти всегда северная ориентировка погребенных, но ее появление в первые века нашей эры большинство исследователей (Г. В. Григорьев, Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева, Б. А. Литвинский, О. В. Обельченко) связывают с передвижением сарматских племен и влиянием их на культуру кочевников Средней Азии.

Захоронения в ямах встречены в некоторых курганах Варухского и Кара-Булакского могильников, а также при археологических работах на строительстве Большого Ферганского канала. Но, в отличие от Таш-Курганского могильника, здесь ямы обычно глубокие[30], иногда перекрыты деревянными плахами; ориентация же костяков северо-восточная[31]. Самой близкой аналогией Таш-Курганскому могильнику по всем деталям погре-

---

[26] А. И. Тереножкин. Ак-Тепе близ Ташкента. Тр. ИИА АН УзССР, I, Ташкент, 1948, стр. 114, рис. 16.

[27] А. М. Беленицкий. Отчет о работе пенджикентского отряда в 1954 г. Археологические работы в Таджикистане в 1954 г. Тр. ИИАЭ ТаджССР, XXXVII, стр. 26, рис. 2.

[28] А. И. Бернштам. Чуйская долина. МИА, 14, 1950, табл. XVIII, *2—8*.

[29] Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района. Тр. ИИ АН ТаджССР, XXVII, VI, Сталинабад, 1961, стр. 62, 69.

[30] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда..., стр. 11.

[31] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк..., стр. 27—29; Ю. Д. Баруздин. Ук. соч., стр. 58.

бения являются упоминавшиеся выше могильники так называемого «ак-тамского» типа (Ак-Тамский, Суфанский, Кунгайский). Особенно близки они первой группе таш-курганских захоронений. Сходство проявляется в сооружении насыпи, положении погребенного в неглубокой яме или на древней поверхности и в западной ориентировке погребенных[32]. Весь комплекс материалов Таш-Курганского могильника свидетельствует о том, что памятники несомненно отличаются по времени, привлечение же сравнительного материала в качестве аналогий погребальному обряду этих могильников интересно не столько с точки зрения определения хронологических рамок Таш-Курганского могильника, сколько в целях выяснения происхождения его обряда. Думается, что подобная форма обряда, сходная с ак-тамской, и нахождение в насыпях с западной ориентировкой белоангобированных черепков «ак-тамского» типа — пережиточные явления в исследуемом могильнике. Они, вероятно, могут быть связаны с древней традицией погребального обряда населения, оставившего Таш-Курганский могильник. Возможно, что это население являлось потомками той группы жителей Ферганы, которая оставила нам могильники ак-тамского типа. Проходили столетия, постепенно менялся облик материальной культуры, появился новый обряд захоронений — катакомбы и подбои, который частично вытеснил древний обряд, но какая-то группа населения его все же сохранила. Может быть не случайно и то, что расположен Таш-Курганский могильник на территории древнего расселения племен, оставивших могильники так называемого «ак-тамского» типа.

Северная ориентировка погребенных в Таш-Курганском могильнике, возможно, связана с культурой сарматов, ощутимое влияние которой на культуру Ферганы отмечалось многими исследователями неоднократно[33].

Проделанный нами анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) Таш-Курганский могильник синхронен погребениям могильников подбойно-катакомбного типа Ферганы и окружающих районов Средней Азии.

2) Керамика Таш-Курганского могильника обнаруживает единство и родство с керамикой из поселений Ферганы первых веков нашей эры.

3) В связи с наличием поздних черт в керамике Таш-Курганского могильника его возможно датировать не ранее I—II вв. и не позднее VI в.

4) Могильник, вероятно, принадлежал потомкам населения, жившего в северо-западной Фергане в раннем железном веке, о чем свидетельствуют пережитки в погребальном обряде (конструкция могилы, ориентировка погребенных, наличие ранней керамики в насыпи). Очевидно, это была часть древнего аборигенного населения, в процессе исторического развития изменившая облик материальной культуры, но сохранившая в погребальном обряде древние черты.

* * *

Как отмечалось, Таш-Курганский могильник по чертам погребального обряда и материалу входит в наметившуюся за последнее время группу могильников с курганной насыпью и захоронением в неглубокой яме, открытых в последние годы в северо-западной Фергане. Эта группа еще слабо изучена, но материал несомненно свидетельствует об однородности материальной культуры населения, оставившего такие могильники.

Кратко остановимся на характеристике могильников и отдельных погребений, сходных с погребениями Таш-Курганского могильника.

---

[32] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник, стр. 79—80; Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник, стр. 171—186.

[33] С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики подбойно-катакомбных могил Ферганы, стр. 147; Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, XXVI, Сталинабад, 1954, стр. 50—51; его же. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе. КСИИМК, 64, 1956, стр. 76; его же. Исследование могильников Исфаринского района. Тр. ИИ АН ТаджССР, XXVII, VI, стр. 80.

Мархаматский могильник расположен в Андижанской обл., в 50 *км* к юго-востоку от г. Андижана. Раскопки его велись в 1956 г. автором настоящей работы. Подробная характеристика могильника дана нами ранее[34]. Сейчас отметим лишь некоторые черты, позволяющие отнести Мархаматский могильник к одной группе с Таш-Курганским. Основное сходство с последним намечается в погребальном обряде. Здесь такое же строение насыпи, такое же расположение и глубина могилы. Ориентация погребенных — на запад, как в первой группе погребений Таш-Курганского могильника. Как и в Таш-Курганском могильнике, здесь отмечается сходство с ак-тамскими погребениями раннего железного века. В некоторых погребениях Мархаматского могильника сохранился обычай подкладывания под голову покойника каменной плитки, что имело место и в ак-тамских погребениях[35]. Интересно отметить, что не находивший себе аналогий до сих пор погребальный обряд в центральном кургане «семейной» группы Мархаматского могильника оказался очень сходным с погребальными обрядами большого кургана Кунгайского могильника, раскопанного в 1959 г.[36]. Мархаматский могильник, как и Таш-Курганский, расположен вблизи древнего земледельческого оазиса. В 4—5 *км* к северу от памятника находится известное Мархаматское городище, которое А. Н. Бернштам отождествлял с древним городом Эрши, одним из крупнейших городов Ферганы I—II вв.[37]. В непосредственной близости от Мархаматского могильника разбросаны по долине многочисленные «тепе» — развалины жилых сооружений. Подъемный материал с них датируется первыми веками нашей эры[38].

Янгиабадский II могильник по чертам погребального обряда также считаем возможным отнести к одной группе с Таш-Курганским. Могильник расположен в 11—12 *км* к югу от г. Ферганы на берегу Маргелан-Сая. От Таш-Курганского могильника его отделяет всего лишь 5 *км*. В могильнике насчитывается 25 курганов диаметром от 4 до 9 и высотой 0,4—0,7 *м*. Насыпи круглые уплощенные, состоящие из сплошной каменной наброски. Раскопано шесть курганов. Сохранность костей настолько плоха, что невозможно определить ни положение, ни ориентировку погребенных. Можно лишь сказать, что захоронения совершались прямо на древней поверхности. Курганы разграблены. Известна лишь случайная находка небольшого горшковидного сосудика, сделанного на кругу из розового плотного теста хорошего обжига. Поверхность сосуда покрыта черным блестящим ангобом, дно слегка подрезано ножом. Этот прием отмечен нами и на сосудах Таш-Курганского могильника. Высота сосуда 6,8 *см*, диаметр устья 5,8 *см*, диаметр корпуса 8,5 *см*. Сосуд по форме очень близок сосуду из кург. № 3 Таш-Курганского могильника (рис. 6).

Ак-Тепинский могильник. В 5 *км* к югу от г. Ферганы на площадке адыра, недалеко от древнего жилого холма Ак-Тепе, расположены четыре небольших кургана. В разведочных целях Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова раскопали одно погребение, оказавшееся сходным по погребальному обряду и по инвентарю с погребениями Таш-Курганского могильника. Насыпь кургана круглая, из набросанного камня. Погребение совершено на древнем горизонте. Об ориентировке погребенного судить невозможно из-за плохой сохранности костей. Можно лишь сказать, что костяк лежал вытянутым по линии север — юг.

В погребении найдено два сосуда, обломок железного черешкового ножа и восемь бус, одна из них круглая янтарная, остальные мелкие

---

[34] В. И. Козенкова. Археологические работы в Андижанской области в 1956 году. КСИИМК, 76, 1959, стр. 60.

[35] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник, стр. 80.

[36] Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник, стр. 187.

[37] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 228—229.

[38] Материалы хранятся в фондах Андижанского областного музея.

белые пастовые. Пастовые бусы абсолютно идентичны бусам, найденным в одном из погребений Мархаматского могильника. Сосуды станковые. Один из них — кувшин с грушевидной формой тулова, с прямым слегка отогнутым венчиком и плоским дном. Тесто ярко-красное. Обжиг хорошего качества. Поверхность сосуда покрыта небрежными мазками коричневато-черного ангоба. У самого дна ножом срезана полоска шириной 2 *см*. Кувшин похож на сосуд из кург. № 21 Таш-Курганского могильника (рис. 7, *1*).

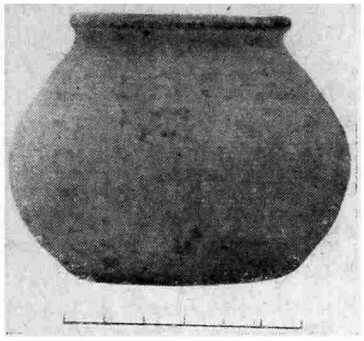


Рис. 6. Сосудик из погребения у Янгиабада

Второй сосуд меньшего размера. Форма грушевидная. Тесто с примесью песка, ярко-розового цвета. Поверхность покрыта неровными потеками и полосами темно-красного ангоба (рис. 7, *2*).

Раскопками 1960—1961 гг. в Ферганской обл. Н. Г. Горбуновой вскрыто несколько погребений около Суфана и Куюк-Мазара. По предварительным данным, сообщенным нам автором раскопок, эти погребения по обряду имеют несомненное сходство с группой Таш-Курганских могил, с западной ориентировкой покойников и, видимо, синхронны им.

* * *

Раскопки могильников, как правило, не дают возможности с исчерпывающей полнотой судить о хозяйственной деятельности оставившего их населения. Можно делать лишь некоторые, самые общие предположения относительно принадлежности могильников к той или иной хозяйственной группе населения. Мнения исследователей катакомбных и подбойных могильников (Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева, Б. А. Литвинский, С. С. Сорокин) сводятся к тому, что основой хозяйства племен, занимавших предгорья Ферганы, являлось скотоводство [39]. Но в то же время все эти племена находились в тесном контакте с оседло-земледельческим населением долины. Другими словами, этот контакт осуществлялся с населением, оставившим многочисленные «тепе» и городища, а также и могильники, расположенные поблизости от мест жилья. Мы располагаем сравнительно обширными сведениями о древних поселениях Ферганы [40], но о могильниках оседло-земледельческого населения такие данные чрезвычайно скудны [41]. Они не идут дальше единичных упоминаний о бескурганных могильниках и предположения о том, что могильники оседло-земледельческого населения были бескурганными. Раскопки могильников типа Таш-Курганского свидетельствуют о том, что курганные насыпи разрушались и распахивались на протяжении многих веков при освоении новых земель. Этот процесс продолжается и до настоя-

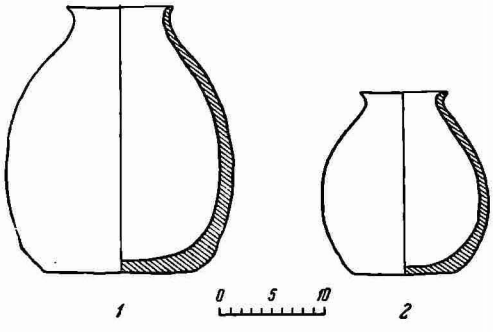


Рис. 7. Сосуды из погребения у Ак-Тепе

[39] С. С. Сорокин. Культура древних скотоводов.

[40] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 217—232; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области, стр. 43—63; Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 70—89.

[41] Т. Г. Оболдуева. Отчет первого отряда..., стр. 7—40; Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы..., стр. 25.

щего времени. Очевидно, население древних городов и поселков хоронило покойников под курганами, но бóльшая часть насыпей до настоящего времени не сохранилась. Они могли сохраниться лишь в незначительном количестве вблизи поселений. Именно такими уцелевшими от разрушения памятниками, на наш взгляд, и являются выделенные нами могильники. Для высказанного предположения имеются следующие основания.

Все указанные могильники расположены вблизи оазиса или непосредственно на его территории. Так, например, расположены Таш-Курганский, Янгиабадский и Ак-Тепинский могильники. В радиусе 10—15 *км* вокруг них находятся развалины больших поселений Муг-Пошо, Дам-Куль, Ак-Тепе, Ош-Хона. Мархаматский могильник расположен вблизи одного из крупнейших городищ Ферганской долины — Мархаматского. Таким образом, по своему географическому положению вся выделенная группа курганных могильников тяготеет к долине, а не к горам, и увязывается именно с развалинами поселений.

Для выяснения вопроса о хозяйственной деятельности древнего населения чрезвычайно важно изучение ассортимента посуды из могильников. Не подлежит сомнению, что весь состав посуды, ее типология и технология имеют абсолютное сходство с керамикой поселений. В отличие от большинства подбойно-катакомбных могильников[42], относимых к скотоводческо-земледельческому населению, в Таш-Курганском могильнике весьма распространенным типом посуды являются миски. Этот факт также свидетельствует о тесной связи населения, оставившего могильники подобного типа, с населением городищ. У них был один рынок, одни вкусы и потребности. Лишь в отдельных случаях в подбойно-катакомбных погребениях находили миски (могильники Джангаил, Кайрагач, Кара-Мойнак), но, как правило, такие памятники располагались в зоне ближайшего контакта с земледельческим оазисом, почти на его территории[43].

В погребениях Таш-Курганского могильника в значительном количестве находились бракованные сосуды. Так, в погр. № 3 стоял бракованный кувшин, а в погр. № 7 и 21 были бракованные миски.

Подобный случай находки бракованных сосудов известен в могильнике Чорку I (кург. № 20). Б. А. Литвинский считает помещение такого сосуда в могилу бесспорным свидетельством изготовления керамики самим населением, оставившим могильник[44]. Это предположение кажется нам верным. Оно не только объясняет наличие бракованной керамики в Таш-Курганском могильнике, но свидетельствует о том, что население, оставившее могильник и поселения в этом районе, было одним и тем же.

Все это заставляет нас предполагать, что группа могильников типа Таш-Курганского, видимо, принадлежала оседло-земледельческому населению Ферганской долины первых веков нашей эры.

---

[42] С. С. Сорокин. Культура древних скотоводов..., стр. 175.
[43] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники..., стр. 117, 122.
[44] Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г., стр. 72.

С. О. ХАН-МАГОМЕДОВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ГОРНАЯ СТЕНА В ДАГЕСТАНЕ

Расположенная на берегу Каспийского моря в месте, где Кавказские горы ближе всего подходят к берегу, оставляя трехкилометровый проход, дербентская крепость играла в прошлом большую роль в защите народов Закавказья и Передней Азии от набегов кочевников с севера. Однако эта крепость была лишь частью грандиозной оборонительной системы, которая кроме городских стен и цитадели Дербента включала в себя также Горную стену (Дагбары).

Строительство Дербентской оборонительной системы арабские авторы IX—X вв. связывают с именами двух царей Сасанидской Персии — Кавада (488—531) и Хосрова I Ануширвана (531—578).

Трудности в точной датировке строительства Дербентской оборонительной системы усугубляются не только противоречивыми сообщениями древних авторов, но и тем, что в прикаспийском проходе сохранились остатки еще нескольких оборонительных линий как южнее (из сырцового кирпича) [1], так и севернее Дербента [2].

В самом Дербенте также сохранились остатки древних сырцовых стен [3].

Остановимся на свидетельствах арабских авторов. Баладзори (вторая половина IX в.) сообщает, что Кавад «построил преграду из нежженной глины (кирпича) между областью Ширваном и воротами Аллан, а вдоль глиняной стены он построил триста шестьдесят городов, пришедших в разрушение после постройки ал-Баб-у-ал-абуаба (Дербента.— *С. Х.*). Когда, после Кобада на престол сел его сын, Касра Ануширван... он построил город... ал-Баб-у-ал-абуаб, который был назван Абуаб (воротами) потому, что он был построен вдоль дороги на горе...». Далее Баладзори пишет, что стена в районе Дербента была выстроена из камня, что она укрепляла границу Персии против хазар, «была проведена до вершин гор» и продолжена «в море на три мили» [4].

Нельзя не согласиться с мнением М. И. Артамонова [5], что Баладзори говорит о постройках Кавада южнее Дербента.

В сочинениях арабских авторов, писавших после Баладзори, сведения о строительстве Кавада и Ануширвана постепенно смешиваются.

Ибн-Хордабе (IX — начало X в.) сообщает, что Кавад «выстроил кирпичную стену», а Ануширвану он приписывает строительство Дербента

---

[1] Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. ПИМК, 9—10, 1933, стр. 37—47.

[2] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр. 46; J. J. Lerche. Lebens und Reise geschichte, von ihm selbst beschriben. Halle, 1791, стр. 30—31.

[3] С. О. Хан-Магомедов. Стены и башни Дербентской крепости. «Архитектурное наследство», 17, М., 1964, стр. 122, 123.

[4] Баладзори. Книга завоевания стран. «Материалы по истории Азербайджана», III, Баку, 1927, стр. 5—7.

[5] М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 131.

и «360 замков и укреплений в горных ущельях», которые он называет Ал Абваб (ворота). «Это собственно выходы из ущелий,— пишет Ибн-Хордабе,— образуемых горами Кабк (Кавказа.— *С. Х.*), защищенные укреплениями, из которых выдающиеся...», и далее автор перечисляет, кроме Дербента, еще 13 крепостей (Баб, т. е. ворот) [6], причем из этого перечисления видно, что он рассматривает Дербент как часть системы укреплений всего Кавказа.

Ибн-ал-Факих (X в.), сообщая о строительстве «360 замков, тянущихся до Баб-Аллан», уточняет, что «из них 110 замков во владении мусульман до земель Табарсеран (Табасаран.— *С. Х.*), а остальные находятся в землях Филан и Сахиб-ас-серира до Баб-Аллан» [7].

В сообщениях Ибн-ал-Факиха и Ибн-Хардабе речь идет не только о Дербентской линии укреплений, но и о системе укреплений горных ущелий всего Кавказа (во втором случае до Дарьяльского прохода), часть из которых (собственно Горная стена) находилась в пределах Дагестана, вблизи Дербента. Именно об этой части общей оборонительной системы Кавказа и пишет далее Ибн-ал-Факих, ссылаясь на арабского географа Я'куби (IX — начало X в.): «Баб-ул-Абваб стена, которую построил Ануширван..., один конец ее вдается в море, а противоположный морю конец выведен до такого места, где ничего не поделаешь против нее, а тянется она 7 фарсахов [8] до лесистой и обрывистой горы, через которую не пройдешь. Построена она из четырехугольного тесаного камня; ...На протяжении этих 7 фарсахов устроено 7 проходов, у каждого из этих проходов город, и живут в них (городах) персидские воины...» [9].

Позднее сведения из работ Я'куби широко использовались и другими мусульманскими авторами.

Автор X в. Мас'уди, сообщая о строительстве Ануширваном Горной стены, пишет, что он «протянул ее до вершин гор Кабх и сделал ее спускающеюся в ущелья гор, продолжая ее до тех пор, пока не довел до укрепления по имени Табарсеран. На каждых трех милях этой стены, а то и больше или меньше, сообразно с дорогами, соответственно которым он поставил ворота, он сделал железные ворота и поселил там с внутренней части каждый ворот народ, обязанный охранять эти ворота и соседнюю часть стены. Все это служило для защиты от нападений народов, примыкающих к горам Кабх, каковы хазары, аланы, турки, сериры и иные племена кяфиров» [10].

О переселении Сасанидами людей в район Горной стены для охраны границы пишет и Якут [11].

Ал-Истахри (автор X в.) пишет о четырнадцати крепостях, построенных Сасанидами (Хосроями) на горах Баб-ул-Абваба. В этих крепостях, по сообщению Ал-Истахри, живут выходцы из мусульманских стран (Мосула, Дияр-Габия и Сирии), говорящие по-арабски [12].

О небольших крепостях с гарнизонами в районе Дербента, построенных в пограничной местности «для борьбы с неверными» (т. е. построенных уже арабами), пишет и Ал-Мукадасий (X в.) [13].

А в сообщении Я'куби уточняется время и место строительства таких крепостей. Он пишет, что арабы в VIII в., направив в Дагестан вместе с войсками строительных рабочих, построили там ряд опорных пунктов,

---

[6] Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, XXXII, Тифлис, 1903, стр. 15.

[7] Там же, XXXI, Тифлис, 1902, стр. 11.

[8] М. И. Артамонов, ссылаясь на Бартольда и Дорна, пишет, что «величина фарсаха колебалась весьма сильно, чаще всего равняясь 5—6 *км*» (М. И. Артамонов. Ук. соч., примеч. на стр 91).

[9] СМОМПК, XXXI, стр. 23.

[10] Там же, XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 40—41.

[11] Там же, XXIX, Тифлис, 1901, стр. 15.

[12] Там же, стр. 31.

[13] Там же, XXXVIII, стр. 6.

среди которых называет и селения, расположенные вдоль Горной стены — Камах, Гимейди (ал-Мухаммедия) и Дарваг (Баб-Вак) [14].

В «Дербент-Наме» говорится, что арабы, стремясь оградить себя от набегов хазар, возобновили укрепления вокруг Дербента [15].

Из сообщений арабских авторов можно сделать ряд предварительных выводов.

Во-первых, строительная деятельность Кавада и Ануширвана относится к различным объектам: Кавад строил или одну из сырцовых оборонительных линий южнее Дербента, или же сырцовые стены Дербента, а ко времени Ануширвана относится сооружение каменных стен Дербента и Горной стены.

Во-вторых, многие арабские авторы, сообщая о системе укреплений Кавказа, включавшей Дербент, имели в виду отдельные крепости, построенные в ряде мест Кавказского хребта, включая Дарьяльский проход и др.

В-третьих, о собственно Горной стене арабские авторы пишут, как о сравнительно небольшом отрезке общей системы укреплений Кавказа, сообщая, что она была доведена до гор Табасарана (7 фарсахов у Я'куби).

В-четвертых, по сообщениям арабских авторов, в окрестностях Дербента, в том числе и вдоль Горной стены, были выстроены небольшие крепости (или селения) с постоянными гарнизонами (от 7 до 14 крепостей), причем часть этих крепостей была сооружена (или возобновлена) арабами в VIII в. (Митаги, Камах, Дерваг, Бильгади и др.) и населена выходцами из мусульманских стран.

Дербентская оборонительная система могла полноценно выполнять свою роль лишь в условиях, когда в районе Дагестана проходила граница между такими крупными государствами, как Сасанидская Персия, а затем Арабский халифат, с одной стороны, и Хазарский каганат — с другой. Ослабление хазарского государства сделало уже в начале X в. практически ненужными многие крепостные сооружения Горной стены, так как последнее, окончившееся неудачей, нападение хазар на Дербент произошло в 903 г. Последовавший вскоре распад Арабского халифата и превращение Дербента в центр небольшого феодального владения привели к полной утрате стратегического значения Горной стены.

В средние века лишь ближайший к городу отрезок Горной стены (до Джалганского хребта) сохранял некоторое время свое значение, но и он не поддерживался и постепенно разрушался.

Все это повлияло и на характер сообщений средневековых восточных авторов и проезжавших через Дербент европейских послов о Горной стене. Описывая подробно сам город и его крепостные сооружения, они обычно ограничиваются лишь кратким ничего не прибавляющим к сообщениям авторов IX—X вв. упоминанием о Горной стене как о поражающем воображение чуде древности [16]. Многие же авторы вообще ничего не пишут о Горной стене (Рубрук — 1253 г., Контарини — 1475 г., Котов — 1623 г. и др.).

Представляют интерес лишь сведения, сообщаемые известным ученым-путешественником Адамом Олеарием, посетившим Дербент в 1638 г. и оставившим его первое известное изображение. Сведения Олеария дают некоторое представление о том, в каком состоянии находилась Горная стена в первой половине XVII в. и какую роль играли ее сооружения в обороне города.

---

[14] Я'куби. История. Баку, 1927, стр. 8—9. См. также «Очерки истории Дагестана», I, Махачкала, 1957, стр. 55.

[15] Тарихи. Дербент-Наме. Тифлис, 1898, стр. 84.

[16] Уже автор начала XII в. ал-Андалуси говорит о Горной стене как о древнем сооружении, возведенном для защиты от исчезнувших хазар (Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники..., стр. 46).

«Повыше города,— пишет Олеарий,— через горы, лесистые здесь, построена была стена толщиною в три фута, которая, как говорят, тянулась на 50 миль в сторону Понта (Черного моря.— *С. Х.*). В иных местах она вся была срыта, в других стояли еще остатки ее высотою с колено или даже с рост человека...

Помимо стены, в верхней части города были устроены на холмах еще многие внешние оплоты и особые укрепления. Из них два ближайших к городу еще сохранили тот вид, в котором они построены, и заняты гарнизоном из солдат; они возведены в виде четырехугольников, с очень высокими стенами» [17].

На приводимом в книге Олеария изображении Дербента выше цитадели видны остатки этих крепостей — фортов Горной стены.

Новая история Горной стены начинается с XVIII в., когда она становится объектом изучения и обследования. Начало этому было положено восточным походом Петра I — русские войска в 1722 г. без боя заняли Дербент и оставались в нем до 1735 г. К этому периоду относятся первые сохранившиеся планы Дербентской крепости, составленные русскими военными топографами. На самом раннем из этих планов [18] вблизи цитадели показаны два форта, первый из которых соединен стеной с юга западным углом цитадели. Между первым и вторым фортом и дальше показаны остатки стены. Это и есть те самые крепости, о которых писал Олеарий.

Два форта к западу от цитадели показаны и на многих других чертежах этого периода, а на одном показана даже цепь из четырех фортов [19].

Более полное представление об одном из этих фортов, а именно о ближайшем к цитадели, дает детальный чертеж дербентских укреплений, к которому приложены планы, разрезы всех башен и куртин городских стен [20]. Согласно этим чертежам, во второй половине 1720-х годов еще сохранялся не только первый форт, но и связывавший его с цитаделью участок стены. Длина этой стены (по чертежам) равна около 150 *м*, высота от 1 до 2 *м*. Размеры форта: в плане (по наружным стенам) 27 × 21 *м* (возможно, 25 × 20), высота стены около 10 *м*, толщина около 2 *м*.

По-видимому, на основании этих чертежей был сделан подробный план Дербента с окружающей местностью [21], на котором, кроме первого форта, показан еще лишь один форт на Джалганском хребте, расположенный в 3 *км* от первого форта. Чертеж этот составлялся военными топографами, и они естественно занесли на него только те объекты Горной стены, которые могли быть использованы в обороне города.

А то, что остатки Горной стены хорошо прослеживались в тот период на всем ее протяжении от цитадели до Джалганского хребта, доказывает первый из известных нам планов Горной стены, составленный Дмитрием Кантемиром, сопровождавшим в походе Петра I и обследовавшим в 1722 г. Горную стену на участке от Дербента до с. Камах. Материалы Д. Кантемира были обработаны и изданы Ф. З. Бауэром сначала на рус-

---

[17] Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 486—487.

[18] ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 1959. Точно такой же чертеж имеется и в ЦГАДА, ф. 192, д. 15; на самом чертеже года нет (в картотеке он датируется 1723 г.). План Дербента, составленный на основе этих и ряда других чертежей начала XVIII в., опубликован нами в работе: С. О. Хан-Магомедов. Дербент. М., 1958, вклейка на стр. 21.

[19] ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 1969 (в каталоге архива чертеж датируется 1740 г.).

[20] Там же, д. 1961—1963.

[21] Там же, д. 1957. Этот чертеж сделан после 1725 г., так как в его экспликации упоминается «полубастион, начатый строительством в 1725 г. и недостроенный». Следовательно, и недатированный чертеж д. 1961, на котором также изображен этот полубастион, был сделан не ранее 1725 г.

ском языке[22] без чертежей, а затем на латинском языке с планом Горной стены[23].

На плане Кантемира вблизи Дербента стена показана на всем протяжении от цитадели до Джалганского хребта, причем в начале ее показано два форта и еще два на самом Джалганском хребте. Далее стена идет через долину, где при подъеме на гору показан еще один форт, затем через с. Митаги к Камаху, в котором обозначена крепость, и далее поворачивает на запад.

На плане Кантемира недалеко от цитадели (в 100 саженях) южнее Горной стены показано не сохранившееся сейчас селение. На этом же месте (только несколько западнее) показано селение и на плане 1720-х годов (д. 1957). Это селение выполняло, по-видимому, роль одной из крепостей, жители которой наряду с жителями Митаги, Камаха и других селений несли охрану стены.

Осмотренный Кантемиром участок стены, сообщает Бауэр, представлял собою развалины. Лишь некоторые башни с воротами (особенно в долинах) были целы.

В 1796 г. русские войска после девятидневной осады овладели Дербентом и в том же году были выведены из города. К этому периоду относится ряд сведений о головном участке Горной стены.

На многочисленных хранящихся в ЦГВИА чертежах, на которых показано расположение русских войск при осаде Дербента[24], изображен лишь второй форт, а на месте первого показана артиллерийская позиция.

На одном чертеже 1796 г.— плане верхней части Дербента — эта позиция изображена в более крупном масштабе. К плану приложен разрез, из которого видно, что первый форт к этому времени был разрушен почти до фундаментов[25].

П. Г. Бутков, описывая осаду Дербента, сообщает, что выше цитадели было «занято одно место такое, которое совсем под ружейными выстрелами, но оные не вредят нашим, потому что оное место окладено камнем»[26]. Следовательно, один из фортов в период осады еще хотя бы частично сохранял свое оборонное значение.

В 1806 г. Дербент был окончательно присоединен к России, и до 1860-х годов в городе находился русский гарнизон. К этому периоду относятся многочисленные чертежи Дербентской крепости, на которых показаны вблизи цитадели остатки двух первых фортов Горной стены[27].

В ЦГВИА хранится большая карта части Дагестана, на которой показана Горная стена от Джалганского хребта до с. Бильгади. Как явствует из подписи под чертежом, эту карту «глазомерно снимал и чертил в 1819 и 1820 годах подполковник Коцебу»[28]. На плане Коцебу Горная стена показана на участке от Джалганского хребта до с. Бильгади.

Описание состояния участка Горной стены, изображенного на плане Коцебу, дал А. А. Бестужев-Марлинский, осматривавший стену через 10—12 лет.

Многие детали, о которых пишет Марлинский, были позднее утрачены. Так, очень важным являются сообщаемые им сведения о зубчатой короне бойниц и о том, что башни и стена были одной высоты. Марлинский сообщает, что на участке от цитадели Дербента до Джалганского хребта «видны еще развалины четырех небольших крепостей, из коих крайняя цела». «Но всего замечательнее,— пишет Марлинский,— и всего более до-

---

[22] Ф. З. Бауэр. О стене Кавказской. «Краткие описания комментариев Академии наук», часть первая на 1726 год. СПб., 1728, стр. 167—207.

[23] Th. S. Bayer. De mure Caucaseo. OA, 1770.

[24] ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 1970, 2810 и др.

[25] Там же, д. 1971 и 1972.

[26] П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, II, СПб., 1869, стр. 575.

[27] ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 1987 (чертеж 1811 г.), 1922 (чертеж 1812 г.) и др.

[28] ЦГВИА, ВУА, д. 19451.

казывающее незапамятную древность этой стены есть неизвестность сводов... С опасностью сломать голову или задохнуться в ямах, ползал я по всем тайникам, в каждой крепостце к воде ведшим, и уверился, что сводный замок строителям Кавказской стены был неведом...

Коридоры накрыты или широкими плоскими плитами, или плитами в выступ, или, наконец, кровлею из плит, сложенных, как на карточном домике, треугольником. Кровли в выступ иногда снизу округлены, что и дает им ложный вид свода...» [29].

В 1825 г. в Дербенте был Эйхвальд, опубликовавший затем план Горной стены [30], составленный Коцебу в 1819—1820 годах.

В 1842 г. в Дербенте был И. Березин, который обследовал форт на перевале Джалганского хребта и опубликовал план Горной стены, о котором он сообщает, что это «полный очерк стены Александровой, насколько она известна русским топографам, от Каспийского моря до магала Кушан-Дага в Казикумыкском владении; чем дальше она идет в горы, тем лучше она сохранилась. Странные извилины стены происходят от местного направления гор; всех укреплений на этом пространстве, составляющем по прямой черте около 80 верст, сохранилось 43... Иногда стена проходит через деревни; между прочим, говорят, что в деревне Лиджили, в 36 верстах от Дербента, сохранились в целости одни из древних ворот» [31]. На участке Дербент — Хапиль план Горной стены, опубликованный Березиным, в общих чертах совпадает с ее действительным направлением, однако Пахомов считает, что значительная часть плана Березина составлена на основе догадок [32].

Тем же недостатком, по мнению Пахомова, страдает и опубликованная Н. А. Караулovым карта Горной стены, «составленная по сохранившимся в горах развалинам этой стены» [33]. План Караулова по конфигурации и протяженности Горной стены не совпадает с планом Березина.

В 1928 г. Е. А. Пахомов «до конца» [34], как он пишет, обследовал Горную стену и на месте проверил достоверность планов Караулова и Березина, причем, «последняя» крепость Горной стены была обнаружена им западнее Ягдыка на гребне Кара-Сырта над р. Рубасом. Пахомов пишет, что он прошел дальше на запад весь путь по направлению линии Горной стены на планах Караулова и Березина и не обнаружил никаких остатков Горной стены. Он считает, что стена строилась в VI в. и была задумана как непрерывная линия обороны, начиная от моря до неприступных отрогов Главного Кавказского хребта, но успели возвести лишь ее часть от Дербента до Кара-Сырта. Поэтому не мог в полной мере использоваться участок Горной стены от Бильгади до Кара-Сырта, который уже при арабах был заброшен. Участок же Дербент — Бильгади служил и при арабах, о чем свидетельствуют, по мнению Пахомова, следы переделок и подновлений, а также куфические надписи.

Обстоятельные обследования Е. А. Пахомовым остатков Горной стены, казалось бы, положили конец спорам о ее протяженности. На выводы Пахомова по этому вопросу опирались в своих работах М. И. Артамонов [35], К. В. Тревер [36] и другие авторы. Автор настоящей статьи, обследуя в

---

[29] А. А. Марлинский [Бестужев]. Полное собр. соч., II, СПб., 1834, стр. 239—240.

[30] E. Eichwald. Reise auf dem Caspischen Meere etc., I, Stuttgart, 1834, табл. 1.

[31] И. Н. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью, II, Казань, 1850, стр. 25—28.

[32] Е. О. Пахомов. До дослідження дагестанської стіни. «Східній світ», 10—11, 1930.

[33] Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, XXXVIII, стр. 129.

[34] Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, стр. 46.

[35] М. И. Артамонов. Древний Дербент. СА, VIII, 1946, стр. 129.

[36] К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 284.

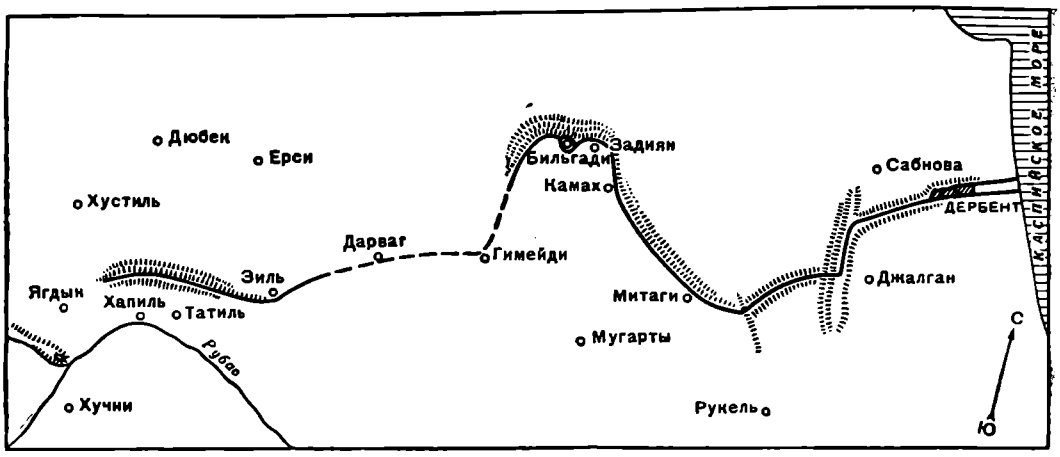


Рис. 1. Схематический план Дербентской оборонительной системы от берега моря до с. Хапиль

1949—1958 гг. Горную стену, также считал окончательно установленным, что западнее Ягдыка нет ее остатков, не делал попыток искать продолжение Горной стены и в своих ранее опубликованных работах присоединился к точке зрения Пахомова о ее общей протяженности [37].

Однако тщательный анализ планов Березина и Караулова заставляет еще раз вернуться к вопросу о протяженности Горной стены.

Вызывает сомнение сообщение Е. А. Пахомова о том, что «последний» форт Горной стены находится на гребне Кара-Сырта над обрывом над р. Рубасом в 1,5 *км* от с. Ягдык. Над Рубасом действительно расположена крепость и именно в 1,5 *км* от с. Ягдык (только не западнее, как пишет Пахомов, а южнее). Однако эта хорошо сохранившаяся крепость как по технике кладки, так и по своему плану не только не имеет никакого отношения к Горной стене, но и поставлена таким образом, что контролирует не северные, а южные подходы к долине Рубаса. Основываясь на местных преданиях, эту крепость можно датировать XVIII в., временем борьбы народов Дагестана с нашествием войск персидского шаха Надира.

Е. А. Пахомов, проверяя достоверность планов Березина и Караулова западнее Ягдыка, по нашему мнению, неточно определил масштаб этих планов и направление показанной на них стены. Так, Е. А. Пахомов считает, что на плане Березина Горная стена идет от Кара-Сырта через с. Варсит (севернее Кара-Сырта) «до хребта, который является северной границей бассейна горного Самура» [38], в то время как у Березина она показана южнее Кара-Сырта и кончается значительно раньше, доходя лишь до магала-Кушан-дага (Кушан-Дере), где расположены агульские селения Буршаг, Арсуг, Худиг и др. Судя по всему, Пахомов искал продолжение Горной стены севернее того направления, где она показана у Березина.

Трудно сказать, можно ли обнаружить какие-либо остатки Горной стены, пользуясь планом Березина. Однако достоверность этого плана Горной стены на протяжении первых 40 *км* заставляет более внимательно отнестись к этому чертежу.

К сожалению, ни Пахомов, ни обследовавшие во второй половине 1920-х годов Горную стену А. И. Орбели и А. В. Спасский не опубликовали обмеров, сделанных ими в ходе этих обследований.

---

[37] С. О. Хан-Магомедов. Дербент, стр. 50; его же. Архитектура древнего Дербента. «Архитектура СССР», 9, 1957, стр. 53.

[38] Е. О. Пахомов. До дослідження дагестанської стіни, стр. 329.

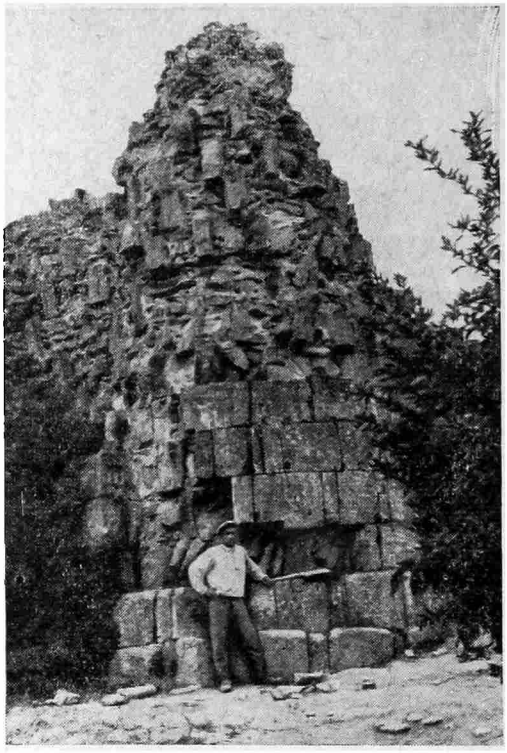


Рис. 2. Форт на перевале Джалганского хребта (снимок 1957 г.)

В настоящее время[39] от цитадели Дербента до Джалганского хребта на бровке южной стороны оврага сохранились лишь остатки фортов и куртин Горной стены. Эта ближайшая к цитадели часть Горной стены была одним из наиболее важных ее участков (рис. 1). Поэтому форты здесь были расположены на небольшом расстоянии друг от друга (100—200 *м*), причем для строительства каждого форта естественно приходилось выравнивать площадку. Отсюда и ступенчатость гребня горы, по которой поднималась к Джалганскому хребту Горная стена.

Хорошо видны площадки с остатками первых двух фортов[40]. Здесь ясно читаются прямоугольные планы фортов с круглыми башнями по углам. Между фортами в виде вала сохранились остатки стены. Выше, на следующем уступе, отчетливо видны остатки третьего форта, от которого дальше в виде подпорной стены сохранились остатки куртины. Затем следует четвертый уступ с прямоугольным в плане валом и круглой выемкой в центре. Вблизи остатков четвертого форта расположено большое кладбище с каменными надгробиями в виде саркофагов. Это остатки того селения, которое встречается на старых планах Дербента. Здесь сохранились развалины домов и действующий источник воды. Форма надгробий свидетельствует о том, что селение это существовало в арабский период.

За четвертым уступом, вверх по склону, попадаются валы, остатки стен, груды камней. Все это можно предположительно считать остатками двух фортов и куртин. Выше совершенно четко видны фундаменты еще одного форта, причем с наружной стороны (внутри форта почва значительно выше) высота стен достигает 2—3 *м* и местами даже сохранилась их облицовка.

За этим седьмым фортом склон горы густо порос кустарником и деревьями, затрудняющими обследование остатков Горной стены. Однако выше седьмого форта сравнительно хорошо просматриваются еще три площадки с остатками фортов. Затем до вершины хребта идут сплошные заросли, в которых встречаются остатки стены (и, по-видимому, фортов), много отдельных разбросанных отесанных камней размером $80 \times 60 \times 20$ *см*, $60 \times 45 \times 20$ *см* (ложки и тычки облицовки).

Первый относительно хорошо сохранившийся ближайший от цитадели форт (рис. 2) расположен в небольшой седловине на перевале Джалганского хребта в месте, где проходит дорога из Джалгана в Митаги. Он контролирует первый горный проход западнее Дербента.

Размеры этого форта в плане (внутри) равны 25×14 *м*, толщина стен: восточной (короткой) 2,20 *м*, южной (длинной) 3 *м*, диаметр угло-

[39] Имеется в виду время обследования автором отдельных участков Горной стены (1949—1958 гг.).

[40] Эти форты сохранялись до второй половины XIX в., причем в 1860-е годы ближайший к цитадели форт еще мог «служить для обороны» (ЦГВИА, ф. 349, д. 1253, стр. 3).

вых круглых башенных выступов 5,25 *м*, высота сохранившихся стен местами более 9 *м* (рис. 3, *а*). В южной стене форта — пролом шириной около 2 *м*. По-видимому, здесь находился входной проем. В нижних частях стен сохранилась облицовка, по своему характеру аналогичная облицовке дербентских стен. Она состоит из сложенных насухо камней из ракушечника с чередованием ложков и тычков. Средние размеры камней облицовки таковы: 60 (75) × 50 (60) × 15 (20) *см*. Внизу кладки наружных

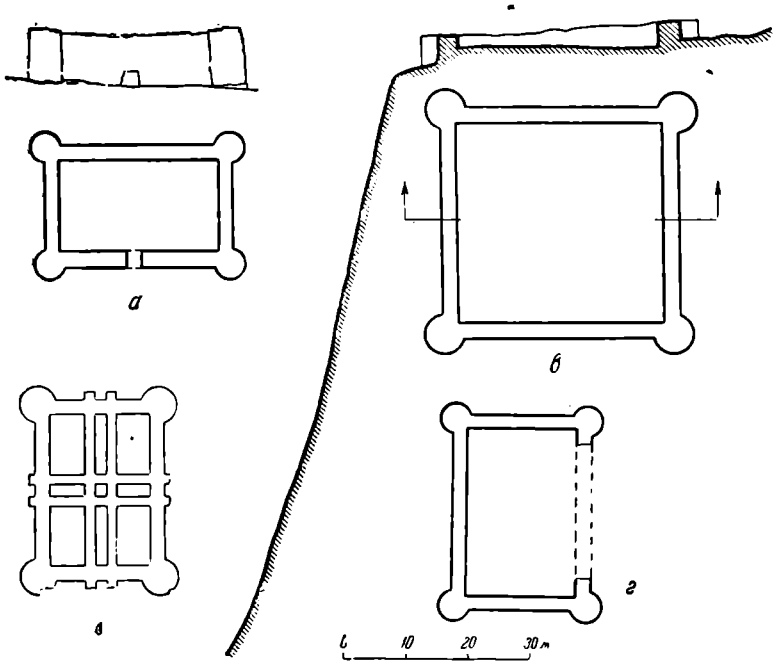


Рис. 3. Форты Горной стены

стен форта — нечто вроде цоколя на высоту одного ряда с уступом 15 *см*. Между двумя рядами облицовки (наружной и внутренней) забутовка из необработанного камня на известковом растворе. В стенах не видно позднейших кладок.

Со стен форта на многие километры просматриваются подходы к Джалганскому хребту.

Южнее этого форта от отвесного обрыва горы начинается стена, идущая на север поперек долины по пологому водоразделу в сторону с. Митаги. На этом участке сооружения Горной стены сохранились относительно неплохо (высота вблизи Джалганского хребта 2—3 *м*, далее 5—6 *м*).

Обследованные нами на этом участке форты в основном напоминают форт на перевале Джалганского хребта (есть даже уступ кладки в виде цоколя), однако размеры их и характер соединения со стеной не стандартны (рис. 4, *б*, *д*). Расстояния между фортами не одинаковые, в центральной части долины форты сближаются до 250—300 *м*.

Кроме фортов на этом участке Горной стены имеются полуфорты — выступы стены в сторону (на восток), откуда ожидалось нападение. Их можно принять за сильно разрушенные форты, однако на некоторых из них хорошо сохранилась облицовка наружных углов в местах, соединяющих их со стеной (вперевязку). Размеры этих полуфортов также не стандартны (рис. 4, *а*, *в*). Через полуфорты, по-видимому, проходили дороги, причем в одном случае дорога и сейчас идет в центре развалин полуфорта. В некоторых местах дороги в настоящее время пересекают развалины Горной стены в местах ее излома (рис. 4, *е*).

Обследовавший этот участок Горной стены Марлинский сообщает о фортах не только с четырьмя, но и с шестью круглыми башнями. Нам не удалось обнаружить таких фортов.

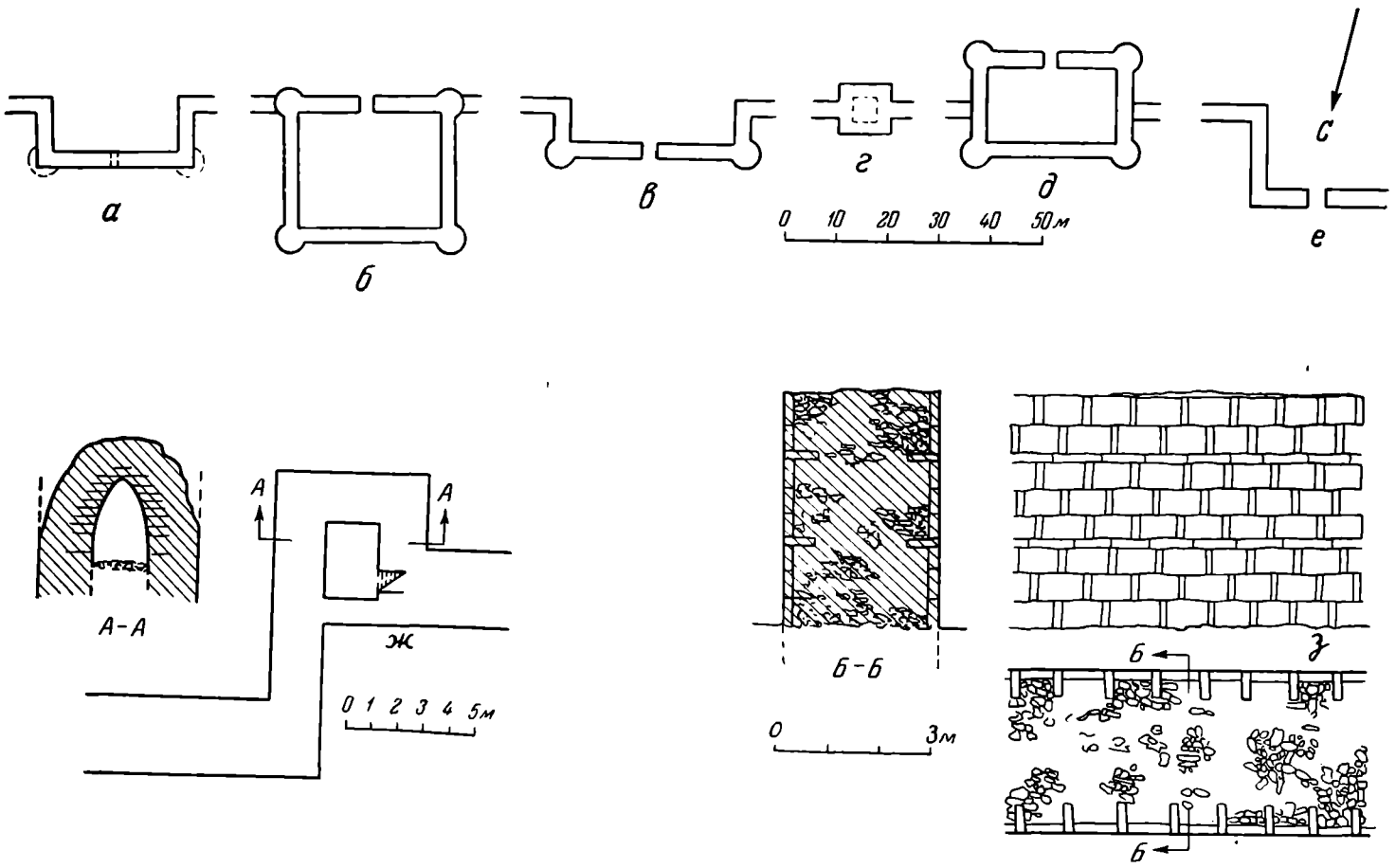


Рис. 4. Фрагменты Горной стены на участке Джалганский хребет, с. Митаги

Рис. 5. Ложный свод внутренней камеры башни Горной стены на участке Джалганский хребет — с. Митаги (снимок 1957 г.)

Кроме фортов и полуфортов в долине за Джалганским хребтом Горная стена имеет также прямоугольные и квадратные башни, бóльшая часть из которых очень сильно разрушена. Эти башни расположены или на прямых участках Горной стены, и тогда они выступают как с внешней, так и с внутренней ее стороны (рис. 4, *г*), или же они располагаются в местах излома стены, выступая лишь в восточную сторону (рис. 4, *ж*). В некото-

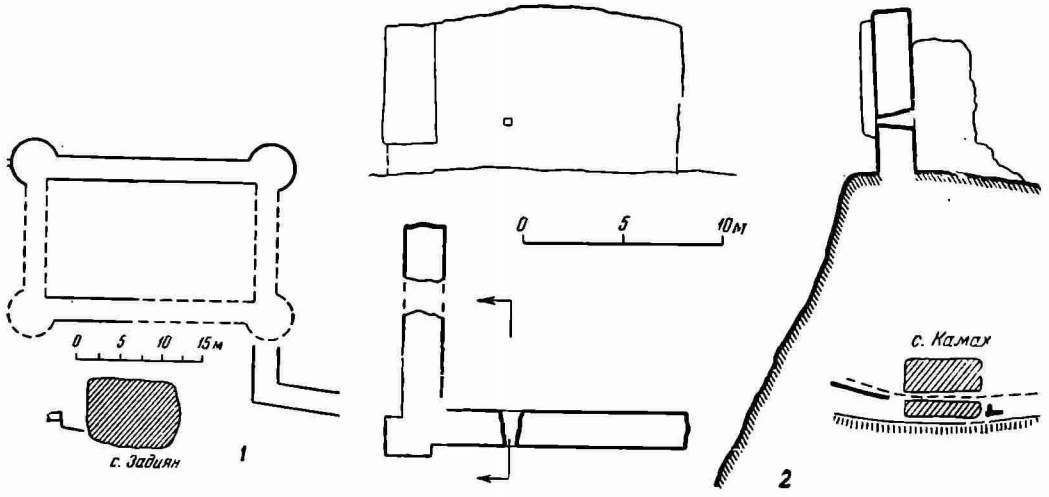
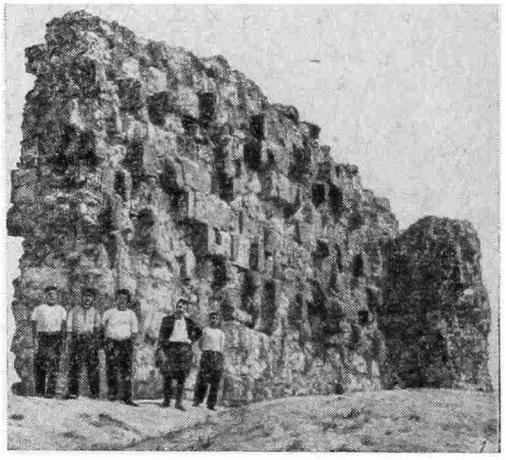


Рис. 6. Остатки Горной стены у Задияна (*1*) и Камаха (*2*); схемы генпланов, планы, разрезы и фасад

рых из этих башен сохранилось небольшое внутреннее помещение, перекрытое ложным сводом, внутренние поверхности камней которого отесаны по кривой, близкой к стрельчатому своду (рис. 5). Из этой камеры в сторону стены ведет узкий (около 70 *см*) ход, перекрытый каменными плитами.



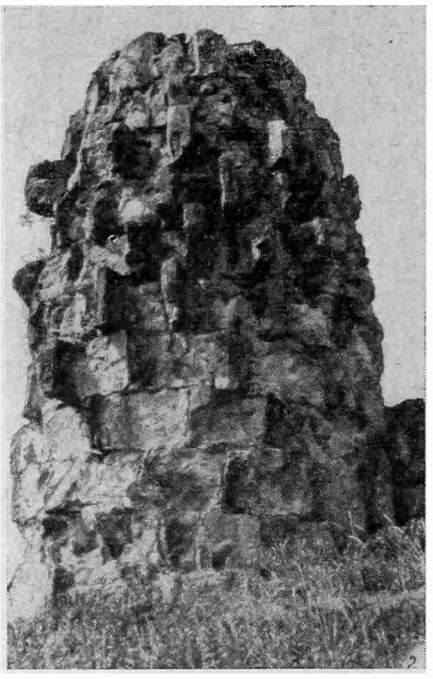


Рис. 7. Остатки Горной стены: *1* — Камах (вид с запада); *2* — Задиян (угловой выступ форта); *3* — Бильгади (восточные ворота крепости)

Толщина Горной стены в долине за Джалганским хребтом равна 3 *м*, а ее конструкция в основном подобна конструкции дербентских городских стен и форта на Джалганском хребте. Однако в облицовке Горной стены (с обеих сторон) на этом участке кроме обычных рядов с чередованием ложков и тычков через каждые три ряда сделан ряд горизонтальных тычков (рис. 4, *з*).

Ступенчатых зубцов, о которых писал Марлинский и рисунок которого опубликовал Пахомов[41], на этом участке Горной стены (как, впрочем, и на всем ее протяжении) нам не удалось обнаружить. Горная стена, перегораживавшая долину за Джалганским хребтом, упирается в обрыв горы Кала Кеджели, где, согласно плану Кантемира и описанию Марлинского, были крепость и форт, а затем по бровке горы идет в сторону с. Митаги. Вблизи Митаги и в самом селении стена не сохранилась (разобрана жителями на строительный материал). Вдоль дороги из Митаги в Камах, идущей вблизи бровки горы, на некотором удалении от селения, появляются сначала вал высотой до 1—2 *м* и разбросанные отдельные камни, а затем и остатки стены, доходящей почти до Камаха.

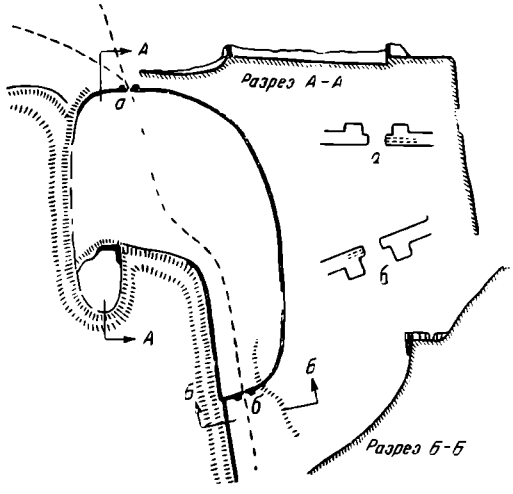


Рис. 8. Крепость в Бильгади: схема генплана, разрезы и план ворот

В самом Камахе сохранился лишь небольшой участок Горной стены, стоящий на краю обрыва (рис. 6, *2*). Это угловой фрагмент стены с небольшим утолщением (прямоугольным выступом) на углу. Его высота 8—9 *м*, длина сторон 15 и 10 *м*, толщина стены 2 *м*.

Облицовка остатков стены в Камахе не имеет рядов из горизонтальных тычков, что, учитывая и толщину стены фрагмента, заставляет предположить, что это был не просто участок Горной стены, а скорее часть крепости или форта (рис. 7, *1*). Кстати, именно на этом месте на планах Кантемира и Коцебу показан форт (или крепость).

Между селениями Камах и Задиян мы не обнаружили остатков Горной стены. Лишь вблизи Задияна сохранились развалины одного форта и подходившего к нему под углом участка стены (рис. 6, *1*; 7, *2*). Местоположение этого форта также совпадает с планом Коцебу.

От Задияна до Бильгади стена не сохранилась. В обороне Горной стены с. Бильгади играло особую роль. Это была крепость, запиравшая выходы из ущелья на плато. Все селение было обнесено стеной с двумя воротами, фланкированными прямоугольными выступами (рис. 8, 7, *3*). Кроме того, на скале, расположенной на краю селения над обрывом и возвышавшейся над ущельем на многие десятки метров, была создана своеобразная цитадель, контролировавшая подходы с севера.

Толщина стены вокруг Бильгади 3 *м*, расстояние между выступами, фланкирующими ворота, 2—2,5 *м*, вынос выступов 2—3 *м*. Ворота запирались изнутри засовом, ходившим в канале в толщине кладки стены (сечение канала 35 × 35 *см*).

За Бильгади вдоль края отвесного склона видны остатки стены в виде вала. На расстоянии около 1,5 *км* от селения, на бровке горы стоит сравнительно хорошо сохранившийся форт обычных размеров (рис. 3, *г*).

---

[41] Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, стр. 45.

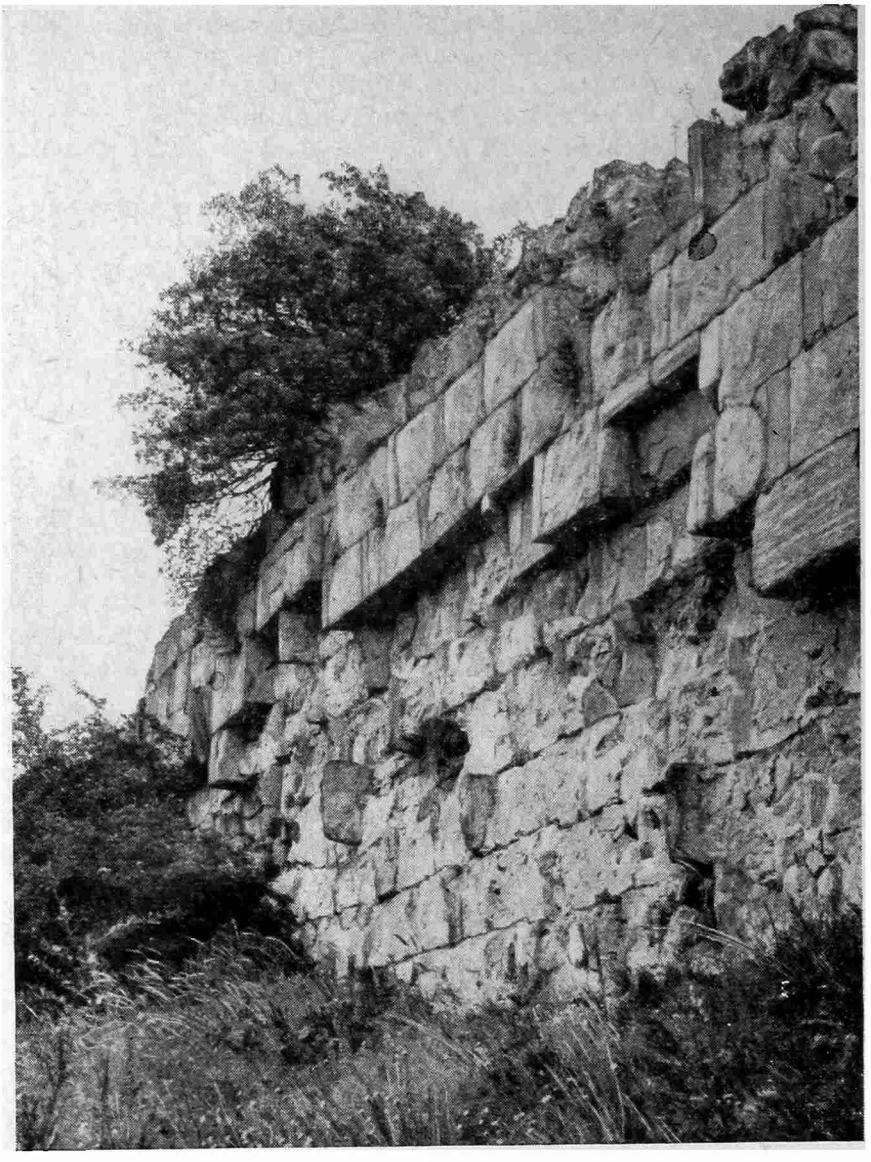


Рис. 9. Большой форт Горной стены западнее Бильгади (снимок 1957 г.)

В 150—200 *м* от этого форта над обрывом сохранился еще один квадратный в плане форт необычно больших размеров (рис. 3, *в*; рис. 9).

С обоих этих фортов далеко на север просматриваются местность и подходы к хребту.

Дальше на запад за большим фортом сохранились также над обрывом остатки еще одного сильно разрушенного форта обычных размеров, около которого расположено небольшое старое кладбище с каменными надгробиями.

За этим третьим фортом ясно прослеживаются остатки стены (вал из камней), идущей вдоль бровки горы, а также сохранился еще один форт, за которым вдоль дороги идет земляной вал высотой до 2 *м*. На некотором расстоянии от четвертого форта вал пропадает, дорога же идет сначала вдоль горы, а затем лесом в междугорье. Здесь вдоль дороги, справа от нее тянутся невысокий вал и ров глубиной до 3 *м*. На расстоянии нескольких километров от четвертого форта по дороге в Гимейди нам не удалось обнаружить ни одного форта (об этом же пишет и Пахомов) [42].

[42] Е. О. Пахомов. До дослідження дагестанської стіни, стр. 329.

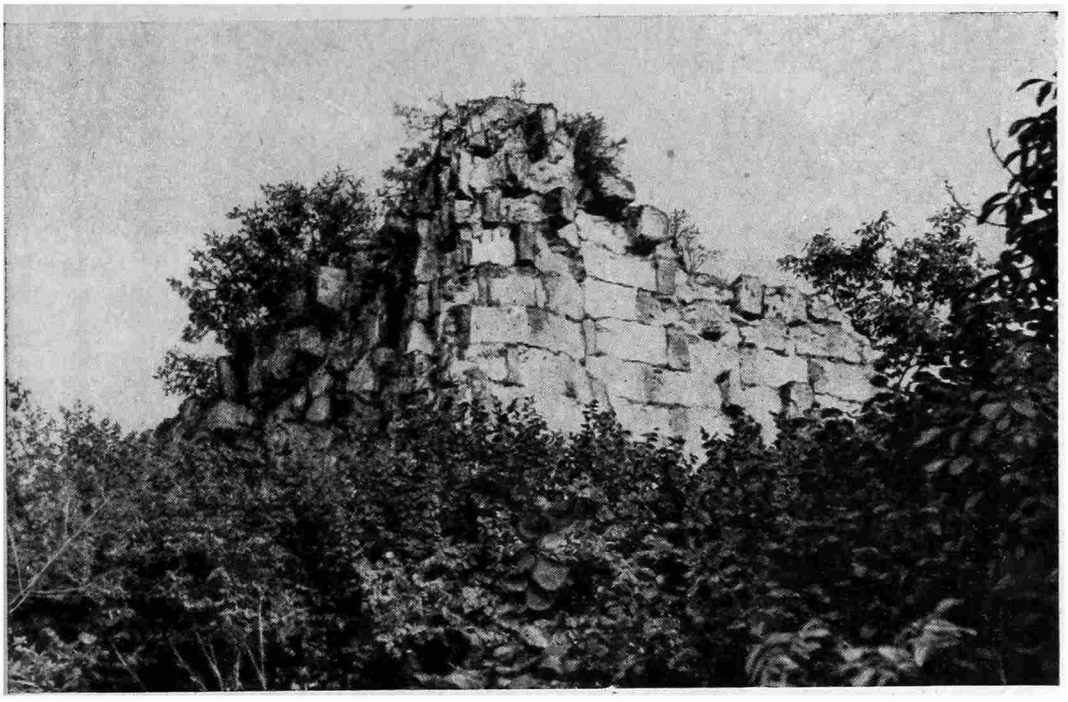


Рис. 10. Форт Горной стены (второй от Зиля) на участке Дарваг — Зиль (снимок 1958 г.)

Участок Горной стены в районе Гимейди — Дарваг (протяженностью 6—8 *км*) нами не обследовался.

На одной из фотографий, хранящихся в дербентском краеведческом музее (№ 410), изображен форт у с. Дарваг. Судя по фотографии, это необычный по планировке форт больших размеров. В стене одной из его сторон (по-видимому, длинной стороны) устроен вход, фланкированный двумя прямоугольными выступами.

Между Дарвагом и Зилем сохранилось в относительно хорошем состоянии не менее семи фортов (рис. 10), расположенных на склонах гор, заросших лесом. В облицовке этих фортов, так же как и в облицовке форта на перевале Джалганского хребта, нет горизонтальных рядов из тычков (т. е. камней, уложенных плашмя); совпадает и толщина стен этих фортов — 2,20 *м*.

От ближайшего к Зилю форта в сторону селения сохранились остатки стены.

За Зилем до следующего форта по краю обрыва, вдоль поднимающейся вверх дороги, тянется естественный каменный парапет высотой до 2—3 *м*. По-видимому, этот парапет играл роль стены между фортами, так как на этой же бровке расположены и остатки первого к западу от Зиля форта, разобранного до фундаментов. Такая участь постигла все форты на участке от Зиля до Татиля.

От некоторых фортов на этом участке Горной стены остались лишь траншеи от фундаментов, у других — фундаменты частично сохранились.

В сохранившихся фортах Горной страны нам не удалось обнаружить никаких остатков внутренних стен. И в то же время почти во всех разобранных до фундаментов фортах четко видны пересекающиеся в центре под прямым углом двойные ленты фундаментов, выходящих даже за пределы наружных стен (рис. 3, *б*). Ширина одной ленты этих фундаментов равна 1,10 *м*. В траншеях разрытых фундаментов видно, что основные стены фортов имели фундаменты глубиной более 1 *м* и, кроме того (так как уровень грунта поднялся), еще часть стен высотой до 80—100 *см*, облицованная тесаным камнем, оказалась в земле (в частности, и цоколь-

Рис. 11. Форт Горной стены севернее селений Татиль и Хапиль (снимок 1958 г.)

ный ряд с выступом). Внутренние же фундаменты в настоящее время вообще лежат под слоем грунта толщиной 50—80 *см* и были обнаружены жителями, разбиравшими форты, лишь в местах их пересечений с фундаментами основных стен. Трудно сказать, для чего предназначались эти внутренние фундаменты, но они частично или полностью выявлены в шести обследованных нами разобранных до фундаментов фортах на участке Зиль — Татиль. Всего на участке Зиль — Татиль было более 10 фортов, расположенных на расстоянии 150—300 *м* друг от друга на поросшей лесом бровке северного склона водораздела. Ни вала, ни рва между ними нам не удалось обнаружить. Однако между четырьмя следующими фортами, расположенными вблизи и западнее Татиля, сохранились остатки вала и рва.

Один из фортов этого участка сохранился сравнительно лучше других (рис. 11). Высота его стен достигает 7 *м*, толщина стен 215 *см*. С этого форта на многие километры на север просматривались подходы к Горной стене.

Ниже этого форта к западу от Хапиля сохранился еще один форт (высота остатков стен до 5 *м*) — последний из числа обследованных нами. Далее по направлению к с. Ягдык и вблизи селения мы не обнаружили остатков Горной стены.

В отличие от фортов, расположенных в долине за Джалганским хребтом и западнее с. Бильгади, размеры которых неодинаковы, форты на участке Хапиль — Зиль имеют стандартные размеры, совпадающие с размерами форта на Джалганском перевале.

Некоторые выводы

1. Характер кладки основных сооружений Горной стены и Дербентской крепости показывает, что они сооружались в течение одного периода, который, однако, можно разделить на четыре этапа: сооружение северной стены Дербента и цитадели, сооружение южной городской стены, сооружение фортов Горной стены, сооружение стены, соединяющей форты Горной стены.

Почему мы считаем возможным разделить строительство сооружений самой Горной стены на два этапа?

Во-первых, одновременность сооружения всех фортов доказывается полной идентичностью размеров, характера кладки, толщины стены, наличия цоколя и т. д. у ближайшего (из числа сохранившихся) к Дербенту форта на Джалганском хребте и у наиболее удаленных от моря фортов в районе Татиля — Зиля.

Во-вторых, неодновременность строительства фортов и соединявшей их стены (или части стены за Джалганским хребтом) подтверждается отсутствием перевязки кладки стен фортов и куртин, а также неодинаковостью примыкания стены к фортам (рис. 7). В ряде случаев стена примыкает к полукруглым угловым выступам фортов, делая их практически бессмысленными. У фортов же в местах примыкания стены сделана тесаная облицовка.

В-третьих, очень важным аргументом в защиту предположения о существовании двух этапов строительства Горной стены является различие в кладке фортов и соединявших их стен. Если облицовка стен фортов состоит из одинаковых рядов с чередованием ложков и тычков, то в облицовке куртин Горной стены, как отмечалось выше, через каждые три ряда имеется ряд из камней, положенных плашмя. То, что такая облицовка более позднего происхождения по сравнению с обычной, применявшейся во всех сооружениях Дербентской оборонительной системы, доказывается и таким фактом. В северной стене Дербента между воротами Кырхляр-Капы и Даш-Капы одна из куртин утолщена с наружной стороны пристройкой [43], причем облицовка этой пристройки (явно позднего происхождения по сравнению с основной кладкой стены), так же как и куртины Горной стены, имеет ряды из камней, положенных плашмя.

2. Строительство стены, соединявшей отдельные форты, по-видимому, не было закончено. Однако это не значит, как пишет Артамонов, что стена существовала и существует только в лощине между Джалганским хребтом и сел. Митаги [44]. Стена ясно прослеживается и на участках от цитадели до Джалганского хребта и от Митаги до Камаха. Есть остатки стены или вала и на других участках (в районе Задияна, Бильгади, Зиля и Татиля).

Дербентская оборонительная система представляла собой не сумму отдельных крепостей и фортов, защищавших горные проходы, а непрерывную линию укреплений, состоявшую из крепостей, фортов, стен с башнями, валов и рвов и включавшую в себя неприступные естественные кручи.

3. Нам кажется, что рано еще считать окончательно выясненным вопрос о протяженности Горной стены, так как крепость над Рубасом, названная Пахомовым «последней», не относится к Горной стене, а поиски им продолжения Горной стены велись, по-видимому, севернее района возможного существования ее остатков. Общая протяженность выявленного в настоящее время участка Дербентской оборонительной системы (от моря до Хапиля) равна около 40 *км*. Если дальнейшие обследования покажут, что Горная стена действительно оканчивается у с. Хапиль, то следует признать, что некоторые арабские авторы дали довольно точное описание Горной стены. Ведь 7 фарсахов длины у Я'куби — это около 40 *км*. Сообщение о том, что стена доведена до Табасарана (Ибн-Хордабе, Мас'уди), тоже подтверждается, ибо Хапиль и Татиль — это первые табасаранские селения на всем протяжении Горной стены. А разве сообщение Я'куби о семи крепостях, охранявших ворота в Горной стене, не подтверждаются расположением такого же количества современных селений вблизи ее остатков (Митаги, Камах, Задиян, Бильгади, Гимейди, Дарваг, Зиль)? Если же к этим семи селениям добавить еще несколько расположенных в окрестностях Горной стены (Джалган, Рукель, Мугарты и др.), то мы получим цифру 14, которую называет Ал-Истахри.

[43] Это утолщение стены показано и на самых ранних планах Дербента — чертежах 1720-х годов (ЦГВИА, ф. 349, д. 1961).

[44] М. И. Артамонов. Древний Дербент, стр. 129.

А. С. ВОСКРЕСЕНСКИЙ, А. П. СМИРНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ (ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИКА) В ВЕЛИКИХ БОЛГАРАХ

Археологические работы на Четырехугольнике до начала работ 1964—1965 гг. проводились дважды: в 1892 г. членами Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Н. А. Фирсовым, И. А. Износковым, Ф. Г. Мищенко и И. Н. Смирновым, а в 1915 г.— членами того же общества В. Ф. Смолиным, В. Е. Крелленбергом и М. Г. Худяковым под руководством С. И. Покровского.

Целью работ в 1964—1965 гг. являлось: установление даты сооружения памятника, выяснение относительной хронологии Четырехугольника и расположенных близ него мавзолеев, известных под названием «Монастырский погреб» и «церковь св. Николая», а также выяснение отдельных конструктивных особенностей памятника.

Для решения этих задач было заложено 13 раскопов, три из них на площади самой мечети. Один раскоп в виде траншеи, прорезав здание с запада на восток, позволил получить профиль и выявить все напластования культурного слоя под зданием. Два дополнительных раскопа позволили выявить его некоторые конструктивные особенности.

11 раскопов были разбиты вокруг здания. С северной стороны здания была проведена траншея от основания большого минарета до мавзолея «Монастырский погреб». Два раскопа (№ 4 и 9) охватили северную стену и две угловых башни. За исключением перерытых участков, раскопанных в предшествующие археологические кампании, была опоясана значительная часть западной стены (раскопы № 1, 5). Раскопы № 6 и 7 охватили южную сторону и, наконец, два раскопа (№ 2 и 8) открыли с внешней стороны восточную стену здания. Раскоп № 2 в виде траншеи проведен между мечетью и мавзолеем «церковь св. Николая». Все раскопы разрабатывались с оставлением бровок, примыкающих к стене, позволивших проследить отношения горизонтов культурного слоя к зданию и определить его дневной уровень. В отдельных местах раскопы были углублены в материк до основания кладки фундамента стены. При вскрытии траншеи между монастырским погребом и основанием минарета (раскоп № 3) и у северной стены на границе с северо-западной башней наблюдались глубокие провалы культурного слоя. В траншее такой провал уходил на глубину около 5 *м*. На памяти жителей с. Болгары на этом месте дважды ушла под землю церковная ограда. Судя по характеру провалов культурного слоя и песка под стеной, эти явления можно объяснить суффозией, широко распространенной в Поволжье [1].

Раскопками установлена следующая стратиграфия культурного слоя.

---

[1] А. П. Павлов. О рельефе равнин и его изменениях под влиянием работы подземных и поверхностных вод. М., 1951.

I (верхний)[2] слой современной деревни представляет собой дерн (с плотной серой супесью под ним) с массой строительных остатков в виде битого кирпича. На отдельных участках в этом слое прослежены прослойки намывного песка. Мощность слоя от 5—10 до 45—50 *см*, а в некоторых местах, где есть ямы,— до 125—150 *см*. К этому слою относятся ямы от столбов на раскопе I и ямы раскопов археологических экспедиций 1892 и 1915 гг. К последнему периоду деятельности Успенской церкви относятся остатки каменной вымостки перед входом в церковь и церковной ограды.

II слой русской деревни XVI—XIX вв. связан с деятельностью монастыря и строительством Успенской церкви. Слой состоит из рыхлой серой супеси с большим количеством строительных остатков в виде известнякового камня и щебня, большемерного кирпича и кусков раствора, глины и горелого дерева. В слое встречено большое количество архитектурных деталей более ранних сооружений. На отдельных участках в профиле прослеживается ряд прослоек глины и угля. Все они содержат русский и болгарский материал. На некоторых участках этот слой отделен от лежащего выше слоя I слоем погребенной почвы толщиной в среднем 6 *см*.

Мощность II слоя в спокойном залегании колеблется от 10—20 до 60—70 *см*. Слой хорошо датируется русским материалом: большемерным кирпичом, фрагментами стекла и русской поливной посудой, поливными зелеными изразцами с желтой розеткой, обломками фарфора и монетами XVIII—XIX вв.

На раскопах 2 и 8 с этим слоем связан ряд христианских погребений. Все обнаруженные костяки лежали в могилах в вытянутом положении на спине, головой на запад, их руки были сложены на груди. Остатки гроба прослежены лишь при одном погребении № 5. В большинстве погребений найдены медные кресты[3]. Два погребения (№ 13 и 14) совершены в одной могильной яме, друг над другом. Глубина могильных ям христианских погребений от 100 до 150 *см*. К этому же слою относятся две большие ямы, прослеженные на участках № 1—3 и 5—6 (раскоп 2).

На раскопе 3 со вторым слоем связаны остатки церковной ограды (сооружения № 2 и 7), две ямы с деревянными ящиками для гашения извести (сооружения № 3 и 4) и две ямы неопределенного назначения (сооружения № 5 и 15). Гашение извести производилось при строительстве Успенской церкви. Следует отметить, что в северо-восточном углу Четырехугольника была вскрыта печь для обжига известняка, сооруженная из большемерного кирпича, аналогичного тому, из которого сооружена церковь. Известняк брали, разбирая северо-восточную башню и восточную стену мечети.

На раскопе 1 ко второму слою относятся три ямы, заполненные строительным мусором (сооружения № 3, 16 и 21).

На раскопе 4 ко второму слою относится яма цилиндрической формы (сооружение № 1) диаметром 150 *см* и глубиной 390 *см*. В ней стоял сосновый столб диаметром 30 *см*. Под развалом большемерного кирпича на участке № 3 обнаружен череп человека и несколько лежащих в беспорядке костей.

На раскопе 9 к этому слою относятся раскопы экспедиции 1892 и 1915 гг. и ямы от столбов ограды.

---

[2] Номенклатура слоев взята по шкале, установленной работами Болгарской экспедиции ИИМК АН СССР с 1937 до 1950 г. I слой — современный, II — русской деревни XVI—XIX вв., III — эпохи Казанского ханства, IV — золотоордынский, V — домонгольский XII—XI вв., VI — домонгольский X в., VII — второй половины I тысячелетия.

[3] По определению сотрудника Отдела металлов ГИМ Е. Н. Дмитриевой, кресты датируются XVIII—XIX вв.

IV слой золотоордынского времени состоит в основном из серой супеси. На раскопах 2 и 8, где находилось древнее булгарское и новое монастырское кладбище XVIII—XIX вв., он довольно аморфен, на остальных делится на два горизонта. Верхний горизонт из серой супеси с большим количеством гипсовой крошки содержит включение строительного мусора, относящегося к строительству стен и башен мечети. В верхней части этого горизонта лежат отдельные камни, груды строительного раствора, хорошо обработанные блоки. В отдельных местах эти остатки залегают на границе с русским слоем. С большой долей вероятности их можно отнести ко времени разрушения мечети. К этому горизонту в нижних пластах относится также и вымостка, прослеженная с северной, западной, восточной и частично южной стороны мечети. Отдельные ее фрагменты наблюдались около стен мавзолеев «Монастырский погреб» и «церковь св. Николая». К этому же горизонту относится верхнее заполнение ряда хозяйственных ям предшествующего периода. Никаких сооружений верхний горизонт не содержит.

Нижний горизонт на большей части раскопов состоит из плотной бурой супеси с большим числом древесных остатков, углистых включений. К нему относится большое число хозяйственных ям и разрушенных жилищ, прослеженных чаще всего в виде развала. Хозяйственные и жилые сооружения, а также остатки деревянных мостовых шириной 3 *м* с южной стороны мечети прослежены на раскопах 1—4, 7, 9. На раскопе 8, где, начиная с домонгольского времени, существовало кладбище, постройки прослежены в небольшом количестве.

На раскопе 4 и на ряде участков раскопа 3 золотоордынский слой отделяет от слоя II прослойка угля и золы мощностью от 10—12 до 30 *см*. Эта прослойка с большой долей вероятности может быть сопоставлена с аналогичными горизонтами угля, обнаруженными в раскопах 30—50-х годов, где они залегали под слоем погребенного чернозема, отделяющего русские слои от болгарских, и может отражать разрушение города войсками Московского князя в 1431 г. Провести точную хронологическую грань между верхним и нижним горизонтами IV слоя из-за малого количества датирующего материала, найденного в 1964—1965 гг., не представляется возможным.

Мощность IV слоя в спокойном залегании колеблется в пределах от 100 до 150 *см*. В раскопе 1 и 9 он значительно тоньше, его средняя мощность 40—60 *см*. Датировать этот слой золотоордынским временем позволяют монеты, полихромная поливная керамика, фрагменты мозаичных вставок и общий комплекс бытовой посуды с преобладанием красных и желтых сосудов хорошего обжига.

Из этого слоя происходит ряд интересных вещей, в том числе обломки древнерусской посуды курганного типа, сердоликовые бипирамидальные бусы, обломок сердоликового перстня, куски селадона зеленоватого и голубого тона, один из которых представляет край чаши с растительным орнаментом, обломок бронзового зеркала с линейным орнаментом. Найдена сюльгама с длинными усиками, датируемая не ранее XIII в. Особый интерес представляет небольшой обломок сосуда с эмалевой росписью зеленоватого тона, с коричневыми полосами и арабской надписью золотистого тона. Сохранившаяся часть надписи прочтена С. А. Яниной и представляет одно слово — «царь». Подобные сосуды в виде бокалов, происходящие из Месопотамии или Сирии, известны в ряде музеев Европы и датируются концом XII—XIII—XIV вв.[4] С. А. Янина считает возможным палеографически датировать их XIV в. Этот обломок стекла встречен в верхнем горизонте раннего золотоордынского слоя с монетой 50-х годов XIII в. К этому слою относятся лемеха прекрасной сохранности, тесла, ножницы и хорошей сохранности сфероконусы (рис. 1).

[4] R. Schmidt. Das Glas. Berlin — Leipzig, 1922, стр. 47—49.

К слою IV относится более 50 хозяйственных ям (сооружения № 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 18 и 20) различной формы, заполненные строительным мусором с небольшим количеством костей и керамики. Стратиграфические данные и полное отсутствие полихромной поливной посуды позволяют отнести эти сооружения к раннему периоду золотоордынского времени.

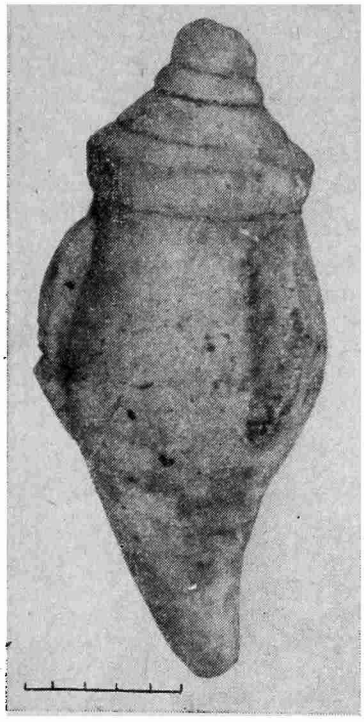


Рис. 1. Сфероконус из золотоордынского слоя

В числе открытых построек интерес представляет сооружение № 1, открытое на раскопе 1. Это сруб 230 × 230 *см* из шести венцов бревен толщиной около 15 *см* каждое. Пол ровный земляной, с остатками угля. Среди находок — красноглиняная посуда с зеленой поливой, серия хорезмийская керамика, бляхи от конской сбруи, костяные щипчики, обломки стеклянных браслетов. В углистом слое на полу обнаружена медная монета Берке-хана (с именем Менгукаана), чеканенная в Булгаре около 1258—1259 гг.[5]

Таково и сооружение № 1 раскопа 2, представляющее собой, по-видимому, подземную часть дома, стенки которого были обставлены вертикальными досками. Ширина жилища 332 *см*, глубина подземной части 90 *см*. Вдоль стенок прослежены остатки столбов диаметром от 10 до 20 *см*. В заполнении подполья (и над ним) находились обломки кирпича толщиной 3,5; 4,5 *см* и очень редко 2,5; 3 *см*, а также штукатурки с отпечатками кирпича тех же размеров. Из датирующих вещей обнаружена поливная керамика хорезмийского типа.

Соружение № 2 раскопа 2 является, очевидно, также остатками подземной части дома. Подполье выложено вертикально стоящими досками. Ширина дома 300 *см*, глубина подземной части 90 *см*. Среди многочисленных кусков известняка найдена полуколонка и фрагменты резного камня. Под рухнувшим в подполье настилом найдены три медные монеты 1334—1335 гг. Там же найдено одно костяное навершье (рис. 2).

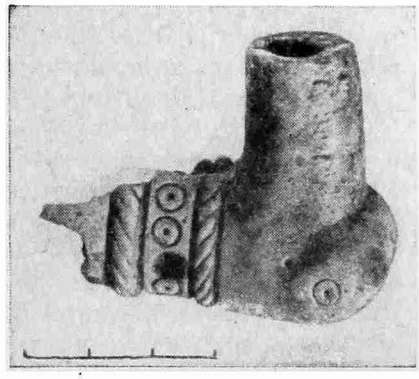


Рис. 2. Навершье рукоятки из кости

Сооружение № 4 сохранилось хуже, уцелел лишь юго-западный угол подполья, где прослежены деревянный столб и деревянные обкладки стенок. В подполье (глубиной 130 *см*) прослежены остатки провалившегося пола. Наземную часть жилища выяснить не удалось. Найденные при раскопках жилища шиферное пряслице, стеклянные браслеты, янтарная многогранная бусина, так же как и данные стратиграфии, позволяют отнести здание к раннему периоду золотоордынского времени. Находки шиферных пряслиц, так же как и стеклянных браслетов, в раннем золотоордынском слое — явление, не редкое в Поволжье. Их неоднократно находили в Болгарах в раскопках предшествующих лет. Все описанные здания построены одновременно в раннезолотоордынское время. Об этом свидетельствуют археологический материал и стратиграфические наблюдения.

[5] Все монеты, найденные в 1964—1965 гг., определены С. А. Яниной.

V—VI слои домонгольского времени хорошо прослеживаются на всех 13 раскопах. От IV слоя они отделяются углистой прослойкой, залегающей во всех раскопах на глубине 80—90 *см* от 0, мощностью от 4—6 до 18 *см*. С большой долей вероятности этот слой пожарища на основании большого датирующего материала, полученного при раскопках 1937—1950 гг., хорошо сопоставляется с разгромом города армией Батыя в 1236 г.

Под этим горизонтом угля залегает пятый домонгольский слой, состоящий из светло-серой супеси с мелкими включениями угля мощностью от 15 до 50—55 *см*, более гумированный в верхней части, постепенно переходящий в подстилающий подзолистый слой. К этому слою относится ряд ям и остатков жилых сооружений. В их числе интересно сооружение № 2 раскопа 1, в котором найден датирующий материал. Там были обнаружены крышка билярского типа и сердоликовая биппрамидальная бусина. В сооружении № 8 найдена белая бусина с рельефными глазками.

Эти находки подтверждают правильность датировки сооружений домонгольским временем.

В раскопах 3—9 с этим слоем связаны хозяйственные ямы различного назначения. Некоторые ямы домонгольского периода прорезаны котлованом мечети.

К домонгольскому слою относится ряд находок IX—XII вв. В их числе: сердоликовые бипирамидальные бусы, черная бусина с крестообразным орнаментом и глазками, глазчатые бусы из нижних горизонтов культурного слоя, обломки лепной керамики с примесью раковины и веревочным орнаментом, поливная голубая керамика на кашинном черепке, обломки грубой керамики с линейным орнаментом салтовского типа. В числе ранних керамических болгарских форм следует отметить крышки билярского типа и красную хорошего обжига гончарную посуду, украшенную орнаментом в виде заштрихованных четырехугольников короткими отрезками. Весь этот материал и находка ранних типов болгарской керамики не оставляют сомнения в отнесении нижнего слабогумированного слоя к домонгольскому времени. К домонгольскому слою относится ряд сооружений, хорошо датируемых не только стратиграфически, но и вещевым комплексом. В их числе сооружение № 16 раскопа 9, где был найден обломок стеклянного сосуда с налепным орнаментом в виде запятой. Небольшие размеры обломка лишают возможности его точно датировать. Однако можно отметить, что по типу орнамента он напоминает ранние бокалы VIII—XI вв. Налепной орнамент существует на протяжении долгого времени, и сам по себе этот технический прием не является датирующим признаком, но налепы в виде запятой или, как некоторые называют, хоботка характерны для стеклянных сосудов V—VIII—IX вв.[6].

Большой интерес представляет кладбище, расположенное между восточной стеной мечети и мавзолеем «церковь св. Николая». Здесь в 1964 г. было раскрыто значительное число христианских захоронений XVII—XIX вв. Тогда же было обнаружено три погребения золотоордынского времени (№ 15, 16, 17). Костяки этого времени лежали на правом боку, головой на запад, лицом к югу, с вытянутыми руками и ногами. Дневные уровни могильных ям находились на слое пожара 1236 г., что позволяет говорить о том, что погребения были совершены сразу после монгольского погрома.

В 1965 г. было обнаружено 23 погребения золотоордынского времени. Все они найдены в гробах, о чем можно судить по древесному тлену, прослеженному в отдельных могилах, и по находкам в большинстве могил железных гвоздей. Все покойники полагались на спине, вытянуто, головой на запад, лицом к югу. Руки, как правило, положены на тазовых костях.

---

[6] R. Schmidt. Ук. соч., стр. 29—32.

Один костяк лежал лицом кверху. Вещей при покойниках найдено не было. Определение возраста погребенных основано на данных стратиграфии. Все отмеченные могилы залегают выше домонгольского слоя и сверху перекрыты мостовой, построенной в 30-х годах XIV в. Их дневной уровень лежит в золотоордынском слое. Были открыты и погребения домонгольского времени. В 1964 г. была открыта могила № 7, перекрытая слоем пожарища, относимого к 1236 г. Костяк лежал на спине, лицом на север, с руками, вытянутыми вдоль тела. В 1965 г. было открыто две могилы этого же времени. Покойники лежали в прямоугольных ямах. При исследовании были найдены гвозди от гроба. Погребения были перекрыты слоем пожарища 1236 г. и выбросом из котлована мечети (могилы № 13, 14). Оба покойника лежали на спине головой на запад, лицом на юг. Кисти рук лежали на тазовых костях, ноги вытянуты. Вещей при погребении не было. Возраст определяется стратиграфическими данными. Рассмотренный могильник относится к числу типичных мусульманских. Так хоронили здесь, начиная с домонгольского времени. Строгостью ритуала данное кладбище отличается от могильника на Бабьем Бугре, где отклонения от мусульманского ритуала весьма значительны. Некоторые погребения там сопровождались вещами. Однообразие захоронений X—XII вв. и золотоордынского времени заставляет предполагать, что где-то близ церкви Успения могла находиться и ранняя мечеть, упоминаемая в записках Ибн-Фадлана.

Благодаря исследованию болгарских погребений, открытых раскопками 1964 г., из которых костяк погребения № 16 лежал рядом с восточной стеной мечети, получает объяснение и погребение, открытое при раскопках 1915 г., в котором найдена монета, упоминаемая В. Ф. Смолиным[7].

Основной задачей археологических раскопок 1964—1965 гг. явилось исследование мечети, вошедшей в науку под именем «Четырехугольника».

Приступая к исследованию «Четырехугольника», экспедиция должна была считаться с предшествующими раскопками, в значительной мере нарушившими целостность памятника. К сожалению, не располагая иллюстративным и чертежным материалами исследований 1892 и 1915 гг., мы не могли определить места старых раскопов. Только в отдельных местах в северной стороне здания остались следы хищнических раскопок последнего времени. Нами была проведена нивелировка площади пола и установлено некоторое понижение в центральной части. Судя по профилю траншеи, здесь и была вскрыта площадь экспедициями 1892 и 1915 гг. В своих работах мы стремились не нарушать целостность памятника без крайней необходимости и старались по возможности сохранить сооружение нетронутым. Экспедиция поставила своей задачей расчистить пол от позднейших напластований, произвести в нескольких местах зачистку, а также получить полный профиль подпольной части для выяснения стратиграфии и подпольных конструктивных частей здания. Поэтому кроме зачисток пола в углах здания поперек мечети была заложена траншея, прорезавшая все напластования до материка.

Как выше отмечено, центральная часть городища была застроена в домонгольский и раннезолотоордынский период. Остатки различных сооружений были прослежены как с наружной стороны здания, так и внутри. Это наблюдалось и в траншее, проведенной поперек мечети в 1964 г., и в раскопах № 10 и 11 1965 г., где были открыты остатки деревянных наземных домов с деревянным полом и подпольем, а также хозяйственные сооружения. В XIV в. в этой части города рядовых построек не было. Изучение профилей раскопок достаточно ясно показало, что строительство мечети относится ко времени золотоордынского слоя, который

[7] В. Ф. Смолин. Отчет об археологических раскопках в Болгарах в июне 1915 г. ИОАИЭ, XXX, 1, Казань, 1919, стр. 70.

хорошо отделяется от домонгольского полосой пожарища, хорошо датируемого на основании материала раскопок предшествующих лет временем Батыева погрома. Сопоставление всего стратиграфического материала достаточно ясно свидетельствует о нескольких периодах в строительстве здания. Начало постройки мечети относится ко времени самого начала золотоордынского периода, когда был вырыт ленточный котлован и заложен фундамент здания. Дневной уровень мечети, т. е. уровень почвы, по которому ходили ее строители, к западу от здания лежит на слое погрома 1236 г. или чуть выше (рис. 3). Такую же картину наблюдали и с трех других сторон мечети и с внутренней стороны восточной стенки. Выкид песка и глины из ленточного котлована лежит или непосредствен-

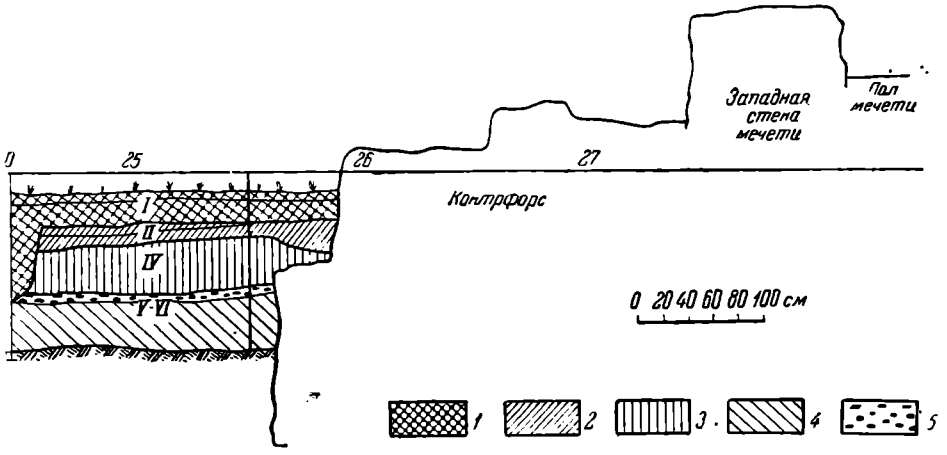


Рис. 3. Профиль северной стены раскопа I

1 — современный слой; *2* — слой русской деревни XVI—XIX вв.; *3* — золотоордынский слой; *4* — домонгольский слой; *5* — уголь

но на слое Батыева погрома или на тонкой прослойке, относящейся к началу золотоордынского времени. Здесь же заметны скопления строительного раствора. Выкид из котлована прослежен только с наружной стороны здания. Однако граница котлована установлена и с внутренней стороны здания в раскопе № 10. Датировку мечети золотоордынским временем подтверждают и культурные слои, расположенные под полом мечети.

Траншея, перерезавшая здание соборной мечети поперек, вскрыла следующие слои: вымостка пола; под ней довольно мощный слой известковой субструкции; ниже, на некоторых участках, земляная подсыпка, сделанная, по-видимому, в целях нивелировки; ниже золотоордынский слой мощностью 20—50 *см*. На ряде участков прослежен слой пожарища 1236 г. и ниже него домонгольский слой, лежащий на материке. На участках, где были заложены раскопы в 1892 и 1915 гг., структура культурного слоя нарушена.

В четырех местах прослежены фундаменты колонн, сложенные из крупных мало обработанных камней на извести. Фундаменты колонн прорезали всю мощь культурного слоя и врезались в песок.

Если у кого-либо из исследователей и оставалась доля сомнения в правильности отнесения постройки к золотоордынскому времени, то после обнаружения напластований этого времени под полом здания такие сомнения не имеют никаких оснований.

Особенно четко это видно на раскопе № 10. Здесь под растительным слоем прослежена растрескавшаяся обмазка пола, лежавшая на слое камней толщиной до 10 *см*. Ниже залегает слой субструкции толщиной 74—

84 *см*, состоящей из тонких прослоек: извести с мелкими камнями — 15 *см*, слоя желтоватого песчаника — 14 *см*, культурного слоя, перемешанного с известкой,— 15 *см*; слоя мелкой гальки с известкой — до 10 *см*; желтоватого песчаника — до 9 *см*; культурного слоя со строительным раствором — 14 *см*. Ниже залегает слой утрамбованной глины толщиной 30 *см*.

На слое под глиной проходит одна и в некоторых местах две прослойки плотного известкового раствора, попавшего, по-видимому, в результате работ по укладке стены.

Ниже залегает супесчаный культурный слой с обломками кирпича, кусков обожженной глины, угля. В южной части профиля видны остатки строений и ям, горизонтальный слой угля, по-видимому, остатки пола какого-то жилища. Ниже на уровне 95 от 0 проходит слой пожарища 1236 г., приблизительно на том же уровне, как и на других профилях культурного слоя. Под ним залегают напластования домонгольского слоя в виде слабо гумированной супеси с небольшим числом культурных остатков, в частности угля и керамики. В этих пластах прослежены остатки сгоревшего дома. На границе домонгольского слоя, несколько выше слоя пожарища, хорошо видна линия дневного уровня рытья котлована и укладка фундамента. Эта линия проходит на глубине 155 и 165 *см* от 0. На верхней грани культурного слоя, на линии строительного раствора (глубина 42 *см* от 0) проходит дневной уровень укладки стен мечети.

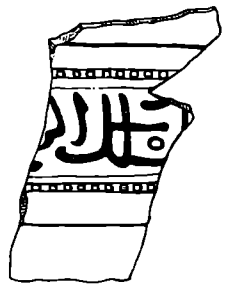


Рис. 4. Обломок стеклянного сосуда с арабской надписью

Датировку культурного слоя позволяют уточнить две золотоордынские монеты, найденные под полом мечети. Первая из них происходит из раскопа № 10, где она была найдена в квадрате 1 в штыке 8 под забутовкой. Это пул времени правления Берке-хана без места и года чеканки (около 1258—1259 гг.). Вторая аналогичная монета была найдена на раскопе № 11 на глубине 8 штыка (1,84 *м*) в засыпи культурного слоя для нивелировки поверхности. Кроме монеты там же найден кусок стеклянного полихромного сосуда с арабской надписью (рис. 4) и обломок стеклянного браслета.

Эти монеты позволяют датировать слои и здание 60-ми годами XIII в. Его строительство было начато вскоре после восстановления города в экономически трудный для города период. Эта дата довольно хорошо устанавливается по стратиграфии культурного слоя. Кладка стен здания проводилась значительно позже. Еще позднее было закончено строительство мечети. Значительный разрыв в отметках дневного уровня от 80—70 до 40 *см* и до нулевой отметки, на уровне которой была выложена вымостка вокруг здания, не оставляет в этом никакого сомнения. Эта вымостка в целом виде прослежена на раскопах 4, 7, 8, 9 и 13 и в разрушенном виде на раскопе 3. Она была устроена после завершения строительных работ вокруг мечети и представляла собой площадь, на которую выходили мавзолей «Монастырский погреб» и так называемая «церковь св. Николая». Было засыпано сооружение, обнаруженное нами в раскопе 2 вокруг мечети. Перестал функционировать могильник. Его площадь также оказалась под мостовой. Это событие может быть датировано после 30-х годов XIV в., так как в засыпи сооружения № 2 раскопа 2 были найдены три монеты, чеканенные в Булгаре в 1333—1334 г.[8] Эта дата является крайней для определения окончания постройки мечети. В старой литературе не раз высказывалось мнение о датировке «Четырехугольника» эпохой хана Узбека. На основе стилистического анализа А. С. Башкировым в

[8] Опись коллекции 1964 г. № 1063—1065.

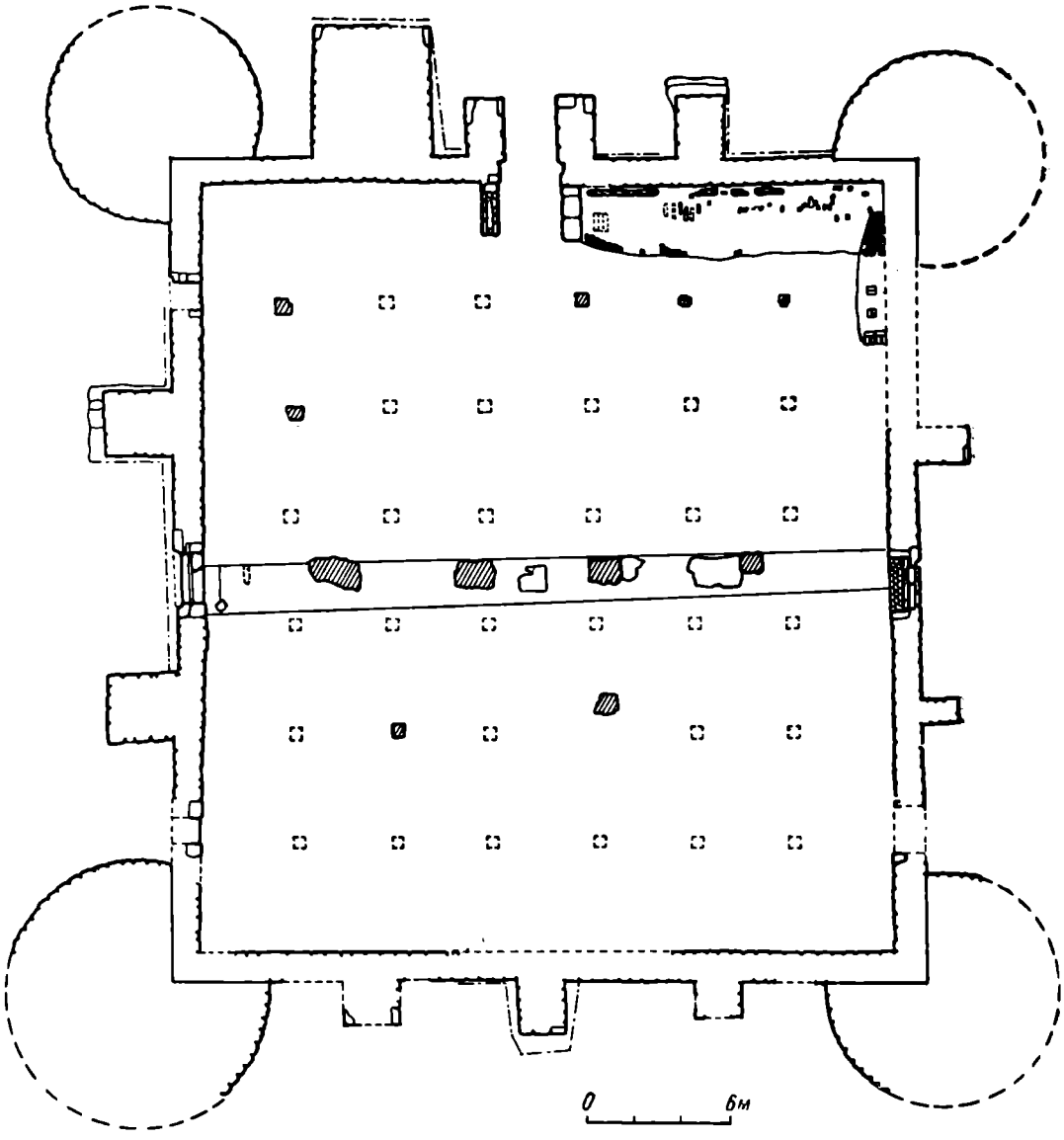


Рис. 5. План мечети

1929 г. достаточно убедительно была основана установленная и нами дата — конец XIII — начало XIV в.

В нашу задачу не входил анализ стилистических особенностей здания, хотя полученные фрагменты декора позволяют это сделать. В трудах А. С. Башкирова и В. В. Егерева было хорошо выявлено влияние среднеазиатской и закавказской архитектуры на болгарскую. Местные мастера, как справедливо отметил В. В. Егерев, переработали архитектурные формы и конструктивные детали в соответствии с местными требованиями [9].

Соборная мечеть, известная под названием «Четырехугольник», в плане представляет собой неправильный прямоугольник, близкий по пропорциям квадрату (рис. 5). Его северная стена внутри здания равняется 280 *см*, южная — 288 *см*. На некоторое расширение южной стены было обращено внимание в литературе. Так, несколько трапециевидную форму здания отметил В. В. Егерев, считая это влиянием Средней Азии, где центр тяжести культовых зданий очень часто перемещался в сторону мих-

[9] В. В. Егерев. Архитектура города Болгара. МИА, 61, 1958, стр. 377.

Рис. 6. Юго-восточная башня. Виден шов

раба. Длина западной и восточной стен — 316 *см*. Главный вход в мечеть, находившийся с северной стороны, равен 220 *см* и ограничен выступающими пилонами. С западной и восточной сторон существовали дополнительные входы с небольшими тамбурами. По два окна на каждой из боковых сторон освещали помещение мечети. Толщина стен, сложенных из нерегулярных кусков известняка и песчаника, 120—130 *см*. Стены были укреплены контрфорсами, кладка которых перевязана со стеной мечети. С южной стороны стена была укреплена тремя контрфорсами. Михраб, утопленный в массиве стены, по-видимому, достигал центрального контрфорса. Кроме основной роли, контрфорсы содействовали погашению распора стен от внутренних аркад [10].

Углы здания охватывают ступенчатые башни, расширяющиеся к основанию [11]. Эти башни-контрфорсы поставлены впритык. Между стенами мечети и внутренним заполнением башен хорошо виден шов (рис. 6). А. С. Башкиров ошибочно утверждал, что кладка угловых башен представляет одно целое со зданием [12]. Совершенно необоснованно он оспаривал наблюдения В. Ф. Смолина, который на основании стилистических данных относил постройку башен к более позднему времени по сравнению со стенами [13].

Экспедиция не проводила обмеры башен, и на план они нанесены только по внешнему абрису. Все башни оказались разного диаметра: северо-западная — 9 *м*; северо-восточная — 8,6 *м*; юго-западная — 10,88 *м* и юго-восточная — 9,70 *м*. Как видно из промеров, башни южной стороны несколько больше северных. На различие в размерах башен в свое время обратил внимание И. Лепехин, обмеривший их окружность [14]. В. В. Егерев убедительно доказал назначение этих башен служить угловыми контрфорсами. При незначительной ширине стен надобность в таких контрфор-

---

[10] В. В. Егерев. Ук. соч., стр. 377.

[11] А. С. Башкиров. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1929, стр. 41.

[12] Там же, стр. 41.

[13] В. Ф. Смолин. Отчет об археологических раскопках в Болгарах..., стр. 71.

[14] Иван Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768, 1769 г. СПб., 1771, стр. 270.

Рис. 7. Кладка южной стены

сах древним строителям была очевидна [15]. Известковый раствор по составу относится к двум группам. Образцы первой взяты из западной и нижней части северной стены здания. Образцы второй группы происходят из верхней части северной стены, а также из восточной и южной стен. Раствор состоит из извести, изготовленной из доломитизированных известняков. Наполнителем растворов был кварцевый песок, частично окрашенный окислами железа, и мелкие обломки различных горных пород [16]. Один из растворов имел добавку гипса. Различие в составе, может быть, объясняется различием во времени постройки.

Стены сложены, как это было принято в восточной архитектуре, из двух панцирей, с забутовкой внутреннего пространства мелким камнем на извести. Это очень четко прослежено на угловых башнях, на пилонах входа и менее ясно — на протяжении стен, где в отдельных местах кладка сплошная, без внутренней забутовки. Кладка в отдельных частях здания различна. На четырех угловых башнях она состояла из хорошо подогнанных туфовых квадров. Пилоны главного входа, основание минарета и контрфорсы были сложены из крупных блоков. От них резко отличается несколько небрежная, неровная кладка самих стен (рис. 7). Неровная кладка заметна и с внутренней стороны, где стены клались под штукатурку. Куски последней наблюдали исследователи на южной стене и в углах южной и северной стен.

Такая разнохарактерная система кладки была широко распространена в то время в областях Византии (Малая Азия, Балканы), в Закавказье

[15] Архитектор С. С. Айдаров при обследовании мечети в 1965 г. обратил внимание на некоторый наклон во внешнюю сторону восточной стены у северо-восточной башни, что свидетельствует о ее деформации еще до постройки башни. Это могло заставить строителей укрепить углы здания, поставив своеобразные контрфорсы в виде башен. Их кладка налегает на выступ фундамента ранее возведенной стены.

[16] Химический анализ образцов строительных растворов из соборной мечети городища Болгары. Заключение ЦГРМ, инв. 188, шифр 80ж.

и Крыму, где стены часто клались из бутового слегка подтесанного камня, и лишь важные в декоративном отношении части постройки (пилястры, арки, углы здания) отделывались тщательно обработанными блоками [17].

Была ли мечеть оштукатурена снаружи? По-видимому, да. Материалы, полученные в 1965 г., заставляют положительно решать этот вопрос. На ряде участков стены прослежены остатки слоя извести. Да и сам характер кладки заставляет предполагать наличие штукатурки.

Стены и башни имели фундамент глубиной от 220—240 *см*, минарет стоял на фундаменте мощностью 270 *см*. Деревянные сваи, обнаруженные при раскопках 1915 г. под западной стеной, были нами зафиксированы в 1965 г. на ряде раскопов. В шурфах, заложенных под западной, восточной и южной стенами, под контрфорсами южной стены и под юго-восточной башней, были прослежены дубовые сваи диаметром 80—120 *см*, длиной 70—80 *см*, расположенные рядами с интервалами 15—20—25 *см*. Две сваи мы проследили в 1964 г. у северо-восточной стены.

Пол был поднят на 80—90 *см* над уровнем вымостки мостовой вокруг мечети. Над уровнем материка пол возвышался на 320 *см*, что было установлено еще прежними исследованиями [18]. Перед входом с северной стороны, где вымостки не было, оставался свободный участок 220 × 76 *см*; там, по-видимому, была установлена лестница, от которой не сохранилось никаких следов.

Исследователи болгарской архитектуры отмечают, что внутренняя часть здания была разделена на пять нефов четырьмя рядами колонн, по пять в каждом ряду [19]. Между тем, экспедиция 1892 г. отметила другой порядок расположения колонн, поставленных в шесть рядов по шесть в каждом ряду, т. е. всего 36 [20].

Наши исследования обнаружили следы двух планировок, из которых к первой пять колонн, поставленных в четыре ряда, относятся к первоначальной постройке, а вторая планировка является результатом капитального ремонта здания. Об этом можно судить и по наличию трех полов, последовательно сменивших один другой. Первый и последний пол сделаны по одному способу. Второй пол был деревянным. Качество облицовки и состояние первого пола достаточно хорошее, что хорошо видно на открытых участках, особенно вдоль стен. В остальной части он прогнулся и дал осадку. Эта деформация пола произошла, по-видимому, потому, что под зданием находился культурный слой с остатками деревянных сооружений, представлявших собой весьма нестойкую подстилающую массу. Деформация пола заставила произвести ремонт, следы которого были обнаружены в северной и южной частях зданий. На прогнувшийся пол был положен деревянный. С запада на восток, поперек здания были уложены слеги с интервалами около 80 *см*, на которые клались рубленые доски. Этот пол позднее сгорел. Его остатки наблюдали все исследователи, занимавшиеся изучением «Четырехугольника», но приняли его за упавшую кровлю. Между тем, остатки пола, доски и слеги залегали в определенном порядке. Слега под настилом лежала поперек здания вдоль северной стены. Перпендикулярно ей лежали доски или бруски от настила пола. Если бы эти деревянные части принадлежали потолку, то при падении они не могли бы лечь в таком строгом порядке. Кроме того, они легли бы сверх верхнего пола, а не под ним, как это наблюдалось нами.

Отмеченный пожар мечети с большой долей вероятности можно связать с разрушением города Булак Тимуром в 1361 г. Последовавший за этим тяжелым событием третий ремонт здания оставил нам третий пол в виде

---

[17] А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.— Л., 1964, стр. 97.
[18] В. В. Егерев. Ук. соч., стр. 379.
[19] Там же, стр. 378.
[20] ОАК за 1902 г. СПб., 1903, стр. 67—69.

известковой, сильно растрескавшейся вымостки. Как показал химический анализ, раствор, применявшийся для заливки пола, обладает бóльшей прочностью, чем связующий раствор, применявшийся для кладки стен. Известь этих растворов магнезиальная, тощая. Большое количество в ней кремнезема относится за счет глинистых примесей и добавок белой глины. Отмечено большое количество серного ангидрида, попавшего в результате добавки гипса.

Как выше отмечено, первый пол лежит на слое субструкции 30 *см* толщиной, состоящей из прослоек мелких известковых камней в массе темно-желтого песка и гумуса.

С верхним полом связана другая планировка мечети: разбивка ее пространства на семь нефов по шесть колонн в ряду. Постаменты колонны закреплены в субструкции верхнего пола. Можно предполагать, что восстановление мечети относится ко времени непосредственно после 60-х годов XIV в., когда город Болгары переживал время экономического упадка.

Характеризуя внешность мечети, В. В. Егерев справедливо заметил: «Внешность мечети своей монолитной массой, почти не нарушаемой малым количеством проемов, должна была вызывать впечатление монументальности и силы. Гладкие поверхности стен не были однообразными, так как они оживлялись игрой глубокой светотени от резко выступавших контрфорсов здания».

При раскопках нами были найдены архитектурные детали: крупные куски от портала с геометрическим орнаментом, фрагменты полуциркульных арок с растительным узором, полуколонны и мелкие орнаментированные фрагменты. Этот резной камень несомненно составлял декор внешней поверхности здания. Он заставляет вспомнить, что еще в 40-х годах нашего столетия на западной стене мечети сохранялись резные доски, обрамлявшие проемы окон. Несомненно, сочетание тщательно подогнанных блоков в контрфóрсах, наличниках окон, проемах дверей главного входа и угловых башен с оштукатуренной поверхностью стен с нишами[21], дававших игру светотени, должны были усиливать художественное восприятие замечательного творения болгарских зодчих.

Среди строительного мусора были найдены: часть строительной надписи, гипсовые отливки крупных деталей, в частности блоки, украшенные сталактитами. Найдены и штыри, которыми закреплялись эти детали в верхнем орнаментальном поясе стен мечети. Внутренняя поверхность мечети была оштукатурена.

При раскопках были обнаружены мелкие куски оконного стекла. В то время оконное стекло было широко распространено в архитектуре, его знал весь Восток. Было бы странно, если бы такое замечательное сооружение, как болгарская соборная мечеть, не имело окон со стеклом.

Исследования, проведенные в 1964—1965 гг., дали значительный материал, позволяющий уточнить время сооружения мечети, ее историю, открыли ее северный и южный фасады и найденные архитектурные детали позволят представить декоративное оформление мечети.

Мечеть начали строить непосредственно после нашествия Батыя, в тяжелое время для государства, когда вся страна лежала в развалинах. Приступая к строительству мечети, феодальная знать учитывала, по-видимому, роль религии в идеологическом воспитании народа.

Тяжелое экономическое положение государства не позволило довести постройку до конца. Выложенный фундамент был заброшен, и на всей этой территории продолжали жить горожане. Только в 60-х годах XIII в., а вернее в конце XIII в., строительство было продолжено.

---

[21] Ниши около окон западной стены были открыты в 1965 г. архитектором С. С. Айдаровым.

Кладка стен, по-видимому, относится к самому концу XIII в. или к рубежу XIII—XIV вв. В начале XIV в. были построены башни. Разница во времени между постройкой стен и башен незначительна. К этому времени относится нижний пол. Когда был положен второй пол (деревянный), решить нельзя. Не ранее конца 30-х годов XIV в. была вымощена площадь. На этой площади существовало два мавзолея, известных под названием «Монастырский погреб» и «церковь св. Николая». Рядовое городское кладбище у восточной стены мечети прекратило свое существование. Раскопки 1964—1965 гг. дали доказательства отсутствия с северной стороны здания крупного портала типа среднеазиатского пиштака и выступающего михраба, который, по-видимому, был скрыт в толще южной стены здания.

Заметки

С. К. НАКЕЛЬСКИЙ, Н. Н. КАРЛОВ

ОСТАТКИ ИСКОПАЕМОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА В СРЕДНЕМ ПРИДНЕПРОВЬЕ

Как известно, костные остатки ископаемых доисторических людей, в особенности эпохи палеолита, встречаются редко и поэтому каждая подобная находка представляет исключительный научный интерес. В Среднем Приднепровье первая достоверная находка костных остатков палеолитического человека была сделана в 1947 г. против порога Вольного, в 2 *км* к югу от с. Вольно-Адреевского и в 800 *м* ниже устья р. Волнянки. А. В. Бодянский обнаружил здесь два фрагмента черепных крышек неандерталоидного типа (один фрагмент в слое in situ, а второй — ниже слоя, на поверхности склона), а также кремневые отщепы от орудий позднемустьерского типа, в том числе типичный остроконечник[1]. Известны палеоантропологические находки и в Крыму, области, близкой к Поднепровью[2], и на Балканском полуострове (в Румынии, в местности Бая-де-Фер[3], и в Греции в Петролона[4]).

Еще одна находка костных остатков ископаемого человека сделана в 1958 г. С. К. Накельским на палеолитической стоянке Романково, открытой Н. Н. Карловым в 1957 г. на строительстве Днепродзержинской ГЭС. Эти остатки представлены целой бедренной костью, сильно фоссилизированной и покрытой снаружи черной блестящей защитной коркой с пустынным лаком, которые образовались в тонком (менее миллиметра) поверхностном слое кости в результате отложения железисто-марганцевых соединений под действием интенсивной инсоляции с последующей полировкой поверхности этой защитной корки зернами минеральной пыли и очень тонкого песка, в условиях очень сухого и холодного климата перигляциальной зоны. Этот, казалось бы на первый взгляд, несущественный признак весьма важен потому, что он подтверждает одновременность захоронения и одновозрастность упомянутой бедренной кости палеолитического чело-

---

[1] Н. Н. Карлов. О некоторых мустьерских и ашельских охотничьих стоянках Среднего Приднепровья в связи с вопросом их датировки. БКИЧП, 1953, 17, стр. 55; Т. С. Кондукторова. Фрагменты черепов из района Днепропетровска. Сб. «Ископаемый человек и его культура на территории СССР». Уч. зап. МГУ, 158, М., 1952, стр. 223.

[2] А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, 71, 1958, стр. 61—75; Я. Я. Рогинский. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье. СЭ, 1954, 1, стр. 27—39.

[3] К. С. Николэеску-Плопшор. К изучению палеолита Румынии. СА, 1962, 3, стр. 123.

[4] А. Н. Пулианос. Открытие черепа палеолитического человека в Греции. ВА, 8, 1961; его же. Новые находки палеолита в Греции. СА, 1963, 2, стр. 229.

века и найденных совместно с нею костных остатков четвертичных млекопитающих и других животных, а также орудий труда человека, которые тоже покрыты черным и темно-бурым пустынным лаком с сильным блеском. Благодаря пустынному лаку кремневые орудия романковского человека многие ошибочно принимали за изготовление из черного вулканического стекла — обсидиана. Следует подчеркнуть, что найденные там же более поздние кремневые орудия нового каменного века не покрыты черным пустынным загаром и лаком. Пустынный загар и лак также подтверждает большую древность найденной в Романково бедренной кости ископаемого человека и сопровождающих ее орудий труда, которые по времени соответствуют первой половине наибольшего (рисского или днепровского) оледенения Евразии.

Этот вывод вытекает из следующих данных. По нашим наблюдениям, подтвержденным наблюдениями ряда геологов (доцентов Днепропетровского горного института Ф. М. Дыссы, Ю. М. Зоткина и Е. В. Пермяковой, доцента Днепропетровского инженерно-строительного института А. И. Кравченко и др.), в Романково на размытой поверхности докембрийских кристаллических пород залегает конечная морена днепровского стадиала, имеющая мощность до 3 *м*. Она состоит из плотно слежавшегося разномерного щебня, смешанного с разнозернистым кварцевым песком и валунами из весьма разнообразных по своему петрографическому составу крепких пород, в том числе экзотических, имеющих северное происхождение и явно чуждых Днепропетровской обл. (рапакиви, порфиров, долеритов, красных и розовых шокшинских кварцитов, темно-серых магнетитовых кварцитов, черных фтанитов, яшм и прочего). На некоторых валунах имеется типичная ледниковая шлифовка со сглаживанием выступающих углов и ровными плоскостями, покрытыми характерными бороздами и глубокими шрамами. Наличие в породе тонкой как пудра железистой пыли указывает на то, что в данном случае мы имеем дело с неперемытой ледниковой мореной в коренном залегании, но ни в коем случае не с «аллювиальной брекчией», «перлювием» и тому подобными речными, либо водно-ледниковыми отложениями.

Выше морены располагается толща светлых и мелко- и среднезернистых рыхлых кварцевых речных песков первой (пойменной) террасы Днепра, имеющих мощность до 9—12 *м* и несомненно относящихся к голоцену, что доказывается составом и сохранностью содержащейся в них современной фауны пресноводных моллюсков, а также наличием в них памятников неолитической и более поздних культур.

Таким образом, цоколем первой террасы в данном месте является конечная ледниковая морена днепровского стадиала, в которой были найдены бедренная кость ископаемого человека и кости плейстоценовых млекопитающих, в том числе мамонта, слона-трагонтерия, шерстистого носорога, древнего длиннорогого бизона, древнего измельчавшего бизона, первобытного быка-тура, лошади, близкой к хозарской, крупного осла типа кулана, германского большерогого оленя (подвида Руффа), лося, благородного и северного оленей, европейской косули, козла или барана, пещерного медведя, пещерной пантеры, волка, бобра, степного сурка-байбака, суслика, каких-то крупных болотных птиц и речной (европейской) черепахи. Этот состав фауны указывает на открытое степное пространство с островными или галерейными лесами, на близость реки и на умеренный климат без сильного похолодания (нет песца, копытного лемминга и других арктических видов, а также весьма редки остатки северного оленя).

Совместно с бедренной костью человека и костными остатками плейстоценовых животных, найденных на дне котлована в не выбранной из него нижней части слоя конечной ледниковой морены, были обнаружены кремневые орудия и отщепы, в том числе два грубых асимметрических острокопечника (рис. 1, *1*, *2*), одна широкая пластина (рис. 1, *3*), фрагмент глубокого рубящего орудия и скребло (рис. 1, *4*), изготовленные из

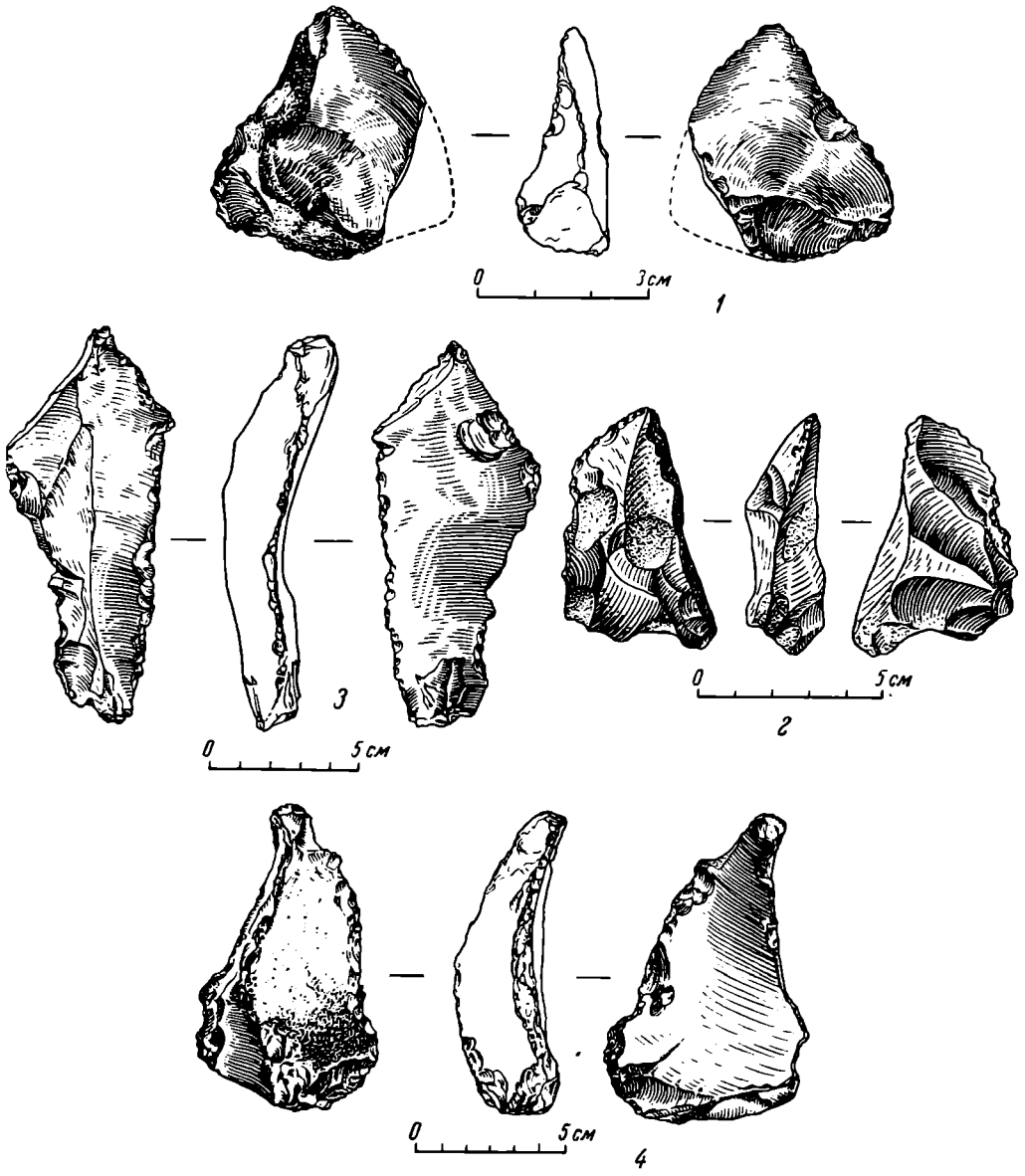


Рис. 1. Кремневые палеолитические орудия из Романково

1, 2 — остроконечники; *3* — пластина; *4* — скребло

мелового кремня и окремнелого каменноугольного известняка[5]. Один из грубых остроконечников (рис. 1, *1*) изготовлен из массивного отщепа темно-серого кремня и имеет подтреугольные очертания; спинка двускатная, бóльшая часть ее сформована широким пластинчатым сколом, а меньшая — несколькими сколами; на левом, более узком скате спинки сохранились остатки желвачной корки; левый длинный край почти прямой, а правый — дугообразный, выпуклый; бóльшая часть этого правого края обломана у основания, судя по свежему излому — недавно; оба длинных края остроконечника со стороны спинки подправлены мелкой приостряющей ретушью; основание орудия было утолщенным, но бóльшая часть базы отбита, по-видимому, одновременно с частью длинного края; брюшко глад-

[5] Замечательно, что кроме этих типичных мустьерских орудий, под конечной мореной и в морене у Романково найдены примитивные кремневые и костяные орудия верхнепалеолитического типа (ножевидные пластинки, скребки, скобели, резцы, проколки, лощила, костяной наконечник рогатины и др.).

кое, ударный бугорок не сохранился; размеры орудия: длина 43, ширина у основания 39, толщина 15 *мм*.

Второй остроконечник (рис. 1, *2*) удлиненный, асимметричный, подтреугольной формы, с одним дугообразным выпуклым заостренным краем и почти прямым, чуть вогнутым в средней части притупленным противоположным длинным краем; база скошенная, утолщенная; ударная площадка маленькая, неподправленная, расположена на пересечении базы с выпуклым длинным краем; ударный бугорок сбит одним широким и глубоким сколом, вероятно с целью утончения и уплощения базы, на которой сохранился участок беловатой известковой корки; такие же участки беловатой известковой корки сохранились в естественных углублениях на спинке орудия, где имеются негативы нескольких сколов; длинный выпуклый край со стороны спинки подправлен мелкой заостряющей ретушью, а противоположный длинный край притуплен вертикальным сколом, проходящим в нижней половине орудия, что обеспечивает удобный захват последнего рукой при его использовании. Судя по форме описанного остроконечника и по подправке его дугообразного длинного края приостряющей ретушью, можно предполагать, что он служил в качестве режущего орудия; вполне сходные с описанным остроконечники встречены в большом количестве в позднемустьерских стоянках Крыма (Шайтан-Коба [6], Староселье [7] и др.). Следуя мнению С. Н. Замятнина [8] и А. А. Формозова, асимметричные остроконечники позднемустьерского времени имели специальное назначение и часть их использовалась в качестве режущих орудий, что вполне подтверждается и нашим кремневым материалом. Мы полагаем, что остроконечники данного типа являлись прототипом верхнепалеолитических режущих орудий типа шательперрон, сходство с которыми они обнаруживают. Размеры орудия: длина 64, ширина 37, толщина 20 *мм*.

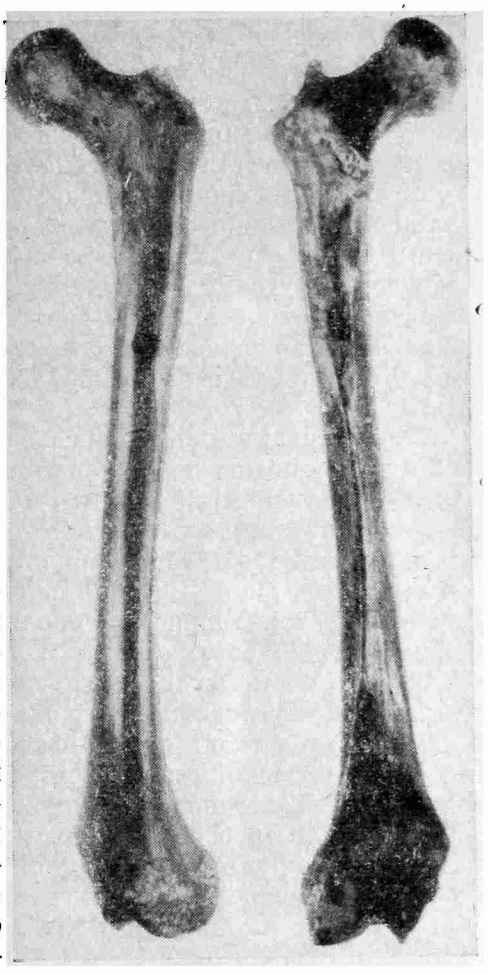


Рис. 2. Бедренная кость ископаемого человека

Широкая массивная пластина (рис. 1, *3*) имеет в плане форму неправильного, сильно вытянутого в длину ромба; спинка двускатная, правый скат ее сформован одним длинным пластинчатым сколом, а левый скат — несколькими более короткими и узкими сколами; оба длинных края со стороны спинки подправлены мелкой приостряющей ретушью; база суженная, с небольшой обработанной ударной площадкой; ударный бугорок сбит несколькими сколами; брюшко гладкое, вогнутое, со щербинами — следами употребления на длинных краях. Размеры: длина 132, ширина 54, толщина 19 *мм*.

---

[6] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 35, 36.

[7] Там же, стр. 34, 35, рис. 3; его же. Пещерная стоянка Староселье..., рис. 4 и 5.

[8] С. Н. Замятнин. Очерки по палеолиту. М., 1961, стр. 12.

Скребло (рис. 1, *4*) на массивном подтреугольном отщепе серого непросвечивающего кремня имеет сильно выпуклую трехскатную спинку, на которой один правый более широкий и длинный скат представляет участок первичной поверхности кремневого желвака, а два других образованы очень крутыми, местами вертикальными сколами, которые уплощают и притупляют левый длинный край; такими же вертикальными сколами обработано и основание орудия; ударная площадка широкая, обработанная узкими и длинными сколами, расположена в правом нижнем углу; брюшко гладкое, вогнутое; один из длинных краев орудия подправлен заостряющей ретушью; от длительного употребления рабочий длинный край сильно притуплен; аналогичное по форме скребло найдено на мустьерской стоянке Старый Кодак в балке Сажевка [9]. Размеры: длина 92, ширина 53, толщина 25 *мм*.

Все описанные выше орудия покрыты густо-черным «пустынным загаром» и отполированы до стеклянного блеска («пустынный лак» перигляциальной обстановки) и в этом отношении совершенно сходны с позднемустьерскими кремнями Мечетинской стоянки, исследованной С. Н. Замятниным около Волгограда. Типология этих орудий — позднемустьерская, геологический возраст — первая половина днепровской (рисской) ледниковой эпохи, до максимального продвижения к югу материковых льдов в Среднем Приднепровье.

Бедренная кость ископаемого человека (рис. 2) имеет хорошую сохранность как диафиза, так и обоих эпифизов, на одном из которых имеются погрызы; костная ткань сильно фоссилизирована, с показателем прокаливания 468 [10]; последний соответствует показателю прокаливания 456 костных остатков плейстоценовых млекопитающих из позднемустьерского местонахождения Староселье в Крыму [11]. Поверхность кости смоляно-черная, местами темно-бурая, гладкая, блестящая (пустынный загар и лак) с прочно приставшей к ней в углублениях и порах бурой железистой пылью, что очень характерно для всех костных остатков, происходящих из неперемытой морены. В одном месте на поверхности кости хорошо заметны следы глубокого шрама, проходящего поперек диафиза в его средней части.

Упомянутая бедреная кость была передана для экспертизы профессору МГУ М. А. Гремяцкому, который любезно сообщил нам результаты ее антропологического исследования (таблица) [12].

Как видно из таблицы, из 18 диагностических признаков, отличающих неандертальские бедренные кости от современных, у ископаемого человека из Романково имеется в наличии шесть, два признака носят промежуточный характер, а остальные 10 характерны для людей современного или сапиентного типа.

Таким образом, в данном случае мы встречаемся с промежуточным типом ископаемого человека, имеющим как неандертальские, так и сапиентные признаки. Точно так же смешанные неандертальские и сапиентные признаки были установлены на двух неполных плечевых костях ископаемого человека, найденных в Романково В. И. Свистуном [13].

Следовательно, романковская находка является новым подтверждением появления в конце среднего палеолита, на рубеже между мустье и оринь-

---

[9] П. И. Борисковский. Палеолит Украины. М., 1953, стр. 70, рис. 21.

[10] Результаты определения показателя прокаливания любезно сообщил нам И. Г. Подопличко (Институт зоологии АН УССР), которому мы, пользуясь случаем, выражаем свою искреннюю признательность.

[11] А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье..., стр. 59. Кроме того, показатель прокаливания кости очень близок к таковому для костных остатков мустьерской стоянки Климова Балка (472), из валунного суглинка (рисской морены) у с. Ташлык (462), а также из рисской морены у г. Лубен (464).

[12] Авторы считают своим приятным долгом выразить М. А. Гремяцкому большую благодарность.

[13] Личное сообщение В. И. Свистуна.

№ п/п	Признаки бедренной кости ископаемого палеолитического человека из Романково	Размеры, *мм*
1	Длина бедра	470
2	Диафизарная длина бедра	375
3	Поперечный диаметр середины диафиза	31,5
4	Верхний диаметр середины диафиза	38
5	Верхний сагиттальный диаметр диафиза	26
6	Нижний поперечный диаметр диафиза	43
7	Нижний сагиттальный диаметр диафиза	32
8	Периметр середины диафиза	99
9	Периметр на месте верхней бифуркации	97
10	Периметр в середине верхней трети диафиза	102
11	Периметр в середине нижней трети диафиза	117
12	Наименьший нижний сагиттальный диаметр диафиза	29
13	Верхняя ширина бедра	112
14	Передняя длина шейки и головки	79
15	Вертикальный диаметр шейки	27
16	Сагиттальный диаметр шейки	27
17	Периметр шейки	108
18	Вертикальный диаметр головки	52,5
19	Поперечный сагиттальный диаметр головки	52
20	Периметр головки	164
21	Ширина межмышелковой ямки	25—27
22	Наибольшая длина латерального мышелка	67
23	Проекционная высота	21
24	Шейно-диафизарный угол	121°

яком, человека с отчетливо выраженными сапиентными чертами, которые существуют у него наряду с древними анатомическими особенностями неандертальцев. Мы можем рассматривать этого человека, как переходящую форму от палеантропа к неантропу.

В то же время некоторые из этих древних особенностей удерживаются сапиентами Среднего Приднепровья как в позднем палеолите, мезолите и неолите, так и в современную эпоху. Мы считаем несомненным, что в скором времени в Приднепровье будут сделаны аналогичные находки, имеющие решающее значение для выяснения проблемы антропогенеза.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

СОСУД ИЗ БОРАНИ

В 1925—1926 гг. на известной неолитической стоянке Борань Костромской обл. во время раскопок В. И. Смирнова были обнаружены обломки большого глиняного сосуда, относящегося к нижним горизонтам культурного слоя. Обломки сосуда были найдены приблизительно на одной глубине — 0,4—0,5 *м* от поверхности, на пространстве площадью до 4 $м^2$. Это был не целый сосуд, раздавленный землей, а сосуд, разбитый еще в древности, часть обломков которого по каким-то причинам сохранилась в одном месте. В 1927 г. сосуд был восстановлен мной и Л. С. Китицыной. При этом оказалось, что обломки составляют дно и одну сторону сосуда, его бóльшую часть. Другая сторона отсутствовала; при реставрации она была восстановлена нами из гипса. В последующие годы сосуд из Борани экспонировался в Археологическом отделе Костромского музея. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., когда коллекции музея были свернуты, сосуд был, по-видимому, разбит. Он остался неизвестным Н. Н. Гуриной, производившей в 1954 г. новые раскопки на Борани и опуб-

ликовавшей богатейшие материалы этой стоянки — старые из раскопок В. И. Смирнова и новые из раскопок 1954 г. [1].

Недавно при разборке фонда довоенных негативов мной были обнаружены два идентичных негатива сосуда из Борани. Так как целые неолитические сосуды в лесных областях европейской части СССР являются большой редкостью — в Верхнем Поволжье они насчитываются единицами, а также имея в виду, что материалы Борани недавно опубликованы и к ним,

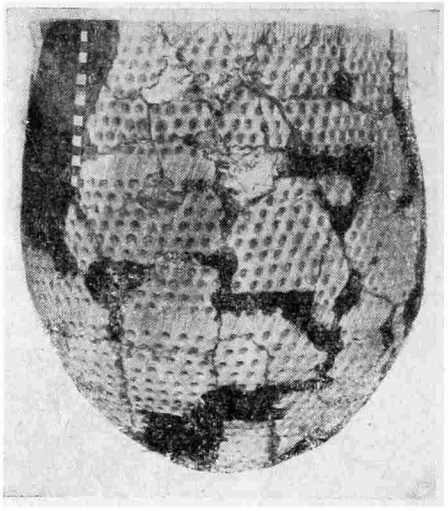


Рис. 1. Сосуд из Борани

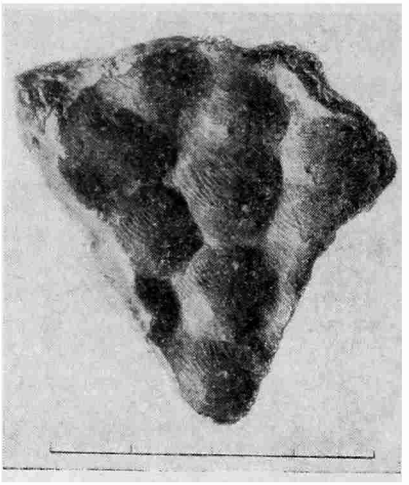


Рис. 2. Внутренняя поверхность черепка из Борани. Видны отпечатки пальцев

возможно, долгое время снова никто не обратится, я решил опубликовать снимок этого интересного сосуда (рис. 1), дополнив фотографию некоторыми сведениями о нем, сохранившимися в памяти.

Нижний или основной культурный слой стоянки Борань относится к развитой фазе волго-окской неолитической культуры. В это время наряду с архаичными коническими (или яйцевидно-коническими) формами керамики появляются более поздние — «митровидные». Такие сосуды найдены, например, на стоянке у с. Федоровского на Чухломском озере во время раскопок 1925 г., произведенных А. Я. Брюсовым [2]. К этому типу приближается и сосуд из Борани, имеющей, однако, более вытянутые пропорции. Он имеет округло-яйцевидное дно, выпуклые стенки и несколько суженную прямую горловину. Высота сосуда 43 *см*, диаметр горла 36 *см*, наибольший диаметр, проходящий на половине высоты сосуда, 38 *см*. Толщина стенок, насколько я вспоминаю, составляет 1 *см*. Край венчика несколько утолщен и скошен внутрь сосуда. Сосуд был изготовлен ленточным способом. На фотографии хорошо заметны основные линии разломов, соответствующие местам скрепления расположенных горизонтально глиняных лент. Видно, что сначала было вылеплено полушарое дно сосуда, а его стенки «возведены» из шести лент каждая шириной 5—7 *см*. Дно у сосуда более массивное, чем стенки.

Сосуд был изготовлен из глины с примесью песка. Его наружная поверхность желто-бурая с расплывчатыми темными пятнами. Внутренняя поверхность местами почти черная.

---

[1] Н. Н. Гурина. Неолитическое поселение Борань. МИА, 79, 1960; ее же.— Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, 1963.

[2] А. Я. Брюсов. Федоровская стоянка. ТСА РАНИОН, IV, М., 1929.

Сверху до низу, вплоть до центральной части дна, сосуд украшен ямочным и гребенчатым орнаментом. Круглые ямки, сплошь покрывающие его стенки и дно, располагаются правильными рядами в шахматном порядке. Неотчетливые гребенчатые отпечатки длиной около 2 *см*, шириной 0,2 *см*, поставленные вертикально или с небольшим наклоном, образуют четыре горизонтальных пояса, отстоящих на равном расстоянии один от другого. Верхний пояс проходит непосредственно под венчиком. Кажется, такие же отпечатки украшали и край венчика.

Характерной особенностью керамики костромского неолита являются нередко встречающиеся сравнительно крупные размеры орнаментальных ямок. У нашего сосуда их диаметр достигает 8—10 *мм*. Форма ямок закругленно-коническая (параболическая), их глубина составляет до 3/4 толщины стенок сосуда. Когда наносились такие глубокие ямки, стенка сосуда с внутренней стороны придерживалась рукой. Несмотря на это, с внутренней стороны стенок образовывались полушарые выпуклости, на поверхности которых бывают видны отпечатки пальцев. На рис. 2 дана фотография внутренней стороны черепка, происходящего из раскопок 1925 г. на Борани. На нем хорошо видны как упомянутые выше выпуклости, так и сохранившиеся на них отчетливые отпечатки пальцев первобытного гончара, вероятно женщины. Насколько мне помнится, точно такой же характер и такие же отпечатки пальцев имела внутренняя поверхность и нашего сосуда.

С. В. ОШИБКИНА

СТОЯНКА ЯКОВЛЕВО ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В Череповецком музее хранится коллекция, собранная краеведом А. А. Алексеевой со стоянки Яковлево Вологодской обл. Раскопок не производилось, но чистота комплекса не вызывает сомнения — стоянка относится к каргопольской культуре на позднем этапе ее развития. Она расположена на западном берегу Азатского озера, в 1 *км* от дер. Яковлево. В озеро выдается коса, южная часть которой усыпана валунами моренного происхождения. В северной части косы расположена описываемая стоянка, которая тянется вдоль берега приблизительно на 150 *м* и сильно размыта. Материалы состоят в основном из керамики и каменных орудий. Керамика изготовлялась с примесью песка, обжиг, как правило, неровный, поверхность сосудов красноватая, в изломе тесто темное. Характерный прием обработки — заглаживание по сырому тесту, которое, по мнению многих исследователей, производилось пучком травы или гребенчатым штампом. Почти вся позднекаргопольская керамика заглаживалась изнутри, но значительный процент (таблица) керамики заглажен и снаружи, при этом заглаживание приобретает декоративный характер — следы штриховки глубже, пересекающиеся полосы украшают сосуд.

Соотношение типов орнаментов сосудов позднекаргопольских стоянок Селище, Кубенино и Яковлево, %

Тип орнамента	Селище	Кубенино	Яковлево
Штрихованная	40,2	40,3	34,9
Без орнамента	28,6	29,1	13,5
Гребенчатый орнамент	15,4	17,5	22,6
Веревочный орнамент	7,2	6,9	20,9
Ямчатый орнамент	3,6	2,1	2,2
Веревочный узелок	0,5	0,5	0,7
Тычковый (двузубый)	0,5	2,5	1,3
Сетчатая	4,0	1,1	3,9
Всего (черепков)	9110	1030	1550

Целых сосудов не найдено, но, судя по фрагментам, можно восстановить их форму. Это небольшие плоскодонные сосуды с прямой или сужен-

ной шейкой и слегка выпуклыми боками. Они имеют характерную деталь — расширение донышка таким образом, что нижняя часть сосуда напоминает чашу с поддоном (рис. 1, *1*). Все венчики прямые или слегка выгнутые, иногда с небольшим карнизом у среза, нависающим наружу. Орнамент наносился только на шейку или выпуклые плечики сосудов, остальная поверхность штрихованная, гладкая, покрыта отпечатками ткани или отпечатками, имитирующими ткань.

Использовались следующие приемы орнаментации: 1) мелкозубчатый короткий гребенчатый штамп. Узоры простые: редкие косые параллельные отпечатки или горизонтальная полоса штампа, а под ней контурные фестоны из того же штампа (рис. 1, *5*), срез большинства сосудов украшен косыми отпечатками гребенчатого штампа; 2) несколько рядов параллельных отпечатков веревочки у самого венчика в сочетании с редкими ямками или гребенчатым штампом (рис. 1, *7*); 3) орнамент, состоящий из редко расположенных неправильных ямок, иногда в сочетании с нарезными линиями (рис. 1, *6*); 4) орнамент, выполненный двузубым штампом (рис. 1, *8*); 5) сетчатая керамика встречена в небольшом количестве. Для стоянок раннежелезного века восточного Прионежья характерен небольшой процент сетчатой керамики (стоянки Селище[1], Кубенино[2]; таблица); 6) штрихованная керамика.

Производственный инвентарь представлен сланцевыми и кремневыми орудиями. Сланцевых орудий шесть: небольшое плоское тесло, прямоугольное в сечении (рис. 1, *11*); узкое долотце шестиугольного сечения (рис. 1, *12*); два подобных долотца с подквадратным сечением; сланцевый нож, зашлифованный по лезвию и подправленный сколами (рис. 1, *13*), а также большой округлый скребок, выполненный в той же технике (рис. 1, *14*). Каменных топоров два, оба укороченные массивные, шлифовка сочетается с небрежными сколами (рис. 1, *19*). Мелкие орудия изготовлялись из красноватого кремня. Найдено несколько скребков с утолщенным рабочим краем (рис. 1, *15*), а также серия тонких кремневых отщепов, обработанных по краю мелкими сколами (рис. 1, *16*).

Небрежность в шлифовке сланцевых орудий, стремление использовать естественные режущие края кремня с небольшой подправкой — все эти черты характерны для каменной индустрии севера европейской части СССР в I тысячелетии до н. э. Некоторые исследователи отмечали это явление и объясняли его появлением железа и широким распространением его в этот период[3]. По-видимому, население, оставившее стоянку Яковлево, было знакомо с получением и обработкой металла, так как на стоянке найдены шлаки. Железных орудий не найдено, но на упомянутой выше позднекаргопольской стоянке Селище, материалы которой идентичны материалам Яковлева, найдено несколько железных орудий и крица.

Среди инвентаря стоянки Яковлево представляют большой интерес три круглых керамических пряслица. Два пряслица маленькие, диаметром 3 и 3,5 *см*, одно диаметром 5 *см* (рис. 1, *9*). Пряслица такой формы встречены и на других каргопольских стоянках. Назначение этих предметов неизвестно; возможно, они употреблялись в ткацком производстве. Грузиками их считать нельзя, так как найдена большая серия грузиков (20 экземпляров), изготовленных из известняка. Размеры грузиков разнообразны — от 3 до 8—10 *см*, форма чаще всего овальная или круглая, но встречается также треугольная и неправильная. Все грузики плоские, в верхней части или в середине просверливалось отверстие; сверление встречное, двустороннее (рис. 1, *22*). Найдены два точильных бруска, один из них узкий, прямоугольной формы, приспособленный для привешивания (рис. 1, *10*). Бруски изготовлены из песчаника, на обоих следы употребления. Интерес-

[1] Раскопки А. Я. Брюсова 1955—1959 гг., коллекция ГИМ.

[2] Раскопки А. Я. Брюсова 1961 г., там же.

[3] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, 87, 1961, стр. 84.

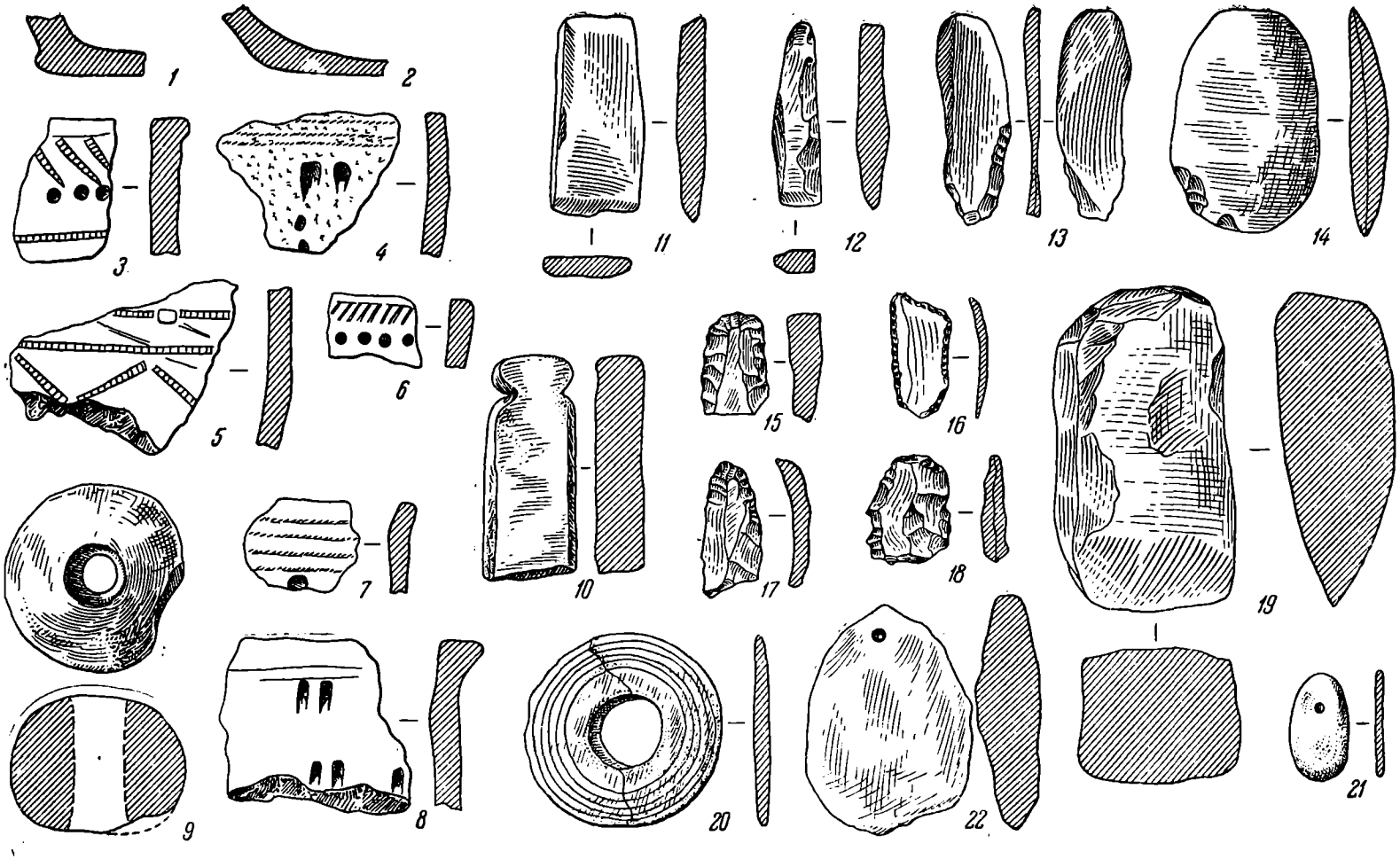


Рис. 1. Предметы, найденные на стоянке Яковлево

1—8 — черепки сосудов; *11—19* — сланцевые и кремневые орудия; *9* — глиняное пряслице; *10* — точило; *20* — костяное кольцо; *21* — сланцевая привеска; *22* — грузило

ны предметы украшения: плоское костяное кольцо линзовидного сечения, орнаментированное с обеих сторон прочерченными кругами (рис. 1, *20*), и плоская шиферная привеска овальной формы (рис. 1, *21*).

При выделении карельской и каргопольской культур район Белого озера оставался белым пятном, разделившим эти культуры. Ряд исследований последних лет вносит некоторую ясность в вопрос о заселении бассейна Белого озера в III—I тысячелетиях до н. э. Вслед за А. Я. Брюсовым, М. Е. Фосс писала о заселении Карелии и бассейна озер Воже, Лача племенами волго-окского происхождения, при этом она предполагала, что путь переселенцев лежал через Шексну и Белое озеро [4], но стоянок с ранним комплексом керамики волго-окского типа тогда не было найдено. Эта гипотеза подтвердилась раскопками И. К. Цветковой на стоянке Васькин Бор II, расположенной на южном берегу Азатского озера, где найдена керамика, характерная для раннего волго-окского неолита, и каменные орудия ранних форм [5]. Первые исследования на этой стоянке проведены архитектором П. А. Суховым [6] и краеведом А. А. Алексеевой [7].

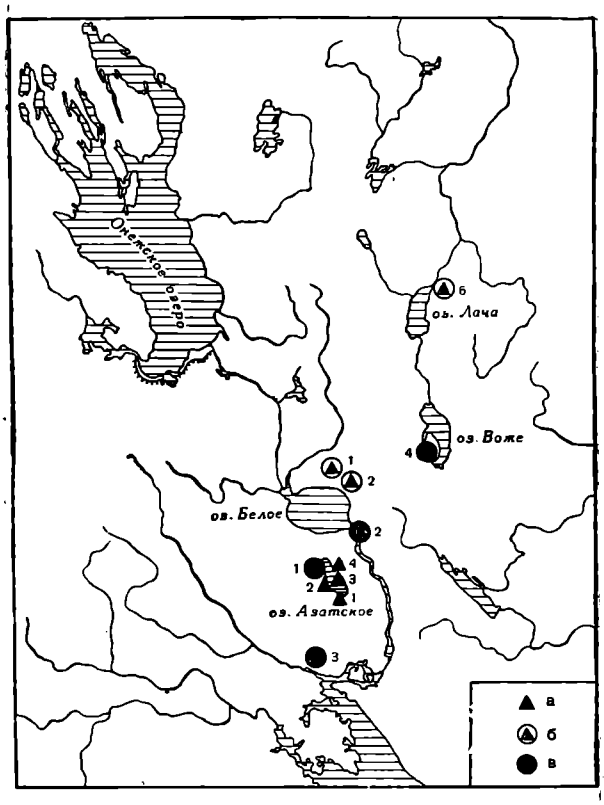


Рис. 2. Стоянки Каргопольской культуры в районе Белого озера

А — стоянки первого этапа: *1* — Васькин Бор I, *2* — Старцев остров, *3* — Пальцевская, *4* — Попова гора. *Б* — стоянки двухслойные: *1* — Водоба, *2* — Водоба II. *В* — стоянки третьего этапа: *1* — Яковлево, *2* — Пески, *3* — Торово, *4* — Селище, *5* — Кубенино II

В 1927 г. М. Е. Арсакова открыла стоянку на р. Водобе, впадающей с севера в Белое озеро, и нашла, что этот памятник сходен со стоянками у оз. Лача [8]. Действительно, нижний слой Водобы может быть отнесен к первому этапу каргопольской культуры, верхний — к третьему этапу. Вторая стоянка на р. Водобе раскопана И. К. Цветковой (Водоба II), и нижний слой ее, а также стоянки на Азатском озере Вьюшино и Васькин Бор I отнесены к первому этапу каргопольской культуры. На основании этих данных И. К. Цветкова предложила расширить границы каргопольской культуры на раннем этапе, включив часть бассейна Белого озера [9]. Положение это подтверждается открытием большого количества стоянок А. А. Алексеевой вокруг Азатского и прилегающих к нему озер — Попова гора, Пальцевская, Старцев остров и др. (рис. 2) [10].

---

[4] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952.

[5] И. К. Цветкова. Неолитические поселения в районе Белого озера. Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.

[6] Сборы П. А. Сухова в 1940 г., коллекция Гос. Эрмитажа.

[7] Сборы А. А. Алексеевой, коллекция Череповецкого музея.

[8] М. Е. Арсакова. Отчет о раскопках стоянки Водоба. Рукопись и коллекция хранятся в Череповецком музее.

[9] И. К. Цветкова. Ук. соч., стр. 70.

[10] Сборы А. А. Алексеевой 1960—1964 гг., коллекция Череповецкого музея.

Следы второго этапа каргопольской культуры здесь не известны. И. К. Цветкова предположила, что и позднекаргопольских племен в районе Белого озера не было, потому что камско-ветлужские племена не могли проникнуть в эти глухие места [11]. Существование стоянки Яковлево опровергает эту точку зрения. Кроме того, верхний слой стоянки Водоба II, который И. К. Цветкова отнесла к эпохе бронзы, несомненно относится к позднему этапу каргопольской культуры, т. е. к эпохе раннего железа. Керамический материал Водобы II типичный позднекаргопольский (плоскодонные, слегка профилированные сосуды, иногда с утолщением на шейке). Штриховка внутренней и внешней поверхности, орнаментация верхней части сосудов, широкое применение веревочного орнамента, орнаментация двузубым штампом — все эти приемы характерны для позднекаргопольских племен. Что касается камско-ветлужских элементов, то к ним М. Е. Фосс относила веревочный орнамент [12], который, как уже сказано, распространен на стоянке Водоба II. Каменные орудия определены как малотипичные, что не противоречит характеру инвентаря подобных стоянок. Следует еще напомнить, что верхний слой открытой М. Е. Арсаковой стоянки Водоба также относится к позднему этапу каргопольской культуры.

Стоянка Яковлево не единственный позднекаргопольский памятник в бассейне Белого озера. Всего отмечено пять таких стоянок, три из них в той или иной степени изучены — Водоба, Водоба II, Яковлево. Две стоянки (Пески [13], находившаяся в юго-восточном берегу Белого озера и ныне затопленная, и Торово [14] у Череповца) уничтожены. Дальнейшие исследования позволят окончательно решить, как далеко на запад распространились позднекаргопольские племена в I тысячелетии до н. э.

[11] И. К. Цветкова. Ук. соч., стр. 65.
[12] М. Е. Фосс. Ук. соч., стр. 95.
[13] По материалам А. А. Алексеевой.
[14] По материалам А. А. Алексеевой и К. К. Морозова.

А. Ф. ДУБЫНИН

ОБ ОРНАМЕНТЕ ГРУЗИКОВ ТРОИЦКОГО ГОРОДИЩА

При раскопках Троицкого городища в Подмосковье найдено большое количество так называемых «грузиков дьякова типа» [1]. Многие из них орнаментированы. В сюжеты их орнаментации часто вкладывался определенный смысл, отражающий идеологические представления того времени. Это ставит данную группу находок в ряд наиболее ценных исторических источников, хотя назначение их еще довольно загадочно.

Среди грузиков Троицкого городища особо выделяются по сюжету орнаментации три грузика. На одном изображены домашние животные (рис. 1, *1*; 2, *1*) головами в одну сторону. Среди них довольно ясно изображены фигуры крупного рогатого животного и коня. Перед крупным рогатым животным, по-видимому, находится фигура, изображающая свинью. Первоначально казалось, что три вертикальные линии из точек, помещенные между фигурами животных, являются схематическими изображениями сопровождавших их людей [2]. Однако дальнейшее изучение знаков на грузиках дает основание считать их только линиями, разделяющими фигуры. Линия с точкой впереди разделяет на конической поверхности грузика сюжет и отмечает его начало. Другими двумя линиями вы-

[1] А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, 1, стр. 193, рис. 15; К. А. Смирнов. К вопросу о назначении грузиков дьякова типа. СА, 1961, 3.
[2] А. Ф. Дубынин. Ук. соч., стр. 194.

делена третья фигура, очевидно, имеющая особое значение[3]. Расположение фигуры свиньи в начале изображаемой сцены — стада животных, затем крупного рогатого животного и в конце ее фигуры коня вполне совпадает с остеологическими данными состава стада и с тем значением, которое имели эти животные у населения Троицкого городища[4].

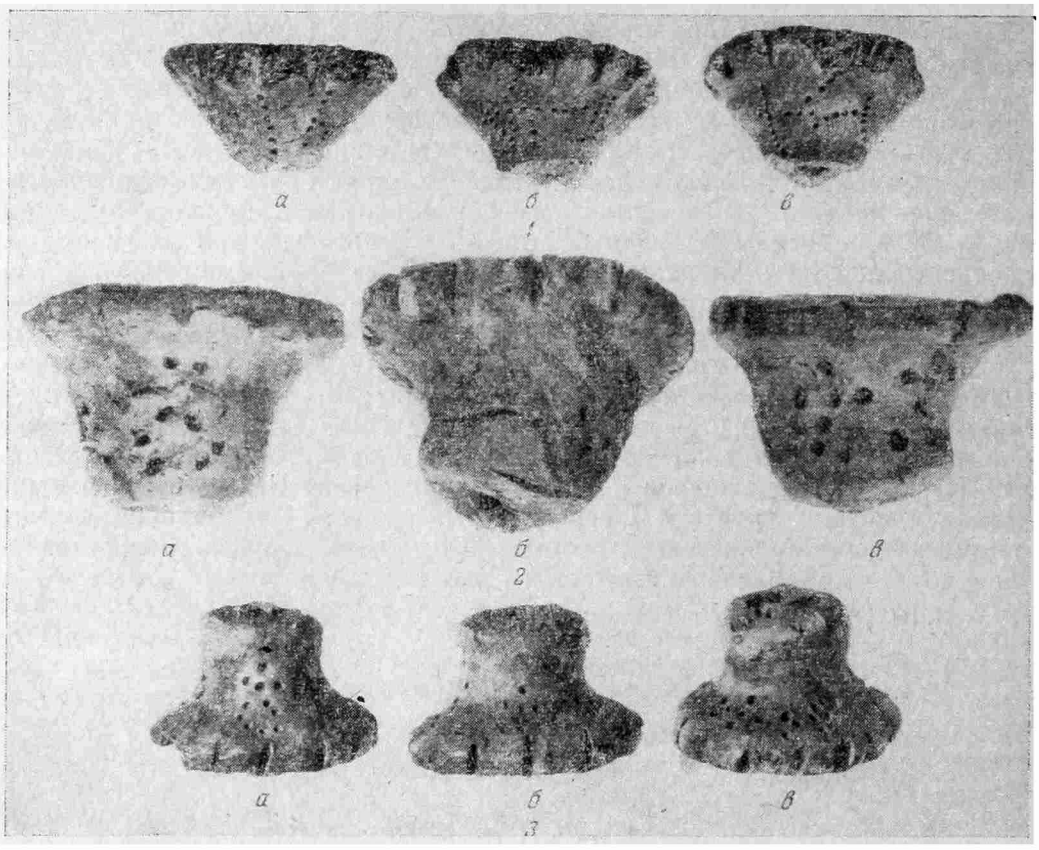


Рис. 1.

1 — грузик с изображением животных: *а* — свинья, *б* — крупное рогатое животное, *в* — конь; *2* — грузик с изображением богини плодородия: *а* — женская фигура, *б* — «рало», *в* — две мужские фигуры; *3* — грузик с изображением «великой богини»: *а* — женская фигура, *б* — мужская фигура, *в* — лежащие фигуры

На втором грузике обращает внимание изображение «рала» древней формы (рис. 1, *2;* 2, *2*). Роль занятия земледелием у племен лесной полосы в I тысячелетии н. э. постепенно возрастает. На это указывают найденные серпы, жернова, зернотерки и зерна злаков. Изображение «рала» на грузике может свидетельствовать о пашенном характере земледелия на отдельных участках в последний период существования Троицкого городища, о чем можно было догадываться раньше лишь по наличию волов в стаде, что было установлено В. И. Цалкиным при изучении фауны городища[5]. Теперь это предположение подтверждается изображением «рала» на грузике. Данный грузик представляет исключительный интерес еще и потому, что на нем кроме «рала» изображены три стилизованные фигуры, выполненные углублениями в виде точек. Одна из них находится рядом с изображением «рала», две другие — на противоположной стороне грузика.

---

[3] Возможно, это знак веса грузика, поскольку такие знаки встречаются на некоторых грузиках, пряслицах и шариках. А. Ф. Дубынин. Ук. соч., стр. 193.

[4] По определению В. И. Цалкина кости свиньи составляют 45%, крупного рогатого скота — 23% и коня — 18%.

[5] В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. МИА, 107, 1962.

Надо думать, что рядом с изображением рала находится женская фигура, которая отличается от двух других, очевидно, мужских фигур, характерным в изображении женских фигур кругом в нижней части торса.

Композиция фигур — женская в центре, сопровождаемая двумя мужскими фигурами по бокам, обычно связывается с культом великой богини. Этот культ, распространенный в скифскую эпоху в Причерноморье и При-

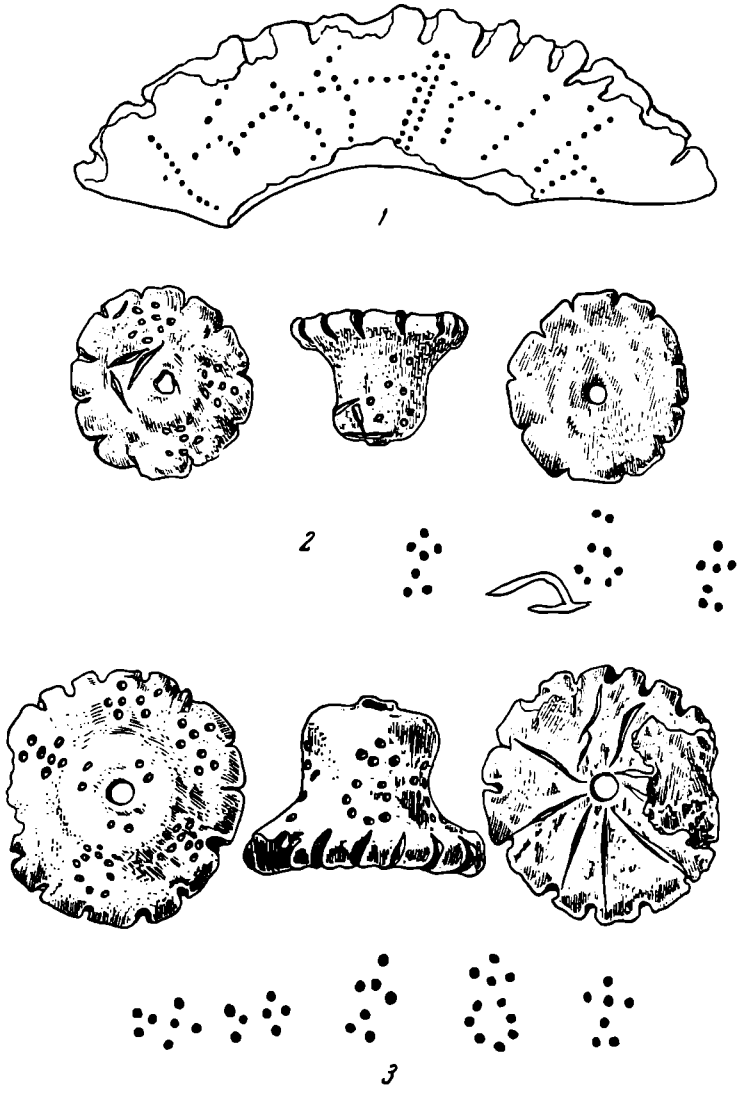


Рис. 2.

1 — изображение жвотных на грузике; *2* — грузик с изображением богини плодородия; *3* — грузик с изображением «великой богини»

днепровье, нашел свое отражение в нагрудных рельефах трех фигур в верхнем ярусе глиняной таблетки из Херсонеса, которые изображают женщину, находящуюся между двух мужчин [6].

Женская фигура среди двух мужских фигур, изображенная на сосуде гальштатской эпохи [7], по композиции и схематизму очень напоминает фигуры на грузике из Троицкого городища (рис. 3). Тот же сюжет встречен на бронзовой пластине из раскопок В. А. Городцова на Огубском городище, где изображены три фигуры, выполненные чеканом в виде выпуклых

[6] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году. ИАК, 16, СПб., стр. 62, рис. 20.

[7] S. Filip. Pradzieje Cechoslowacji. Poznań, 1951, стр. 288, рис. 61.

точек (рис. 4). По мнению В. А. Городцова, находящаяся в центре «женщина представляет богиню-мать всего сущего; мужчины — богов, сопутствующих ей» [8]. Т. Н. Никольская сопоставляет это изображение с каменным барельефом из Ольвии и придерживается иного мнения, рассматривая все три фигуры огубской пластинки как женские [9].

Изображение женской фигуры «матери всего сущего» — богини плодородия имеется и на медных пластинках-обоймицах из Троицкого (рис. 5, *1*, *2*) и Щербинского городищ (рис. 5, *3*, *4*, *5*). Фигура с поднятыми кверху руками на этих пластинках по технике и характеру выполнения очень напоминает женское изображение на огубской пластинке (рис. 3). По-видимому, тот же сюжет, но в несколько иной манере имеется и на костяном предмете из раскопок 1964 г. на том же Щербинском городище (рис. 5, *6*) около Подольска Московской обл. [10].

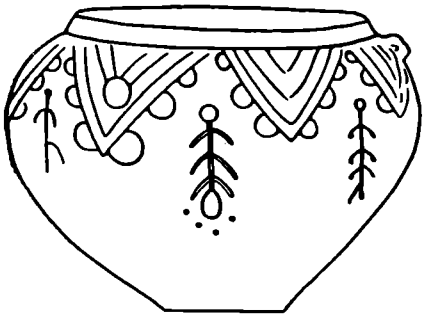


Рис. 3. Сосуд из Гальштата с изображением «великой богини»

Судя по этим изображениям, культ «великой богини» был довольно широко распространен у племен Волго-Окского междуречья.

Сюжет, описанный на одном из троицких грузиков, близкий по композиции и технике, повторяется еще на одном грузике из Троицкого городища (рис. 1, *3*; 2, *3*). В отличие от первого, мы здесь не находим изображения «рала», но композиция из трех фигур (женской в центре и двух мужских по бокам) дополняется еще двумя мужскими фигурами меньших размеров, изображенными в горизонтальном положении с головами, обращенными в одну сторону. По аналогии с изображениями на дунайских рельефах (I—II вв.), где над основной композицией «великой богини» помещались изображении бога солнца и бога луны [11], мы можем предполагать, что и на данном грузике более крупная мужская фигура (справа) может символизировать бога солнца, а вторая, меньшая — бога луны, поскольку, несомненно, астральный культ нашел широкое отражение в троицких грузиках [12]. Оба эти божества в представлении людей того времени являются непременными спутниками «великой богини» — матери земли.

Что же касается фигур, находящихся по отношению к первым в горизонтальном положении, то они, может быть, изображают жрецов, или людей, поклоняющихся богине. А может быть, это распростертые на земле враги [13], как на дунайских рельефах II—III вв. [14].

О существовании культа великой богини говорят также находки глиняных женских статуэток, которые известны на Дьяковском [15] и Борисоглебском [16] городищах. Б. А. Рыбаков считает, что «культ великого

---

[8] В. А. Городцов. Болотное Огубское городище. Тр. ГИМ, I, М., 1926, стр. 122.

[9] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, стр. 108.

[10] Раскопки велись Подольским отрядом Московской экспедиции под руководством автора (1963—1964 гг.).

[11] Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, 1, стр. 92.

[12] К. А. Смирнов. Ук. соч., стр. 49.

[13] М. И. Ростовцев. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, 49, СПб., 1913, стр. 55.

[14] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 95.

[15] Коллекции ГИМ.

[16] Московская обл. Подольский район. Раскопки 1963 г. Подольского отряда Московской экспедиции (разведывательные работы на Борисоглебском городище проводились Р. Л. Розенфельдтом). Р. Л. Розенфельдт. Разведка и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960—1963 гг. КСИА АН СССР, 102, 1964.

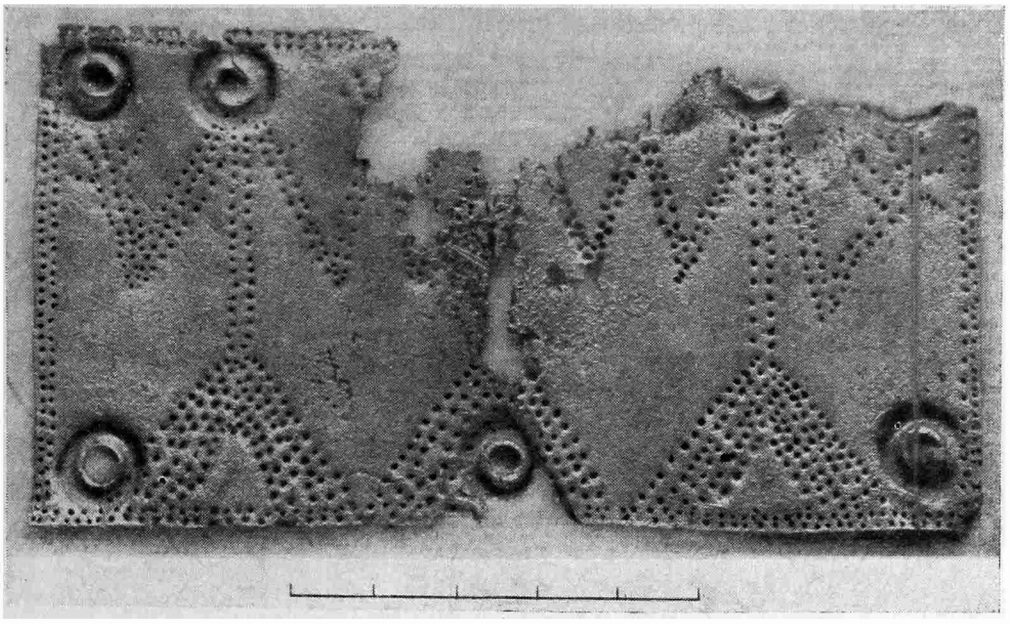


Рис. 4. Медная огубская пластинка

женского божества природы, земли, плодородия» впервые улавливается в восточноевропейском археологическом материале в скифское время одновременно с существованием такого же культа и в Центральной Европе [17].

К какому же времени могут относиться описанные троицкие грузики с изображениями «великой богини»? Оба грузика найдены в верхнем слое (глубина 0 — 20 *см*). Это верхний горизонт II слоя культурного напластования Троицкого городища, находки которого датируются IV—V вв. и, возможно, началом VI в. Любопытно будет еще отметить, что изображение «рала» на грузике аналогично знаку из греческого курсива VI в. [18] Время того и другого начертания довольно близко. Две пластинки с изображениями женских фигур найдены на Троицком городище в кладе, который датируется IV—V вв. Таким образом, описанные изображения, связанные с культом «великой богини», богини плодородия, относятся к IV—V вв.

Изображения на грузиках и пластинах из Троицкого, Огубского и других городищ лесной полосы, связанные с культом «великой богини», не только свидетельствуют о развитии земледелия, но и отражают идеологические представления, сложившиеся у обитателей городищ Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.

Мы затронули здесь весьма узкий, частный вопрос. Следует заметить, что полученный при раскопках Троицкого городища материал еще не раз заставит исследователей вернуться к его неисчерпаемым богатствам, как первоклассному источнику по истории древней культуры Подмосковья.

---

[17] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 105.

[18] Я. Б. Шницер. Иллюстрированная всеобщая история письмен, стр. 175, рис 117.

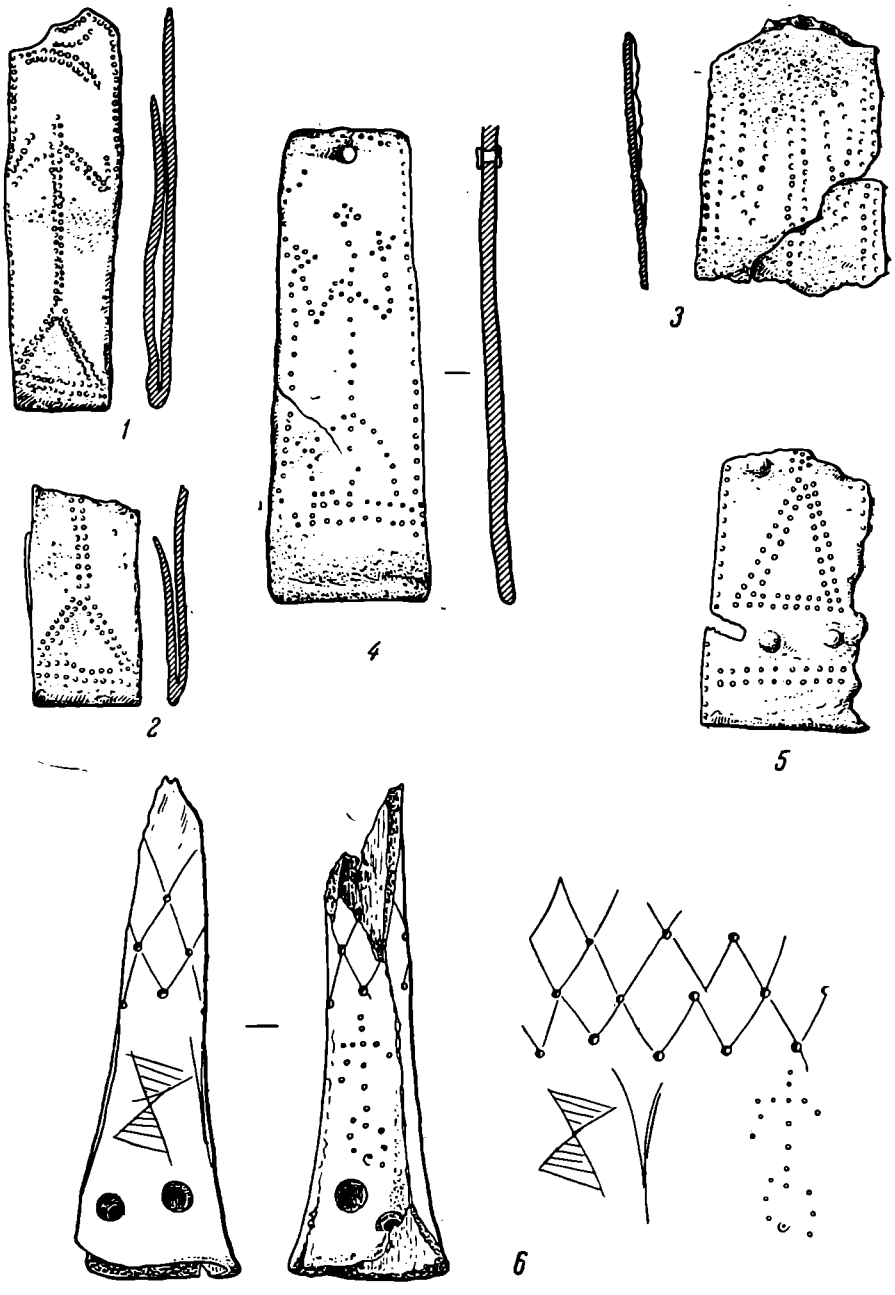


Рис. 5

1, 2 — медные пластинки с изображением женской фигуры из Троицкого городища; *3, 4, 5* — медные пластинки с изображением женской фигуры; *6* — предмет из кости с изображением женской фигуры из Щербинского городища

Г. П. ҚЕСАМАНЛЫ, З. И. ЯМПОЛЬСКИЙ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ СЕЛА ИБРАГИМГАДЖИЛИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

В 1962 г. учитель истории с. Ибрагимгаджили Таузского района Теймур Зейналов известил Институт истории АН Азербайджанской ССР о том, что в зоне этого села при прокладке дороги в направлении сел Ковляр-Ново-саратовка обнаружены древние вещи (орнаментированные обработанные камни, бронзовые человеческие фигурки, обломки керамических сосудов, жженый кирпич). Институт направил в Таузский район авторов настоящей заметки для обследования [1]. Обнаруженный историко-археологический комплекс оказался очень интересным и требует более широкой публикации.

Наиболее древней частью этого комплекса, вероятно, является пир (архаическое святилище) «Чинарлы», именуемый также «Мамурты», находящийся на горе около этого села. В научной литературе отмечалось [2], что пиры исходно были хозяйственно-культовыми центрами первобытной общины, превратившимися в культовые центры [3].

Ниже пира Чинарлы, на склоне горы в лощине Джульялы, где некогда был источник воды (сейчас явственны его следы — сырое ложе), собрана керамика эпохи поздней бронзы и отмечены погребения в «каменных ящиках», характерных для того же времени.

В лощине Джульяны были найдены и бронзовые литые скульптурные фигуры мужчины и женщины (рисунок). Одна из них высотой 12 *см* представляет собой обнаженного мужчину с распростертыми руками на уровне плеч. Голова этой фигуры, плоская сверху, едва выделена на шее, рот не обозначен, а вся нижняя часть лица сливается с крупным носом. Пальцы рук грубо обозначены насечкой; фаллос эректирован; ступни ног опираются на планку-пьедестал.

Женская бронзовая фигурка высотой 5,5 *см*. Голова и шея женщины прорисованы еще более схематично, чем мужчины; руки, приподнятые в локтях, пассивно свисают. Вполне определенно и весьма выразительно выступают груди. Нижняя часть фигуры грубовата, столбообразные ноги также опираются на планку-пьедестал.

Наиболее близким аналогом этим скульптурам является фигурка из Грузии [4], найденная вместе с бронзовыми мечами, наконечниками копий, серпами, удилами и наконечниками стрел, перемешанных с железными предметами.

Архаические кладки типа кромлехов или «циклопических сооружений», датируемых эпохой бронзы, располагаются на окраине с. Ибрагимгаджили у дороги на с. Ново-Саратовку. Таким образом, в зоне с. Ибрагимгаджили

---

[1] Краткая информация об этом была опубликована в газете «Правда» 26 июня 1962 г., в бакинских газетах «Вышка» от 30 июня 1962 г., «Молодежь Азербайджана» от 1 июля 1962 г. и в «Неделе», приложении к газете «Известия».

[2] З. И. Ямпольский. Пиры Азербайджана. Сб. Вопросы истории религии и атеизма, VIII, М., 1960.

[3] И. Г. Нариманов, Д. А. Халилов. Археологические раскопки на Сыры-Тепе (на азербайдж. яз.). Сб. «Материальная культура Азербайджана», IV, Баку, 1962.

[4] К. Н. Пицхелаури. Кинжалы кахетинского типа. Сб. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», II, Тбилиси, 1959, табл. I; МАК, VIII, рис. 124, 125, 127, 128; табл. XXI, *8*, *6*, XX, *1*; Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, Тбилиси, 1944 (на груз. яз.), табл. II, *12*, *13*; ESA, IX, Helsinki, 1934; С. Макалатия. Культ фаллоса в Грузии. Журнал «Мимомхинвели» (Обозреватель), I, 1926 (на груз. яз.); А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана. КСИИМК, XII, 1946; A. Godar. Les bronze du Liristan. Paris, 1931, табл. 56; М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 41; В. Ф. Минорский. Луристанские бронзы и касситы. ВДИ, 1959, 1.

фиксируется ряд памятников эпохи бронзы и, вероятно, раннего железа, т. е. рубежа II и I тысячелетий до н. э.

В том же районе фиксируется и вторая группа историко-археологических объектов. Около Джульялы-Чинарлы [5] был обнаружен клад сасанидских монет (Кавада I, Хосрова I, Ормузда IV, Хосрова II) VI — начала VII в. [6] На месте находок этих монет, как было отмечено А. М. Раджабли, обнаружены следы построек из тесаных камней и каменные архитектурные детали. Там же есть источник отличной питьевой воды, следы населенного пункта, виноградников, а также находили камни с рельефным

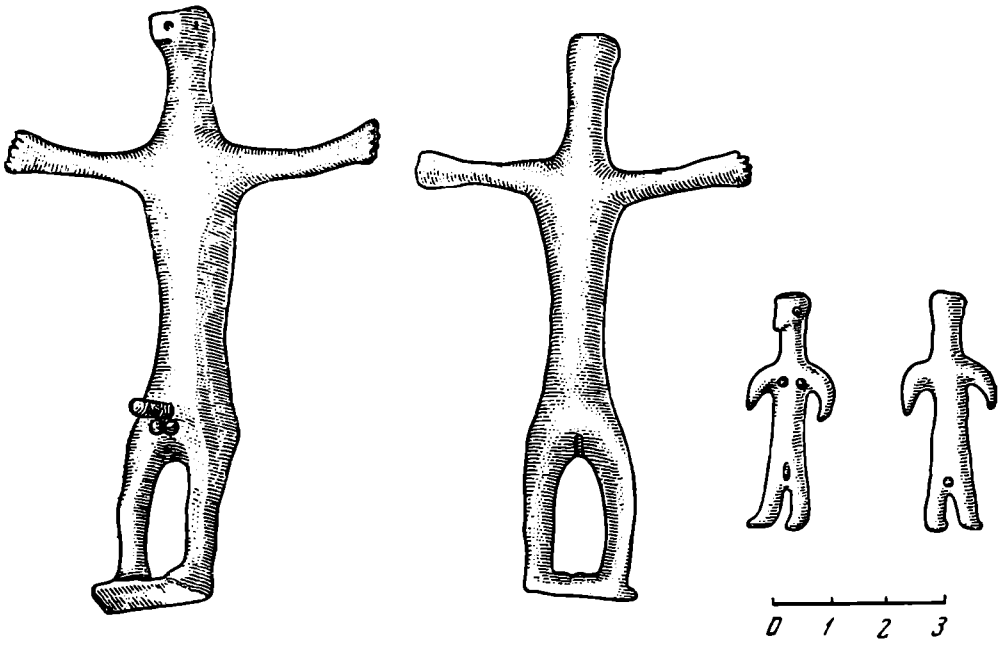


Рис. 1

изображением виноградных лоз и головы быка [7]. В зоне Чинарлы земля в ряде мест при ударе по ней ногой издавала глухой звук, как бы сообщая о подземных пустотах — сооружениях.

Спускаясь от лощины Джульялы ближе к левому берегу Дзегамчая, там, где отмечены остатки кромлехов, были обнаружены остатки сооружения из квадратных обожженных кирпичей 25 × 30 × 7 *см* и облицовка, орнаментированная обработанным известняком. Очевидно, это постройка с кирпичным полом. В зоне постройки, говорят, некогда стояла большая каменная статуя; отмечаются керамические и строительные следы обширного городища, именуемого «Делик даш». Тем же именем и именем «Салсалгаласы» (Сасанидов?) называли стоящие в зоне городища руины башни. На городище, якобы, сохранилось устье подземного тоннеля, ведущего к башне. Находки монет, характер орнамента, тип кирпича позволяют датировать это городище V—IX вв.

Вниз по течению р. Дзегамчай, приблизительно в 4 *км* от городища, высятся остатки мощной крепости — цитадели Торпах-Кала, располагающейся около берега реки. Стены крепости выложены из булыжника, сырцового кирпича и имели каменную обработанную облицовку на цементирующей массе. В зоне развалин крепости находится большое количество

[5] Туда выезжали в 1958 г. археолог И. Г. Нариманов и нумизмат А. М. Раджабли.

[6] Определены А. М. Раджабли.

[7] Начало широкоизвестной бычьеголовой капители колонн может быть фиксировано в Казахском районе, где на холме Сары-Тепе вскрыто святилище эпохи поздней бронзы с жертвенными черепами быков, навешанными на пилястре-колонне. И. Г. Нариманов, Д. А. Халилов. Ук. соч.

обработанных блоков известняка размерами до 1 $м^3$. Площадь сохранившихся руин цитадели равна приблизительно 1000 × 300 *м*. Со стороны суши она была окружена хорошо просматривающимся рвом, который наполнялся водами р. Дзегамчай, и тогда цитадель превращалась в остров. Нынешнее село, на окраине которого располагается Торпах-Кала, называется Кехна-Гала (Старая крепость).

Таким образом, памятники этой группы историко-археологического комплекса у с. Ибрагимгаджили свидетельствуют о том, что на левом берегу Дзегамчая в V—IX вв. существовал город, защищенный с юга массивом гор Малого Кавказа. С севера его прикрывала прибрежная крепость, ныне именуемая Торпах-Кала.

В научной литературе этот город неизвестен. Интерес к нему усиливается тем, что он располагался на землях древней и раннесредневековой области Азербайджана — Кавказской Албании. Между тем даже исторические карты, составленные академиком С. Т. Еремяном, уделяющие так много внимания Кавказской Албании [8], не фиксируют в этой части левого берега Дзегамчая города или другого значительного населенного пункта.

Все сказанное выше позволяет предположить, что в историко-археологическом комплексе у с. Ибрагимгаджили, следует видеть до сих пор неизвестный город Кавказской Албании, основание которого как населенного пункта уходит в эпоху бронзы.

О. Ш. ИСМИЗАДЕ

КРЕПОСТНОЕ СООРУЖЕНИЕ В БАКИНСКОЙ БУХТЕ

Для изучения истории Баку большое значение имеют археологические памятники, расположенные на территории города. Одним из таких памятников нашего города являются развалины крепостного сооружения, затопленные в Бакинской бухте. Они находятся в 350 *м* к северо-востоку от Баиловского мыса и в 200 *м* к востоку от судоремонтного завода.

Данный памятник давно привлекал внимание ученых историков и путешественников, оставивших о нем много разнообразных письменных сообщений. В этих сообщениях одни называют это сооружение «караван-сараем», другие — «подводным городом», «Баиловскими камнями», «шахри юнан» и т. д. Почти во всех сведениях об этом сооружении, относящихся ко времени до 1723 г., сообщается о развалинах, поглощенных морем и находящихся еще под водой. В сообщениях письменных источников, относящихся ко времени после 1723 г., указываются развалины, выступающие на поверхности морской воды.

Большой интерес представляют мнения авторов о характере и назначении данного памятника. Е. Марков в 1901 г. после ознакомления с памятником пришел к выводу, что это сооружение не может быть караван-сараем, а представляет собою укрепление, сквозь стены которого должна была проходить дорога, пролегающая вдоль берега моря [1].

О назначении данного сооружения как морского укрепленного пункта высказываются также и другие ученые (А. А. Вознесенский, академики В. В. Бартольд, И. И. Мещанинов и др.). Акад. В. В. Бартольд, в частности, пишет: «По Абд-ар-Рашид Бакуви были две крепости: одна на горе, почти совершенно разрушенная, другая на берегу моря, считавшаяся настолько сильной, что даже монголы не могли ее взять» [2].

---

[8] Атлас Армянской ССР. Ереван — М., 1961.

[1] Е. Марков. Россия в Средней Азии, I, СПб., 1901, стр. 122—124.

[2] В. В. Бартольд. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 144.

По поводу причины затопления крепостного сооружения в Бакинской бухте акад. И. М. Губкин указывает, что колебания уровня Каспийского моря связаны с динамическими процессами. Основываясь на письменных свидетельствах историков, он считает, что данное сооружение погрузилось в воду в результате сильнейшего землетрясения, происшедшего в 1306 г. Ученый пишет: «Легенды о затопленных городах и деревнях — не легенды, а сущая быль. Об этом говорит замечательная 700-летняя история небольшого караван-сарая в Бакинской бухте. Остатки этого караван-сарая или, точнее, небольшого укрепления, видны в юго-западной части бухты. Они состоят из 7—8 башен, соединенных стенами. Здание это было построено на суше около 1135 года нашей эры».

В 1135 г. берег бухты был выдвинут далеко на восток и примыкал к современным нам островам Наргену и Вульфу. Письменные свидетельства историков говорят, что в начале XIV столетия весь юг Каспия был потрясен сильнейшим землетрясением, следствием которого было разрушение и затопление города Абесчун в Астрабадском заливе и частичное затопление Баку, в котором вода дошла до дворцовой мечети, существующей и поныне. Потом последовало падение уровня, и в 1723 г. башни караван-сарая впервые начали показываться из-под воды.

Вся история этого караван-сарая показывает, что в течение последних восьми веков в окрестностях Баку уровень Каспия сначала поднялся на 20 метров, а потом рядом последовательных понижений опустился до первоначальной высоты, описав почти полный цикл колебаний около одной и той же высоты» [3].

В последнее время обследованием этого памятника занимался Е. А. Пахомов. В 1939—1940 гг. во время работы на территории сооружения он нашел много камней с рельефной надписью и скульптурным изображением человека и животных. Среди этих камней обращает на себя внимание пять последовательно продолжающих друг друга каменных плит, на которых была высечена дата 632 год хиджры, соответствующая 1234/35 г. [4] В том же 1939 г. Ю. Филиппов нашел на этом памятнике медную монету с именем ширваншаха Гершаспа сына Фаррухзада и халифа ан-Насира (1180—1225) [5]. Эти даты позволяют назвать время функционирования изучаемого сооружения в Бакинской бухте. Большие археологические работы проводились в 1946 г. под руководством И. М. Джафарзаде при участии автора настоящей статьи. Здесь было найдено значительное количество новых камней с надписью и изображением головы человека и фигур животных. Среди них имеются два камня со сравнительно мелкой надписью с указанием имени мастера, производившего работы по сооружению этого памятника. Надпись гласит: «Работа мастера Зейндина сына Абу-Рашида Ширванского» [6]. Археологические раскопки были продолжены в 1962 г. Было установлено, что за 16 лет уровень воды на Каспийском море, в районе Бакинской бухты, понизился на 0,8 *м*. В настоящее время участок между башнями 8 и 9 на южной стороне памятника находится высоко над водой. Вода в бухте отступила далеко, обнажив всю южную линию стен памятника. Это позволило в 1962 г. на площади раскопок 1946 г. углубиться еще на 0,8 *м*. Глубже выступила подпочвенная морская вода.

Изучаемое сооружение имеет форму сильно вытянутого прямоугольника с неровными линиями боковых длинных стен. Эта форма соответствовала, вероятно, каменной скале, на которой сооружение почти целиком

---

[3] И. М. Губкин. Тектоника юго-восточной части Кавказа в связи с нефтеносностью этой области. М., 1934, стр. 50.

[4] Е. А. Пахомов. Обследование развалин крепости в Бакинской бухте. Изв. АзФАН, 6, Баку, 1940, стр. 117.

[5] Монета определена Е. А. Пахомовым.

[6] И. Джафарзаде. Археологические раскопки в Бакинской бухте. ИАН АзербССР, 7, III, Баку, 1947, стр. 10.

базируется. Мощные каменные стены толщиной 1,2—1,8 *м* соединяют круглые и полукруглые башни между собой.

На памятнике имеется всего 15 башен, из коих северо-западная угловая и две южные угловые по форме круглые, а внутри полые. Все остальные 12 башен полукруглые массивные. В трех круглых угловых башнях имеется дверной проем шириной 1,3 *м*, выходящий внутрь крепости. Такие же проемы для ворот имеются в середине южной стены, соединяющей башни 8 и 9, а также на северо-западной стене между башнями 14 и 15; ширина воротных проемов около 1,6 *м*.

С наружной стороны на стене угловой башни 9 на 0,6 *м* выше цоколя расположены три больших камня с выступающими за кладку стены ушками с круглым сквозным отверстием диаметром около 10—12 *см*. Не исключено, что эти камни с ушками служили для привязывания находившихся у причала кораблей. Известно, что во время функционирования крепости морская вода почти вплотную подходила к ее основанию на скале и омывала каменный фундамент стен и башен.

Подобные камни с отломанными ушками, глубоко вставленные в кладку стены, прослеживаются также в угловых башнях 1, 8, 15. Говоря об этих камнях с ушками для привязывания стоявших у причала кораблей, следует отметить, что во время археологических раскопок 1946 г. с наружной стороны у основания южной стены был найден большой ствол дерева диаметром 0,6—0,7 *м* и длиной около 3,5—4 *м*. Ствол был крепко замурован в землю, сверху и спереди засыпан морским песком и большими кусками камня и плотно утрамбован со всех сторон. На ствол дерева в 3—4 оборота была намотана толстая железная цепь. Концы цепи выступали наружу. Назначение бревна с намотанной на него морской цепью не вызывает сомнения. Нам кажется, что он предназначался также для привязывания стоявших на причале кораблей.

Каменная кладка стен и башен по швам крепко перевязана таким образом, что вырывать из нее отдельные камни не представляется возможным. Кроме того, для обеспечения еще большей прочности в некоторых местах кладки стен и башен отдельные краеугольные камни скреплены между собой железными скобами, места соединений которых залиты раствором извести, сохранившим до сего времени высокую степень прочности [7].

В настоящее время верхняя часть стен и башен крепости разрушена полностью. Высота сохранившейся части около 1,5—2 *м*. В кладке стены выше цоколя расположены четыреугольные каналы-отверстия, служившие для отвода дождевой воды и воды, прибиваемой морскими волнами во время шторма. Между башнями 7 и 8 расположено четыре таких канала. На северной стороне восточной стены такие каналы прослеживаются очень мало. Это объясняется, вероятно, неодинаковым уровнем северной и южной части крепости, в которой наблюдается небольшой уклон с севера на юг.

По сообщениям письменных источников, изучаемый памятник в прошлом в двух направлениях был связан с берегом неширокой перемычкой, сооруженной на каменных скалах. Одна из них шла от башни 15 к западу, а другая пролегала в юго-западном направлении от башни 8 в сторону Баиловского мыса. Впоследствии эти перемычки стали создавать большое препятствие для свободного плавания судов по бассейну между островом и берегом материка. Поэтому указанные перемычки были взорваны на большую глубину. В настоящее время от них, кроме выступающих маленьких обрывков каменной скалы, прослеживающихся под водой с наружной стороны близ башни 1, 8 и 15, никаких следов не осталось.

Остров, на котором базируется изучаемый памятник, в древности был, по-видимому, связан также с Девичьей башней. На это указывал еще

---

[7] Л. С. Бретаницкий, С. И. Датиев, Г. А. Елькин, Л. Г. Маминконов, Д. А. Мотис. Архитектура Азербайджана эпохи Низами. М., 1947, стр. 96—101.

И. Н. Березин: «Эти постройки, по-видимому, состояли в связи с Девичьей башней потому, что от нее в направлении к югу открыта стена»[8]. На связь между этими двумя памятниками в прошлом обратил также внимание Дж. Александрович-Насыфи. По этому поводу он писал: «При канализационных работах текущего (1930) года были обнаружены на глубине 2,75 *м* остатки какой-то стены, уходящей от крепости в районе Девичьей башни в сторону моря, возможно, что это и есть та стена, которая изображена на рисунке Э. Кемпфера (XVII в.) и которая, очевидно, играла какую-то роль в древней системе укреплений города Баку[9]. В настоящее время к восточной стене Девичьей башни и ее контрфорса снизу примыкает вплотную обрывок городской крепостной стены толщиной около 1,8 *м*, идущей с северо-востока на юго-запад, т. е. в сторону моря к Бакинской бухте. Однако в пределах города продолжение этой стены, идущее в сторону моря, совершенно разрушено. Около Девичьей башни на упомянутом обрывке стены сохранились только две массивные полукруглые башни диаметром 4,83 *м* каждая, обращенные к востоку. Эти башни расположены друг от друга на расстоянии около 8 *м*. Вероятно, И. Березин в своих описаниях Баку имел в виду данный обрывок городской стены и его продолжение, хорошо наблюдавшееся, очевидно, в тот период и тянувшееся в направлении Бакинской бухты.

Для производства археологических раскопок на территории сооружения были заложены три раскопа, из коих два раскопа размером 5 × 10 *м* каждый находились внутри памятника, у основания западной стены, а один раскоп размером 20 × 30 *м* — с наружной стороны у основания южной крепостной стены, соединяющей башни 8 и 9 между собой. В раскопах работа была доведена до глубины 0,8—0,9 *м*. Результаты раскопок еще раз подтвердили тот факт, что действительно фундамент этого грандиозного сооружения почти повсеместно подстилает сплошная каменная скала.

Кроме указанных раскопов на южной стороне территории сооружения между башнями 9 и 10 были открыты три смежно расположенных помещения, стены которых были выложены из слабо тесаных камней на известковом растворе. Северная и южная стены являются общими для всех трех помещений. Высота сохранившихся стен помещений около 0,5—0,6 *м*. Помещения 1 и 2 связаны между собой дверным проемом шириной около 0,93 *м*. Полы помещений настланы каменными плитами слабой тески. Остатков штукатурки на стенах помещений не найдено.

В 1962 г. обнаружено значительное число новых вещественных памятников, позволяющих глубокому изучению истории этого сооружения, а вместе с тем и истории города Баку. Эти находки состоят из фрагментов поливной и неполивной керамики, каменных орудий и плоских каменных плит с рельефными надписями.

Среди найденных бытовых предметов привлекает внимание два больших широкогорлых сероглиняных кувшина с горизонтально расположенными по четыре неглубокими резными насечками и точечными углублениями на плечиках (рис. 1, *2, 4*). Кувшины подобной формы, но сравнительно маленьких размеров, были обнаружены в слоях XII—XIII вв. городища Оренкала[10]. Монета с именем ширваншаха Гершасна сына Фаррухзада и халифа ан-Насира, каменная плита с высеченной на ней датой 632 год хиджры (1234/35 гг. христианского летосчисления), керамические сосуды позволяют датировать крепость в Бакинской бухте приблизи-

---

[8] И. Н. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью, III, СПб., 1850, стр. 24—27.

[9] Дж. Александрович-Насыфи. Девичья башня в Баку. Изв. Азкомстарис, 3, Баку, 1927, стр. 158.

[10] Г. М. Ахмедов. Неполивная керамика Оренкала IX—XIII вв. (по материалам раскопок 1953—1955 гг.). МИА, 67, стр. 212—217.

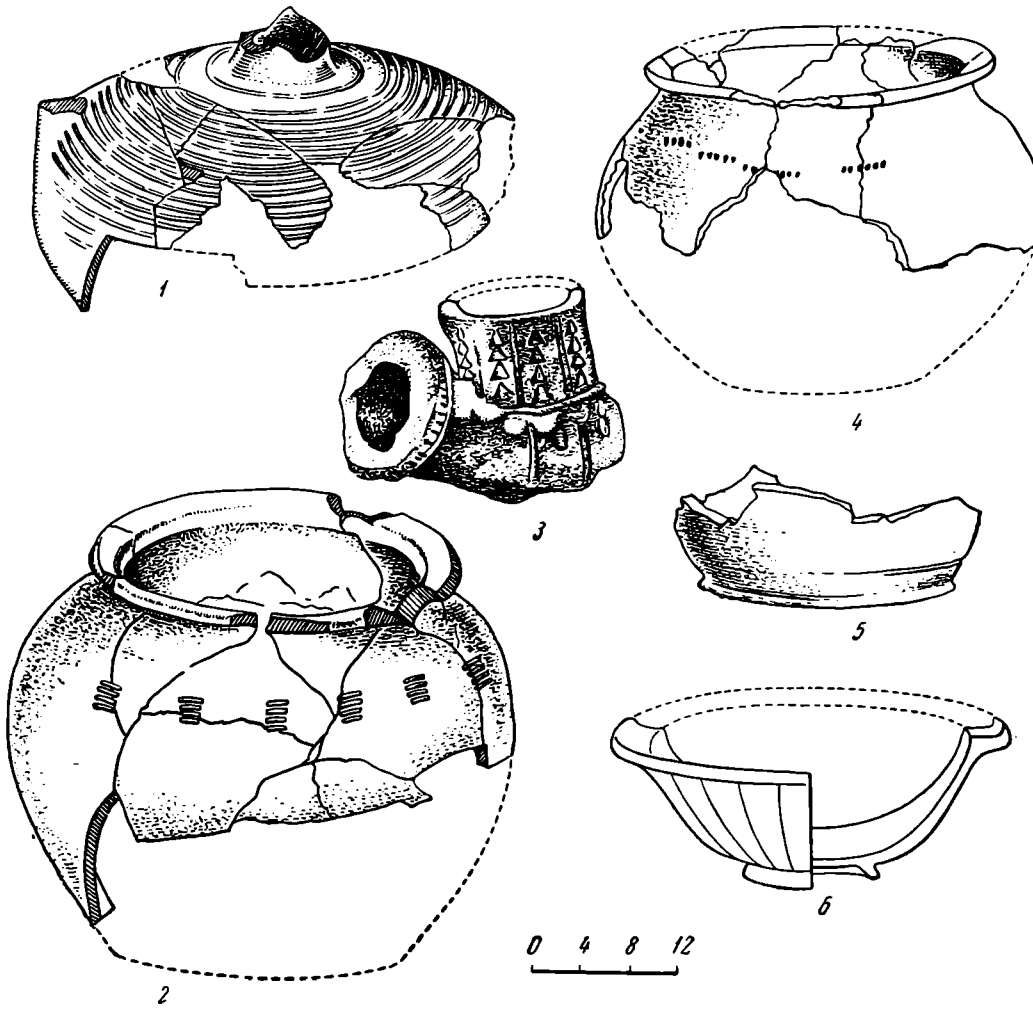


Рис. 1. Керамические изделия из крепости в Бакинской бухте

тельно XII—XIII вв. Материалов, относящихся к более раннему периоду, на этом памятнике пока не обнаружено.

Среди фрагментов керамики нужно отметить обломок узкогорлого кувшина красного цвета с резными линиями, окружающими всю плечевую часть сосуда (рис. 1, *1*), а также плоское днище с остатками боковой стенки желтоглиняного кувшина с круглыми отверстиями в нижней стороне стенки корпуса, пробитыми до обжига, вероятно, для прикрепления нижнего конца ручки или же для трубчатого носика (рис. 1, *5*).

Кроме неполивной керамики были найдены фрагменты поливных сосудов с монохромной и полихромной росписью ангобом, украшенные геометрическим и растительным орнаментом (рис. 2, *2—5*). Среди этих черепков заслуживает внимания кольцевидное днище большой толстостенной поливной чаши со штампованным рельефным клеймом с наружной стороны. Изображение клейма состоит из переплетающихся и пересекающих друг друга рельефных линий, образующих различные геометрические фигуры. В результате продолжительного нахождения под землей и действия солей морской воды полива почти исчезла (рис. 2, *1*). Клейма, по форме близкие нашему, встречаются в большом количестве на поливных сосудах Кабалы, Оренкалы и других средневековых городов Азербайджана. По классификации А. Л. Якобсона они отнесены к группе 7-А, датируемой примерно XI—XIII вв. [11]

[11] А. Л. Якобсон. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала). МИА, 67, стр. 246—254, рис. 12.

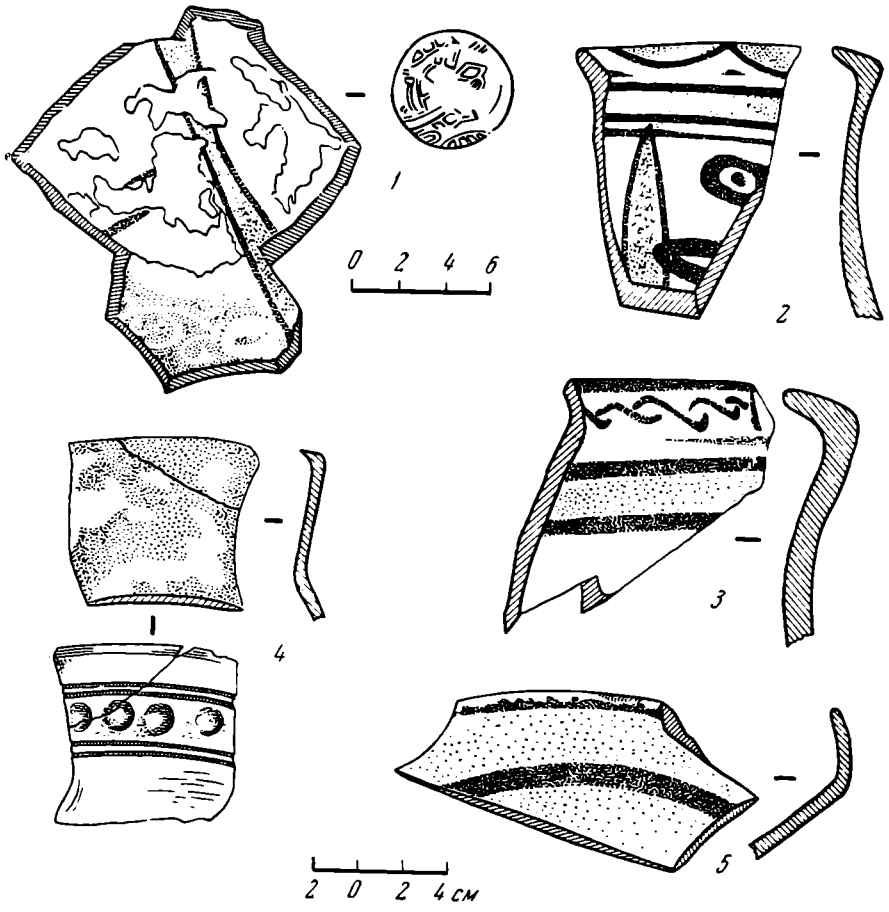


Рис. 2. Поливная керамика из крепости в Бакинской бухте

На западной стороне башни 8 и у основания ее стены на глубине 0,8 *м* была обнаружена большая глазурованная чаша с монохромной росписью темно-зеленого цвета. Широкий край венчика имеет невысокий бортик. С наружной стороны чаша покрыта поливой молочного цвета, под которую нанесены радиальные линии марганцем, идущие от кольцевидного днища к венчику (рис. 1, *3*). Подобные глазурованные чаши больших размеров в значительном количестве происходят также из культурных слоев XII в. городища Кабалы [12]. Недалеко от упомянутой поливной чаши, на той же глубине была найдена глиняная трубка красного цвета с резным украшением на поверхности. Край гнезда для набивки табака отломан (рис. 1, *3*). У основания трубочки оттиснуто клеймо мастера, представляющее собой маленький свод полукруглой формы с отдельными близко расположенными лепестками, напоминающими в некотором отношении стилизованные листья дерева.

Таким образом, сравнение формы орнамента и техники выделки керамических изделий, обнаруженных в Бакинской бухте, с аналогичными изделиями, происходящими из других мест, дает возможность датировать наши находки приблизительно XII—XIII вв.

Кроме керамических изделий были обнаружены также предметы из камня, состоящие в основном из рыболовных грузил; грузила имеют сквозные отверстия. В 1962 г. обнаружено более десяти каменных грузил, встреченных здесь впервые (рис. 3).

[12] О. Ш. Исмизаде. О раскопках в Кабале, на территории южной части городища, в 1960 г. Тр. Кабалинской археологической экспедиции, I, Баку, 1964, стр. 75—80.

Однако самыми интересными находками являются плоские плитняковые камни размером 73 × 35 × × 10 и 66 × 40 × 12 *см* каждый с рельефной надписью арабским шрифтом и скульптурным изображением животных и птиц. Камни украшали верхнюю часть стен и башен крепости с наружной стороны и относятся, вероятно, ко времени строительства, т. е. примерно к началу XII в. Найдено 30 таких камней. Все они выявлены с наружной стороны стен и башен сооружения, непосредственно у основания их, на глубине 0,7—0,8 *м*.

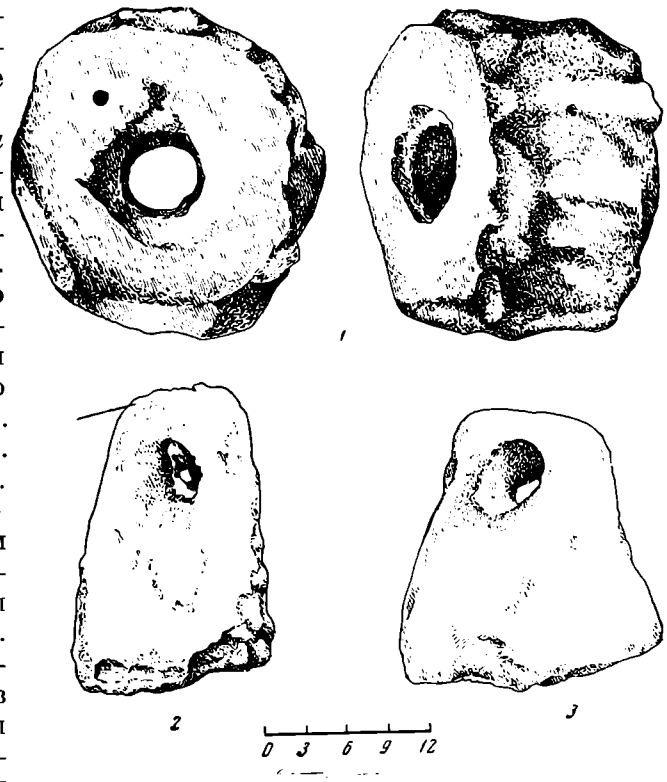


Рис. 3. Каменные грузила из крепости в Бакинской бухте

Некоторые ученые считают, что обнаруженные в Бухте камни с надписью и изображениями, разбросанные по всей окружности памятника, свидетельствуют о том, что верхняя часть стен с наружной стороны была опоясана широкой лентой надписей, издали напоминающей тонко прорисованный орнамент [13].

Как видно из прилагаемого плана сооружения с размещением найденных в 1962 г. камней с надписью, большинство их обнаружено в районе башни 8 (рис. 4). Они лежали под насыпью земли очень близко друг от друга. Не исключена возможность, что некоторые из этих камней являются последовательным продолжением друг друга, что облегчит их расшифровку.

Среди найденных около юго-восточной угловой башни 8 камней имеется один камень, на котором видная часть надписи, начинающейся со слова «бисмиллах» («во имя аллаха»). Этот факт свидетельствует о том, что каменный поясок надписи, окаймляющий со всех сторон верхнюю часть стен и башен крепости с наружной стороны, начинался именно отсюда. По этому поводу И. М. Джафарзаде пишет следующее: «Установлено также, что надпись начиналась с восточного конца южной стены, посередине которой сохранился дверной проем. Она продолжалась по всем остальным оградительным стенам сооружения и на южном конце восточной стены, близ юго-восточной угловой башни прекращалась. Надпись начиналась, как показывают отдельные ее элементы, со слова «бисмиллах»; затем шла речь, при каком правителе построено данное сооружение» [14]. Кроме того, на двух камнях, выявленных между башнями 8 и 9 у основания стены, помимо надписи, были высечены очень выразительно скульптурные изображения головы лошади и птицы, встречающиеся на этом памятнике впервые.

По форме надписи и размерам плит описываемые камни разделяются на две совершенно отличные друг от друга группы, указывающие на двустрочность орнаментальной надписи. Найденные камни с надписью и

[13] Л. С. Бретаницкий и др. Ук. соч., стр. 96—98.
[14] И. Джафарзаде. Ук. соч., стр. 8.

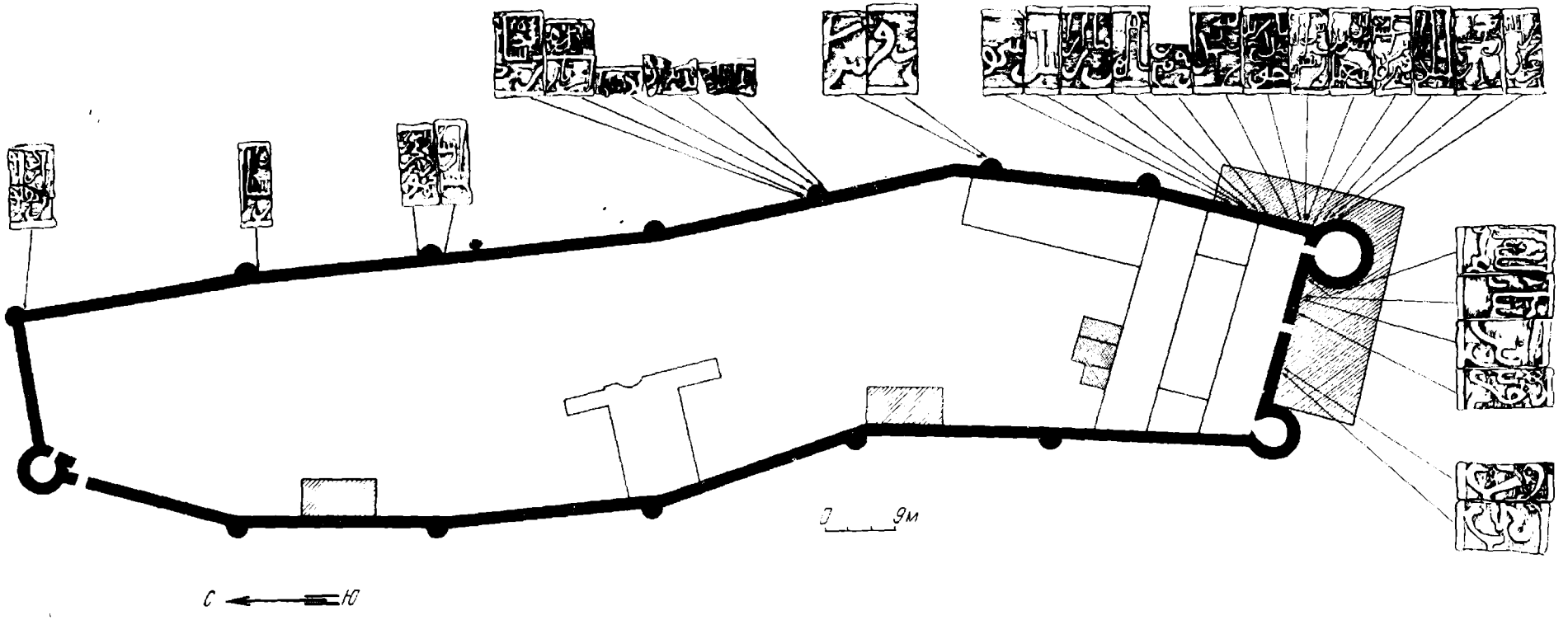


Рис. 4. План крепости и камни с надписями

скульптурными изображениями на поверхности являются ценным дополнительным материалом, который в комплексе с ранее обнаруженными здесь аналогичными камнями с надписью окажет несомненно большую помощь науке и облегчит работу по чтению всего текста.

Ознакомление с остатками крепостного сооружения, затопленного в Бакинской бухте, изучение выявленных здесь археологических материалов и сообщений письменных источников позволяет высказать некоторое предположение о том, что данный памятник был построен примерно в начале XII в. на сплошной каменной скале, возвышавшейся к этому времени над водой Каспия в районе бухты. Затем он, просуществовав около двух столетий, в начале XIV в. в результате стихийного бедствия был поглощен морем и пролежал под водой более четырехсот лет. Только в первой четверти XVIII в. вследствие значительного понижения уровня воды на Каспийском море уцелевшие остатки стен и башен постепенно начали вырисовываться над водой.

Результаты произведенных археологических раскопок в Бакинской бухте, детальное ознакомление с выявленным материалом и самим памятником на месте, техникой его строительства, близкое расположение массивных круглых и полукруглых башен, соединенных между собой мощной каменной стеной, обеспечивающих фланкирующий обстрел всей впереди лежащей местности и не оставляющих так называемое местное пространство, применение в кладке стен и башен железных штырей для придания сооружению еще большей прочности, дают основание считать изучаемые развалины остатками крепостного сооружения, выполнявшего функции защиты города Баку от нападения с моря.

Т. В. РАВДИНА

РАСКОПКИ В ПИНСКЕ

Город Пинск Брестской обл. расположен на границе Белоруссии и Волыни, у слияния рек Пины и Припяти.

Первые раскопки в городе были произведены в 1955 и 1957 гг. на Замковой горе. В опубликованных заметках о пинских находках[1] даны описание Замковой горы и общая датировка культурного слоя. При публикации надписи «Ярополче вино» обоснование хронологии вещей было дано по стратиграфии 16 горизонтальных пластов[2]. В данной публикации хронология всех вещей из раскопок 1955 и 1957 гг. основана на стратиграфии восьми археологических слоев, на которые делится культурный слой Замковой горы Пинска. Каждая находка связывалась с определенным слоем, и количество вещей той или иной категории подсчитывалось по слоям, иногда даже по горизонтам внутри слоя.

В данной публикации я намеренно описываю почти все вещи, найденные в раскопе площадью 77 *м*^{2} и мощностью культурного слоя 2,5—3,2 *м*, чтобы полнее обосновать датировку культурных слоев. Это необходимо и для того, чтобы обосновать датировку надписи на корчаге и керамических поливных плиток. Характеристика слоев в раскопе следующая.

I — светло-серый слой строительного мусора, насыщенный обломками кирпичей, черепицы, крошками извести, обожженной глины, камнями, в

[1] Т. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. КСИИМК, 70, 1957; ее же. Поливные керамические плитки из Пинска. КСИА АН СССР, 96, 1963. В заметку о надписи надо внести поправку: все опубликованные и неопубликованные надписи на амфорах, в том числе киевская — «Благодатнеша плона корчага сия», процарапаны по обожженной глине.

[2] Б. А. Рыбаков датирует надпись «Ярополче вино» концом XII в. Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. Доклад на V Международном съезде славистов в Софии в сентябре 1963 г. М., 1963.

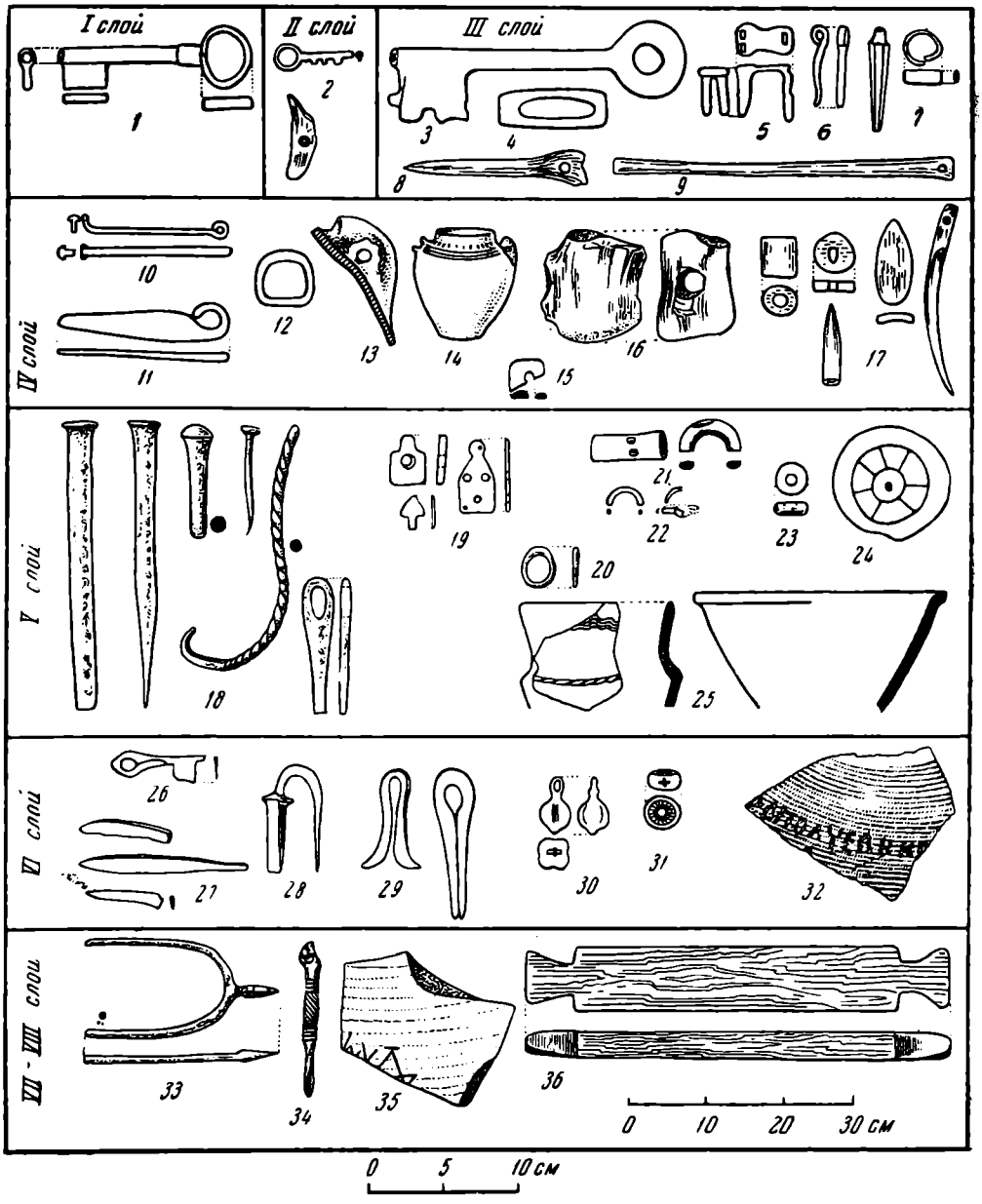


Рис. 1. Вещи, найденные при раскопках на Пинской Замковой горе

1, 2, 3, 10, 26 — ключи; *5, 28* — части замков; *4, 11* — кресала; *6, 12, 18, 27, 29, 33* — железные предметы; *7, 19, 30* — бронзовые предметы; *23, 31* — шиферные пряслица с метами; *8, 9, 16, 17, 21, 22, 34* — костяные предметы; *13, 14, 15, 24, 25* — глиняные предметы; *20* — стеклянный перстень; *32, 35* — обломки амфор с надписями; *36* — дубовое бердо от ткацкого стана (?)

нем встречены остатки кирпичной кладки из большемерного кирпича. В первом слое найдены современные вещи, литовский кирпич с бороздками от пальцев, большой железный обмедненный ключ с полым стержнем (рис. 1, *1*) от нутряного цельнометаллического замка времени моложе XIV в.[3], польский грош XX в., глиняная посуда I типа, сделанная на ножном гончарном круге (рис. 2), в том числе поливная или раскрашенная красными полосами, зеленополивные рельефные изразцы, литовские монетки 1660-х годов. Дата первого слоя XVII—XX вв.

[3] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 94.

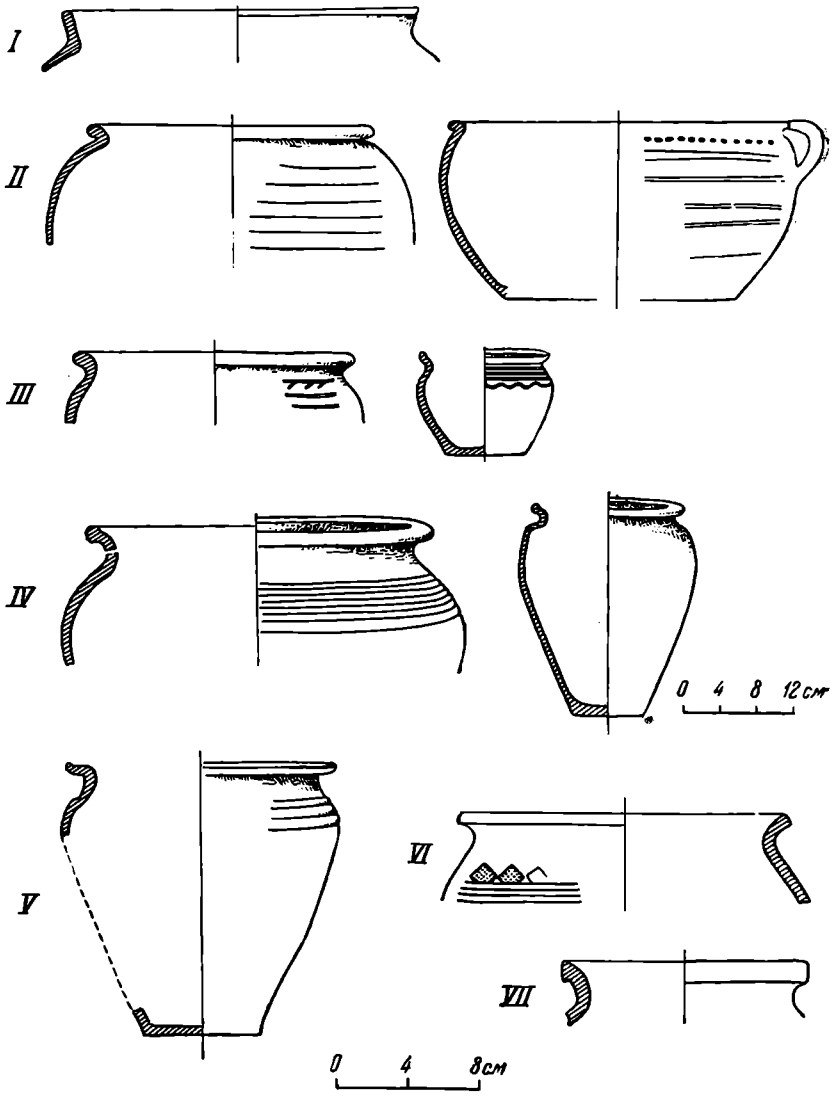


Рис. 2. Типы глиняных горшков

II — более темный неперекопанный слой, содержащий зеленополивные рельефные изразцы в бо́льшем количестве, чем в первом слое, зеленополивную красноглиняную посуду, красный неполивной изразец, несколько обломков чернолощеной посуды так называемого московского типа, литовские монетки 1660-х годов, ключ времени моложе XIV в. от висячего замка типа «Ж» (рис. 1, *2*) [4], медвежий клык с просверлиной. Вся посуда сделана на ножном гончарном круге, горшков второго типа больше, а внизу слоя горшков I типа совсем нет. Ко второму слою относятся остатки домницы на внутреннем склоне вала. Это сооружение из обожженной глины высотой 80 *см* и диаметром свыше 100 *см* со сводчатым верхом. Внутри него три «полки» из обожженной глины, под нижней лежали большие куски железного шлака. Дата слоя — XVI—XVII вв.

III — слой мощностью 50—60 *см*, рыхлый, пестрый, насыщенный угольками, комочками обожженной глины, щепой, истлевшими остатками дерева; от второго и четвертого слоев III слой отделяется прослойками древесного тлена. Слой датируют следующие вещи: кресало времени с середины XIII в. и моложе (рис. 1, *4*) [5], ключ большой с полым стержнем от

[4] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 83, рис. 68, *7*.
[5] Там же, стр. 103.

нутряного металлического замка с деревянным засовом (рис. 1, *3*); обломок висячего замка типа «Е» XV в. (рис. 1, *5*) [6]; два бронзовых пластинчатых прямых престня XIV—XV вв. (рис. 1, *7*) [7]; крупная стеклянная черная бусина с желтыми рельефными полосами, датируется в Новгороде XIV в. [8]; ножи с торцовой (один) и с косой (два) наваркой стали, т. е. выполненные в технике второй половины XII—XIV вв. [9]; пражский грош Карла I (Богемия) 1346—1378 гг. [10] В слое найдены железные вещи (рис. 1, *6*), костяная проколка и трубчатая кость журавля с просверлиной (рис. 1, *8, 9*). Кроме горшков с ножного гончарного круга найдены горшки III типа, сделанные на ручном гончарном круге; найдено несколько горшков IV типа на сотни горшков II и III типов. На границе с IV слоем найдено 10 обломков стеклянных браслетов: восемь гладких, два крученых, цвет зеленый у восьми браслетов и черный у двух. Верхняя дата бытования стеклянных браслетов — первая половина XIV в. Дата III слоя — XIV—XV вв.

IV — более плотный слой истлевших, сгнивших или обгоревших деревянных остатков, подстилается угольной прослойкой. Мощность слоя 30—40 *см*. Этот слой третьего строительного периода древнего Пинска датируют следующие вещи: ключ от висячего замка типа «В» второй половины XII—XIV вв. (рис. 1, *10*), ножи с торцовой наваркой стали, шпора с колесиком XIII—XIV вв. [11], бронзовый бубенчик со щелевидной прорезью (дата по Новгороду — вторая половина XI — первая половина XIII вв. [12]), пряжка железная конца XIII—XIV вв. (рис. 1, *12*) [13], две стеклянные зонные зеленая и голубая бусины, датируются XII в. и моложе. Во всей толще IV слоя найдено 103 обломка стеклянных браслетов [14], 7 шиферных пряслиц [15], 11 черепков с домонгольской поливой, 4 аморфных обломка. В IV слое найдены горшки III и IV типов, сделанные на ручном гончарном круге. Найдены два глиняных ушка от горшков (рис. 1, *13*) — горшок с точно такими ушками найден в тайнике 1240 г. под Десятинной церковью в Киеве (рис. 1, *14*) [16]. В слое найдено кресало редкой формы (рис. 1, *11*), молоток из рога (керамический молоток ?) и различные костяные вещи (рис. 1, *16, 17*).

К верхнему горизонту IV слоя относятся остатки строения в виде оконтуренного древесным тленом прямоугольника шириной 3,2 *м* (уходящего в стену раскопа). Внутри «дома» — рыхлый коричневатый, насыщенный обломками дерева, крошками извести, растительными остатками слой. За границами этого строения грунт совсем другой — плотный, темный, с линзами глины. Около стен «дома», с внутренней и наружной сторон,— куски глиняной обмазки.

---

[6] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 87, рис. 68, 7.

[7] По материалам Новгорода (сведения М. В. Седовой) и Вятки (сведения Л. П. Гуссаковского).

[8] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, 1956.

[9] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 50.

[10] Определение Н. Д. Мец.

[11] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, стр. 186, 191. В южнорусских землях шпора с колесиком появилась, наверное, раньше, чем в Новгороде, так как при раскопках М. К. Каргера в Изяславле Волынском в слое 1241 г. найдены шпоры с колесиком.

[12] Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, 2.

[13] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло..., стр. 111.

[14] В верхнем горизонте 14 гладких (зеленых и черных), в среднем горизонте 40 браслетов (из них больше гладких) зеленых, черных и коричневых; в нижнем горизонте найдено 49 браслетов — зеленых, фиолетовых, голубых, черных, желтых (гладких и крученых поровну). По наблюдениям над типами стеклянных браслетов из древнерусских городов замечено, что тонкие, гладкие, зеленые и темные браслеты моложе крученых, толстых, синих. М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. МИА, 117, 1963.

[15] Диаметры каналов: 6 (2 шт.), 7, 8 (2 шт.), 9 и 11 *мм*.

[16] М. К. Каргер. Древний Киев, 1, М.— Л., 1958, стр. 419, рис. 98.

Общей датой вещей IV слоя является XIII век. Верхней датой слоя является рубеж с XIV в., так как здесь найдены самые поздние стеклянные браслеты. Дата IV слоя XIII век.

V — слой плотного суглинка, в большей части имеющий шоколадный цвет от древесного тлена и кое-где содержащий щепу и навоз. Мощность слоя 40—50 см. Этот слой второго строительного периода древнего Пинска датируют следующие вещи: меньшее, чем в IV слое, количество стеклянных браслетов — 89 [17], бóльшее количество шиферных пряслиц (14 шт., из них одно со знаками; рис. 1, *23*) [18]; большее (9 штук) количество амфорных обломков; найдено девять обломков сосудов с домонгольской поливой, в том числе от кувшина и миски (рис. 1, *25*), дужка цилиндрического висячего замка XII—XIII вв., ножи с торцовой наваркой стали, целый стеклянный фиолетовый перстень со щитком (рис. 1, *20*) [19], пять стеклянных зонных бусин (две голубые, синяя, зеленая, неопределенная), тройная желтая лимонка X—XI вв. и голубая непрозрачная с желтыми глазками бусина X—XII вв. Найдено два костяных перстня (рис. 1, *22*) и другие поделки из кости, железная стамеска, огромный рыболовный крючок и другие вещи (рис. 1, *18*), медные предметы (рис. 1, *19*).

Горшки V слоя сделаны на ручном гончарном круге, относятся в основном к IV типу, характерному для всех древнерусских памятников XII — начала XIII вв.; на одном из них ясное клеймо (рис. 1, *24*). Есть горшки V типа.

Общей датой вещей V слоя является XII век. Об этом говорит бóльшее, чем в IV слое, количество шиферных пряслиц и меньшее количество стеклянных браслетов. Найденные внизу слоя лимонка и глазчатая бусина указывают на то, что внизу слоя идет слой старше XII в.

В V слое прослежено на длину 5 *м* бревно соснового сруба с остатками дощатого настила.

VI — слой супеси-суглинка мощностью около 40 *см*. Сверху слоя найдено только три крученых (два синих, один темный толстый) стеклянных браслета, а глубже — в VI, VII, VIII слоях стеклянных браслетов не было. Следовательно, эти слои относятся ко времени старше XII в.

VI слой датируют следующие вещи: 12 шиферных пряслиц (одно из них с метой; рис. 1, *31*) [20], 12 амфорных обломков (в том числе обломок с надписью «Ярополче вино» из верхней части слоя), 4 обломка поливных сосудов из верхней части слоя, 4 ножа с торцовой наваркой стали (рис. 1, *27*), медная гирька XI—XIII вв. (рис. 1, *30*) [21], медная лировидная пряжка XI—XII вв., ключ для цельнометаллического накладного замка XII—XIII вв. (рис. 1, *26*) [22], три обломка стеклянных сосудов второй половины XI — первой половины XIII вв. VI слой должен быть датирован концом XI — началом XII вв.: нет вещей, типичных только для XI, а отсутствие стеклянных браслетов исключает XII век.

VII — коричневый слой коры и щепы мощностью до 40 *см*. Это слой первого строительного периода древнего Пинска. В нем найдено одно шиферное пряслице с диаметром канала 7 *мм*, шесть амфорных обломков, в том числе толстостенный с процарапанной буквой «Д» (рис. 1, *35*), горшки VI типа, сделанные на ручном гончарном круге. Датируется VII слой XI в. по отсутствию стеклянных браслетов и по керамике; стратиграфически же — второй половиной XI в. В слое встречены остатки соснового сру-

---

[17] 50 крученых, 39 гладких; 20 зеленых, 20 фиолетовых, 15 черных, 6 синих, 7 голубых, 6 желтых, 5 коричневых, 10 темных.

[18] Диаметр каналов: 6 (3 шт.), 7 (6 шт.), 8 (4 шт.) и 9 *мм*.

[19] Бусы, перстни и браслеты из фиолетового стекла появились в древней Руси не раньше начала XII в. и в первой половине XIII в. вышли из употребления (Б. А. Колчин, Хронология..., стр. 103, 104, 109).

[20] Диаметры каналов: 6, 7 (5 шт.), 8 (2 шт.) и 9 (4 шт.) *мм*.

[21] Датировка А. Ф. Медведева.

[22] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло..., стр. 94.

ба, а также дубовое изделие длиной 54 *см* (рис. 1, *36*); Б. А. Рыбаков считает, что это бердо от ткацкого стана.

VIII — предматериковый черный, тонкий (до 20 *см*) слой без включений, уходящий под вал. В VIII слое найдены шпора X—XI вв. (рис. 1, *33*), костяная резная копоушка середины XI — середины XII вв. (рис. 1, *34*) [23]. Все горшки VIII слоя (рис. 3) относятся к типу старше XII в., но моложе гнездовских или горшков из киевского некрополя X в., т. е датируются XI в. Общая дата вещей и керамики VIII слоя — XI век. Страти-

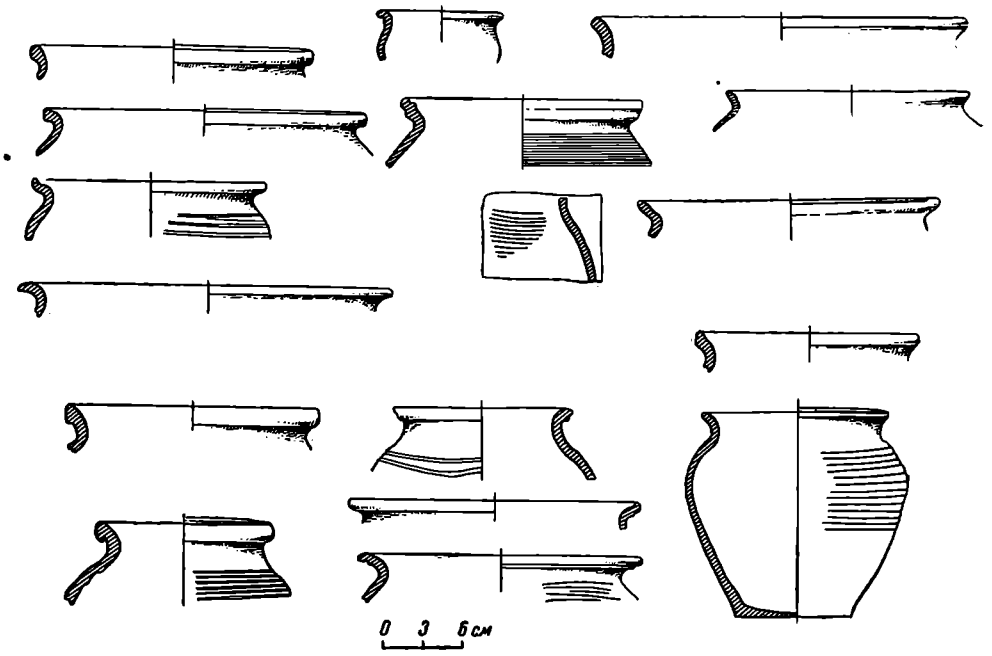


Рис. 3. Глиняные горшки из предматерикового слоя

графически же предматериковый, как и VII, слой можно датировать временем не старше второй половины XI — концом XI в.

Итак, подробное обоснование датировок культурных напластований Пинской Замковой горы привело к выводу, что домонгольский слой занимает две трети всего культурного слоя и что первоначальный слой датируется второй половиной XI в.

Пинск впервые упоминается в летописи под 1097 г. Очевидно, незадолго до этого он возник как княжеское поселение. О том, что Пинск с самого начала был княжеским поселением, свидетельствуют: 1) укрепления — вал и ров (неукрепленное поселение никогда не бывает княжеским); 2) наличие в раскопе большого количества керамических поливных плиток, украшавших княжеский дворец одного из первых пинских князей; 3) часть амфоры с княжеским именем «Ярополк».

---

[23] Б. А. Колчин. Хронология..., стр. 101.

Н. П. СЫЧЕВ

ФРАГМЕНТ РОСПИСИ 1161 г. В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ ВО ВЛАДИМИРЕ

В 1952 г. при земляных работах по устройству новой отопительной сети во Владимирском Успенском соборе в северном нефе (Всеволодовой галерее 1185—1189 гг.) были открыты кладки фундаментов пристройки, относящейся к первоначальному храму 1158—1161 гг. Фундаменты примыкали к лопаткам западного членения северного фасада под проемом двери на хоры. Сломанная при сооружении Всеволодовой галереи пристройка, видимо, была переходом на хоры из располагавшегося к северу от собора епископского дома. На месте этой пристройки во Всеволодовой галерее было сделано на особом своде новое северное звено хор [1]. Во время починки этого свода в верхней части его кладки на уровне хор были обнаружены два белокаменных блока с остатками фресковой росписи XII в.

Один блок был в северо-восточной части пазухи свода, второй — в северо-восточной части его склона. На первом сохранился фрагмент фрески (длина 21 *см*, ширина в наибольшей части 11,2 *см*, в наименьшей 3 *см*) с остатками загрязненного белого фона и потускневшего оранжево-красноватого красочного слоя с темно-коричневыми полосками внизу. На блоке обнаружены следы слегка изогнутой «графьи».

На втором камне, выступавшем из кладки свода на 13,5 *см*, сохранился фрагмент фрески длиной 15 *см* и шириной в среднем 6 *см*. После удаления с него загрязнений раскрылась часть женской головы, написанная на белом фоне в охристых тонах с легким коричнево-умбристым рисунком деталей [2]. У изображения сохранились часть правого глаза, правая щека, нос, часть губ и значительная часть левой щеки. Слева, у правой щеки, видны остатки слегка пожелтевшего плата-повоя. По фону слева идут две вертикальные охристые слегка коричневые тонкие полоски, пересеченные по диагонали третьей более широкой полоской такого же цвета. В левом углу фрагмента на белом фоне имеется вертикальная полоска голубовато-зеленого светлого цвета, а рядом с ней — вторая охристая полоска. Следов графьи от нимба вокруг головы нет; не имеется и его живописных следов. Следовательно, головка не является остатком изображения какой-то святой; это несомненно фрагмент лица светской женщины [3].

Грунт обнаруженного фрагмента фрески и грунт фрески 1161 г. с изображением двух пророков и павлинов в аркатурно-колончатом поясе северной стены андреевского собора идентичен. Сходен и колорит: совершенно одинаково в цветовом отношении «вохрение» ликов и полное отсутствие красноватых оттенков, характерных для фресок времени Всеволода III.

Можно думать, что белокаменные блоки с остатками фресок 1161 г. происходят из пристройки того же года, фундаменты которой найдены под сводом 1185—1289 гг.; при сооружении они были использованы как строительный материал. Описанный фрагмент фрески скорее всего принадлежал к росписи перехода на хоры. Об этом позволяет говорить малый масштаб фигуры, рассчитанный на рассмотрение с близкого расстояния. Отсутствие нимба у женской фигуры, может быть, указывает на светский характер росписи перехода, как это было в росписи башен Киевской Софии [4].

[1] Подробнее см. Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV вв., I, М., 1961, стр. 162—169; II, М., 1962, стр. 466—470.

[2] Оба фрагмента сохранены, укреплены и переданы на хранение во Владимирскую Научно-реставрационную мастерскую (см. акт от 24.IX.1952 г.).

[3] Там же.

[4] От редакции: Сильная блеклость красок не позволила напечатать этот фрагмент фрески.

Л. П. ПАПКОВА, Я. Г. БЕЛИК, А. П. КОНОНЕНКО,
О. П. МЧЕДЛОВ-ПЕТРОСЯН

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАСТВОРОВ СТАРОГО БАКУ

В настоящее время возрастает не только интерес историков и археологов к изучению вещественных памятников глубокой старины с помощью экспериментальных методов исследования, но и растет интерес технологов к изучению исторических памятников архитектуры в связи с изучением причин долговечности древних сооружений и тех строительных материалов, из которых они были построены [1].

Использование древних строительных материалов в качестве объектов для изучения кинетики многовекового твердения строительных растворов [2] и причин их долговечности объясняется тем, что ни одна лаборатория не может ставить столь длительные опыты по исследованию строительных материалов. Отсюда вытекает необходимость натурных обследований древних сооружений и изучения образцов долговечных строительных материалов, отобранных при этих обследованиях.

Используя современные методы исследования, мы изучали ряд древних строительных растворов и, в частности, некоторые кладочные строительные растворы старого Баку, служившие цементирующим материалом при постройке древних сооружений.

Многие из средневековых сооружений Баку хорошо сохранились до нашего времени. Строительные растворы, на которых производилась кладка стен и фундаментов, отличаются и в настоящее время прекрасным сцеплением известкового вяжущего с материалом заполнителя в строительном растворе и с материалом, из которого производилась кладка этих сооружений.

Интересными объектами исследования по долговечности, технологии строительства, характеру применявшихся цементирующих материалов и по архитектуре являются сооружения комплекса дворца ширваншахов и другие средневековые сооружения в старом Баку. Баку (а также Ганджа и Шемаха), как известно, некоторое время был столицей Ширвана — феодального государства в Восточном Азербайджане, которое существовало с середины I тысячелетия до половины XVI в. как вассальное ханство с династиями ширваншахов. В XIII—XIV вв., в связи с оживлением торговли, прерванным монгольским игом, на территории нынешнего Азербайджана началось строительство оборонительных и культовых сооружений, караван-сараев, бань и т. д.

В XV в. в Баку (который уже к IX—X вв. считался крупным городом) был построен дворец ширваншахов, шедевр средневекового зодчества, «по своеобразию и оригинальности архитектуры не имеющий себе подобных на Переднем Востоке» [3]. На территории дворцового комплекса в 1464 г. в южном нижнем дворе построено восьмигранное здание мавзолея

---

[1] В. Н. Юнг. О древнерусских строительных растворах. Сб. научных работ по вяжущим материалам. М., 1948; И. Л. Значко-Яворский, Я. Г. Белик, В. Г. Иллиминская. Экспериментальное исследование древних строительных растворов и вяжущих веществ. СА, 1959, 4.

[2] Строительный раствор — затворенная водой и отвердевшая смесь вяжущего (цементирующего) материала с мелким заполнителем (песком и другими мелкозернистыми материалами), применяемая для скрепления кирпичей, камней и т. п. при возведении стен, фундаментов и т. д. Иначе говоря, в отличие от химического определения раствора, строительный раствор представляет собой мелкозернистую разновидность бетона, достаточно пластичную в свежезатворенном виде и имеющую хорошее сцепление и прочность после затвердевания, когда строительный раствор превращается в камневидное тело.

[3] История Азербайджана, I, Баку, 1958.

средневекового ученого и географа Сеида Яхьи Бакуви. В Дворцовый комплекс входят также Диван-Хане, баня, построенные в XV в., и другие сооружения. В XIV в. в пределах крепостных стен старого Баку был построен Джума — минарет Дворцовой мечети.

Сооружения комплекса дворца ширваншахов выстроены из апшеронского известкового камня, уложенного попеременно вдоль и поперек слоев в известняке. Такой способ кладки является не только декоративным приемом, но и обеспечивает большую прочность сооружения. Известняковые камни притесаны очень тщательно, а известковый строительный раствор, на котором они уложены, местами сохранился лучше, чем известняк, что предположительно объясняется использованием при затворении извести специальных добавок, подобранных эмпирическим путем [4].

Долговечность средневековых строительных материалов и сооружений, из них построенных, свидетельствует о прекрасном знании свойств материалов, об умении их использовать с большой практичностью и хорошим вкусом.

Влияние зодчих Азербайджана, которые прославились тем, что строили прочно и красиво, сказалось на средневековой архитектуре многих городов Востока, в том числе Самарканда, Багдада и др.

Образцы средневековых строительных растворов, взятые из сооружений старого Баку, подвергались лабораторным испытаниям с целью определения их свойств и состава. Места отбора проб и их макроописание приведены в табл. 1.

Таблица 1

Краткая характеристика исследуемых проб строительных растворов

№ п/п	Места отбора проб	Время постройки	Макроописание проб
1	Минарет Магомеда	1078 г.	Известковое вяжущее, частично с глинистыми примесями; заполнитель — морской пляжевый песок с обломками халцедона, кварца, известняка органогенного и кристаллического
2	Минарет Джума	XIV в.	То же
3	Баня	XV в.	» »
4	Мавзолей Сеида Яхья Бакуви	1464 г.	» »

Из табл. 1 следует, что отобранные пробы относятся к XI—XV вв. и представляют собой известковые строительные растворы, в которых заполнителем является кварцевый песок и частично известняк, органогенный и кристаллический. Результаты некоторых проб представлены в табл. 2.

Из табл. 2 видно, что исследованные строительные растворы достаточно пористы (25,5—36,2%) и не отличаются высокой твердостью. Микротвердость контакта на границе вяжущее — заполнитель выше, чем микротвердость вяжущего, что характеризует механические свойства новообразований, возникающих в процессе длительного твердения на контакте вяжущее — заполнитель.

Для оценки вещественного и фазового состава испытуемых проб строительных растворов были проведены химико-петрографические и термографические исследования, результаты которых представлены в табл. 3 и на рис. 1, 2.

Химические анализы проводились по методике [5], согласно которой анализируется растворимая в соляной кислоте, т. е. главным образом связую-

[4] В. Н. Левиатов. Памятники азербайджанской культуры (Бакинский дворец ширваншахов). Баку, 1944.

[5] И. Л. Значко-Яворский. Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX в. М.— Л., 1963.

Таблица 2

Физические свойства известковых строительных растворов

№ п/п	Макротвердость по десятибалльной шкале Мооса	Микротвердость, кг/мм²	Объемный вес, г/см³	Водопоглощение, %	Пористость, %	Примечание
1	3,5	Вяжущее — 116 Контакт — 272 Заполнитель — 210	1,7	15,2	26,3	1. Объемный вес, водопоглощение и пористость определялись по ГОСТ № 2409—44
2	3,5	Вяжущее — 181 Контакт — 241 Заполнитель — 272	1,92	13,2	25,5	2. Микротвердость определялась на микротвердомере ПМТ-3 по известной методике.
3	3,0	Вяжущее — 89 Контакт — 118 Заполнитель — 151	1,64	22,1	36,2	3. Для сравнения возможно напомнить, что по десятибальной шкале твердость кальцита равна 3 баллам, а кварца — 7 баллам
4	3,5	Вяжущее — 136 Контакт — 234 Заполнитель — 206	1,7	18,2	31,3	

щая часть строительных растворов. Кроме того, определялся водородный показатель (pH) водных вытяжек известковых строительных растворов, косвенно характеризующий степень перехода извести в карбонат кальция (т. е. характеризующий степень карбонатизации строительных растворов, увеличение которой снижает величину pH).

Наряду с данными химического анализа, значения pH вытяжек (табл. 3) также указывают на достаточно полную карбонатизацию строительных растворов за время их многовековой службы.

Таблица 3

Химический состав известковых строительных растворов, %

№ проб	Нерастворимый остаток	SiO_2	Fe_2O_3	Al_2O_3	CaO	MgO	Na_2O	K_2O	SO_3	п. пр.	Сумма	Водородный показатель
1	30,75	2,21	0,95	0,84	32,58	1,55	0,62	0,12	0,84	30,00	100,27	9,20
2	33,11	2,18	0,99	0,88	32,07	1,54	0,35	0,14	0,84	28,20	100,30	9,1
3	32,08	2,10	0,90	0,78	32,02	1,6	0,4	0,12	0,72	29,1	99,82	8,6
4	10,38	1,33	0,77	0,88	46,07	0,96	0,25	0,16	1,07	38,50	100,37	8,5

Данные химического анализа хорошо согласуются с результатами микроскопического исследования (рис. 1, *2*), которое показало, что известковое вяжущее в строительных растворах почти полностью карбонатизировалось в течение веков, причем карбонатизированная известь обогащена глинистыми и железистыми примесями, а гидроокись железа послужила основой для образования лимонита. Заполнитель в строительном растворе представлен, в основном, морским пляжевым песком, состоящим из обломков халцедона, кварца и известняка органогенного и кристаллического. В отдельных случаях среди мелкозернистой кальцитной массы вяжущего наблюдаются участки средне- и крупнозернистого кальцита с хорошо выраженными ромбоэдрическими очертаниями; эти участки возникли в процессе собирательной рекристаллизации при длительной службе строительного раствора. Значительное количество зерен силикатного и карбонатного заполнителя имеет каймы новообразований, получившихся за счет

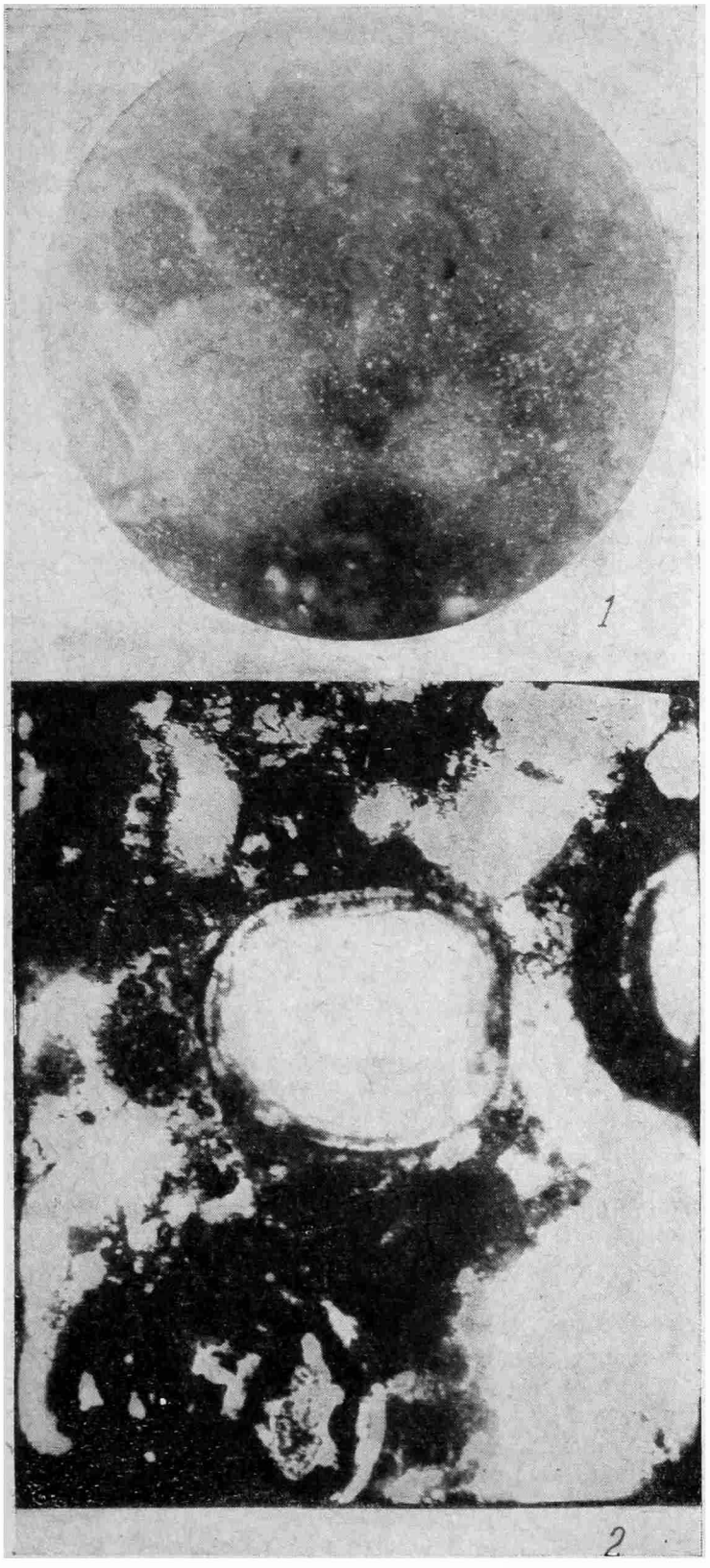


Рис. 1.

1 — Микроструктура строительного раствора из стены мавзолея Сеида Яхьи Бакуви постройки 1464 г. Проба № 4. Структура по преимуществу псаммитовая неравномерно зернистая. Основной компонент цементирующего вещества в строительном растворе — мельчайшие кристаллы кальцита (темного цвета на микрофото), в котором расположены зерна заполнителя — кварца, халцедона и частично карбонатных пород (светло- и темно-серого цвета). Для микроструктуры характерен почти идеальный контакт между заполнителем и вяжущим. Увеличение 200 *. Без анализатора; *2* — микроструктура строительного раствора из стены Минарета Джума, построенного в XIV в. Проба № 2. Структура неравномерно зернистая. Связующая масса в основном состоит из плотного тонкозернистого кальцита (темного цвета на микрофото). Заполнитель состоит главным образом из окатанных зерен морского пляжевого песка (светлого цвета). В центре — зерно заполнителя, окруженное реакционной каймой с отчетливой зональностью расположения окаймляющих его новообразований, возникающих при взаимодействии извести с веществом заполнителя. Увеличение 180 *. Без анализатора

взаимодействия заполнителя и связки. Интересно, что размер этих кайм на контакте с карбонатным и с кремнеземистым заполнителями для разных проб имеет величину одного порядка — 16—32 *мк*, причем большой размер кайм наблюдается у халцедона, а меньший — у кристаллического кварца. Микроскопические исследования показывают, что многочисленные каемки новообразований на контакте вяжущее — заполнитель представляют собой гидросиликаты кальция, гидратизированный аморфный кремнезем и перекристаллизовавшийся кальцит, что согласуется с данными ранее проведенных исследований древних известковых строительных растворов (4 ÷ 6,2 и др.) и с результатами дифференциального термического анализа.

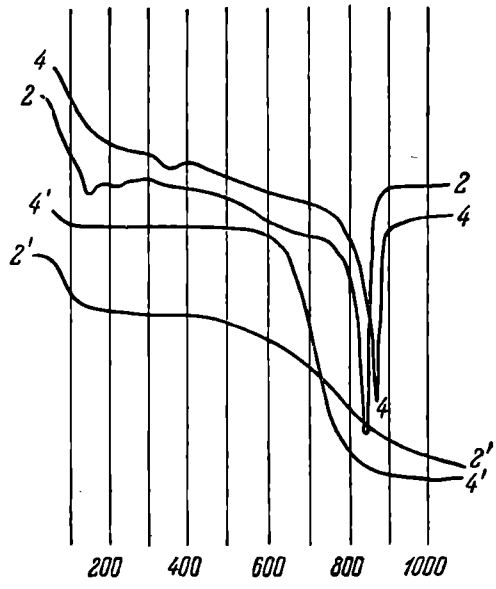


Рис. 2. Термограммы древних строительных растворов

2 и *4* — дифференциальные кривые проб № 2 и 4 (см. табл. 1); *2'* и *4'* — гравитометрические кривые этих же проб

Термограммы исследуемых строительных растворов (рис. 2) позволяют предположить в испытуемых пробах также наличие: гигроскопической влаги и гидратных опаловидных форм аморфного кремнезема (эндоэффекты при 145—160°), при отсутствии небольших количеств карбоалюминатов и железистых образований (эндоэффекты при 300—320°) и наличие большого количества карбонатов (эндоэффекты при 850—860°).

Сопоставление данных комплексного экспериментального исследования строительных растворов позволяет считать, что вероятное соотношение вяжущего (гашеной извести) к заполнителю в исходных составах было в пределах 1 : 1,1 до 1 : 1,5, а для пробы № 4 — 1 : 0,4, считая по весу. Причем можно отметить, что строительные растворы в основном близки между собой по составу и все успешно выдержали многовековую проверку временем при службе в условиях приморского закавказского климата.

Для определения возможного использования добавок белковых веществ (овечьей сметаны, яиц и т. д.) в древних строительных растворах [6] нами были проведены микробиохимические исследования (реакция с нингидрином с просмотром испытуемых проб под микроскопом при увеличении от 56 до 136).

Проведенные исследования подтверждают присутствие белковых веществ в строительных растворах (пробы № 3 и 4). Предварительные микроскопические исследования проб строительных растворов показывают, что в них нет микроскопических растений — мхов и лишайников, содержащих белок.

Присутствие белков в исследуемых строительных растворах, подтвержденное реакцией с нингидрином, позволяет предположить, что строители древних сооружений Баку использовали добавки белковых веществ для улучшения свойств строительных растворов. Однако категоричное утверждение было бы преждевременным, так как следы белка являются также и результатом поселения на древних сооружениях микроорганизмов — обитателей почвы и воздуха.

---

[6] И. Л. Значко-Яворский. Очерки истории вяжущих веществ...; В. Н. Левиатов. Ук. соч.

Критика и библиография

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА О СОДЕРЖАНИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА (1952—1964 гг.)

За рубежом растет интерес к искусству палеолита. Это сказывается в обилии печатных работ о первобытных шедеврах. С лекциями, книгами, статьями выступают археолог, этнограф, искусствовед, историк религии, биолог, спелеолог, реставратор, химик. Разнообразные вопросы так или иначе упираются в центральный: каков смысл, цели, значение искусства в его первую и самую длительную эпоху?

Английская «Иллюстрированная энциклопедия искусств» информирует читателя: «Пещерные рисунки возникли из магии и культа. Они служили для околдовывания дичи, необходимой для существования; считалось, что рисунок благодаря его магической силе обеспечит успех охоты с орудиями или ловушками» [1].

В японском журнале «Палеология» появилась статья Ж. Модюи, где весь путь палеолитического искусства объясняется нуждами магии и только ими. Закат этого яркого искусства на рубеже голоцена, оказывается, был вызван тем, что люди «разуверились» в его магической силе. А такие шедевры, как полихромная роспись плафона Альтамиры — всего-навсего предсмертные галлюцинации и бредовые видения, которые запечатлели умиравшие от голода охотники-мадленцы [2].

В труде французского художественного критика К. Зервоса читаем: «Проникнутый святым чувством палеолитический художник изо всех сил стремился к настоящему артистизму, но не замечал этого», так как «творил не для того, чтобы вызвать в другом человеке эстетическое переживание, и не для радости открытий». «Эстетический интерес для него не существовал»; искусство возникает лишь «как очень важное средство магической деятельности, оно рождено импульсом религиозного волнения» [3].

Итальянский спелеолог Д. Манино, сообщая об открытии в Сицилии наскальных гравюр палеолита, приводит непонятные линии и штрихи, нанесенные при входе в грот Розалиа, и сразу же объясняет: они служили для отпугивания «злых духов» своей магической силой [4].

Австрийский искусствовед Э. Фишер пишет: «На основании фактов, которых становится все более, мы можем заключить, что искусство первоначально, в своих истоках, было магией, магическим вспомогательным средством для овладения непознанной действительностью» [5] и чарующее воздействие искусства в наши дни — это память о магической роли его в палеолите.

Магическая теория преподносится широким кругам читателей в виде «абсолютной истины», «доказанной» специалистами. И первым в ряду специалистов называют аббата Анри Брейля (1877—1961). В фундаментальном труде «Четыреста веков наскального искусства» (1952), Брейль дал самую полную сводку документов-изображений на стенах 86 пещер и гротов Франции, Испании и Италии; здесь изложены общие взгляды Брейля на историю развития, хронологию и содержание наскального искусства палеолита.

Искусство всегда выражало доминирующие идеи общества,— говорит Брейль,— а в эпоху охоты на мамонтов и северных оленей первейшими заботами людей были преследования дичи, размножение ее в природе, успех охотничьих экспедиций. Им

---

[1] The Picture Encyclopaedia of Art. London, 1958, стр. 102.

[2] J. A. Maudit. L'origine d'art. L'Art Franco-Cantabrique. «Paleologia», IV, 3/4, Osaka, 1955, стр. 237.

[3] Ch. Zervos. L'Art à l'Epoque du Renne en France. Paris, 1959, стр. 58.

[4] G. Manino. Nuove incisioni Rupestri scoperte in Cicilia. «Rivista di Scienze Preistoriche», XVII, 1—4, Firenze, 1962, стр. 159.

[5] E. Fischer. Von der Notwendigkeit der Kunst. Dresden, 1961, стр. 12, 13.

посвящались обряды, танцы, церемонии, в ходе которых создавались гравированные панно, рисунки, скульптура, росписи. «Главное место в настенном искусстве темных пещер должно было принадлежать магии охоты» [6].

Брейль различает охотничью промысловую магию и магию воспроизводства дичи, а также магию уничтожения для борьбы с хищными зверями. Изображения женщин в скульптуре, барельефе, гравюре он относит к обрядам плодовитости, культу плодородия, а «замаскированные» или «гибридные» фигуры полулюдей, полузверей (в Альтамира, Фон-де-Гом, Истюриц, Труа-Фрер и др.) Брейль считает изображениями духов, влияющих на размножение зверей, на удачу охотничьих экспедиций. Но часть их может быть мифическими героями. Таков «колдун» из Труа-Фрер в шкуре бизона с предметом в руках, напоминающим музыкальный лук, который преследует и «очаровывает» двух зверей [7]. Одна из групп условных знаков на стенах пещер — «тектиформы» по Брейлю изображает хижины, отмечающие местонахождение душ предков в этих закоулках пещеры.

Магия охоты и воспроизводства дичи, культ плодородия, культ предков — вот традиционная схема магической концепции. Так она изложена и в учебнике Брейля и Лантье, вышедшем в 1959 г. вторым изданием [8]. Так до последнего времени излагался в общих курсах этот период искусства французским студентам — будущим этнографам и археологам. Обоснована эта концепция Рейнаком в 1903 г., затем Обермайером, Бегуэном и Брейлем. Такой же остается она и у современных теоретиков палеолитического искусства, хотя названия несколько меняются. Например, у И. Маринге́ра (ФРГ) встречаются термины «охотничья магия» промысловая и разрушительная, культ медведя, культ «богинь» (женские статуэтки), культ предков. Английский историк религии Джеймс употребляет несколько иные: охотничий ритуал, обряды размножения, священный танец, культ «богинь-матерей», культ умерших [9].

Во взглядах Брейля, как у айсберга, есть «подводная» часть, в несколько раз превосходящая видимую «надводную». Он возражал против того, чтобы «в каждой линии и в каждом изображении видеть магическую цель» [10]. Смысл их гораздо разнообразнее, истоки искусства не в биологических причинах, не в иррациональных представлениях, но в самых глубоких основах жизненного уклада, производства. Это «не индивидуальный, а социальный, коллективный факт». «В основе такого художественного творчества лежит глубокое знание звериных форм, которое может дать лишь ежедневный опыт жизни охотника на крупных зверей; нет крупной охоты — нет стенного натуралистического искусства; ... кроманьонцы, питавшиеся ракушками на морских берегах, не имели в основном этой психологической и трудовой базы; охота за съедобными улитками не развила их художественное воображение и трудовую сноровку... Напротив, охотники на мамонтов, носорогов, крупных оленей, быков и диких лошадей, не говоря уже о медведях и львах, накапливали за свою беспокойную жизнь мощные зрительные и динамические впечатления, это создало и развивало стенное искусство наших пещер и абри Испанского Леванта...» [11].

Иными словами, психический, социальный и производственный прогресс охотничьих коллективов в древнекаменном веке создали и развивали реалистическое искусство. Роль магии, религиозных представлений в этом процессе не является доминирующей и первоначальной. «Нет никакого сомнения, что художники любили свои творения, если создавали образы такой красоты, которая продолжает глубоко волновать и нас»,— пишет Брейль, как бы возражая против суждений Зервоса об отсутствии эстетического чувства у художников палеолита. Брейль считает нелепой гиперболизацию магических целей в ущерб эстетическим: «Эти два элемента не противоречат друг другу и взаимно не исключаются; они необходимо дополняют друг друга» [12].

Подчеркнутое Брейлем противоречивое единство эстетического и магического в содержании искусства древнекаменного века имеет чрезвычайную важность, но его недооценивают упомянутые ранее авторы. Особенно странно, что не замечают мыслей Брейля о самостоятельности эстетического начала в палеолитическом искусстве крупнейшие искусствоведы. Фишер, Зервос, Г. Кюн стараются представить его крайне ограниченно, лишь как часть магической деятельности.

Г. Кюн (ФРГ) рассматривает искусство от палеолита до железного века. Кюн продолжает отстаивать свою теорию о противоположности «сенсорного» искусства охотников и собирателей на стадии палеолита и «имажинативного» у скотоводов и земледельцев [13]. Возникновение и сущность изобразительного творчества Кюн

---

[6] H. Breuil. Quatre centes siècles d'art pariétal. Montignac, 1952, стр. 22.

[7] Там же, стр. 24.

[8] H. Breuil, R. Lantier. Les Hommes de la pierre ancienne (Paleolithique et Mesolithique). Paris, 1959, стр. 193—242, 329—349.

[9] E. O. James. Prehistoric Religion. London, 1957, стр. 23—30, 291.

[10] H. Breuil, R. Lantier. Ук. соч., стр. 226.

[11] H. Breuil, Quatre centes siecles..., стр. 22.

[12] H. Breuil. Ук. соч., стр. 23.

[13] H. Kuhn. Die Felsbilder Europas. Stuttgart. 1952, стр. 12—54. Эта же книга вышла в США в 1957.

объясняет исключительно культовыми целями. «Живописные изображения были всегда связаны с культом, не только в ледниковую эпоху, но и позднее, в мезолитическую, в эпоху неолита, бронзы и, наконец, на протяжении всех средних веков, вплоть до настоящего времени» [14]. Искусство, по Кюну, есть один из способов приблизиться к раскрытию «вечной тайны божества». Но в палеолите оно служило лишь магическим верованиям, ибо религии тогда еще не было. «Доисторические открытия ясно показывают, что в верхнем палеолите... господствовали магические концепции,— пишет он,— лишь в Азиле, в конце палеолита, впервые появились идеи анимизма; затем они развиваются и торжествуют в оседлых цивилизациях земледельцев. Боги появились позже, в конце неолита, а в бронзовом веке окончательно образовали пантеон» [15].

Позиция Кюна вызывает решительное возражение у западногерманского археолога И. Маринтера, но на наш взгляд не там, где следовало бы. «Религиозная эволюция в далеком прошлом человечества,— пишет он в полемике с Кюном,— была гораздо сложнее и разнообразнее» [16].

Все искусство палеолита было магическим, но этого мало, считает Маринтер. Оно было сверх того и глубоко религиозным, ибо за магией «всегда стоит божество». Таковы самые крайние позиции магической гипотезы, переходящие в прамонотеизм.

В книге с многозначительным названием «Доисторический человек и его боги» Маринтер скрупулезно собрал все, что могло бы подтвердить теорию абсолютного подчинения доисторического художника магии и религии, существовавшим якобы задолго до искусства. Он также опирается в своих построениях на авторитет Брейля. Но каких бы то ни было новых аргументов о центральной роли магии и религии в искусстве плейстоцена мы у Маринтера не найдем. Они традиционны, уже были 50, 40, 30 лет назад высказаны Рейнаком, Обермайером, Бегуэном, Кастере и Менажем. Прежде всего это ссылка на «секретность», труднодоступность пещерных шедевров. Недоступность априори считается намеренной «и свидетельствует, что перед нами не обычные, а религиозные и магические произведения» [17], «спрятанные от непосвященных» в темных закоулках и наводящие на посетителя «священный страх». Для примера приведены планы гротов Фон-де-Гом, Нио: в первом гроте рисунки начинаются в 65, во втором — в 460 *м* от входа. В рисунках бизонов со стрелами на боку из грота Нио, по словам Маринтера «ключ к этому искусству» [18]. Затем упоминаются знаки, отпечатки рук и другие изображения неясного смысла, однако неясность эта почему-то должна быть связана с магией.

Но позиция Брейля, как мы уже говорили, гораздо шире и реалистичнее магической концепции, и за подобными примерами у него кроется иной смысл. Брейль считал, что не надо преувеличивать локализацию рисунков в темной глубине пещер: их можно встретить и в дневном освещении, под скальными укрытиями, «абри», «где их могло быть больше, чем мы полагаем, ибо они особенно часто разрушались, тогда как глубокие галереи на тысячи лет укрыты от естественного разрушения».

Он сомневался и в «таинственности» пещерных фресок, указав причину разрушения их на первых десятках метров от входа в гротах — конденсация на их стенах теплого наружного воздуха. Он наблюдал процесс разъедания стен углекислой росой в Ласко, Комбарелль и других гротах и пришел к выводу: «Для пещер с более широко открытым входом такое действие проникает на несколько сот метров, и этим, без сомнения, объясняется отсутствие,— кроме как на очень большой глубине или в хорошо защищенных боковых ответвлениях,— украшений на стенах». Поэтому в Нио, как и в Фон-де-Гом, «речь идет не о намеренной локализации произведений искусства в глубине темной галереи, а о чисто физическом явлении» [19].

Брейль отмечал и частое несовпадение видового состава костей и изображенной фауны в различных местонахождениях, особенно по отношению к мамонту, волку, лисе, отсутствие изображений рыси при постоянной встречаемости ее костей в слое стоянки [20]. Значит, люди палеолита не всегда изображали именно тех зверей, на которых охотились в данное время.

Среди важных причин появления искусства он указывает на «воспитание детей», передачу знаний молодому поколению [21].

Брейль отметил, что некоторые знаки в пещерах могли быть топографическими, «позволяя смелым исследователям века северного оленя ориентироваться при посещении святилища». Например, единственный написанный красной краской знак «клавиформа» в Труа-Фрер находится в месте древнего соединения этого грота с гротом Тюк д'Одубер [22].

---

[14] H. Kühn. Auf den Spuren des Eiszeitmenschen. Dritte, 1956, стр. 119.
[15] J. Maringer. L'Homme préhistorique et ses dieux. Paris. 1958, стр. 43—44.
[16] Там же, стр. 44.
[17] Там же, стр. 138.
[18] Там же, стр. 139.
[19] H. Breuil. Quatre cents siècles..., стр. 24, 31—31, 75—78.
[20] Там же, стр. 43.
[21] H. Breuil. L'Occident patrie du grand Art Rupestre. Lisboa, 1957, стр. 12—13.
[22] H. Breuil. Quatre cents siècles..., стр. 195, 167.

Мы видим, что даже авторы обобщающих трудов, основанных на магической концепции, мягко говоря, невнимательно подходят к наследию Брейля.

В подтверждение «культа медведя» в конце палеолита Маринге приводит четыре изображения зверя из Труа-Фрер и глиняного медвежонка из Монтэспан. Свидетельств немного. Автор же делает на основе их вывод о культе, подобном медвежьему культу гиляков и айнов, причем приводит последний не по описаниям Сьёболдома и Шренка, а в пересказе В. Копперса [23]. Вряд ли нужно говорить, сколь неосновательны подобные построения.

В трактовке скульптурных изображений женщины-матери Маринге приближается к мнению наших ученых. «Только раскопки, проведенные в Центральной России и в Сибири, позволили подойти к вопросу по-новому и конкретно» [24].

Воспроизведенные в скульптуре женские предки семей, кланов и племен были покровительницами семейной жизни и в глазах людей ледниковой эпохи могли также способствовать успешной охоте. Несмотря на различие в деталях, говорит Маринге, женские фигурки свидетельствуют прежде всего о духовном единстве палеолитических обитателей Евразии от Пиренеев до Байкала.

Эти мысли были высказаны и обоснованы в работах П. П. Ефименко, С. Н. Замятнина, А. П. Окладникова. Маринге ссылается лишь на краткое изложение их в сводке Ганчара. Фактически это ссылка на теоретические работы названных выше советских исследователей и принятие Марингером точки зрения, основанной на материалистическом подходе к истории, очень знаменательно. Ведь он ставит перед собой диаметрально противоположную цель: доказать, что в искусстве древнекаменного века проявилась будто бы вера в единого бога.

Называя женские статуэтки «богинями», он приписывает им и нечто большее — почитание отвлеченной «исконной силы», которая породила людей. Подобную мистическую надстройку Маринге прибавляет в своей классификации ко всем названным выше верованиям верхнего палеолита и подчиняет им искусство. Даже украшения на оружии и бытовых предметах он считает выполненными с магическими целями, например для более меткого поражения зверя. Но и за магией, по его мнению, всегда есть «религиозный задний план», «сверхъестественные существа, духи или демоны» [25].

Эти мистические надстройки остаются на уровне сомнительных деклараций, не подкрепленных аргументами. Нельзя же принимать всерьез такой, например, довод: поскольку кроманьонцы обладали теми же духовными и умственными способностями, что и мы, они должны были «испытывать религиозные потребности и искать их удовлетворения» [26].

Маринге хочет построить в палеолите иерархическую лестницу богов, а на вершине ее поставить «верховное божество», «великого и сверхъестественного хозяина магии», «хозяина зверей». Для доказательства он пытается привлечь фигуры, сочетающие в себе черты человека и зверя. Среди произведений палеолитического искусства он насчитывает 55 таких изображений переодетых в зверя, которые чаще всего танцуют. Некоторые из них воспроизводят нематериальное «высшее существо»; по Марингеру, таким является прежде всего «колдун» из грота «Трех братьев» [27].

В чем Маринге видит особый и «сверхъестественный» смысл этого образа? Он идет здесь за Брейлем, но категоричнее в выводах. Необычное сочетание в его внешнем виде признаков многих зверей, как мирных, так и хищных, сходство его с «духом моря» меланезийцев (по Кондрингтону); «маг» нарисован в труднодоступном месте грота, на выступе, напоминающем кафедру.

Воображение немецкого ученого рисует картину, похожую на католическое богослужение. В таинственной глубине грота — подземного «храма» — «на кафедре», где находится это изображение, должен был занять место представитель этого божественного существа, маг из мяса и костей, чтобы служить перед старейшинами племени обряды, обеспечивающие размножение дичи и успех охоты.

Маринге одинок в этой трактовке «колдуна» из Труа-Фрер, в защите палеолитического монотеизма. Остальные сторонники магической теории видят в нем изображение обычного обряда, направленного на умножение дичи. В частности, таково мнение Кюна, Джеймса, Модюи.

И еще в 1934 г. Б. Л. Богаевский показал безосновательность попыток представить «колдуна» из «Трех братьев» в виде некоей «палеолитической иконы» [28]. Среди его аргументов есть и сравнение «мага» с меланезийским «духом моря». Сравнение показывает принципиальное различие этих изображений: если освободить «духа» от рыб, то не останется ничего определенного. Здесь мы имеем дело на самом деле с отвлеченным персонажем, «духом». А под атрибутами «колдуна» из «Трех братьев»

---

[23] J. Maringer. L'Homme..., стр. 131—136.

[24] Там же, стр. 179.

[25] Там же, стр. 175.

[26] Там же, стр. 277.

[27] Там же, стр. 171—176.

[28] Б. Л. Богаевский. О значении изображения «колдуна» в пещере трех братьев. СЭ, 1934, 4, стр. 34—72.

ясно проступает фигура человека с конкретными физическими признаками — племенного колдуна или простого охотника, самого сильного и удачливого в охоте, возможно изображенного в один из ответственных моментов обряда.

Негативная, критическая сторона выступления Б. Л. Богаевского сохраняет свою силу, так как Маринге не приводит ни одного нового довода в пользу «божественности» «колдуна»; он лишь повторяет все, что 30 лет назад опровергнуто.

Не случайно А. Ламенг-Амперер в очерке истории вопроса замечает, что во Франции считается «ложной в своей основе» и давно не популярной концепция «единобожия» палеолитического человека [29] — концепция, созданная Менажем в 1921 г. и защищаемая Маринге в 1958 г.

Основная масса материала, добытого археологией, не может быть втиснута в прокрустово ложе выводов Маринге об абсолютной магичности, культовости искусства в палеолите, о высокой степени его религиозности. Правда, видимость «доказательства» существует и обманывает часть археологов и представителей смежных наук.

Позицию большинства современных ученых можно охарактеризовать тезисом Л. Отекора: «Искусство переплетается с магией, но магия отнюдь не объясняет искусства» [30].

Итальянский археолог П. Грациози разделяет взгляды Люке о реализме искусства с первых его стадий, как следствии достижений разума и эстетического освоения мира [31]. Его труд «Искусство древнекаменного века» с самым полным до 1964 г. сводом памятников Европы и Азии, вышел на итальянском, английском и немецком языках. В трактовке их Грациози основное внимание уделяет художественной стороне, подчеркивает их необыкновенную экспрессивность, «импрессионистичность» и сложное отражение духовной жизни древнего народа. Судя по тому количеству сил и времени, которые люди палеолита отдавали искусству, к нему не могли побудить впечатления и вкус выдающихся индивидов,— подчеркивает Грациози,— первой причиной должна была стать «глубоко ощущаемая потребность коллектива». В гипотезах о «четвертичной магии» возможна доля истины, но и проявление чисто эстетических потребностей, без утилитарной цели, в этом искусстве не может быть отвергнуто. «Нельзя принять ни то, ни другое в их крайней форме» [32]. Грациози проводит грань между стенным искусством и малым. Последнее чаще отвечало эстетическим потребностям, декоративным целям, для которых изготовлялись гравюры и скульптура, но особенно часто с чисто декоративным замыслом связан орнамент на бытовых предметах [33]. Зато композиция натуралистических изображений зверей и людей на стенах пещер чаще отвечала колдовскому или мифическому содержанию. В условных знаках Грациози видит магические ловушки, ямы для зверей, изгороди. Но и в наскальном искусстве, по мнению Грациози, много «светских» сюжетов.

В дискуссии о культовом и даже сакральном смысле композиции из фаллических фигур на стене грота Аддора в Сицилии он привел убедительные опровержения такой трактовки и показал, что речь скорее должна идти о чисто светской сцене из жизни палеолитических обитателей Южной Италии, возможно об акробатических играх, которые так широко распространены в Средиземноморье в следующие эпохи [34].

Итальянский исследователь наскального искусства Э. Анати убедительно возражает Кюну. Под навесами скал Испанского Леванта изображены сцены исключительно мемориального характера: в них не видно религиозного или магического смысла,— пишет Анати [35]. А ведь Обермайер, Брейль, Вернер, считая их в основном мезолистическими, нашли там и рисунки зверей, живших в Испании лишь в плейстоцене: носорога, бизонов, лосей, которые и по стилю являются верхнепалеолитическими; они видят непосредственную связь левантского искусства с франко-кантабрийским, и их смысловое единство, основанное на отражении «жизни народа, занятого исключительно охотой» [36]. Если пещерное искусство было полностью магическим, как считает Кюн, или религиозным (по мнению Маринге), то почему же на востоке Испании при дальнейшем развитии оно стало светским в своей основе? — резонно спросим мы вместе с Анати.

---

[29] A. Laming-Emperair. Note à propos de sa thèse. BSPF, LIX, Paris, 1962, рис. 5, 6, стр. 428.

[30] L. Hautecoeur. Histoire de l'Art. 1. De la Magie à la Religion. Paris, 1959, стр. 18.

[31] P. Graziosi. Problemi d'arte paleolitica. Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protostoriche, 1, Roma, 1962 (63), стр. 309—310.

[32] P. Graziosi. Die Kunst der Altsteinzeit. Stuttgart, 1956, стр. 27.

[33] Там же, стр. 38.

[34] P. Graziosi. Qualche osservazione sui graffiti rupestri della grotta dell'Addaura presso Palermo. Bullettino di Paletnologia Italiana. Нов. сер., 65, 2, Roma, 1956, стр. 285—296.

[35] E. Anati. Quelques Reflexions sur l'art parietal. RSPF, LVII, Paris, 1960, стр. 700—701 (11—12).

[36] H. Breuil. Quatre cents siècles..., стр. 41.

«Даже среди современных первобытных народов,— говорит Анати,— мы знаем много случаев, когда эстетические и другие причины стали поводом для части фигурных изображений. Классический пример: искусство эскимосов Аляски... Давно признан повествовательный характер петроглифов юга-запада США...

Я спросил однажды бедуина в пустыне Негюэв, почему он делает стенные гравюры; он ответил просто: «Одни пастухи играют на флейте, другие — любят рисовать» [37].

Сопоставление современного первобытного искусства с палеолитическим — актуальная и сложная проблема. Над решением ее во Франции работает около 40 лет профессор этнологии Э. Патт.

«Искусство так часто связано с религией, что наводит на мысль о происхождении от нее». Так ли это было на самом деле? Есть народы, например, на Тибете, у которых все изображения пронизаны мистическим смыслом, и напротив, у некоторых индейцев Америки искусство не связано с религией. «Австралийцы чертят на земле следы зверей, чтобы учить или забавлять детей; они также изображают на память сцены удачной охоты. Алеуты делают фигурки зверей — игральные пешки» [38]. Много чисто «светских» изображений у бушменов.

Очевидно, в палеолите «...некоторые гравюры могли быть исполнены из простой любви к искусству. Мне кажется таким, прежде всего, изображение стада оленей, ланей и олененка на куске известняка из Лимейль,— пишет Патт.— Грациозное движение их передано с тонкостью, в которой не нуждается магия» [39].

С критикой религиозной трактовки «гибридных» изображений зверей-людей выступают многие исследователи. Так, Ласло Жи (Венгрия) удивляется несерьезности трактовки их, как духов или даже «богов», по наличию звериной шкуры и маске, и предлагает сопоставить с этими фигурами статуэтку из Бурети. По ней ясно видно, что тогда «...люди одевались в шкуры из чисто практических целей: они давали не только теплую одежду, но и связаны были с методами охоты». Следовательно, нельзя видеть магическую цель во всех изображениях человека в звериных шкурах [40]. Патт также считает, что в «переодевании» охотников надо видеть много причин, магическая среди них не главная. В палеолитических изображениях ничто не обязывает видеть колдунов или шаманов. Смысл некоторых из них, говорит Патт,— воспроизвести героев мифов [41], зачастую участвующих в сотворении мира и самого человека, общих предков всех членов рода племени, клана; от них, по легендам и преданиям, люди получили все практические навыки и представления о природе.

В рисунках бушменов часто соединяются мифологические сюжеты и обычные сцены охоты. Изображение предка для бушмена священно не более, чем доблести и подвиги его в реальной жизни. У бушменов также встречается наслоение гравюр и фресок, наблюдаемое и в палеолите: «творения художников почитали, пока хранили память об их авторе; затем другой художник мог писать свои сюжеты поверх их» [42].

Аборигены Австралии объясняют свои наскальные изображения без лица, рта и других деталей (странные с точки зрения европейца) тем, что «это не нужно, ведь каждый знает, где лицо». Они же заново переписывают и освежают красками старые фрески, и чем древнее фрески, тем чаще это делается. Так получается, что творения самых древних мастеров выглядят особенно молодо и свежо. Если такой обычай существовал в палеолите, то он объясняет некоторые странные фигуры, например знаменитый кабан о восьми лапах в Альтамире. Австралийцы порой изображают сцены удачных охот — без видимых магических целей. «Раненые» звери из пещер палеолитического времени могут быть сюжетами такого же рода. Так полагают и советские археологи [43].

Патт не делает определенного вывода — какую роль могли играть магия и религия в происхождении искусства. Он ограничивается рядом сомнений и указаний на относительность этой роли. Но данные этнографии дают возможность более четко сказать, что мистические представления не были главным содержанием искусства в эпоху его зарождения. Здесь действовал целый комплекс причин. В частности, важное значение имела мифологическая история, передача практического опыта младшему поколению и, конечно, эстетические побуждения. Именно комплексом причин социальных, утилитарных, медицинских, эстетических, причем магии не отводя главной роли, объясняет Л. Кутье находки «карандашей» из двуокиси марганца в гроте Пеш де л-Азэ (Дордонь, Франция). Их обнаружил Ф. Борд в слое мустье с ашельской традицией. Двуокись марганца, по мнению Ф. Борда, применяли для раскраски тела, шкур зверей, одежды и стен жилищ. Из этих примитивных

---

[37] E. Anati. Ук. соч., стр. 695—696.

[38] E. Patte. Les Hommes préhistoriques et la Religion. Paris, 1960, стр. 37.

[39] Там же, стр. 41.

[40] Laszlo Gu. L'art parietal — Remarques et problèms. AA, 9, 1—4, Budapest, 1958, стр. 40.

[41] E. Patte. Ук. соч., стр. 83.

[42] Там же, стр. 96.

[43] З. А. Абрамова. К вопросу об охоте в верхнем палеолите, СА, 1964, 4, стр. 180.

практических форм изобразительной деятельности развились многокрасочные росписи в палеолите [44].

Оригинальную попытку воссоздать происхождение и развитие искусства сделал геолог и археолог Ф. Бурдье. Он отрицает магические истоки искусства, ставя на первый план познавательные. Для Бурдье они, прежде всего, в связи небесных и сезонных биологических явлений; искусство пещер — своего рода «учебник» зоологии, астрономии, астрологии, пиктографии, математики [45].

За справедливость такого представления говорят результаты, полученные А. Маршаком (США), учеником Мовиуса. Изучая ряд зарубок, которыми были покрыты в плейстоцене пластины мамонтовой кости из Гонцов (СССР) и Кульна (ЧССР), азильские росписи в Испании. А. Маршак показал, что они могли фиксировать фазы Луны [46]. При любом толковании этого факта бесспорна сложность абстрактного позитивного представления о природе у людей в то время; бесспорны зачатки науки, далеко уводящие от примитивной магии. К сожалению, «космобиологическая гипотеза» Бурдье изолирует и гиперболизует одну эту сторону мировоззрения в палеолите, принимает часть за целое [47].

Любопытны исследования археолога А. Дельпорта. Найдя в Тюрсак (Дордонь, Франция), статуэтку женщины рядом с костями быка, Дельпорт обратил внимание на частоту подобного сочетания. В мустьерских захоронениях часто встречаются намеренное положение костей быка; в Ла Феррасси, Тешик-Таше, Мугарет-эс-Схул, Монт-Чирчео (Италия) и других памятниках, что позволяет говорить о причастности костей быка к акту погребения.

Позже, в верхнем палеолите, появляется частое соединение изображения женщины и фигур быка и бизона (Лоссель, Пеш-Мерль, Истюриц, Англь-сюр-Англен, Ла Мадлен и др.). Это «наводит на мысль о непрерывности некоторых элементов цивилизации: тысячи лет и глубокие различия культуры разделяют мустье и верхний перигорден, но «тема» положения костей присутствует; культуры перигордена и мадлена далеки друг от друга, но «тема» женщина — бизон живет» [48]. Очевидна закономерность, не объяснимая с магических позиций.

Вот лишь небольшая часть возражений против магической теории, которые нарастают по мере того, как количественное накопление фактов позволяет перейти к более глубоким сопоставлениям, топографическому и статистическому анализу.

А. Ламенг-Амперер, изучая фрески Ласко, обратила внимание на ритмику чередования одних и тех же видов зверей: быков, лошадей, козлов. Идеи о том, что пещерные росписи строились как большие композиции, изложена ею в ряде работ. Во многих случаях вопреки магической теории мы имеем дело не со случайной, а с намеренной группировкой фигур [49].

Композиционность построения настенных изображений в палеолите подтвердилась открытием в 1956 г. нового грота Руфиньяк в Дордони (Франция). Здесь насчитывается около 120 рисунков мамонтов, т. е. больше, чем во всех известных до того гротах Запада вместе взятых; группы мамонтов в Руфиньяк расположены так, что Нужье и Робер истолковывают композиции как «встречу стад», «войну мамонтов» [50].

Ламенг поставила перед собой еще более трудный вопрос: где объективные основания для анализа пещерного искусства? Показательно, что в процессе поисков ей постоянно помогали А. Брейль, Р. Лантье, другие сторонники магической теории. В 1962 г. Ламенг опубликовала результаты своих исследований. Подчеркивая важность ее труда, Бюллетень французского Общества доистории писал: «Эта книга — этапная; каждый исследователь первобытной истории обязан знать эту капитальную работу; она освещает совершенно по-новому искусство палеолита» [51]. Ламенг излагает различные концепции, появившиеся за минувшие 50 лет, и не находит объективных критериев, на основе которых утверждалось магическое, религиозное, культовое, тотемическое содержание искусства ископаемых людей.

Этнография помогает археологам восстанавливать образ жизни человека в плейстоцене. Но недостатки сравнительно-этнографического метода бесспорны. Ламенг

---

[44] F. Bordes. Sur l'usage probable de la peinture corporelle dans certains tribus mousteriennes. BSPF, 49, Paris, 1952, стр. 169—171.

[45] F. Bourdier. L'art préhistorique et ses essaies d'interpretation. Paris, 1962, стр. 35.

[46] A. Marshack. Lunar Notation on Upper Paleolithic Remains. «Science», 146, 3645, 1964, стр. 743—745.

[47] Подробнее о гипотезе Бурдье: Б. Фролов. К вопросу о содержании первобытного искусства. СЭ, 1965, 1, стр. 165—168.

[48] H. Delporte. Observations paléo-topographiques sur la Venus de Tursac. BSPF, LIX. Paris, 11—12, 1963, стр. 816.

[49] A. Laming. Lascaux Am Ursprung der Kunst. Dresden, 1959, стр. 150—160.

[50] L. R. Nougier, R. Robert. Rouffignac ou la guerre des mammouts. Paris, 1957, стр. 36—47.

[51] BSPF, XIX, 5—6, Paris. 1962, стр. 427.

делит их на три категории [52]. Магическая теория, построенная зачастую на произвольном использовании сравнительной этнографии,— заключает Ламенг, практически не имела достаточного основания.

Вместо нее предлагается более тщательное изучение археологических материалов и их сопоставление. Крупные специалисты, ранее изучавшие эти материалы, подходили к ним с точки зрения хронологии; когда же обратились к содержанию, то не искали новых путей изучения. Теперь, говоря словами Ламенг, нужно найти критерии содержания.

Критерии делятся на две группы: одна связана с контекстом, другая — с сюжетом изображений. «Контекст — это материальные условия, в которых находятся фигуры. Если орудия или оружие могли быть потеряны где придется... и место, которое они занимают внутри слоя, вызвали случайные обстоятельства, то для настенных произведений, как и выбитых на блоках, место было определено раз и навсегда». Кроме местоположения, контекст включает в себя присутствие следов обитания, отдельных предметов и т. д. и все следы использования произведения.

Сюжет произведения — свидетельство замысла художника. Изображение тех или иных зверей, людей, знаков, сопровождающие их детали, изолированность или определенное место в сцене, группе, их связь с сюжетами других композиций в ансамбле данной галереи и всего грота играют большую роль для выявления излюбленных тем древнейших художников и вдохновлявших их идей.

Она, вслед за Брейлем, выделяет в настенном искусстве Западной Европы две группы изображений; одна связана с открытыми небольшими гротами, скальными навесами; другая — с глубокими темными пещерами, где их не увидеть без искусственного освещения.

Укрытия с дневным освещением локализуются на севере (французские провинции Вьен, Ло, Эйзи). По технике выполнения здесь господствуют скульптура и барельеф. Подземные «святилища» тяготеют к югу Франции, к Пиренеям; в них исполнялись лишь гравюры и росписи.

В подземных святилищах больше знаков, особенно тектиформ, и группы зверей сложнее, присутствуют «фантастические» звери, получеловеческие существа, схематические фигуры людей. В местонахождениях под открытым небом изображено сравнительно небольшое разнообразие видов зверей (обычно мирные звери), но изображения реалистичны, а образ человека представлен «Венерами».

При крупных различиях обе группы настенного искусства имеют нечто глубоко общее: на первом месте в их темах стоят звери, их связи между собой и с людьми. Особенно часто повторяются сочетание двух видов зверей: бизон — лошадь, или бык — лошадь; порой их сменяют иные сочетания: мамонт и бык, бизон и кабан, лев и лошадь. «Несомненна намеренная симметричная композиция из взаимно-пересекающихся фигур лошади и бизона». Симметрия в их расположении сходна в гротах Ласко, Комбарелль, Пеш-Мерль, Альтамира, Фон де Гом, Габиллу [53].

Другая закономерность: изображения человеческой фигуры с клювовидной (похожей на птичью) головой в таких далеко отстоящих друг от друга гротах, как Ласко, Альтамира, Пеш-Мерль, Куньяк имеют общий смысл: эти персонажи находятся в трудном и опасном положении.

Начинают вырисовываться очертания нового неожиданного мира с богатыми мифологическими и космогоническими традициями. О смысле этого мира говорить рано, но сложность новых представлений очевидна. Они позволяют «перейти от магического понимания искусства палеолита к более сложному и богатому, с новым для нас содержанием»,— заключает Ламенг-Амперер [54].

А. Леруа-Гуран показал статистически, что знаки на стенах пещер нанесены в определенном и строгом порядке. В топографии подземелий можно наметить «центральные панно», т. е. группы изображений в самых просторных залах, удобных для обозрения, и периферические: во входных галереях, коридорах, лазах, закоулках, тупиках. На центральных панно в подавляющем большинстве изображены знаки одного типа: округлые, замкнутые, всегда крупные: «тектиформы», «клавиформы», «авиформы». (А. Леруа-Гуран обозначает их буквой β). В периферийных участках гротов встречаются знаки другого типа: удлиненные линии, штрихи, точки, «елочки» (по Леруа-Гурану, группа α) [55].

Поразителен результат проверки топографического размещения разных сюжетов. В центре больших панно находится 100% женских изображений, 94% из числа всех воспроизведенных бизонов, 96% зубров, 88% лошадей. Эти четыре сюжета резко выделяются частотой встречаемости в центральных местах подземных «храмов». Остальные тяготеют к периферийным участкам гротов [56]. Постоянное при-

---

[52] A. Laming-Emperaire. La signification de l'art rupestre paleolithique. Paris, 1962, стр. 138—144.

[53] A. Laming-Emperaire. Ук. соч., стр. 277, 281.

[54] Там же, стр. 294.

[55] A. Leroi-Gourhan. Les Religions de la Préhistoire. Paris, 1964, стр. 94—97.

[56] Там же, стр. 98.

сутствие в последних изображений носорога, кошки и мужчины неоднократно отмечал и Брейль [57].

Подсчеты Леруа-Гурана показали, на какую узкую базу археологических документов опиралась магическая теория: «раненые» звери составляют 2,6% всех зверей [58] (или около 1,8% всех изображений); «гибридные», «ряженые» и т. п. (фигуры — около 4%; знаки — 15%; изображения женщин — 2,5%. «Магические» сюжеты охватывают в сумме менее четвертой части всех произведений пещерного искусства [59].

Обзор современной зарубежной науки о палеолитическом искусстве позволяет сделать следующие выводы:

1. Приверженцы «магической» концепции односторонне используют взгляды старых специалистов, в частности Брейля, и зачастую в противоречии с фактами. Опорой концепции служат аргументы 40—50-летней давности, для каждого из которых уже высказано достаточно сомнений и опровержений.

2. Попытки сказать новое слово с магических позиций (Зервос, Кюн, Маринger, Модюи) идут по линии отвлеченных предположений о мистике палеолитического человека или прамонотеизме, за которыми нельзя признать объективности. Они приводят к отрицанию специфической сущности искусства.

3. У большинства ученых, особенно у специалистов-археологов, магическая схема вызывает скептицизм. Они находят новые закономерности в искусстве палеолита, которые отрицают магическую теорию.

4. Ламенг-Амперер и Леруа-Гуран выработали новые, более строгие методы анализа фактов, что позволило обнаружить сложные связи, реально существующие между отдельными палеолитическими изображениями. Если о смысле их до сих пор говорилось в основном по этнографическим параллелям, то теперь темы успешной охоты, плодородия и т. д. предстают в ином виде в сюжетах самого палеолитического искусства.

Сейчас можно возражать против толкования этих сюжетов как сексуально-символических. Можно спорить, были ли они по преимуществу историческими, натурфилософскими, эпическими и в какой степени присутствовала в них магия. Но даже факт построения композиций отрицает традиционную магическую схему их осмысления и, в частности, «однократное» использование изображений для целей магии.

За рубежом идет кризис магической концепции и начинается новый этап в изучении пещерного искусства. Его можно назвать «символико-мифологическим», так как авторы видят в пещерном искусстве устойчивые мифологические темы и настаивают на сложной символике образов.

Полувековое господство магической теории происхождения искусства в зарубежной науке предполагало под изучением палеолитического искусства и отраженного в нем первобытного сознания поиск прежде всего иррационального смысла. Новый этап создает предпосылки к движению в верном направлении: к выяснению рационального содержания и реалистического значения искусства в древнекаменном веке.

Б. А. Фролов

---

[57] Там же, стр. 99.

[58] Там же, стр. 101.

[59] Подробнее о результатах, полученных Леруа-Гураном и их интерпретации см. рецензию С. А. Токарева. СА, 1965, 3. С. А. Токарев. Рец. Andre Leroi-Gourhan. Le religion de la prehistoire (Paléolithique).

Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья.
Изд-во АН СССР., М.— Л., 1962, 222 стр. + 5 карт

В книге Ф. Д. Гуревич собраны и классифицированы археологические материалы обширной территории Белорусского Понеманья. Археологических монографий, посвященных древней истории, материальной культуре и этногении отдельных областей СССР, пока очень мало, и каждое такое исследование обычно вызывает большой интерес. Актуальность исследования по археологии Верхнего Понеманья обусловлена тем, что этот край в археологическом отношении был известен весьма плохо, между тем именно здесь длительное время осуществлялся тесный контакт между различными балтоязычными и славянскими племенами. Слабая изученность и отсутствие свода по археологии Верхнего Понеманья затрудняли исследование важнейших вопросов истории и этнографии края. Монография Ф. Д. Гуревич, являясь необходимым этапом в изучении прошлого Понеманья, послужит опорой в разрешении ряда вопросов восточнославянской, литовской и польской археологии.

Значимость рецензируемой монографии в большой степени определяется полнотой сбора источников — литературных, архивных и музейных. В этом отношении исследователем проведена большая и трудоемкая работа, так как материалы по

археологии этого края оказались разбросанными по разным изданиям, различным музеям и архивам в большей степени, чем археологические источники любой другой территории Восточной Европы. Можно отметить лишь единичные пропуски второстепенного характера. Исследователю, по-видимому, остались неизвестными полевые работы, произведенные в 20—30-х годах XX в. на территории Слонимского района местным краеведом И. И. Стабровским. В первой главе монографии, где исследователь знакомит читателя с историей археологического изучения белорусской части Верхнего Понеманья, об этих работах не сказано ни слова. Правда, дневниковые записи И. И. Стабровского не сохранились, а собранная им коллекция древних предметов была в значительной степени депаспортизована [1]. Все же коллекция Слонимского музея могла бы быть использована Ф. Д. Гуревич для характеристики древнейшего периода истории Белорусского Понеманья.

Вне поля зрения автора монографии остались и некоторые материалы Гродненского историко-археологического музея. Таковы, в частности, два могильника с трупоположениями X—XIII вв. при дер. Берестовица Великая и дер. Мигово, исследованные в 30-х годах. Один из этих памятников (Миговский) относится к группе каменных могил, его скелетные захоронения были обставлены камнями. Есть в Гродненском музее (правда, очень немногочисленные) материалы по неолиту Понеманья. Первые исследования Индурского городища были произведены не в 1955 г. (стр. 193), а еще в 1939 г. З. Дурчевским, материалы их находятся также в Гродненском музее. Здесь же нужно упомянуть ошущенный Ф. Д. Гуревич интересный курганный могильник при дер. Береговцы Желудокского района. К. Т. Ковальская в 1960 г. раскопала в нем четыре насыпи с трупосожжениями второй половины I тысячелетия. Заслуживали бы внимания и некоторые, почему-то не включенные в перечень археологических памятников Белорусского Понеманья, могильники, известные из археологической карты Ф. В. Покровского (например, каменные могилы при дер. Белевичи, курганы с сидячими захоронениями при дер. Гощево и др.).

Наконец, к материалам по археологии Верхнего Понеманья прибавляется интересный могильник, состоящий из курганов с каменными вымостками и каменными могилами, исследованный польскими археологами в 1936 г., публикация раскопок которого осуществлена уже после выхода в свет монографии Ф. Д. Гуревич [2].

В целом с произведенным Ф. Д. Гуревич распределением археологического материала Белорусского Понеманья на четыре хронологические группы нельзя не согласиться. Вызывает возражение лишь отнесение ряда неукрепленных поселений культуры штрихованной керамики к группе древнейших памятников (от эпохи мезолита до второй половины I тысячелетия до н. э.). Вообще остается неизвестным, какими мотивами руководствовался исследователь при разделении поселений со штрихованной керамикой на две хронологические группы, почему часть неукрепленных поселений культуры штрихованной керамики зачислена в группу древнейших памятников, а все городища с тем же керамическим материалом отнесены ко второй хронологической группе (последние века до нашей эры и первая половина I тысячелетия н. э.). Такое членение искусственно, ничем не оправдано и поэтому вызывает сомнения. Очень вероятно, что многие неукрепленные поселения культуры штрихованной керамики, отнесенные Ф. Д. Гуревич к древнейшим, существовали одновременно с городищами той же культуры. Более того, есть основания полагать, что некоторые из этих селищ (например, Славичи, где вместе со штрихованной керамикой найдены обломки глиняной посуды с шероховатой поверхностью) существовали и позднее, когда население покинуло городища.

Серьезные возражения вызывает нарисованная исследователем картина ранней этнической истории Белорусского Понеманья. Согласно Ф. Д. Гуревич, области Белорусского Понеманья в эпоху раннего металла (от конца II тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э.) были заняты племенами культуры штрихованной керамики (предположительно потомками местного неолитического населения), которые скорее всего принадлежали к балтской языковой группе. Прекращение жизни на городищах культуры штрихованной керамики в III—IV вв. автор объясняет гибелью этой культуры. Судьба населения, оставившего поселения со штрихованной культурой,— отмечает исследователь — не ясна. Возможно, что это население исчезло (стр. 35). В IV—V вв. северную половину Верхнего Понеманья заселяют восточнолитовские племена, переселившиеся сюда из северо-западных районов современной Литовской ССР. С самого начала второй половины I тысячелетия в южной части Белорусского Понеманья жили славяне. Вопрос о путях славянской колонизации Понеманья не затрагивается исследователем вовсе.

Древняя этническая история Верхнего Понеманья не может быть правильно восстановлена исключительно на материалах археологических источников. Привле-

---

[1] Краткие сведения о раскопках И. И. Стабровского в 1927 г. приведены в работе: R. Jakimowicz. Sprawozdanie z działalności Państwowego Museum Archeologicznego za 1927 rok. WA, XIII, Warszawa, 1935, стр. 223. О работах в другие годы имеется лишь газетная информация.

[2] D. Jaskanis. Materiały z badań wszesnośredniowiecznego cmentarzyska w miejscowości Podroś koło Wołkowyska w BSRR. «Rocznik Białostocki», III, 1962, стр. 337—361.

чение же данных гидронимики, этнографии и диалектологии показывает, что этническая история Понеманья была более сложной, чем это представляется автору рецензируемой монографии.

Прекращение жизни на городищах культуры штрихованной керамики в III—IV вв. не является свидетельством гибели этой культуры и исчезновения ее носителей. Обращение к археологическим материалам соседних территорий показывает, что именно в первой половине I тысячелетия в большинстве областей лесной полосы Восточной Европы в связи с изменением хозяйственной деятельности и общественных отношений произошла смена форм поселения. Население покидало городища, основной формой поселения стали селища.

Так, на Смоленщине процесс смены форм поселений происходил в то же самое время, что и в Верхнем Понеманье. В III—IV вв. местные балтские племена оставляют городища (верхнеднепровская культура раннего железного века). С середины I тысячелетия до прихода славян селища становятся основной формой поселений. Селища дославянского населения Смоленщины известны археологам, но изучены пока слабо.

В середине I тысячелетия прекратилась жизнь на многих городищах Волго-Окского междуречья. Как и в других местах, это обстоятельство не обусловлено изменением этнического состава населения. Произошла не смена населения, а изменение форм поселения. В южных областях Верхнего Поднепровья подобная картина наблюдается в самом конце I тысячелетия до н. э. и в первые два столетия нашей эры. В бассейне Десны городища юхновской культуры были оставлены населением к началу нашей эры, а в области расселения зарубинецких племен — в I—II вв. И там и здесь в I тысячелетии селища стали основной формой поселения.

Нет никаких оснований полагать, что прекращение жизни на городищах Верхнего Понеманья в течение III—IV вв. является свидетельством гибели культуры штрихованной керамики и исчезновения ее носителей. Как и в других областях лесной зоны Восточной Европы, в области распространения штрихованной керамики в это время население перешло с городищ на селища. Это не исключает отмеченного исследователями обстоятельства, что отдельные городища культуры штрихованной керамики перестали существовать в результате нападения иноплеменного населения, о чем свидетельствуют следы пожаров в верхних горизонтах культурного слоя этих городищ. Миграция новых племен, возможно, ускорила начавшийся процесс перехода населения на селища.

Селища культуры штрихованной керамики известны в Белорусском Понеманье, но все они обследованы лишь поверхностной разведкой, почему не могут быть точно датированы. Часть таких селищ одновременна с городищами, другая часть относится к послегородищенскому периоду. К числу последних наверняка принадлежат селища, на которых вместе со штрихованной керамикой найдены фрагменты посуды с шероховатой поверхностью. Последняя керамика вместе с гладкостенной окончательно вытесняет штрихованную в середине I тысячелетия. Изменение керамики на поселениях Верхнего Понеманья происходило постепенно. Шероховатая керамика появляется еще на городищах со штрихованной керамикой и по времени не связана с распространением курганного погребального обряда в восточных районах Литовской ССР. К тому же керамика с шероховатой поверхностью получила распространение и в тех районах Белорусского Понеманья, где курганы восточнолитовского типа не известны вовсе.

В середине I тысячелетии в северную часть Верхнего Понеманья проникла новая группа балтского населения, продвинувшаяся сюда из северных и северо-западных районов современной Литвы. Культура восточнолитовских курганов, получившая распространение в северной половине Верхнего Понеманья с I тысячелетия, по своему облику близка к культуре северо-западной Литвы, где аналогичные курганы известны уже в первые века нашей эры. Однако трудно согласиться с выводом Ф. Д. Гуревич, что носителями культуры восточнолитовских курганов было исключительно пришлое население, а восточнолитовские племена (литва древнерусских летописей) по своему происхождению связаны с северо-западными районами Литовской ССР. Этому заключению противоречат данные литовской этнографии и диалектологии, выявляющие глубокие и давние различия между западнолитовскими и восточнолитовскими районами, что в сочетании с археологическими материалами позволило Х. А. Моора прийти к выводу о различном происхождении восточнолитовских и западнолитовских племен[3]. В пользу последнего свидетельствуют и гидронимические материалы. Разграничение гидронимов с балтскими формантами *-ija* и *-eja* на территории современной Литвы соответствует рубежу культуры штрихованной керамики.

В восточной Литве широко распространены гидронимические названия на *-ija*. Далее на юго-восток речные названия с тем же суффиксом встречаются по всей территории распространения древних поселений со штрихованной керамикой. Наоборот, в западной Литве, где поселения со штрихованной керамикой неизвестны, господствуют названия на *-eja*. Подобное разграничение территории Литовской ССР,

[3] Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, 2, стр. 31—32.

в отдельных случаях менее четкое, обнаруживается и при изучении других диалектных гидронимических изоглосс.

В связи с этим нужно полагать, что население, оставившее культуру штрихованной керамики, при продвижении в северные районы Верхнего Понеманья новых племен с севера и северо-запада не покинуло своих мест расселения. Пришлое население смешалось с аборигенным и, по всей вероятности, было ассимилировано последним. Археологические материалы пока не позволяют проследить процесс расселения нового населения и изучить взаимоотношения его с местными племенами. Однако отдельные моменты влияния культуры штрихованной керамики на культуру восточнолитовских курганов второй половины I тысячелетия можно отметить уже в настоящее время.

Погребальные памятники населения культуры штрихованной керамики до сих пор не обнаружены. Скорее всего, это были грунтовые могильники с трупосожжениями, может быть, подобные могильникам балтских племен Верхнего Поднепровья, ставшими известными только в результате полевых работ самых последних лет[4]. На территории Литвы вне ареала поселений со штрихованной керамикой в первой половине I тысячелетия безраздельно господствовал обряд трупоположения. Пришедшее в северные районы Верхнего Понеманья балтское население, принесшее сюда курганный погребальный обряд, хоронило умерших по обычаям, характерным для западнолитовских племен. Все древнейшие восточнолитовские курганы (IV—V вв.) содержат трупоположения с северной и западной ориентировкой и одинаковы с курганами северо-западных районов Литвы.

В середине I тысячелетия в восточнолитовских курганах обряд трупоположения постепенно сменяется обрядом трупосожжения. Известны курганы переходного типа. Заслуживает внимания и тот факт, что первые трупосожжения в восточнолитовских курганах относятся к южным и юго-восточным окраинным районам распространения этих памятников, и в северных районах обряд ингумации сохранялся до V—VI вв.

Причины замены в восточнолитовских курганах обряда ингумации на обряд трупосожжения нуждаются в выяснении. А. З. Таутавичюс в связи с этим высказал предположение, что изменение погребального обряда обусловлено ятвяжским влиянием[5]. Однако это мнение представляется маловероятным, так как для подобного изменения погребальной обрядности были необходимы более серьезные причины, чем соседство восточнолитовских племен с ятвягами. Более реальным представляется предположение о распространении трупосожжения в восточнолитовских курганах под воздействием погребального обряда племен — носителей культуры штрихованной керамики. Ограничение ареала трупосожжений на территории Литвы в начале второй половины I тысячелетия исключительно областью распространения культуры штрихованной керамики и весьма постоянное распространение обряда трупосожжения в северной половине Верхнего Понеманья делает это предположение весьма правдоподобным. В связи с этим и учитывая своеобразие гидронимического и диалектологического материалов восточной части Литовской ССР, можно считать, что население второй половины I тысячелетия северных районов Верхнего Понеманья (литва русских летописей) сформировалось на основе местных племен культуры штрихованной керамики, в среду которых влилось пришлое население из северо-западных районов Литовской ССР. Иными словами, предками восточнолитовских племен были племена культуры штрихованной керамики, а не население северо-западной Литвы.

Этническую историю Верхнего Понеманья невозможно восстановить полностью, отказавшись от всяких попыток решения ятвяжского вопроса. Высказанное в монографии Ф. Д. Гуревич положение о том, что ятвяжские племена испокон веков жили исключительно в тех местах, где они зафиксированы письменными источниками XIII в., и никогда не заходили в области Верхнего Понеманья, ничем не аргументировано и представляется ошибочным.

Русские и польские историки XIX и начала XX в., исходя из косвенных данных русских летописей, основываясь на сведениях польских хронистов XV—XVI вв. и картографии географических названий типа «ятвяги», считали, что в раннее время (раньше XIII в.), кроме Сувалкии ятвяги заселяли области польского Подляшья, Берестейской волости и южную часть Верхнего Понеманья (Т. Нарбут, Я. Ярошевич, Н. П. Барсов, В. Б. Антонович, А. М. Андриашев, И. Филевич, М. К. Любавский и др.). В последнее время мнение о широком расселении ятвяжских племен решительно отвергается польскими историками и археологами, к мнению которых и присоединился автор рецензируемой работы.

Однако ограничить ятвяжскую территорию до XII—XIII вв. исключительно Сувалкией можно лишь в том случае, если не считаться с данными языкознания и гидронимики, неоспоримо свидетельствующими о широком расселении ятвяжских

---

[4] О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии. СА, 1962, 1, стр. 163; Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. МИА, 108, 1963, стр. 56—67.

[5] А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы. Сб. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, стр. 135.

племен в древности[6]. На основе изучения гидронимического материала Понеманья исследователи пришли к единодушному заключению, что эта область до славянской колонизации была заселена балтскими племенами. Среди гидронимов балтского происхождения в Сувалкии, Понеманье и Побужье выявляются речные названия специфически ятвяжские (западнобалтские). Впервые эту группу балтских гидронимов (название с суффиксом *-da*) описал К. Буга[7]. Новейшие исследования в области балтской гидронимики показали несомненность принадлежности этой группы речных названий к ятвяжскому гидронимическому типу[8]. Ареал ятвяжских гидронимов надежно очерчивает земли, когда-то занятые ятвяжскими племенами. В отличие от названий местностей типа «Ятвяги», которые могут быть объяснены поздними переселениями из Судавии XIII в., ятвяжский гидронимический слой не мог образоваться в результате поселений пленных из Судавии или ятвягов-беженцев.

Пребывание ятвягов в Верхнем Понеманье выявляется и по археологическим данным. На всей территории распространения ятвяжской гидронимики известны своеобразные погребальные памятники, по своему устройству существенно отличные и от погребальных сооружений славянских племен, и от могильных памятников восточнобалтских (литовских и латышских) племен. Это каменные курганы, к числу которых следует относить и погребальные насыпи, целиком сложенные из камня, и каменно-земляные насыпи, в которых камень являлся не случайным компонентом, а имел существенное значение при их сооружении. По внешнему виду каменные курганы (поверхность их задернована) обычно не отличаются от славянских и восточнолитовских погребальных насыпей, поэтому среди нераскопанных курганов Верхнего Понеманья, которые обычно исследователями относятся к славянским, наверняка есть еще немало невыявленных каменных курганов.

Каменные курганы Верхнего Понеманья по своему устройству аналогичны ятвяжским курганам северо-восточных районов Польши. Отличие верхненеманских каменных курганов от славянских и литовских погребальных памятников, их сходство с ятвяжскими курганами Сувалкии и совпадение ареала ятвяжской гидронимики с областью распространения каменных курганов позволяют отнести их к погребальным памятникам ятвяжского населения. В рецензируемой монографии каменные курганы не выделены в особую группу. Исходя из ошибочного представления, что, начиная с середины I тысячелетия, в Верхнем Понеманье жили только славянские и литовские племена, Ф. Д. Гуревич распределила эти памятники в зависимости от территории и частично вещевого инвентаря в группу славянских древностей или в группу восточнолитовских курганов. Исключение сделано лишь для курганного могильника, исследованного С. Круковским в Ясудове, который рассматривается предположительно как ятвяжский.

Наиболее ранним из числа исследованных в Верхнем Понеманье каменных курганов является один из курганов при дер. Версеке, датированный А. З. Таутавичюс IV в.[9]. К середине и ко второй половине I тысячелетия относятся каменные курганы исследованные в Богатой, Версочке, Вильканцах, Кощееве, Лоше, Понизье, Рымшанцы, Сырни. Все эти курганы, как и ятвяжские курганы Польши того же времени, заключают захоронения по обряду сожжения. По своему устройству они аналогичны каменным курганам Сувалкии. Небольшие различия, если и есть, носят весьма второстепенный характер. К числу ятвяжских курганов Верхнего Понеманья нужно отнести каменно-земляные насыпи, исследованные А. З. Таутавичюсом при дер. Девенишкес и Касткишкес на территории Литовской ССР[10] и некоторые из упомянутых выше курганов при дер. Береговцы.

Ятвяжские курганы северо-восточной части Польши, относящиеся ко второй половине I тысячелетия, бедны погребальным инвентарем. Эта же особенность присуща большинству верхненеманских каменных курганов. Вместе с тем, в Верхнем Понеманье исследованы каменные курганы, в которых остатки трупосожжений сопровождаются вещевым инвентарем. Заключению о ятвяжской принадлежности каменных курганов Верхнего Понеманья не мешают находки в них предметов, одинаковых с инвентарем восточнолитовских курганов. Все эти вещи принадлежат к типам, распространенным у многих балтских племен. Существенно, что в каменных курганах Верхнего Понеманья не обнаружено предметов, выделенных исследователем восточнолитовских курганов А. З. Таутавичюсом в число характерных только для восточнолитовских племен.

Каменные курганы сооружались в южной половине Верхнего Понеманья и в XI—XIII в., когда основным населением этого края были славяне. Ятвяги, разроз-

---

[6] Подробно вопрос о ятвягах в Верхнем Понеманье рассмотрен в статье: В. В. Седов. Курганы ятвягов. СА, 1964, 4.

[7] K. Būga. Jotvingu žemės upiu vardu galūnė-da. Rinktiniai Rastai, III, Vilnius, 1961, стр. 601—602.

[8] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 169 и 239.

[9] А. З. Таутавичюс. Ук. соч., стр. 135.

[10] A. Tautavičius. Salčiniku rajono pilkapiu tizinejimai. «Jš lietuviu kultūros istorijos», I, Vilnius, 1958, стр. 69—74.

ненные между славянами и постепенно ассимилируемые последними, долгое время сохраняли своеобразие в устройстве погребальных насыпей, но, отрезанные от собственной ятвяжской территории (Судавии), потеряли другие этнографические признаки. С начала XII в., по-видимому, под влиянием славянского погребального обряда, в каменных курганах Верхнего Понеманья господствует ингумация.

Весьма трудным является вопрос о времени появления ятвягов в южной половине Верхнего Понеманья. Не решая в настоящей рецензии этого вопроса, можно лишь заметить, что это произошло, по-видимому, в первой половине I тысячелетия, так как до III—IV вв. основным населением этого края было население культуры штрихованной керамики (не ятвяжское).

Начало славянской колонизации южной части Белорусского Понеманья определяется Ф. Д. Гуревич второй половиной I тысячелетия. К сожалению, точнее время появления славянского населения в этом крае определить пока невозможно. Древнейшими славянскими памятниками Понеманья, безусловно, являются длинные курганы. Однако эти памятники по существу еще не подвергались здесь серьезным раскопочным исследованиям. Все полтора десятка раскопанных курганов имели небольшие овально-удлиненные насыпи, относящиеся к переходным от длинных к круглым. Более того, все датируемые длинные курганы расположены в бассейне Вилии и на западной окраине Полоцкой земли, а не в южной части Верхнего Понеманья.

Возражая рецензенту, высказавшему в статье «Кривичи» предположение о переселении кривичей на Псковщину из районов (или через районы) Немано-Бугского междуречья, Д. Ф. Гуревич считает, что эта мысль не соответствует действительности, так как в южном Понеманье известны лишь длинные курганы сравнительно позднего времени. Это возражение преждевременно. Нельзя же датировать большую группу длинных курганов южной части Верхнего Понеманья на основе лишь пяти овально-удлиненных курганов, раскопанных здесь в разное время М. А. Цыбишевым и А. Г. Митрофановым, из которых время сооружения четырех насыпей вообще не может быть определено, а пятый относится к VIII—IX вв. Датировать же длинные курганы Бугско-Неманского междуречья на основе хронологии длинных насыпей Полоцкой земли несправедливо. В статье «Кривичи» было подчеркнуто, что на территории Бугско-Неманского междуречья пока не раскопано длинных курганов древнее VIII в., но датировка этим временем всех длинных курганов края, в том числе насыпей длиной 60—80 *м*, представляется невероятной.

По существу теми же данными аргументирует свое возражение против мнения о происхождении кривичей из областей Бугско-Неманского междуречья и Польши польский археолог К. Мусянович [11]. Повторяя, что факт отсутствия среди единичных исследованных длинных курганов Бугско-Неманского междуречья и Польши более древних памятников, чем древнейшие длинные курганы Псковщины (относящиеся к середине I тысячелетия), скорее всего объясняются исключительно слабой изученностью Верхнего Понеманья, нужно заметить, что вопрос о происхождении кривичей не может быть целиком отождествлен с вопросом о происхождении длинных курганов. К. Мусянович исключает области междуречья Вислы и Буга из земель, откуда могли происходить кривичи, на том основании, что в позднеримское время население этой территории не знало курганов, их погребальными памятниками были грунтовые могильники. Однако нельзя думать, что кривичи (или точнее та группа славян, из которых сформировались кривичи) с глубокой древности хоронили умерших в длинных курганах. Вполне возможно, что обычай помещать остатки трупосожжений в длинных курганных насыпях или вообще обычай сооружения длинных курганов появился у кривичей в период их первичного расселения на территории Восточной Европы и, может быть, первоначально на Псковщине, откуда этот обычай распространился и в другие районы расселения кривичей. А это значит, что поиски на территории Польши длинных курганов середины I тысячелетия и более раннего времени будут безрезультатны. Истоки культуры длинных курганов пока не обнаружены, но они могут быть найдены среди археологических памятников Польши первой половины I тысячелетия, по своему внешнему облику не имеющих ничего общего с валообразными погребальными насыпями.

Еще в статье, посвященной понеманским длинным курганам, Ф. Д. Гуревич, считая, что Бугско-Неманское междуречье было дреговичской территорией, высказала предположение о принадлежности этих памятников дреговичам [12]. Это мнение повторяется исследователем и в рецензируемой монографии. Основанием для подобного заключения служит опять-таки предположение о том, что область распространения длинных курганов в Верхнем Понеманье могла принадлежать лишь дреговичам. Последнее, к сожалению, осталось недоказанным.

Дреговичская принадлежность верхненеманской группы длинных курганов не может быть обоснована. Замечание Ф. Д. Гуревич, что длинные курганы исследуемой территории находятся в составе тех могильников, в которых обнаружены характерные древности дреговичей, ошибочно. В курганных могильниках, в состав

[11] «Rocznik Bialostocki», III, стр. 462—466.

[12] Ф. Д. Гуревич. Удлиненные и длинные курганы Западной Белоруссии. КСИИМК, 72, 1958, стр. 65.

которых входят длинные и удлиненные насыпи, не встречено ни одной этнически определяющей дреговичской вещи. Всякие попытки обнаружить связь между культурой длинных курганов Верхнего Понеманья, с одной стороны, и курганными древностями X—XII вв. летописной дреговичской территории (седоша межю Припетью и Двиной и нарекошася дреговичи) — с другой, оказываются безрезультатными. На дреговичской территории известны круглые курганы с лепной керамикой IX в., и все они расположены в южных районах этой области (на Припяти и ее притоках), свидетельствуя о расселении дреговичей с юга на север, а не из областей Верхнего Понеманья [13].

Мнение, высказанное в свое время В. З. Завитневичем и принятое Ф. Д. Гуревич, что типичной формой трупоположения дреговичей является помещение умершего в основании курганной насыпи, безусловно, ошибочно. Новые исследования курганных древностей древлян опровергли мнение В. З. Завитневича и показали, что для этого племени не менее характерны трупоположения на материке, чем для дреговичей или других восточнославянских племен. Помещение умершего на грунте в основании курганной насыпи было характерно и для кривичских погребений XI—XII вв.[14]. Руководствуясь старым необоснованным положением, что помещение умершего в подкурганной грунтовой яме является племенным признаком кривичей, Ф. Д. Гуревич выделила среди курганных трупоположений Верхнего Понеманья кривичские погребения и могилы дреговичей. На самом деле положение умершего в основании курганной насыпи и трупоположение в грунтовой могиле под курганом являются различиями не племенными, а хронологическими. Это неоднократно отмечалось исследователями восточнославянских курганных древностей и выявляется при анализе верхненеманских курганов.

Обнаруженные в курганах Белорусского Понеманья перстнеобразные височные кольца не являются исключительно дреговичскими, как думает Ф. Д. Гуревич. Подобные височные кольца характерны для женского головного убора ряда восточнославянских племен и, например, в кривичских курганах встречаются не реже, чем у дреговичей. Не могут быть надежным этническим определяющим признаком дреговичских трупоположений и перстнеобразные полуторооборотные височные кольца, так как они обычны и для курганов других племен юго-западной группы восточного славянства [15].

Типично дреговичским украшением являются металлически бусы, покрытые крупной зернью (в составе ожерелий). Основная масса этих украшений сосредоточена в области расселения дреговичей, как она рисуется по летописным материалам. В Понеманье найдены лишь три бусины этого типа (Высокое, Платово и Черниковщизна). Черниковщизненский могильник расположен в верховьях одного из верхних притоков Немана, т. е. на собственно дреговичской территории. Нахождение же дреговичских бус в одном из курганов при дер. Платово (близ Новогрудка) и в кургане при дер. Высокое (Ошмянский район) не может быть серьезным основанием для вывода о принадлежности Верхнего Понеманья дреговичам, а тем более для заключения о дреговичской принадлежности верхненеманской группы длинных курганов. Этот факт лишь свидетельствует о том, что в Верхнем Понеманье в XI—XII вв. имелись отдельные группы дреговичского населения, по всей вероятности, переселившиеся сюда с территории междуречья Припяти и Западной Двины. Этническая же история славянского населения южной части Верхнего Понеманья второй половины I и первых столетий II тысячелетия весьма своеобразна и не связана с историей дреговичей.

Немаловажную роль в изучении этнической истории Белорусского Понеманья мог бы сыграть анализ материальной культуры понеманских городов. К сожалению, автор, убежденный в том, что уже во второй половине I тысячелетия южная часть Верхнего Понеманья была славянской, даже не пытается ставить этот вопрос.

Работа Ф. Д. Гуревич является первым, очень необходимым этапом в изучении прошлого Верхнего Понеманья. Собирание материалов по археологии этого края было важнейшей задачей автора монографии. С этой точки зрения книга Ф. Д. Гуревич заслуживает весьма положительной оценки. Выход в свет этой монографии окажет непосредственное воздействие на изучение и разрешение вопросов истории материальной культуры и этногенеза народов Понеманья и соседних территорий.

В. В. Седов

---

[13] Подробнее об этом см. в статье: В. В. Седов. Дреговичи. СА, 1963, 3.

[14] В. В. Седов. Кривичи и словене. Автореф. канд. дис. М., 1954.

[15] В. В. Седов. О юго-западной группе восточнославянских племен. Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 197—203.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Б. А. ШЕЛКОВНИКОВА «РУССКОЕ СТЕКЛО ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ, РАСПИСАННОЕ ЭМАЛЯМИ»

В журнале «Советская археология» № 1 за 1965 г. опубликована статья Б. А. Шелковникова «Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями», где автор высказывает предположение, что древнерусские мастера занимались росписью по стеклу. Мысль автора вполне правдоподобна. В самом деле, существуют бесспорные данные о древнерусском стекловарении, с одной стороны, и великолепные образцы местного эмальерного дела, с другой. Б. А. Шелковников предполагает также, что поскольку стекла расписывались охлажденными, наиболее вероятно, что роспись совершалась не там, где происходила варка стекла, а в мастерских ювелиров-эмальеров. Роспись стекла, говорит автор, не только украшала посуду, но и повышала ее цену (стр. 206).

Трудно возразить против этих интересных соображений. Однако в центре древнерусского стекловарения и ювелирного дела в древнем Киеве Б. А. Шелковников не находит достаточно убедительных материалов для подтверждения своей гипотезы. Данные В. В. Хвойко, открывшего в 1907—1908 гг. в Киеве ювелирную мастерскую, в которой найдено несколько раздавленных расписных сосудов, слишком отрывочны. Не найдены стеклянные расписные сосуды и в других ювелирных и стекольных мастерских Киева, в которых, кстати, обычно сочетается эмальерное производство и стекловарение [1].

Не имея необходимых материалов в Киеве, Б. А. Шелковников полагает, что он находит их в расписных стеклянных сосудах, обнаруженных при раскопках древнерусского Новгорудка, безоговорочно признавая их русскими.

Прежде чем выразить свое отношение к оценке Б. А. Шелковниковым новгрудских стеклянных сосудов, нам хотелось бы отметить особый характер жилых построек, в которых найдены эти сосуды и другие изделия этого рода.

За время раскопок Новогрудка (древнерусского Новогородка) в 1956—1963 гг. установлено, что та его часть, которая именовалась окольным городом, в XII и до середины XIII в. была занята богатой, вероятнее всего, купеческой частью городского населения. От этого времени в окольном городе уцелели большие (до 90 $м^2$), вероятно двухэтажные дома, которые имели остекленные окна. Стены одной из таких построек были даже оштукатурены и покрыты фресковой росписью.

В больших и богатых постройках окольного города Новогрудка найден обильный и весьма специфический инвентарь. Основную часть его составляли домашняя утварь, оружие и предметы роскоши [2]. Среди этих последних особую группу образует разнообразная стеклянная посуда. В постройках XII—XIII вв. и в культурном слое этого времени найдены обломки более 100 сосудов, среди которых, наряду с русским стеклом, немало высокохудожественных образцов византийского и сирийского происхождения. Их публикации авторами настоящей статьи посвящена специальная работа, подготовленная к печати.

Отдельные сосуды Новогрудка были опубликованы, в том числе резной бокал («бокал Ядвиги») сирийского происхождения [3] и два расписных сосуда — фиолетовый кубок и синий флакон, которые автор публикации считает импортными, вероятнее всего византийскими [4]. Именно эти два сосуда Б. А. Шелковников считает русскими, не выразив своего определенного отношения к аргументации Р. М. Джанполадян.

После этих замечаний обратимся к системе доказательств, приводимых Б. А. Шелковниковым. Автор статьи подробно описывает оба сосуда, в первом случае кубок (стопа) фиолетового стекла, расписанный золотом, а во втором — синий флакон с росписью золотом и эмалью. Говоря о фиолетовом кубке, Б. А. Шелковников обосновывает его древнерусское происхождение тем, что, поместив на сосуде птицу в позе геральдического орла, художник якобы «радикально изменил голову, посадив ее на короткую шею, и вместо хищника изобразил мирного голубя» (стр. 210). Однако сам Б. А. Шелковников отмечает, что голова птицы плохо сохранилась, видны лишь шея и начало головы (стр. 209). Это хорошо видно на цветной таблице, где показаны сохранившиеся от сосуда фрагменты, послужившие основой для его восстановления [5]. Голова птицы дорисована одним из авторов настоящей статьи, выполнившим реконструкцию сосуда, М. В. Малевской (а не Марецкой, как называет ее Б. А. Шелковников, и не несуществующим художником Е. А. Дмитриевым) и имеет весьма условный характер.

Изображен ли на кубке и флаконе голубь или другая птица — это не имеет принципиального значения. Изображение птицы было очень распространено как

---

[1] М. К. Каргер. Древний Киев, I, М.— Л., 1958, стр. 398—401.

[2] Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новгородка X—XIII вв. СА, 1962, 1; F. D. Guriewicz. Badania archeologiczne w Nowogródku na obszarze BSRR w latach 1956—1961. «Rocznik Białostocke», IV, 1963.

[3] Ф. Д. Гуревич. Стеклянный резной бокал из Новогрудка. СА, 1963, 2.

[4] Р. М. Джанполадян. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. ВВ, XIX, 1961.

[5] Р. М. Джанполадян. Ук. соч., табл. I.

в византийском искусстве, так и в широкой области его влияний. Среди известных нам памятников сохранились изображения аистов, лебедей, орлов, павлинов, а также голубей, изображение которых ни в коей мере нельзя считать монополией мастеров только одной страны, а тем более строить доводы на основании условно реконструированных фигур.

В новогрудском синем флаконе Б. А. Шелковников видит опять «правдиво нарисованного голубя» (стр. 210), в то время как от птицы сохранилась лишь часть округлой головы и кончик хвоста [6], остальное реконструировано опять-таки условно.

Автор полагает, что в страны развитого стеклоделия ввозились лишь сосуды закрытой формы, в то время как хрупкие открытые сосуды, подобные фиолетовому кубку, ввозить было слишком рискованно. Эта причина, по мнению автора, служит вторым аргументом в пользу русского происхождения кубка. Но как же тогда отнестись к тому обстоятельству, что в окольном городе Новогрудке найдена целая серия стеклянных кубков с арабскими надписями, нерусское происхождение которых вряд ли вызывает сомнение? Открытый стеклянный сосуд с арабской надписью найден в Ополе (Польша) [7]. Обломки сосудов с арабской надписью обнаружены также в Киеве и древнерусском Слониме [8].

Неубедительно рассуждение Б. А. Шелковникова о такой детали формы стеклянных сосудов, как расширяющиеся книзу тулово. Эту форму автор считает характерной для русского стеклоделия (стр. 211), в то время как ни одного подлинно русского кубка с расширяющимся книзу туловом неизвестно. В качестве примера автор приводит лишь спорную реконструкцию одного сосуда, выполненную Рожанковским на основании фрагментов, найденных в мастерской Киево-Печерской лавры и мало напоминающую новогрудский кубок [9].

Стремясь обосновать древнерусское происхождение новогрудских сосудов, Б. А. Шелковников допускает ряд фактических ошибок. Так, непонятно категорическое утверждение автора о том, что в Западной Европе с VII по XII в. не существовало развитого стеклоделия. Автор поддерживает мнение французского исследователя Бареле, утверждавшего на основании изучения миниатюр, что в X—XI вв. вино пили прямо из бутылей, а рюмок и бокалов не существовало (стр. 215). Автор при этом игнорирует такие массовые находки, как стеклянные воронкообразные кубки, найденные в памятниках IX—X вв. в Бирке (Скандинавия), Хедебю (Дания), в ряде памятников Германии и других поселениях и погребениях. Эта стеклянная посуда, как полагает бо́льшая часть исследователей, производилась в западноевропейских, точнее в рейнских мастерских [10]. Употребление кубков отражено и на миниатюрах, например на миниатюре календаря-мартиролога Вандельберта (X в.) изображен человек, осушающий кубок воронкообразной формы [11].

Весьма произвольно освещает автор вопрос о находках стекла в древнем Двине. На основании данных первых лет раскопок Б. А. Шелковников считает, что в IX в. в Двине не было местного стеклоделия, так как в центральном квартале города не было найдено тонкостенных сосудов местной выделки. Раскопки последних лет в центральном квартале Двина (вблизи стен кафедрального собора, разрушенного землетрясением 893 г.) дали большое количество местных сосудов, сделанных из тонкого стекла. Эти сосуды найдены вместе с абассидскими монетами VIII—IX вв.

Новогрудские расписные сосуды, как считает Б. А. Шелковников, были сделаны не в киевских мастерских. По его мнению, они были слишком хрупки для транспортировки и, кроме того, один из сосудов — синий флакон — расписан только золотом и белой эмалью, в то время как сосуды киевской выделки вероятнее всего были бы полихромными. Б. А. Шелковников склоняется к мысли о том, что оба расписных сосуда изготовлены в самом Новогрудке или около него (стр. 216). Для подтверждения своего вывода автор мобилизует доступный ему археологический материал. К нему относятся: 1) наличие печей, не связанных с жилищем, 2) находка тигля и 3) огромное количество стеклянных браслетов. Автор пишет: «Перечисленные факты дают нам основание предполагать, что в Новогрудке раскопаны стеклоделательные мастерские» (стр. 216, примеч. 28). Как ни соблазнительно для участников археологических работ в Новогрудке согласиться с Б. А. Шелковниковым, но истинный характер материалов опровергает этот вывод. Печи, упомянутые Б. А. Шелковниковым, стоят не изолированно, а принадлежат разрушенным жилым постройкам и не имеют никаких признаков производственного назначения. Что ка-

---

[6] Там же, табл. II.

[7] W. Holubowicz. Opole w wiekach X—XI. Katowice, 1956, стр. 252.

[8] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.— Л., 1954, стр. 111, клад № 78. Собрание КИМ, инв. № 27166; В. Очкина. Археологические раскопки. «Советская Белоруссия», № 170, 22 июля 1959 г.

[9] Б. А. Шелковников. Стекло Киевской Руси X—XIII вв. ВВ, XVI, 1959, стр. 120, рис. 6.

[10] H. Arbman. Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937, стр. 111; M. Dekowna. Naczinia w szklane pochodzenia obcego na zemiach polskich we wczesnem sredniowieczu (X polowa XIII w). Slavia antiqua, IX, 1962, стр. 244.

[11] E. Oxenstierna. Die Wikinger. Stuttgart, 1959, стр. 2, табл. 25; H. Arbman. Ук. соч., стр. 73.

сается находки тигля, то это действительно так. Более того, помимо тиглей (в слоях XII—XIII вв. их найдено около 25 экземпляров) встречены ювелирный инструмент, литейные формочки и другие материалы, бесспорно свидетельствующие о развитии ювелирного дела в окольном городе [12]. Однако каков уровень этого ремесла? Новгрудские ювелиры изготовляли чрезвычайно простые украшения как для самого населения города, так и для окружающих поселений. Эмальерное дело было им чуждо. Среди новгрудских коллекций имеется всего три крестика с выемчатой эмалью — типичной продукцией киевских мастеров [13].

Могли ли ювелиры окольного города с их в общем невысокой квалификацией расписывать сосуды золотом и эмалью? Разумеется, нет.

Далее обратимся к находкам стеклянных браслетов. О производстве на месте даже таких массовых украшений в нашем распоряжении нет убедительных данных. Основная часть стеклянных браслетов была привезена из Киева. Лучшим доказательством этого является то, что со второй половины XIII в. после разгрома Киева стеклянные браслеты в Новгрудке исчезают. При собственном производстве в этом городе, не пострадавшем от монгольского нашествия, наверняка продолжалась бы выделка таких изделий, что наблюдается в Новгороде, Полоцке и других местах [14].

Таким образом, никаких признаков стекольного производства и тем более никаких стекольных мастерских, подобных киевским, в Новогрудке не обнаружено.

Нельзя не поразиться произвольному толкованию Б. А. Шелковниковым данных химического анализа древнерусских стекол. Игнорируя уже давно признанный археологами метод спектрального анализа химического состава стекла, как наиболее удобный и дающий вполне достаточный для археологических выводов результат, он неправильно трактует и выводы М. А. Безбородова. М. А. Безбородов на основании проделанных в большом количестве химических анализов стеклянных изделий (мозаики, браслетов, посуды, оконного стекла) пришел к заключению, что локальной особенностью русского стекла является свинцовый состав, а найденные в небольшом количестве стеклянные предметы натриево-кальциевых стекол «представляют собой, по-видимому, предметы ввоза» [15].

В лаборатории ЛОИА было произведено 20 спектрально-количественных анализов химического состава новогрудской стеклянной посуды. Характерно, что все экземпляры, отнесенные нами на основании стилистического анализа к изделиям древнерусских мастерских, были сварены по свинцово-кремнеземному и свинцово-калиево-кремнеземному рецептам, в то время как посуда восточного происхождения, к которой мы относим фиолетовый расписной кубок, синий флакон, фрагменты сосудов с арабской надписью, «бокал Ядвиги» и др., были по составу натриево-кальциево-кремнеземными [16].

Подлинность местного происхождения новогрудских расписных сосудов Б. А. Шелковников подкрепляет приемом изображения птицы на серебряной тарелке каменнобродского клада. Специфической трактовкой голубя в позе геральдического орла является, по мнению автора, способ, которым художник соединял крылья птицы с ее туловом с помощью параллельных черточек (стр. 217). Заметим, что именно таким же способом соединены крылья с туловом у птицы на сирийском кубке с арабской надписью, найденном в Новогрудке.

Древнерусскими по своему происхождению Б. А. Шелковников считает еще четыре стеклянных расписных сосуда. Два из них найдены на юге России и являются обломками кубков из фиолетового стекла; третий (из коллекции Р. В. Смита) представляет собой фиолетово-марганцевый флакон, расписанный золотом и как-будто эмалью; четвертый — синий расписной флакон, найденный в византийской крепости на Кипре (стр. 223). Автор подробно описывает эти изделия, и основной ход его мыслей сводится к тому, что древнерусскими они являются по той причине, что сделаны как подражание византийским, но намного хуже. Говоря о кипрском флаконе, Б. А. Шелковников заключает: «...Композиция, лишенная ритмической стройности, и весь небрежный характер росписи исключают византийское происхождение флакона, понимая «византийское» в том смысле, как нами принято» (стр. 224). Подлинно византийскими образцами Б. А. Шелковников считает только три сосуда (венецианскую чашу, коринфский и двинский флаконы), так как они выполнены по классическим нормам этого искусства. Все остальные сосуды, признанные исследователями византийскими, автор считает древнерусскими не только на основании анализа стиля и формы, но и потому, что они выполнены недостаточно мастерски.

В поиках образцов русского расписного стекла Б. А. Шелковников следует методу Н. П. Кондакова, который русское эмальерное производство рассматривал через призму византийского влияния, определяя степень сходства с византийским оригиналом [17].

---

[12] Ф. Д. Гуревич. О жилищах окольного города древнего Новогородка. КСИА АН СССР, 87, 1962, стр. 76.

[13] Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе..., рис. 8, *3*.

[14] Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты древнего Полоцка. СА, 1965, 1, стр. 227.

[15] М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 259.

[16] Анализы произведены Д. В. Наумовым.

[17] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 375.

Не следует забывать то обстоятельство, что и в Византии были мастера и мастерские разного уровня и квалификации. Если венецианскую чашу можно считать образцом классического, столичного искусства, то коринфский и двинский сосуды оказываются выполненными на более низком уровне и, возможно, относятся к провинциальному искусству. Нам кажется, что новогрудские сосуды, которые носят много характерных черт византийского искусства, также относятся к одной из провинциальных мастерских.

Синий расписной флакон, найденный на Кипре и аналогичный синему флакону из Новогрудка, автор считает изделием новогрудского мастера, предполагая, что он мог принадлежать славянскому воину, состоявшему на службе в византийских войсках. Трудно всерьез оспаривать это невероятное предположение.

В большой и разнообразной коллекции новогрудского стекла хорошо выделяется восточная стеклянная посуда. Наряду с многочисленными амфорами, заполненными, главным образом, вином, костяной византийской шкатулкой, от которой сохранилась резная пластинка, и другими привозными изделиями, богатое население города снабжалось изысканной стеклянной посудой, сделанной в сирийских и византийских мастерских. Продукцией этих последних являлись также кубок и флакон, описываемые Б. А. Шелковниковым.

В Новогрудке было много и древнерусской киевской посуды в виде кубков, бутылей, рюмок, блюд и др. Отдельные образцы их были и расписными. Такова, в частности, плоская чаша, расписанная коричневыми кругами, и некоторые другие фрагменты посуды, но они сделаны по свинцово-калиево-кремнеземному рецепту.

Новогрудок не является исключением среди древнерусских городов Западной Руси. Выше упоминался обломок сосуда с арабской надписью из Слонима, а во время раскопок древнерусского Турова найдено много обломков стеклянной посуды как из русских, так и из византийских мастерских [18].

Прекрасные образцы привозной посуды, как и весь разнообразный импорт Новогрудка, рисует развитые полнокровные связи, которые существовали у западных областей древней Руси с переднеазиатскими отдаленными странами.

Атрибуция Б. А. Шелковникова новогрудских сосудов неверна. Автор дает подробный искусствоведческий анализ вещей, пользуясь при этом большим научным аппаратом, но для подкрепления своих позиций приводит наряду с другими поздние аналогии (вышивки XVIII—XIX вв.) и игнорирует все, что противоречит его концепции. В статье много фактических ошибок, некоторые из них мы упоминали выше. Отметим и такое неправильное утверждение, будто памятников домонгольского художественного ремесла сохранилось ничтожно мало (стр. 217). Работа небрежно отредактирована автором. Дважды упомянут несуществующий художник, исполнивший рисунки сосудов под именем Е. А. Дмитриева, тогда как по реконструкциям М. В. Малевской это осуществил художник Е. С. Матвеев.

Б. А. Шелковников известен как большой знаток стекла и керамики. Читатели, далекие от этого материала, могут не заметить всех тех несоответствий и необоснованных выводов, которые имеются в его статье, а ошибочный вывод об образцах расписного древнерусского стекла утвердится в нашей литературе. Для предотвращения этого и написана данная статья.

Ф. Д. Гуревич,
Р. М. Джанполадян,
М. В. Малевская

[18] М. Д. Полубояринова. Стеклянная посуда древнего Турова. СА, 1963, 4.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Не входя в полемику с основными положениями статьи Б. А. Шелковникова, которые представляются мне, однако, недостаточно доказанными, я хочу остановиться лишь на некоторых, ближайшим образом меня интересующих моментах.

Прежде всего считаю необходимым указать на неточную цитату из моей статьи «Крышка серебряного сосуда из Ненецкого округа» (СГЭ, XV, 1959, стр 49—52). Заключая свою предварительную публикацию этого предмета, я писала: «Не исключая возможности его изготовления в византийском провинциальном центре, мы склонны его отнести скорее к балканскому, а может быть и древнерусскому производству, вероятно XII в.» (стр. 51—52). Б. А. Шелковников заменяет слово «балканскому» словом «болгарскому» и далее вступает со мной по этому поводу в полемику (стр. 220, примеч. 42).

Должна признать, что до настоящего времени, несмотря на то, что при дальнейшем исследовании ненецкого сосуда мною были найдены аналогии для ряда элементов его убранства [1], я не решаюсь уверенно определить место его производства.

[1] А. В. Банк. Византия и Восток по некоторым данным прикладного искусства XI—XII вв. Тр. XXV Международного конгресса востоковедов, I, М., 1962, стр. 555—561.

Б. А. Шелковников, в сущности, не добавив ни одного нового аргумента и не опровергнув ряда моих, безоговорочно определяет сосуд как русский (рис. 7).

Если в пользу отнесения этой крышки к русскому производству можно привести хотя бы некоторые доводы, то таковых, можно сказать, нет для чаши, найденной в составе клада из Тарту. В статье «Серебряный сосуд из так называемого Тартуского клада» [2], оставшейся Б. А. Шелковникову неизвестной, я пыталась рассмотреть все связанные с этим предметом вопросы. Лишь композиция на дне сосуда — две птицы по сторонам стилизованного растения — встречаются в искусстве древней Руси, впрочем так же, как в ряде других стран. Все остальные элементы украшения этого предмета резко выпадают из наших представлений о древнерусском искусстве.

Как бы ни оценивать мои наблюдения и заключения (которые кстати сказать, и послужили Б. А. Шелковникову для установления связей между рядом серебряных предметов), его утверждение, что две братины, впервые изданные А. А. Спицыным [3], сосуд из клада в Тарту и крышка из Ненецкого округа, изготовлены в России и к тому же «в одном производственном центре» (стр 220) — представляется, по меньшей мере, мало вероятным. Автора не смущает ни разница в технике и в стиле, ни резкие отличия в типологии лиц, ни своеобразие реалий; ему достаточно одного, максимум двух, сходных элементов для столь ответственного заключения.

Мельком Б. А. Шелковников касается еще двух серебряных сосудов (одного — найденного близ с. Вильгорт, второго — около Чернигова), почему-то названных им, как и все предшествующие, братинами [4]. Автор волен принять определение этих предметов, предложенное Н. Холостенко [5]. Мне пришлось в свое время упрекнуть последнего в том [6], что он не знал работы И. А. Орбели, посвященной вильгортской чаше [7]. Б. А. Шелковников дает ссылку на эту статью, однако полностью ее игнорирует. Возможно, что покойный ученый (крупнейший специалист в области средневековой, особенно восточной, торевтики) ошибался в определении этой чаши как киликийской, но мне представляется неуважением к его памяти безоговорочное отнесение ее к русскому производству без всякого рассмотрения аргументации, приведенной И. А. Орбели.

Попутно хотелось бы коснуться еще некоторых вопросов, затронутых в статье Б. А. Шелковникова. Так, на стр. 213, говоря об орнаментальном искусстве Византии, он утрирует картину его однообразия. Даже не вполне удачно приведенный им пример декоративного убранства ларцов из слоновой кости, скорее всего действительно изготовленных в одном центре, не дает оснований для такого суждения. Наряду с объединяющими всю эту группу орнаментальными розетками здесь встречаются и другие мотивы, в частности растительные побеги, сходные с теми, которые Б. А. Шелковников считает характерными для некоторых упомянутых сосудов [8].

Б. А. Шелковников, подобно многим другим ученым, рассматривает византийскую культуру упрощенно: он воспринимает лишь ее «высоты» и, видя отступление от этих высот, отступает даже от собственного принципа: приписывать найденные на определенной территории предметы неукоснительно лишь тому народу, который ее населял. Это имеет место в отношении флакона, найденного на Кипре. Гипотеза об изготовлении этого сосуда на Руси и его привозе на Кипр восточно-славянским воином (стр. 224) является более чем сомнительной.

Количество материала для ряда выдвинутых Б. А. Шелковниковым положений пока еще явно недостаточно. Решительность его суждений не может не вызвать возражений со стороны специалистов.

А. В. Банк

---

[2] Сб. Древние могильники и клады. II, Таллин, 1962, стр. 275—281.

[3] А. А. Спицын. Из коллекций императорского Эрмитажа. СПб., 1907, стр. 22—26, табл. IX—XI; А. В. Банк. Серебряная братина XII—XIII вв. Сб. «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр 255—260, табл. 43—46.

[4] Б. А. Шелковников. Уч. соч., стр 220, примеч. 41.

[5] Н. Холостенко. Новый памятник древнерусского искусства. «Искусство». 1958, 9, стр. 62—65.

[6] А. В. Банк. Серебряный сосуд из так называемого Тартуского клада. Археологический сборник, II, стр 279.

[7] И. Орбели. Киликийская серебряная чаша конца XII в. Сб. «Памятники эпохи Руставели», стр. 261—274, табл. 47—48.

[8] A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen, 1, Berlin, 1930, No. 6, 7, 43, 44, 48, 49.

Кстати говоря, и предельно стилизованные, геометризованные элементы растительного орнамента, именно в той форме, о которой говорит Б. А. Шелковников на стр. 223, отрицая византийское происхождение сосуда из собрания Смита, можно найти на чисто византийских памятниках: на серии сходных между собой серебряных изделий растительный орнамент постепенно перерастает в такого же рода спирали. А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. ВВ, XIII, 1958, рис. 7.

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ СОБОР ИЛИ ПРИДЕЛ ВАСИЛИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Несколько лет назад Н. Н. Воронин опубликовал статью о двух малоизвестных архитектурных памятниках Московского Кремля [1]. Оба памятника являются остатками белокаменных соборов. Один из них, сохранившийся лишь в подклетной части, это, по мнению Н. Н. Воронина, дворцовый Благовещенский собор, построенный в 90-х годах XIV в.; другой памятник — церковь Рождества богородицы, которая точно датируется 1393 г. [2]. Несмотря на то, что эти соборы открыты и обследованы специалистами давно, в научной литературе они были представлены совершенно недостаточно, и публикация Н. Н. Воронина, снабженная обстоятельными планами и отличными снимками, естественно, приобрела значение первоисточника. Между тем, некоторые выводы автора кажутся нам несколько сомнительными. Мы имеем в виду комментарий, относящийся к собору Благовещения. Публикуя белокаменный подклет Благовещенского собора в качестве остатков первоначального здания, Н. Н. Воронин высказался о необычности облика этой придворной церкви. Она выступала в реконструкции как постройка, незначительная по занимаемой площади [3], бесстолпная и с одной апсидой [4]. Она возвышалась на подклете, высота которого, очевидно, приходилась на уровень второго этажа великокняжеского дворца, откуда проникали в храм по специально устроенным переходам. Опираясь на полученные данные, Н. Н. Воронин обозначил постройку «княжеской домовой капеллой». Однако нельзя быть уверенным в том, что белокаменный подклет есть подклет именно Благовещенского собора, а не другого здания того же времени. Эта «капелла» больше напоминает деревенскую церковь типа храма в с. Каменском (первая половина XV в.) [5] или небольшие бесстолпные посадские храмы XV—XVI вв. [6], чем дворцовую церковь великого князя. Но, пожалуй, ближе всего кремлевская постройка стоит к форме придела. Приделу свойственны и малые размеры, и одна апсида, и бесстолпная конструкция. Таковы приделы Никона Радонежского при Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры (1548, 1623) [7], Саввы Сторожевского при соборе Рождества богородицы в Савво-Сторожевском монастыре в Звенигороде (после 1547 г.), южный придел Никитского монастыря в Переяславле-Залесском (1528 г.) [8]. Именно с приделом старого Благовещенского собора хотелось бы связать белокаменный подклет, опубликованный Н. Н. Ворониным.

Но имелся ли при старой Благовещенской церкви придел, а если он существовал, то каким он был — самостоятельным зданием или престолом, устроенным в дьяконнике? Ответ на этот вопрос вытекает из летописных свидетельств о соборе 1484—1489 гг., которым заменили постройку Василия Дмитриевича, а также из материалов, относящихся к XVI в. Ни Н. Н. Воронин, ни Н. Виноградов, посвятивший второму каменному Благовещенскому собору специальное исследование [9], не привели полностью известия об освящении выстроенного Иваном III храма. Вот это сообщение: «Того же лета (1489), августа в 9 день, на память святого апостола Матфеа, священна бысть церковь Благовещение пресвятыа богородица, на великого князя дворе, на сенех. Того же месяца в 20, на память святаго пророка Самоила,

---

[1] Н. Н. Воронин. Два памятника архитектуры XIV века в Московском Кремле. Сб. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 23—52; его же. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. XIII—XV столетия, II, М., 1962, стр. 245—263. В дальнейшем все ссылки на эту работу Н. Н. Воронина даются по ее первой публикации.

[2] Церковь Рождества не имела подклета, а дошедшие до нас фрагменты представляют собой нижнюю часть храма с двумя круглыми и двумя квадратными подкупольными столпами. В западной части здание сохранилось со сводов хор.

[3] Размеры главного помещения подклета 7,00×6,96 *м*. Н. Н. Воронин. Два памятника архитектуры ..., стр. 27 и рисунок.

[4] Там же, стр. 31.

[5] М. Преображенский. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891, стр. 42, табл. II; Л. А. Давид. Б. А. Огнев. Забытый памятник московского зодчества XV в. КСИИМК, 62, 1956, стр. 51—55.

[6] Церкви: Зачатия Анны в Углу в Китай-городе (1478—1493); Трифона в Напрудном (1479—1492). Л. А. Давид. Церковь Трифона в Напрудном. Сб. «Архитектурные памятники Москвы XV—XVII вв. М., 1947, стр. 33—54; Никиты Мученика за Яузой (начало XVI в.); М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы. МИА, 12, 1949, стр. 5—7, 20—23; Жен Мироносиц (1566). А. Ф. Дубынин. Археологические раскопки в Зарядье в 1956 году. КСИИМК, 79, 1960, стр. 64—71.

[7] Краткий летописец Святотроицкия Сергиевы лавры. Сб. «Летопись занятий Археографической Комиссии, 1864 год», III, СПб., 1865, стр 21, 25.

[8] Южный придел собора Никитского монастыря никогда не был самостоятельным зданием. Он построен одновременно с главным собором, как доказал недавними исследованиями памятника архитектор В. И. Балдин.

[9] Н. Виноградов. Новые материалы об архитектуре древней Москвы. Благовещенский собор в Кремле.«Сообщ. Ин-та истории искусств АН СССР)», I, М.— Л., 1951, стр 69—78.

священа бысть церковь Василей Кесарийский, придел у Благовещения»[10]. До сих пор местоположение придела не было установлено, ибо он упразднен еще в 1654 г.[11]. Но мы имеем о нем любопытные данные XVI в.

В одной летописи, замечательной своими подробностями и обстоятельным изложением событий эпохи Ивана Грозного, говорится, что в 1564 г. «обновлен бысть придел Великий Василий Кесарийский во храме Благовещения святыя Богородица, что на Сенех, а прежтогототпрестол был в паперти от Казенного двора»[12]. Под названием «Казенный двор» в истории Московского Кремля известна постройка, занимавшая пространство между Архангельским и Благовещенским соборами. Казенный двор сооружен в 1483—1484 гг. той же самой артелью псковских зодчих, которые возводили второй Благовещенский собор[13]. Здесь хранились ценности великокняжеской казны. Подвалы Казенного двора использовались также в качестве тюремных казематов. В 1492 г. сюда был посажен брат Ивана III князь Андрей Угличский, скончавшийся через два года[14]. Казенный двор стоял ближе к Благовещенскому собору, чем к Архангельскому, как это можно заключить из слов Павла Алеппского[15]. На годуновском чертеже Кремля Казенный двор показан у самого юго-восточного угла Благовещенского собора[16]. Значит, по ссылке летописи XVI в. престол Василия Кесарийского занимал южную паперть здания. Это подтверждается и другим известием той же летописи. В 1564 г. Иван Грозный повелел расписать фресками паперть Благовещенского собора «за дверми над лесницею от площади»[17]. Словами «от площади» всегда уточнялась северная галерея, обращенная в сторону грановитой палаты, поэтому галерея «от Казенного двора» будет южной.

Извеков утверждал, что придел Василия Кесарийского был основан в 1489 г. великим князем Василием III «в честь своего ангела»[18]. Это ошибка, ибо в 1489 г. великим князем был не Василий III, а его отец Иван Васильевич, и вообще придел никак не связан ни с личностью Василия III, родившегося в марте и получившего имя в честь Василия Парийского[19], ни с личностью Ивана III. Остается принять, что Иван III не учреждал придела Василия Кесарийского вновь, а как бы восстановил его взамен уничтоженного придела, бывшего при старом соборе. Наименование придела указывает на то, что его строителем был князь, патрональным святым которого

---

[10] ПСРЛ, VIII, СПб., 1859, стр. 218; XII, 1901, стр. 221; XVIII, 1913, стр. 272; XX, 1910, стр. 354; XXII, 1911, стр. 505; XXIII, 1910, стр. 186; XXIV, 1921, стр. 206; XXVI, 1959, стр. 279.

[11] Н. Д. Извеков. Московские Кремлевские церкви и служившие при них лица в XVII веке. М., 1906 («Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии»), стр. 24. Извеков считал, что придел находился в южной апсиде.

[12] Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного. РИБ, III, СПб., 1876. стб. 228.

[13] ПСРЛ, VI, 1853, стр. 235; VIII, стр. 215; XVIII, стр. 270; XX, ПСРЛ, XXVI, стр. 276; VI, стр. 235; VIII, стр. 77, XII, стр. 216; XXII, стр. 503; XXIII, 1910, стр. 139; XXIV, стр. 204.

Н. Н. Воронин считает, что летописная палата (упоминаемая под 1483 г.) была хранилищем великокняжеской казны, помещавшимся под галереей собора 1484—1489 гг.: Н. Н. Воронин. Два памятника архитектуры..., стр. 30. Однако термин ясно указывает на большие размеры строившегося здания. Словом «палата» русские летописцы обозначают преимущественно обширные постройки. Например об Успенском соборе конца XV в. в летописях сказано, что Аристотель Фиораванти «обложи... церковь продолговату полатным образом»: ПСРЛ, VI, стр. 200; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, II, СПб., 1895, стб. 1122—1124. К тому же в летописях четко разграничены работы по закладке палаты и по закладке церкви.

Исходя из этих данных, под летописной «палатой» надо понимать не что иное, как здание казенного двора. Что же касается палаты, заложенной в 1484 г., то это был великокняжеский дворец, строившийся очень долго и законченный при Василии Ивановиче в 1508 г.: (ПСРЛ, VI, стр. 247; XXVI, стр. 299).

[14] ПСРЛ, XXIII, стр. 195.

[15] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса, III, М., 1898, стр. 108.

[16] Н. А. Скворцов. Археология и топография Москвы. М., 1913, стр. 336—337; С. П. Бартенев. Московский Кремль в старину и теперь, I, М., 1912, рис. 33 (против № 14); II, М., 1916, стр. 263, рис. 307; стр. 77, рис. 121.

[17] РИБ, III, стб. 228.

[18] Н. Д. Извеков. Ук. соч., стр. 24.

[19] «В лето 6987 (1479) марта 25 в 8 час нощи противу дне собора архаггела Гаврила родися великому князю Ивану Васильевичу сын от царевны Софьи и наречен бысть Василей Парискый...». ПСРЛ, XXV, стр. 323. Василий Парийский праздновался 12 апреля. Василий Парийский был также патрональным святым Василия II, родившегося 10 марта 1415 г. ПСРЛ, XXV, стр. 241, 242.

являлся Василий Кесарийский. А из великих князей XIV—XV вв. только один Василий Дмитриевич имел своим патроном Василия Кесарийского [20].

Таким образом, все данные говорят в пользу основания придела Василия Кесарийского при Благовещенском соборе еще в начале XV в. Поскольку придел здания 1484—1489 гг. помещался з а с т е н о ю главного храма, в паперти, постольку можно думать, что древний придел был тоже отдельной постройкой, находившейся с южной стороны от собора. Естественно поэтому отождествить раскрытый белокаменный подклет нынешнего Благовещенского собора не с большой церковью, а с приделом Василия Кесарийского. Как мы уже отмечали, размеры и конструктивные особенности подклета стоят ближе всего именно к этой архитектурной форме.

Факт существования придела у старого Благовещенского собора сам по себе являлся доказательством того, что раскрытый подклет не может принадлежать собору. Ведь он имеет одну апсиду, почти равную по ширине основному помещению храма, а поставить престол Василия Кесарийского в одном алтаре с престолом Благовещения по церковным правилам не могли. Это означает, что престол Василия Кесарийского занимал отдельное здание. Подклет этого здания, как мы полагаем, остался неразобранным и вошел в состав подвалов собора 1484—1489 гг.

Чтобы убедиться в истинности выдвинутого нами положения (и проверить, остатками какого здания — собора или только его придела — является сохранившийся подклет), достаточно сравнить размеры белокаменного подклета с размерами существующего иконостаса древнего Благовещенского собора. Этот иконостас был создан Феофаном Греком, Прохором с Городца и Андреем Рублевым в 1405 г. одновременно с фресковой росписью утраченного собора [21], из которого он перешел в новое здание. Поскольку живописцы работали над украшением новопостроенного храма, постольку они должны были написать такое количество икон, чтобы последние полностью закрывали алтарь церкви и вплотную примыкали к ее боковым стенам, не оставляя щелей, но и не распространяясь на эти стены. Иными словами, ширина сохранившегося иконостаса и ширина разобранного собора должны были быть одинаковыми. Но если принять, как это делает Н. Н. Воронин, кремлевский подклет за остатки древнего храма, то иконостас окажется значительно шире этой постройки.

В благовещенском иконостасе несомненно древними являются деисус и бо́льшая часть праздников. Чиновых икон сейчас насчитывается девять, но сначала их было одиннадцать. Дело в том, что в XIX в. между иконами были устроены толстые вертикальные перегородки. Древние русские иконостасы подобных перегородок не имели, иконы в них стояли вплотную одна к другой. Устройство промежуточных делений привело к тому, что иконостас пришлось раздвинуть и отказаться от двух чиновых икон, великомучеников Дмитрия и Георгия, занимавших раньше крайние места справа и слева. С тех пор обе иконы были установлены в алтаре храма [22]. Если мы присоединим эти иконы к деисусу, то увидим его в том виде [23], в каком он вышел из мастерской художников в 1405 г. и был смонтирован ими в храме. Приведем список икон благовещенского чина с указанием ширины каждой иконы. В центре: Спас на престоле — 1,39 *м*; от него к южной стене: Иоанн Предтеча — 1,09 *м*, архангел Гавриил — 1,06 *м*, апостол Павел — 1,19 *м*, Иоанн Златоуст — 1,03 *м* и великомученник Георгий — 1,02 *м*; к северной стене: богоматерь — 1,09 *м*, архангел Михаил — 1,20 *м*, апостол Петр — 1,07 *м*, Василий Великий — 0,98 *м* и великомученик Дмитрий — 0,93 *м* [24]. Общая ширина икон деисуса (без разделяющих перегородок) равна сумме всех перечисленных размеров, или 12,05 *м*. Отсюда видно, что ширина древнего иконостаса на 5,25 *м* больше ширины белокаменного подклета, который считается основанием старого Благовещенского собора.

Цифры ясно говорят о том, что древний собор был таких же размеров (по крайней мере в ширину), как и постройка 1484—1489 гг. Косвенным указанием на бо́льшие размеры старого Благовещенского собора, идущими вразрез с выводами Н. Н. Воронина, может еще служить летописный рассказ о приходе в Москву смоленского епископа Мисаила в 1456 г. Задача посольства заключалась в том, чтобы вернуть захваченную московским воеводой Юргою чудотворную икону Смоленской божьей

---

[20] Великий князь Василий Дмитриевич родился 30 декабря 1371 г. ПСРЛ, XXV, стр. 187. Его окрестили в честь Василия Кесарийского, день которого приходился на 1 января.

[21] «Тое же весны (1405) почаша подписывати церковь каменую святое Благовещение на князя великаго дворе, не ту, иже ныне стоит, а мастеры бяху Феофан иконник Грьчин да Прохор с Городца, да чернец Андрей Рублев, да того же лета и кончаша ю». М. Д. П р и с е л к о в. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 459; ПСРЛ, XXV, стр. 233.

[22] Игорь Г р а б а р ь. Андрей Рублев. Сб. «Вопросы реставрации», I, М., 1926, стр. 85.

[23] Дореволюционные исследователи называли еще иконы двух столпников — Симеона и Даниила (см. Н. А. С к в о р ц о в. Ук. соч., стр. 325).

[24] Все древние иконы в иконостасе Благовещенского собора заново обмерены в 1961 г. Обмерные данные в мое распоряжение любезно предоставили научные сотрудники Государственной Оружейной палаты О. В. Зонова и Г. А. Соколова. Приношу им искреннюю благодарность.

матери. Василий II, «помыслив... како в плену держать неодержимую владычицу всего мира», приказал «отпустить» эту икону, а также «иные многы иконы... того же плена», стоявшие в его домовой церкви, и по случаю проводов устроил прием в Благовещенском соборе, куда были приглашены не только епископ Мисаил «со многыми местичи смоленскыми», но и вся княжеская семья, митрополит Иона и «весь еже о нем освященный собор» [25]. Ясно что многолюдное собрание не могло происходить в миниатюрной «капелле», каким до сих пор казался первоначальный собор Благовещения.

Итак, все данные говорят в пользу того, что сохранившийся подклет — это лишь остатки придела древнего Благовещенского собора, но отнюдь не самого храма, который был и больше по масштабам и, вероятно, богаче по отделке.

Становится ясно, что строители собора 1484—1489 гг. перенесли его по отношению к прежнему храму южнее на 8 или 10 *м*. Перемещение собора было вызвано кардинальной перепланировкой Кремля, проводившейся в жизнь Иваном III. В годы, когда сооружался новый Благовещенский собор, рядом с ним выросли такие монументальные постройки, как дворец великого князя (1484—1508) и Грановитая палата (1487—1491). Они-то и оттеснили собор к югу и как раз настолько, что он оказался над неразобранным белокаменным подклетом старого придела. Это случайное совмещение ввело в заблуждение историков архитектуры, считавших, что новый собор был выстроен на том же месте, где стояла первая церковь.

Придел Василия Кесарийского не был единичной постройкой подобного рода. Каменные соборы, окруженные приделами, в архитектурном пейзаже средневековой Москвы были обычным явлением. В XIV—XV вв. каменные приделы сооружены около многих городских и монастырских церквей. Правда, летописи сообщают о приделах туманно, так что часто нельзя понять, идет речь о престоле, поставленном в апсиде [26], или о целой постройке. Кое-какие данные можно было бы извлечь даже из этих глухих, неясных известий, но, оставляя их в стороне, сошлемся на самые яркие и бесспорные примеры.

Со всех сторон был окружен приделами главный собор столицы Успения Богоматери. Он выстроен в 1326 г. и сначала не имел никаких пристроек [27].

В 1329 г. он получил первый придел, задуманный в виде особой церкви Поклонения вериг апостола Петра [28]. Вторым приделом стала церковь Дмитрия Солунского, время сооружения которой неизвестно [29]. В 1459 г. по случаю победы русских над татарскими отрядами хана Ахмеда «Иона митрополит поставил церковь камену Похвалу богородицы, приделал к Пречистые алтарю възле южныи двери» [30].

Другой кремлевский собор (Спаса на Бору, 1330 г.) получил придел спустя двадцать лет: «Того же лета (1350) кончан бысть притвор, придел камен у церкви святого Спаса на Москве» [31]. В 1364 г. здесь была погребена жена князя Ивана Дмитриевича княгиня Александра [32], в 1393 г. рядом с нею похоронили самого князя [33], а еще через три года «преставися епископ Пермьский Стефан, и положен бысть на Москве в монастыре у святого Спаса в застенке в Спасе Милостивом» [34]. Собор Чудова монастыря, построенный митрополитом Алексием в 1365 г., [35] имел придел Благовещения, основание которого падает на 1377 год [36].

---

[25] ПСРЛ, XXV, стр. 273—274.

[26] К числу таких приделов относился придел воскрешения Лазаря в церкви Рождества Богородицы в Московском Кремле (1393). Здесь, по словам летописца, «внутри близ большаго олтаря причинена бысть служба святого Лазаря». М. Д. Приселков. Ук. соч., стр. 443.

[27] На отсутствие приделов около первоначального Успенского собора историкам архитектуры впервые указал М. Н. Тихомиров. М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, стр. 22, 82.

[28] ПСРЛ, XXV, стр. 169; М. Д. Приселков. Ук. соч., стр. 359—360.

[29] Эта церковь упоминается в летописях неоднократно. Когда в 1472 г. приступили к разборке Успенского собора 1326 г., «тогда выняша из стены церкви святаго Дмитреа мощи княжи Юрьевы Даниловича, великого князя всеа Руси». ПСРЛ, XXV, стр. 294; XXVI, стр. 246. Придел святого Дмитрия находился еще при деревянной Успенской церкви, предшественнице каменного собора Ивана Калиты. В 1325 г. тело убитого в Орде великого князя Юрия Даниловича привезли в Москву и «положиша его во церкви святыя Богородица честнаго Успенна, во приделе святаго Димитрея.» ПСРЛ, XX, стр. 177.

[30] ПСРЛ, XXV, стр. 276; XXVI, стр. 217.

[31] М. Д. Приселков. Ук. соч., стр. 371.

[32] ПСРЛ, XXV, стр. 182.

[33] Там же, стр. 221.

[34] Там же, стр. 226.

[35] М. Д. Приселков. Ук. соч., стр. 381.

[36] ПСРЛ, XXV, стр. 195; XXVI, стр. 234. Этот придел несколько раз изображен около главного собора на иконе митрополита Алексия, написанной Дионисием в 1482 г. Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, II, стр. 183, рис. 88.

О большом количестве придельных церквей в Москве в XIV в. можно судить также по их обилию в XV в., зодчие которого нередко обращались к архитектурным памятникам времени Василия Дмитриевича и воспроизводили их особенности. Об артели псковичей, призванной в Москву в 1474 г., например, известно, что, сооружая церковь св. Духа в Троице-Сергиевой лавре, они изучали Троицкий собор этого монастыря, относящийся к 1423—1424 гг., а Ризположенскую церковь на митрополичьем дворе в Московском Кремле они построили с пониженными угловыми делениями, явно по образцу Спасского собора Андроникова монастыря (между 1410—1427 гг.) [37]. Иван III приказал зодчим в 1478 г. построить на московском посаде церковь Иоанна Златоуста, «а в застенке тоа церкви повеле церковь другую учинити Тимофеа апостола, в той бо день родися...» [38]. У Архангельского собора 1333 г. в первой половине 70-х годов XV в. появились приделы св. Акилы и Воскресения Христа. Они возникли по случаю победы Ивана Васильевича над новгородцами в битве на р. Шелони в 1469 г. [39] и сначала были деревянными, но после кремлевского пожара 1476 г. их восстановили уже каменными [40].

Не остается никаких сомнений в том, что строительство придельных церквей в Москве в XV в. опиралось на старую и довольно прочную традицию, которую можно было бы даже расценивать как типично московскую [41].

В свете изложенных фактов и полученных данных по-иному приходится решать вопрос о датировках Благовещенского собора и придела Василия Кесарийского. О времени сооружения первого Благовещенского собора, как известно, летописных данных нет. Но в 1405 г. здесь уже работали Феофан Грек, Прохор с Городца и Андрей Рублев. Ясно, что каменный собор упоминается в летописном рассказе об устройстве в 1404 г. мастером Лазарем Сербом часов на великокняжеском дворе «за церковью за святым Благовещеньем» [42]. Существующие в литературе мнения о возникновении храма в 1393 или 1397 гг., как это хорошо показал Н. Н. Воронин, относятся к области малообоснованных предложений. Но сам автор датирует собор тоже 90-ми годами XIV в. [43] и делает это лишь на том основании, что некоторые технические подробности кладки белокаменного подклета под Благовещенским собором 1484—1489 гг. совпадают с архитектурными деталями церкви Рождества Богородицы 1393 г. К такого рода совпадающим элементам в обоих памятниках Н. Н. Воронин относит: 1) своеобразное устройство арок, составленных из одного крупного почти горизонтально лежащего камня, закрепленного двумя клиновидными блоками, находящимися по бокам, и 2) наличие на блоках ложчатых борозд, являющихся следами их обработки стальным инструментом [44]. Допустим на минуту, что о подклете нам вообще ничего не известно и его нужно датировать. Достаточно ли указанных Н. Н. Ворониным совпадений, чтобы размещать постройки в пределах одного десятилетия? Нет, их недостаточно, и указанные совпадения несущественные. Они говорят лишь о принадлежности памятников одной строительной эпохе и решительно ничего не дают для уточнения времени сооружения подклета, и тем более Благовещенского собора. Датируя собор 90-ми годами XIV в., Н. Н. Воронин косвенным образом признает, что между постройкой здания и его росписью лежит большой промежуток времени. Но это был великокняжеский собор, и вряд ли он долгое время стоял без иконостаса и росписи. Напомним, что церковь Рождества, построенная вдовой Дмитрия Донского Евдокией в 1393 г., была расписана ровно через год [45], т. е. через минимальный период времени, требовавшийся на просушку стен. В конце XIV — начале XV в. в Москве постоянно действовала живописная мастерская во главе с Феофаном Греком [46], и великокняжеский двор, конечно, в любое время мог воспользоваться ее услугами. Предполагать, что Василий Дмитриевич не имел возможности украсить дворцовый собор в 90-е годы из-за отсутствия художников, никоим образом нельзя. Поэтому правильнее считать, что Благовещенский собор выстроен незадолго до начала его росписи — около 1404 г. (под этим годом он уже упоминается как существующий).

---

[37] М. А. Ильин, П. Н. Максимов, В. В. Косточкин. Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы. Сб. «История русского искусства», III, М., 1955, стр. 324.

[38] ПСРЛ, XXV, стр. 323; VIII, стр. 200—201.

[39] ПСРЛ, XXV, стр. 290; XXVI, стр. 239.

[40] ПСРЛ, XXV, стр. 304; XXVI, стр. 255.

[41] Приделы около главных соборов строились, впрочем, и в других городах. Собор Спаса Преображения в Твери имел, например, два придела в виде самостоятельных зданий: Введенский (впервые упомянут под 1323 г.) и Дмитриевский (упоминается в 1353 г.). Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, II, стр. 138.

[42] М. Д. Приселков. Ук. соч., стр. 457; ПСРЛ, VIII, стр. 77; XI, стр. 190; XXIII, стр. 139; XXV, стр. 232—233.

[43] Н. Н. Воронин. Два памятника архитектуры..., стр. 25.

[44] Там же, стр. 31, 39, 42, 43.

[45] Троицкая летопись, стр. 445.

[46] В. Н. Лазарев. Этюды о Феофане Греке, II, «Византийский временник», VIII, М.— Л., 1956, стр. 143—144; М. Н. Тихомиров. Андрей Рублев и его эпоха. «Вопросы истории», 1961, 1, стр. 8.

Что же касается придела Василия Кесарийского, то в летописях он вообще не упоминается вплоть до 1489 г. Но московские летописцы молчат не только об этом приделе, но и о многих других, более важных постройках, например о соборах в Звенигороде, Троице-Сергиевой лавре и Андрониковом монастыре. Причины подобных умолчаний с надлежащей полнотой еще не выяснились. Не приходится, однако, сомневаться в том, что придел Василия Кесарийского возник не одновременно с главным храмом. Краткий обзор истории московских приделов, сделанный выше, с очевидностью показывает, что в подавляющем большинстве случаев приделы сооружались после постройки соборов. Об этом же говорит и содержание самого термина, ибо приделами назывались здания, пристроенные («приделанные») к уже существующим памятникам. Придел Василия Кесарийского у Благовещенского собора появился не раньше 1404 г., но еще при жизни великого князя Василия Дмитриевича, т. е. до 1425 г. Получив эту весьма условную, обнимающую большой промежуток времени дату, мы не можем не обратить внимания на одно любопытное известие, которое Н. Н. Воронин и некоторые другие исследователи считали случайным, попавшим в летописный текст по ошибке или недоразумению переписчика. Известие помещено в Софийской второй и Львовской летописях под 1416 г.: «Того же лета создана бысть церковь камена, на великого князя дворе, Благовещенье, месяца июля 18 день»[47]. Не фиксирует ли эта заметка построение придела Василия Кесарийского? Летописец мог перенести название главной церкви на придел по разным причинам, хотя бы потому, что ему не было известно, во имя какого святого или праздника будет освящен новопостроенный храм. Мы лишены возможности доказать, что эта летописная заметка имеет в виду именно придел Василия Кесарийского, но все же решаемся датировать кремлевский памятник 1416 г. Исторические данные и архитектурные особенности предлагаемой датировке не противоречат.

Итак: 1) Благовещенский собор, построенный Василием Дмитриевичем около 1404 г., не сохранился. Он был разобран в 1482 — 1484 гг., о чем говорят и летописные источники; 2) белокаменный подклет под Благовещенским собором 1484—1489 гг. является подклетом Василия Кесарийского; 3) о постройке этого придела (?) в летописях записано под 1416 г.

Излагая историю Благовещенского собора и его придела, мы пользовались традиционным чтением известия 1483 г. о разрушении старого здания собора, по смыслу которого выходит, что сносили собор, расписанный «только по казну и по подклет». Вызывает, однако, удивление, зачем понадобилось летописцу уточнять масштабы росписи церкви? Ведь подклеты в древнерусских храмах, как правило, не расписывались, а помещение казны расписывать уже вообще было излишним, да и затруднительно в смысле подбора соответствующих сюжетов. Это наводит на мысль, что в традиционном чтении записи 1483 г. неправильно расставлены знаки препинания и что на самом деле заметку надо читать так: «разруши князь велики Благовещенье на своем дворе, подписаную толко, по казну и по подклет, и заложи казну около того подклета и полату кирпичну с казнами». Если предлагаемый вариант чтения заметки верен, то ее надо, следовательно, понимать так: великий князь разрушил церковь Благовещения несмотря на то, что она была только что расписана фресками, разрушил до уровня казны и подклета и т. д. Именно в этом смысле понимал заметку и В. Т. Георгиевский, который высказал предположение, что старый Благовещенский собор в 1480—1481 гг. был расписан вновь Дионисием по заказу царского духовника архиепископа Ростовского Вассиана[48].

Традиционное чтение заметки 1483 г. Н. Н. Воронин толковал как ясное указание на сохранение подклета древней постройки. Может показаться, что новый вариант чтения лишь подкрепляет мнение Н. Н. Воронина. Но это совсем не так. В 1483 г., как вытекает из летописного известия в любом из его чтений, церковный подклет действительно стоял неразобранным.

Но и работ по закладке новой церкви в этом году не производилось. Они развернулись только в 1484 г. А именно под этим годом записано известие о разрушении «первого основания», под которым можно одинаково подразумевать и подклет старого собора и постройку в целом. Н. Н. Воронин полагает, что сведения 1483 и 1484 гг. противоречат одно другому. Мы же склоняемся к тому, что они в точности отражают последовательность работ в эти годы: в 1482 г. Благовещенский собор «почаша рушити» — сняли с него верх, а потом накрыли «лубьем»; в 1483 г. церковь разобрали до подклета («разруши... по казну и по подклет»); наконец, в 1484 г. ее снесли совсем («разрушив первое основание)». Медлительность работ происходила, очевидно, от того, что великий князь желал сначала построить Казенный двор, куда и направлял основную массу рабочей силы. Не исключено также, что старый Благовещенский собор был очень большим и разобрать его в один сезон просто не успели.

Г. И. Вздорнов

---

[47] ПСРЛ, VI, стр. 140; XX, стр. 231.

[48] В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, стр. 24, 33.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Статья А. Я. Брюсова «Восточная Европа в III тысячелетии до н. э.», напечатанная в СА, 1965 г., 2, была прочитана мною с некоторым удивлением. Вся полемика, касающаяся меня, основана либо на недоразумении, либо на неправильном переводе. Я совершенно согласен с мнением А. Я. Брюсова, что давно пора бросить за борт устаревшие миграционные построения Г. Коссины и прежде всего его походы индоевропейцев. Полемика должна быть направлена в другой адрес. Нигде я не говорю и не думаю об экспансии среднегерманской культуры «шнуровой керамики» от Карпат до Урала, в чем обвиняет меня А. Я. Брюсов. Никогда я не писал об участии воинов в таком далеком походе. Напротив, в статье, касающейся происхождения культур «шнуровой керамики» Средней Европы и не цитируемой А. Я. Брюсовым [1], я в самом начале указываю на нелепость таких построений, в которых мигрировали орды вооруженных топорами воинов. Кроме того, я неоднократно писал о культуре «шнуровой керамики» Средней Европы и об ее локальных группах, а не о Средней Германии. В них нет речи о распространении указанной культуры вплоть до Урала.

Обе мои статьи направлены на доказательство того, что надо отказаться от представления о сплошной миграции из области между Рейном и Вислой на восток до Урала, или, наоборот, из области между Уралом и Днепром на запад до Рейна. В этой связи мне хочется указать на ценный труд М. П. Мальмера [2], доказывающий автохтонность одной из локальных групп культур «ладьевидных топоров» в Скандинавии. Да и культуры «шаровидных амфор» и волынской мегатической культуры (я их считаю одной культурой), которые, по словам А. Я. Брюсова, имеют амфоры очень близкие по типам к амфорам среднегерманской «шнуровой керамики», я не вывожу из Средней Германии. Тут я придерживаюсь мнения Т. Вишляньского, по которому исходной территорией этой культуры является область рек Эльбы и Вислы, а средненемецкие находки довольно поздние. Не убедительным кажется мне мнение А. Я. Брюсова, приписывающего каменные сверленые топоры этой культуре, так как они почти все без исключения являются одиночными находками. На мой взгляд скоро настанет время, когда придется отказаться и от представлений о все поглощающем вторжении срубной культуры с Поволжья. Я думаю, что не меня следует упрекать в миграционистских построениях Коссиновского размаха.

Находки погребений «с окаймляющими полосами» в Дании, Финляндии и в Баланове, конечно, не доказывают происхождения культур этих областей из Средней Германии, да я этого и не утверждал. Кроме того они относятся и в Дании и в Баланове к довольно позднему времени. Балановский могильник может быть датирован временем унетицкой культуры и даже немного позже, о чем более подробные данные приведены мною в рецензии на монографию О. Н. Бадера [3]. Но мне совершенно непонятно, как эти погребения могут говорить о связи с культурами южнорусской степи [4], если таких погребений там вовсе нет. Конечно, нельзя выводить культуры только на основании отдельных предметов, как я указываю в рецензии на ошибочные построения И. Ожольца [5].

А. Я. Брюсов спрашивает, на чем основана моя датировка костяных молоткообразных булавок? Тут я опираюсь на тот факт, что погребение из Блекендорфа, содержащее такой предмет, У. Фишером и Л. Килианом датируется младшей фазой культуры «шнуровой керамики». Их мнение разделяет теперь и Ван дер Ваалс [6]. Вопреки мнению А. Я. Брюсова, Г. Беренс, а также и другие авторы, относят это погребение к культуре «шнуровой керамики». Даже, если оно и относилось бы к катакомбной культуре, этим не было бы доказано заселения Средней Европы катакомбниками.

Что касается датировки катакомбных памятников, то я могу указать на то, что Д. А. Крайнов датирует их первой половиной II тысячелетия до н. э., а к тому времени культура «шнуровой керамики» в Средней Европе уже сложилась. Для датировки молоткообразных булавок я привлекаю материалы Кавказа. Можно указать также и на то, что датировка В. Милойчича, предпочитаемая А. Я. Брюсовым, основана на сопоставлениях с находками в Турции.

В заключение я выражаю надежду, что археологи смогут справиться со своими проблемами и без сплошных переселений племен.

А. Гейслер

---

[1] A. Häusler. Ist eine Ableitung der Schnukeramik von der Ockergrabkultur möglich. Forschungen und Fortschritte. Berlin, 1963, стр. 363—368.

[2] M. P. Malmer. Jungneolithische Studien. Bonn, Lund, 1961.

[3] PZ 42, Berlin, 1964.

[4] А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. СА, 1961, 3, стр. 27.

[5] A. Häusler. Рец.: J. Ozols. Ursprung und Herkunft der Zentralrussischen Fatjanowokultur. EAZ, 5, 2, Berlin, 1964, стр. 170—173, см. более подробную рецензию A. Kernd'l. Berliner Jahrbuch för Vor-und Frühgeschichte. 4, Berlin, 1964, стр. 256 сл.

[6] J. D. van der Waals. Prehistoric Disc Wheels in the Netherlands. Groningen, 1964, стр. 66.

Хроника

ЧЕТВЕРТОЕ УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Для археологов Урала стало традиционным собираться на совещания, где совместно с представителями смежных наук — антропологами, лингвистами, геологами, зоологами, палеоботаниками — обсуждаются насущные вопросы древней истории Урала и сопредельных областей.

IV Уральское археологическое совещание проходило в г. Перми с 7 по 12 декабря 1964 г. На совещании присутствовали представители Института археологии Академии наук СССР, Коми филиала АН СССР, Уфимского и Казанского институтов истории, языка и литературы, Московского, Пермского, Свердловского, Башкирского университетов, краеведческих музеев Казани, Кунгура, Перми, Оренбурга и др., Института информации АН СССР.

На совещании было заслушано 46 докладов и сообщений, которые по своему содержанию разделяются на три группы: 1) итоги археологического изучения Прикамья; 2) происхождение и локальные варианты ананьинской культурной области; 3) итоги археологических исследований на Урале.

После вступительного слова ректора Пермского университета Ф. С. Горового был заслушан доклад О. Н. Бадера (Москва) и В. А. Оборина (Пермь) «Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции 1947—1964 гг». Камская археологическая экспедиция сыграла крупную роль не только в изучении Прикамья, но и в судьбах всей уральской археологии. Разведочными маршрутами экспедиции открыто около 600 памятников различных эпох, из них около 150 раскопано. В результате собран огромный материал, позволяющий по-новому осветить все этапы древнейшей истории Прикамья. Впервые изучены мезолит, неолит, выявлены турбинская и ерзовская культуры. По-новому интерпретируются гляденовские и харинско-ломоватовские памятники. Разрабатываются вопросы освоения Приуралья русскими. Итоги работ экспедиции широко освещались в печати. Музей археологии Прикамья при Пермском университете, созданный на базе исследований экспедиции, является крупнейшим в СССР научным собранием материалов по древней истории Западного Урала.

В последние годы экспедиция успешно работала в Верхнем Прикамье. В перспективе — работы в зоне затопления Нижнекамской ГЭС.

На совещании были рассмотрены проблемы истории Прикамья от палеолита до XVII в.

Характеристику основных итоговых докладов по Прикамью мы дадим в порядке хронологии материала, изложенного в них.

О. Н. Бадер (Москва) в докладе «Спорные вопросы древнейшей истории Прикамья» сначала остановился на первоначальном заселении Урала человеком в позднемустьерское время (район Перми, Тагила). Далее докладчик указал на своеобразие уральского палеолита, которое демонстрируется каменным инвентарем, живописью Каповой пещеры, а также подвесками из талькового камня Смеловской II пещеры. Фауна последней принадлежит верхнему палеолиту или концу мустье. Высказав несогласие с мнением А. Н. Рогачева о близости инвентаря стоянок им. Талицкого и Костенки XV, О. Н. Бадер отметил ряд общих черт кремня стоянок им. Талицкого, Мальты и Красный Яр на Ангаре. Наиболее близкий материал дают стоянки Бызовая и Медвежий Грот на Печоре. Автор датирует стоянку им. Талицкого эпохой солютре, соответствующей интерстадиалу вюрма.

Камский мезолит не имеет связи с местным палеолитом. Его микролитический характер свидетельствует о заселении Прикамья в эпоху мезолита с юга. Зауральский макролитический мезолит формируется на основе палеолитической макротехники, что подтверждается материалом стоянок у Голого Камня и нижнего слоя Ильмурзино.

Разделив прикамский мезолит на три хронологические группы, О. Н. Бадер указал, что в преднеолитическое время развивается макротехника. Неолитическая стоянка Боровое озеро I синхронна со стоянкой Полуденкой. Стоянки более древние, чем стоянка Боровое озеро I, обнаруженные в последние годы в Нижнем Прикамье, дают возможность говорить о местном происхождении памятников типа Боровое озеро I. Этим ставится под сомнение гипотеза В. Н. Чернецова о переселении Зауральских неолитических племен в Прикамье в начале третьего тысячелетия до н. э.

Не совсем ясен вопрос о происхождении металлургии турбинских племен эпохи бронзы. Возможно, что турбинские племена получали металл из металлургического центра в районе Кыштыма, где имеются также и месторождения нефрита, изделия из которого представлены в инвентаре погребений Турбинского могильника.

В центре внимания совещания был вопрос о происхождении ананьинской культуры. Авторы трех основных докладов (А. Х. Халиков, В. П. Денисов, В. Ф. Генинг) высказали различные точки зрения о формировании ананьинских племен.

А. А. Халиков (Казань) в докладе «Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры», иллюстрированном большим фактическим материалом, утверждал, что генезис ананьинцев восходит к волосовско-турбинской энеолитической общности. Основу ананьинских племен составили племена приказанской культуры эпохи поздней бронзы, которые оказались в наиболее выгодных условиях развития, чем носители других культур, сформировавшиеся на базе волосовско-турбинской общности. А. Х. Халиков выделил четыре этапа развития приказанской культуры. На третьем, атабаевском, этапе, датируемом последней четвертью II тысячелетия до н. э., приказанские племена, распространяясь на восток и юго-восток, заняли территорию Среднего Прикамья и частично бассейн р. Белой. Автор считает культуры — луговскую, ерзовскую и курмантау — вариантами приказанской культуры, на сложение которых оказали влияние местные племена. Атабаевский этап приказанской культуры перерастает в маклашеевский этап, который в VIII—VII вв. до н. э. трансформируется в ананьинскую культуру. Вывод о генетической связи ананьинской культуры и приказанской пытались обосновать в своих сообщениях другие казанские археологи — Г. Р. Ишмуратова, П. И. Старостин и Е. А. Халикова.

Точка зрения А. Х. Халикова была подвергнута критике О. Н. Бадером, В. Ф. Генингом, В. П. Денисовым. Выступавшие возражали против моноцентризма, а также считали, что докладчик недооценил роль местных и зауральских, пришлых, племен в этногенезе племен ананьинской культуры. По мнению выступавших, характер ананьинского металла свидетельствует о том, что в сложении ананьинской культуры имел большое значение сибирский компонент. Об этом же говорят сибирские элементы в керамике культур, предшествующих ананьинской.

В. П. Денисов (Пермь) в докладе «Культуры поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры» отметил, что ерзовская культура является самостоятельной культурой и отличается от приказанской. Она занимает территорию Среднего Прикамья от устья Чусовой до с. Елово. Основу ерзовских племен составляли турбинские племена борского и частинского этапов. Докладчик признал, что приказанские племена типа луговских оказали влияние на облик ерзовской культуры, но не уничтожили ее самобытности. В начале X тысячелетия до н. э. в Среднее Прикамье проникли зауральские племена гамаюнской культуры. В результате смешивания их с местным населением формируется ананьинская культура на Средней Каме. В прениях по докладу В. П. Денисова Е. А. Халикова и А. Х. Халиков отстаивали свои положения.

Точка зрения В. П. Денисова, учитывающая все основные вопросы взаимоотношений населения Приуралья конца эпохи бронзы, мне представляется наиболее приемлемой для решения проблемы происхождения ананьинской культуры на Средней Каме.

Новую гипотезу о происхождении ананьинской культуры высказали В. Ф. Генинг и Н. И. Лепкова (Свердловск) в докладе «О восточном компоненте в памятниках предананьинского времени Прикамья». По мнению докладчиков, Прикамье следует считать одной из областей ананьинской этнической общности, которая занимала большую территорию (Прикамье, Среднее Повольжье, бассейны рек Ветлуги, Онеги, Северной Двины, верховий Печоры). Исходные формы ананьинской культуры следует искать в культурах конца эпохи бронзы. Однако культуры поздней бронзы на этой территории не связаны с предшествующими, за исключением приказанской и черкаскульской культур. Керамика культур поздней бронзы на ананьинской территории генетически связана с посудой сузгунской и черкаскульской культур. Отсюда следует вывод, что истоки культур племен эпохи поздней бронзы северо-востока Европы надо искать в культурах Зауралья и Западной Сибири. Среди них наиболее близкими представляются культура племен лесостепного Зауралья с керамикой бархатовского типа и еловская культура лесостепного Прииртышья и Приобья последней четверти II тысячелетия до н. э. Из коренных районов своего обитания племена этих культур к концу II тысячелетия до н. э. были вытеснены племенами с керамикой, орнаментированной крестовым штампом, и заняли лесную полосу северо-восточной Европы. В результате воздействия этих племен на культуру местного населения складывается культура поздней бронзы, а на ее основе, путем дальнейшего развития — ананьинская культура. Вместе с тем происходил процесс образования ананьинской этнической общности, территория которой совпадает с границами распространения пермской топонимики. Эта общность нарушается в I тысячелетии под влиянием проникновения иных племен.

Гипотеза В. Ф. Генинга и Н. И. Лепковой, хотя и представляет значительный интерес, пока мало подкреплена фактическим материалом.

Ананьинской тематике был посвящен еще ряд докладов. В докладе «Среднекамский вариант ананьинской культуры» А. Д. Вечтомов (Пермь) охарактеризовал

особенности ананьинской культуры Среднего Прикамья, дал ее периодизацию, выделил пять племенных территорий на Среднем Прикамье, существовавших в ананьинскую эпоху. На материале Гремячанского поселения докладчик проследил постепенное перерастание ананьинской культуры в гляденовскую.

А. Х. Пшеничнюк (Уфа) выступил с докладом «Об итогах изучения караабызской культуры». Автор считает, что караабызские памятники Башкирии принадлежат особой культуре, хотя и родственной ананьинской и пьяноборской. Эта культура существовала в VI в. до н. э.— II в. н. э. Большое влияние на племена караабызской культуры оказали соседние сарматы.

В докладе В. Е. Лузгина (Сыктывкар) «Предананьинское время на Печоре» был охарактеризован материал лебяжской культуры конца эпохи бронзы, отмечено длительное переживание традиций бронзового века, а также сильное влияние на местные племена населения каргопольской, а затем ананьинской культур.

Е. А. Халикова (Казань), анализируя погребальный обряд II Полянского могильника, высказала предположение о том, что ананьинская культура сформировалась на основе маклашеевской.

Характеру скотоводства племен приказанской и ананьинской культур было посвящено сообщение А. Г. Петренко (Казань) «К вопросу о фауне приказанских и раннеананьинских памятников Средней Волги и Нижней Камы» и доклад Е. Г. Андреевой (Москва) «Фауна ананьинской культуры Верхнего и Среднего Прикамья по костным остаткам из археологических памятников». Е. Г. Андреева отметила развитие скотоводства у ананьинских племен. Если в ранних памятниках лошадь по процентному соотношению (25%) занимала почти равное положение с крупным рогатым скотом, то в позднеананьинских памятниках увеличивается доля более продуктивного крупного рогатого скота.

К. М. Русанова (Пермь) в сообщении «Металлургия ананьинских племен Верхнего и Среднего Прикамья» указала на самостоятельный характер ананьинской металлургии. В каждом племенном районе при добыче железа была использована своя рудная база. Анализ медных изделий показал, что для их изготовления использовались пермские медистые песчаники. Однако это положение не исключает возможности получения металла из зауральских источников.

В сообщении Ю. А. Кутакова (Свердловск) было прослежено постепенное внедрение в производство железа и вытеснение каменных и бронзовых орудий у племен ананьинской культуры.

Итоги изучения гляденовской культуры в Верхнем Прикамье были доложены Ю. А. Поляковым (Пермь). Сейчас известно 83 памятника гляденовской культуры (в том числе два могильника), которые группируются в семи районах, соответствующих племенным объединениям. Группы находились на расстоянии в 25—30 *км* друг от друга. Гляденовская культура в Верхнем Прикамье складывалась на ананьинской основе. Переход от ананьинской культуры в гляденовскую прослежен на 10 памятниках. Гляденовские костища возникли на ананьинских поселениях. Интересный материал дали раскопки Юго-Камского костища, в центре которого располагался слой жженых костей, а вокруг них шел слой необожженных костей. Вне кучи костей располагался каменный жертвенник, около которого найдено большое количество вотивных поделок. Автор присоединился к мнению В. Ф. Генинга и В. А. Оборина, что костища следует считать коллективными могильниками с трупосожжениями. Вместе с тем он высказал предположение, что кроме костищ племенам гляденовской культуры принадлежали и грунтовые могильники без вещей. Последнее заключение автора вызвало критическое замечание В. Ф. Генинга, указавшего, что вывод о принадлежности погребений без вещей гляденовцам является недоказанным.

Ю. А. Поляков выступил против выделения особой осинской культуры, отметив, что осинская группа памятников представляет собой локальный вариант гляденовской культуры Верхнего Прикамья.

В. Ф. Генинг и Р. Д. Голдина (Свердловск) в докладе «Ломоватовская культура Верхнего Прикамья» изложили новую периодизацию харинско-ломоватовских памятников. Ранний этап относится ими к III—V вв. Для него характерны: малые костища, на которых в массе отсутствуют вотивные фигурки и вещи; большие городища площадью не менее 13 000—15 000 $м^2$ с жилыми, производственными и жертвенными комплексами, курганные могильники.

Для среднего этапа (VI — первая половина VIII в.) типичны городища площадью 6000—9000 $м^2$, грунтовые могильники на высоких местах с рядами могил, ориентированных преимущественно на север. В погребениях находится большое количество украшений и мало сосудов.

На третьем этапе (вторая половина VIII — первая половина IX в.) происходит формирование внутри ломоватовской родановской культуры. В это время появляются небольшие городища площадью от 500 до 2000—3000 $м^2$, укрепленные одним рядом валов и рвов. Происходит распад первобытнообщинных отношений, начинается переход к малой семье и сельской общине.

Ломоватовская культура принадлежит предкам коми-пермяков в период их формирования. На харинском этапе эта культура неоднородна. Традиционные гляденовские костища сосуществуют с курганами, характерными для населения Сибири.

В дальнейшем развитии пришлое из Сибири население было ассимилировано местными племенами гляденовской культуры. Включение волны пришельцев в местную среду явилось причиной возникновения ряда антропологических и лингвистических различий, существующих между локальными группами коми-пермяков.

В сообщении Р. Д. Голдиной (Свердловск) на основании ряда особенностей неволинских памятников ставился вопрос о выделении на территории бассейна р. Сылвы особой культуры, которая принадлежит предкам остяков.

Характеристика коми-пермяцкого населения Верхнего Прикамья IX—XV вв. и первых русских поселений была дана в докладе В. А. Оборина и Л. А. Балашенко (Пермь) «Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Прикамья». В настоящее время известно более 250 памятников родановской культуры, из них в послевоенные годы проведены раскопки на 22 памятниках. Территория родановской культуры определилась в следующих пределах — северная граница на широте Чусовского озера, на западе — Зюздинский район, на востоке — среднее течение рек Яйвы, Косьвы, на юго-востоке — среднее течение Чусовой, на юге — широта Перми. В свою очередь она разделяется на восемь племенных районов. Плотно заселены Гаинский и Чердынский районы, слабее — Иньвенский. В XI в. начинают исчезать городища на юге родановской территории и появляются на севере, где они малы по площади — до 3000 $м^2$ и очень сильно укреплены (имеют до трех рядов валов). Погребальный инвентарь свидетельствует о сильной имущественной дифференциации. Складывается территориальная, соседская община. Хозяйство базируется на пашенном земледелии. Большую роль играют также скотоводство, охота и рыболовство. Выявились связи древних коми-пермяков с болгарами, удмуртами, славянами, уграми.

Находки славянской керамики и крестов на поселениях родановской культуры свидетельствуют о постепенном проникновении русских в Прикамье уже в XII в. Они подготовили почву для основания первых укрепленных русских поселений-городков — Анфаловского и Орла, Новоникольской слободы, Очерского острожка, которые являлись военными и торгово-ремесленными центрами при дальнейшем освоении края.

Доклады о работах экспедиций 1962—1964 гг. продемонстрировали большие успехи археологов Урала в исследовании новых памятников. Некоторые из них дали первоклассный материал.

В. Ф. Генинг (Свердловск) в докладе «Итоги работ Уральской археологической экспедиции» отметил, что разведками обнаружено более 800 памятников лесостепной и юго-запада лесной полосы Западной Сибири. Часть памятников раскопана. Изучение их позволило создать периодизацию культурного развития населения бассейнов рек Туры, Тавды и, частично, Исети и Тобола. На р. Исеть был выявлен мезолит и четыре типа неолитических и энеолитических памятников доандроновского времени. Памятники позднеандроновского времени на р. Ишим близки памятникам Центрального Казахстана у оз. Боровое. В эпоху финальной бронзы лесостепь Западной Сибири занимают племена с керамикой, орнаментированной крестовым штампом. Неизученным остается время перехода от бронзового века к железному. Докладчик коротко остановился также на особенностях культуры населения Западной Сибири в эпоху железа.

Общая характеристика лесостепных культур Тобола, Ишима и Омского Прииртышья IV в. до н. э. — I—II вв. н. э. была дана в докладе М. Г. Мошковой (Москва) «Абатские курганы на Ишиме и их место среди лесостепных культур Зауралья».

Культура мансийских племен лесного Зауралья освещена в докладе В. Д. Викторовой (Свердловск) «Итоги изучения железного века лесного Зауралья X—XIII в.».

Вопросы истории лесного Прииртышья IX—XIII вв. н. э. были изложены в докладе В. А. Могильникова (Москва). Автор считает, что эта территория в IX—XII вв. была населена южной группой хантов. В материале IX—X вв. прослеживается преобладание связей с южными степными районами, в XI—XIII вв. — со славянами и с Прикамьем. В XIII в. в лесное Прииртышье проникают тюрки, которые вытесняют и частично ассимилируют местное угорское население.

Л. Я. Крижевская (Ленинград) в докладе «Спорные вопросы материальной культуры Зауралья в неолитическую эпоху» поставила вопрос о характере кремневой индустрии Урала в эпоху неолита и о возможности типологического и стратиграфического выделения мезолитических комплексов на памятниках, где представлен неолитический материал. Полемизируя с Г. Н. Матюшиным, автор приходит к выводу, что типологически выделить мезолитический материал, для которого типична техника ножевидных пластин, из неолитического почти невозможно, так как для кремневого инвентаря неолитических стоянок Урала также характерно наличие значительного количества ножевидных пластин. Примером этого могут служить стоянки Боборыкино и Чебаркуль I. Автор выделяет четыре этнокультурных района неолита: 1) лесное Зауралье, 2) центральные озера Южного Зауралья — район Челябинска, Миасса, 3) озера Южного Зауралья, 4) Приуралье — Башкирия — стоянки по р. Уфа. Стоянка Боборыкино является мостом между собственно уральским и западносибирским неолитом.

Выступавший в прениях О. Н. Бадер высказал ряд критических замечаний, в частности он не согласился с предложением Л. Я. Крижевской обозначать микролитическую технику, как технику пластин. К. В. Сальников подтвердил свою старую точку зрения, что пластины стоянки Боборыкино датируются эпохой бронзы.

Сообщение В. И. Швечиковой (Свердловск) «Новые неолитические памятники лесного Зауралья» было посвящено характеристике материала стоянок III тысячелетия до н. э. бассейнов рек Тура и Тавда.

В сообщении «Новые результаты раскопок курганов бронзового века Южного Зауралья» В. С. Стоколос (Сыктывкар) остановился на материале раскопок курганов Черняки II, где отметил среди инвентаря погребений наличие алакульских, федоровских и смешанных комплексов. На форме сосудов отразилось влияние посуды абашевской культуры. Один сосуд находит аналогии среди срубной керамики. Такое разнообразие материала объясняется расположением памятника в контактной зоне андроновской, срубной и абашевской культур.

Большой интерес вызвал доклад К. С. Сальникова (Уфа) «Новые материалы по истории племен эпохи бронзы Западной Башкирии». Докладчик остановился сначала на характеристике абашевских памятников третьей четверти II тысячелетия до н. э., в орнаментации керамики которых отметил черты (ряды уточек), характерные для керамики лесных культур, наряду с типичным орнаментом абашевской керамики.

В последней четверти II тысячелетия до н. э. на территории Башкирии распространяются памятники черкаскульской культуры, которые имеют ряд общих черт с федоровскими и алакульскими памятниками. Придя из-за Урала, с юга, черкаскульские племена занимают территорию срубных племен к северу от Уфы. На юге памятники срубной культуры доживают до савроматского времени. Черкаскульская культура не имеет прямой генетической связи с последующей культурой курмантау, которая, по мнению докладчика, явилась основой формирования ананьинской культуры в низовьях р. Белой. Вопрос о происхождении племен культуры курмантау остался открытым.

Сообщение Г. И. Матвеевой (Уфа) «Итоги работ археологической экспедиции Башкирского университета» было посвящено характеристике материала разновременных поселений Западной и Центральной Башкирии. Исследованиями установлено, что бахмутинская культура не идет далеко по левобережью р. Белой, здесь представлена культура другого типа, население которой оставило небольшие городища с тонким культурным слоем.

Результаты исследований памятников на р. Печора были изложены В. И. Канивцом (Сыктывкар). В низовьях Печоры открыта самая северная в мире палеолитическая стоянка Бызовая, которая, по мнению автора, древнее, чем стоянка в Медвежьей пещере. В неолите существовало два типа памятников различных культур. Стоянки верхней Печоры близки камским, средней и нижней Печоры — верхнеокским. Для эпохи железного века характерно отсутствие городищ. Не встречено также могильников с трупоположением. Обнаруженные скопления кальцинированных костей, по-видимому, можно рассматривать как могильники с трупосожжением. В культурном отношении население Печоры было близко прикамскому. Так ананьинская культура распространялась на Верхнюю Печору, гляденовские племена занимали как Верхнюю, так и Нижнюю Печору. Памятники ванвиздинской культуры второй половины I тысячелетия В. И. Канивец связывает с летописной «Печорой».

В. И. Канивец посвятил отдельное сообщение стоянке Бызовой. Он сравнил инвентарь стоянки с нижним, V слоем стоянки Костенки I и отнес стоянку Бызовую к костенковско-сунгирьской культуре, однако отметил, что на Бызовой нет пластин. В прениях О. Н. Бадер указал, что стоянку можно датировать ориньякским временем.

Доклад Г. М. Бурова (Сыктывкар) «Результаты раскопок Висских торфяников» познакомил присутствовавших с замечательными деревянными изделиями II тысячелетия до н.э. и середины I тысячелетия н.э. (ванвиздинского времени). В числе изделий второй, третьей четверти II тысячелетия до н. э. представлены симметричные и асимметричные луки, полозья саней, лыжи, весло, обручи от верш, поплавок из коры, остатки сетей, сплетенных из листьев и корешков осоки, берестяной сосуд и другие предметы. К ванвиздинскому времени относятся остатки рыболовных заколов, наконечники стрел, крючки, полозья саней, муфта от мотыги. Рабочие части некоторых деревянных орудий обожжены для увеличения их твердости.

В сообщении Э. А. Савельевой (Сыктывкар) «Средневековый могильник в верховьях Выми» охарактеризован материал XI—XII вв., который автор связывает с предками коми.

Г. Т. Кондратьева (Ижевск) в сообщении «Итоги изучения памятников железного века Удмуртии» остановилась на характеристике общественного строя древних удмуртов I—II тысячелетий. Социальную организацию населения второй половины I тысячелетия она рассматривает как патронимию. В X—XIII вв. происходило выделение малой семьи из большой, причем малые и большие семьи сосуществовали. В XIII—XV вв. происходило разложение родового строя и возникновение соседской общины.

Новые материалы по именьковской культуре были изложены П. И. Старостиным (Казань). На поселениях изучены жилища четырехугольной формы. О большой роли земледелия в хозяйстве говорят находки 30 серпов. Находки металлических изделий и производственные остатки свидетельствуют о развитой металлургии железа и бронзы. Докладчик склонен считать именьковцев тюрками, частично поглотившими финно-угров. К. В. Сальников в прениях, напротив, говорил о преобладании финно-угорского элемента в именьковском населении.

Ряд сообщений был посвящен изучению отдельных памятников. И. С. Поносова (Пермь) сообщила о раскопках Сандиякского городища, одного из самых северных памятников бахмутинской культуры.

Об исследованиях пещер на р. Яйве сообщил Е. П. Близнецов (учитель восьмилетней школы пос. Теплого). В числе интересных находок он демонстрировал костяной нож с кремневыми вкладышами мезолитического типа.

Аспирант Казанского НИИЯЛИ Казаков в сообщении «Об особенностях Танкеевского погребения» остановился на чертах, сближающих этот памятник с погребениями, известными в Западной Сибири, Приуралье, и в Венгрии.

Интерес вызвало сообщение Е. С. Богословского (Пермь) «Материалы к изучению научной деятельности А. В. Шмидта». В выступлениях было указано на небходимость в дальнейшем ставить историографические доклады.

С большим вниманием был воспринят доклад М. С. Акимовой (Москва) «Некоторые вопросы этногенеза народов Приуралья в I тысячелетии по данным антропологии», где была дана характеристика роли местных и пришлых племен в формировании культур I — начала II тысячелетий. В середине I тысячелетия в Прикамье не было резких изменений состава населения по сравнению с более ранним временем. Но это не отрицает проникновения пришлых племен. В бахмутинском материале отмечаются примеси сарматских и восточных черт, но в основе бахмутинское и мазунинское население было местным, финским. Резкие отличия бахмутинских и древневенгерских черепов не позволяют отождествлять бахмутинцев и древних мадьяр. Европеоидные кушнаренковские и новотурбаслинские племена не вошли в контакт с бахмутинцами. Во второй половине I тысячелетия в Башкирию проникают монголоидные племена, но местная основа сохраняется. Примесь различных пришлых этнических групп обусловила различия внутри современных народностей Урала.

Вопросам пермской топонимики и чужеродным заимствованиям в пермских языках, отражающим древние этнические контакты, были посвящены доклад А. К. Матвеева (Свердловск) «О древнейших местах расселения пермских народов (по данным языкознания)» и сообщение Н. В. Янчевской (Свердловск) «Этнотопонимические ареалы северо-востока европейской части СССР («Пермь» и «Чудь»)».

Заслуживает похвалы выставка материала из раскопок Казанского института истории, языка и литературы, демонстрировавшаяся в зале заседаний совещания.

В резолюции, принятой при закрытии совещания, были отмечены успехи уральской археологии: рост археологических исследований на Урале, увеличение числа молодых специалистов-археологов, подготовленных в уральских вузах, участие в разработке древней истории Урала специалистов смежных наук. Наряду с этим указывалось на необходимость увеличения выпуска популярной литературы.

Следующее совещание решено созвать в 1967 г. в г. Сыктывкаре. Оно будет посвящено вопросам происхождения народов Урала и смежных ему областей.

В. А. Могильников

А. Н. НАСОНОВ

23 апреля 1965 г. скончался крупнейший историк Арсений Николаевич Насонов.

Смерть застигла Арсения Николаевича за работой: на столе лежали страницы только что законченного большого исследования о русском летописании.

Арсений Николаевич происходил из среды русской интеллигенции: отцом его был известный биолог, академик Н. В. Насонов. По материнской линии Арсений Николаевич был прямым потомком одного из организаторов Севастопольской обороны, адмирала Корнилова.

Родился Арсений Николаевич в Евпатории 27 августа 1898 г. В 1916 г. он окончил гимназию и поступил на Историко-филологический факультет Петроградского университета. В 1922 г., окончив университет, он был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. С 1924 г. некоторое время Арсений Николаевич работал в должности старшего научного сотрудника Эрмитажа. После переезда в Москву с 1935 г. Арсений Николаевич работал в Историко-археографическом институте АН СССР — впоследствии Институте истории АН СССР, где в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию. В августе того же года в связи с реорганизацией института Арсений Николаевич был направлен в распоряжение Комитета филиалов и баз АН СССР и в 1941—1942 гг. заведовал Институтом истории Туркменского филиала АН СССР. С 1942 по 1945 г. Арсений Николаевич служил в Красной Армии. В 1945 г. он защитил докторскую диссертацию и вернулся в Институт истории, где и работал до самой смерти.

В большой и многосторонней научной деятельности Арсения Николаевича два направления имеют особенно важное значение для археологии: критическая разработка источников древней Руси, главным образом летописей, и исследования по русской исторической географии. К первому относятся многочисленные работы, начиная с известной статьи о летописных сводах Тверского княжества. В связи с этой тематикой находилось систематическое обследование рукописных хранилищ Москвы, обширная работа Арсения Николаевича по публикации летописных сводов, в частности Псковских, издание Полного собрания русских летописей, редактирование сборников «Проблемы источниковедения» и других изданий.

Вторым направлением было изучение русской исторической географии, начатое Арсением Николаевичем еще в 30-х годах, и подытоженное выдающимся трудом «Русская земля» и образование территории древнерусского государства» (1951). В этом исключительном по научному значению труде впервые на огромном и достоверном материале был исследован важнейший этап в процессе образования русского государства.

Источниковедческие и историко-географические труды Арсения Николаевича широко используются и у нас и за рубежом историками, археологами, этнографами, лингвистами, специалистами в области топонимики.

Большую роль сыграли и другие исследования Арсения Николаевича. Достаточно упомянить об известной монографии «Монголы и Русь» (1940), о работах по истории Туркмении, о разделах в «Очерках истории СССР» (1955), о статьях по истории крепостных вотчин.

Для научного стиля Арсения Николаевича всегда были характерны объективность и обоснованность оценок и суждений, новизна научных приемов, строгость и четкость анализа, широта исторических обобщений.

Исключительная скромность и доброжелательность Арсения Николаевича были хорошо известны всем, кто его знал.

Сотрудники и ученики Арсения Николаевича Насонова всегда будут помнить об этом большом ученом и прекрасном человеке.

М. Витов

Е. И. АГЕЕВА

25 февраля 1965 г. в г. Алма-Ата скончалась Евгения Ивановна Агеева — старший научный сотрудник ИИАЭ Академии наук Казахской ССР.

Евгения Ивановна родилась в 1916 г. в г. Семипалатинске Казахской ССР. Рано началась ее трудовая деятельность в г. Уфе и Ленинграде. После окончания рабфака она поступила в Ленинградский государственный университет на исторический факультет, который закончила в 1941 г. Во время учения Е. И. Агеева принимала активное участие в работах Семиреченской археологической экспедиции А. Н. Бернштама. Первые ее печатные работы посвящены результатам раскопок довоенных лет на городищах Сарыг и Якалыг в Чуйской долине (МИА, 14, 1950).

В 1941 г., после окончания ЛГУ, Евгения Ивановна переехала в Алма-Ату, где первое время работала в Управлении заповедников и охраны памятников старины и в Центральном музее Казахстана, а с 1947 г. в Институте истории, археологии и этнографии АН КазахССР.

Е. И. Агеева в течение ряда лет руководила большими археологическими работами, возглавляя Южно-казахстанскую, Павлодарскую и Семиреченскую экспедиции ИИАЭ. Образцово проведенные ею раскопки на городищах Баба-Ата и Таразе дали большой и новый материал по городской культуре средневекового Казахстана. Ею также открыты и исследованы десятки курганных могильников и раскопано большое количество погребений. Эти полевые исследования позволили Евгении Ивановне внести существенный вклад в разработку важнейшей для Казахстана проблемы о взаимоотношениях кочевников и земледельцев.

Изучение древней и средневековой керамики Южного Казахстана было темой ее кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1953 г. в Гос. Эрмитаже (Тр. ИИАЭ АН КазахССР, 14, Алма-Ата, 1962).

Большую работу проделала она также и по сбору, систематизации и анализу погребальных памятников усуньского времени в Семиречье, наметив новые пути в изучении усуньской проблемы (К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. Тр. ИИАЭ, 12, Алма-Ата, 1961). Особенно велика заслуга Е. И. Агеевой в подготовке сводного труда «Археологическая карта Казахстана», которому она отдала много сил и времени. Евгения Ивановна является также одним из авторов первых глав «Истории Казахстана» (т. 1, Алма-Ата, 1957). Значительный интерес представляют статьи, посвященные истории изучения археологических памятников Казахстана с 1926 по 1949 гг. и с 1953 по 1956 гг., написанные Евгенией Ивановной лично и в соавторстве с казахстанскими археологами. Много времени и внимания уделяла Е. И. Агеева библиографической работе. Опубликованные с ее участием библиографические справочники по археологии и древней истории Казахстана являются для нас важным пособием. Особенно следует отметить «Библиографию по истории Казахстана» (вып. 1. Дореволюционный период, Алма-Ата, 1964), где перу Е. И. Агеевой принадлежит вся библиография по археологии). Всего Евгения Ивановна успела опубликовать 42 работы, освещающие многие стороны археологии и древней истории Казахстана. В ее трудах всегда сочетается скрупулезность анализа с широтой исторического обобщения. В целом они составляют крупный вклад в археологическую науку.

Е. И. Агеева была принципиальным, энергичным и общительным человеком и хорошим товарищем. Обладая большими знаниями и опытом, она всегда была готова прийти на помощь и делом и советом. *Ю. А. Заднепровский, С. С. Черников*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП — Археологічні пам'ятки Украинской РСР
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВГО — Всесоюзное Географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ВУА — Военно-ученый архив
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ГПИ — Государственный педагогический Институт
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАН Аз.ССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. Азкомстарис — Известия Азербайджанской комиссии по охране памятников старины и искусства
Изв. Аз.ФАН — Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР
ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИКДР — Сб. «История культуры Древней Руси»
ИОАИЭ — Известия Общества истории, археологии, этнографии (Казань)
ИРИ — История русского искусства
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
РФЧНИИЯЛИЭ — Рукописный фонд Чувашского научно-исследовательского Института языка, литературы, истории и этнографии
СА — Советская археология
СГУ — Саратовский Государственный Университет
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
Сообщения ГРМ — Сообщения Государственных реставрационных мастерских
СОМК — Саратовский областной музей краеведения
СЭ — Советская этнография
ТСАРАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. Абхаз. ИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, литературы, истории
» АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
» ИИ АН Кирг.ССР — » Института истории и археологии Академии наук Киргизской ССР
» ИИА АН Уз.ССР — » Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
» ИИАЭ АН Тадж.ССР — » Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР
» ИЭ — » Института этнографии
» КИЧП» — Комиссии по изучению четвертичного периода
Уч. зап. МГУ — Ученые записки Московского Государственного Университета
Уч. зап. ТПИ — Ученые записки Томского педагогического Института
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГРМ — Центральные государственные реставрационные мастерские

AA — Acta archeologica (Budapest)
AH — Archaeologia Hungarica
ABC — Antiquités du Bosphore Cimmerien
AJPA — American Journal of Physical Anthropology

AJ — The Antiquaries Journal
Arch. Anz.— Archäologischer Anzeiger
ASI — Anthropological Survey of India
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BMSAP — Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris
BSPF — Bulletin de la Société prehistorique française
EAZ — Ethnographich — Archäologische Zeitschrift
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
IosPE — Inscriptiones antiquae graecae et latinae, orae septentrionalis Ponti Euxini
OA — Opuscula ad historiam antiquam
PZ — Prähistorische zeitschrift
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
RV — Reallexicon der Vorgeschichte herausgegeben von M. Ebert
SCIV — Studii si cercetari de istorie veche
SM — Suomen musea
SMYA — Suomen muinais — muistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki
WA — Wiadomości archeologiczne. Warszawa

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Д. Я. Телегин (Киев). Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место 3
Г. Ф. Дебец (Москва). Физический тип людей днепро-донецкой культуры 14
О. Н. Евтюхова (Москва). О происхождении абашевской культуры . . . 23
А. П. Окладников (Новосибирск). Археология долины реки Зеи и Среднего Амура 32
А. А. Передольская (Ленинград). Оригинал или подделка? (По поводу луврского серебряного ритона) 42
Е. К. Максимов (Саратов). Сарматские бронзовые котлы и их изготовление 51
А. К. Амброз (Москва). О символике русской крестьянской вышивки архаического типа 61
А. И. Комеч (Москва). Рабочий метод зодчих Владимиро-Суздальского княжества XII в. 77
С. С. Чураков (Москва). Андрей Рублев и Даниил Черный 92
К 70-летию Исаака Мамед Риза оглы Джафарзаде 108
К 60-летию В. Н. Чернецова 111

Публикации

В. В. Бжания (Сухуми). Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии 113
Э. А. Сымонович (Москва). Ингульский клад 127
Е. Н. Черных (Москва). К химической характеристике металла Ингульского клада 143
Г. М. Буров (Сыктывкар). Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды 155
В. П. Шилов (Ленинград). Ушаковский курган 174
В. И. Пругло (Ленинград). Эллинистические флаконы для лекарства . . 192
В. А. Лекквинадзе (Тбилиси). Оборонительные сооружения Себастополиса 203
В. И. Козенкова (Москва). Погребальные памятники Ферганы первых веков нашей эры 211
С. О. Хан-Магомедов (Москва). Раннесредневековая Горная стена в Дагестане 227
А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов (Москва). Археологическое исследование соборной мечети (Четырехугольника) в Великих Болгарах 244

Заметки

С. К. Накельский, Н. Н. Карлов (Днепропетровск). Остатки ископаемого палеолитического человека в Среднем Приднепровье 258
П. Н. Третьяков (Ленинград). Сосуд из Борани 263
С. В. Ошибкина (Москва). Стоянка Яковлево Вологодской обл. 265
А. Ф. Дубынин (Москва). Об орнаменте грузиков Троицкого городища . . 269
Г. П. Кесаманлы, З. И. Ямпольский (Баку). Историко-археологический комплекс из с. Ибрагимгаджили Азербайджанской ССР 275
О. Ш. Исмизаде (Баку). Крепостное сооружение в Бакинской бухте . . . 277
Т. В. Равдина (Москва). Раскопки в Пинске 285
Н. П. Сычев (Москва). Фрагмент росписи 1161 г. в Успенском соборе во Владимире 291
Л. П. Папкова, Я. Г. Белик, А. П. Кононенко, О. П. Мчеделов-Петросян (Харьков). Экспериментальное исследование некоторых строительных растворов Старого Баку 292

Критика и библиография

Б. А. Фролов (Новосибирск). Зарубежная литература о содержании палеолитического искусства 297
В. В. Седов (Москва). Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья 305
Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская (Ленинград). По поводу статьи Б. А. Шелковникова «Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями» 312
А. В. Банк (Ленинград). Письмо в редакцию 315

Г. И. Вздорнов (Москва). Благовещенский собор или придел Василия Кесарийского? 317
А. Гейслер (Галле, ГДР). Письмо в редакцию 323

Хроника

В. А. Могильников (Москва). Четвертое Уральское археологическое совещание 324
А. Н. Насонов 330
Е. И. Агеева 331

SOMMAIRE

D. I. Teléguine (Kiev). Cimetières de la civilisation de Dniepr-Donetz et leur place historique 3
G. F. Debetz (Moscou). Le type phisique des nommes de la civilisation de Dniepr-Donetz 14
O. N. Evtukhova (Moscou). Sur l'origine de la civilisation abachevienne de la région de cours moyen de la Volga 23
A. P. Okladnikov (Novosibirsk). L'archéologie de la vallée de la Zéa et de cours moyen de l'Amour 32
A. A. Perédolskaïa (Léningrad). Original ou contrefaçon? (À propos du rython d'argent de Louvre) 42
E. K. Maximov (Saratov). Chaudières de bronze de Sarmates et leur confection 51
A. K. Ambroz (Moscou). Sur la symbolique de la broderie russe paysanne de type archaïque 61
A. I. Kometch (Moscou). La méthode de travail des architectes de la principauté Vladimiro-Souzdalskoïe du XIIe siècle 77
S. S. Tchourakov (Moscou). Andrey Roublev et Daniil Tcherny 92
Soixante-dixième anniversaire d'Isaak Mamed Risa ohly Djapharzadé 108
Soixantième anniversaire de V. N. Tchernétzov 111

Publications

V. V. Bjania (Soukhoumi). Campement Matcharskoïé de l'âge enéolithique et de l'âge de bronze en Abkhazie 113
E. A. Symonovitch (Moscou). Le trésor d'Ingoul 127
E. N. Tchernykh (Moscou). À la caractéristique chimique de métal du trésor d'Ingoul 144
G. M. Bourov (Syktyvkar). Trouvailles archéologiques dans les tourbières du bassin de la Vytchegda 155
V. P. Chilov (Léningrad). Tumulus d'Ouchakov 174
V. I. Prouglo (Léningrad). Flacons pour médicaments hellénistiques . . . 192
V. A. Lekvinadzé (Tbilissi). Édifices défensifs de Sébastopole (Soukhoumi) 203
V. I. Kozenkova (Moskou). Monuments funéraires de Ferghana de premiers siècles de notre ère 211
S. O. Khan-Magomedov (Moscou). Une muraille médiévale des montagnes en Daghestan 227
A. S. Voskresenski, A. P. Smirnov (Moscou). Recherche archéologique de la mosquée synodique (le Carré) à Velikiyé Bolgary 244

Notes

S. K. Nakelski, N. N. Karlov (Dniepropetrovsk). Restes d'homme paléolithique dans la région du Dniepr Moyen 258
P. N. Tretiakov (Léningrad). Un vaisseau de Boran 263
S. V. Ochibkina (Moscou). Station Iakovlevo dans la region de Vologda . . 265
A. F. Doubynine (Moscou). Sur l'ornement des plombs de gorodistché Troitskoïé 269
G. P. Kesamanly, Z. I. Iampolski (Bakou). Complexe historique-archéologique du village Ibrahimgadjili, Azerbaïdjan 275
O. Ch. Ismizadé (Bakou). Fortification dans la baie de Bakou 277
T. V. Ravdina (Moscou). Fouilles à Pinsk 285
N. P. Sytchev (Moscou). Un fragment de peinture murale de l'annee 1161 de la cathédrale Ouspenski à Vladimir 291
L. P. Papkova, I. G. Belik, A. P. Kononenko, O. P. Mtchedlov-Petrosian (Kharkov). Investigation expérimentale de quelques mortiers de construction de Stary Bakou 292

Critique et Bibliographie

B. A. **Frolov** (Novosibirsk). Littérature étrangère à propos de contenu de l'art paléolithique 297
V. V. **Sedov** (Moscou). F. D. Gourevitch. Les antiquités de la région du Niémen en Biélorussie 305
F. D. **Gourevitch, R. M. Djanpoladian, M. V. Malevskaïa** (Léningrad). À propos d'article de B. A. Chelkovnikov «Le verre russe peindu par émails du temps prémongolien» 312
A. V. **Bank** (Léningrad). Lettre à la rédaction 315
G. I. **Vzdornov** (Moscou). La cathédrale d'Annonciation ou l'autel supplémentaire de Basile de Césarie? 317
A. **Häusler** (Halle, République Démocratique Allemande). lettre à la rédaction 323

Chronique

V. A. **Moguilnikov** (Moscou). Quatrième conférence archéologique d'Oural . . 324
A. N. **Nasonov** 330
E. I. **Aguéeva** 331

ПОПРАВКА К СА. 1965, 3

В статье А. П. Рунича «О почти исчезнувшем бытовом предмете» следует читать: на стр. 221, в строке 16 сверху — XIV—XVI вв.

ПОПРАВКИ К СА, 1965, 4

В статье Б. А. Литвинского «Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы» следует читать: на стр. 267, в строке 10 сверху — парпане, в строке 20 сверху — παρικάνιοι